БЫЛОЕ

ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРІИ
ОСВОБОДИТЕЛЬНАГО ДВИЖЕНІЯ

ГОДЪ ВТОРОЙ
№ 1|13. ЯНВАРЬ 1907

ПЕТЕРБУРГЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія „Энергія“, Загородный, 17.
1907.

75249

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

1. Волненіе въ Семеновскомъ полку въ 1820 году. **В. И. Семевскаго** 1
2. Побѣгъ кн. П. А. Кропоткина. **А. И. Иванчина-Писарева** 37
3. Дѣла давно минувшихъ дней. **Л. Ф. Пантелѣева** 43
4. Липецкій и Воронежскій съѣзды. **М. Ф. Фроленко** . . 67
5. Одиннадцать дней на броненосцѣ „Князь Потемкинъ-Таврическій". **А. Коваленко** 88
6. Воспоминанія народовольца. **А. Баха** 117
7. Формы и результаты аграрнаго движенія въ 1906 году. **С. Н. Прокоповича** 155
8. Изъ далекаго прошлаго. **О. Кафіеро-Кутузовой** 178
9. Молодость „отца Митрофана". **М. К. Лемке** 188
10. Незабвенныя мысли незабвенныхъ людей. (*Изъ исторіи реакціи 60-хъ годовъ*). Сообщилъ **П. Гуревичъ** 236
11. На волосъ отъ казни (воспоминанія матери). **С. А. Савинковой** 247
12. Летучая типографія „Народной Воли" въ 1883 году. **М. П. Шебалина** 272
13. Дѣло о преступной пропогандѣ въ средѣ петербургскихъ рабочихъ (1881 г.) 288
14. Письма въ редакцію: **А. С. Борейши**, **А. П. Прибылевой—Корбы** и **А. В. Прибылева** 295
15. Историческая библіографія: 1. *А. Я. Ефименко*. Исторія украинскаго народа. **С. Ф. Русовой**. 2. Дешевыя изданія А. И. Герцена. **Книголюбца**. 3. *К. Пажитновъ*. Рабочее движеніе въ Россіи. 4. *А. С. Пругавинъ*. Монастырскія тюрьмы въ борьбѣ съ сектантствомъ. **Ю. Лавриновича**.

СТР.

5. *Н. К. Кольцевъ.* Памяти павшихъ. **Бороздина**. 6. *В. Чертковъ.* Русскіе студенты въ освободительномъ движеніи. **Сергѣя Св.** 7. *Панъ.* Изъ недавняго революціоннаго движенія. **М. Ольминскаго** 300
16. Книги и другія изданія, поступившія въ редакцію 314
17. **Матеріалы, документы и мелкія замѣтки.** (Украинская прокламація 1847 года—36. Любопытный доносъ.—87.—Одна изъ жертвъ движенія 70-хъ годовъ. **Старика**—114.—Къ празднованію 1-го мая въ русской Польшѣ. **Плохоцкаго**.—148.—Рѣдчайшее революціонное изданіе начала шестидесятыхъ годовъ „Земля и Воля“.—151.—Приведеніе въ исполненіе приговора надъ Петрашевскимъ и др. осужденными—по донесеніямъ агентовъ III отдѣленія—154.—Письмо В. К. Плеве гр. М. Т. Лорисъ-Меликову.—234.—Письмо Ѳ. М. Достоевскаго Э. И. Тотлебену—243).
18. Объявленія 321

Къ этой книгѣ приложены портреты: А. В. Якимовой (Кобозевой), Іосафата Огрызко, Н. Н. Колоткевича и П. А. Муханова.

Въ надписи подъ портретомъ Колоткевича вкралась ошибка: напечатано Николай Ивановичъ; слѣдуетъ читать — Николай Николаевичъ.

На 1907 годъ
открыта подписка на историческій журналъ
„БЫЛОЕ“.

Журналъ—внѣпартійный и посвященный исторіи освободительнаго движенія—издается подъ редакціей **В. Я. Яковлева-Богучарскаго** и **П. Е. Щеголева** при ближайшемъ участіи **В. Л. Бурцева** по слѣдующей программѣ.

Статьи и изслѣдованія по исторіи освободительнаго движенія въ Россіи.

Біографіи дѣятелей движенія, воспоминанія о нихъ, ихъ собственные мемуары, дневники, письма, статьи, стихотворенія и проч.

Документы и другіе матеріалы, касающіеся движенія.

Отдѣльные факты и эпизоды изъ исторіи движенія.

Историческая библіографія.

Въ „Быломъ“ за 1906 годъ были помѣщены, между прочимъ, слѣдующія статьи: **В. П. Акимовъ-Махновецъ** — 1-е мая въ Россіи. **М. А. Антоновичъ**—Арестъ Чернышевскаго. **М. Ю. Ашенбреннеръ** — Двадцать лѣтъ въ Шлис. тюрьмѣ и Военная организація пар. Нар. Воли. **В. Я. Богучарскій**—1-е марта—3 апрѣля 1881 года и Событіе 1 марта и Н. К. Михайловскій. **В. Л. Бурцевъ** — Сѣверно-русскій рабочій Союзъ. **И. П. Бѣлоконскій** — Изъ воспомин. объ **А. И. Желябовѣ**. **А. И. Бяловескій**—Изъ прошлаго. **П. И. Вейнбергъ**—4 апрѣля 1866 года. **Н. А. Виташевскій** — Первое вооруженное сопротивленіе, первый военный судъ и Централка. **И. И. Волковъ**—Народов. пропаганда среди москов. рабочихъ въ 1881 году. **М. О. Гершензонъ** — Къ характеристикѣ Чаадаева и Семья декабристовъ. **Герасимовъ**—Питомецъ воспитательнаго дома. **Дж. Гильомъ** — М. А. Бакунинъ. **М. Р. Гоцъ**—С. В. Зубатовъ. **Н. Л. Геккеръ**—Политич. каторга на Карѣ. **Х. Г. Гринбергъ-Конъ**—Къ процессу Ковальскаго. **Л. Я. Гуревичъ**—Народ. движ. въ Петербургѣ 9 января 1905 года. **И. С. Джабадари**—Въ неволѣ. **М. П. Драгомановъ**—Автобіографія. **Д—чъ**—Арестъ Нечаева. **В. С. Илличъ-Свитычъ**—Мое знакомство съ Ковальскимъ. **С. А. Ивановъ**—Изъ воспоминаній о 1881 г. и Возникновеніе и паденіе Дурноселовки. **С. А. Иванова-Борейша** — Воспоминанія о Перовской и Первая типографія Народной Воли. **М. В. Корольковъ**—Поручикъ Кречетовъ—шлис. узникъ XVIII вѣка. **Ф. Я. Конъ** - У подножія висѣлицы. **М. К. Лемке** — Дѣла бр. Критскихъ, Михайлова, Писарева, Чернышевскаго, Серно-Соловьевича и др. **О. С. Любатовичъ**—Далекое и Недавнее. **Н. А. Морозовъ**—Изъ Шлис. мотивовъ (стих.). **И. Л. Манучаровъ**—Мой процессъ и Эпизодъ изъ жизни въ Шлис. крѣп. **Маклецова-Дегаева**—Судейкинъ и Дегаевъ. **О. С. Миноръ**—Якутская драма 1889 г. **Н. Я. Николадзе**—Освобожденіе Чернышевскаго. **М. В. Новорусскій** — Въ Шлиссельб. крѣпости. **Надинъ** — Стрѣльниковскій процессъ. **Г. Ф. Осмоловскій**—Карійская трагедія. **М. Р. Поповъ**—Къ біографіи И. Н. Мышкина и Земля и Воля наканунѣ Воронеж. съѣзда. **В. С. Панкратовъ**—Изъ дѣятельности среди рабочихъ въ 1881—1884 гг. **А. П. Прибылева-Корба**. С. П. Дегаевъ—

По поводу письма Исп. К-та къ Александру III и Къ портрету Желябова **Плохоцкій**—Польская партія „Пролетаріатъ“ и „Пролетаріатъ“ передъ судомъ. **З. Ралли** — С. Г. Нечаевъ. **С. Ф. Русова** — Мартынъ Лангансъ. **Н. Р.**— Событіе 1 марта и Н. В. Шелгуновъ. **В. И. Семевскій**—Вопросъ о преобразованіи госуд. строя въ Россіи въ XVIII и первой четверти XIX вѣка. **Н. Сильванскій**—Пестель предъ Верх. Угол. судомъ. **Д. В. Стасовъ** — Каракозовскій процессъ. **А. А. Спандони**—Страница изъ воспоминаній. **Л. С.**—Изъ воспоминаній студента-солдата. **С. А. Савинкова** — Годы скорби. **С. С. Синегубъ** — Воспоминанія чайковца. **В. А. Старосельскій**—Крестьянское движеніе въ Кутаисской губерніи. **Старикъ**—Движеніе 70-хъ годовъ по Большому процессу (193-хъ). **М. Н. Тригони**—Мой арестъ въ 1881 году и Послѣ Шлиссельбурга. **Е. В. Тарле**—Самодержавіе Николая I-го и франц. обществ. мнѣніе. **Н. А. Танъ** — Коронація въ Колымскѣ. **А. В. Тырковъ**—Къ событію 1 марта 1881 года. **М. Ф. Фроленко**—Милость и Побѣгъ Алеши Поповича. **В. Н. Фигнеръ**—Шлиссельб. узница Л. А. Волкенштейнъ. **А. Р. Хирьяковъ** - Событіе 1 марта и Л. Н. Толстой. **М. Н. Чернышевскій**—Къ дѣлу Н. Г. Чернышевскаго. **П. Е. Щеголевъ**—П. Г. Каховскій, Сем. Олейничукъ, Событіе 1 марта и В. С. Соловьевъ, Эпизодъ изъ жизни Бѣлинскаго. **В. Е. Якушкинъ**—Изъ бумагъ декабриста Якушкина.

Кромѣ того были помѣщены неизданныя произведенія Герцена, Шевченко, Лермонтова, Никитина, Огарева, Поливанова, Саблина и др. Письма Чернышевскаго, Тургенева, Салтыкова, Бакунина, Петрашевскаго, Желябова, Зотова, Гаусмана, Коганъ-Бернштейна и мн. др.; Матеріалы (между прочимъ отчеты о процессахъ 20-ти и 17 народовольцевъ), рѣдчайшія революціонныя изданія и др. документы, характеризующіе освободительное движеніе.

Въ 1907 году между многими другими статьями будутъ напечатаны:

М. Ю. Ашенбреннеръ—Воспоминанія (60-ые и 70-ые годы); **А. Бахъ**—Воспоминанія народовольца; **В. Я. Богучарскій**—Декабристъ М. С. Лунинъ; **В. Л. Бурцевъ**—Изъ воспоминаній; **И. П. Бѣлоконскій**—Земское движеніе до образованія „Союза Освобожденія“; **В. А. Вейнштокъ**—Акатуевскій рудникъ; **М. О. Гершензонъ**—Западные друзья Герцена; **В. С. Голубевъ** — Государственная Дума 1906 года; **В А. Даниловъ** -- Изъ воспоминаній; **С. А. Жебуневъ** — Изъ воспоминаній; **Н. И. Іорданскій**—Миссія П. С. Ванновскаго; **Коваленко**—11 дней на „Потемкинѣ“; **Е. Д. Кускова**—Политическія партіи въ 1906 году; **Платонъ Лебедевъ**—Красные дни въ Нижнемъ Новгородѣ; **М. К. Лемке**—Процессы Сунгурова, Блюммера, Головина, кн. Долгорукова и др. (по неизданнымъ архивнымъ даннымъ); **Е. Е. Лазаревъ**—Гавайскій сенаторъ; **А. О. Лукашевичъ**—Въ народъ!; **И. Л. Манучаровъ**—Изъ Шлиссельбурга на Сахалинъ; **Н. А. Морозовъ**.—Изъ воспоминаній; **Э. К. Пекарскій**—Рабочій Петръ Алексѣевъ (изъ воспоминаній); **П. Н. Переверзевъ**—Экспедиція генерала Ренненкампфа; **М. Р. Поповъ**—Изъ моего революціоннаго прошлаго; **А. С. Пругавинъ** — Декабристъ въ монаст. тюрьмѣ. **Л. Ф. Пантелѣевъ**—Дѣла давно минувшихъ дней (арестъ, ссылка и пр.); **З. Ралли**—Изъ воспоминаній о Драгомановѣ и Бакунинѣ; **И. А. Рубановичъ** — Дѣло Гоца въ Италіи и Савицкаго во Франціи; **С. Г. Сватиковъ**— Очерки по исторіи студенческаго движенія; **В. И. Семевскій**—Волненія въ л.-гв. Семеновскомъ полку въ 1820 году; **Е. П. Семеновъ**. Народовольческіе кружки въ Одессѣ; **Э. А. Серебряковъ** — Революціонеры во флотѣ; **С. Сомовъ**—Рабочее движеніе въ Петербургѣ въ 1906 году; **Н. П. Стародворскій**—Дегаевъ и Судейкинъ. Изъ воспоминаній; **П. Б. Струве**—Заграничный журналъ „Освобожденіе“ (изъ моихъ воспоминаній); **Е. В. Тарле**—Каннингъ и Николай Тургеневъ;—Герценъ и газета Прудона; **Н. А. Танъ**—Послѣдній періодъ „Народной Воли“ **Л. Ш.**—Страница изъ исторіи идейныхъ теченій въ „Народной Волѣ“. **П. Е. Щеголевъ** — Агитаціонная литература декабристовъ; — Конецъ императора

Павла (историческое разслѣдованіе); **Ф. Л. Ястржембскій**—Записки петрашевца; Записки **императора Николая I** о 14 декабря, неизданныя произведенія **А. И. Герцена** и др.

Будутъ напечатаны также: „Сводъ указаній данныхъ нѣкоторыми изъ арестованныхъ по дѣламъ о госуд. преступленіяхъ“ (полностью); Докладъ (оффиціальный) о дѣлѣ В. И. Засуличъ; Разгромъ тверского земства (извлеченіе изъ доклада г-на Штюрмера); Къ исторіи русской „конституціи“ (оффиціальные матеріалы и документы); Обзоры по дѣламъ политическимъ за разные годы (изъ изданій д-та полиціи); Отчеты о процессахъ, не бывшіе въ печати (дѣло 1 марта 1887 г., военныхъ кружковъ 1887 и др.); рѣдчайшія революціонныя изданія, письма разныхъ общественныхъ дѣятелей, документы и очерки по исторіи освободительнаго движенія послѣднихъ двухъ лѣтъ, и т. д.

Журналъ будетъ выходить по прежнему ежемѣсячно, книжками въ 20 печатныхъ листовъ каждая.

Въ журналѣ помѣщаются — на отдѣльныхъ листахъ и въ текстѣ — портреты дѣятелей, факсимиле, рисунки, имѣющіе отношеніе къ исторіи движенія.

Цѣна съ пересылкой и доставкой: на годъ (съ 1 янв. по 1 янв.)—**8** руб.; на $^1/_2$ года (съ 1 янв. по 1 іюля)—**4** руб; на $^1/_4$ года (съ 1 янв. по 1 апр.)—**2** руб. Перемѣна адреса—**30** коп. (При перемѣнѣ адреса контора проситъ подписчиковъ сообщать старый адресъ, внесенную сумму и срокъ подписки). Книжные магазины при подпискѣ получаютъ 5% скидки.

Цѣна отдѣльной книжки въ книжныхъ магазинахъ—**1** руб., для покупающихъ въ конторѣ—**85** коп., для выписывающихъ изъ конторы—**1** р. **10** коп. съ пересылкой. Книжнымъ магазинамъ на отдѣльныя книжки—30% скидки.

Подписка принимается въ конторѣ журнала—(ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 9 до 4 час. дня)—**С.-Петербургъ**, **Лиговская ул., 44** и въ отдѣленіяхъ книгоиздательства „Донская Рѣчь“—въ **Москвѣ** (Срѣтенка, Ащеуловъ переулокъ, 13), **Кіевѣ** (Крещатикъ, 27), **Ростовѣ на Д.** (Казанская, 42) и **Одессѣ** (Колодезный пер., 13).

Вниманію заграничныхъ подписчиковъ. Въ виду интересовъ заграничныхъ подписчиковъ, контора журнала „Былое“ проситъ ихъ подписываться не черезъ контору, а черезъ ихъ мѣстное (заграничное) учрежденіе. При этомъ способѣ подписки годовой экз. журн. будетъ, стоитъ только **8** р. **50** к. вмѣсто тепереш. **10** р. Кромѣ того, выгода подписчиковъ будетъ та, что журналъ будетъ получаться аккуратнѣе. Новый способъ подписки начнется съ 1-го января 1907 г., при чемъ будетъ приниматься подписка на годъ и по четвертямъ года.

Редакція помѣщается въ **С.-Петербургѣ** на **Знаменской ул. д. 19.**

Личныя объясненія съ редакторами—по понед., вторн., четверг., пятницамъ (кромѣ праздниковъ) отъ 3 до 5 час. дня.

Редакторы { **В. Я. Богучарскій,** **П. Е. Щеголевъ.**

Издатель **Н. Е. Парамоновъ.**

Имѣются въ небольшомъ количествѣ комплекты „Былого“ за 1906 годъ.

ЖУРНАЛЪ
„РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА“

Адресъ редакціи и конторы: Лиговская ул., д. № 44.

Вышли №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 и 11. Въ нихъ помѣщены:

1) „Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ“. Сборникъ извлеченныхъ изъ офиціальныхъ изданій правительственныхъ сообщеній. Составленъ подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго). ТОМЪ ПЕРВЫЙ.** 1825—1876 г. Цѣна **1** р. **50** к.

2) „Матеріалы для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи въ 60-хъ годахъ“. **ПЕРВОЕ** приложеніе къ сборникамъ „Государственныя преступленія въ Россіи“. Подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго).** Цѣна **75** к.

3) „Процессъ 16 террористовъ“, подъ редакціею и съ примѣчаніями **В. Л. Бурцева.** Цѣна **60** к.

4) „Былое“—журналъ, издававшійся **ЗА ГРАНИЦЕЮ** подъ редакціею **В. Л. Бурцева.** Выпускъ I. (1900—1902 г.). Съ пред. **В. Я. Богучарскаго.** Цѣна **50** к.

5) „Былое“—журналъ, издававшійся **ЗА ГРАНИЦЕЮ** подъ редакціею **В. Л. Бурцева.** Выпускъ 2-й. Цѣна **50** к.

6) „Государственныя преступленія въ Россіи“. **ТОМЪ ВТОРОЙ.** Подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго).** (*1877 г.* **Дѣло о демонстраціи на Казанской площади, процессъ 50-ти и др.**). Цѣна **1** р.

7) „Государственныя преступленія въ Россіи“. Сбор. подъ ред. **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго). ТОМЪ ТРЕТІЙ.** (*1877 г.* **Процесссъ 193-хъ и др.**). Ц. **1** р.

8) „Революціонная журналистика 70-хъ годовъ“, **ВТОРОЕ** приложеніе къ сборникамъ „Государственныя преступленія въ Россіи“. Подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго).** Ц. 1 р.

9) „Литература партіи Народной Воли“. **ТРЕТЬЕ** приложеніе къ сборникамъ „Государственныя преступленія въ Россіи“. Подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго).** Выпускъ первый. Ц. 1 р.

11) Процессъ 20-ти народовол. въ 1882 году. Съ предисловіемъ **В. Я. Богучарскаго.** Ц. 30 к.

Печатаются:

10) Литература партіи Народной Воли. Выпускъ второй.

12) Убійство императора Павла. (Разсказы современниковъ).

13) Пестель, его жизнь и дѣятельность. Біографическій очеркъ. **Н. П. Павлова-Сильванскаго.**

14) А. Д. Михайловъ. Матеріалы для біографіи. Съ пред. **В. Л. Бурцева.**

15) А. И. Желябовъ и С. Л. Перовская (матеріалы для біографіи). Съ предисловіемъ **В. Л. Бурцева.**

Готовится къ печати—рядъ другихъ изданій по исторіи освободительнаго движенія въ Россіи.

Вышедшія изданія продаются въ конторѣ журнала и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

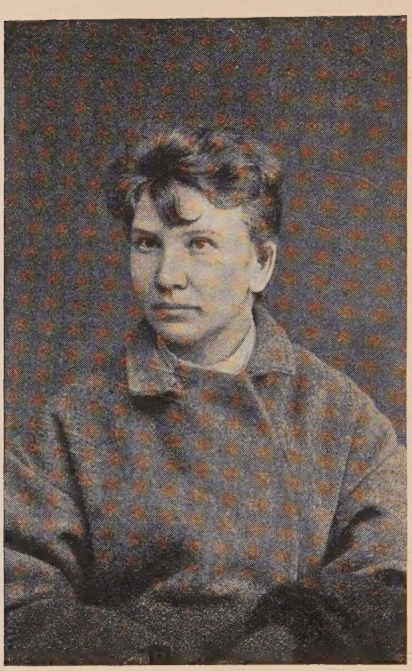
Лица, подписавшіяся на „Государственныя преступленія въ Россіи“ на условіяхъ, объявленныхъ въ декабрѣ 1905 года, получатъ за внесенную ими плату **первый, второй и третій** тома „Государств. преступленій“ и **три** тома приложеній къ нимъ. („Матер. для исторіи револ. движенія въ 60-хъ годахъ“, „Революц. журналистика 70-хъ годовъ“ и „Литература партіи Народной Воли“). Всего **шесть** томовъ.

Всѣ остальныя изданія „Русской исторической Библіотеки“ пріобрѣтаются не путемъ подписки на нихъ, а каждое особо.

Редакторъ **К. В. Сперанская.** Издательница **А. И. Парамонова.**

Digitized by the Internet Archive
in 2023

https://archive.org/details/byloe-1906_1907-01_13_0



Анна Васильевна
ЯКИМОВА (КОБОЗЕВА).

Съ карточки, снятой въ 1887 году.

Волненіе въ Семеновскомъ полку въ 1820 г.[1])

I.

Въ исторіи освободительнаго движенія въ Россіи въ первой четверти XIX вѣка огромную роль сыграло пребываніе русскихъ войскъ за границей послѣ изгнанія Наполеона изъ предѣловъ Россіи. Объ этомъ свидѣтельствуютъ декабристы въ своихъ воспоминаніяхъ и показаніяхъ во время слѣдствія, а также и другіе современники. Развитіе политическаго міросозерцанія очень многихъ членовъ тайнаго общества начинается именно со времени этого пребыванія за границей. Многіе изъ нихъ лишь послѣ заграничнаго похода стали читать книги по политическимъ вопросамъ, на нѣкоторыхъ произвели впечатлѣніе воззванія союзныхъ державъ 1813 г., предлагавшія народамъ Германіи представительное правленіе; на другихъ еще болѣе сильное вліяніе имѣло непосредственное наблюденіе представительныхъ учрежденій Англіи, Франціи и другихъ странъ.

Понятно, что офицеры, побывавшіе за границей, возвратились въ Россію совершенно перерожденными. Н. И. Тургеневъ, пріѣхавшій въ Петербургъ въ концѣ 1816 г., говоритъ, что лица, возвратившіяся въ этотъ городъ послѣ отсутствія въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, «выражали величайшее удивленіе при видѣ измѣненія», совершившагося въ молодежи: «она какъ будто пробудилась къ новой жизни, чтобы вдохновляться всѣмъ, что есть благороднаго и чистаго въ нравственной и политической атмосферѣ. Гвардейскіе офицеры особенно привлекали вниманіе свободою и смѣлостью своихъ сужденій, мало заботясь о томъ, говорили ли они въ публичномъ мѣстѣ или въ гостинной, были ли ихъ слушатели сторонниками или противниками ихъ взглядовъ». Членъ Южнаго Тайнаго Общества Басаргинъ свидѣтельствуетъ въ своихъ запискахъ, что «многіе молодые люди, возвратившіеся послѣ кампаніи изъ заграницы, большей частью военные, внесли съ собой новыя идеи, начали серьезно думать о положеніи Россіи и прилагать къ ней теоріи общественныхъ учрежденій или существующихъ уже въ другихъ государствахъ», или описанныхъ въ

---

[1]) Очеркъ этотъ составленъ на основаніи какъ печатныхъ, такъ и неизданныхъ источниковъ: весьма многіе документы заимствованы мною изъ бумагъ покойнаго академика Н. Ѳ. Дубровина, хранящихся въ библіотекѣ Академіи Наукъ.

замѣчательныхъ политическихъ твореніяхъ тогдашняго времени». М. А. фонъ-Визинъ указываетъ на то, что «въ походахъ по Германіи и Франціи наши молодые люди ознакомились съ европейскою цивилизаціею, которая произвела на нихъ тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе, что они могли сравнивать все видѣнное ими заграницею съ тѣмъ, что имъ на всякомъ шагу представлялось на родинѣ,—рабство огромнаго безправнаго большинства русскихъ, жестокое обращеніе начальниковъ съ подчиненными, всякаго рода злоупотребленія власти, повсюду царствующій произволъ,—все это возмущало и приводило въ негодованіе образованныхъ русскихъ и ихъ патріотическое чувство. Многіе изъ нихъ познакомились въ походѣ съ германскими офицерами—членами прусскаго... союза (Tugendbund)... и съ французскими либералами. Въ откровенныхъ бесѣдахъ съ ними наши молодые люди нечувствительно усвоили свободный образъ мыслей и стремленіе къ конституціоннымъ учрежденіямъ, стыдясь за Россію, такъ глубоко униженную самовластіемъ».

Очень важно то, какъ это было замѣчено современниками, что защита Россіи отъ полчищъ Наполеона, а затѣмъ еще болѣе пребываніе русскихъ войскъ за границей имѣло благотворное вліяніе на солдатъ. По словамъ Якушкина, «война 1812 г. пробудила народъ русскій къ жизни... Даже между солдатами не было уже безсмысленныхъ орудій; каждый чувствовалъ, что онъ призванъ содѣйствовать въ великомъ дѣлѣ». Тургеневъ обращаетъ вниманіе на то, что за границей побывали не только регулярныя войска, но и большія массы милиціи: «эти милиціонеры всѣхъ ранговъ, возвратившись домой къ своимъ очагамъ, разсказывали то, что они видѣли въ Европѣ.... это была настоящая пропаганда». По словамъ барона Розена, «и часть солдатъ заразилась французскимъ ядомъ и желала для себя такого же обхожденія, къ какому она привыкла во Франціи». Завалишинъ говоритъ: «войска наши прошли до Парижа, и не только образованное офицерство, но и простые солдаты не могли уже избѣгнуть вліянія тѣхъ новыхъ условій, въ которыхъ находились они въ теченіе войны 1813, 1814 и 1815 г.г., равно какъ и во время долгаго» (до 1818 г.) «пребыванія нашего войска во Франціи». Гречъ въ своихъ запискахъ сравниваетъ вліяніе Франціи на нашихъ военныхъ съ вліяніемъ Сѣверной Америки на французскихъ генераловъ и офицеровъ въ послѣдней четверти XVIII вѣка. «Не только офицеры, но и нижніе чины гвардіи набрались заморскаго духа»; они видѣли, что иностранныя войска «пользуются бо́льшими льготами, бо́льшимъ уваженіемъ»; это не могло не возбудить ихъ соревнованія. Гречъ въ 1816 г. присутствовалъ на обѣдѣ, данномъ одною масонскою ложей гвардейскимъ фельдфебелямъ и унтеръ-офицерамъ. Они держали себя съ чувствомъ собственнаго достоинства, нѣкоторые вставляли въ свою рѣчь французскія фразы.

Что на солдатъ, побывавшихъ за границей, пребываніе тамъ имѣло сильное развивающее вліяніе, видно и изъ бесѣды министра внутреннихъ дѣлъ Кочубея съ извѣстнымъ писателемъ В. Н. Каразинымъ 27 октября 1820 г., т. е. черезъ 10 дней послѣ исторіи въ Семеновскомъ полку, о которой мы будемъ говорить ниже. Каразинъ докла-

дывалъ министру: «Солдаты, возвратившіеся изъ заграницы, а наипаче служившіе въ корпусѣ, во Франціи находившемся, возвратились съ мыслями совсѣмъ новыми и распространяли оныя при переходѣ своемъ или на мѣстахъ, гдѣ они квартируютъ... Люди начали больше разсуждать. Судятъ, что трудно служить, что большія взысканія, что они мало получаютъ жалованья, что наказываютъ ихъ строго и проч.» На вопросъ Кочубея, могутъ ли быть между солдатами такіе, которые рѣшились бы взять на себя обязанности начальниковъ при какомъ либо возмущеніи, Каразинъ отвѣчалъ: «Кто знаетъ! Между солдатами есть люди весьма умные, знающіе грамотѣ. Много есть солдатъ изъ бойкихъ семинаристовъ, за дурное поведеніе въ военную службу отданныхъ. Есть.... и изъ дворовыхъ весьма острые и свѣдущіе люди, есть управители, стряпчіе и прочіе изъ господскихъ людей, которые за дурное поведеніе или за злоупотребленіе отданы въ рекруты. Они такъ, какъ и всѣ, читаютъ журналы и газеты. Справьтесь, сколько нынѣ расходится экземпляровъ Инвалида и другихъ журналовъ въ сравненіи прошедшаго времени. Притомъ печатаютъ въ журналахъ иногда разныя вещи весьма неосмотрительно.»

Наиболѣе передовымъ изъ гвардейскихъ полковъ былъ Семеновскій, любимый полкъ государя. Онъ состоялъ изъ офицеровъ большею частью образованныхъ, исполненныхъ самыхъ благородныхъ стремленій. Заграничный походъ сблизилъ ихъ съ солдатами.

Въ 1815 г. въ Семеновскомъ полку устроилась артель: человѣкъ 15—20 офицеровъ завели обѣды въ складчину; впрочемъ обѣдали не одни члены артели, а и всѣ тѣ, которымъ по обязанностямъ службы приходилось цѣлые дни проводить въ полку. Послѣ обѣда одни играли въ шахматы, другіе громко читали иностранныя газеты. Командиръ Семеновскаго полка, ген. Потемкинъ, человѣкъ весьма добрый, покровительствовалъ офицерской артели; однако, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ имп. Александръ приказалъ уничтожить ее, сказавъ, что «такого рода сборища офицеровъ ему очень не нравятся».

Преслѣдованіе невинной, гласной артели могло быть однимъ изъ поводовъ къ устройству тайнаго общества, хотя, конечно, причины учрежденія его были гораздо болѣе серьезны. Не далѣе, какъ въ слѣдующемъ 1816 г., былъ основанъ въ Петербургѣ «Союзъ Спасенія» или «истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества», причемъ изъ шести его основателей 4 (кн. С. П. Трубецкой, И. Д. Якушкинъ, С. И. и М. И. Муравьевы-Апостолы) были офицерами Семеновскаго полка. Изъ числа вскорѣ присоединившихся членовъ кн. Ѳ. П. Шаховской, сдѣланный секретаремъ Союза, былъ также семеновецъ.

Во время пребыванія государя въ Москвѣ въ 1817—1818 г.г., первые батальоны гвардейской пѣхоты (въ томъ числѣ и Семеновскаго полка) и первые дивизіоны гвардейской кавалеріи были переведены въ Москву. (Здѣсь происходило собраніе членовъ тайнаго общества, на которомъ Якушкинъ вызывался убить государя). Въ числѣ другихъ офицеровъ Семеновскаго полка въ Москвѣ находились: кн. Щербатовъ, Вадковскій, С. И. Муравьевъ-Апостолъ (всѣ трое ротные командиры), кн. Шаховской и М. И. Муравьевъ-Апостолъ (двое первыхъ не были членами тайнаго общества). Они возмущались злоупо-

требленіями въ войскахъ и тѣми жестокостями, которыя допускались относительно солдатъ и рѣшили въ своемъ батальонѣ совершенно уничтожить тѣлесныя наказанія.

Нужно замѣтить, что имп. Александръ въ первые годы своего царствованія желалъ сдѣлать жестокія тѣлесныя наказанія въ войскахъ по крайней мѣрѣ менѣе частыми. Въ 1804 г. въ секретномъ приказѣ инспектору кавалеріи Боуру государь обращалъ его вниманіе на то, что грабежъ, воровство, обманъ, «неповиновеніе командиру, оплошность на караулѣ», небрежное отношеніе къ аммуниціи, отлучка безъ позволенія, трусость относительно непріятеля требуютъ неизбѣжнаго наказанія, но ошибки въ ружейныхъ пріемахъ, въ маршированіи, въ рапортованіи, особенно недавно поступившихъ на службу солдатъ, должны вызывать скорѣе вниманіе со стороны офицера, чѣмъ строгость, которая въ этихъ случаяхъ вредна для службы, такъ какъ «частыя безразсудныя наказанія» вредятъ здоровью солдатъ, а «ежеминутное ожиданіе палочныхъ ударовъ» лишь вызываетъ замѣшательство и постоянныя ошибки. Не говоря уже о томъ, что и это повелѣніе предоставляло широкій просторъ въ наказаніяхъ за неповиновеніе командиру, «небреженіе ружья и аммуниціи», воля государя, какъ это сплошь и рядомъ бывало при бюрократически-самодержавномъ режимѣ, оказывалась безсильной, и суровое истязаніе солдатъ продолжалось. Недаромъ въ виршахъ подъ заглавіемъ «Жизнь солдатская», ходившихъ по рукамъ, солдатъ такъ описываетъ свое положеніе: «Я отечеству защита, а спина всегда избита. Я отечеству ограда, въ тычкахъ-пинкахъ вся награда. Кто солдата больше бьетъ, и чины тотъ достаетъ». Многіе офицеры были настолько развращены своей властью надъ солдатами, что находили въ ихъ истязаніи особое удовольствіе и какъ бы родъ спорта. Въ 1802 г. въ Курскѣ двое офицеровъ держали пари на 500 рублей, что одинъ солдатъ выдержитъ 1000 палокъ и не упадетъ. Солдатъ согласился на это за синенькую, т. е. пяти-рублевую ассигнацію, и штофъ водки. Одному свидѣтелю этой сцены, удивившемуся такой готовности, онъ пояснилъ, что все равно наказали бы «даромъ». Истязаніе на этотъ разъ было отмѣнено только по просьбѣ дамъ.

Такіе порядки и до 1812 года вызывали иногда протестъ даже въ спеціальной военной литературѣ: «Еще и по нынѣ», читаемъ мы въ «Военномъ Журналѣ» 1810 г., «водится въ нѣкоторыхъ полкахъ не жестокость и не тиранство, но что-то на сіе похожее и едва-ли сносное, а болѣе за ученье... Остались въ полкахъ слѣды такъ называемыхъ *бравыхъ капитановъ*, которые однимъ тиранствомъ заслужили имя бдительнаго и попечительнаго ротнаго начальника... Поколачиваютъ безъ содроганія».

Въ томъ же 1810 г. военный министръ Барклай-де-Толли, обративъ вниманіе на увеличеніе въ войскѣ болѣзненности и смертности, особымъ циркуляромъ указалъ генераламъ на закоренѣлое обыкновеніе «всю науку, дисциплину и воинскій порядокъ основывать на тѣлесномъ и жестокомъ наказаніи; были даже примѣры, что офицеры обращались съ солдатами безчеловѣчно». Но эти предписанія не достигали цѣли и еще болѣе стали предаваться забвенію съ уси-

леніемъ въ Александрѣ I парадоманіи и любви къ муштровкѣ солдатъ во вторую половину его царствованія.

Любители тѣлесныхъ наказаній были до похода за границу въ 1813—1815 г.г. и въ Семеновскомъ полку, несмотря на то, что въ немъ, по свидѣтельству Якушкина, «кругъ офицеровъ почитался тогда лучшимъ во всей гвардіи». Когда собирались нѣкоторые изъ батальонныхъ и ротныхъ командировъ, между ними нерѣдко происходили пренія о томъ, какъ полезнѣе наказывать солдатъ: понемногу, но часто, или рѣдко, но мѣтко. И одинъ батальонный командиръ, баронъ Дамасъ, бывшій впослѣдствіи во Франціи при Карлѣ X министромъ иностранныхъ дѣлъ, держался того мнѣнія, что должно наказывать рѣдко, но вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не давать солдату менѣе 200 палокъ. Нужно замѣтить, что такое жестокое наказаніе вызывалось не только дурнымъ поведеніемъ вообще, но иногда самымъ ничтожнымъ проступкомъ по службѣ и даже какимъ нибудь промахомъ во время фронтового ученія.

По возвращеніи войскъ изъ продолжительнаго заграничнаго похода такіе порядки начали измѣняться. [1]). Командиръ 37 егерскаго полка М. А. фонъ-Визинъ, извѣстный декабристъ, уже къ 1817 г. совершенно вывелъ изъ употребленія у себя палку. Сдѣланный вслѣдъ за тѣмъ командиромъ 38 егерскаго полка, онъ и тамъ рѣшительно запретилъ ее употреблять при ученіяхъ. Названные выше офицеры перваго батальона Семеновскаго полка по возвращеніи изъ Москвы добились того, что примѣненіе палки во всемъ полку было почти совершенно уничтожено; этому содѣйствовалъ полковой командиръ Потемкинъ, тѣмъ охотнѣе, что солдаты вели себя очень хорошо.

Иногда сами солдаты умѣли постоять за себя. Въ апрѣлѣ 1820 г. разыгралась такая исторія въ одномъ изъ гвардейскихъ полковъ. Офицеръ Павловскаго полка отнималъ всѣ деньги у солдатъ, а когда они потребовали ихъ у него, чтобы разговѣться, онъ хотѣлъ ихъ бить, но солдаты не дались и принесли жалобу. Шефу полка былъ сдѣланъ выговоръ, офицеръ переведенъ въ армію, и солдаты не подверглись никакому наказанію, что вызвало большое удивленіе Н. И. Тургенева, который, сообщая объ этомъ происшествіи своему брату Сергѣю, замѣтилъ, что «обыкновенно солдатъ и въ сихъ случаяхъ бьютъ». [2]).

---

[1]) Гр. Витгенштейнъ въ предписаніи, данномъ изъ Митавы, отъ 14 іюля 1817 г. г. л. Гельфрейху запрещаетъ наказывать тѣлесно нижнихъ чиновъ за ученіе, „особливо же такимъ жестокимъ образомъ, какимъ оно часто дѣлается. Мнѣніе, будто у нихъ нѣтъ честолюбія и будто бы одни побои на нихъ дѣйствуютъ, есть самое несправедливое и съ истиною не согласное; я самъ командовалъ“, говоритъ Витгенштейнъ, „девять лѣтъ полкомъ и знаю, что можно легко довести цѣлый полкъ до того, что онъ превосходнымъ образомъ учиться будетъ, не употребляя сихъ жестокихъ наказаній“. Въ предписаніи названы 3 штабъ-офицера, которые всегда слѣдовали этимъ правиламъ, остальнымъ же приказывалось соблюдать ихъ подъ угрозою неослабленнаго взысканія.

[2]) Въ первой половинѣ 1820-хъ годовъ декабристъ Бѣляевъ слышалъ такую солдатскую сказку: солдатъ продалъ свою душу черту, чтобы онъ выслужилъ за него срокъ; но скоро черту отъ палокъ, розогъ и солдатской службы пришлось такъ жутко, что онъ бросилъ къ ногамъ солдата аммуницію и отказался отъ его души, чтобы только самому освободиться отъ службы.

Въ 1810 г. офицеры Семеновскаго полка основали полковую библіотеку; въ 1815 г. библіотекаремъ былъ выбранъ полковой казначей, извѣстный впослѣдствіи декабристъ, кн. С. П. Трубецкой, который исполнялъ эту обязанность три года. Учрежденіе библіотеки не вызвало гоненія со стороны государя; напротивъ онъ дважды посѣтилъ ее и сдѣлалъ нѣкоторое пожертвованіе картами и книгами. Эта библіотека должна была сыграть извѣстную роль въ распространеніи среди семеновскихъ офицеровъ либеральныхъ идей, такъ какъ есть свидѣтельство, что въ полкахъ Преображенскомъ и Семеновскомъ «были богатыя *политическія* библіотеки».

Въ русскомъ корпусѣ, оставленномъ послѣ 1815 г. на время во Франціи и которымъ командовалъ кн. М. С. Воронцовъ, кромѣ обыкновенныхъ школъ были устроены четыре ланкастерскихъ училища, или школы взаимнаго обученія, для чего въ Мобёжѣ было напечатано въ 1817 г. и особое руководство, составляющее сокращенный переводъ съ французскаго языка. Въ іюнѣ 1818 г. вел. князь Михаилъ Павловичъ осматривалъ школы въ Мобёжѣ, въ которой учились 300 русскихъ солдатъ, и остался ею очень доволенъ, узнавъ, что многіе солдаты въ три мѣсяца выучивались очень хорошо читать и писать. Первое время имп. Александръ интересовался ланкастерскими школами и сочувствовалъ ихъ учрежденію. Въ сентябрѣ 1818 г. Н. И. Тургеневъ посѣтилъ ланкастерскую школу въ военно-сиротскомъ отдѣленіи въ Петербургѣ и вынесъ изъ нея благопріятное впечатлѣніе. Ученіе велось тамъ по таблицамъ, присланнымъ изъ Парижа С. И. Тургеневымъ или привезеннымъ Гречемъ. Но у насъ съумѣли внести и свои «усовершенствованія» въ систему Бэля и Ланкастера: «заставили учениковъ вертѣться кругомъ, топать, ходить въ нитку и въ ногу» и т. п. Въ концѣ 1818 г. Н. И. Гречу было поручено устройство центральной школы для обученія солдатъ гвардейскаго корпуса. Школа помѣщалась въ просторныхъ залахъ казармъ л. гв. Павловскаго полка, и въ нее набраны были ученики (до 250 человѣкъ) изъ всѣхъ полковъ гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ. Въ числѣ ихъ было нѣсколько грамотныхъ унтеръ-офицеровъ, которые и сдѣланы были учителями. Начальникомъ школы былъ назначенъ штабсъ-капитанъ гвардейскаго генеральнаго штаба Бурцовъ, который именно около этого времени былъ принятъ въ члены Союза Благоденствія. Въ концѣ второго мѣсяца солдаты выучивались читать, многіе порядочно писали. Однажды неожиданно пріѣхалъ начальникъ главнаго штаба кн. П. М. Волконскій, осмотрѣлъ школу съ явнымъ неудовольствіемъ и сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній Бурцову за несоблюденіе солдатами формы. Бурцовъ вскорѣ послѣ этого перешелъ на службу во вторую армію къ П. Д. Киселеву. Въ іюлѣ 1819 г. школу посѣтилъ Александръ I и остался очень доволенъ ею. По утвержденному государемъ положенію, изданному въ мартѣ 1820 г., предполагалось устроить училище на 100 человѣкъ въ каждомъ пѣхотномъ полку, на 50 въ каждомъ кавалерійскомъ полку, отдѣльномъ батальонѣ и артиллерійской бригадѣ. Предполагалось, что всѣ эти училища вмѣстятъ 2150 человѣкъ. Въ нихъ должно было происходить взаимное обученіе чтенію, письму и первымъ правиламъ ариѳметики. Для

образованія и управленія училищами должны были употребляться преимущественно офицеры и солдаты, обученные въ школѣ гвардейскаго корпуса; при каждой школѣ назначался инспекторъ изъ офицеровъ полка и кромѣ того, по усмотрѣнію командира гвардейскаго корпуса,— директоръ всѣхъ гвардейскихъ училищъ взаимнаго обученія. Такимъ директоромъ былъ назначенъ Гречъ. Прежде всего школы взаимнаго обученія были учреждены въ Преображенскомъ, Московскомъ, Егерскомъ и Кавалергардскомъ полкахъ. Затѣмъ заведены были 2 училища солдатскихъ дочерей полковъ гвардіи. Школа для солдатъ въ Семеновскомъ полку была только подготовлена, но открытой она должна была быть въ началѣ 1821 г.

Одною изъ самыхъ тяжелыхъ сторонъ солдатской службы была ея крайняя продолжительность—25-ти лѣтній срокъ безпорочной службы, кромѣ взятыхъ въ солдаты однодворцевъ, малороссійскихъ казаковъ, войсковыхъ обывателей Слободской Украйны и Новороссіи, военныхъ поселянъ и дѣтей пахотныхъ солдатъ, которые получали отставку чрезъ 15 лѣтъ; штрафные солдаты должны были служить безсрочно. Въ 1811 г., согласно съ желаніемъ императора, комитетъ, состоящій изъ предсѣдателей государственнаго совѣта и его департаментовъ, одобрилъ предложеніе Мордвинова уменьшить срокъ службы для солдатъ до 12 лѣтъ, но это осталось неосуществленнымъ въ виду угрожающей войны. Въ 1818 г. обычный срокъ службы былъ уменьшенъ для нижнихъ чиновъ гвардіи до 22 лѣтъ.

Гвардейскимъ нижнимъ чинамъ въ 1802—1809 г.г. было назначено слѣдующее годовое жалованье: унтеръ-офицерамъ отъ 57 до 61 р. (въ Кавалергардскомъ полку—81 р.), рядовымъ отъ 13 до 22 р., кромѣ того именинныхъ денегъ по 3 р. на человѣка въ годъ; а кавалергарды на младшемъ окладѣ получали—25 р., на старшемъ окладѣ—60 р.

Большимъ подспорьемъ для улучшенія быта нижнихъ чиновъ было разрѣшеніе ходить на вольныя работы. Еще въ царствованіе имп. Павла иногда дозволялось солдатамъ пользоваться такъ называемыми «высочайше узаконенными выгодами»; но это бывало рѣдко. Съ 1805 г. право заниматься вольными работами было утверждено закономъ. Ежегодно для нихъ предоставлялись мѣсяца полтора или два послѣ смотра, который государь производилъ въ концѣ іюня. Наиболѣе бѣдныхъ солдатъ увольняли на работы и въ другое время; это называлось тогда «дать поправиться», такъ что на вопросъ начальника, гдѣ такой-то, обыкновенно отвѣчали: «поправляется». Во время каникулъ каждый уходилъ туда, гдѣ пріискивалъ себѣ работу. Но въ 1806 г. было приказано увольнять не иначе, какъ артелями при унтеръ-офицерѣ. Передъ кампаніей 1812 г. предписано было увольнять на работу во всякое свободное время, и для этого разрѣшалось давать каждому батальону два-три свободныхъ дня въ недѣлю. По возвращеніи изъ-за границы артельныя суммы оказались весьма малыми, вслѣдствіе чего было признано необходимымъ при отправленіи на вольныя работы часть заработка удерживать въ артель. Во время полныхъ отдыховъ солдатамъ разрѣшалось брать работы гуртовыя; кромѣ того каждый изъ нихъ въ свободные отъ службы дни съ раз-

рѣшенія ротнаго командира могъ искать себѣ отхожей работы, но только въ чертѣ города [1]).

Въ 1818 г. государь приказалъ запретить нижнимъ чинамъ гвардейскаго корпуса ходить въ кабаки, такъ какъ они вслѣдствіе этого попадались на улицѣ въ непристойномъ видѣ, и ихъ забирали въ полицію. Предписано было избрать солдатъ, заслуживающихъ довѣрія товарищей, и выдать имъ билеты на покупку вина и «раздачу» его нижнимъ чинамъ своей роты, а остальнымъ, не имѣющимъ билетовъ, запретить ходить въ питейные дома. Сначала брали вино ведрами, по мѣрѣ надобности, потомъ ротные командиры во многихъ гвардейскихъ полкахъ, во избѣжаніе частыхъ посылокъ, приказали брать его куфами (ушатами, чанами) и выручать деньги продажей вина въ ротахъ. Полиція не смѣла въ это вмѣшиваться, а претензія откупщиковъ была отвергнута. Такимъ образомъ ежемѣсячно получалась значительная прибыль, которая шла на улучшеніе пищи (въ Семеновскомъ полку, какъ свидѣтельствуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ офицеръ этого полка Рачинскій, солдаты имѣли всегда говядину или рыбу, кашу съ масломъ и винную порцію), артельныя же деньги такимъ образомъ значительно сберегались, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ указываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Гангебловъ, возможность сообща побесѣдовать за чаркой вина о тяжести службы, усиливало оппозиціонное настроеніе солдатъ.

II.

При описаніи волненія въ Семеновскомъ полку въ 1820 г. намъ часто придется встрѣчаться съ именемъ И. В. Васильчикова, командира гвардейскаго корпуса, и потому необходимо сказать о немъ нѣсколько словъ. Несмотря на серьезныя ошибки, которыя сдѣлалъ Васильчиковъ во время семеновской исторіи, нельзя не признать, что это былъ далеко не изъ худшихъ представителей высшихъ военныхъ чиновъ; уже одно то, что онъ принадлежалъ къ числу лицъ, не любившихъ Аракчеева, и въ свою очередь имъ ненавидимыхъ, говоритъ въ его пользу. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, въ отношеніяхъ съ вел. кн. Николаемъ Павловичемъ, пользовавшимся въ войскахъ вполнѣ заслуженной ненавистью, Васильчиковъ, какъ его начальникъ по службѣ, умѣлъ иногда обнаружить самостоятельность: такъ, онъ заставилъ его извиниться передъ любимцемъ солдатъ командиромъ Егерскаго полка ген. Бистромомъ, котораго вел. князь оскорбилъ грубымъ выговоромъ [2]).

---

[1]) Въ началѣ 1818 г. командиръ Семеновскаго полка Потемкинъ велѣлъ расчистить огородныя мѣста и предоставить ихъ въ пользу солдатъ, вслѣдствіе чего каждая рота выручала отъ 500 до 550 рублей.

[2]) Въ началѣ 1820-хъ годовъ Николаю Павловичу также пришлось извиниться предъ офицеромъ л. г. егерскаго полка В. С. Норовымъ, котораго онъ грубо оскорбилъ. Но за то, когда Норовъ былъ привлеченъ къ дѣлу о тайномъ обществѣ декабристовъ, имп. Николай, послѣ двухлѣтняго заключенія въ казематахъ Петропавловской и Свеаборгской крѣпостей, выдержалъ его до 1835 г. на земляныхъ работахъ въ Бобруйской крѣпости, а затѣмъ отправилъ солдатомъ на Кавказъ.

Весьма незадолго до волненія въ Семеновскомъ полку, въ Измайловскомъ разразилась слѣдующая исторія, которая дала поводъ Васильчикову высказать нѣсколько любопытныхъ для его характеристики соображеній. Николай Павловичъ, бывшій бригаднымъ командиромъ, производилъ (въ концѣ августа или началѣ сентября 1820 г.) ученіе въ Измайловскомъ полку. Оставшись недовольнымъ маршированіемъ офицеровъ, вел. кн. приказалъ полковому командиру Мартынову заставить ихъ учиться, и тотъ велѣлъ имъ маршировать на плацу тихимъ шагомъ въ три пріема, въ присутствіи солдатъ; это оскорбило офицеровъ, и они рѣшили подать въ отставку. Тогда Мартыновъ просилъ офицеровъ остаться на службѣ, а чтобы выразить начальству скорбь полка за обидныя для него дѣйствія вел. кн., онъ самъ былъ готовъ выйти въ отставку. Офицеры отказались отъ своего намѣренія и просили его служить вмѣстѣ съ ними [1]).

Въ письмѣ къ сопровождавшему имп. Александра за-границу начальнику главнаго штаба кн. П. М. Волконскому Васильчиковъ возлагалъ всю вину за столкновеніе на Мартынова, хотя въ письмѣ къ Николаю Павловичу онъ винилъ вел. кн. въ горячности. Но когда Волконскій высказалъ мысль, что не слѣдуетъ обращать вниманія «на такихъ людей» (т. е. офицеровъ Измайловскаго полка), «которые рѣшаются осуждать поведеніе своихъ начальниковъ», то Васильчиковъ нашелъ въ своей головѣ нѣсколько болѣе разумныхъ, по крайней мѣрѣ съ тогдашней военной точки зрѣнія, мыслей: «Гдѣ же найти людей», отвѣчалъ онъ 8 октября 1820 г. Волконскому (письма Васильчикова читалъ и императоръ), «которыхъ можно было вести по звуку барабана, не давъ имъ времени поразмыслить о томъ, что ихъ заставляютъ дѣлать? Повѣрьте мнѣ, не будемъ заходить слишкомъ далеко съ нашими правилами о строгости; единственное средство хорошо служить нашему монарху—требовать только разумнаго и тогда уже наказывать безъ всякаго милосердія тѣхъ, которые разсуждаютъ; но если начальникъ позволяетъ себѣ обращаться съ офицерами, какъ съ деньщиками, не щадя ихъ самолюбія, то очень просто, что они оскорбляются; это я непрестанно повторяю нашимъ полковымъ командирамъ; всѣ меня понимаютъ, за исключеніемъ тѣхъ, дальновидность которыхъ въ военномъ отношеніи ограничивается вытягиваніемъ носковъ солдатъ. Что касается до сравненія, которое вы проводите между нашимъ взглядомъ на дѣло со взглядомъ нынѣшнихъ молодыхъ людей, то причину такого явленія надо искать въ различіи времени: немногіе изъ насъ читали тогда газеты, никто не говорилъ о политикѣ, служили утромъ и веселились вечеромъ; теперь же Петербургъ сдѣлался монастыремъ... Что вы хотите, чтобы молодые люди дѣлали цѣлый день?... они ищутъ въ томъ, что происходитъ вокругъ нихъ, матеріалъ для занятій; вслѣдствіе этого и возникаютъ разсужденія о политикѣ, идеи о конституціи». Василь-

---

[1]) И позднѣе вел. кн. Николай Павловичъ отличался самымъ грубымъ обращеніемъ съ офицерами: въ 1825 г., какъ разсказываетъ декабристъ Розенъ, онъ обозвалъ финляндскихъ офицеровъ свиньями, требовалъ, чтобы они занимались службою, а не философіей, такъ какъ онъ терпѣть не можетъ философіи, и грозилъ всѣхъ „философовъ“ вогнать въ чахотку.

чиковъ, разумѣется, находилъ, что эти идеи «ни къ селу, ни къ городу», забывая, что самъ государь обѣщалъ въ варшавской рѣчи распространить со временемъ конституціонный строй и на Россію. Мы видимъ тутъ человѣка, проникнутаго мыслью о необходимости самой строгой военной дисциплины, но, по крайней мѣрѣ, желающаго требовать «только разумнаго». Но Васильчиковъ могъ иногда высказывать болѣе или менѣе правильныя мысли лишь въ защиту офицеровъ, отъ солдатъ же онъ требовалъ только повиновенія безъ всякихъ разсужденій, и потому въ исторіи, которая разыгралась въ Семеновскомъ полку, онъ оказался совершенно не на высотѣ положенія. На важныхъ обвиненіяхъ противъ Васильчикова по поводу этой исторіи намъ придется остановиться далѣе, теперь же напомнимъ одинъ эпизодъ, отношеніе къ которому рисуетъ его взглядъ на дѣла, находящіяся внѣ сферы чисто военнаго міросозерцанія.

Когда въ томъ же 1820 г., о событіяхъ котораго мы говоримъ теперь, кн. М. С. Воронцовъ и кн. А. С. Меншиковъ согласились принять участіе въ устройствѣ общества съ цѣлью освобожденія крестьянъ, то Васильчиковъ также изъявилъ на это согласіе и подписалъ записку, предложенную ему кн. Меншиковымъ, въ составленіи которой участвовалъ Н. И. Тургеневъ, какъ видно изъ бумагъ его архива. Однако, Васильчиковъ, по выраженію Тургенева, «взбѣсился хамобѣсіемъ», на другой день взялъ назадъ свою подпись и былъ, какъ полагаютъ, главной причиной неудачи этого предпріятія. Въ письмѣ къ Меншикову Васильчиковъ объяснялъ свое поведеніе тѣмъ, что, безъ его на то согласія, подъ запиской собирались подписи, тогда какъ однимъ изъ условій его участія въ дѣлѣ была «глубочайшая тайна,»— и вдругъ «весь городъ объ этомъ говоритъ и указываетъ на г. Каразина, какъ на главнаго двигателя этого общества». Такимъ образомъ для Васильчикова даже Каразинъ казался какимъ то ужаснымъ вольнодумцемъ. Такой взглядъ на Каразина Васильчиковъ выразилъ и въ письмѣ къ имп. Александру отъ 26 ноября 1820 г., послѣ происшествія въ Семеновскомъ полку: «За Каразинымъ слѣдитъ полиція. По моему мнѣнію, онъ здѣсь самый опасный человѣкъ: онъ уменъ и подъ личиной безграничной преданности къ особѣ Вашего Императорскаго Величества можетъ служить нашимъ врагамъ». Этотъ отзывъ обнаруживаетъ полное отсутствіе проницательности, очень характерное для Васильчикова: недаромъ Рылѣевъ нашелъ, что природа надѣлила его «ограниченнымъ умомъ».

Въ іюлѣ 1819 г. командиромъ первой гвардейской пѣхотной бригады (полки: Преображенскій, Семеновскій и Егерскій) былъ назначенъ вел. кн. Михаилъ Павловичъ. По словамъ Николая Павловича, онъ и его братъ получили «бѣдное образованіе». Главнымъ развлеченіемъ для нихъ въ дѣтствѣ служили игры въ оловянные и фарфоровые солдатики и другія игрушки, напоминавшія о военной службѣ. Иногда, подражая часовымъ, они по цѣлымъ часамъ стояли на часахъ, и, по преданію, даже по ночамъ вскакивали съ постелей, чтобы хоть немножко постоять съ алебардой или ружьемъ на плечѣ. Очень хорошую характеристику вел. кн. Михаила Павловича даетъ въ своихъ запискахъ Вигель: «Ничего ни письменнаго, ни печатнаго

онъ съ малолѣтства не любилъ. Но при достаточномъ умѣ, съ живымъ воображеніемъ, любилъ онъ играть въ слова и въ солдатики: каламбуры его извѣстны всей Россіи. Отъ гражданской службы имѣлъ совершенное отвращеніе, пренебрегалъ ею и полагалъ, что военный порядокъ достаточенъ для государственнаго управленія. Самое высокое понятіе имѣлъ онъ о военной іерархіи, такъ что званіе начальника полка, бригады, а кольми паче корпуса или арміи гораздо болѣе льстило его самолюбію, чѣмъ великокняжескій санъ его... Онъ создалъ себѣ идеалъ совершенства строевой службы и не могъ понять, какъ всѣ подчиненные его не стремятся» къ его осуществленію. «Передъ фронтомъ былъ онъ безпощаденъ, а въ частной жизни былъ добросердеченъ, сострадателенъ, щедръ, особенно же къ жертвамъ своимъ—офицерамъ и солдатамъ. Сдѣлавшись начальникомъ бригады, въ которой находился Семеновскій полкъ, онъ съ крайнимъ неудовольствіемъ смотрѣлъ на щеголеватыя формы офицеровъ сего полка.» Оффиціальный историкъ Семеновскаго полка, Диринъ, говоритъ о Михаилѣ Павловичѣ: «строгій, взыскательный по службѣ, онъ однимъ своимъ видомъ наводилъ страхъ на всѣхъ». Несмотря на привычку выражаться осторожно о братѣ государя, современные генералы не скрываютъ и своего неблагопріятнаго отношенія, и общей нелюбви къ нему. На собственноручныхъ письменныхъ запросахъ имп. Александра Васильчиковъ отмѣчаетъ карандашемъ: «по несчастью великаго князя не любятъ», а въ письмѣ къ государю онъ завертываетъ ту же мысль въ фразу царедворца: «вел. кн. Михаилъ Павловичъ, одаренный прекраснымъ сердцемъ и имѣющій самыя благія намѣренія, по неопытности своей долженъ быть руководимъ въ служебныхъ дѣлахъ». Въ письмѣ къ Волконскому отъ 26 ноября 1820 г. Закревскій писалъ: «Не могу скрыть отъ Васъ, что оба великіе князья здѣсь вообще, какъ я слышу, нелюбимы. Причины этого не умѣю Вамъ сказать, а полагаю... неопытность и неумѣніе обращаться съ ихъ подчиненными прилично ихъ званію, особенно же ихъ довѣріе къ людямъ, которые сего не заслуживаютъ и которые дѣлаютъ имъ болѣе вреда своими совѣтами, нежели пользы».

Самъ государь въ это время все болѣе проникался реакціонными стремленіями, которыя въ отношеніи къ войску выражались усиленнымъ вниманіемъ къ фронтовой муштровкѣ [1]). Видя, что и въ военную среду начинаютъ проникать либеральныя идеи, онъ рѣшилъ, что называется, подтянуть войска. 30 марта 1820 года А. А. Закревскій писалъ Киселеву: «Признаться тебѣ долженъ, что не понимаю нынѣшняго назначенія полковыхъ командировъ... въ гвардіи: въ Семеновскомъ—Шварцъ, въ Преображенскомъ будетъ Пирхъ, въ Из-

---

[1]) В. Н. Каразинъ въ своемъ дневникѣ въ 1817 г. записалъ: „Вчера... былъ у насъ разговоръ о пристрастіи государя къ строямъ и ученью войскъ. Кто то увѣрялъ, будто Е. В. въ Царскомъ Селѣ иногда по цѣлому дню бьется надъ солдатомъ (однимъ порознь), обучая лично. Я не могъ не улыбнуться, но вдругъ пришла мысль, которою я и возразилъ этимъ господамъ. Вспомните... Людовиковъ и даже нѣмецкихъ разнаго рода князьковъ, которые цѣлые дни рыскали на травлѣ; нынѣшній австрійскій императоръ, сказываютъ, занимается вырѣзываніемъ изъ бумаги птичекъ, звѣрьковъ и другихъ фигурокъ. Право, нашъ въ тысячу разъ выше.“

майловскомъ—Мартыновъ, въ Московскомъ—Фридериксъ, а въ лейбъ-гренадерскомъ—Стюрлеръ. Я говорилъ о семъ Васильчикову, и онъ мнѣ ничего не могъ отвѣчать, кромѣ—что государю угодно. Ни въ чье командованіе корпусомъ гвардейскимъ не назначали такихъ командировъ, какъ теперь, и полагаю, что съ сего времени гвардія будетъ во всѣхъ отношеніяхъ упадать, кромѣ ногъ, на кои особенное вниманіе обращаютъ. Скажи же по совѣсти, что̀ ноги безъ головы, куда же годятся... Я думаю, что никогда не должно было такъ заниматься, какъ теперь, гвардіей и имѣть хорошихъ начальниковъ, къ которымъ бы имѣли уваженіе. Война—и гвардія наша будетъ пренесчастная». Все это понималъ даже Закревскій, самъ вовсе не бывшій свѣтлой головой, знаменитый впослѣдствіи при Николаѣ своимъ реакціоннымъ направленіемъ московскій генералъ-губернаторъ.

Но сила времени была такова, что перечисленные полковые командиры, которыхъ и Закревскій признавалъ никуда негодными, иногда выказывали нѣкоторую самостоятельность. Мы видѣли, что Мартыновъ, котораго Васильчиковъ считалъ глупымъ человѣкомъ, готовъ былъ выйти въ отставку, когда офицеры Измайловскаго полка почувствовали себя оскорбленными его распоряженіемъ, сдѣланнымъ по приказанію в. к. Николая Павловича. Пирхъ возмутился, когда Бенкендорфъ, начальникъ штаба гвардейскаго корпуса, сталъ предлагать ему слѣдить за поведеніемъ и образомъ мыслей офицеровъ. Васильчиковъ такъ передаетъ это столкновеніе кн. Волконскому, начальнику главнаго штаба, въ письмѣ отъ 15-го октября 1820 года, т. е. передъ самой семеновской исторіей. Бенкендорфъ сказалъ Пирху, что всѣмъ начальникамъ необходимо знать, какія общества посѣщаютъ подчиненные ему офицеры, и предложилъ ему съ этой цѣлью свою помощь (въ это время еще не была оффиціально учреждена тайная полиція при гвардейскомъ корпусѣ—она была устроена лишь послѣ Семеновской исторіи,—но уже были агенты, слѣдившіе за офицерами и солдатами). Бенкендорфъ просилъ Пирха прислать только списокъ тѣхъ офицеровъ, за которыми онъ найдетъ нужнымъ наблюдать. Но Пирхъ отправилъ Бенкендорфу письмо, въ которомъ высказалъ, что «во время правленія монарха, подобнаго нашему, личностей подобныхъ Квирога и Пэпэ» (Квирога—извѣстный испанскій, Пэпэ—неаполитанскій революціонеры) «существовать не можетъ», и что онъ отвѣчаетъ за направленіе своихъ офицеровъ. Когда слухи объ этой перепискѣ распространились по городу, Васильчиковъ сдѣлалъ Пирху строгій выговоръ.

Одинъ изъ полковыхъ командировъ, о которомъ неодобрительно отзывался Закревскій въ письмѣ къ Киселеву, былъ полковникъ Шварцъ, человѣкъ совершенно необразованный (собственноручныя письма Шварца поражаютъ своей безграмотностью); онъ замѣнилъ въ Семеновскомъ полку Потемкина и былъ окончательно назначенъ 11-го апрѣля 1820 года. Назначеніе его приписывали Аракчееву, который говаривалъ: «надо выбить дурь изъ головы этихъ молодчиковъ» [1]).

---

[1]) Въ 1809—1815 гг. Шварцъ служилъ въ Гренадерскомъ, имени графа Аракчеева, полку.

Говорятъ, что когда былъ назначенъ командиромъ первой гвардейской бригады в. кн. Михаилъ Павловичъ, Аракчеевъ однажды воспользовался его неудовольствіемъ противъ Семеновскихъ офицеровъ, чтобы убѣдить въ необходимости, въ видахъ исправленія полка, назначить его командиромъ полковника Шварца.

Черезъ двѣ недѣли по принятіи полка, въ приказѣ 1-го мая 1820 года, Шварцъ объявилъ, что въ немъ дурно все, а между тѣмъ въ тотъ же день командиръ бригады, в. кн. Михаилъ Павловичъ, далъ самый лестный отзывъ о полку по поводу майскаго парада. Случилось, впрочемъ, что и самъ онъ, довольный ученіемъ, говорилъ: «я недостоинъ командовать Семеновскимъ полкомъ; полкъ отличный, мнѣ нечего исправлять въ немъ». Тѣмъ не менѣе, Шварцъ круто измѣнилъ прежніе порядки: ни одинъ солдатъ не слыхалъ отъ него привѣтливаго слова. Офицеры также имѣли полное основаніе быть имъ недовольными. Приказанія и распоряженія онъ дѣлалъ черезъ фельдфебелей, которыхъ созывалъ къ себѣ по нѣсколько разъ въ день, а иногда даже черезъ нихъ передавалъ замѣчанія ротнымъ командирамъ. Это заставило послѣднихъ приказать своимъ фельдфебелямъ давать знать каждый разъ, когда ихъ потребуютъ къ полковнику, и ротные командиры стали являться къ нему вмѣстѣ съ фельдфебелями, но это не нравилось Шварцу. Отстранивъ ротныхъ командировъ, Шварцъ такимъ образомъ уменьшилъ ихъ вліяніе и, стремясь къ усиленію дисциплины, въ сущности ослабилъ ее, какъ это обнаружилось во время волненій.

Кромѣ общихъ и одиночныхъ фрунтовыхъ ученій, полковой командиръ производилъ еще смотры по десяткамъ. Приказомъ 20-го мая Шварцъ предписалъ представлять ему ежедневно по утру на смотръ по десяти человѣкъ въ полной аммуниціи, а позднѣе осенью приводили къ нему и по два, и по четыре десятка. Кромѣ фрунтовой выправки, усиленное вниманіе Шварца было обращено на чистоту одежды, и въ этомъ отношеніи его требовательность превосходила всякую мѣру. Людей, замѣченныхъ въ малѣйшей неисправности, въ тотъ же или слѣдующій день приводили на вторичный смотръ. Смотры эти требовали подготовленія еще наканунѣ; производились они утромъ и, вернувшись съ нихъ, солдаты отправлялись еще на ротныя ученія. Шварцъ утверждалъ впослѣдствіи, будто бы онъ не зналъ этого, и полагалъ, что бывшіе на смотру увольнялись отъ ученій. Но это оправданіе ложно, такъ какъ баталіонные командиры, для облегченія нижнихъ чиновъ, нѣсколько разъ просили его объ отмѣнѣ десяточнаго смотра, на что Шварцъ иногда соглашался.

Тяжесть фрунтовыхъ и другихъ ученій увеличивалась неудобной формой. «Сжатый и стянутый тѣснымъ мундиромъ, узкими панталонами и крагами изъ твердой, какъ дерево, кожи, по бокамъ которыхъ былъ цѣлый рядъ пуговицъ, застегивавшихся не иначе, какъ съ помощью желѣзнаго крючка, съ высокимъ киверомъ, державшимся на головѣ только посредствомъ чешуйчатыхъ ремней, туго затянутыхъ подъ подбородкомъ,—бѣдный солдатъ былъ стѣсненъ въ движеніяхъ и часто задыхался отъ крѣпко натянутыхъ на груди ранцевыхъ ремней, туго перехватывавшихъ скатанную и перекинутую

черезъ плечо шинель. Легко себѣ представить», какъ при такихъ условіяхъ «были мучительны продолжительныя ученія, во время которыхъ Шварцъ не любилъ давать отдыха и часто заставлялъ три часа сряду маршировать тихимъ шагомъ весь батальонъ, или какой-нибудь взводъ, не угодившій ему». Мундтъ, разсказывающій это, назначенъ былъ ординарцемъ къ Михаилу Павловичу: «цѣлыхъ двѣ недѣли», говоритъ онъ, «я долженъ былъ каждый день подходить къ Шварцу, и онъ только тогда послалъ меня на ординарцы, когда я успѣлъ добиться того, что могъ подойти, не разливъ полнаго стакана воды, поставленнаго мнѣ на киверъ».

Вскорѣ послѣ вступленія въ командованіе полкомъ (въ приказѣ 18-го мая) Шварцъ предписалъ, чтобы нижніе чины не покупали ни на собственный счетъ, ни изъ артельныхъ суммъ аммуниціи и одежды, но затѣмъ его требовательность относительно безукоризненной чистоты и исправности повела къ тому, что солдатамъ многія вещи пришлось покупать на собственныя деньги.

Позднѣе во время допроса солдаты показали, что всѣми своими начальниками довольны, но были отягощены полковымъ командиромъ, не имѣли покоя ни въ будни, ни въ праздники. Утромъ они были на ученьи, а иногда и послѣ обѣда; остальное время бѣлили и чистили аммуницію и одѣвали людей на смотръ къ полковому командиру, такъ какъ ежедневно съ каждой роты по четыре десятка ходили къ нему въ полной аммуниціи, отбѣленной начисто, по парадному въ зимнихъ панталонахъ, да еще шеренгами водили къ Шварцу на смотръ.

Одѣваніемъ и чисткой аммуниціи занята была не малая часть роты, и если что нибудь на нѣкоторыхъ изъ нихъ полковому командиру не нравилось, то онъ приказывалъ тѣмъ же десяткамъ являться въ другой разъ, вслѣдствіе чего нерѣдко они проводили все остальное время дня и ночи за чисткой и пригонкой аммуниціи. Въ воскресные дни тѣмъ ротамъ, которыя были назначены къ церковному параду, полковой командиръ дѣлалъ ученіе часа два и болѣе и распускалъ тогда, когда обѣдня приходила къ концу и даже была окончена. Отъ частаго бѣленія зимнія панталоны истерлись и изорвались, «не брали уже въ себя мѣлу», и нельзя было ихъ такъ выбѣлить, какъ требовалъ командиръ, а у кого не такъ были выбѣлены или было что не хорошо, то тѣхъ «страшно иногда наказывалъ». Поэтому многіе принуждены были купить на свои деньги панталоны, нѣкоторые—краги (накладныя голенища съ пуговицами), передѣлывали на свои деньги кивера. Полковой командиръ далъ новый образецъ, какъ вытягивать кутасы (шнурки и плетушки на киверѣ) и перебирать на «подобіе гребня»; много за этимъ вытягиваніемъ было работы при всякой чисткѣ, а старые кутасы при этомъ рвались и нельзя было ихъ такъ вытягивать и перебирать, поэтому многіе купили на свой счетъ новые. Полковому командиру не понравились купленныя ими рукавицы, и они купили новыя. Данъ былъ образецъ сапогъ двухшовныхъ, а казенный товаръ отпускался съ отрѣзными головками, изъ котораго такихъ сапогъ нельзя было сшить,—многіе и сапоги завели на свой счетъ. Купили также новые затяжныя пряжки, по данному образцу, ремни для затягиванія талій и новыя подтяжки: «мы бы и всѣ рады

искупить все то,—показывали солдаты,—что желалъ полковой командиръ, чтобы угодить ему, нежели понести такое несчастіе, да денегъ намъ было достать не въ возможности, ибо намъ невозможно было почти никогда ходить на вольную работу. Въ то время, когда въ прочихъ полкахъ ученіе не производилось, а отпускали всѣхъ нижнихъ чиновъ на работу, а въ нашемъ полку все производилось ученіе и смотры, и мы никогда почти не имѣли времени что-нибудь себѣ заработать: на клей, на мѣлъ, на баню, на мыло, ни въ артель на пищу, ни на другія необходимыя издержки».—«Для покупокъ» требуемыхъ по службѣ вещей «нѣкоторые собственныя свои, и даже рубашки продавали». Солдаты, не имѣвшіе усовъ, должны были наклеивать фальшивые какимъ-то составомъ, отъ котораго на лицѣ дѣлались болячки и чирья.

Несмотря на всѣ эти старанія, все-же иной разъ не угождали не только Шварцу, но и бригадному командиру, в. кн. Михаилу Павловичу. Въ приказѣ отъ 7-го сентября 1820 года послѣдній далъ такой выговоръ: «Къ крайнему моему удивленію и неудовольствію я нашелъ сего числа разводъ 1-го баталіона л.-гв. Семеновскаго полка такъ нехорошъ, что я давно подобнаго не видалъ: 1) Во всемъ баталіонѣ примѣтна была большая вялость, шевеленіе подъ ружьемъ и люди казались всѣ заспанными» (этому удивляться нечего, такъ какъ мы видѣли, что солдатамъ приходилось заниматься по ночамъ чисткой и пригонкой одежды и аммуниціи). «2) При прохожденіи церемоніальнымъ маршемъ необычайная качка въ тѣлѣ и неравенство въ плечахъ. 3) Вообще разводъ былъ дурно и неопрятно одѣтъ, а особливо вторая фузелерная рота, въ которой даже аммуниція вовсе не вычищена и панталоны не вымыты, не подтянуты». Ротному командиру этой роты объявленъ былъ строгій выговоръ, и по смѣнѣ съ карауловъ батальонъ велѣно было вывести на ученіе «въ примѣръ прочимъ».

По даннымъ, заявленнымъ ими во время слѣдствія, солдаты одного 1-го батальона Семеновскаго полка на покупку и поправку мундировъ, панталонъ, полусапожковъ, темляковъ, рукавицъ, кутасовъ, крагъ, чешуй, подтяжекъ, киверовъ, галуновъ, султановъ и пряжекъ истратили 9,977 руб., по признанію же коммиссіи—3,622 рубля.

Такимъ образомъ солдаты для удовлетворенія требовательности Шварца тратили свои деньги, а между тѣмъ они были стѣснены въ вольныхъ работахъ. 9-го іюля отданъ былъ приказъ по корпусу, чтобы до перваго сентября люди отпускались на вольныя работы въ свободное отъ службы время. Шварцъ позволилъ ротнымъ камандирамъ увольнять на эти работы по одному взводу и послѣ перваго сентября, но только на однѣ гуртовыя, а не одиночныя, и при томъ не иначе, какъ вмѣстѣ съ унтеръ-офицерами; оставшимся же взводамъ велѣлъ дѣлать одиночныя ученія, при чемъ предупреждалъ, что если при его осмотрѣ какая-нибудь рота окажется слабой по фронту, то нижніе чины ея вовсе не будутъ увольняться на вольную работу.

Несмотря на разныя стѣсненія, по вѣдомости, доставленной въ январѣ 1821 г., солдаты Семеновскаго полка выработали въ теченіе лѣта 29,780 р.; изъ нихъ поступило въ артель 24,000 р. и осталось

на рукахъ 5,780 руб., въ Измайловскомъ же полку въ это время было выработано 33,258 р. (а въ Егерскомъ—22,302 р.). Шварцъ ссылался потомъ въ свое оправданіе на значительный заработокъ семеновскихъ солдатъ, но въ Измайловскомъ полку было выработано въ то время на три съ половиной тысячи болѣе. Доходы отъ продажи вина въ полку шли на улучшеніе пищи [1]) и потому служили къ сбереженію артельныхъ денегъ. Такъ какъ до назначенія Шварца семеновскіе солдаты отличались зажиточностью (даже во время ареста нѣкоторые изъ нихъ имѣли по 500 руб. и болѣе розданныхъ въ долгъ), то они могли болѣе другихъ тратить денегъ на вино [2]).

Кромѣ тяжелыхъ для солдатъ затратъ на улучшеніе обмундированія, которыхъ они вовсе не обязаны были дѣлать, они подвергались еще жестокимъ наказаніямъ. По выпискѣ изъ полковыхъ приказовъ, сдѣланной военнымъ судомъ, съ 1-го мая по 3 октября 1820 г. Шварцемъ было наказано 44 человѣка, которымъ было дано отъ 100 до 500 розогъ, въ томъ числѣ одинъ былъ наказанъ два раза (пятьюстами и тремя стами) ударовъ; въ общей сложности дано было 14,250 ударовъ, что даетъ въ среднемъ по 324 удара при каждомъ наказаніи. Но солдаты во время слѣдствія заявляли, что были наказанія и безъ письменнаго приказа. Нѣкоторыхъ нижнихъ чиновъ, имѣвшихъ знаки отличія военнаго ордена, Шварцъ, вопреки закону, наказывалъ тѣлесно тесаками (плашмя). Онъ на ученьи выходилъ изъ себя, кричалъ, бранился, бросалъ шляпу, топталъ ее ногами, ложился на землю, чтобы видѣть, хорошо-ли при маршировкѣ вытягиваютъ носки, билъ солдатъ собственноручно, дергалъ ихъ за усы и, по словамъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, даже иногда вырывалъ ихъ. По показанію ротнаго командира Левенберга, Шварцъ ударилъ одного рядового такъ, что «онъ изъ передней шеренги очутился въ задней» за то, что тотъ «не весело смотрѣлъ», другого за то, что онъ «дурно держался», ударилъ колѣномъ въ животъ; одинъ рядовой по приказанію Шварца былъ наказанъ въ дворцовомъ манежѣ фухтелями (тесаками плашмя) за то, что кашлялъ во фронтѣ. Князь Мещерскій въ письмѣ къ Киселеву говоритъ: солдаты жаловались, что «Шварцъ приказывалъ одному

---

[1]) Въ 1817 году государь приказалъ выдавать солдатамъ гвардейскихъ полковъ говядины 2 раза въ недѣлю по полъ-фунта въ день, слѣдовательно въ остальное время, не говоря уже о постахъ, мясной порціи не полагалось.

[2]) По свидѣтельству декабриста Лорера, хорошо знавшаго Семеновскій полкъ въ 1820 г., при командованіи Потемкина „были заведены кровати у нижнихъ чиновъ, почти каждый изъ нихъ имѣлъ по самовару“—признакъ довольства у солдатъ. Все это очень не нравилось новому полковому командиру, и „нары снова были введены въ полку“. „Видя малое приращеніе“ (артельныхъ) „суммъ“, говоритъ Карцевъ, историкъ Семеновскаго полка, Шварцъ „думалъ поправить это тѣмъ, что приказалъ всѣ ротныя экономическія деньги присоединить къ артельнымъ. Извѣстно, что экономическія деньги, какъ плодъ заботливости и бережливости нижнихъ чиновъ, занимающихъ хозяйственныя должности, должны быть неотъемлемой собственностью цѣлой роты. Ясно, что нельзя было трогать и части этихъ денегъ, не нарушая упроченнаго временемъ обычая и не возбуждая толковъ“. Быть можетъ, этимъ объясняется также значительность суммы (24,000 руб.), поступившей въ артель. Декабристъ Розенъ въ своихъ запискахъ говоритъ: „Семеновскіе солдаты жили гораздо лучше солдатъ другихъ полковъ, потому что большая часть изъ нихъ были отличные башмачники, султанщики, и обогащали казну артельную“.

плевать другому въ лицо: одной шеренгѣ другую бить по щекамъ, самъ щупалъ за губы подъ носомъ тѣхъ», у которыхъ «усы, за неимѣніемъ натуральныхъ, не регулярно нарисованы были, разувалъ ноги и голыми ступнями заставлялъ у себя маршировать для выправки носковъ, поправляя ноги шомполомъ, дабы имѣть себѣ новомодную похвалу марширования,—какая игра въ носкахъ!, увязывалъ солдатъ въ ремни для выправки таліи».

Лореръ также свидѣтельствуетъ, что Шварцъ «издѣвался надъ старыми служивыми, рвалъ имъ усы и бакенбарды, плевалъ въ лицо, часто у себя на квартирѣ обучалъ по одиночкѣ солдатъ, велѣвъ предварительно разуться, чтобы лучше оцѣнить вытягиваніе носка». Относительно солдатъ, которыми онъ былъ особенно недоволенъ, Шварцъ дѣлалъ представленіе о переводѣ ихъ въ армію; такихъ во время его семимѣсячнаго командованія полкомъ было выписано 46 человѣкъ, такъ что на это обратилъ вниманіе даже в. к. Михаилъ Павловичъ, когда въ сентябрѣ въ теченіе 17-ти дней было выписано 10 человѣкъ.

Нѣкоторые солдаты пытались на притѣсненія Шварца жаловаться въ ордонансъ-гаузѣ, но трое были имъ за это жестоко наказаны, что подтвердили во время суда и ротные командиры.

Но почему молчали, глядя на эти жестокости, офицеры, среди которыхъ были такіе гуманные люди, какъ С. И. Муравьевъ-Апостолъ, почему они не протестовали такъ или иначе? Оказывается, что въ маѣ 1820 г. грубое обращеніе Шварца передъ фронтомъ съ офицерами привело къ тому, что они собрались на квартирѣ къ полковнику Яфимовичу и просили его объяснить полковому командиру всю неумѣстность его поведенія. При этомъ были всѣ батальонные командиры, которые и рѣшились въ тотъ же вечеръ объясниться со Шварцемъ, но полковникъ Обрѣзковъ почему-то нашелъ нужнымъ «частнымъ образомъ» сообщить объ этомъ начальнику штаба гвардейскаго корпуса Бенкендорфу, который пригласилъ къ себѣ въ тотъ же вечеръ батальонныхъ командировъ. Одинъ изъ нихъ, Вадковскій, показалъ впослѣдствіи во время военнаго суда, что по требованію Бенкендорфа онъ подробно разсказалъ объ обращеніи Шварца съ подчиненными. Бенкендорфъ просилъ Вадковскаго оставить ихъ намѣреніе, увѣряя, что своимъ поступкомъ они могутъ вызвать гнѣвъ государя, а пользы полку не принесутъ, при чемъ «именемъ корпуснаго командира далъ почувствовать Вадковскому, что если Семеновскій полкъ для избѣжанія всѣхъ непріятностей рѣшится еще нѣсколько потерпѣть, то въ малое время увидятъ счастливую перемѣну», ибо корпусный командиръ сочтетъ своимъ долгомъ представить Е. И. В-ву о грубомъ обращеніи съ подчиненными полкового командира. При этомъ Бенкендорфъ приказалъ ему успокоить офицеровъ своего батальона и позволилъ передать имъ его слова. Такое же внушеніе сдѣлано было и другимъ батальоннымъ командирамъ. Бенкендорфъ въ отпискѣ по поводу этого показанія отрекся отъ того, что указывалъ на возможность гнѣва государя, и заявлялъ, что не могъ ничего обѣщать отъ имени корпуснаго командира, которому тогда не было извѣстно объ этомъ разговорѣ съ батальонными командирами.

Является еще вопросъ, почему солдаты не жаловались на Шварца

во время инспекторскихъ смотровъ? Ихъ было за время командованія Шварца два: одинъ былъ произведенъ дивизіоннымъ командиромъ барономъ Розеномъ 5-го іюня, другой корпуснымъ командиромъ Васильчиковымъ 26-го августа. Солдаты второй фузелерной роты Семеновскаго полка на вопросъ, отчего они не жаловались на испекторскихъ смотрахъ, отвѣчали: «не объявляли о тягостномъ нашемъ положеніи, опасаясь, что не заступятся за насъ, чтобы послѣ не пропасть тому, кто просить будетъ, и когда насъ спрашивали, довольны ли полковымъ командиромъ, мы молчали... Баронъ Розенъ на испекторскомъ смотру три раза намъ этотъ вопросъ сдѣлалъ,—мы все молчали и смотрѣли другъ на друга и сказать не смѣли. Онъ *пожалъ плечами*» (очевидно ему было извѣстно обращеніе Шварца съ солдатами), «повернулся и прочь пошелъ». По словамъ солдатъ первой фузелерной роты, они «разсуждали, что неужели начальству о положеніи нашемъ неизвѣстно,—вѣдь не съ однимъ человѣкомъ и не одинъ день это дѣлается, мы и думали, что не заступятся за насъ командиры» и «рѣшились потерпѣть, не будетъ ли полегче». Рядовой этой роты, Кузнецовъ, показалъ: «Мы желали объявить начальству о тягостномъ положеніи нашемъ, но никто по одиночкѣ сего сдѣлать не осмѣливался отъ того, что у насъ наказывали по 500 ударовъ при собраніи прочихъ, и въ приказѣ было отдано—«за то, что явились съ просьбами» (вѣроятно въ ордонансъ-гаузъ). «У насъ много людей изъ полка бѣжало, и мы думали, что начальство замѣтитъ, что у насъ житье худое, ибо у насъ такихъ побѣговъ прежде никогда не было... Мы слыхали..., что когда на инспекторскомъ смотру просьбы объявлялись, то хотя и было по нимъ удовлетвореніе», но тѣмъ, «которые просьбу объявляли,... очень худо было..., и потому мы рѣшились потерпѣть до пріѣзда государя.»

Бенкендорфъ въ своемъ письмѣ о семеновской исторіи (какъ полагаютъ, къ князю Волконскому) такъ разсказываетъ объ инспекторскомъ смотру, произведенномъ кн. Васильчиковымъ: «Ни одинъ голосъ не возвысился съ жалобой на полковника», лишь въ одной ротѣ 17 человѣкъ заявили, что не получили лѣтнихъ панталонъ (оказалось, что объ этихъ солдатахъ забыли, потому что они были тогда въ больницѣ). «Въ ротѣ Его Величества послѣ того, какъ генералъ опросилъ ее, не имѣетъ ли она какихъ либо жалобъ, онъ сказалъ ей, *что носятся слухи, будто нѣкоторые гренадеры осмѣлились дурно отзываться о своемъ полковникѣ во всеуслышаніе; что онъ этому не хочетъ вѣрить*, и что ихъ поведеніе докажетъ, долженъ ли онъ вѣрить слухамъ, столь противнымъ чести роты Его Величества». Разумѣется, послѣ подобныхъ словъ Васильчикова никто не рѣшился выступить съ жалобой, а между тѣмъ самъ Бенкендорфъ разсказываетъ далѣе, что «всякій, кто привыкъ обращаться съ солдатами, могъ бы замѣтить, что духъ полка не очень то хорошъ: солдаты едва отвѣчали и не имѣли вида веселаго и полнаго усердія, который мы встрѣтили въ другихъ полкахъ. *Неудовольствіе было извѣстно съ перваго дня командованія Шварца*, но такъ какъ онъ подвергалъ ихъ тѣлеснымъ наказаніямъ не болѣе другихъ и не удерживалъ ничего изъ слѣдующаго солдатамъ» (Шварцъ былъ дѣйствительно человѣкъ

честный), «то не только *не было повода просить объ его удаленіи* (!), но даже нужно было предположить, что мало-по-малу полкъ освоится съ дисциплиной болѣе военной, чѣмъ та, къ которой онъ привыкъ, къ тому же подробности (?) инспекцій повѣрочныхъ и мелочныхъ касаются болѣе дивизіонныхъ командировъ, чѣмъ корпуснаго». Мы видѣли изъ показанія солдатъ, что дивизіонный командиръ, баронъ Розенъ, былъ очень удивленъ, не услышавъ никакой жалобы на Шварца, и держалъ себя такъ, что не зажималъ солдатамъ рта, какъ это сдѣлалъ Васильчиковъ въ гренадерской ротѣ.

Странное поведеніе Васильчикова тотчасъ сдѣлалось извѣстнымъ, и Воейковъ въ письмѣ къ Киселеву говоритъ: «Городъ... терпѣть не можетъ Васильчикова, обвиняя его (по словамъ солдатъ), что инспекторскій смотръ онъ сдѣлалъ въ Семеновскомъ полку въ августѣ мѣсяцѣ такъ, что съ перваго слова всѣмъ солдатамъ ротъ зажалъ, оказавъ явное потворство Шварцу». Васильчиковъ въ письмѣ къ Волконскому послѣ Семеновской исторіи пытался отрицать то, что утверждали о его неправильномъ поведеніи на смотру; упомянувъ о всеобщемъ раздраженіи противъ него за суровую расправу съ Семеновскимъ полкомъ, онъ говоритъ: «Сплетни и крики все увеличивались, дошло даже до того, что распространился слухъ, будто во время инспекторскаго смотра въ августѣ мѣсяцѣ я запретилъ солдатамъ подавать жалобы». Въ другомъ письмѣ къ Волконскому онъ такъ описываетъ свое поведеніе: «26-го августа», говоритъ онъ, «я дѣлалъ инспекторскій смотръ, спрашивалъ у всѣхъ ротъ, довольны ли онѣ и, видя, что первый батальонъ отвѣчаетъ вяло, я настаивалъ, чтобы они мнѣ говорили правду, объявивъ имъ, что я тутъ единственно для того, чтобы принимать ихъ жалобы, что они обязаны сказать мнѣ всю правду. Никто ничего не сказалъ». Васильчиковъ умалчиваетъ о словахъ, приведенныхъ Бенкендорфомъ. Можно бы подумать, что послѣдній враждебно относившійся къ Васильчикову и вѣроятно подкапывавшійся подъ него, сказалъ неправду; но Воейковъ ссылается на разсказъ солдатъ; въ этомъ же духѣ писалъ и С. И. Муравьевъ-Апостолъ своему брату Матвѣю Ивановичу. Въ письмѣ къ государю послѣ семеновской исторіи Васильчиковъ говоритъ: «меня обвиняютъ въ томъ, что я не зналъ о неудовольствіи полка; я зналъ о немъ, но я зналъ также, что оно вызывалось, болѣе или менѣе, строгими требованіями службы. Не разъ я давалъ наставленія по этому поводу Шварцу, но я былъ убѣжденъ, что не было никакого тиранства и что ихъ не подвергаютъ тѣлесному наказанію. Я видѣлъ, что полкъ этотъ нужно взять въ руки и считалъ своею обязанностью поддержать полковника, такъ какъ всѣ были противъ него съ самой минуты его назначенія».

Любопытно, что даже послѣ семеновской исторіи, когда выяснилось, какъ опасно зажимать ротъ солдатамъ, кн. П. М. Волконскій, 12 января 1821 года, высказалъ такой взглядъ на инспекторскіе смотры въ письмѣ къ Васильчикову: «Я полагаю, что солдаты, которые заявятъ необдуманныя жалобы, должны быть наказаны строго, ежели жалобы ихъ не будутъ законны и справедливы, потому что не слѣдуетъ также позволять солдатамъ дѣлать ложныя донесенія и много

разсуждать». Понятно, что если солдату, почему либо не имѣющему возможности доказать справедливости своего заявленія, грозило суровое наказаніе, инспекторскіе смотры превращались въ простую формальность, и нижніе чины, даже въ такой степени истязаемые какъ семеновцы при Шварцѣ, боялись сказать хоть слово противъ своего начальства. А между тѣмъ тотъ же Волконскій въ письмѣ отъ 4-го ноября 1820 г. писалъ: «Зачѣмъ Васильчиковъ, ни Бенкендорфъ во время его отсутствія, знавъ о неистовомъ обхожденіи Шварца, терпѣли оное и не доносили о томъ; неужели думали они, что государь, узнавъ о таковыхъ поступкахъ, оставилъ бы Шварца въ полку; я васъ увѣряю, что въ ту же бы минуту онъ былъ бы преданъ суду, и другой командиръ былъ назначенъ». Но мы увидимъ, какъ отнесся имп. Александръ къ поведенію Шварца относительно солдатъ при рѣшеніи участи полка послѣ суда надъ Шварцемъ.

Однако, терпѣнію даже и русской «сѣрой скотины», какъ называютъ солдата, бываетъ предѣлъ. Во время ученія 16-го октября, когда вторая фузелерная рота была выведена на мѣсто ученія, но еще не примкнула къ другой и, окончивъ ружейные пріемы, отдыхала, составивъ ружья, ротный командиръ, увидѣвъ подходящаго полкового командира, приказалъ становиться въ ружье. При этомъ рядовой Бойченко, выходившій изъ фронта для исполненія естественной надобности, сталъ во фронтъ, не успѣвши застегнуть мундира. Тогда Шварцъ, подбѣжавъ къ нему, плюнувъ ему въ глаза; потомъ взялъ его за руку и, проводя по фронту передней шеренги, приказалъ рядовымъ этой шеренги плевать на него. Сверхъ того наказывалъ тесаками нѣкоторыхъ изъ нижнихъ чиновъ, имѣющихъ знаки отличія военнаго ордена, хотя это было запрещено именнымъ указомъ 1808 г. По словамъ Шварца онъ поступилъ такъ съ Бойченкомъ потому, что «избѣгалъ тѣлесныхъ наказаній» (!). Если же наказывалъ кого-либо изъ имѣющихъ знаки отличія военнаго ордена, то потому, что они изъ экономіи не надѣвали на свои старые мундиры знаковъ отличія, а онъ не могъ всѣхъ знать въ лицо [1]). Этотъ случай былъ послѣдней каплей, переполнившей чашу солдатскаго страданія. Впрочемъ въ дѣлѣ есть указанія, что уже за недѣлю или и болѣе до 16-го октября всѣ роты, узнавъ, что государь не скоро пріѣдетъ, соглашались жаловаться на отягощеніе по службѣ и уговаривались,—если въ которой ротѣ станутъ просить объ облегченіи, поддержать ихъ просьбу. Идя съ ученія 16-го октября, рота его величества согласилась заявить жалобу; для этого они рѣшили воспользоваться вечерней перекличкой. Фельдфебель Брагинъ отмѣнилъ ее, но они вышли въ концѣ девятаго часа въ коридоръ и послали просить своего ротнаго командира Кошкарева придти къ нимъ. Найдя всю роту въ сборѣ, капитанъ спросилъ ихъ, почему они самовольно собрались. Солдаты стали просить объ отмѣнѣ десяточнаго смотра, особенно по праздничнымъ днямъ,— на другой день было воскресенье. Кошкаревъ сталъ уговаривать ихъ и напоминать о грозящемъ имъ наказаніи за «безразсудный и про-

---

[1]) Точно также однажды онъ наказалъ двадцатью фухтелями фельдфебеля, будто бы забывъ, что онъ имѣетъ орденъ.

тивозаконный[1]) поступокъ», и такъ какъ рота повторяла свою просьбу, то онъ обѣщалъ довести объ ней до свѣдѣнія начальства, послѣ чего его приказаніе разойтись было немедленно исполнено. Когда онъ уходилъ изъ роты, фельдфебель Брагинъ, провожая его, доложилъ, что наиболѣе шумѣли солдаты стрѣлковаго взвода. Кошкаревъ приказалъ по утру доставить ему списокъ зачинщиковъ безпорядка. На слѣдующій день фельдфебель подалъ ему при рапортѣ записку, въ которой были названы фамиліи 12-ти человѣкъ, но Кошкаревъ не представилъ ее батальонному командиру и впослѣдствіи заявилъ, что потерялъ ее. Весьма возможно, что онъ это сдѣлалъ умышленно, не желая подвергать особенно суровой отвѣтственности нѣсколько человѣкъ за жалобу, которой всѣ сочувствовали и которую онъ самъ не могъ не находить совершенно основательной. За эту доброту онъ дорого поплатился.

Изъ своей роты Кошкаревъ вечеромъ 16-го октября отправился къ батальонному командиру Вадковскому и, не заставъ его дома, оставилъ записку обо всемъ случившемся, полковникъ же Шварцъ, выслушавъ словесное донесеніе Кошкарева, ограничился распоряженіемъ: «наблюдать за порядкомъ и ожидать утромъ дальнѣйшихъ приказаній». Вадковскій, возвратившись домой весьма поздно, не счелъ нужнымъ ѣхать въ казарму, чтобы «не встревожить людей своимъ внезапнымъ пріѣздомъ». Утромъ Шварцъ, принимая десятокъ отъ роты его величества, не далъ замѣтить, что зналъ о происшествіи, случившемся наканунѣ.

На другой день Вадковскій пріѣхалъ въ роту его величества въ седьмомъ часу утра. Въ отвѣтъ на укоризны за ихъ поступокъ, солдаты просили его довести до свѣдѣнія высшаго начальства, что «безпрестанная чистка и бѣленіе амуниціи не только лишаютъ ихъ собственныхъ достатковъ, но часто даже въ воскресные дни не позволяютъ имъ» ходить въ церковь. По приказанію Вадковскаго люди разошлись, а онъ донесъ о случившемся полковому командиру, который сказалъ, что извѣститъ высшее начальство. Вадковскій и другіе считали неправильнымъ, что Шварцъ не отправился самъ въ роту его величества.

Шварцъ приказалъ донести о происшествіи в. к. Михаилу Павловичу и на разводѣ въ 10-мъ часу утра того же дня 17-го октября сообщилъ о немъ Бенкендорфу, который немедленно довелъ о немъ до свѣдѣнія корпуснаго командира. Васильчиковъ былъ нездоровъ и поручилъ Бенкендорфу произвести разслѣдованіе; великій князь также отправился съ нимъ. По пріѣздѣ въ казармы они приказали построить стрѣлковый взводъ въ первомъ и гренадерскій—въ среднемъ коридорахъ. Но солдаты стали выражать неудовольствіе на это раздѣленіе, и пришлось ихъ свести въ одно мѣсто. Солдаты повторяли то же, что они говорили Кошкареву и Вадковскому и заявили, что Шварцъ ихъ «тиранитъ», что онъ требуетъ много ненужной службы и бьетъ ихъ. Бенкендорфъ потребовалъ, чтобы они къ 6-ти часамъ

[1]) Впрочемъ генералъ-аудиторъ впослѣдствіи высказалъ мнѣніе, что въ законѣ „нѣтъ запрещенія просить по командѣ“.

выдали зачинщиковъ. Вадковскій доложилъ, что три остальныя роты перваго батальона очень неспокойны, и можно опасаться, что они послѣдуютъ примѣру роты его величества. Затѣмъ великій князь и Бенкендорфъ вернулись къ Васильчикову и высказали мнѣніе, что нужно проявить большую строгость, при чемъ Бенкендорфъ совѣтовалъ отправить роту въ крѣпость, а великій князь предлагалъ десятаго изъ солдатъ наказать розгами и распредѣлить между другими ротами. Въ 3 часа Вадковскій былъ вызванъ къ великому князю, который спросилъ его, что дѣлается въ полку; тотъ отвѣчалъ, что все спокойно, и просилъ не доводить о происшествіи до свѣдѣнія высшаго начальства, ограничившись домашнимъ наказаніемъ. Великій князь согласился, но съ условіемъ, что рота выразитъ раскаяніе. Однако, попытки Вадковскаго уговорить ее остались безуспѣшными. Возвратившись къ великому князю, Вадковскій засталъ тамъ Бенкендорфа, который приказалъ ему къ 8 часамъ вечера отвести роту въ штабъ гвардейскаго корпуса, прибавивъ, что «корпусный командиръ желаетъ видѣть людей, но, будучи нездоровъ, не можетъ пріѣхать въ полкъ и требуетъ ихъ въ штабъ для допросовъ».

Въ назначенное время Вадковскій привелъ роту къ штабу, въ сѣняхъ котораго уже сидѣли Васильчиковъ и генералъ Бистромъ. Манежъ былъ отпертъ и освѣщенъ, и Бенкендорфъ приказалъ ввести въ него людей. Тамъ уже были выстроены въ аммуниціи двѣ роты Павловскаго полка. Васильчиковъ выразилъ ротѣ порицаніе за ея поведеніе и приказалъ отвести ее въ Петропавловскую крѣпость подъ конвоемъ двухъ ротъ Павловскаго полка. Отпущены были только флейтисты, барабанщики и унтеръ-офицеры. Плацъ-майоръ крѣпости, подполковникъ Подушкинъ, отводя 167 семеновцевъ въ казематы, приказалъ отрядить къ нимъ конвой, но нѣкоторые семеновцы говорили ему, что они «готовы идти, куда онъ прикажетъ, безъ всякаго сопротивленія, и, что если къ нимъ приставятъ не только караульнаго унтеръ-офицера, но даже и инвалиднаго солдата», то они будутъ во всемъ ему повиноваться и исполнять его приказанія.

Въ тотъ же вечеръ Васильчиковъ вызвалъ къ себѣ Шварца и сдѣлалъ ему выговоръ за то, что онъ не сумѣлъ предотвратить противозаконный поступокъ роты. Шварцъ отвѣчалъ, что совѣсть его совершенно спокойна, и что онъ готовъ отвѣчать за всѣ свои дѣйствія. Замѣчательно, что даже теперь, когда система управленія полкомъ, введенная Шварцемъ, доказала свою полную непригодность, Васильчиковъ приказалъ ему «не измѣнять ни въ чемъ правилъ прежняго порядка, чтобы не подать нижнимъ чинамъ повода думать, что они своими требованіями могли сдѣлать отмѣну по службѣ по своему желанію».

На другой день отъ Семеновскаго полка долженъ былъ быть караулъ. Вслѣдствіе ареста роты Его Величества пришлось сдѣлать новый нарядъ, а для этого будить фельдфебелей, капральныхъ, унтеръ-офицеровъ, ефрейтеровъ и по пяти человѣкъ рядовыхъ.

Ранѣе полуночи съ 17-го на 18-ое октября, рядовой второй роты Павловъ, возвратившись изъ отпуска, сообщилъ своему товарищу Чистякову объ арестѣ роты его величества. Тотъ черезъ нѣкоторое время

выбѣжалъ въ коридоръ и закричалъ: «Выходи на перекличку». По мѣрѣ того, какъ всѣ собирались, Павловъ кричалъ: «Нѣтъ государевой роты! Она погибаетъ!» Извѣщенный объ этомъ, ротный командиръ Левенбергъ явился въ роту, засталъ ее выстроившеюся и на его вопросъ, почему они вышли безъ приказанія, солдаты отвѣчали, что государева рота погибаетъ, а они такъ же виноваты, какъ и она, о чемъ и просятъ доложить начальству. Тутъ Левенберга потребовали къ Шварцу.

Между тѣмъ волненіе началось и въ первой фузелерной ротѣ, которая также заявила своему ротному командиру Тулубьеву, что государева рота погибаетъ и что они хотятъ раздѣлить ея участь. Тулубьевъ приказалъ имъ разойтись, напоминая, что завтра нужно идти въ караулъ; они отвѣчали: «въ караулъ мы идемъ и никогда отъ службы не прочь; мы желаемъ только знать, гдѣ государева рота». Тулубьевъ послалъ дать знать батальонному командиру Вадковскому. Наконецъ одинъ голосъ скомандовалъ—направо, и они побѣжали во вторую роту, смѣшались съ ней и бросились въ третью роту, выломали въ ней ворота, оттолкнувъ часоваго и дневальнаго, и подняли всѣхъ.

Въ это время пріѣхалъ въ третью роту батальонный командиръ Вадковскій и отъ всѣхъ собравшихся тамъ услышалъ, что они не могутъ быть спокойны безъ государевой роты, что къ караулу они будутъ готовы, но не иначе, какъ съ головой, т. е. съ ротой его величества, такъ какъ безъ нея «не къ чему пристраиваться». Солдаты выражали удивленіе, что не показывается ихъ полковой командиръ, желали видѣть его и спрашивали, гдѣ онъ. Вадковскій, приказавъ ждать его въ коридорѣ третьей роты, отправился къ Шварцу, но не засталъ его дома, а затѣмъ извѣстилъ великаго князя Михаила Павловича и Бенкендорфа.

Послѣ его удаленія изъ казармъ въ третью роту прибылъ ея ротный командиръ, С. И. Муравьевъ-Апостолъ, извѣстный декабристъ, казненный 13-го іюля 1826 года. Онъ сталъ уговаривать свою роту разойтись, напоминая о грозящихъ имъ пагубныхъ послѣдствіяхъ, указалъ и на то, что «если втеченіе четырехлѣтняго начальствованія надъ ротою онъ могъ заслужить ихъ довѣренность и любовь», то они должны подумать, что губятъ и его. Рота молчала, но присутствующіе тутъ же солдаты другихъ ротъ кричали: «Не расходись, третья рота, да что за третья рота,—здѣсь нѣтъ третьей роты, здѣсь весь батальонъ. Государева рота погибаетъ, а третья рота пойдетъ спать и отстанетъ отъ своихъ братьевъ! Мы не разбойничать хотимъ, а хотимъ всѣ вмѣстѣ просить по начальству!» Муравьевъ подошелъ къ лѣвому флангу, гдѣ собралось всего болѣе людей другихъ ротъ, и спросилъ, кто имъ далъ право придти въ его роту; они отвѣчали, что здѣсь ихъ нашелъ полковникъ Вадковскій и приказалъ имъ ждать въ третьей ротѣ своего возвращенія. Въ то время на правомъ флангѣ нѣсколько голосовъ закричало: «направо, пойдемъ во вторую гренадерскую роту». Значительная толпа бросилась туда, Муравьевъ побѣжалъ за ними и успѣлъ возвратить солдатъ перваго батальона. Здѣсь онъ напомнилъ собравшимся, что, по ихъ собственнымъ словамъ, они должны въ

третьей ротѣ ждать полковника Вадковскаго, и приказалъ всѣмъ лечь спать въ коридорѣ; одни исполнили это, другіе стояли маленькими кучками и тихо разговаривали.

Въ четвертомъ часу ночи возвратился изъ маскарада караулъ, наряженный отъ третьей фузелерной роты. Солдаты другихъ ротъ не узнали товарищей по полку и подумали, что идутъ ихъ арестовать. Раздались слова: «ежели хотятъ хватать, пусть всѣхъ вмѣстѣ схватятъ! одинъ конецъ!» Всѣ бросились на полковой дворъ.

Шварцъ не рѣшился самъ явиться въ полкъ, бродилъ нѣкоторое время вокругъ казармъ и затѣмъ отправился ночевать къ одному знакомому въ Измайловскій полкъ. На судѣ онъ объяснилъ свое поведеніе тѣмъ, что его считали «главною причиною неудовольствія». Если бы вызвалъ волненіе кто-либо другой, онъ считалъ бы своимъ долгомъ дѣйствовать лично, хотя бы и рискуя жизнью; теперь же его присутствіе не только не могло никого успокоить, а могло бы возбудить еще большее ожесточеніе и буйство. Онъ подкрѣпилъ свое мнѣніе тѣмъ, что къ его квартирѣ подходили семеновскіе солдаты и выбили у него стекла. Впослѣдствіи онъ такъ объяснялъ своимъ знакомымъ, почему онъ не вышелъ къ полку: «Какъ полковой командиръ, я кругомъ виноватъ, но какъ человѣкъ, полагаю, что поступилъ правильно. Я зналъ, что меня растерзаютъ и, не желая подвергнуть полкъ неизбѣжной суровой карѣ за мою смерть, предпочелъ нести самъ наказаніе за неисполненіе обязанности полкового командира».

Вадковскому Бенкендорфъ велѣлъ явиться къ Васильчикову, который спросилъ его мнѣніе о томъ, что дѣлать. Вадковскій предложилъ освободить роту его величества (которая уже не одна виновна), такъ какъ это возстановитъ порядокъ, но Васильчиковъ, посовѣтовавшись съ Бенкендорфомъ, отвѣтилъ, что роты ни въ какомъ случаѣ не возвратитъ, и приказалъ Вадковскому объявить солдатамъ, что въ 8 часовъ утра онъ сдѣлаетъ инспекторскій смотръ.

Въ 4 часа ночи Васильчиковъ, не дозволивъ великому князю Михаилу Павловичу ѣхать въ семеновскія казармы, какъ тотъ предлагалъ, отправился къ генералъ-губернатору Милорадовичу, прося его поговорить съ солдатами. Милорадовичъ поѣхалъ, но отдѣльныя группы, къ которымъ онъ подходилъ въ темнотѣ, отвѣчали, снимая фуражки, что они готовы перенести всякія наказанія, но терпѣть притѣсненія Шварца не въ состояніи, построиться же не могутъ потому, что, вслѣдствіе ареста государевой роты не къ кому пристроиться. Пріѣхалъ было также Бенкендорфъ, но и его приказанія выстроиться исполнены не были. Узнавъ по его возвращеніи, что Шварцъ скрылся, Васильчиковъ отрѣшилъ его отъ должности и передалъ командованіе полкомъ генералу Бистрому. Пробовалъ уговорить солдатъ и любимый ими генералъ Потемкинъ, но также безуспѣшно. Тогда Васильчиковъ рѣшился ѣхать самъ, приказавъ Бистрому въ то время, когда онъ будетъ говорить съ солдатами, занять семеновскія казармы егерскимъ полкомъ, а генералу Орлову съ конно-гвардейскимъ полкомъ приблизиться къ площади.

Около шести часовъ утра прибылъ Васильчиковъ на площадь семеновскаго полка и объявилъ, что велѣлъ арестованную роту пре-

дать суду и что безъ разрѣшенія государя не освободитъ ея ни отъ ареста, ни отъ суда, и такъ какъ они всѣ ослушались приказанія начальства, то приказываетъ имъ тотчасъ идти подъ арестъ въ крѣпость. «Гдѣ голова, тамъ и хвостъ», сказали солдаты, и безпрекословно, даже не зайдя въ казармы, отправились туда. Они шли спокойно безъ оружія, въ шинеляхъ. Когда они проходили по Фонтанкѣ мимо дома, гдѣ жилъ А. И. Тургеневъ, то на его вопросъ они отвѣчали, что идутъ подъ арестъ въ крѣпость «за Шварца». «Многіе генералы», говоритъ Н. И. Тургеневъ въ письмѣ къ брату Сергѣю, «смотря на нихъ и сожалѣя о происшествіи, до слезъ были тронуты поведеніемъ солдатъ».

Флигель-адъютантъ Бутурлинъ въ письмѣ къ Волконскому сообщаетъ, что настроеніе пѣхотныхъ полковъ было очень приподнятое, и что за нихъ не рѣшались ручаться сами ихъ командиры. «Преображенцы громко роптали, горько оплакивали судьбу ихъ братьевъ по оружію» и говорили, что гибель семеновцевъ поведетъ къ ихъ собственной гибели. Солдаты московскаго полка, встрѣчавшіе семеновцевъ на пути въ крѣпость, обнимали ихъ со слезами на глазахъ. Лейбъ-гренадеры, стоявшіе на караулѣ въ крѣпости, кричали: «сегодня очередь Шварца, не худо было бы, если бы завтра настала очередь Стюрлера» (ихъ полкового командира). «Даже егеря, наиболѣе надежные изъ всѣхъ пѣхотныхъ полковъ, колебались и выражали полное нежеланіе идти противъ товарищей, и нужна была энергія Бистрома, чтобы побудить ихъ къ тому». Внѣшній видъ города 18 октября былъ также необычный. Во многихъ кварталахъ собирались войска, многочисленные кавалерійскіе патрули разъѣзжали по улицамъ. Колонны безоружныхъ солдатъ съ лицами, у однихъ раздраженными, у другихъ смущенными, направлялись къ крѣпости. Группа любопытныхъ или встревоженныхъ людей толпилась по близости семеновскихъ казармъ, лавки закрывались ранѣе обыкновеннаго. По словамъ Бутурлина, въ полночь съ 18-го на 19, во время бала у англійскаго посланника, нашумѣли подъ окномъ два пьяныхъ кучера; это чрезвычайно испугало собравшееся общество.

Въ своемъ неизданномъ дневникѣ Н. И. Тургеневъ такъ описываетъ (18 октября) настроеніе общества: «въ (государственномъ) совѣтѣ говорили о происшествіи Семеновскаго полка. Всѣ съ негодованіемъ и ужасомъ отзываются о Шварцѣ. Въ (англійскомъ) клубѣ только объ этомъ и говорили. Весь полкъ въ крѣпости... Все это кончится бѣдствіемъ многихъ солдатъ. Солдаты показали необыкновенное благородство во время всего происшествія. Всѣ имъ удивляются, всѣ о нихъ сожалѣютъ. Члены клуба, часто столь пустые, въ семъ смыслѣ изъявляютъ свои мнѣнія. Я не могу безъ душевной горести думать о солдатахъ... Тысячи людей, исполненныхъ благородства, гибнутъ за человѣка, котораго человѣчество отвергаетъ».

Бенкендорфъ, хотя на немъ лежитъ значительная доля отвѣтственности за все происшедшее, такъ какъ въ маѣ мѣсяцѣ онъ помѣшалъ семеновскимъ офицерамъ осадить Шварца, былъ недоволенъ немедленнымъ его удаленіемъ. Въ «размышленіяхъ» о происшествіи въ Семеновскомъ полку онъ высказываетъ такое соображеніе: «корпусное

начальство» (т. е. Васильчиковъ), который долженъ бы былъ немедленно (даже съ опасностью для своей жизни) возстановить порядокъ и внушить повиновеніе всѣми способами, какіе находятся въ его власти, медлитъ своимъ появленіемъ. Мало того, его первое (?) распоряженіе обнаруживаетъ его безсиліе. Полковникъ Шварцъ, противъ котораго направлено мятежное движеніе, уволенъ отъ должности прежде, нежели было наказано самое важное преступленіе — нарушеніе субординаціи... [1]) Если бы полковникъ Шварцъ и былъ въ чемъ либо виновенъ (!) и если бы высшее начальство по оплошности узнало объ этомъ лишь въ ту минуту, когда вспыхнуло мятежное противъ него движеніе, то не въ эту минуту слѣдовало подвергать его наказанію: прежде всего нужно было наказать за непризнаніе въ его лицѣ авторитета власти... Эта уступчивость имѣла послѣдствія, какихъ слѣдовало ожидать». Неудивительно, что такъ разсуждалъ будущій шефъ жандармовъ, неудивительно, что подобные господа ничему не научились и по поводу столь печальнаго событія сводили лишь личные счеты. Напротивъ императоръ считалъ въ очень многомъ виновнымъ самого Бенкендорфа [2]).

Утромъ 19-го октября заключенныхъ въ крѣпости навѣстилъ Милорадовичъ и обошелся съ ними, по выраженію Воейкова въ письмѣ къ Киселеву, «не какъ съ бунтовщиками» [3]). Такъ какъ они соблюдали полный порядокъ, то сняли часовыхъ у ихъ казематовъ, однако арестованные помѣщались на столько тѣсно, что среди нихъ стали усиливаться заболѣванія, и даже для больныхъ семеновцевъ былъ въ крѣпости устроенъ особый лазаретъ на 25 человѣкъ. А. И. Тургеневъ писалъ 1-го ноября 1820 г. брату Сергѣю: «Батальонъ въ крѣпости, и отъ сырости и дурной пищи безъ кваса, но съ водою, въ которую кладутъ уксусъ, нѣсколько солдатъ уже занемогли, особливо глазами».

Оставивъ въ Петропавловской крѣпости около 750 человѣкъ перваго батальона [4]), Васильчиковъ 19-го ноября приказалъ отправить два

---

[1]) Мы знаемъ, что Шварцъ былъ удаленъ уже послѣ ареста роты его величества, такъ какъ во время волненія полка онъ не оказался на своемъ посту.

[2]) Въ секретныхъ замѣчаніяхъ, сообщенныхъ имъ Васильчикову, онъ спрашивалъ, отчего начальникъ штаба гвардейскаго корпуса „не зналъ въ подробности, что дѣлалось въ Семеновскомъ полку, говоря часто, что, по свѣдѣніямъ его, вездѣ тихо и хорошо идетъ. Ежели зналъ, что полковникъ Шварцъ обходился съ нижними чинами незаконнымъ образомъ и дѣлалъ излишнія противозаконныя отъ нихъ требованія, особенно на то, чтобы многія вещи покупали на свои деньги, почему тотчасъ не доносилъ о томъ, какъ корпусному командиру, такъ и начальнику главнаго штаба... Тѣмъ болѣе, что была доставлена записка военнаго генералъ-губернатора явившимся въ ордонансъ-гаузъ рядовымъ, показывавшимъ, что принуждали его дѣлать разныя вещи на собственныя его деньги, о чемъ приказано было сдѣлать строгое изслѣдованіе. Но и по сіе время никакого еще отвѣта на то не получено. Тѣмъ сожалительнѣе, что если бъ на оное во время было обращено вниманіе, то, можетъ быть, сего приключенія съ полкомъ не случилось“.

[3]) Однако, одного рядового, который послѣ словъ Милорадовича, что они будутъ отправлены въ походъ, сказалъ: «пойдемъ, когда отдадутъ намъ первую роту», велѣно было содержать особо, и по суду онъ былъ сурово наказанъ.

[4]) По вѣдомости, подписанной Васильчиковымъ, въ 3-хъ баталіонахъ семеновскаго полка числилось: 1 генералъ, 9 штабъ-офицеровъ, 69 оберъ-офицеровъ, 232 унтеръ-офицера, 180 музыкантовъ, 2588 рядовыхъ и 118 нестроевыхъ; въ томъ числѣ въ 1-мъ

другихъ батальона въ Свеаборгъ и Кексгольмъ, но ихъ батальонные командиры сказались больными. Васильчиковъ пригласилъ Вадковскаго, командовавшаго первымъ батальономъ, и поручилъ ему начальство надъ вторымъ, съ тѣмъ, чтобы онъ отвезъ его въ Свеаборгъ. Между тѣмъ въ Петербургѣ были приняты чрезвычайныя мѣры предосторожности. Возвращавшійся въ крѣпость Вадковскій, которому дали только одинъ часъ, чтобы попрощаться съ родными, встрѣтилъ гвардейскіе казачій, кавалергардскій и гренадерскій полки, ѣхавшіе къ Троицкому мосту. Начальство обнаружило необычайную трусливость предъ горстью безоружныхъ людей, опасаясь взрыва народнаго къ нимъ сочувствія. Боялись, что солдаты откажутся идти безъ роты его величества, и въ крайнемъ случаѣ рѣшились принудить ихъ повиноваться выстрѣлами изъ 6-ти пушекъ, заряженныхъ картечью. Но такой ужасной мѣры не понадобилось.

Когда второй батальонъ былъ выстроенъ, Васильчиковъ, Милорадовичъ, Закревскій [1]) и другіе увѣщевали ихъ хорошо вести себя и обѣщали исходатайствовать прощеніе у государя. Тутъ же прочтенъ былъ приказъ объ отставкѣ Шварца, хотя они узнали объ ней еще на плацу семеновскихъ казармъ въ ночь волненія. Вадковскаго осыпали любезностями. Въ одиннадцать часовъ утра второй батальонъ былъ посаженъ на три штимбота (парохода); люди были въ ветхихъ шинеляхъ, и половина изъ нихъ, по свидѣтельству Вадковскаго, «почти безъ обуви», а между тѣмъ шелъ дождь и было очень вѣтрено. Въ Кронштадтъ они пріѣхали весьма поздно. Людей обмокшихъ и цѣлый день не ѣвшихъ не пустили въ городъ, а помѣстили на военномъ кораблѣ «Память Евстафія», который стоялъ на рейдѣ въ самомъ жалкомъ видѣ, безъ окошекъ, безъ рамъ, безъ бортовъ и налитый водою. Здѣсь имъ пришлось прожить шесть дней въ ожиданіи вооруженныхъ трехъ фрегатовъ, изъ которыхъ одинъ былъ назначенъ въ этомъ году на сломъ. Въ Кронштадтѣ начальство смотрѣло на ввѣренный Вадковскому батальонъ, «какъ на опаснѣйшихъ нарушителей общаго спокойствія», и оказывало его командиру столь малое содѣйствіе, что ему съ трудомъ удалось кое-какъ прокормить солдатъ.

Наконецъ 25-го октября подняли якорь и поплыли къ Свеаборгу, несмотря на законъ Петра В., запрещавшій отпускать въ море военные корабли въ такое позднее время (морской министръ далъ знать, что можно еще безопасно доплыть до Свеаборга). Морозъ, вѣтеръ, снѣгъ и дождь преслѣдовали ихъ въ пути. На пятый только день Вадковскій прибылъ къ мѣсту назначенія, но лишь съ двумя ротами, а два другія судна съ двумя ротами (377 нижнихъ чиновъ и пять оберъ-офицеровъ) отнесло къ Ревелю, такъ что ѣхавшіе на нихъ, считали чудомъ свое спасеніе. Въ Ревелѣ они прожили двѣнадцать дней, прежде чѣмъ ихъ можно было перевезти въ Свеаборгъ, и они

бат. 1093 нижнихъ чина. Въ Петропавловской крѣпости было арестовано 755 нижнихъ чиновъ перваго батальона и 1 рядовой второго батальона. (Бумаги Н. К. Шильдера въ Имп. Публ. Библ.)

[1]) Закревскій былъ въ то время дежурнымъ генераломъ, т. е. начальникомъ инспекторскаго департамента военнаго министерства; онъ же управлялъ и военно-судною частью: ему былъ подчиненъ аудиторіатскій департаментъ.

прибыли туда только 8 ноября. Третій батальонъ былъ отправленъ сухимъ путемъ въ Кексгольмъ. Оба батальона были посланы изъ Петербурга безъ ружей и тесаковъ и безъ конвоя. Однако, для наблюденія за третьимъ батальономъ и для учрежденія летучей почты было командировано 60 человѣкъ л.-гв. Казачьяго полка, которые должны были ѣхать въ разстояніи пяти, шести верстъ позади семеновцевъ и задерживать отсталыхъ. Надъ первымъ батальономъ былъ наряженъ, по распоряженію Васильчикова, военный судъ, подъ предсѣдательствомъ генерала Левашева, изъ двухъ генералъ-майоровъ и четырехъ полковниковъ гвардейскихъ полковъ.

III.

19-го октября Васильчиковъ отправилъ съ фельдъегеремъ первое донесеніе имп. Александру, въ которомъ въ нѣсколько болѣе мрачномъ свѣтѣ представилъ поведеніе солдатъ въ ночь съ 17-го на 18-е октября. Онъ говоритъ, что они «насильно» вламывались въ комнаты нѣкоторыхъ ротъ (это было лишь при входѣ въ третью роту), «отбивали двери и требовали, дабы непремѣнно всѣ безъ изъятія нижніе чины присоединились къ нимъ, и противящихся вытаскивали насильно, угрожая въ случаѣ дальнѣйшаго сопротивленія бить». Васильчиковъ нашелъ также, что «офицеры семеновскаго полка въ семъ случаѣ не оказали той твердости, которая необходима въ подобныхъ обстоятельствахъ». Зачинщики сего дѣла не открыты. Въ своемъ донесеніи командиръ гвардейскаго корпуса рѣшительно утверждалъ, что «*единственной причиной*» происшествія былъ полковникъ Шварцъ, и что обстоятельство сіе не заключало въ самой сущности никаковой опасности, ниже какой другой причины, кромѣ того, что *нижніе чины выведены были изъ терпѣнія* отъ неблагоразумнаго и неосторожнаго поведенія его, полковника Шварца». Васильчиковъ довольно наивно утверждалъ, что исторія эта будто бы имѣла даже свою полезную сторону: «примѣръ ослушанія Семеновскаго полка имѣлъ болѣе хорошее вліяніе на прочія войска», ибо они въ продолженіе непріятнаго происшествія «оказывали сугубое усердіе къ исполненію своихъ обязанностей по службѣ». Въ заключеніе онъ говоритъ, что дальнѣйшія подробности будутъ сообщены черезъ нарочно посланнаго его адъютанта, ротмистра гвардейскаго гусарскаго полка Чаадаева, который прежде служилъ въ Семеновскомъ полку.

Первое извѣстіе было получено государемъ 29-го октября. Чаадаевъ былъ отправленъ только 21-го октября и пріѣхалъ въ Троппау (въ Силезіи) 30-го. Въ виду того, что государь уже былъ извѣщенъ письмомъ Васильчикова отъ 19-го октября, присланнымъ съ фельдъегеремъ, всѣ разсказы о томъ, что по винѣ Чаадаева, имп. Александръ позже Меттерниха узналъ объ этой исторіи, оказываются совершеннымъ вздоромъ, какъ это уже давно замѣтилъ Лонгиновъ въ статьѣ о Чаадаевѣ. Къ тому же въ запискахъ Меттерниха есть прямое извѣстіе, что ему это событіе стало извѣстно только 3-го ноября (по старому стилю). «Мы получили сегодня», пишетъ Меттернихъ, «извѣстіе о вспышкѣ въ семеновскомъ полку... Сегодня

ночью прибыло три курьера, одинъ за другимъ. Тотчасъ послѣ этого императоръ Александръ призвалъ меня и разсказалъ все это приключеніе» [1]).

Закревскій въ своей запискѣ о семеновской исторіи (отъ 21 октября) утверждаетъ, что солдаты выказали «неслыханное въ россійскихъ войскахъ неповиновеніе», а между тѣмъ даже и не обремененному большою ученостью генералу нельзя было не знать о стрѣлецкихъ бунтахъ, о цѣломъ рядѣ возстаній въ войскахъ, производившихъ дворцовые перевороты въ XVIII вѣкѣ и наконецъ объ участіи гвардіи въ восшествіи на престолъ императора Александра. Замѣчательно, что именно семеновскій полкъ, шефомъ котораго уже тогда былъ цесаревичъ Александръ, игралъ выдающуюся роль при низложеніи Павла. Разсказавъ фактическую сторону волненія полка, Закревскій винитъ предмѣстника Шварца, Потемкина, за большую слабость, Шварца—за то, что онъ слишкомъ круто перемѣнилъ систему, и наконецъ третью причину событія онъ видитъ въ ненависти къ полковому командиру офицеровъ, которые ругали его и насмѣхались надъ нимъ даже передъ фронтомъ. Но все это казалось Закревскому недостаточнымъ для того, чтобы вызвать волненіе; по его мнѣнію, «трудно повѣрить», чтобы солдаты рѣшились на такой поступокъ, «если бы не были кѣмъ-нибудь особенно къ тому подучены и даже руководимы. Весьма полезно открыть сіе лицо, или, быть можетъ, и многія... Но къ сожалѣнію, нѣтъ надежды къ открытію ихъ по суду. Одно время можетъ обнаружить истину: зачинщики и руководители, вѣроятно, окажутся не изъ нижнихъ чиновъ сего полка... Таковое согласіе въ поведеніи трехъ тысячъ человѣкъ безъ особеннаго руководства—невозможно. Прискорбно подозрѣвать неблагонамѣреннаго между офицерами, но кто знаетъ русскаго солдата, тотъ вѣрно не усомнится, чтобъ посторонній человѣкъ въ силахъ былъ владѣть имъ».

Такимъ образомъ, Закревскій первый заронилъ въ душу имп. Александра подозрѣніе, что солдаты не сами додумались до необходимости жаловаться. «Офицера», продолжаетъ Закревскій, «доказали свою неспособность командовать и даже не заслуживаютъ званія, ими носимаго. По одной развѣ молодости и неопытности позволительно имѣть къ нимъ нѣкоторое снисхожденіе. По тѣмъ же причинамъ могли они быть завлечены къ неуваженію начальства нынѣшними событіями въ Европѣ, событіями, произведенными вольнодумствомъ и такъ называемыми либеральными идеями. *Сія зараза гнѣздится между офицерами и другихъ гвардейскихъ полковъ*... Коман-

---

[1]) То, что Меттернихъ такъ поздно получилъ извѣстіе отъ своего посольства, объясняется задержкой иностранныхъ курьеровъ посредствомъ невыдачи имъ, втеченіе однихъ сутокъ, паспортовъ по приказанію министра внутреннихъ дѣлъ Кочубея. Чаадаевъ вышелъ въ отставку лишь въ февралѣ 1821 года, отчасти вслѣдствіе сплетенъ и клеветъ, вызванныхъ его поѣздкой въ Троппау. Васильчиковъ первоначально уговаривалъ его остаться на службѣ и предлагалъ продолжительный отпускъ, но 21-го февраля 1821 г. Волконскій далъ знать, что государь получилъ о Чаадаевѣ неблагопріятныя свѣдѣнія и велѣлъ дать ему отставку безъ награжденія чиномъ, безъ сомнѣнія вслѣдствіе того, что сдѣлалось извѣстнымъ участіе Чаадаева въ тайномъ обществѣ.

диры прочихъ гвардейскихъ полковъ (исключая весьма немногихъ) равномѣрно въ семъ случаѣ оказали свою неспособность и ненадежность на самихъ себя: каждый почти не былъ увѣренъ въ своихъ подчиненныхъ и страшился, чтобы у него того же не произошло». Такимъ образомъ, между тѣмъ какъ Васильчиковъ и Бенкендорфъ сообщали государю о наилучшемъ, съ правительственной точки зрѣнія, настроеніи войска въ Петербургѣ, Закревскій говорилъ другое, и въ этомъ отношеніи онъ былъ болѣе правъ [1]).

Вотъ, что разсказываетъ объ этомъ самомъ времени Вигель: «Послѣ взятія Парижа никто безъ восторга не произносилъ имени государя. Но то, чего не могли военныя поселенія и Аракчеевъ, удалось Михаилу Павловичу со Шварцемъ... въ Петербургѣ... между военными [2]). «Явной хулы никто еще не позволялъ себѣ», продолжаетъ Вигель, «но при имени государя всѣ хранили угрюмое молчаніе». Нельзя, конечно, объяснить недовольство офицеровъ только жестокостью Михаила Павловича и Шварца, — для этого, какъ извѣстно изъ исторіи тайнаго общества, было много причинъ, но все же весьма характерно свидѣтельство Вигеля о настроеніи военныхъ круговъ. «Я видѣлъ, продолжаетъ онъ, какъ розоватый либерализмъ сталъ густѣть и къ осени (1820 г.) переходить въ кроваво-красный, какой онъ нынѣ на западѣ.—Разъ случилось мнѣ быть въ одномъ холостомъ, довольно веселомъ обществѣ, гдѣ было много и офицеровъ... Вдругъ запѣли они на голосъ извѣстной въ... дни революціи, пѣсни: «Veillons au salut de l'Empire». Слова эти были переведены полковникомъ Катенинымъ.

„Отечество наше страдаетъ
„Подъ игомъ твоимъ, о злодѣй!
„Коль насъ деспотизмъ угнетаетъ,
„То свергнемъ мы тронъ и царей.
„Свобода! Свобода!
„Ты царствуй надъ нами.
„Ахъ лучше смерть, чѣмъ жить рабами,
„Вотъ клятва каждаго изъ насъ“ [3]).

Закревскій въ своей запискѣ предлагаетъ субалтернъ-офицеровъ семеновскаго полка перевести въ армію и нѣкоторое время не представлять къ производству, а батальонныхъ и ротныхъ начальниковъ выписать въ армію тѣми же чинами и не поручать имъ никакого командованія, безпрестанно употреблять на службу и нѣсколько лѣтъ

---

[1]) Семеновская исторія расшевелила нижнихъ чиновъ: по свидѣтельству декабриста Розена, „почти во всѣхъ полкахъ обнаружились различныя притязанія и домогательства солдатъ“.

[2]) Одинъ изъ иностранныхъ дипломатовъ доносилъ послѣ семеновской исторіи: „Негодованіе противъ Шварца всеобщее. Раздаются общія жалобы противъ гибельной маніи всей императорской фамиліи, особенно великаго князя Михаила, мучить солдатъ“.

[3]) „Записки Ф. Ф. Вигеля“. М. 1892 г. VI, 17. Ту же пѣсню декабристы распѣвали впослѣдствіи въ Читѣ, при чемъ офицеры и солдаты слушали ее и маршировали подъ тактъ ея, какъ будто такъ и слѣдовало. Каразинъ въ своемъ дневникѣ, 24 ноября 1820 г., отмѣчаетъ слышанное имъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ: „человѣкъ съ 12 офицеровъ, собравшись въ ресторанѣ... за обѣдомъ... пили... за россійскую конституцію“ и затѣмъ прибавляетъ отъ себя: „Правительство или иначе государь дѣлаетъ себѣ въ народѣ оппозицію день ото дня болѣе“.

не принимать отъ нихъ просьбъ ни объ отпускѣ, ни объ отставкѣ. Закревскій не одобряетъ распоряженія Васильчикова: онъ долженъ былъ бы самъ ѣхать въ казармы, несмотря на болѣзнь, а не посылать туда Бенкендорфа и великаго князя (замѣчательно, что даже у столь консервативныхъ людей, какъ Закревскій, было нерасположеніе къ Михаилу Павловичу). Наказаніе, объявленное первой ротѣ, Закревскій находитъ слишкомъ строгимъ: по его мнѣнію довольно было предать суду старшихъ, если не могли открыть зачинщиковъ. Но теперь Закревскій считалъ уже невозможнымъ простить Семеновскій полкъ. Если затруднительно цѣликомъ перевести его въ армію, то первый батальонъ долженъ быть наказанъ непремѣнно, по опредѣленію военнаго суда, передъ всѣми полками гвардіи. Менѣе виновныхъ онъ предлагалъ разослать на службу въ Грузію, Оренбургъ и Сибирь. Сформированіе новаго полка онъ не совѣтовалъ поручать великому князю: очевидно и тогда многіе осуждали назначеніе великихъ князей на важныя и отвѣтственныя должности, ими ничѣмъ не заслуженныя. Наконецъ, онъ предлагалъ организовать особую тайную полицію, которая собираемыя ею свѣдѣнія объ офицерахъ и солдатахъ должна была сообщать корпусному командиру.

Закревскій не скрываетъ, что «публика, увлеченная мнѣніемъ родственниковъ семеновскихъ офицеровъ, во всемъ оправдываетъ полкъ и обвиняетъ однихъ начальниковъ». Какъ и подобаетъ военному генералу съ весьма невысокимъ уровнемъ образованія (Закревскій воспитывался въ Гродненскомъ корпусѣ), онъ думаетъ, что на это «смотрѣть нечего»; подобнымъ лицамъ всегда кажется, что отъ принятія строгихъ мѣръ зависитъ спокойствіе не только гвардіи и арміи, но и всей Россіи [1]).

Мы приводили выше (стр. 18) выдержки изъ одного письма о семеновской исторіи Бенкендорфа, какъ полагаютъ, адресованнаго Волконскому. Очень странно, что совершенно въ другомъ тонѣ писалъ Бенкендорфъ къ Волконскому 20 октября: «офицеры, оскорбленные именемъ, манерами, репутаціей человѣка, совершенно чуждаго полку, возстали противъ назначенія, казавшагося имъ оскорбленіемъ. Несдержанные разговоры, быть можетъ въ присутствіи солдатъ, возникавшіе вслѣдствіе предубѣжденія противъ Шварца, придавая новую силу этому чувству, съ перваго же времени поставили полкъ во враждебное отношеніе къ своему полковнику. Такое предубѣжденіе относительно Шварца, къ несчастію, слишкомъ скоро оправдалось. Не будучи въ состояніи пріобрѣсти уваженія, Шварцъ рѣшилъ заставить себя бояться, и въ этихъ видахъ онъ сталъ употреблять наказанія скорѣе позорныя, чѣмъ строгія; подробности ихъ отвратительны; генералъ Васильчиковъ неоднократно ему выговаривалъ. Пусть сопоставятъ то сознаніе своего достоинства, которое отличало полкъ болѣе сотни лѣтъ, съ обращеніемъ, коему онъ подвергся въ продолженіи послѣдняго года, и тогда будетъ нетрудно понять, что подобное поло-

[1]) А. И. Тургеневъ писалъ князю Вяземскому 28-го октября: „семеновцы все еще въ крѣпости и крѣпки мужествомъ и своею правдою и страданіями... Всеобщее участіе въ ихъ пользу“.

женіе должно было разрѣшиться кризисомъ». Весьма любопытное признаніе дѣлаетъ Бенкендорфъ относительно настроенія въ это время войска въ Петербургѣ: «болѣе чѣмъ вѣроятно», писалъ онъ, «что если бы настоящая катастрофа потребовала вмѣшательства вооруженной силы, то сія послѣдняя отказалась бы повиноваться, такъ какъ большая часть полковъ уже давно раздѣляла неблагопріятное мнѣніе семеновцевъ о полковникѣ Шварцѣ». Черновикъ письма Бенкендорфа о семеновской исторіи, цитированнаго нами выше, найденъ въ бумагахъ Васильчикова; приведенный же теперь отрывокъ взятъ изъ письма, сохранившагося въ бумагахъ Волконскаго. Быть можетъ первое было показано Васильчикову и затѣмъ вовсе не было отправлено.

Флигель-адъютантъ Д. П. Бутурлинъ въ своемъ письмѣ къ Волконскому употребляетъ по поводу происшествія въ семеновскомъ полку довольно неподходящія слова: «возмущеніе», «возстаніе» (rebellion, sédition, pleine insurrection). Правда, онъ не скрываетъ недостойнаго поведенія Шварца (плеваніе солдатамъ въ лицо, таскаціе ихъ за усы), но обвиняетъ и офицеровъ за неосторожные разговоры о Шварцѣ. Онъ думаетъ также, что вел. кн. Михаилъ Павловичъ былъ совершенно не на высотѣ положенія. Бутурлинъ сообщаетъ, что находились лица, совѣтовавшіе тотчасъ разстрѣлять десятаго изъ числа арестованныхъ, и порицаетъ Бенкендорфа, который во время отсутствія Васильчикова по обязанностямъ службы въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль, не могъ не знать, что дѣлается въ Семеновскомъ полку. Смѣщеніе Шварца Бутурлинъ считаетъ необходимымъ даже на основаніи закона Петра В., предписывающаго отрѣшеніе отъ должности начальника, на котораго жалуется половина его команды.

Бутурлина крайне пугала возможность военнаго возстанія, но съ другой стороны онъ восторгался превосходнымъ настроеніемъ гвардейскихъ офицеровъ; онъ полагалъ, что стоило кому нибудь изъ нихъ стать во главѣ солдатъ и побудить ихъ взяться за оружіе, «и все пошло бы къ чорту!» Однако, такого офицера не нашлось. Бутурлинъ считалъ необходимымъ наказаніе виновныхъ, но въ то же время онъ умолялъ императора о прощеніи полка. Ему приходила въ голову мысль, что можно было бы составить особый батальонъ Семеновскаго полка изъ 700 человѣкъ, остававшихся въ казармахъ и не участвовавшихъ въ волненіи. Но въ припискѣ къ письму, сдѣланной въ день отъѣзда Чаадаева, онъ говоритъ, что это уже не осуществимо, такъ какъ неучаствовавшіе въ волненіи смотрятъ на остальныхъ солдатъ своего полка, какъ на братьевъ, и считаютъ своимъ долгомъ раздѣлить ихъ судьбу. Бутурлинъ замѣчаетъ: «Множество подобныхъ чертъ блеснуло во время этого событія и вызывало слезы у людей съ самыми грубыми сердцами».

Бутурлинъ радовался, что не нашлось офицера, который сталъ бы во главѣ солдатъ. Но мысль о вооруженномъ возстаніи уже бродила въ умахъ нѣкоторыхъ членовъ тайнаго общества. Декабристъ кн. С. Г. Волконскій сообщаетъ въ своихъ запискахъ слѣдующій замѣчательный разсказъ И. И. Пущина, котораго онъ называетъ «рыцаремъ правды». «Во время бунта Семеновскаго полка я встрѣтился съ Николаемъ Ивановичемъ (Тургеневымъ), и онъ спросилъ меня: «Что же вы

не въ рядахъ возстанія Семеновскаго полка? вамъ бы тамъ надлежало быть». Эта идея нашла осуществленіе въ день 14-го декабря и въ возстаніи Черниговскаго полка, во главѣ котораго стоялъ бывшій семеновскій офицеръ, С. И. Муравьевъ-Апостолъ.

22-го октября, т. е. на другой день послѣ отправки Чаадаева, министръ внутреннихъ дѣлъ, гр. Кочубей, также написалъ государю письмо о Семеновской исторіи. Указавъ на то, что она возбудила очень много толковъ, онъ положительно утверждалъ, что всѣ считаютъ виновникомъ ея исключительно Шварца. Кочубей замѣчаетъ, что, по мнѣнію всѣхъ, если бы солдаты дѣйствовали подъ чужимъ руководствомъ, то они держали бы себя болѣе вызывающимъ образомъ, взялись бы за оружіе, постарались бы привлечь на свою сторону другіе полки. Кочубей выражалъ радость, что, вопреки примѣрамъ западно-европейскихъ государствъ, неудовольствіе войска не имѣло у насъ никакой политической цѣли. Онъ передалъ мнѣніе общества въ такомъ видѣ, что желаютъ строгаго наказанія дѣйствительно виновныхъ и будутъ очень опечалены, если всѣхъ семеновцевъ распредѣлятъ по другимъ полкамъ [1]).

Наконецъ онъ сообщалъ, что, насколько ему извѣстно по полицейскимъ свѣдѣніямъ и чрезъ его знакомыхъ, все спокойно, и лишь кое-гдѣ раздаются жалобы на нѣкоторыя суровыя наказанія или большую требовательность по службѣ въ какомъ-нибудь батальонѣ или ротѣ, жалобы на то, что солдаты называютъ «лишнею службою».

Когда Чаадаевъ явился къ государю, онъ сталъ разспрашивать его о подробностяхъ происшествія. «Надо признаться», сказалъ императоръ, «что семеновцы, даже совершая преступленіе, вели себя отлично хорошо». Потомъ онъ спросилъ, кого подозрѣваютъ въ возмущеніи полка. «Я можетъ быть грѣшу», прибавилъ онъ, «но очень подозрѣваю Греча» (который, какъ мы знаемъ, завѣдывалъ школами взаимнаго обученія для гвардейскихъ солдатъ). Чаадаевъ пытался убѣдить императора, что Гречъ тутъ рѣшительно не при чемъ, но императоръ долго продолжалъ свои разспросы на эту тему [2]).

2-го ноября императоръ Александръ подписалъ приказъ, которымъ была рѣшена судьба Семеновскаго полка. Въ немъ государь указывалъ на возможность принесенія жалобы на инспекторскихъ смотрахъ, четыре раза въ годъ производимыхъ бригадными, дивизіонными и корпусными начальниками, и на то, что во время ихъ «законъ повелѣваетъ даже откровенно каждому приносить свою жалобу». Но мы видѣли, что за жалобу, признанную неосновательною, солдатамъ грозило суровое наказаніе. Государь приказывалъ всѣхъ нижнихъ чиновъ Семеновскаго полка распредѣлить по разнымъ полкамъ арміи. Штабъ- и оберъ-офицеры были найдены «непричастными неповиновенію», въ приказѣ было признано даже, что они «усердно ста-

---

[1]) Кочубей предложилъ государю составить въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ сообщеніе о происшествіи для болѣе распространенныхъ въ Западной Европѣ газетъ, не придавая ему оффиціальнаго характера, что и было исполнено.

[2]) Александръ I сказалъ въ Варшавѣ Новосильцову, что Гречъ и его журналъ „Сынъ Отечества"—„очень неблагонадежны и неблагонамѣренны". Въ то время Гречъ дѣйствительно любилъ произносить радикальныя фразы, но дальше этого дѣло не шло.

рались возстановить потерянный порядокъ», но имъ это не удалось, и они доказали свое неумѣніе обходиться съ солдатами и заставлять себѣ повиноваться, а потому ихъ велѣно было перевести въ армейскіе полки съ повышеніемъ въ чинѣ. Шварцъ предавался военному суду за неумѣніе «удержать полкъ въ должномъ повиновеніи». Для немедленнаго пополненія Семеновскаго полка назначались роты изъ гренадерскихъ полковъ.

Приказъ этотъ, собственноручно написанный императоромъ Александромъ, былъ прочтенъ имъ великому князю Николаю Павловичу, причемъ оба они плакали. Государь воображалъ, что признанія такихъ мѣръ требуютъ «святость законовъ и честь имени россійской арміи», несмотря на «душевное сокрушеніе» и «чувство личной привязанности къ сослуживцамъ» своего полка (онъ былъ его шефомъ). Но для пролитія слезъ могли быть и другія основанія: въ лицѣ двухъ своихъ представителей, настоящаго и будущаго,—русское самодержавіе встрѣчало слезами полученное имъ грозное предостереженіе: русское войско начинало обнаруживать протесты противъ насилія, начинало отстаивать свое человѣческое достоинство. Къ сожалѣнію, лишь чрезъ 85 лѣтъ наши солдаты въ болѣе значительномъ количествѣ дѣлаются людьми, сознающими свои права и не желающими исполнять братоубійственныя обязанности [1]).

Какъ уже было упомянуто, 3-го ноября, тотчасъ послѣ того, какъ австрійское правительство получило извѣстіе о семеновской исторіи чрезъ своего курьера, Александръ I пригласилъ къ себѣ Меттерниха и разсказалъ ему о событіи. «Мы судили о немъ одинаково», пишетъ Меттернихъ. «*Императоръ вообще такъ измѣнился, что намъ теперь довольно часто случается быть одинаковаго мнѣнія*». Царь думаетъ, что есть причина для того, чтобы 3000 русскихъ солдатъ отважились на дѣло, такъ мало свойственное народному характеру. Онъ воображаетъ даже, что это дѣло радикаловъ, желавшихъ устранить его и заставить возвратиться въ Петербургъ. Я не согласенъ съ нимъ», продолжаетъ австрійскій министръ. «Это было бы уже слишкомъ, если бы въ Россіи радикалы могли располагать цѣлыми полками; но это доказываетъ, какъ измѣнился императоръ». Собственное мнѣніе Меттерниха состояло въ томъ, что дѣло само по себѣ не важно,—не даромъ онъ называетъ его вспышкою и вовсе не видитъ въ немъ «возстанія». Однако все же онъ считаетъ его непріятнымъ, потому что общество будетъ придавать ему значеніе.

Приказъ Александра I, покончившій со старымъ Семеновскимъ полкомъ, былъ подписанъ 2-го ноября, но отправленъ лишь 5-го [2]).

Въ тотъ же день государь писалъ Аракчееву: «Никто на свѣтѣ меня не убѣдитъ, чтобы сіе происшествіе было вымышлено солдатами,

---

[1]) М. И. Богдановичъ, военный генералъ, въ своей исторіи царствованія Александра I, печатавшейся „по высочайшему повелѣнію“, обвиняетъ семеновскій полкъ „въ неблагодарности“!—за что?—вѣроятно за дарованіе имъ такого превосходнаго командира, какъ Шварцъ.

[2]) По полученіи его петербургскій генералъ-губернаторъ Милорадовичъ написалъ государю, 19-го ноября, льстивое донесеніе, гдѣ упоминалъ о „слезахъ вѣрныхъ гренадеръ“ при слушаніи приказа и о томъ, что городъ „восхищенъ и благодаренъ“.

или происходило единственно, какъ показываютъ, отъ жестокаго обращенія съ оными полковника Шварца. Онъ былъ всегда извѣстенъ за хорошаго и исправнаго офицера и командовалъ съ честію полкомъ, Отчего же вдругъ сдѣлаться ему варваромъ?» Имѣя въ виду, что государь читалъ всѣ сообщенія по этому дѣлу, полученныя кн. Волконскимъ, нельзя не подивиться, что поведеніе Шварца еще не казалось ему варварскимъ: такъ притуплены были высочайшіе нервы тѣми жестокостями, которыя творились съ вѣдома и одобренія государя въ военныхъ поселеніяхъ. «По моему убѣжденію», продолжаетъ Александръ I, «тутъ кроются другія причины. Внушеніе, кажется, было не военное; ибо военный умѣлъ бы ихъ заставить взяться за ружье, чего никто изъ нихъ не сдѣлалъ, даже тесака не взялъ... Признаюсь, что я его приписываю тайнымъ обществамъ, которыя, по доказательствамъ, которыя мы имѣемъ, въ сообщеніяхъ между собою, и коимъ весьма непріятно наше соединеніе и работа въ Троппау» (въ австрійской Силезіи, гдѣ собрался конгрессъ, вызванный главнымъ образомъ революціею въ Неаполитанскомъ королевствѣ). «Цѣль возмущенія, кажется, была испугать» (тоже говорилъ Александръ и Меттерниху). Александру I казалось подозрительнымъ, что волненіе Семеновскаго полка произошло въ тотъ самый день, когда императрицы возвратились въ Петербургъ, ему казалось, что желали встревожить его и заставить, бросивъ занятія на конгрессѣ, возвратиться въ Россію. Припутывая къ дѣлу такіе замыслы, Александръ уже совершенно затемнялъ для себя вполнѣ ясное и несомнѣнное дѣло. Наблюдая Россію изъ далека и основываясь лишь на оффиціальныхъ донесеніяхъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, государь воображалъ, что, кромѣ происшествія въ Семеновскомъ полку, все остальное «хорошо идетъ»,—и это представлялось ему при существованіи крѣпостного права и военныхъ поселеній! Но онъ, по крайней мѣрѣ, понялъ, что событіе это вызоветъ большіе разговоры, что впрочемъ могъ объяснить ему и Меттернихъ.

И дѣйствительно, Васильчиковъ писалъ Волконскому: «ложные слухи, сплетни слѣдуютъ одна за другой; новости, болѣе или менѣе странныя, переходятъ изъ залъ въ переднія и, естественно, распространяются по городу..., одно только возвращеніе государя можетъ успокоить волненіе общества. Войска спокойны..., не всѣ солдаты и особливо офицеры негодуютъ: они жалѣютъ своихъ товарищей». Васильчиковъ считалъ необходимымъ отложить рѣшеніе дѣла до возвращенія государя. Еще не получивъ приказа Александра I, онъ сообщалъ, что «большая часть города клонится къ снисхожденію относительно Семеновскаго полка». Съ своей стороны онъ высказывалъ убѣжденіе, что «духъ полка слишкомъ дуренъ, чтобы оставить его въ Петербургѣ», но раскассированіе его произведетъ слишкомъ много шуму и представитъ дѣло болѣе серьезнымъ, нежели оно есть». Васильчиковъ полагалъ, что походъ Семеновскаго полка въ Грузію «примирилъ бы дисциплину съ милосердіемъ». Но такое милосердіе привело бы къ гибели большую часть полка въ самое скорое время вслѣдствіе сраженій съ горцами: не даромъ М. Ѳ. Орловъ называлъ Грузію «политическою фистулою Россіи».

В. Семевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Украинская прокламація 1847 года.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1847 года на заборѣ одного дома въ Кіевѣ была наклеена слѣдующая прокламація:

Къ вѣрнымъ сынамъ Украйны.

Братья! настаетъ великій часъ,—часъ, въ который вамъ представляется случай смыть поношеніе, нанесенное праху отцовъ нашихъ, нашей родной Украйнѣ подлою рукою вѣчныхъ враговъ нашихъ.

Кто изъ васъ не подниметъ руки на великое дѣло...

За насъ Богъ и добрые люди!

Вѣчно вѣрные сыны Украйны—враги кацаповъ.

Копію съ этой прокламаціи генералъ-губернаторъ Бибиковъ, бывшій въ то время въ С.Петербургѣ, представилъ въ III-е отдѣленіе 13 апрѣля 1847 года На докладѣ III отдѣленія Николай Павловичъ положилъ слѣдующую резолюцію:

„Явная работа той же пропаганды изъ Парижа, долго этой работѣ на Украйнѣ мы не вѣрили; теперь ей сомнѣваться нельзя, и слава Богу, что такъ раскрылось; Бибикову дай знать, что пора на мѣсто и надо вездѣ строго смотрѣть“.

14 апрѣля 1847 года.

Побѣгъ кн. П. А. Кропоткина.

(По разсказамъ участниковъ).

Въ своей замѣчательной книгѣ «Записки революціонера» (стр. 333 и 334) П. А. Кропоткинъ, рѣшившій бѣжать изъ Николаевскаго госпиталя въ 1876 г., приводитъ слѣдующій планъ задуманнаго имъ побѣга:

«Къ воротамъ госпиталя подъѣзжаетъ дама въ открытой пролеткѣ. Она выходитъ, а экипажъ дожидается ея на улицѣ, шагахъ въ пятнадцати отъ моихъ воротъ. Когда меня выведутъ въ четыре часа на прогулку, я буду нѣкоторое время держать шляпу въ рукахъ; этимъ я даю сигналъ тому, который пройдетъ мимо воротъ, что въ тюрьмѣ все благополучно. Вы,—обращается П. А. къ своимъ друзьямъ,—должны мнѣ отвѣтить сигналомъ: «улица свободна». Безъ этого я не двинусь. Сигналъ можно подать только звукомъ или свѣтомъ. Кучеръ можетъ дать его, направивъ своей лакированной шляпой свѣтового «зайчика» на стѣну главнаго больничнаго зданія; еще лучше, если кто-нибудь будетъ пѣть, покуда улица свободна,—развѣ если вамъ удастся нанять сѣренькую дачу, которую я вижу со двора, тогда можно подать сигналъ изъ окна. Часовой побѣжитъ за мной, какъ собака за зайцемъ, описывая кривую, тогда какъ я побѣгу по прямой линіи. Такимъ образомъ, я удержу свои пять-шесть шаговъ разстоянія. На улицѣ я прыгну въ пролетку, и мы помчимся во весь опоръ»... «Было сдѣлано нѣсколько другихъ предложеній,—говоритъ П. А.,—но, въ концѣ концовъ, этотъ проектъ приняли. Нашъ кружокъ принялся за дѣло. Люди, которые никогда не знали меня, приняли участіе, какъ будто дѣло шло о дорогомъ имъ братѣ».

Побѣгъ вышелъ удачнымъ не только въ томъ отношеніи, что П. А. Кропоткинъ получилъ свободу, но и въ смыслѣ исчезновенія всякихъ слѣдовъ участниковъ этого блестящаго дѣла. Впослѣдствіи нѣкоторые изъ участниковъ привлекались къ политическимъ процессамъ, ихъ карали и каторгой, и административной ссылкой, но при дознаніяхъ по ихъ дѣламъ никому не предъявляли обвиненія въ устройствѣ побѣга Кропоткину.

Съ 1876 года прошло 30 лѣтъ. Безъ всякой боязни повредить сложившейся репутаціи участниковъ, уцѣлѣвшихъ въ живыхъ, можно было бы привести ихъ имена, но каждый изъ нихъ, по своей скромности, можетъ сказать: «что въ имени тебѣ моемъ?!» Поэтому, пе-

редавая подробности побѣга П. А., какія не приведены въ его разсказѣ, я буду означать дѣйствующихъ лицъ иниціалами, упомянувъ полностью фамиліи только двухъ, давно загубленныхъ въ застѣнкахъ каторжныхъ тюремъ.

Въ центрѣ организаціи побѣга всталъ другъ П. А. Кропоткина, врачъ Орестъ Эдуардовичъ Веймаръ. Онъ имѣлъ собственный домъ на Невскомъ проспектѣ, что во многихъ отношеніяхъ представляло большія удобства.

Лошадь для побѣга была необходима, и непремѣнно своя, чтобы избѣжать риска, пользуясь услугами лихача-извозчика. При помощи родственныхъ связей М. П. Л., на средства революціоннаго кружка, близкаго Кропоткину, былъ купленъ рысакъ, у барона Фитингофа. Этотъ рысакъ, по имени «Варваръ», еще не такъ давно бравшій первые призы на бѣгахъ въ Петербургѣ, въ годъ покупки былъ уже въ возрастѣ около 10 лѣтъ, и потому обошелся, сравнительно, дешево, 2,500 рублей. Одновременно была пріобрѣтена хорошая пролетка и соотвѣтствующая упряжь,—и все это было предоставлено въ распоряженіе О. Э. Веймара, имѣвшаго при собственномъ домѣ конюшню и цѣлый штатъ преданныхъ ему дворниковъ.

Хорошо выѣзжанный рысакъ требовалъ умѣлаго кучера, въ особенности, когда ему придется увозить бѣглеца. Управлять лошадью на этотъ случай взялся лихой наѣздникъ, вологодскій помѣщикъ Л. Но помимо вполнѣ надежнаго кучера, нуженъ былъ и сѣдокъ, чтобы подхватить арестанта, когда онъ будетъ вскакивать въ экипажъ, и помочь ему переодѣться въ дорогѣ. Выполнить эту роль взялся О. Э. Веймаръ.

Рекогносцировка мѣстности, примыкающей къ Николаевскому госпиталю, убѣдила въ необходимости воспользоваться «сѣренькой дачей», указанной въ проектѣ П. А. Верхній этажъ этого сѣраго домика на углу Слоновой (теперешній Суворовскій проспектъ) и Кавалергардской улицъ представлялъ квартиру съ очень удобнымъ расположеніемъ оконъ, выходившихъ на обѣ улицы. Квартира оказалась свободной, и спѣшно была занята М. П. Л., якобы пріѣхавшей съ дачи найти помѣщеніе для больного мужа, принужденнаго на нѣкоторое время перебраться въ городъ. Въ виду такой цѣли естественно было, послѣ найма квартиры, какъ можно скорѣе обзавестись самой необходимой мебелью, и базарный ассортиментъ мебели, не превысившій расхода 11—13 рублей, не возбудилъ никакого подозрѣнія въ глазахъ хозяйки—нѣмки, тѣмъ болѣе, что М. П., въ совершенствѣ владѣя ея языкомъ, сама была принята за нѣмку.

Нанятая квартира оказалась прекраснымъ обсерваціоннымъ пунктомъ: изъ нея былъ виденъ дворъ, гдѣ гулялъ П. А., и всѣ улицы, расположенныя въ окрестностяхъ Николаевскаго Госпиталя.

Дальнѣйшія изслѣдованія мѣстности показали, что, при побѣгѣ Кропоткину можетъ помѣшать не только часовой, что «побѣжитъ за нимъ, какъ за зайцемъ, описывая кривую», но и другой, пожалуй болѣе опасный, стоящій за воротами госпиталя на улицѣ: онъ можетъ ружьемъ преградить ему дорогу. Отвести этого часового, занять его разговоромъ взялся Юрій Николаевичъ Богдановичъ, артисти-

чески умѣвшій изображать пытливаго простого человѣка въ приподнятомъ настроеніи...

Немалую опасность внушалъ и городовой, дежурившій на Слоновой улицѣ, вблизи госпиталя. Снять съ поста полицейскаго выпало на долю бывшему студенту Технологическаго Института, С. В. З. Находчивость этого молодого человѣка скоро подсказала ему, чѣмъ заинтересовать городового. Онъ узналъ, что въ квартирѣ его сдается комната, и въ назначенный для побѣга часъ завелъ съ нимъ переговоры объ этой комнатѣ.

— Съ поста-то вотъ сойти нельзя. А то бы показалъ,—говорилъ городовой.

— А какъ цѣна?

— Двѣнадцать рублей въ мѣсяцъ... съ услугами—видимо запросилъ полицейскій.

— Это мнѣ въ самый разъ... Пойдемъ. Покажи. А то надоѣло шляться. Сразу и снялъ-бы...

— Да вотъ, уйти-то боюсь. Неровенъ часъ—приставъ, али околодочный замѣтитъ... Ну, да идемъ, сбѣгаемъ скорѣй!

Полицейскій былъ снятъ.

Затѣмъ, для сигнала: «улица свободна» необходимо было образовать наблюдательный постъ на перекресткѣ улицъ и оттуда подавать условные знаки, понятные слѣдившимъ за всѣмъ изъ оконъ квартиры. Занять этотъ отвѣтственный пунктъ взялся М. З., наполнившій свой картузъ вишнями и усѣвшійся на тумбочкѣ. Ему было видно все происходившее на улицахъ. Онъ бросалъ въ ротъ вишни, когда не замѣчалъ препятствій, и прекращалъ свои минипуляціи при появленіи малѣйшей угрозы.

Въ началѣ предполагалось подавать Кропоткину сигналы гутаперчевымъ шаромъ, какими играютъ дѣти: поднимается шаръ изъ окна квартиры—значитъ, можно бѣжать; спускается внизъ—нельзя. Но этотъ пріемъ сигнализаціи оказался неудачнымъ, и пришлось остановиться на болѣе выразительномъ и надежномъ: въ обсерваціонной квартирѣ у окна помѣстился скрипачъ и, судя по знакамъ З., долженъ былъ играть на скрипкѣ или прекращать игру. Хорошимъ музыкантомъ оказался студентъ-медикъ В.

Въ ожиданіи всѣхъ этихъ приготовленій къ побѣгу, О. Э. Веймару пришлось раза два производить репетицію съ появленіемъ его на «Варварѣ» у воротъ Николаевскаго Госпиталя. Чтобы внушить къ себѣ болѣе почтенія со стороны наружнаго часового и сдѣлать для него понятнымъ, почему лошадь останавливается вблизи воротъ, онъ пріѣзжалъ въ изящномъ штатскомъ костюмѣ, въ дворянской шапкѣ съ краснымъ околышемъ и кокардой, и въ сопровожденіи молодой дамы, похожей по внѣшности на слушательницу медицинскихъ курсовъ, пріютившихся въ Николаевскомъ Госпиталѣ. Дама выходила изъ экипажа и скрывалась въ подъѣздѣ, а ея провожатый отъѣзжалъ на нѣкоторое разстояніе... очевидно, съ цѣлью дождаться ея возвращенія...

Веймаръ позаботился также и о томъ, чтобы П. А., когда будетъ въ пролеткѣ, могъ преобразиться въ джентельмэна, и самъ

сѣдокъ принять новый видъ, какъ только «Варваръ» завернетъ за уголъ Слоновой улицы. На этотъ случай въ экипажѣ имѣлись пальто и два складныхъ цилиндра (chapeaux-claques).

30 іюля всѣ устроители побѣга были на своихъ мѣстахъ. М. П. Л. находилась въ квартирѣ вмѣстѣ съ В. Важный баринъ съ краснымъ околышемъ поджидалъ свою спутницу на вороном рысакѣ, нетерпѣливо царапавшемъ копытомъ землю; скромный по виду мѣщанинъ пріютился на тумбочкѣ и ѣлъ вишни, а пытливый прохожій въ простомъ одѣяніи занималъ солдата своими распросами о микроскопѣ, видѣнномъ имъ на гуляньи въ Таврическомъ саду. Улицы были пусты. Чудные звуки мазурки Контскаго говорили Кропоткину, что все готово и условія благопріятны.

— Какъ разъ въ тотъ моментъ,—передавалъ Юрій Богдановичъ,—когда мой солдатъ, нѣсколько знакомый съ микроскопомъ, увлекся нагляднымъ изображеніемъ предмета: разставилъ руки, держа въ одной ружье, и произнесъ: «во какая вошь подъ стекломъ!»—Кропоткинъ выбѣжалъ и вскочилъ въ пролетку.

Въ одно мгновеніе «Варваръ», управляемый искусной рукой Л., очутился за угломъ Слоновой улицы и стрѣлой пустился по Кавалергардской. На бѣгу Кропоткинъ облекся въ пальто и надѣлъ цилиндръ; Веймаръ замѣнилъ свою полувоенную фуражку тоже цилиндромъ, и преображенные такимъ образомъ сѣдоки уже могли ввести въ заблужденіе всякаго, кто ихъ видѣлъ въ первый моментъ побѣга.

— Офицеръ сидѣлъ въ пролеткѣ, къ нему вскочилъ арестантъ въ рубашкѣ и жилеткѣ, и скрылись за угломъ,—говорили случайные свидѣтели сцены, когда военная стража переполошилась. .

— Проѣхали по Кавалергардской господа, да тѣ: оба въ цилиндрахъ,—могли сказать очевидцы слѣдующаго момента. Всякая опасность исчезла, когда «Варваръ» черезъ нѣсколько секундъ повернулъ на Тверскую.

Кучеръ окольными путями долженъ былъ доставить своихъ сѣдоковъ на Невскій проспектъ, къ дому № 107 Меншуткина. Этотъ громадный домъ имѣетъ проходной дворъ на Гончарную, гдѣ значится подъ № 22. «Варваръ» остановился у воротъ дома на Невскомъ, и Кропоткинъ съ Веймаромъ, выйдя изъ экипажа, направились проходнымъ дворомъ въ квартиру сестеръ К, имѣвшую парадный ходъ съ Гончарной. Съ этой стороны у подъѣзда стояла уже карета, готовая принять Кропоткина для его дальнѣйшаго исчезновенія изъ глазъ полиціи.

Л., благополучно доставивъ своихъ сѣдоковъ по назначенію, повернулъ «Варвара» на Невскомъ и, уже шагомъ, направилъ его къ Николаевскому вокзалу, гдѣ, въ ожиданіи экипажа, расхаживали на подъѣздѣ двѣ изящно одѣтыя молодыя дѣвушки Л. Онѣ сѣли въ пролетку и по Невскому отправились на Острова: такимъ образомъ, кучеръ, лошадь и экипажъ были еще разъ замаскированы новыми сѣдоками.

Радости участникамъ въ устройствѣ побѣга не было конца. Веймаръ цѣловалъ «Варвара» на своей дачѣ, куда онъ былъ доставленъ послѣ блестящаго подвига. М. П. Л. была въ такомъ восторгѣ,

что, впопыхахъ, покидая обсерваціонную квартиру, забыла въ брошенной юбкѣ кошелекъ съ деньгами и запиской, не мало смущавшей ее. Но успѣхъ располагаетъ къ риску. Взволнованная, она передала объ этомъ З., и этотъ смѣлый, энергичный юноша немедленно отправился въ пустую квартиру выручать забытую вещь. Хозяйка-нѣмка уже находилась подъ впечатлѣніемъ разсказовъ о смѣломъ побѣгѣ и, можетъ быть, благодаря именно этому обстоятельству, отнеслась совершенно равнодушно къ визиту молодого человѣка. Портмонэ было спасено.

Прошло два года. 4 августа 1878 г. былъ убитъ шефъ жандармовъ Н. В. Мезенцовъ. Главные виновники террористическаго акта, С. М. Кравчинскій и А. И. Баранниковъ, не были обнаружены, за то обвиненіе обрушилось на О. Э. Веймара, не принимавшаго въ этомъ дѣлѣ никакого участія. Поводомъ къ привлеченію его послужилъ «Варваръ», содѣйствовавшій исчезновенію Кравчинскаго и Баранникова. Слишкомъ замѣтная лошадь была извѣстна многимъ, когда послѣ побѣга Кропоткина она находилась у Веймара. Послѣ того, какъ она помогла ускользнуть отъ преслѣдованія Кравчинскому и Баранникову, она попала въ руки слѣдственной власти. На судѣ были свидѣтели, утверждавшіе, что арестованный рысакъ—вовсе не «Варваръ», бывшій у Веймара, но подозрѣнія были слишкомъ велики, чтобы признать справедливость этихъ показаній.

Да, Кравчинскаго и Баранникова, дѣйствительно, увезъ «Варваръ», оказавшій услугу и Кропоткину, но, тѣмъ не менѣе, О. Э. Веймаръ сталъ жертвой судебной ошибки.

Истина заключается въ томъ, что рысакъ послѣ побѣга Кропоткина нѣкоторое время стоялъ на конюшнѣ Веймара, а затѣмъ, какъ «общественная собственность», перешелъ въ руки кружка и участвовалъ въ другихъ дѣлахъ уже безъ всякаго содѣйствія Ореста Эдуардовича. Передъ убійствомъ Мезенцова «Варваръ» жилъ въ татерсалѣ, откуда и былъ взятъ въ день роковой смерти шефа жандармовъ. То и другое не было извѣстно О. Э. Веймару, такъ какъ онъ не былъ членомъ революціонной организаціи. Судъ не повѣрилъ искренности его заявленія, что онъ не принадлежалъ къ «преступному сообществу». А, между тѣмъ, это —непреложный фактъ.

Рѣшительный и смѣлый человѣкъ, О. Э. Веймаръ отличался такимъ свободолюбіемъ, что, когда въ 1877 г. ему предложили войти въ составъ кружковой организаціи, онъ далъ было согласіе, но на другой же день отказался.

— Не могу я войти ни въ какой кружокъ,—говорилъ онъ. Всякое подчиненіе коллективному рѣшенію будетъ стѣснять меня, а я хочу чувствовать себя всегда свободнымъ. Подвернется какой-нибудь серьезный актъ, я съ удовольствіемъ приму въ немъ участіе. Этимъ пусть и ограничивается моя связь съ друзьями.

Судебной ошибкой явилось и обвиненіе О. Э. Веймара въ содѣйствіи А. К. Соловьеву въ посягательствѣ на жизнь Александра II, 2 апрѣля 1879 г. У Соловьева оказался револьверъ, купленный Орестомъ Эдуардовичемъ въ оружейномъ магазинѣ, бывшемъ въ его домѣ.

Револьверъ былъ, дѣйствительно, пріобрѣтенъ Веймаромъ, но покупалъ онъ его не для Соловьева, а для своего друга, Г. А. Лопатина, жившаго въ его квартирѣ подъ именемъ Севастьянова. Впослѣдствіи этотъ револьверъ сталъ «общественной собственностью» и какъ онъ, переходя изъ рукъ въ руки, попалъ, наконецъ, Соловьеву,—Веймару не было извѣстно, какъ не было извѣстно и Лопатину, исполнявшему чью нибудь просьбу.

Такимъ образомъ, въ 1879 г., если администрація и могла обвинять въ чемъ-нибудь О. Э. Веймара, то исключительно въ устройствѣ побѣга П. А. Кропоткина. Но услужливая Ѳемида шагнула дальше, хотя и были кое-какія догадки: не игралъ-ли Веймаръ активной роли въ дѣлѣ 30 іюля 1876 г.

По крайней мѣрѣ, въ октябрѣ 1881 г., по дорогѣ въ Сибирь, Орестъ Эдуардовичъ разсказывалъ, что, передъ отправкой его на каторгу, товарищъ министра П. А. Черевинъ спросилъ его, какъ бы невзначай:

— А скажите, докторъ, не вы ли увозили князя Кропоткина?

— Ну, хоть бы и я!—отвѣтилъ съ досадой Орестъ Эдуардовичъ, измученный и тюрьмой, и судебнымъ приговоромъ, глубоко возмущавшимъ его своей несправедливостью.

А. Иванчинъ-Писаревъ.

Дѣла давно минувшихъ дней [1]).

Въ ноябрѣ 1864 г. былъ арестованъ въ Петербургѣ Огрызко. Этотъ арестъ, обратившій на себя всеобщее вниманіе, не произвелъ на меня, въ личномъ смыслѣ, ни малѣйшаго впечатлѣнія. Я съ Огрызко познакомился въ 60/61 г., когда въ качествѣ одного изъ редакторовъ 3-го выпуска студенческаго сборника наблюдалъ за его печатаніемъ въ типографіи Огрызко; никакихъ другихъ отношеній у меня съ Огрызко не было. Въ послѣдующее время при случайныхъ встрѣчахъ мы только раскланивались или обмѣнивались двумя-тремя словами.

Въ началѣ декабря того же 64 г. я былъ въ оперѣ. Тамъ встрѣтилъ моего знакомаго офицера преображенскаго полка Н. И. Ореуса [2]); я съ нимъ давно не видался и потому радъ былъ поговорить; но меня нѣсколько удивило, что при всей вѣжливости, онъ держался какъ-то странно, только отвѣчалъ на мои вопросы и точно торопился отдѣлаться отъ меня. Зато другой офицеръ того же полка Гурьевъ, съ которымъ я лишь случайно сталкивался у Ореуса, и то болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ, не только былъ весьма любезенъ, но даже увелъ къ себѣ въ ложу. Тамъ по нѣкоторомъ времени и говоритъ:— а знаете, о васъ въ извѣстной сферѣ, т. е. въ III отдѣленіи, что-то сильно поговариваютъ и притомъ въ крайне для васъ невыгодномъ смыслѣ, примите это къ свѣдѣнію.—Я отвѣтилъ, что это, вѣроятно, отзвуки по студенческой исторіи осени 1861 г.

На этомъ, однако, разговоры въ оперѣ не кончились; еще встрѣтилъ одного поляка, доктора Ф. Р—ча, съ которымъ у меня были нѣкоторыя конспиративныя отношенія. — Въ Кіевѣ арестованъ Владиславъ К—скій,—сказалъ онъ мнѣ.

Я и къ этому сообщенію отнесся совершенно спокойно, такъ какъ не могъ себѣ и представить, чтобы членъ спб. польскаго революціоннаго комитета способенъ былъ обнаружить при допросахъ какую-нибудь нескромность.

— Но, знаете, продолжалъ Р—чъ, на него (т. е. В. К—скаго) можно положиться, какъ на каменную стѣну.

---

[1]) Моя книжка „Изъ воспоминаній прошлаго“ (1905 г.) оканчивается словами: „11 декабря я былъ арестованъ и препровожденъ въ Вильно“. Настоящій разсказъ является прямымъ продолженіемъ главы „Земля и Воля“; въ ней говорится о моемъ участіи въ этомъ обществѣ и сношеніяхъ съ поляками; повторять здѣсь что-нибудь изъ напечатаннаго я считаю излишнимъ.

[2]) О немъ упоминаю въ „Воспоминаніяхъ прошлаго“, стр. 28—30.

Въ это время я былъ уже женатъ и имѣлъ въ краткосрочной арендѣ типографію Тиблена и К°., даже велъ переговоры о покупкѣ ея (со мной входили компаніонами Н. А. Неклюдовъ и В. О. Ковалевскій) и весь былъ занятъ этимъ дѣломъ. 10 декабря изъ военнаго министерства заявился въ контору типографіи какой-то чиновникъ съ крайне спѣшнымъ заказомъ.

Я сдѣлалъ смѣту, а онъ обѣщалъ быть у меня на другой день съ отвѣтомъ. 11 декабря рано утромъ будитъ меня прислуга.—Васъ спрашиваетъ какой-то военный. — Я подумалъ, что это вчерашній господинъ, быстро одѣлся и вышелъ въ залу. Но тамъ увидѣлъ совсѣмъ другое: военнаго въ общекавалерійской формѣ (тогда ее нерѣдко носили жандармскіе офицеры) и еще цѣлую свиту вмѣстѣ съ полицейскимъ приставомъ. Я догадался въ чемъ дѣло. Офицеръ (помнится капитанъ Окуневъ) заявилъ, что имѣетъ распоряженіе произвести у меня обыскъ; письменнаго документа, конечно, никакого не предъявилъ. Приступили къ дѣлу. Ни въ кабинетѣ, ни въ залѣ рѣшительно ничего не оказалось; пожелали пройти въ другія комнаты и прежде всего въ спальную; кап. Окуневъ былъ настолько деликатенъ, что разрѣшилъ мнѣ самому разбудить жену (она еще спала). Не легко мнѣ было это сдѣлать, особенно принимая во вниманіе, что жена была въ самыхъ послѣднихъ недѣляхъ беременности. Я постоялъ нѣкоторое время у кровати, наконецъ принялся тихонько будить жену. — Надо вставать, мой другъ. — Ахъ, оставь меня, мнѣ спать хочется. — Нельзя, тамъ съ обыскомъ пришли. Жена сначала ничего не поняла, пришлось еще разъ повторить роковую вѣсть.

Осмотрѣли спальную и все остальное помѣщеніе, и опять ничего не нашли, кромѣ самыхъ обыкновенныхъ типографскихъ корректуръ; хотя потомъ Окуневъ и разсказывалъ одному моему знакомому, что у меня забрали массу польскихъ прокламацій.

Когда процедура обыска была закончена, Окуневъ заявилъ:— А теперь я попрошу васъ послѣдовать за мной.

— Куда?—Сами скоро узнаете.

Допуская вѣроятность, по бывшему со мною случаю въ 63 г., что меня можетъ быть вызываютъ въ качествѣ свидѣтеля по какому-нибудь дѣлу, я нѣсколько франтовато одѣлся; но черезъ какіе-нибудь полчаса очутился въ III отдѣленіи. Тамъ, однако, не посадили меня въ номеръ, а оставили не то въ прихожей, не то въ дежурной. Было около 9 ч. утра; отъ нечего дѣлать сталъ перелистывать лежавшую тутъ исходящую книгу. Въ ней оказалась копія съ телеграммы слѣдующаго содержанія: — назначить къ арестованному двухъ жандармовъ. — Должно быть арестовали какую-нибудь очень важную личность, что для охраны его требуютъ двухъ жандармовъ, подумалъ я. Между тѣмъ время шло и мнѣ стало надоѣдать оставаться въ неизвѣстности; былъ должно быть четвергъ, а въ субботу предстоялъ расчетъ рабочихъ по типографіи. Увидѣвъ какого-то проходившаго офицера, я обратился къ нему: — Я желалъ бы видѣть полковника Мезенцова (онъ тогда исправлялъ обязанности управляющаго III отдѣленіемъ); у меня въ субботу расчетъ рабочихъ и мнѣ крайне необходимо знать, — буду ли я отпущенъ по разборкѣ моихъ бумагъ, или

задержанъ; въ прошломъ году въ типографіи были безпорядки, потому что, вызванный въ комиссію въ качествѣ свидѣтеля, я не имѣлъ возможности своевременно произвести расчетъ рабочихъ.—Черезъ нѣкоторое время офицеръ возвратился и объявилъ мнѣ:—вы сегодня же препровождаетесь въ Вильно, вамъ разрѣшается кого-нибудь вызвать по вашимъ дѣламъ.

Если бы мнѣ въ эту минуту сказали:—вы высылаетесь въ Камчатку, я былъ бы менѣе удивленъ, чѣмъ когда услышалъ, что меня отправляютъ въ Вильно. По какому поводу? Конечно въ ту же минуту написалъ записку Александру Антоновичу Жуку [1]), онъ жилъ въ томъ же домѣ, гдѣ и я, и управлялъ книжнымъ магазиномъ Н. Тиблена (Вас. Остр. 8 линія въ бывшемъ домѣ Задлера). При свиданіи съ Жукомъ я просилъ его ничего не говорить женѣ, что меня препровождаютъ въ Вильно (тамъ тогда былъ еще М. Н. Муравьевъ), но конечно сообщить объ этомъ моему тестю В. Н. Латкину.

Послѣ свиданія съ Жукомъ меня спросили, не желаю ли я пообѣдать, причемъ объяснили, что обѣдъ будетъ доставленъ изъ ресторана и если я пью вино, то какое желаю имѣть. Я, конечно, не отказался и за довольно хорошимъ и обильнымъ обѣдомъ выпилъ цѣлую бутылку краснаго вина. А затѣмъ тронулись въ путь, и только тутъ я сообразилъ, для какого арестованнаго понадобилось два жандарма. Ѣхали въ общемъ вагонѣ.

На другой день уже подъ вечеръ были въ Вильно, о которомъ я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Прежде всего, какъ оказалось, меня доставили въ комендантское управленіе. Тамъ вышелъ очень плотный старикъ генералъ Вяткинъ [2]).—Какъ ваша фамилія?—Пантелѣевъ.—Вы полякъ?—Нѣтъ.—Католикъ?—Нѣтъ.—Такъ зачѣмъ же васъ сюда привезли?—И самъ не знаю.—Вотъ вчера тоже привезли изъ новгородской губерніи одного русскаго, такъ онъ говоритъ, что даже никогда ни одного польскаго слова не слыхалъ.

Болтливость Вяткина мнѣ пошла въ пользу, я сейчасъ же догадался, что это мой товарищъ П. В. Пушторскій, арестованный въ 63 г. по оговору Андрущенко; осенью въ 64 г. Пушторскій былъ выпущенъ на поруки и жилъ у себя въ имѣніи въ бѣлозерскомъ уѣздѣ.

— Въ «Доминиканы»—закончилъ Вяткинъ, обращаясь къ сопровождавшимъ меня жандармамъ.

И вотъ меня опять куда-то повезли; слово «Доминиканы» рѣшительно для меня ничего не говорило. Переѣздъ по узкимъ улицамъ въ «Доминиканы» показался мнѣ безконечно длиннымъ; наконецъ, остановились у какой-то калитки, продѣлана была процедура впуска, и я очутился во дворѣ, а затѣмъ и въ квартирѣ смотрителя, видимо весьма небольшой; та комната, гдѣ производилась передача меня съ рукъ на руки, одновременно была и пріемной, и жилой. Пока смотри-

[1]) О немъ не разъ упоминается въ моихъ „Изъ воспоминаній прошлаго“ въ главѣ „Земля и Воля“.

[2]) Его увѣковѣчилъ Ѳедотовъ, см. рисунокъ № 74, въ изданіи Ѳ. П. Булгакова: „П. А. Ѳедотовъ и его произведенія“.

тель что-то писалъ, я присматривался къ нему. Онъ былъ военный, съ виду лѣтъ подъ сорокъ, а на погонахъ имѣлась только одна звѣздочка (т. е. прапорщикъ).—Значитъ изъ бурбоновъ, подумалъ я (и не ошибся), ничего хорошаго ждать нельзя. Однако онъ оказался человѣкомъ сдержаннымъ и вѣжливымъ. Въ разговорѣ съ нимъ выяснилось, что платье и бѣлье останутся при мнѣ, что на свои деньги могу выписывать что мнѣ понадобиться, даже обзавестись самоваромъ, могу также курить. — Вотъ очень хорошія сигары, сказалъ смотритель, предлагая мнѣ сигару,—3 р. за сотню.—Я досталъ свой портсигаръ и, вынувъ сигару, въ свою очередь предложилъ ее смотрителю съ словами:—30 р. сотня (у меня тогда была слабость лакомиться иногда тонкими гаванскими сигарами). Какъ я и расчитывалъ, мои слова произвели эффектъ: смотритель сталъ еще внимательнѣе и, передавая служителю составленный мною реестръ покупокъ, строго проговорилъ:—сейчасъ отправляйся, да живо возвращайся. Въ концѣ-концовъ уже тюремному жандарму онъ отдалъ приказъ:—въ такой-то номеръ (9 или 10, не помню). Черезъ небольшой дворъ провели меня въ какое-то зданіе, тамъ поднялись во второй этажъ, гдѣ-то въ корридорѣ остановились, звякнулъ ключъ въ замкѣ и я очутился въ назначенномъ мнѣ помѣщеніи. Зажженный фитиль въ плошкѣ освѣтилъ его, дверь захлопнулась, и я принялся осматривать мое жилье. Прежде всего меня поразилъ крайній холодъ, такъ что не раздѣваясь остался въ шинели; далѣе, невозможная тѣснота, видимо замазанное глиной окно, вообще номеръ производилъ впечатлѣніе какой-то грязной конуры.

Вскорѣ, однако, принесли мои покупки и я принялся за чай, не безъ любопытства разсматривая самоваръ, сдѣланный изъ жести. По времени зашелъ смотритель (всегда въ сопровожденіи жандарма), спросилъ—все ли я получилъ; въ то же время служитель (изъ солдатъ) внесъ кружку воды, ломоть хлѣба и поставилъ парашку. Я попросилъ затопить печь, что и было сдѣлано, но съ шинелью всетаки не пришлось разстаться, и послѣ топки въ номерѣ было слишкомъ холодно. Въ дорогѣ мои мысли были въ какомъ-то разбродѣ; чаще всего, конечно, вспоминалась жена; но постоянный стукъ вагонныхъ колесъ (ѣхали въ 3 классѣ), неумолкаемый говоръ въ вагонѣ не давали сосредоточиться чувству, ни остановиться на какой-нибудь мысли. Теперь, оставшись одинъ въ номерѣ, при полной тюремной тишинѣ, я весь ушелъ мыслью какъ въ свое собственное положеніе, такъ и живо себѣ представлялъ ужасное состояніе, въ которомъ должна находиться жена. Но молодость и плохо проведенная ночь въ вагонѣ взяли свое, кончилось тѣмъ, что я всетаки заснулъ.

Поднялся, однако, рано; было еще темно и много прошло времени до утренняго визита смотрителя съ обязательною свитою. Моимъ первымъ дѣломъ было заявить недовольство на номеръ, полагая, что размѣщеніе зависѣло отъ смотрителя.

— Ужъ вы съ этимъ обратитесь въ комиссію.

— Въ такомъ случаѣ, прошу васъ передать комиссіи о моей претензіи.

— Хорошо.

Часа черезъ два зазвенѣлъ замокъ въ дверяхъ моего номера и ко мнѣ вошелъ какой-то артиллерійскій поручикъ (какъ потомъ оказалось,—Гогель).—Ваша фамилія?—Пантелѣевъ. Не зная, кто онъ такой, я все-таки заявилъ, что номеръ вреденъ для моего здоровья, такъ какъ я страдаю ревматизмомъ. — Здѣсь всѣ такіе номера.—Я желалъ бы имѣть книги.—Здѣсь читать не разрѣшается,—и съ этими словами исчезъ. Помнится, я провелъ въ этомъ номерѣ дня три, никуда меня ни вызывали и никого кромѣ смотрителя не видалъ. Время тянулось безконечно долго, чему особенно способствовалъ полумракъ, царившій въ номерѣ. Между тѣмъ у меня сталъ сказываться ревматизмъ въ плечѣ, и я просилъ смотрителя прислать доктора. Онъ и явился; то былъ военный докторъ Фавелинъ, впослѣдствіи небезызвѣстный въ Петербургѣ, гдѣ онъ продолжалъ службу по военному вѣдомству и имѣлъ довольно большую практику. Фавелинъ будучи старшимъ докторомъ какого-то казачьяго полка стоявшаго въ Вильно, въ то же время былъ личнымъ докторомъ Муравьева. Какъ потомъ оказалось, человѣкъ онъ былъ хорошій, но имѣлъ очень мало возможности сдѣлать что-нибудь въ пользу заключенныхъ. Фавелинъ выслушалъ меня, — я просилъ о перемѣнѣ номера, и молча удалился. Единственнымъ развлеченіемъ за эти дни были по временамъ доходившіе до меня звуки церковнаго органа и костельнаго пѣнія: мой номеръ выходилъ на маленькій дворикъ, замыкавшійся костеломъ. Но вотъ какъ-то подъ вечеръ входитъ смотритель и заявляетъ, что меня переводятъ въ другой номеръ. — Вы имъ будете довольны, г. Пантелѣевъ. —Этотъ номеръ, этажемъ выше и въ самомъ дѣлѣ показался мнѣ просто роскошнымъ, по сравненію съ прежнимъ; онъ былъ выше, просторнѣе, его окно, хотя тоже замазанное, выходило на большой дворъ, а за нимъ виднѣлся какой-то садъ. Благодаря форточкѣ, можно было дѣлать нѣкоторыя наблюденія. Впослѣдствіи, обжившись въ немъ, я нашелъ, что и онъ достаточно грязенъ.

Пора сказать, что «Доминиканы» былъ упраздненый въ 40-хъ годахъ, католическій монастырь (въ свое время одинъ изъ богатѣйшихъ въ Вильно), превращенный затѣмъ въ тюрьму для политическихъ. Муравьевъ по пріѣздѣ въ Вильно, независимо отъ Высочайше утвержденной слѣдственной комиссіи, имѣвшей предсѣдателемъ ген. Цылова, сформировалъ Особую Слѣдственную Комиссію, въ вѣдѣніи которой и были «Доминиканы»; въ эту комиссію Муравьевъ передавалъ дѣла, почему-нибудь его особенно интересовавшія. Мѣстные жители хорошо знали, что попасть въ «Доминиканы» по меньшей мѣрѣ означало, что благополучно оттуда не выберешься; кромѣ того большая часть казненныхъ въ Вильно вышла изъ «Доминиканъ»; ихъ обыкновенно незадолго до казни сажали въ извѣстные номера, тоже ни для кого изъ мѣстныхъ жителей не составлявшіе тайны. Мой первый номеръ какъ разъ былъ одинъ изъ такихъ. Къ счастью для меня все это мнѣ было совершенно неизвѣстно.

За мое время комиссія состояла изъ жандармскаго полковника Лосева, жан. маіора Шпейера, жан. капитана Семенова, двухъ артиллерійскихъ поручиковъ Югана и Н. В. Гогеля, при аудиторѣ Ѳедоровѣ. Члены комиссіи, какъ говорилъ мнѣ послѣ смотритель, получали по

пяти тысячъ рублей жалованья—цифра по тѣмъ временамъ прямо таки огромная. Какъ передавали мнѣ, Лосевъ выдвинулся при производствѣ слѣдствія въ Минскѣ по дѣлу революціонной организаціи. Во главѣ ея съ титуломъ «воеводы» стоялъ мѣстный помѣщикъ Лапицкій, человѣкъ недалекій, но тщеславный. И вотъ Лосевъ, замѣтивъ въ Лапицкомъ послѣднюю черту, сталъ величать его «ваше превосходительство». Это такъ польстило Лапицкому, что онъ все выложилъ, даже и то, что его прямо не касалось. Впрочемъ, такая сообщительность не спасла его отъ ссылки въ Сибирь. Послѣ Лосева Гогель и Юганъ были самыми вліятельными членами комиссіи. Чуть ли не на другой день по переводѣ въ новое помѣщеніе, меня вызвали въ комиссію.

Комиссія помѣщалась въ тѣхъ же «Доминиканахъ» въ нижнемъ этажѣ, занимая кромѣ прихожей, помнится, три небольшія комнаты. Меня принялъ самъ Лосевъ. То былъ плотный мужчина, лѣтъ около пятидесяти, съ сѣдыми рѣдкими волосами, и одутловатымъ лицомъ, сѣрыми непріятными глазами.—Вотъ вамъ письмо, потрудитесь сейчасъ же написать отвѣтъ, проговорилъ Лосевъ сухимъ, почти недовольнымъ тономъ, можете писать у себя въ номерѣ. Мнѣ были даны бумага и чернила.

Письмо было отъ жены; она коротко сообщала, что совсѣмъ здорова и просила о ней не тревожиться. Я въ свою очередь написалъ, что вполнѣ здоровъ и нахожусь въ очень хорошей обстановкѣ. Легко понять, какъ обрадовало меня письмо жены, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не мало удивило: съ одной стороны суровость режима заключенія, а съ другой,—ранѣе всякихъ допросовъ не только передаютъ письма, но даже требуютъ отвѣта на нихъ. Я лишь впослѣдствіи узналъ закулисную сторону моихъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ и нѣкоторыхъ послѣдующихъ смягченій режима. Оказалось, что вскорѣ по моемъ арестѣ пріѣзжалъ въ Вильно мой тесть; ему, однако, не разрѣшили свиданія со мной, но онъ, имѣлъ письма къ Потапову (отъ кн. Суворова и еще кого-то), а послѣдній въ это время былъ уже въ открытой ссорѣ съ Муравьевымъ [1]), который самъ выпросивши себѣ въ помощники Потапова, обманулся въ своихъ расчетахъ на него; Потаповъ же имѣлъ сильныя связи въ Петербургѣ и съ нимъ приходилось считаться. Потаповъ, видимо, не довѣряя комиссіи, сказалъ тестю, чтобы всѣ письма и посылки для меня направлялись въ его адресъ; затѣмъ отъ Потапова являлся въ комиссію посланный и его именемъ требовалъ моего отвѣта или росписки въ полученіи книги.

Можетъ быть на другой день заявился въ мой номеръ Юганъ. Сначала сторонній разговоръ, а затѣмъ, какъ бы невзначай, Юганъ сталъ предлагать мнѣ разные вопросы.—Не знаете-ли Брауна?—Нѣтъ, въ первый разъ слышу (подъ псевдонимомъ Браунъ одно время разумѣлся Бакунинъ, кажется когда онъ направлялся съ польской экспедиціей въ Балтійское море; и кромѣ того это былъ условный терминъ, что передаваемыя бумаги идутъ отъ польскаго комитета).—А какія отношенія у васъ были съ Владиславомъ Кос — мъ? — Это кто? —

[1]) Личныхъ сношеній между ними не существовало, сносились бумагами или черезъ посредство состоящихъ при нихъ лицъ.

Іосафатъ ОГРЫЗКО.

Офицеръ полякъ, жившій въ Петербургѣ.—Никакихъ, я совсѣмъ не знаю такого господина.—Не получали-ли вы чего-нибудь черезъ его посредство и не передавали-ли ему?—Ничего подобнаго быть не могло, разъ что я никогда не зналъ Кос—каго.—А Гейденрейха?—Тоже въ первый разъ слышу (и это была совершенная правда). Около такихъ неопредѣленныхъ вопросовъ разговоръ длился болѣе часу; затѣмъ Юганъ ушелъ. Но не далѣе какъ черезъ день опять посѣтилъ меня, вновь повторилъ прежніе вопросы, прибавивъ еще нѣсколько фамилій поляковъ совсѣмъ мнѣ неизвѣстныхъ.—Въ какихъ отношеніяхъ вы были съ Пушторскимъ?—Это мой товарищъ по гимназіи и университету; и тутъ я очень обстоятельно распространился о немъ, какъ весьма дѣльномъ и занимающемся студентѣ.—Вы знали Николая Утина?—Я съ нимъ познакомился въ университетѣ, сидѣли вмѣстѣ въ Петропавловской крѣпости.—Вы были членомъ «Земли и Воли» и Утинъ тоже?—Никакой «Земли и Воли» не знаю и ничего о ней не слыхалъ.—А съ Огрызко были знакомы?—Да, и подробно разсказалъ по какому случаю.—А не можете ли объяснить, почему и какъ бѣжалъ Н. Утинъ?—Положительно ничего не знаю.

Оставивъ дальнѣйшіе разспросы, Юганъ, какъ говорится, повелъ бесѣду по душѣ о предметахъ, которыя по его предположенію должны были воздѣйствовать на мое психическое состояніе. Онъ убѣждалъ меня дать чистосердечное показаніе, потому что только оно одно можетъ смягчить мою участь.—Допустимъ даже, говорилъ онъ тономъ человѣка какъ бы входящаго въ мое положеніе, что вамъ сохранятъ жизнь, подумайте одно: васъ ожидаетъ вѣчная каторга. Если вы сами себя не жалѣете, такъ вспомните, что у васъ есть жена; вѣдь съ вашей стороны было бы безчеловѣчно потребовать, чтобы она васъ сопровождала; у васъ могутъ быть дѣти, какое имя вы имъ передадите? Да вы и теперь не имѣете права ставить вашу жену въ рискованное положеніе; здѣсь въ дѣлахъ нѣтъ лицепріятія; въ этомъ самомъ номерѣ сидѣла графиня Моль, да еще вскорѣ послѣ родовъ. За то сколько людей, которымъ угрожала смертная казнь, какъ, напримѣръ, моему собрату по оружію Влодеку, остались живы благодаря чистосердечному поведенію при слѣдствіи.

Въ этомъ тонѣ разговоръ можетъ быть продолжался часа два и порядочно измучилъ меня. Наконецъ Юганъ ушелъ, оставивъ мнѣ бумагу и карандашъ.—Когда напишете, принесите въ комиссію.

Лицемѣріе Югана было для меня несомнѣнно; но въ противность его расчету изъ его же словъ я вынесъ своего рода успокоеніе: несомнѣнно у комиссіи нѣтъ ничего такого, что могло бы мнѣ угрожать болѣе чѣмъ каторгой. Двусмысленные намеки на счетъ жены мнѣ казались слишкомъ дикими, чтобы ихъ можно было истолковать въ смыслѣ прямой опасности угрожающей ей. Соображая распросы Югана, я вывелъ такое заключеніе: комиссія несомнѣнно что то знаетъ, но какъ будто не отъ Кос — каго, всего менѣе отъ Пушторскаго, которому не были извѣстны мои сношенія съ Кос — кимъ, вѣрнѣе всего отъ третьяго лица, кое что знающаго по наслышкѣ. Потому я твердо рѣшилъ держаться системы отрицанія, такъ какъ иначе опасался запутать Кос — каго.

На другой день черезъ смотрителя довелъ до свѣдѣнія комиссіи, что желаю передать мое показаніе, и по нѣкоторомъ времени былъ вызванъ въ нее; но въ комиссіи должно быть кого-нибудь допрашивали, потому меня предварительно ввели въ небольшую комнату, которая находилась влѣво отъ прихожей. Здѣсь я замѣтилъ верхній женскій костюмъ и шеншиловую муфту.—Совершенно такая же муфта у жены, подумалъ я. Скоро однако меня позвали въ присутствіе комиссіи, гдѣ я и передалъ Югану мой черновикъ.—Что же вы написали, спросилъ Юганъ.—Что отвѣчалъ вамъ въ номерѣ.—Юганъ пожалъ плечами.—Можете уходить.

Чуть-ли не въ тотъ же день, такъ уже къ ночи, изъ сосѣдняго номера стали доходить до меня стоны, которые то усиливались, то ослабѣвали. Стоны продолжались довольно долго; часовой на корридорѣ по временамъ подымалъ желѣзную занавѣсочку, прикрывавшую, маленькое оконце въ дверяхъ каждаго номера; значитъ заглядывалъ въ номеръ, но и только. Я вспомнилъ шеншиловую муфту и подозрѣніе, что рядомъ со мной помѣщена моя жена, и притомъ больная, явилось само собой. Я теперь не могу и представить себѣ мое тогдашнее душевное состояніе; помню только, что я ходилъ по номеру, поминутно останавливался и прислушивался къ стонамъ. Наконецъ на корридорѣ раздались чьи то шаги, звякнули ключи, какой то разговоръ въ сосѣднемъ номерѣ и затѣмъ все стихло. Всю эту ночь я не могъ заснуть, мнѣ все чудились стоны, но когда начиналъ внимательно прислушиваться—ни одинъ подозрительный звукъ не нарушалъ ночной тишины. Уже много времени спустя я узналъ, что въ этотъ день была арестована m-е Клечковская (она имѣла въ Вильно пансіонъ для дѣвицъ, закрытый Муравьевымъ) и посажена въ сосѣдній со мной номеръ, передъ тѣмъ свободный и для экономіи неотапливаемый. Когда номеръ былъ вытопленъ, въ немъ сдѣлалось угарно и Клечковская почувствовала себя дурно; но смотрителя не было дома, безъ него же никто не могъ распорядиться, а потому она долго оставалась безъ всякой помощи.

Еще разъ посѣтилъ меня Юганъ; новыхъ вопросовъ не ставилъ, но, не жалѣя времени, краснорѣчиво взывалъ къ чистосердечному признанію: причемъ опять завелъ разговоръ о моемъ семейномъ положеніи. Я наконецъ прервалъ его.—Прошу васъ оставить мои семейныя дѣла, я и безъ васъ ихъ знаю. Но это нисколько не подѣйствовало на Югана, онъ продолжалъ свои душу выматывающія рѣчи, какъ будто совсѣмъ и не слышалъ моихъ словъ. Ушелъ онъ, конечно, съ тѣмъ же, съ чѣмъ и пришелъ.

Не лишнимъ считаю пояснить, что въ это время у комиссіи единственно сколько-нибудь серьезнымъ дѣломъ было то, по которому меня притянули, такъ называемое «Петербургское дѣло»; въ центрѣ его стоялъ Огрызко; всего въ дѣлѣ, сколько припоминаю, фигурировало 9 человѣкъ, частью совсѣмъ незнакомыхъ, частью весьма мало связанныхъ между собою, такъ какъ были набраны съ разныхъ мѣстъ. Потому и неудивительно, что члены комиссіи могли съ избыткомъ тратить время на мало идущіе къ дѣлу увѣщательные разговоры; вѣдь чѣмъ дольше тянулось наше дѣло, тѣмъ на бо̀льшее время отсрачива-

лось неминуемое закрытіе комиссіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и потеря экстраординарныхъ окладовъ.

Кромѣ меня, Огрызко, Вл. Кос—каго (на него сдѣлалъ указаніе офицеръ Миладовскій; сначала Миладовскій былъ приговоренъ къ смертной казни, вслѣдствіе новыхъ показаній смертную казнь замѣнили каторгой, еще новыя показанія—и Миладовскій отдѣлался поселеніемъ [1]) къ петербургскому дѣлу были привлечены: офицеры инж. акад. Ант. Рудомина, Ст. Каз. Глинка-Янчевскій (теперешній сотрудникъ А. С. Суворина), лѣсничій Бендаржевскій (изъ Вятки), д-ръ Малевскій (изъ Люблина), Михаилъ Коссовскій (чинов. спб. губ. правленія) и ин. офицеръ Васьковскій. Въ Ригѣ на вечерѣ въ общественномъ клубѣ Васьковскій обронилъ бумажникъ и отрекся отъ него; а въ бумажникѣ оказались какія-то замѣтки, компрометировавшія Малевскаго и Бендаржевскаго; послѣдній по сбору денегъ зацѣпилъ Мих. Коссовскаго. Рудомина и Янчевскій были арестованы еще весной 63 г. въ Петербургѣ при общемъ обыскѣ у офицеровъ поляковъ. Тогда у Рудомина было найдено черновое письмо къ матери, въ которомъ онъ выражалъ твердое намѣреніе уйти въ банду; это онъ писалъ въ самомъ началѣ возстанія, но остался въ академіи и держалъ экзаменъ. За Глинкой-Янчевскимъ была одна вина (и то по его собственному признанію, данному еще въ Петербургѣ), что онъ зналъ о намѣреніи Рудомина уйти въ банду, но ужъ послѣ того какъ тотъ раздумалъ. Рудомина и Янчевскій просидѣли въ Петербургѣ до осени 64 г., а затѣмъ были пересланы въ Вильно. Арестъ Огрызко послѣдовалъ вслѣдствіе показанія В. Кос—каго; ранѣе на него, повидимому, имѣлись лишь темные извѣты Оскара Авейды (членъ Центр. Комитета). Все петербургское дѣло было затѣяно Муравьевымъ, чтобъ доказать, что петербургскія власти, главнымъ образомъ конечно кн. Суворовъ, не видятъ, что у нихъ дѣлается подъ носомъ.

Къ этому же дѣлу по особому Высочайшему повелѣнію было присоединено разслѣдованіе о побѣгѣ изъ Петербурга Н. Утина и Юндзила, офицера поляка (изъ военно-сухопутнаго госпиталя).

Проходитъ нѣкоторое время, какъ вдругъ меня вечеромъ вызываютъ въ комиссію; тамъ застаю Югана и Гогеля.— Вотъ ваше переписанное показаніе, сказалъ Юганъ, прочтите его. Я внимательно перечиталъ,—слово въ слово мое черновое показаніе.—Остается только подписать, сказалъ я, окончивъ чтеніе.—Не дѣлайте этого, съ чувствомъ заговорилъ Юганъ, не губите себя, пожалѣйте близкихъ вамъ, и т. п. Говорилъ онъ долго на эту тему. Чтобы выяснить, имѣетъ ли комиссія прямыя показанія на меня В. Кос—каго, я сказалъ, что пусть дадутъ мнѣ очную ставку съ нимъ.—Здѣсь этого не дѣлается, а если и бываетъ очная ставка, то въ очень рѣдкихъ случаяхъ и не иначе, какъ всякій разъ съ особаго разрѣшенія генералъ-губернатора. —Но почему вы знаете, можетъ быть очная ставка выяснитъ дѣло совсѣмъ съ неожиданной для васъ стороны, продолжалъ я въ расчетѣ,

[1]) Онъ, кажется, умеръ до высылки въ Сибирь. Вспоминаю, что Вс. Костомаровъ, Андрущенко, Ничипоренко, такъ скомпрометировавшіе себя въ первыхъ политическихъ процессахъ начала 60-хъ годовъ, тоже умерли или во время производства дѣлъ, или весьма скоро послѣ окончанія ихъ.

что нѣкоторая двусмысленность этихъ словъ склонитъ комиссію допустить очную ставку.—Нѣтъ, объ очной ставкѣ не стоитъ и говорить, это дѣло немыслимое. Въ подобнаго рода разговорахъ прошелъ добрый часъ. Наконецъ Юганъ сказалъ:—Ну, если вы рѣшились погубить себя, то подписывайте. Я взялъ перо и проставилъ свою фамилію. Затѣмъ всталъ съ вопросомъ:—могу я уходить?—Да развѣ вамъ не надоѣло сидѣть одному въ номерѣ. Я опустился на стулъ. Пьемъ чай, куримъ и ведемъ сторонній разговоръ, чуть ли не о виленскихъ древностяхъ. Вдругъ растворилась входная дверь и я увидалъ какъ два жандарма вводятъ Кос—каго, нѣсколько поддерживая его, и затѣмъ усадили его противъ меня. Съ боку отъ меня въ головѣ стола сидѣлъ Юганъ, а нѣсколько въ сторонѣ Гогель.

Внѣшній видъ Кос—каго произвелъ на меня удручающее впечатлѣніе. Я зналъ его блестящимъ гвардейскимъ офицеромъ (конной артиллеріи); высокій, стройный, красивый онъ импонировалъ своимъ увѣреннымъ тономъ; мнѣ онъ часто вспоминался, когда по случаю заявленнаго черезъ меня протеста Комитета «Земли и Воли», что поляки предприняли казанское дѣло (распространеніе на Волгѣ фальшиваго манифеста) безъ предварительнаго сношенія съ «З. и В.», онъ съ апломбомъ отвѣчалъ:—пошлите ноту. Теперь передо мной былъ человѣкъ въ отрепанномъ мундирѣ, осунувшійся, съ какимъ то приниженнымъ выраженіемъ лица. Онъ съ минуту помолчалъ, затѣмъ точно замогильнымъ голосомъ началъ:

— Послушайте, Пантелѣевъ, что я вамъ скажу. Наше дѣло проигранно, весь край на военномъ положеніи, царитъ полная диктатура и комиссія имѣетъ такъ много данныхъ, что нѣтъ возможности скрывать истину.

Я передаю только сущность словъ В. Кос—каго,—говорилъ онъ можетъ быть минутъ съ пять. Это дало мнѣ возможность обдумать свой отвѣтъ. Оказывалось, что неоднократный отказъ въ очной ставкѣ былъ просто ловушкой; теперешняя же очная ставка несомнѣнно была разсчитана на то, чтобъ своей неожиданностью захватить меня въ расплохъ. Я сообразилъ, что лучше признать то, о чемъ, судя по допросамъ, комиссія ужъ освѣдомлена отъ Кос—каго; иначе дальнѣйшее запирательство можетъ повести къ новымъ разоблаченіямъ съ его стороны; онъ, видимо, совсѣмъ не въ томъ душевномъ настроеніи, чтобъ можно было заставить его взять обратно свои показанія на меня. Въ то же время я рѣшилъ упорно отвергать все, что вновь прибавилъ бы Кос—кій. Въ данный моментъ меня не мало смущало одно чисто-внѣшнее обстоятельство; я чувствовалъ, что въ меня впились глаза Югана и Гогеля, а у меня иногда бываетъ непроизвольное подергиванье вѣкъ. Къ моему удовольствію въ этотъ острый моментъ онѣ ничемъ не выдали меня. И я сказалъ:

— Хорошо, Кос—кій, я васъ знаю. — Говорите дальше г. Кос—кій, обратился къ нему Юганъ. Тогда Кос—кій, нѣсколько заминаясь, сказалъ, что имѣлъ сношенія съ Н. Утинымъ; разъ Утинъ заявилъ ему о неудобствѣ продолжать лично эти сношенія и свелъ его съ Пантелѣевымъ, нѣсколько разъ онъ передавалъ Пантелѣеву запечатанные пакеты и можетъ быть получалъ отъ него.

На этихъ словахъ я оборвалъ Кос—каго.—Это вѣрно, но больше ничего между нами не происходило.

— А на счетъ печатанія прокламацій? что онѣ печатались въ какомъ то паркѣ? поставилъ вопросъ Юганъ.—Ничего подобнаго не знаю, отозвался я, упреждая Кос—каго.—Впрочемъ, помнится, объ этомъ разговоръ былъ, какъ о городскомъ слухѣ.—Можетъ быть и былъ разговоръ о городскомъ слухѣ, мало ли о какихъ слухахъ говориться, но только гдѣ печатались прокламаціи мнѣ рѣшительно неизвѣстно. Кос—кій затѣмъ заявилъ, что ничего болѣе сообщить не имѣетъ; и затѣмъ онъ былъ отпущенъ, при чемъ я замѣтилъ, что какъ всталъ, такъ и вышелъ онъ безъ всякой помощи жандармовъ.

— Ну, что вы теперь скажете, г. Пантелѣевъ, обратился ко мнѣ Юганъ въ нѣсколько приподнятомъ тонѣ.—Да я уже все сказалъ; согласитесь сами, вѣдь еслибъ я зналъ еще что нибудь, то мнѣ теперь нѣтъ никакого интереса скрывать; признавши показанія Кос—каго, я тѣмъ самымъ подписалъ себѣ приговоръ. Этотъ отвѣтъ однако отнюдь не покончилъ настояній Югана, онъ еще долго продолжалъ свои уговоры, чтобъ я далъ обстоятельное показаніе, но такъ какъ я стоялъ на своемъ, то кончилось тѣмъ, что мнѣ была дана бумага, и я былъ отведенъ въ свой номеръ.

Показанія Кос—каго были для меня большой неожиданностью; оказалось, что «каменная стѣна» подъ тѣми или другими давленіями не выдержала; но я былъ доволенъ и тѣмъ, что онъ въ своихъ разоблаченіяхъ не пошелъ далѣе, напримѣръ, умолчалъ о переговорахъ на счетъ нападенія на многомилліонной транспортъ денегъ, что черезъ меня получилъ военно-топографическую карту западнаго края а также изрядное количество прокламаціи «З. и В.», выпущенной по поводу польскаго возстанія, что уѣзжая въ Кіевъ свелъ съ Опоцкимъ (сильно скомпрометированный бѣжалъ за границу). Только впослѣдствіи выяснилось для меня, что Кос—кій лишь зацѣпилъ меня и Огрызко, но никого болѣе. Онъ какъ бы говорилъ комиссіи: я даю вамъ два ключа, одинъ къ польской организаціи, другой къ русской, ваше дѣло съумѣть воспользоваться ими. Но онъ удержался отъ слишкомъ подробныхъ показаній, такъ какъ онѣ и его самого могли сильно компрометировать.

На другой день принялся за писаніе новаго показанія. Прежде всего надо было какъ-нибудь объяснить, почему Утинъ познакомилъ меня съ В. Кос—кимъ. Тутъ я развелъ длинную канитель, какъ Утинъ нѣсколько разъ старался привлечь меня къ политической дѣятельности, какъ я оспаривалъ его, доказывая неумѣстность всякой революціонной оппозиціи послѣ освобожденія правительствомъ крестьянъ, но что въ концѣ концовъ, чисто въ силу товарищескихъ отношеній, согласился на посредничество въ передачѣ запечатанныхъ конвертовъ отъ Кос—каго къ Утину и наоборотъ. Что касается до бѣгства Утина за границу, то полагаю, что оно произошло въ силу сердечныхъ отношеній, такъ какъ онъ не разъ говорилъ, что не можетъ выносить разлуки съ Н. І. Корсини (онабыла заграницей) и если не получитъ паспорта, то такъ или иначе уѣдетъ. Никакого участія въ «З. и В.» я не принималъ.

Когда я далъ знать въ комиссію, что мое показаніе готово, то пришелъ ко мнѣ Юганъ. Прочитавъ мой черновикъ, онъ сказалъ:— Здѣсь не видно и слѣда, что вы сознаете свое положеніе и хоть чѣмъ нибудь стараетесь помочь комиссіи въ ея желаніи смягчить участь ожидающую васъ. И опять предлинный разговоръ. Юганъ, также и Гогель, за всѣ три года своей практики въ слѣдственномъ искусствѣ не пошли дальше прямыхъ угрозъ или воззваній къ чистосердечному признанію. На прощанье онъ сказалъ:—я буду просить комиссію, что-бъ она позволила вамъ перемѣнить показаніе, а вы пока подумайте. На другой день онъ дѣйствительно заявился.—По моей просьбѣ и изъ состраданія къ вашей женѣ комиссія согласна вернуть вамъ это показаніе. Я отвѣтилъ, что ничего не могу измѣнить въ немъ или что нибудь прибавить. На этотъ разъ Юганъ просто довелъ меня до бѣлаго каленія; придя вскорѣ послѣ полудня, онъ оставался до полныхъ сумерекъ, совершенно не обращая вниманія на мои слова, что дальнѣйшій разговоръ положительно безполезенъ. По времени меня вызвали въ комиссію, гдѣ и дали прочитать мое показаніе, уже переписанное; въ заголовкѣ его стояло: такой то, такого то числа уличаемый въ глаза Кос—кимъ сознался въ противозаконныхъ съ нимъ сношеніяхъ и показалъ и т. д. Еще разъ Юганъ и присоединившійся къ нему Гогель старались уговорить меня взять это показаніе обратно и замѣнить его болѣе чистосердечнымъ, говорили, что комиссія даже не рѣшится представить его главному начальнику (т. е. Муравьеву); всетаки въ концѣ концовъ дали мнѣ подписать.

Между тѣмъ время отъ времени я получалъ письма отъ жены; разъ воспользовавшись правомъ отвѣта, написалъ предлинное дѣловое письмо, которое то заканчивалъ, то дѣлалъ какую нибудь прибавку. Послѣднюю прибавку началъ словами: еще одно послѣднее сказаніе и лѣтопись окончена моя. Потомъ А. А. Жукъ говорилъ мнѣ, что эти слова въ пріятельскомъ кругу были истолкованы какъ указаніе, что мое дѣло плохо и мои часы сочтены.

Но вотъ пришла мнѣ телеграмма отъ тестя, что жена благополучно родила дочь, а вскорѣ и отъ жены получилъ нѣсколько строкъ, что она чувствуетъ себя хорошо. Понятно, какъ то и другое приподняло мое настроеніе.

Въ жизни заключенныхъ и мелочи иногда оставляютъ навсегда неизгладимое доброе воспоминаніе; подошли праздники и чья то сочувственная душа изъ города прислала мнѣ въ крещенскій сочельникъ обычные у поляковъ кутью, пиво, варенье со сливками и еще что то.

Понемногу сталъ смягчаться режимъ; такъ, можетъ быть, недѣль черезъ шесть мнѣ принесли книги, присланныя изъ Петербурга, разрѣшили по настоянію Фавелина вино и даже стали водить на прогулку, но не болѣе какъ на $^1/_4$ часа и наконецъ верхъ милостей— убрали парашку. Съ нѣкотораго времени письма и посылки нерѣдко сталъ приносить въ номеръ кап. Семеновъ и охотно оставался поболтать. Я иногда предлагалъ ему сигару и стаканъ вина. Какъ то разъ Семеновъ, закуривая сигару (Flor patria, отличныя были сигары) и отвѣдавъ вина, съ чувствомъ проговорилъ:—тонкая, вылежавшаяся

сигара, да и вино хорошее, должно-быть старое. Знаете — старая сигара, старое вино, вотъ только женщина должна быть молодая, и при этомъ, какъ настоящій цѣнитель, со смакомъ прищелкнулъ языкомъ. Тотъ же Семеновъ въ одинъ изъ своихъ визитовъ, когда я еще не имѣлъ книгъ, замѣтилъ у меня жестянку съ пепломъ отъ сигаръ.—Это вы, вѣроятно, собираете для чищенія зубовъ.—Нѣтъ, мнѣ хочется знать, сколько надо выкурить сигаръ, чтобъ до верху заполнить жестянку.—Скажите пожалуйста, вѣдь кажется у человѣка все отнято, чтобъ какъ нибудь могъ разнообразить и коротать время; нѣтъ, найдетъ-таки способъ, который и въ голову никому не придетъ.

Съ самыхъ первыхъ дней я обратилъ вниманіе, что плохо засыпаю: мнѣ, конечно, мѣшали, при отсутствіи чтенія, постоянныя думы о дѣлѣ, разговоры съ Юганомъ, мысли о женѣ (что касается до матери, я поддерживалъ съ ней переписку какъ будто изъ Петербурга). Я рѣшилъ, что спать непремѣнно надо, а чтобъ на ночь ничѣмъ себя не возбуждать принялъ такую систему: послѣ, примѣрно, девяти часовъ усаживался въ своей кровати и начиналъ насвистывать разныя аріи и продолжалъ это дѣлать до полнаго одуренія. И благодаря этому скоро и недурно засыпалъ. А когда дали мнѣ книги, то на ночь, тоже въ кровати, читалъ Донъ-Кихота и разумѣется поминутно нарушалъ ночную тишину самымъ откровеннымъ смѣхомъ. Много времени спустя, когда были дозволены общія прогулки (уже въ другомъ мѣстѣ заключенія, въ Босачкахъ), кто-то изъ моихъ новыхъ знакомыхъ разсказывалъ мнѣ:—а вотъ я сидѣлъ въ Доминиканахъ, такъ въ сосѣдней со мной камерѣ одно время находился сумасшедшій, сначала подъ ночь онъ все свисталъ, а потомъ сталъ хохотать и долго это тянулось; не знаю что съ нимъ потомъ сталось, должно быть свезли въ сумасшедшій домъ.—Да онъ живъ и здоровъ, это вашъ покорный слуга.

Но изъ виленской политической тюрьмы не такъ то легко было перебраться въ сумасшедшій домъ, даже при всѣхъ несомнѣнныхъ правахъ на то. Какъ то разъ заходитъ ко мнѣ Фавелинъ. Послѣ обычнаго вопроса о здоровьѣ и говоритъ: — А что г. Пантелѣевъ не желаете ли вы сидѣть вдвоемъ. — И даже очень. — Тутъ есть одинъ господинъ, онъ что то хандритъ, ему бы съ вами было хорошо, вы бы сумѣли подбодрить его. Если вы согласны, то я буду просить комиссію, чтобъ къ вамъ помѣстили моего протеже.—Хорошо.

Черезъ день, уже вечеромъ, когда я пилъ чай, растворились двери моего номера; сначала по обыкновенію вошелъ смотритель, за нимъ какой то офицеръ, а жандармъ и прислуга внесли чемоданъ и еще какія то вещи. — Вотъ вамъ, г. Пантелѣевъ и товарищъ, все же вдвоемъ будетъ веселѣе. Вы, г. Васьковскій, ничего не опасайтесь, г. Пантелѣевъ такой же заключенный какъ и вы. И съ этими словами смотритель откланялся. Я остался одинъ на одинъ съ Васьковскимъ, по формѣ видѣлъ, что онъ инженерный офицеръ. Не снимая пальто, Васьковскій,едва кивнувшій мнѣ при входѣ, началъ прохаживаться изъ угла въ уголъ. Я предложилъ ему стаканъ чаю.— Благодарю... Стаканъ налитъ, а Васьковскій все продолжаетъ ходить. Но вотъ онъ остановился противъ меня и одинъ за другимъ поставилъ вопросы: какой се-

годня день, число, мѣсяцъ, годъ. Я отвѣтилъ, а Васьковскій снова принялся ходить, но скоро опять вернулся ко мнѣ.—Какъ честный человѣкъ скажите, ради Бога, чего отъ меня хотятъ.—Право, не знаю, я васъ въ первый разъ вижу и ни отъ кого даже вашей фамиліи не слыхалъ, да я и о себѣ то очень мало знаю.—Нѣтъ, умоляю васъ, скажите; вѣдь я показалъ имъ все, что зналъ,—чего же они хотятъ отъ меня? И опять принялся ходить, а затѣмъ какъ былъ въ пальто, такъ и легъ въ кровать.

Я понялъ какого товарища получилъ и всю ночь былъ насторожѣ, опасаясь что вдругъ Васьковскій въ припадкѣ подозрительности кинется на меня. Едва дождался утра и потребовалъ, чтобъ меня пустили въ комиссію. Тамъ меня весьма любезно принялъ Лосевъ. Я заявилъ ему, что прошу поскорѣе убрать отъ меня Васьковскаго, такъ какъ онъ несомнѣнно душевнобольной и при томъ же въ сильной степени.—А мы думали г. Пантелѣевъ, что вы по христіанскому состраданію примете участіе въ Васьковскомъ.—Ужъ если говорить о христіанскомъ состраданіи, то Васьковскаго надо освободить и передать на попеченіе его роднымъ.—Въ заключеніе разговора Лосевъ обѣщалъ убрать отъ меня Васьковскаго; но это сдѣлано было только на слѣдующій день; а еще черезъ день или черезъ два принуждены были посадить его въ смирительную рубашку. Какъ я потомъ узналъ, мать Васьковскаго долго умоляла комиссію отдать ей сына, но объ этомъ и слышать не хотѣли. Онъ умеръ въ сумасшедшемъ домѣ.

Арестованный, какъ я уже сказалъ, еще въ ноябрѣ Огрызко долго держался, главнымъ образомъ, отвергая показанія В. Кос—каго; но (должно быть въ январѣ) ему пригрозили, — это онъ самъ потомъ мнѣ разсказывалъ, (то же, еще ранѣе, говорилъ и смотритель), что дальнѣйшее запирательство поведетъ къ аресту съ чѣмъ то двадцати человѣкъ и приэтомъ предъявили ему списокъ; тогда, не желая, чтобъ изъ-за него могли пострадать невинные, онъ наконецъ сдался. Комиссія занялась Огрызко, а я былъ совершенно оставленъ въ покоѣ. Но разъ какъ то зашелъ Гогель съ пустяшнымъ вопросомъ (Юганъ былъ въ отпуску) и по обыкновенію проболталъ довольно долго. При этомъ произошелъ такой разговоръ.—Нельзя ли имѣть какую-нибудь газету?—Ну, нѣтъ; я вотъ нахожу, что и это дозволено вамъ слишкомъ рано, отвѣчалъ Гогель, указывая на лежавшую передо мной книгу. — Почему?—Да вѣдь для васъ было бы большимъ лишеніемъ, своего рода пыткой оставаться безъ чтенія. — И у васъ языкъ поварачивается говорить такія вещи. — Что прикажете дѣлать, за время моего пребыванія въ слѣдственной комиссіи я пришелъ къ убѣжденію, что въ политическихъ процессахъ нельзя обойтись безъ пытки. И если бы въ моихъ рукахъ былъ тотъ, кого въ 24 часа разстрѣляли въ Симбирскѣ (по пожарному дѣлу), я бы такой глупости не сдѣлалъ; я бы его медленнымъ огнемъ жегъ, изъ-за ногтей кровь подавалась бы, а заставилъ бы раскрыть всю истину. — Я слушалъ Гогеля и каждое его слово точно гвоздемъ прибивалось къ моему лбу. У меня тогда же

зародилось мстительное чувство и я далъ себѣ слово: если судьба когда нибудь вернетъ меня въ общественную среду и выпадетъ счастливый случай встрѣтиться съ Гогелемъ, то я публично поставлю ему вопросъ,—а что Ник. Вас., вы все по прежнему твердо стоите на томъ, что въ политическихъ процессахъ нельзя обойтись безъ пытки? Но Гогель умеръ еще въ концѣ 60-хъ годовъ, и не скрою, всякій разъ когда вспоминается почему нибудь его фамилія, я ощущаю горесть невыполненнаго мщенія. М. Н. Муравьевъ цѣнилъ этого молодого человѣка и въ 66 году въ качествѣ сотрудника привлекъ его къ слѣдствію по каракозовскому дѣлу.

Впрочемъ, не разъ бывало, что Гогель и Юганъ старались блеснуть передо мной своимъ радикализмомъ. Какъ то я спросилъ Гогеля,—что новаго?—А вотъ въ Кіевъ на мѣсто Анненкова назначенъ Безакъ; ну, знаете, это демократъ, онъ покончитъ съ политикой ухаживанія за вельможными аристократами и панами, онъ ихъ приберетъ къ рукамъ. Юганъ при случаѣ, тоже краснорѣчиво распространялся на тему, что они въ западномъ краѣ ведутъ борьбу съ аристократіей и клерикализмомъ, что вся задача Муравьева—поднять матеріально и духовно до сихъ поръ забитаго крестьянина. На мое замѣчаніе, что малаго можно достигнуть однѣми чисто внѣшними репрессивными мѣрами, что надо широко дѣйствовать на развитіе народнаго образованія, что, напримѣръ, необходимо открыть въ Вильно университетъ, Юганъ съ живостью возразилъ:—что вы говорите, да знаете ли, пусть въ университетѣ всѣ кафедры будутъ замѣщены жандармскими штабъ-офицерами, онъ все-таки превратится въ польскій университетъ.

Считая, что слѣдствіе по моему дѣлу уже закончено, я разъ былъ непріятно пораженъ вызовомъ въ комиссію. Тамъ, едва я вошелъ, кидается меня обнимать В. Ѳ. Панютинъ. То былъ офицеръ преображенскаго полка, съ которымъ я еще въ 59 г. познакомился у Ореуса. Панютинъ былъ страстный театралъ (и самъ превосходно игралъ на любительскихъ спектакляхъ); политическими вопросами мало интересовался, но былъ рѣшительный либералъ, когда заходила рѣчь о начальствѣ; вообще выглядѣлъ добродушнымъ малымъ. Онъ нетолько самъ предложилъ мнѣ свое поручительство (послѣ студенческой исторіи 61 г.), но даже предоставилъ было въ мое распоряженіе свою квартиру въ полку и только протестъ полкового командира кн. Барятинскаго помѣшалъ мнѣ поселиться въ ней; иногда захаживалъ ко мнѣ. При свиданіи присутствовалъ Гогель и потому, понятно, о моемъ дѣлѣ не было произнесено ни одного слова. Панютинъ отнесся ко мнѣ крайне сердечно, передалъ поклонъ отъ Ореуса и не разъ спрашивалъ,—не нуждаюсь ли я въ чемъ нибудь. Такъ какъ онъ сказалъ, что ѣдетъ въ Петербургъ, то я просилъ его выслать мнѣ нѣсколько книгъ. Онъ обѣщалъ это сдѣлать въ самое короткое время. Я зналъ, что братъ Панютина состоялъ въ это время губернаторомъ въ Вильно, но не имѣлъ никакого понятія, какую онъ тамъ роль игралъ. Я сейчасъ же частнымъ путемъ далъ знать въ Петербургъ тестю, чтобъ онъ повидалъ Панютина,—можетъ быть при его посредствѣ и добьется свиданія со мной (я зналъ, что тесть два раза безуспѣшно пріѣзжалъ въ Вильно). Тесть и былъ у Панютина, но... вотъ

что потомъ мнѣ разказывалъ:—Къ кому вы меня направили? съ первыхъ же словъ Панютинъ сталъ хвалиться своими подвигами въ западномъ краѣ, какъ онъ перевѣшалъ болѣе двухъ десятковъ повстанцевъ (Панютинъ одно время былъ военнымъ начальникомъ въ Лидѣ). Разумѣется, что я съ нимъ и словомъ не обмолвился ради чего пришелъ къ нему.—О своихъ же обѣщаніяхъ мнѣ, Панютинъ видимо и не вспомнилъ въ Петербургѣ, такъ какъ никакихъ книгъ отъ него я не получилъ.

Въ половинѣ 80-хъ годовъ, проѣзжая черезъ Варшаву, я видѣлъ Панютина; онъ былъ уже генералъ. Опять распростертыя объятія, живѣйшая радость, что видитъ меня полноправнымъ гражданиномъ. Повезъ показывать Варшаву; ссылаясь на какія то домашнія обстоятельства, которыя не позволяли ему оказать мнѣ гостепріимство у себя дома, увлекъ меня въ русскій клубъ, и угостилъ обѣдомъ съ шампанскимъ. Но я замѣтилъ, что ему по временамъ и самому было неловко—такіе тамъ за общимъ столомъ шли неправдоподобные политическіе разговоры, просто даже глупые...

Хотя письма и посылки стали доставлять прямо въ номеръ, а все таки иногда вызывали въ комиссію подъ предлогомъ врученія письма, и въ такомъ случаѣ я имѣлъ удовольствіе видѣть Лосева. Разъ передавая письмо, онъ предложилъ мнѣ присѣсть и слезливымъ голосомъ заговорилъ, какъ ихъ сердце изстрадалось, имѣя дѣло съ поляками, а тутъ еще русскій, православный, вѣдь ваша фамилія Пантелѣевъ! Онъ читалъ мое послѣднее показаніе, и долженъ прямо сказать, что это безсодержательный наборъ словъ, ничего болѣе. Я прямо таки гублю себя, есть еще средство поправить, онъ надѣется убѣдить своихъ товарищей разрѣшить мнѣ дать новое показаніе. Къ моему удовольствію этотъ разговоръ прошелъ безъ всякихъ послѣдствій; меня оставили въ покоѣ. Но спустя нѣкоторое время, тотъ же Лосевъ разыгралъ совсѣмъ другую сцену. Принявъ отъ него письмо, я поклонился и еще не поворачиваясь, сдѣлалъ, можетъ быть, шага два по направленію къ выходу. — Какъ вы смѣете уходить, когда вамъ не дали на то позволенія, неистово закричалъ Лосевъ. Что вы о себѣ думаете? можетъ быть разсчитываете на петербургскія протекціи, на кн. Суворова? такъ знайте же, что она можетъ вамъ только во вредъ пойти. Вы совсѣмъ непозволительно себя ведете, упорствуете, мы васъ сумѣемъ взять въ тиски. Жандармъ, отведи его въ камеру.

Можетъ быть на другой день заходитъ ко мнѣ Фавелинъ. —Какъ поживаете г. Пантелѣевъ, спросилъ онъ, нѣсколько подозрительно улыбаясь.—Ничего, вотъ только полковникъ Лосевъ обѣщалъ, что возьметъ меня въ тиски, такъ нахожусь въ нѣкоторомъ ожиданіи. —Ну, этимъ, я думаю, васъ не очень испугаешь; да и вообще пугаться не надо,—при чемъ на послѣднихъ словахъ сдѣлалъ замѣтное удареніе.—Что онъ хотѣлъ сказать, невольно подумалъ я. По уходѣ Фавелина подъ какимъ то предлогомъ зашелъ смотритель; съ нѣкоторыхъ поръ ему иногда удавалось отдѣлываться отъ жандармовъ. Потому ли, что я ему приплачивалъ нѣкоторую сумму за улучшеніе стола, или почему другому, только онъ сталъ относиться ко мнѣ

весьма благожелательно, кое что сообщалъ; такъ, я отъ него узналъ, что Огрызко, наконецъ, далъ признаніе, что былъ въ Вильно мой тесть, предлагалъ передать въ Петербургъ, если что нибудь имѣю для сообщенія туда. Я слушалъ, но самъ пока былъ довольно сдержанъ. Такъ вотъ теперь смотритель и говоритъ:—Комиссія въ большомъ переполохѣ, московское дворянство послало адресъ съ требованіемъ конституціи, боятся, какъ бы вся здѣшняя политика не перемѣнилась. Лосевъ рветъ и мечетъ на всѣхъ...

Какъ извѣстно, страхъ комиссіи оказался совершенно напраснымъ; но и со мной ничего не случилось особеннаго, даже послѣдовавшій вскорѣ визитъ Потапова обошелся безъ всякихъ дурныхъ послѣдствій. Муравьевъ, въ полномъ сознаніи прочности своего положенія, уѣхалъ на Пасху въ Петербургъ, увозя съ собой цѣлый рядъ проектовъ. Но Потаповъ былъ вѣроятно освѣдомленъ на счетъ того, что дни Муравьева уже сочтены; оставшись временнымъ замѣстителемъ Муравьева, сейчасъ же позволилъ себѣ своего рода либерализмъ, — посѣтилъ мѣста заключенія. Обходъ его былъ чистой формальностью; спрашивалъ фамилію и почти не дожидаясь отвѣта на послѣдующій вопросъ—не имѣете ли какихъ претензій, быстро уходилъ.

Только съ Огрызко и мною онъ вступилъ въ нѣсколько продолжительную бесѣду. Мнѣ онъ сказалъ:—Я читалъ ваше показаніе, оно совершенно неудовлетворительно, вы должны замѣнить его другимъ и показать всю правду. Я не требую отъ васъ чего нибудь противнаго такъ называемымъ правиламъ чести, вы можете не обозначить фамилій, я ихъ и безъ васъ приставлю; да вѣдь и вашу біографію я очень хорошо знаю [1]). Помните, что только чистосердечное сознаніе можетъ смягчить вашу участь. Вамъ и теперь оказывается большое снисхожденіе, и вы должны показать, что это чувствуете, чтобы не лишиться его.

Былъ Потаповъ и у Пушторскаго. Послѣ вопроса—не имѣетъ ли заявить какихъ претензій,—Потаповъ уже хотѣлъ было уходить, но заговорилъ Пушторскій. — Вотъ четыре мѣсяца сижу и не знаю за что, никакихъ настоящихъ допросовъ мнѣ не было. Потаповъ остановился, хотѣлъ что то сказать, но произнесъ только:—васъ впрочемъ скоро... и съ этими словами исчезъ. Не трудно себѣ представить, какое впечатлѣніе могли произвести на Пушторскаго эти оборванныя слова.

Мною введенный еще въ 62 г. въ общество «Земля и Воля», одно время даже членъ комитета, Пет. Васил. Пушторскій въ концѣ лѣта 63 г. былъ арестованъ по оговору предателя Андрущенко (землемѣръ изъ Черниговской губ.). Андрущенко сдѣлалъ на Пушторскаго, по тогдашнимъ временамъ, очень тяжкія показанія, угрожавшія Пушторскому многими и многими годами каторги, а именно: Андрущенко настойчиво утверждалъ, что командированный въ Петербургъ мѣст-

---

[1]) Моему тестю Потаповъ говорилъ:—я знаю всю біографію вашего зятя, начиная съ похоронъ Мартынова, когда онъ произнесъ рѣчь. А въ дѣйствительности ничего подобнаго не было.

ной организаціей, частью по русскимъ дѣламъ, частью по польскимъ, онъ получилъ въ Москвѣ адресъ Пушторскаго, былъ у него два раза и черезъ него имѣлъ отвѣтъ, какъ съ той, такъ и другой стороны. Пушторскій не признался въ знакомствѣ съ Андрущенко и, даже на очныхъ ставкахъ, категорически и умѣло отвергалъ всѣ его показанія, хотя у Андрущенко оказалась поразительная память и наблюдательность; онъ напримѣръ, замѣтилъ, что одинъ край дверной занавѣски въ комнатѣ Пушторскаго былъ засаленъ, что и подтвердилось при осмотрѣ ея на мѣстѣ. Другихъ уликъ, кромѣ показаній Андрущенко, противъ Пушторскаго не было; поэтому, когда дѣло поступило въ Сенатъ (къ счастью не въ то отдѣленіе, которое спеціально было приспособлено для сужденія политическихъ дѣлъ съ Карніолиномъ-Пинскимъ во главѣ, оберъ-прокуроромъ Чемадуровымъ и об. секретаремъ Кузнецовымъ), то, несмотря на указаніе III отдѣленія, что Пушторскій является весьма важной личностью, онъ былъ впредь до окончанія дѣла отпущенъ на поруки. При моемъ посредничествѣ поручительство взялъ на себя П. Л. Лавровъ. Это было осенью 64 г., Пушторскій тотчасъ же уѣхалъ къ себѣ въ деревню, но въ декабрѣ того же года былъ арестованъ и препровожденъ въ Вильно. Я иногда видѣлъ его изъ форточки и всякій разъ меня поражала какая то задумчивая размѣренность его походки.

Дня черезъ два послѣ визита Потапова смотритель сообщилъ мнѣ, что Пушторскаго отправляютъ обратно въ Петербургъ. Ранѣе я посылалъ ему черезъ смотрителя поклоны и кой-какія лакомства, а теперь просилъ смотрителя передать черезъ Пушторскаго нѣкоторыя порученія въ Петербургъ. На другой день смотритель возбужденно говорилъ мнѣ:—Хорошъ вашъ Пушторскій, онъ накинулся на меня, наговорилъ грубостей, да еще при жандармахъ. Я недоумѣвалъ, такъ какъ зналъ Пушторскаго за человѣка очень сдержаннаго. Его доставили въ Петербургъ, гдѣ и пустили на свободу; самое же дѣло [1]) кончилось оправданіемъ его. Черезъ годъ, когда я былъ въ Петербургѣ по дорогѣ въ Сибирь, товарищи вологжане разсказывали мнѣ, что Пушторскій по возвращеніи изъ Вильно несомнѣнно былъ не въ нормальномъ состояніи, иногда просто чепуху говорилъ. Посиди онъ въ Вильно еще нѣкоторое время и Богъ знаетъ чѣмъ бы это кончилось.

Въ Сибири я получилъ отъ него нѣсколько писемъ, изъ которыхъ узналъ, что онъ женатъ и служитъ по земству. Но вотъ привелъ мнѣ Богъ выбраться изъ Сибири и даже въ 77 г. поселиться въ Петербургѣ. Разъ раздается звонокъ и входитъ Пушторскій. Встрѣтились мы, разумѣется, крайне сердечно, не только какъ товарищи по гимназіи и университету, но и какъ пережившія кое что. Цѣлые вечера проходили въ воспоминаніяхъ прошлаго, тогда еще не особенно далекаго. Я, однако, не считалъ удобнымъ заговорить о болѣзненномъ состояніи, которое у него сказалось за время виленскаго сидѣнья. Но онъ самъ завелъ рѣчь, что когда вернулся въ деревню, то у него

[1]) Въ немъ участвовали: Ю. М. Мосоловъ, П. В. Лебединскій, Шатиловъ, А. П. Столпаковъ и кромѣ Андрущенко нѣсколько лицъ изъ черниговъ. губ. Объ этомъ дѣлѣ см. интересныя свѣдѣнія во 2-мъ приложеніи къ матер. для ист. рев. движ. 60-хъ год.

одно время нервы такъ были разстроены, что доходило до галлюцинацій. Тогда я и говорю:—да, въ проѣздъ черезъ Петербургъ въ 66 г. я слышалъ отъ товарищей, что у тебя нервы были далеко не въ порядкѣ.—Нѣтъ, съ живостью возразилъ Пушторскій, какъ въ Вильнѣ, такъ и въ Петербургѣ я былъ здоровъ, а случилось это въ деревнѣ. Но ты представь себѣ, что со мною дѣлали въ Вильно: нарочно ставятъ мнѣ прозеленѣлые подсвѣчники,—это чтобы я попробовалъ отравиться. А я говорю—нѣтъ, я не отравлюсь. Или отопрутъ номеръ, да долго такъ и оставляютъ [1]),—опять же, чтобы я попробовалъ бѣжать,—а я думаю себѣ—нѣтъ я не убѣгу. Тоже когда отвозили въ Петербургъ, всю дорогу въ вагонѣ появлялись какія то подозрительныя личности, потихоньку говорили, но такъ, что я могъ слышать, что у нихъ есть паспорта, что они могутъ устроить побѣгъ. Или, напримѣръ, жандармы постоянно на станціяхъ оставляли меня одного, такъ что я разъ даже сдѣлалъ скандалъ, потребовалъ жандармскаго офицера и настоялъ у него, чтобы жандармы ни на минуту не отлучались отъ меня.

Съ крайнимъ изумленіемъ я слушалъ эти слова. Передо мной былъ отецъ семейства, уважаемый и тактичный мѣстный дѣятель, человѣкъ практическій, составившій себѣ довольно крупное состояніе, вообще уравновѣшенный и... въ то же время несомнѣнно сохранившій часть галлюцинацій, которымъ подвергся слишкомъ двѣнадцать лѣтъ тому назадъ.

Пушторскій умеръ въ апрѣлѣ настоящаго года. Онъ иногда пріѣзжалъ въ Петербургъ, и мы всегда видѣлись; по своимъ взглядамъ онъ остался вѣренъ завѣтамъ шестидесятыхъ годовъ, при чемъ особенный интересъ проявлялъ по крестьянскому вопросу.

Кромѣ меня и Пушторскаго въ «Доминиканахъ» изъ русскихъ сидѣлъ еще, одно время съ нами, привезенный изъ Москвы студентъ Владиміровъ, должно быть по недоразумѣнію, такъ какъ его скоро выслали обратно.

Какъ я уже сказалъ, Муравьевъ, отправляясь въ Петербургъ, повезъ съ собой цѣлый рядъ проектовъ, примѣненіе которыхъ требовало, по крайней мѣрѣ, нѣсколько лѣтъ,—до такой степени онъ былъ увѣренъ въ прочности своего положенія; но вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ совсѣмъ неожиданно для себя получилъ отставку, о чемъ смотритель и не преминулъ тотчасъ же мнѣ сообщить.

Легенда о Муравьевѣ, какъ дальновидномъ государственномъ человѣкѣ и рѣшительномъ борцѣ за русское дѣло, создалась въ позднѣйшее время, когда въ западномъ краѣ вплотную осѣло русское чиновничество. Оно хорошо понимало, что, только постоянно напоминая о необходимости неуклонно слѣдовать завѣтамъ великаго человѣка, можетъ быть спокойно за свое положеніе; а потому изъ памяти Муравьева и сдѣлало своего рода національный культъ. Въ свое же время Муравьевъ имѣлъ за себя лишь Каткова, да очень

---

[1]) Обыкновенно при всякомъ обходѣ впереди шелъ жандармъ и заблаговременно отпиралъ номера; по утрамъ, когда номера приводились въ порядокъ, могло пройти минутъ пять и даже болѣе, прежде чѣмъ входилъ смотритель и служители.

небольшую группу почитателей въ Москвѣ и Петербургѣ. Даже тѣ круги, которые въ 63 г. признавали необходимость быстрой и крутой репрессіи въ Западномъ краѣ, послѣ подавленія вооруженнаго возстанія, считали роль Муравьева законченной; организаторскихъ способностей никто за нимъ не признавалъ (да онъ ихъ ничѣмъ и не обнаружилъ въ бытность м. г. и.). Все громче и громче раздавались голоса, что въ краѣ царитъ полная анархія благодаря ничѣмъ неограниченному произволу и чиновничеству, набранному изъ отбросовъ по всей имперіи. Что Муравьева пора убрать,—на этомъ сходились люди во всемъ другомъ неладившіе между собой, какъ, напримѣръ, Валуевъ, Суворовъ и даже Долгоруковъ, тогдашній шефъ жандармовъ. Представлявшіе либеральную группу въ министерствѣ Д. А. Милютинъ, Рейтернъ, Головнинъ, Татариновъ, понятно никакой поддержки Муравьеву не оказывали. Рейтернъ, напримѣръ, желая затормазить высылку цѣлыми селеніями такъ называемой «застѣнковой шляхты» (выслано свыше 5 т. человѣкъ, при чемъ были сожжены со всѣмъ имуществомъ деревни, въ которыхъ они жили) поставилъ условіемъ, что казна не обязывается принимать на свой счетъ издержки по возврату, если таковой впослѣдствіи будетъ рѣшенъ. Эта своеобразная оппозиція, конечно, не остановила Муравьева, но очень печально отразилась на несчастныхъ; до самыхъ позднѣйшихъ временъ къ нимъ не примѣняли никакихъ милостивыхъ манифестовъ, а между тѣмъ это были люди менѣе всего въ чемъ нибудь лично повинные. Императоръ Александръ II несомнѣнно ждалъ только перваго благопріятнаго случая, чтобы отдѣлаться отъ Муравьева. Этотъ случай и представился—поѣздка въ Ниццу къ умиравшему наслѣднику Николаю Александровичу. Разсказывали, что представляясь государю, Муравьевъ заговорилъ о разныхъ проектахъ, привезенныхъ имъ.—Я ѣду за границу, за меня остается братъ Константинъ, къ нему и слѣдуетъ обратиться по этимъ дѣламъ.—При тѣхъ непріязненныхъ отношеніяхъ, которыя установились между великимъ княземъ и Муравьевымъ, послѣдній понялъ, что ему остается только одно—подать въ отставку. Отставка была принята безъ малѣйшей попытки отговорить Муравьева взять ее обратно. Назначеніе ему преемника было отложено до возвращенія государя изъ Ниццы; временно управлять краемъ остался Потаповъ [1]). Разговоръ его со мной прошелъ безъ всякихъ послѣдствій, т. е. меня не вызывали въ комиссію для дачи какихъ нибудь дополнительныхъ показаній; намекъ же его на возможность улучшенія моего режима былъ на вѣтеръ брошенными словами, совсѣмъ напротивъ, былъ сдѣланъ еще одинъ шагъ на пути смягченій. Въ одинъ прекрасный день совершенно неожиданно ввели ко мнѣ новаго сожителя. То былъ Людвигъ Родзевичъ, изъ мѣстныхъ виленскихъ жителей, незадолго передъ тѣмъ арестованный по какому то самому ничтожному поводу. Родзевичу было лѣтъ подъ сорокъ, съ ранней юности онъ служилъ въ администраціи имѣній Витгенштейна, обширныя владѣнія котораго (унаслѣдованныя отъ Радзивиловъ) были разбросаны по всему запад-

[1]) Онъ получилъ назначеніе въ Землю Войска Донского, откуда уже послѣ Баранова былъ переведенъ въ г.-губ. Западнаго края.

ному краю. Родзевичъ, хотя и получилъ только гимназическое образованіе, видимо много читалъ, особенно хорошо зналъ исторію Литвы, но главное, благодаря разъѣздамъ по дѣламъ Витгенштейна, отлично былъ ознакомленъ съ краемъ, особенно съ экономическимъ положеніемъ крестьянъ, не только въ настоящемъ, но и въ болѣе отдаленномъ прошломъ. Его тесть Ямонтъ былъ высланъ въ Сибирь, братъ жены тоже; многихъ изъ дѣятелей 63 г. Родзевичъ лично и хорошо зналъ. Онъ сразу отнесся ко мнѣ вполнѣ довѣрчиво, такъ какъ ему было извѣстно, за что я арестованъ. Потому, забросивъ чтеніе, я безъ зазрѣнія совѣсти эксплуатировалъ его, заставляя по цѣлымъ часамъ разсказывать; и только одно меня огорчало: Родзевичъ, горячій католикъ, каждый день по цѣлымъ часамъ молился и тѣмъ сокращалъ драгоцѣнное время для интересовавшихъ меня разговоровъ. Родзевичъ хотя и признавалъ, что при введеніи положеній 19 февраля кое-гдѣ были допущены неправильности во вредъ крестьянамъ, тѣмъ не менѣе очень рѣзко отзывался о дѣятельности повѣрочныхъ комиссій, находившихся въ полной зависимости отъ Муравьева. Чтобы поощрить Родзевича я воздерживался отъ какихъ-нибудь споровъ. Не раздѣляя основнаго взгляда Родзевича, я, однако, изъ богатаго фактическаго матеріала, которымъ онъ располагалъ, вынесъ впечатлѣніе, что дѣйствія повѣрочныхъ комиссій ярко отражали на себѣ тотъ произволъ, который неограниченно царилъ въ краѣ; въ одномъ мѣстѣ широко благодѣтельствовали крестьянъ и раззоряли помѣщиковъ, безъ всякой надобности разрушая цѣльность хозяйственныхъ единицъ, въ другомъ ограничивались самымъ незначительнымъ измѣненіемъ прежнихъ условій. Все зависѣло отъ личностей; не понравился почему-нибудь помѣщикъ или его управляющій, и тогда горе помѣщику; всякая же жалоба въ высшую инстанцію навлекала на жалобщика еще болѣе тяжелыя послѣдствія. Если въ этомъ отношеніи нисколько не стѣснялись съ кн. Витгенштейномъ (напр. въ его имѣніи Глубокомъ), то можно себѣ представить, что продѣлывали съ мелкотой [1]).

Родзевичъ, чѣмъ только могъ, старался оказать мнѣ вниманіе; получая изъ дому обѣдъ, онъ распорядился, чтобы все приносилось въ количествѣ достаточномъ на двоихъ и такъ настойчиво просилъ меня раздѣлять съ нимъ его трапезу, что я не могъ отказать ему въ этомъ; съ своей стороны жена Родзевича, видимо, прилагала всѣ усилія, чтобъ поддержать славу литовской кухни. Все было дѣйствительно очень вкусно, но меня поражало крайнее изобиліе масла, что разъ я и позволилъ себѣ высказать Родзевичу.—А это нарочно для васъ дѣлается, вѣдь у насъ общее мнѣніе, что русскіе любятъ, чтобы всякое кушанье непремѣнно плавало въ маслѣ.

Зачѣмъ то одно время насъ перевели въ другой номеръ, выхо-

---

[1]) Имѣнія Витгенштейна были обременены значительными долгами, унаслѣдованными еще отъ Радзивиловъ (дочь Доминика Радзивила, единственная наслѣдница вышла замужъ за сына фельдмаршала Витгенштейна; въ 60-хъ годахъ владѣльцемъ являлся ея сынъ, долгое время бывшій воен. агентомъ въ Парижѣ) потому, въ виду уменьшенія доходовъ, вслѣдствіе пониженій платежей произведенныхъ повѣрочными комиссіями, Витгенштейну, имѣвшему крупныя придворныя связи, былъ оказанъ на облегченныхъ условіяхъ многомилліонный кредитъ изъ государственнаго казначейства.

дившій на маленькій замкнутый дворъ, но скоро вернули въ прежній, чему я былъ очень радъ. Весна стояла отличная, постоянные солнечные дни, и я подолгу производилъ наблюденія изъ форточки; вдаль открывались виды на зеленѣющіе сады, а внизъ присматривался къ прогуливающимся. Кромѣ Пушторскаго замѣтилъ еще одного студента петербургскаго университета Неймарка; но отъ Родзевича узналъ, что онъ сидитъ подъ фамиліей Мирскаго; съ нѣкотораго времени иногда видалъ Огрызко, который послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ суроваго режима видимо съ жадностью впитывалъ въ себя свѣжій воздухъ. Всѣ прочіе прогуливавшіеся были совсѣмъ мнѣ неизвѣстны. Не мало развлекали меня воробьи и голуби, которые, несомнѣнно прикормленные еще моими предшественниками, смѣло садились на внѣшній выступъ подоконника и изъ за добычи нерѣдко вступали между собою въ довольно крупныя столкновенія. Я замѣтилъ между воробьями очень сообразительныхъ; держась въ сторонѣ, они не участвовали въ общей схваткѣ; зато когда отлетала компанія, получали столько, что я не могъ достаточно надивиться, сколь много можетъ съѣсть такая маленькая птичка, какъ воробей.

Должно быть въ концѣ мая заходитъ ко мнѣ Гогель; Родзевичъ былъ на свиданіи.—Что то давно васъ не видно было, сказалъ я, въ душѣ только радуясь такому благополучію.—Былъ въ отпуску, а теперь страшно занятъ пожарнымъ дѣломъ.—Объ этомъ дѣлѣ я кое что зналъ уже отъ смотрителя и Родзевича; зналъ, что въ „Доминиканахъ“ очень много новыхъ жильцовъ, которыхъ завиняютъ въ поджогахъ съ политической цѣлью [1].—Еслибъ отъ меня зависѣло, замѣтилъ я, никогда не назначилъ бы васъ слѣдователемъ по пожарному дѣлу.—Почему?—Очень просто почему: вы такъ втянулись въ политическіе розыски, что когда даже встрѣчаете на улицѣ корову, то вѣроятно первое, что вамъ приходитъ на умъ,—не съ политическимъ ли умысломъ она прогуливается.—Что прикажете дѣлать, съ живостью возвразилъ Гогель, при всемъ желаніи не видѣть въ пожарахъ политической подкладки,—все говоритъ въ этомъ смыслѣ: захвачена цѣлая организація, статуты, инструкціи, агентуры и т. п. Поговоривши на эту тему, Гогель какъ бы невзначай сообщилъ мнѣ:—сегодня вамъ разрѣшено свиданіе съ женой и тестемъ, вы конечно не позволите себѣ ни одного намека о вашемъ дѣлѣ,—и съ этими словами удалился.

Понятно, какою радостью наполнила меня эта новость, притомъ совсѣмъ неожиданная. Вскорѣ и на самомъ дѣлѣ вызвали меня въ комиссію, такъ должно быть часа въ четыре дня.—Тамъ я нашелъ жену, тестя и все того же Гогеля. Поздоровались, усѣлись за столъ и.... не знали о чемъ говорить. Присутствіе Гогеля совершенно сковывало языкъ, а у каждаго изъ насъ такъ много было на душѣ, что хотѣлось высказать. Не знаю, самъ ли Гогель почувствовалъ всю неестественность своей роли, или тестю удалось какъ то отвлечь его,

[1]) Весной 65 г. въ западномъ краѣ во многихъ мѣстахъ произошли пожары, особенно сильно пострадалъ городъ Слонимъ. Нѣкоторыя обстоятельства наводили на мысль о поджогахъ; разслѣдованіе было возложено на Лосева и К°.

только повремени они сначала стали прохаживаться, а потомъ въ довольно оживленномъ разговорѣ остановились нѣсколько поодаль у окна. Этимъ я и жена воспользовались, чтобы въ полголоса обмѣняться самыми необходимыми сообщеніями относительно моего дѣла. Но вотъ до меня доносятся слова Гогеля; онъ съ тестемъ велъ разговоръ о пожарахъ, и къ моему крайнему изумленію повторялъ все то, что говорилъ мнѣ, да еще съ болѣе потрясающими подробностями.

Свиданіе продолжалось можетъ быть съ полчаса; тесть затѣмъ уѣхалъ въ Петербургъ, а жена осталась въ Вильно; ей разрѣшены были постоянныя свиданія въ опредѣленные дни; при нихъ уже не присутствовали члены комиссіи; на первое время ихъ замѣняли жандармы, а подъ конецъ и они только показывались. Вернувшись въ номеръ, я передалъ Родзевичу разговоры Гогеля на счетъ пожаровъ; Родзевичъ только пожималъ плечами, да повторялъ одно и тоже:— ахъ, повѣрьте, что все это неправда; въ числѣ арестованныхъ есть отъявленные негодяи, а вилейскій исправникъ (въ вилейскомъ уѣздѣ были произведены главные аресты) пользуется самой дурной репутаціей.

Что Гогель безъ оглядки могъ говорить мнѣ, сидящему въ четырехъ стѣнахъ, всякій вздоръ, это я прекрасно понималъ; но признаюсь, меня нѣсколько смущалъ его разговоръ съ тестемъ, я никакъ не представлялъ себѣ, чтобы наглость могла переходить всякія границы, даже простого благоразумія.

Черезъ нѣсколько дней послѣ свиданія меня вмѣстѣ со всѣми прочими заключенными въ Доминиканахъ перевели въ недавно упраздненный женскій монастырь Босачекъ. Сначала насъ съ Родзевичемъ помѣстили въ маленькой камерѣ, а затѣмъ мы сидѣли въ большой палатѣ, гдѣ имѣли товарищами Рудомина, Янчевскаго, Бендаржевскаго, вилен. книгопродавца Завадскаго и, помнится, шляхтечей изъ Лепельскаго уѣзда,—старика Чеховича и болѣе молодого Щуку. При Босачкахъ былъ довольно большой садъ, еще не вырубленный какъ въ Доминиканахъ; на прогулкахъ съ первыхъ же дней насъ свели съ другими заключенными, изъ которыхъ припоминаю съ либеральнымъ направленіемъ молодого ксендза Миньота (онъ сидѣлъ съ 63 года, уликъ противъ него никакихъ не было, а выпустить его не хотѣлось), д-ра Малевскаго; тутъ же я познакомился съ Мих. Ад. Коссовскимъ. Но съ добрымъ Родзевичемъ скоро пришлось распроститься, его административно выслали, кажется въ Рязанскую губ., потомъ разрѣшили перебраться въ Варшаву, гдѣ онъ давно и умеръ.

1 Мая 65 г. состоялась оффиціально отставка Муравьева; еще задолго до того стали увѣренно называть его преемникомъ К. П. Кауфмана, занимавшаго должность правителя канцеляріи воен. министерства; теперь эти слухи перешли въ совершившійся фактъ. Такъ какъ Кауфманъ не принадлежалъ къ родовитой аристократіи, то всѣ поняли, что своимъ назначеніемъ онъ обязанъ Д. А. Милютину (впрочемъ, послѣ нѣкоторые говорили, что Д. А. просто хотѣлъ отдѣлаться отъ него) и въ этомъ видѣли нѣкоторое указаніе, что муравьевскому режиму пришелъ конецъ. Всѣ въ краѣ ждали съ нетерпѣніемъ пріѣзда Кауфмана, а мы сидящіе и тѣмъ паче. Рудомина

и Янчевскій, особенно послѣдній, нѣсколько знали Кауфмана (братъ его, М. П., былъ начальникомъ инженерной академіи) и давали о немъ очень выгодную аттестацію. Кауфманъ не торопился пріѣздомъ, а когда наконецъ прибылъ въ Вильно, то позиціей, которую занялъ въ пожарномъ дѣлѣ, сразу опредѣлилъ направленіе своей политики.

Л. Пантелѣевъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Липецкій и Воронежскій съѣзды.

Мысль о созывѣ Липецкаго и Воронежскаго (1879 г.) съѣздовъ возникла и осуществилась, насколько это я себѣ представляю теперь, при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

Въ началѣ 1879 г. являются въ Петербургъ, сначала Соловьевъ, потомъ Гольденбергъ и поднимаютъ вопросъ объ Александрѣ II, предлагая себя въ исполнители.

Дѣйствующей и главенствующей партіей на сѣверѣ въ то время была партія «Земля и Воля». Къ ея-то членамъ, бывшимъ въ Петербургѣ, и обратились Гольденбергъ и Соловьевъ, прося лишь содѣйствія. Начались по этому поводу совѣщанія, на которыхъ вопросъ о цареубійствѣ поднялъ сначала цѣлую бурю. Противники въ пылу горячаго спора доходили даже до взаимныхъ угрозъ, что отлично изобразилъ М. Р. Поповъ въ своей статьѣ «Наканунѣ Воронежскаго съѣзда», но въ концѣ-концовъ пришли все-таки къ соглашенію настолько, что несогласные, какъ признавался мнѣ одинъ изъ нихъ, сами же потомъ оказывали на дѣлѣ косвенно содѣйствіе замыслу.

Соловьевъ заявилъ, что въ крайнемъ случаѣ онъ совершитъ фактъ и безъ одобренія его партіей, и безъ ея помощи. Всю отвѣтственность онъ, слѣдовательно, бралъ на себя, — партія оставалась, какъ бы, въ сторонѣ. Гольденбергъ къ этому времени окончательно отстранился, уступивъ Соловьеву совершать покушеніе единолично. Все это и заставило всѣхъ отчасти примириться съ надвигающимся событіемъ. Споры прекратились и всякій, кто могъ, сталъ оказывать Соловьеву содѣйствіе.

Такъ было до факта.

Но вотъ свершается фактъ. Происходитъ неудача. Какъ быть дальше? Оставить ли это дѣло и вернуться къ прежнимъ дѣламъ, или же докончить то, что было начато?

Члены партіи «Земля и Воля», стоявшіе и раньше за Соловьевское предпріятіе, теперь и подавно, даже обязательно находили нужнымъ довести дѣло до конца, такъ какъ наступившая реакція, по ихъ мнѣнію, настоятельно требовала такого конца.

Ниже я подробнѣй коснусь той роли въ развитіи террора, какую сыграла вообще реакція, но сейчасъ только упоминаю объ этомъ. Совершенно обратно посмотрѣли на это возражавшіе раньше. Въ реакціи они увидали подтвержденіе своихъ опасеній и къ тому же,

если Соловьевское дѣло можно было объяснить, какъ еще личное предпріятіе, то ничѣмъ подобнымъ нельзя будетъ отговариваться, разъ дѣло поведутъ члены партіи за ея счетъ и отъ ея имени. Съ этимъ уже труднѣй было согласиться. И споры поднялись снова. Товарищескія, даже дружескія отношенія мало помогали придти къ соглашенію, а потому рѣшили созвать общій съѣздъ членовъ общества «Земля и Воля» и отдать этотъ вопросъ на его разсмотрѣніе. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что въ спорахъ, при болѣе подробномъ и всестороннемъ разсмотрѣніи вопроса, для всѣхъ яснѣй и яснѣй становилось, что тутъ дѣло идетъ уже не объ единичномъ фактѣ, не объ одномъ Александрѣ II, а намѣчается цѣлое новое направленіе, могущее передвинуть центръ дѣятельности землевольцевъ вмѣсто деревни въ города, а это уже касалось всей программы, и отдѣльная группа не имѣла никакого права вносить подобныя измѣненія. Это могъ дѣлать только общій съѣздъ. Его и устроили, поручивъ нѣкоторымъ подыскать мѣсто и собрать всѣхъ къ извѣстному сроку, ставя условіемъ, чтобы мѣсто сбора находилось вблизи деревенскихъ поселеній, дабы деревенскимъ дѣятелямъ удобнѣй было отлучиться на короткое время. Такимъ мѣстомъ могъ быть Тамбовъ или Воронежъ. Тамбовъ скоро оказался неудобнымъ и поэтому остановились на Воронежѣ. Воронежъ представлялъ еще то удобство, что туда много пріѣзжало богомольцевъ. Въ немъ, какъ извѣстно, находится знаменитый Митрофаніевскій монастырь и пріѣздъ лишнихъ десятковъ людей никого не могъ удивить.

До того времени я проживалъ въ Одессѣ и Харьковѣ, но когда зашла рѣчь о съѣздѣ, меня вызвали въ Петербургъ.

Къ моему пріѣзду вопросъ объ общемъ съѣздѣ, насколько помню, былъ уже рѣшенъ, и среди тѣхъ, кто стоялъ за продолженіе дѣла Соловьева, шли рѣчи о томъ, какъ использовать съѣздъ, какъ склонить его на сторону новыхъ предпріятій террористическаго характера.

Необходимо подчеркнуть и оговорить, что дѣло шло не о раздѣленіи землевольцевъ на двѣ части и не объ измѣненіи программы. Новаторы только хотѣли добиться разрѣшенія продолжать дѣло Соловьева и желали получить большую свободу дѣйствій, большую самостоятельность въ веденіи подобныхъ дѣлъ. Кромѣ того террористамъ необходимо было посчитать свои силы, столковаться, спѣться самимъ, чтобы дружнѣй дѣйствовать на общемъ съѣздѣ. Для этого требовалось собрать, стянуть въ одинъ пунктъ изъ разныхъ мѣстъ всѣхъ, на кого можно было положиться, что они пристанутъ, не считая тѣхъ, кто раньше выражалъ уже согласіе. Такимъ пунктомъ выбрали Липецкъ и опять по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, это близко отъ Воронежа. Находясь въ немъ, легко было слѣдить за сборами на общій съѣздъ, и сейчасъ же можно было переѣхать туда, чтобы не заставлять себя ждать; во-вторыхъ, Липецкъ лечебный курортъ. Въ немъ есть желѣзный источникъ, открытый еще Петромъ I. На лѣто туда пріѣзжаютъ больные и потому появленіе новыхъ людей тамъ не въ диво, что и подтвердилось на дѣлѣ: съѣздъ прошелъ незамѣченнымъ. Такъ какъ мнѣ приходилось больше вращаться на югѣ (въ Кіевѣ, Одессѣ, Харьковѣ, Орлѣ), то ко мнѣ обратились съ вопросомъ, кого

можно бы пригласить оттуда и поручили потомъ собирать ихъ. Перебирая южанъ, я упомянулъ и про Желябова.

— Да, вѣдь, онъ же завзятый народникъ!—возразилъ кто-то.—Ихъ цѣлая компанія послѣ Большого процесса (проц. 193-хъ) рѣшили поселиться въ деревняхъ и онъ первый отправился къ себѣ на родину, въ деревню!—продолжалъ тотъ же.

— Все это такъ, Желябовъ, дѣйствительно, жилъ прошлое лѣто въ деревнѣ, но зиму онъ провелъ въ Одессѣ и сейчасъ неслышно, чтобы онъ собирался снова туда, отвѣтилъ я, и при этомъ разсказалъ, что заставляетъ меня предлагать Желябова, и почему въ немъ и его согласіи нельзя и сомнѣваться.

Когда существовала группа кіевскихъ бунтарей или вспышкопускателей, какъ ихъ иронически называли на югѣ, я принадлежалъ къ ея членамъ. Желябовъ и его компанія относились весьма отрицательно ко многимъ членамъ этой группы, перенося такое отношеніе и на ея программу. Однако, это не мѣшало его личному знакомству съ нѣкоторыми членами нашего кружка. Мнѣ съ нѣкоторыми другими бунтарями приходилось не разъ бывать у него на квартирѣ, когда онъ жилъ въ Одессѣ, и вести съ нимъ мирныя бесѣды. Программныхъ споровъ мы избѣгали и разговоръ велся на обычныя темы. Желябовъ, какъ человѣкъ живой, разговорчивый, любилъ попѣть, особенно въ компаніи, любилъ и поразсказать. Мнѣ, въ особенности, хорошо запомнились его разсказы про его студенческія похожденія, гдѣ онъ велъ постоянную войну и вступалъ въ схватки то съ полиціей, то съ уличными забіяками, то, наконецъ, въ бытность уже въ деревнѣ, съ быкомъ, котораго всѣ боялись, и который никому не давалъ спуску. Желябовъ съ вилами въ рукахъ пошелъ одинъ на этого быка и обратилъ его въ бѣгство къ удивленію всей деревни.

«Да онъ больше бунтарь, чѣмъ мы!» невольно навертывалось на мысль, слушая его повѣствованія, и я не разъ высказывалъ это вслухъ, когда мы уходили отъ него. Но приглашать его къ намъ въ то время было уже поздно. Наша кампанія рушилась, — и Желябовъ такимъ образомъ остался неиспользованнымъ.

А между тѣмъ нужно было только разъ увидать и услыхать съ какимъ жаромъ и увлеченіемъ онъ расказываетъ о своихъ похожденіяхъ, сопровождая слова жестами, чтобы сразу признать въ немъ чисто бунтарскую натуру.

Когда я разсказалъ все это петербургскимъ товарищамъ, то мнѣ поручено было поговорить съ нимъ, и если онъ изъявитъ согласіе на принятіе участія въ покушеніяхъ противъ Александра II, то пригласить его въ Липецкъ.

Наряду съ этимъ мнѣ поручено было заѣхать къ Баранникову и къ Марьѣ Николаевнѣ Оловянниковой. Они, обвѣнчавшись, жили въ то время въ имѣніи матери Марьи Николаевны въ Орловской губ. Поселясь въ деревнѣ, Марья Николаевна имѣла въ виду завести знакомства, устроить связи и съ этой цѣлью, по пріѣздѣ, сдѣлала съ Баранниковымъ (фиктивная его фамилія была Кошурниковъ) визиты сосѣдямъ, а въ томъ числѣ и исправнику. Въ отвѣтъ къ нимъ явился одинъ лишь близкій родственникъ, и только. На вторичный бракъ

Марьи Николаевны, видимо, посмотрѣли косо, тѣмъ болѣе, что у Баранникова былъ, хоть и настоящій паспортъ, но паспортъ студента со второго лишь курса Петровской академіи, да еще и семинарскій. Такимъ путемъ очутились они въ одиночествѣ. Хозяйство не интересовало Баранниковыхъ. Попробовалъ онъ охотиться, или, лучше сказать, попусту стрѣлять въ своемъ же небольшомъ лѣсу, но получилъ отъ исправника напоминаніе, что охота въ это время недозволена и чтобы онъ прекратилъ стрѣльбу. Никакихъ другихъ дѣлъ у нихъ въ деревнѣ не было; скука одолѣвать ихъ стала страшная и потому приглашеніе въ Липецкъ было принято ими, какъ избавленіе отъ татарскаго ига. Баранниковъ, какъ человѣкъ военный (онъ учился въ Павловскомъ училищѣ) и какъ прямая, боевая натура, любящая встрѣчать врага лицомъ къ лицу, недопускавшая подходовъ, конспираціи, неспособный на пропаганду по своей нелюбви много говорить, сразу согласился на принятіе участія въ боевыхъ нападеніяхъ. Для этого онъ былъ отлично приспособленъ: хладнокровный, физически очень сильный, ловкій, храбрый. Марью же Николаевну больше соблазнила мысль о возможности организаціи, объ устройствѣ чего-то въ родѣ французскихъ салоновъ, клубовъ, гдѣ она бы могла играть роль. Въ душѣ она была централистка, и хотя она близко стояла къ обществу «Земля и Воля», но это только потому, что не было въ Россіи дѣятельной группы централистовъ. Отдѣльныя же лица изъ централистовъ, что появлялись иногда въ Питерѣ на сходкахъ, оказывались въ теоретическомъ отношеніи ниже землевольцевъ; землевольцы ихъ обыкновенно побивали, и Марья Николаевна ясно видѣла, что съ такими лицами она не будетъ въ состояніи что-либо устроить. А между тѣмъ натура у Марьи Николаевны была дѣятельная, способная на конспирацію, любящая конспирацію. У ней были и организаторскія способности; она умѣла собирать вокругъ себя людей и привязывать ихъ къ себѣ, умѣла и командовать ими. Ее уважали. Но ей надо было все-таки опираться на кого-нибудь, чтобы не выступить въ качествѣ чистой централистки. Централизмъ у насъ не пользовался большимъ почетомъ. Слушая о Питерѣ, о спорахъ, о планахъ на будущее, она сразу поняла, что тутъ дѣло идетъ не объ отдѣльномъ предпріятіи, а о чемъ то другомъ, изъ чего можетъ развиться цѣлое новое, болѣе родное ей по духу направленіе.

У Баранниковыхъ я пробылъ два дня. На другой день пришелъ ихъ родственникъ. Послѣ обѣда добыли откуда то бутылку вина, выпили, разговорились, начали мечтать вслухъ, увлеклись. Марьѣ Николаевнѣ такъ показалась заманчива будущность, предстоящая дѣятельность, что она рѣзко прервала разговоръ. «Довольно, довольно! хорошаго понемногу!» воскликнула она... Она съ Баранниковымъ первые пріѣхали въ Липецкъ, почти за цѣлый мѣсяцъ до пріѣзда другихъ.

Когда я уѣзжалъ отъ нихъ, мнѣ въ первый и послѣдній разъ пришлось увидать на станціи Александра II. Ему, не знаю почему, захотѣлось остановиться на этой станціи, выйти изъ вагона и пройтись по платформѣ. Поѣздъ остановили. Онъ вышелъ и, строго глядя на скучившуюся у станціи публику, прошелъ вдоль платформы, зашелъ

въ садикъ и вернулся назадъ. Въ это время императрица сидѣла у окна вагона и что-то спрашивала у бабъ, толпившихся у рѣшетки платформы противъ нея. Бабы—крестьянки причитали, плакали отъ радости, но толкомъ отвѣтить ничего не могли. Александръ II возвратясь и подойдя сюда, разомъ какъ-то сбросилъ съ лица всю строгость и, какъ предупредительный кавалеръ, весело, ласково смѣясь, сталъ передавать вопросы и отвѣты отъ супруги бабамъ и обратно. Туда, гдѣ были бабы, мужиковъ не пускали, да и вообще мужиковъ было около станціи очень мало. Бабы же всѣ были въ праздничныхъ яркихъ костюмахъ и, видимо, нарочно были собраны. Такимъ путемъ происходитъ у царей знакомство съ народомъ.

Отъ Баранникова двинулся я въ Одессу, минуя Харьковъ, гдѣ жили въ это время Софья Львовна Перовская и Татьяна Ивановна Лебедева. Вышла довольно непріятная оплошность съ моей стороны: я не заѣхалъ къ нимъ и не пригласилъ ихъ на съѣздъ въ Липецкъ. Послѣ, когда на Воронежскомъ съѣздѣ стало извѣстно объ Липецкомъ съѣздѣ и его задачахъ, Перовская не разъ корила меня за неприглашеніе, упрекая тѣмъ, что живя такъ много въ Харьковѣ и видаясь съ ней ежедневно, я бы долженъ знать ее лучше. Мы, вѣдь, вмѣстѣ все время строили разные планы на счетъ централки, гдѣ находился Мышкинъ, Войнаральскій и др. Это было такъ, ея упреки отчасти были основательны, но съ другой стороны и мое порученіе было довольно щекотливаго характера. Липецкій съѣздъ держался въ тайнѣ отъ непосвященныхъ членовъ «Земли и Воли». Поэтому, приглашая туда, надо было имѣть въ виду не только полученіе согласія, но и то, чтобъ человѣкъ, отказавшись, не сталъ бы разглашать и не поднялъ бы тревоги. А между тѣмъ, еще не задолго до моей поѣздки въ Питеръ, въ одномъ разговорѣ Перовская являлась не только завзятой народницей, но еще и русачкой. Все русское—народъ, Волга, Жегулевскія на ней горы, русскія пѣсни,—все это она ставила выше, красивѣй, малороссійскихъ и не разъ вступала въ горячіе споры, отстаивая свои симпатіи. Землевольческіе народники какъ разъ и дѣйствовали въ ея излюбленныхъ мѣстахъ. Не будь на ея плечахъ дѣла съ централкой, она, вѣроятно, и сама была бы тамъ. Къ тому же всѣмъ извѣстно было что она почему то недолюбливала такъ называемыхъ «троглодитовъ», и это сохранилось у нея и тогда, когда уцѣлѣвшая ихъ часть стала землевольческой. А ими то и устраивался Липецкій съѣздъ. Все это и было причиной, почему я не пригласилъ Перовскую, а вмѣстѣ съ ней и Татьяну Ивановну. Ихъ надо было приглашать обѣихъ или ни одной. Послѣ, на дѣлѣ все это оказалось не такъ. Соня, оставаясь въ душѣ народницей, въ то же время находила новое направленіе настолько отвѣчающимъ требованіямъ и запросамъ жизни, что не только пристала къ нему, но и пошла впереди, отлично справляясь съ своими симпатіями къ народничеству и антипатіями къ отдѣльнымъ лицамъ. Тоже вышло и съ Т. И. Лебедевой.

Въ Одессѣ Желябовъ при первомъ же свиданіи выразилъ полную готовность принять участіе въ предпріятіяхъ противъ Александра II, но тутъ же въ немъ заговорилъ и народникъ. Когда я дальше въ

разговорѣ сталъ подробнѣй излагать ему цѣль Липецкаго съѣзда, планы и намѣренія питерцевъ съорганизовать при возможности болѣе постоянную боевую группу и повести дѣло террора болѣе систематически, не ограничиваясь уже единичнымъ фактомъ, Желябовъ, увидавъ, что за первымъ фактомъ могутъ явиться и другіе, на которые его пошлютъ, сей же часъ, какъ бы спохватившись, заявилъ, что онъ далъ слово на единичный лишь фактъ и останется, пока этотъ фактъ не будетъ выполненъ. По совершеніи же его, онъ будетъ считать себя свободнымъ отъ всякихъ дальнѣйшихъ обязательствъ; онъ потребовалъ даже, чтобъ ему дано было слово, что онъ тогда воленъ будетъ выйти изъ организаціи или остаться въ ней, обязуясь, конечно, сохранять тайны.

Слово ему, разумѣется, было дано, хотя и безъ того никогда не практиковалось насильно удерживать человѣка. Желябовъ отлично самъ это зналъ, но ему, мнѣ кажется, необходимо было успокоить совѣсть своего народничества, онъ и оговорился, чтобъ имѣть право сказать, что «народничества то я все таки не бросаю, хотя и согласился на единичный террористическій фактъ».

Вскорѣ въ Одессу пріѣхалъ Александръ Михайловъ. Я познакомилъ его съ Желябовымъ, а самъ, вѣроятно, поѣхалъ звать Колоткевича [1]) и занялся другими дѣлами. Въ это время произошелъ Херсонскій крахъ, послѣ ограбленія тамъ казначейства Россиковой и другими; въ Одессѣ и Херсонѣ шла рѣчь, какъ вызволить деньги, зарытыя Юрковскимъ въ Алешкахъ въ землѣ: Юрковскій забылъ точно мѣсто, а надо было дѣйствовать ночью, такъ какъ полиція уже караулила домъ и мѣсто около него. Объ этомъ я упоминаю лишь потому, чтобы сказать, что мнѣ изъ за этого мало пришлось видаться съ Желябовымъ, послѣ нашего съ нимъ уговора и послѣ того, какъ онъ познакомился съ Михайловымъ. Встрѣтился я съ нимъ уже въ Липецкѣ и диву дался: Желябовъ, еще недавно оговаривавшійся и бравшій слово, что его не станутъ удерживать и заставлять участвовать въ новыхъ дѣлахъ, теперь уже самъ развивалъ цѣлую стройную программу боевой организаціи. Отдѣльный фактъ уходилъ на второй планъ,—на первомъ ставилась цѣлая серія фактовъ, которые, ширясь, могли бъ закончиться или переворотомъ, захватомъ радикалами власти, или, по крайней мѣрѣ, хоть принужденіемъ правительства пойти на уступки и дать конституцію. Говоря о захватѣ власти, Желябовъ всегда оговаривался, что захватывать власть можно лишь съ тѣмъ, чтобъ передать ее въ руки народа.

Какъ же могла произойти съ Желябовымъ такъ быстро подобная метаморфоза? Съ нимъ самимъ объ этомъ мнѣ не пришлось говорить, но, полагаю, что объяснить это можно не одной, а многими причинами. Прежде всего это была подвижная, дѣятельная натура, ищущая, гдѣ бы ей приложить свою силу, энергію, а между тѣмъ правительственный терроръ отнималъ всякую возможность какой либо

---

[1]) Я говорю, „вѣроятно," потому, что пригласить могъ только я, а между тѣмъ, я что то не помню, какъ и гдѣ это произошло.

дѣятельности и угрожалъ каждую минуту высылкой, тюрьмой иногда за здорово живешь. Чѣмъ погибать изъ за пустяковъ и мелочей, лучше совершить что либо побольше, что быть можетъ очиститъ атмосферу, разгонитъ нависшія надъ всѣми тучи. Такъ думали въ то время многіе, такъ, вѣроятно, думалъ и Желябовъ. Отсюда быстрое соглашеніе на предложеніе питерцовъ. Сказалась боевая натура. Дальше Желябовъ, умѣлъ логически мыслить и доводить мысль до конца. Принявъ участіе въ единичномъ фактѣ и размышляя какъ его совершить, онъ пришелъ сначала къ необходимости лучше обставить этотъ фактъ, но начавъ съ организаціи его, скоро дошелъ до необходимости создать организацію и для большихъ фактовъ, продолжать терроръ до логическаго конца. Его мышленію помогло, конечно, немало и то, что въ Петербургѣ, послѣ моего отъѣзда, Тихомировъ и Александръ Михайловъ, составивъ проэктъ программы боевой организаціи для Липецкаго съѣзда, познакомили, конечно, съ нимъ въ Одессѣ и Желябова и вмѣстѣ съ нимъ этотъ проэктъ обсуждали. Затѣмъ. не мало повліяло вообще и то, что къ этому времени лучше выяснились, какъ наличный, количественный и качественный составъ активныхъ дѣятелей, такъ и возможность добывать болѣе или менѣе значительныя матеріальныя средства. Дѣло можно было поставить на болѣе широкую ногу. Этимъ и увлекся Желябовъ, а къ увлеченію онъ былъ сильно склоненъ, рисуя себѣ и другимъ сѣрую дѣйствительность часто въ болѣе свѣтлыхъ, радужныхъ краскахъ, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ. Зато, слушая его, незамѣтно и самъ начиналъ вѣрить, что то, что казалось тебѣ малымъ, незначительнымъ, сѣрымъ на дѣлѣ—и больше, и важнѣй, и свѣтлѣй.

Въ Липецкъ съѣзжались постепенно, не всѣ разомъ. Про Марью Николаевну и Баранникова я уже говорилъ, что они пріѣхали за цѣлый мѣсяцъ раньше. Нѣкоторые, пріѣзжая, снова уѣзжали, чтобъ узнавать, какъ подвигается съѣздъ общій, т. е. Воронежскій.

Въ Липецкѣ есть рѣка, а за курортнымъ садомъ большой прудъ—озерко съ длинной гатью, съ очень прозрачной водой; рыба въ ней совсѣмъ не водится.

Пріѣхавшіе раньше, не разъ устраивали прогулку на рѣку, добывали лодку и катались по пруду—озерку, и удивлялись его прозрачности и какой-то безжизненности. На распросы крестьянъ, у которыхъ брали лодку, про озерко услыхали, что причиной отсутствія рыбы они считаютъ то, что запруда сдѣлана антихристомъ и что только ему было подъ силу сдѣлать такую длинную насыпь. Подъ антихристомъ, конечно, они разумѣли Петра I., что потомъ и выяснилось, когда разговорились вообще о Липецкѣ и объ открытіи въ немъ желѣзныхъ водъ. Эти прогулки и катанья служили не однимъ развлеченіемъ: во время ихъ поднимались и обсуждались предварительно многіе вопросы, подлежащіе рѣшенію на съѣздѣ; обсуждался между прочимъ и проэктъ Тихомирова и Михайлова, о которомъ сообщали пріѣхавшіе, когда появился Желябовъ и пріѣхали почти всѣ питерцы. Это было не задолго до съѣзда и происходило въ номерахъ и при частныхъ встрѣчахъ.

Но вотъ съѣхались и всѣ,—тогда, пораспросивъ номерныхъ и

узнавъ, что за городомъ есть гдѣ то лѣсъ, гдѣ устраиваются пикники, наняли извозчиковъ, накупили закусокъ, немного вина, очищенной и двинулись въ путь. Извозчики отлично знали мѣсто и повезли по первому намеку о пикникѣ безъ дальнѣйшихъ распросовъ. Дорога за городомъ шла низиной, которая, видимо, заливалась или заливается весной полой водой. На это указывали высохшіе протоки, песчаные островки, мели. Переѣхавъ рѣку и поднявшись на ея невысокій берегъ, мы повернули направо и покатили по безлѣсной полянѣ съ песчаной дорогой. Вдали виднѣлся лѣсъ, къ нему мы и направились. Тутъ Желябовъ показалъ намъ свою силу и не мало удивилъ ею даже извозчиковъ. Дорогой онъ съ кѣмъ то поспорилъ, что подыметъ пролетку съ сѣдокомъ за заднюю ось. Проѣхавъ по лѣсу не болѣе версты, мы начали останавливаться, увидавъ впереди какія то постройки. Предположили, что это, вѣрно, какой нибудь ресторанъ или что либо въ этомъ родѣ, гдѣ кутятъ Липецкіе купцы. Желябовъ сошелъ со своей пролетки. Вдругъ, бросается онъ еще къ новому подъѣзжавшему экипажу, схватываетъ его за заднюю желѣзную ось, и поднявъ пролетку съ сѣдокомъ, останавливаетъ даже лошадь, бѣжавшую тихой рысью. «Ну, и сильный!» вырвалось невольно у одного извозчика. Мы всѣ тѣмъ болѣе были поражены, что съ виду Желябовъ вовсе не производилъ впечатлѣнія силача-атлета. У него же отъ напряженія только лопнула кожа немного на пальцѣ и выступила кровь.

Надѣливъ извозчиковъ закуской и водкой, которая для нихъ и была куплена, ихъ отпустили къ постройкамъ, а сами мы двинулись налѣво въ сторону и стали искать такого мѣста, гдѣ насъ трудно было бы увидать издали, а сами мы легко могли бы видѣть всякаго, къ намъ подходящаго. Такое мѣсто нашлось очень скоро. Это была группа деревьевъ и кустарниковъ, стоявшихъ на полянкѣ почти въ ея центрѣ. Расположившись на этомъ островкѣ, отлично можно было видѣть, что творится вокругъ на этой полянкѣ, оставаясь сами невидимыми и неслышимыми, такъ какъ разстояніе отъ нашей группы деревьевъ до лѣса было достаточно велико.

Разложивъ, разставивъ на травѣ бутылки съ виномъ, закуски, стаканы все, чтобы придать такой видъ, будто люди пріѣхали покутить,—сей-же часъ приступили къ обсужденію.

Воспроизвести послѣ 27-лѣтняго промежутка то, что говорилось тогда, не имѣя у себя протоколовъ,—всякій, конечно, понимаетъ,—нетолько трудно, но даже невозможно; вѣдь послѣ этого пережиты Равелинскій и Шлиссельбургскій режимы. Этимъ я и не стану заниматься, тѣмъ болѣе, что отдѣлить сейчасъ то, что говорилось незадолго до съѣзда, отъ того, что говорилось на самомъ съѣздѣ, совершенно немыслимо. Одно можно сказать, что на съѣздѣ приняты были начала всѣхъ тѣхъ положеній, которыя вошли позже въ программу Народной Воли. Но такъ какъ съѣздъ не задавался цѣлью создать новую программу, такъ какъ онъ имѣлъ въ виду дѣйствовать еще подъ знаменемъ программы землевольческой, то ему не было и нужды, собственно говоря, формулировать свои мысли въ одно цѣлое и дѣлать на этотъ счетъ постановленія. Заговоръ, переворотъ, захватъ власти съ передачей ея народу—все это высказывалось, обсу-

ждалось, но все это, насколько помню, имѣло мѣсто лишь какъ мотивъ, какъ доказательство у отдѣльныхъ лицъ, что съ помощью сильной, боевой организаціи и такія вещи возможны. Съ этими мнѣніями можно было соглашаться или нѣтъ,—это не было обязательно. Цѣлью съѣзда было созданіе сильной, боевой организаціи и предоставленіе ей возможности дѣйствовать самостоятельно, и находить для этого какъ людей, такъ и средства. Выработкой организаціонныхъ вопросовъ съѣздъ главнымъ образомъ и занялся, коснувшись, конечно, и нѣкоторыхъ практическихъ вопросовъ.

Гольденбергъ въ своихъ показаніяхъ настаивалъ на томъ, что съѣздъ занимался только вопросомъ о цареубійствѣ. Это надо объяснить тѣмъ, что самъ онъ, сильно занятый этимъ вопросомъ и знавшій, что изъ-за этого вопроса загорѣлся весь сыръ-боръ, полагалъ, что и всѣ были его мнѣнія. Такъ онъ и остался при этомъ, полагая, что вся боевая организація для этого дѣла только и формируется. Онъ упустилъ изъ виду дальнѣйшее развитіе вопроса и не обратилъ вниманія, что дѣло идетъ не объ отдѣльномъ фактѣ, а о цѣлой системѣ ихъ. Этому, мнѣ кажется, способствовало то, что въ Питерѣ скоро Гольденберга узнали лучше и поэтому стали къ нему относиться хуже. Признавая, что на героическій поступокъ онъ хотя, быть можетъ, еще и способенъ, считали, однако, что въ другихъ отношеніяхъ онъ не выдерживаетъ критики. Заходила даже рѣчь о томъ, что его не слѣдуетъ звать на Липецкій съѣздъ. Въ Кіевѣ и Одессѣ Гольденберга знали лучше и были удивлены его приглашеніемъ. Но Сѣверяне отстояли, замѣтивъ, что уже поздно, такъ какъ онъ уже приглашенъ. Въ Питеръ Гольденбергъ явился окруженный славой его харьковскаго дѣла, (убійство Крапоткина), предлагалъ себя для покушеніе на Александра II, кромѣ того тутъ онъ быстро образовалъ около себя группку лицъ, съ очень, правда, страшнымъ девизомъ: на печати у нихъ было, какъ шутили питерцы, что-то въ родѣ грома, молніи, кинжала и револьвера. Но дѣло не въ девизѣ, а въ томъ, что въ группкѣ оказались дѣльные люди, и городскіе землевольцы ихъ всѣхъ скоро пристроили къ разнымъ дѣламъ. Гольденбергъ поэтому на первыхъ порахъ показался питерцамъ достойнымъ вниманія, его пригласили въ члены террористической группы, съ нимъ стали совѣщаться о Липецкомъ съѣздѣ. Не пригласить его туда стало для питерцевъ трудно и даже совершенно невозможно. Они и пригласили, но дальше, когда появились Южане, дѣло не пошло, и уже на Воронежскій съѣздъ его и не подумали проводить. Въ Петербургѣ Гольденбергу не приходилось, видимо, участвовать при разработкѣ дальнѣйшихъ вопросовъ насчетъ Липецкаго съѣзда и онъ, видя, что на съѣздѣ обо всемъ этомъ говорятъ лишь бѣгло, мало обратилъ вниманія на происходившее—слона то и не замѣтилъ, объясняя все по своему, думая, что все устраивается лишь для одной ему извѣстной цѣли. Большихъ споровъ, длинныхъ разсужденій на съѣздѣ не было. Обо всемъ переговорили заранѣе. Здѣсь надо было лишь выработать и формулировать кратко то, что думали, съ чѣмъ были согласны всѣ. На первыхъ порахъ, впрочемъ, началась было обычная исторія: неумѣнье русскихъ вести собраніе. Всякъ спѣшилъ, не слу-

шая другого, высказать свое мнѣніе и не соглашался на измѣненія, на поправки. Желябовъ, однако, быстро помогъ дѣлу. Очень скоро выяснилось, что онъ отлично умѣетъ схватывать сущность чужой мысли и формулировать ее такъ, что съ ней легче другимъ соглашаться. Мало этого, нѣсколько однородныхъ рѣчей онъ соединялъ въ одну, сглаживая, соглашая всѣ ихъ детальныя различія, которыя часто мѣшаютъ соглашенію больше, чѣмъ основныя.

Его сей-же часъ выбрали въ секретари, и дѣло пошло быстро. Поднимались вопросы, высказывались мнѣнія. Желябовъ ихъ формулировалъ; дѣлали небольшія поправки, замѣняя одно слово, одну фразу другими и ставили на баллотировку. Вопросъ проходилъ, и шли дальше. Учрежденіе генералъ-губернаторства, введеніе военныхъ положеній, принятіе вообще чрезвычайныхъ мѣръ съ ихъ арестами, высылками—въ то время какъ то особенно угнетающимъ образомъ подѣйствовали на общество, и изъ его среды стали раздаваться крики, «что такъ жить нельзя, что такому порядку надо положить конецъ, необходимо найти выходъ». Со стороны радикаловъ потребовалось потому принятіе тоже чрезвычайныхъ мѣръ, особеннаго напряженія, особенныхъ поступковъ; вообще требовалось отъ оборонительной борьбы перейти къ наступательной. Сдѣлать всего этого небольшая группа террористовъ—какъ, членовъ Земли и Воли, не могла. Для такого большого дѣла требовалась и большая, хорошо организованная партія [1]) и возможность ей дѣйствовать быстро, рѣшительно, не ожидая разрѣшеній свыше. Объ устройствѣ такой то организаціи на съѣздѣ и шла главнымъ образомъ рѣчь.

Вся организація дѣлилась на нѣсколько отдѣловъ: боевой, литературный, по заведенію связей, по добыванію средствъ, пропагандѣ и т. д. Но все это объединялось въ одномъ центрѣ, который долженъ былъ все знать, все вѣдать, все направлять къ намѣченной цѣли. Выборъ какъ въ отдѣлы, такъ и въ центръ, совершался тутъ же. Руководились, конечно, наклонностью, способностью, личнымъ желаніемъ. Боевому отдѣлу придавалось большое значеніе, ему предназначалась видная роль, а потому прочіе отдѣлы должны были нести по отношенію къ нему обслуживающую роль. Они должны были содѣйствовать ему каждый въ своемъ родѣ. Одни—добывать деньги, другіе писать и печатать, третьи отыскивать новыхъ бойцовъ и т. д. Каждый отдѣлъ въ своихъ частныхъ дѣйствіяхъ былъ самостоятеленъ, т. е. члены другихъ отдѣловъ не вмѣшивались въ его дѣла. Но въ общемъ находился въ зависимости отъ центра и общаго собранія. На съѣздѣ центру придавалось особенное значеніе—почти диктаторское, но фактическое, на дѣлѣ большее значеніе имѣло потомъ общее собраніе и даже собраніе наличныхъ членовъ, когда *ихъ оказывалось* гдѣ либо значительное количество.

Центръ возбуждалъ, ставилъ на видъ необходимость тѣхъ или

---

[1]) Я употребилъ слово партія только потому, что не нашелъ болѣе подходящаго по тому времени названія. Это названіе не соотвѣтствовало дѣйствительности. Но съ другой стороны нельзя было назвать новую организацію и группой, ибо она состояла изъ нѣсколькихъ группъ.

другихъ мѣръ, предпріятій. Собраніе обыкновенно обсуждало, дѣлало постановленія, и центръ потомъ слѣдилъ за выполненіемъ этихъ постановленій. Въ промежутки между собраніями въ предѣлахъ намѣченнаго собраніями центръ могъ требовать полнаго выполненія уже его собственныхъ рѣшеній. Центръ засѣдалъ почти ежедневно, собранія же бывали изрѣдка.

Члены организаціи дѣлились на полноправныхъ членовъ и неполноправныхъ—или агентовъ, какъ ихъ называли. Здѣсь не мѣшаетъ указать на то, какъ къ этому времени сильно подвинулось сознаніе необходимости централизаціи и необходимости извѣстной подчиненности одному центру, одной какой нибудь организаціи, необходимости извѣстныхъ тайнъ. Я хорошо помню, какъ въ бытность мою кіевскимъ бунтаремъ, мы тоже устраивали тамъ съѣздъ и тоже выбрали центральную группу, которая должна была играть роль руководителей, иниціаторовъ. Этому центру должны были подчиняться. Онъ долженъ былъ знать все, могъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію, могъ имѣть свои тайны, которыя не обязанъ былъ сообщать всѣмъ. И что же? Все это продолжалось только до конца обсужденій. Въ концѣ же сразу были раскрыты даже тайны закрытой баллотировки въ центръ. Вообще русскіе, какъ я замѣтилъ, съ большой неохотой и медленно примирялись съ конспираціей, тайной, необходимостью подчиняться. Это не разъ и послѣ вело къ очень нежелательнымъ явленіямъ, но все таки, какъ члены Липецкаго съѣзда, такъ и многіе другіе, уже выросли настолько, что могли вполнѣ серьезно отнестись къ своимъ рѣшеніямъ и послѣдовательно ихъ выполнять. Труднѣй всего давалось сознаніе необходимости подчинять свои дѣйствія требованію главной организаціи и это было больнымъ мѣстомъ для всѣхъ провинціальныхъ группъ, находящихся въ связи съ главной организаціей. Помогало часто лишь то, что въ члены такой группы вступалъ кто либо изъ членовъ Петербургской организаціи, который и улаживалъ дѣла, сглаживалъ шероховатости. Впрочемъ, послѣднее относится уже къ послѣдующей практикѣ. Члены же съѣзда, сознавая важность и необходимость подчиненія для болѣе планомѣрной, къ единой цѣли направленной дѣятельности, исходили въ своихъ рѣшеніяхъ и постановленіяхъ только изъ такого сознанія и доводили принципъ до конца.

Выясненіемъ принциповъ для новой организаціи съѣздъ и занимался, не отвлекаясь въ сторону частныхъ предпріятій, порѣшивъ все существенное въ первомъ же засѣданіи. Его то я только и помню. Ѣздили ли еще въ лѣсъ, я уже забылъ. Если и ѣздили, то не всѣ, а тѣ, кто не торопился на Воронежскій съѣздъ или кто совсѣмъ туда не собирался, какъ Гольденбергъ и нѣкоторые другіе. Вотъ тутъ то и въ эти поѣздки и могли говорить уже о частныхъ предпріятіяхъ. Говоря объ нихъ, Гольденбергъ и могъ еще заключить, что дѣло идетъ о практическихъ начинаніяхъ.

Изъ Липецка большая часть сейчасъ же отправилась въ Воронежъ и первымъ дѣломъ постаралась провести въ члены Земли и Воли своихъ членовъ. Въ Воронежѣ, такъ же, какъ и въ Липецкѣ, съѣхались не всѣ сразу и потому до общаго собранія бывали и част-

ныя катанья на лодкахъ, и свиданія на квартирахъ, гдѣ начались споры и выясненія взглядовъ.

Здѣсь, чтобы лучше понять, о чемъ могъ быть споръ и что препятствовало полному соглашенію, я коснусь тѣхъ положеній программы Земли и Воли, которыя и служили камнемъ преткновенія и за которыя еще крѣпко держались такъ называемые народники, т. е. тѣ члены Земли и Воли, которые стояли за дѣятельность въ деревняхъ и находились тамъ.

Въ первыхъ номерахъ «Земли и Воли» говорится: «основаніемъ всякой истинно-революціонной программы должны быть народные идеалы, какъ ихъ создала исторія»... (требованіе Земли и Воли) и далѣе: «Революціи—дѣло народныхъ массъ. Подготовляетъ ихъ исторія. Революціонеры ничего поправить не въ силахъ. Они могутъ быть только *орудіями* исторіи, выразителями *народныхъ* стремленій (курсивъ въ газетѣ). *Роль ихъ заключается* только въ томъ, чтобы *организуя* народъ во имя его стремленій и требованій и, *поднимая* его на борьбу съ цѣлью ихъ осуществленія, *содѣйствовать* ускоренію того революціоннаго процесса, который по непреложнымъ законамъ совершается въ данный періодъ.»

Итакъ, программа ставитъ въ основу лишь народные идеалы, созданные исторіей.—Исторія же подготовляетъ и революціи, какъ дѣло народныхъ массъ.

Революціонеры могутъ быть лишь *орудіями* все той же исторіи. Роль ихъ сводится лишь на то, чтобы, *организуя народъ* во имя его только стремленій и требованій, содѣйствовать ускоренію лишь того революціоннаго процесса, который совершается въ данный періодъ. Я не говорю о *поднятіи* народа въ данное время на борьбу, потому, что это, конечно, могло быть только въ будущемъ.

Въ настоящемъ же главное заключалось въ томъ, чтобы ближе сойтись съ народомъ, лучше узнать его стремленія и требованія, заручиться его довѣріемъ, уваженіемъ, ближе подойти къ нему и тогда повести дѣло организаціи. Все это возможно было, конечно, только живя въ деревнѣ, входя въ ежедневное общеніе съ народомъ, не пугая его мысль крайностями, не затрагивая его нѣкоторыхъ вѣрованій, какъ напримѣръ въ Бога, Царя. Въ то время царскій авторитетъ, казалось, стоялъ высоко и касаться его рѣзко избѣгали,—но особенно боялись дурного впечатлѣнія на народъ отъ всякихъ покушеній на царя. У крестьянъ еще свѣжо было воспоминаніе объ освобожденіи ихъ отъ крѣпостной зависимости. Многихъ недостатковъ этого освобожденія крестьяне еще не раскусили, многое приписывали злоупотребленіямъ высшихъ и низшихъ чиновниковъ, многаго не понимали. Сказывалась тутъ и историческая привычка къ почитанію царской власти. Къ тому же слухи, что дворяне недовольны освобожденіемъ, что они непрочь вернуть старое, что они злы на царя, сильно мѣшали антицарской проповѣди, вызывая въ слушателѣ мысль: «а не изъ дворянъ ли ты, голубчикъ?!»

Такъ въ первое время и объяснялись многими дѣйствія радикаловъ.

Понятно, что предпріятія, направленныя лично противъ Алек-

сандра II, еще болѣе должны были поднять подобные толки, могли породить и вражду къ радикаламъ, и перенести ее и на народниковъ; поэтому поселенцы деревенскіе имѣли полное основаніе бояться, что такія дѣла помѣшаютъ, затормозятъ ихъ начинанія въ народѣ. Отсюда и ихъ упорное несогласіе на подобные факты.

Далѣе, «Земля и Воля» хотя и признавала терроръ, но какъ?

Въ 1-мъ номерѣ «Земли и Воли» уже начинается предостереженіе отъ увлеченія имъ. «Мы должны помнить, говоритъ газета, что не этимъ путемъ мы добьемся освобожденія рабочихъ массъ... Террористы—это не болѣе какъ *охранительный отрядъ*, назначеніе котораго—оберегать работниковъ *среди народа* отъ предательскихъ ударовъ враговъ».

Здѣсь опятъ основа въ деревенской работѣ, среди народа и терроръ лишь охраняетъ, защищаетъ эту работу, ея дѣятелей. Самостоятельнаго значенія за терроромъ еще не признается. Онъ, охраняя работу поселеній, можетъ нападать лишь *на отдѣльныхъ личностей*, такъ или иначе мѣшающихъ дѣлу. Писавшій, немного увлекшійся своими разсужденіями, въ число такихъ отдѣльныхъ личностей включилъ и царя, но это надо отнести не къ мнѣнію всѣхъ, а лишь немногихъ. Вотъ текстъ: «До тѣхъ же поръ, пока останется въ дѣйствіи нынѣшняя система, основаніемъ которой служитъ произволъ *отдѣльной личности* (курсивъ въ газетѣ), начиная отъ .... и кончая будочникомъ... до тѣхъ поръ врагами нашими... являются отдѣльныя личности.» Здѣсь въ число отдѣльныхъ лицъ, хотя и внесенъ представитель верховной власти, но это носило совсѣмъ не тотъ смыслъ и характеръ, какъ впослѣдствіи, и потому то газета поспѣшила оговориться и начала удерживать отъ увлеченія. Мало этого, въ поднятомъ вопросѣ она увидала больше чѣмъ увлеченіе, она увидала перемѣну программы, нарожденіе новаго направленія, уже не подготовку къ народной революціи, а объявленіе войны правительственной власти, желаніе вырвать у правительства конституцію. Но, говоритъ газета, «обратить всѣ наши силы на борьбу съ правительственной властью значило бъ оставить *свою прямую, постоянную цѣль*, чтобъ погнаться *за случайной, временной*... Такое направленіе нашей дѣятельности было бы *великой ошибкой*... со стороны тактики партіи. Паденіе нашего современнаго политическаго строя не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію... и «самодержавіе замѣнится *конституціоннымъ строемъ*» предсказываетъ газета, какъ бы продолжая споръ на бумагѣ, начатый гдѣ то раньше на словахъ: о стремленіи къ конституціи въ революціонной литературѣ сѣвера еще не было и помину.

Итакъ, къ первоначальному камню преткновенія—къ спору по вопросу о вредѣ новаго направленія для дѣятельности въ народѣ, теперь мы видимъ еще прибавку новыхъ мотивовъ и новыхъ страховъ. Въ новомъ направленіи усматривалось стремленіе *оставить прямую, постоянную цѣль*, предвидѣлась погоня за случайной, временной, т. е. *за конституціей*. А это такое уже дѣло, которому надо всѣми силами не помогать, а тормозить, ибо что можетъ дать конституція русскому народу? Русская конституція,

«какъ и *всякая конституція»*, продолжаетъ развивать предыдущія мысли авторъ той же газеты «Земля и Воля»,—выдвинетъ на первый планъ привиллегированныя сословія: помѣщиковъ, купцовъ, фабрикантовъ—всѣхъ владѣтелей капитала движимаго и недвижимаго, однимъ словомъ *буржуазію*... т. е. ужасный жупелъ того времени, отъ котораго надо открещиваться обѣими руками, а не ждать себѣ какихъ то тамъ благъ, вродѣ возможности, при измѣнившихся условіяхъ, болѣе продуктивной работы съ меньшей затратой силъ. Какъ бы не такъ?! Напротивъ! Въ настоящее время всѣ эти буржуа разрознены еще и потому безсильны. «*Конституціонная же свобода,* какъ бы жалка она ни была, имъ то во всякомъ случаѣ *дастъ возможность сворганизоваться въ сильную партію, первымъ дѣломъ которой будетъ провозглашеніе крестоваго похода противъ насъ, соціалистовъ,* какъ своихъ опаснѣйшихъ враговъ», заканчиваетъ свои возраженія-доказательства газета «Земля и Воля». И теперь, полагаю, для всякаго будетъ понятно, почему землевольцы, несогласные на усиленіе политической борьбы, подняли всѣхъ на ноги, завели споръ и старались помѣшать новому теченію. Эта часть съѣхавшихся представляла изъ себя болѣе или менѣе одинаково мыслящихъ людей, занимавшихся однимъ дѣломъ и желавшихъ продолжать его. Это были землевольцы—народники.

Въ другую половину вошелъ наоборотъ разнообразный элементъ. Тутъ были и землевольцы,—Михайловъ, Квятковскій, Баранниковъ, склонявшіеся уже къ террору, хотя еще и не отрицавшіе народничества. Тутъ были обломки и бывшаго бунтарства (я), и кіевскаго конституціонализма (Колоткевичъ), и былого чистаго народничества (Желябовъ, Перовская). На взгляды этой части съѣхавшихся, надо добавить, сильно вліяли, какъ бывшія дѣла на югѣ, такъ и та атмосфера, и то настроеніе, которое тамъ стало преобладающимъ. Многіе южане—Осинскій, Попко, Медвѣдевъ и т. д. ко времени съѣзда сошли со сцены, но то направленіе, по которому они пошли, передалось другимъ и оно то въ общемъ только и объединяло, какъ на Липецкомъ, такъ и на Воронежскомъ съѣздѣ лицъ новаго направленія, внося въ то же время большое разнообразіе въ частностяхъ и давая тѣмъ возможность отстаивать свои взгляды съ разныхъ точекъ зрѣнія.

Обо всемъ этомъ надо поговорить впрочемъ, поподробнѣй, къ чему я и перейду. Хожденіе въ народъ 74-го года, какъ извѣстно, скоро породило мысль о необходимости болѣе прочнаго устройства въ деревнѣ такъ называемыхъ поселеній, занятій мѣстъ волостныхъ писарей, учителей, фельдшеровъ и т. д. На сѣверѣ эти поселенія сохранились до самаго съѣзда. На югѣ уже въ 1876 г. они, принявъ иной характеръ [1]), въ сущности, были оставлены и оставлены навсегда. Дѣятели ихъ перешли въ города и тамъ занялись отысканіемъ новыхъ путей борьбы, занялись и новыми дѣлами.

---

[1]) Поселенія 1876 г. въ Кіевской губерніи бунтарями устраивались съ цѣлью лишь имѣть пристанище въ деревнѣ и чтобы деревня, присмотрѣвшись къ людямъ, знала ихъ, считала своими жильцами. О пропагандѣ тутъ уже не думали. Завести знакомство,

Николай Ивановичъ
КОЛОТКЕВИЧЪ.

Въ первое время, по уходѣ въ городъ, еще не теряли нѣкоторыя надежды вернуться опять въ деревню и строили новые планы, составляли проекты, но скоро все это было оставлено. Началась чисто городская дѣятельность. Шпіоны, предатели, освобожденія товарищей, устройство типографій поглощало время и, все болѣе и болѣе расширяясь, окончательно прикрѣпляло людей къ городу, увлекая ихъ къ террористическимъ поступкамъ. Этому не мало поспособствовали такія громкія дѣла, какъ дѣло Вѣры Засуличъ и дѣло Кравчинскаго (убійство Мезенцова). Молодая барышня идетъ открыто въ берлогу врага и мститъ за надругательство надъ товарищами. Все общество отнеслось вполнѣ сочувственно къ такому поступку. Само правительство смутилось и назначило обычный судъ съ присяжными. Такія даже газеты, какъ «Голосъ», и тѣ заговорили о наступленіи новой эры, заговорили о томъ, что и имъ, наконецъ, стало легче дышаться. Словомъ, подъемъ радужныхъ надеждъ и чаяній охватилъ какъ то всѣхъ, и вдругъ, можно сказать, на другой же день, всѣ были окачены холодной водой. «Голосъ» даже буквально на другой день послѣ своей статьи получилъ выговоръ и увидалъ, что до новой эры еще далеко. Общество убѣдилось въ этомъ немного позднѣй, когда оправданную судомъ Вѣру Засуличъ жандармы хотѣли снова упрятать въ тюрьму, и только, благодаря вмѣшательству толпы, удалось ей избавиться изъ ихъ когтей, и притомъ не даромъ, а цѣной крови, побоевъ своихъ избавителей. Начинаются аресты, отыскиваніе нитей. Изъ за одного факта, изъ за одного какого-нибудь поступка загорается сыръборъ, принимаются чрезвычайныя мѣры. Хотятъ съ корнемъ вырвать зародыши какого-то смутнаго протеста и обрушиваются какъ разъ не на тѣхъ, на кого надо, а на людей, часто стоящихъ совершенно въ сторонѣ или только сочувствующихъ. Въ обществѣ появляется недовольство и оно очень радо, оно совершенно оправдываетъ такое дѣло, какъ дѣло Мезенцова. Оно считаетъ его отвѣтомъ на казнь Ковальскаго и находитъ это въ порядкѣ вещей. Притомъ же, совершивъ его, террористы выказали свою силу, свою мощь, такъ какъ тутъ произошло замѣчательное совпаденіе. 2-го августа 78 года казнили Ковальскаго, а 4-го августа былъ заколотъ на улицѣ Мезенцовъ. Публика не знала, что тутъ произошло случайное совпаденіе, что Мезенцовъ убитъ за другое. Широкая публика радикальныхъ газетъ

поближе сойтись, если возможно съ начальствомъ—старостой, старшиной, сотскими, писаремъ, сосѣдями—вотъ наибольшее. Предполагалось, что въ самомъ народѣ есть достаточно горючихъ элементовъ и что онъ самъ подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ способенъ къ вспышкѣ не въ томъ, такъ въ другомъ мѣстѣ. Живя въ деревнѣ объ этомъ легче узнать и удобнѣй придти, не заводя предварительной пропаганды, но готовясь лишь къ боевымъ дѣйствіямъ. Отсюда бунтари запасались оружіемъ, учились стрѣльбѣ и только присматривались, прислушивались, нѣтъ ли гдѣ какого открытаго недовольства, которымъ можно было бы воспользоваться и тогда начать дѣйствовать.

Здѣсь не мѣсто подробно касаться этого періода, и я только укажу на то, что какъ правительственное преслѣдованіе, такъ и само крестьянство было причиной, что деревня была брошена. Правительство, гонясь за поселенцами, заставляло ихъ уходить въ города. Деревня, не понимая, что это за люди стали появляться въ ея средѣ, въ свою очередь косо поглядывала на нихъ и готова была помогать правительству въ поимкѣ ихъ. Надо помнить, что бунтарство въ началѣ стало развиваться въ Кіевской губ. и къ ней, слѣдовательно, и относится то, что здѣсь было сказано.

не читала, не знала потому и настоящихъ мотивовъ убійства. Но суть не въ этомъ, а въ томъ, что въ ея объясненіи и сказалось то сочувствіе, то оправданіе такимъ фактамъ, о которомъ сказано выше, давая тѣмъ самымъ точку опоры, указывая сама этимъ на то, что слѣдуетъ дѣлать, какъ надо отвѣчать на правительственныя репрессіи. За первыми дѣлами поэтому открывается цѣлая серія новыхъ фактовъ: убійство Гейкинга, нападеніе на Котляревскаго, освобожденіе Стефановича, Дейча и Бохановскаго, нападеніе на конвой, везшій въ централку Войнаральскаго, дѣло Кропоткина въ Харьковѣ (убійство Гольденбергомъ) и друг. Правительство приходитъ въ ужасъ, начинаетъ заводить генералъ-губернаторовъ, вводить военныя положенія, но обрушивается опять-таки на обычную больше публику, вызывая въ ней глухой ропотъ, жалобу, что такъ жить нельзя, требованіе положить конецъ такому тяжелому положенію. Этотъ ропотъ и эти требованія достигаютъ Соловьева, и онъ рѣшаетъ принести себя въ жертву, расчитывая однимъ ударомъ положить конецъ ненормальному состоянію вещей. Происходитъ всѣмъ извѣстная попытка и неудача ея. Соловьевъ гибнетъ, но положеніе вещей не только не дѣлается лучше, но еще болѣе ухудшается. Правительство окончательно теряетъ голову и отдаетъ всю почти Россію на полный произволъ вновь учрежденныхъ генералъ-губернаторовъ. На югѣ наступаетъ нѣчто неописуемое. Высылки, казни, аресты и кого? Людей часто виновныхъ лишь въ томъ, что у нихъ переночевалъ нелегальный человѣкъ и оставилъ пачку прокламацій. Такъ былъ казненъ Разовскій въ Кіевѣ, отказавшійся сказать, кто это у него ночевалъ и оставилъ пакетъ. Такъ казнили въ Одессѣ Дробязгина, Давиденку, виновныхъ—первый лишь въ томъ, что онъ, обязанный подпиской о невыѣздѣ изъ Николаева, уѣхалъ и былъ въ группѣ Кіевскихъ бунтарей, гдѣ за нимъ не открыто никакихъ дѣлъ, а второй—за попытку устроить типографію. Я не стану упоминать о другихъ, какъ Малинка, Чубаровъ, Лизогубъ, ибо правители тутъ могли еще ошибаться, преувеличивая ихъ значеніе. Но чѣмъ были виноваты одесскіе студенты, нѣкоторые обыватели Одессы, какъ Южаковъ, Гернетъ, баронъ Иксъ (сотрудникъ газеты), которыхъ хватали, которыми набивали вагоны и ссылали въ Сибирь?

Въ Одессѣ уже съ процесса Ковальскаго получилось довольно напряженное состояніе. Войска, стрѣлявшія въ толпу около суда, убившія одного гимназиста, какъ мнѣ тогда передавали, желавшаго перейти лишь съ одной стороны улицы на другую далеко впереди войска, сдѣлали то, что страшно возмутили всѣхъ противъ себя и противъ прибѣгшихъ къ силѣ оружія. Возмущеніе еще болѣе поддерживалось сознаніемъ своего безсилія, невозможностью борьбы съ голыми руками; не находя себѣ исхода, возмущеніе продолжало бурлить и кипѣть, создавая то напряженное состояніе, о которомъ сказано выше. Въ воздухѣ стало явно носиться требованіе отвѣта, мести за подобныя дѣла. Въ такой то моментъ учреждается здѣсь генералъ-губернаторство, вводится военное положеніе и Тотлебенъ начинаетъ арестовывать, ссылать, казнить. Надъ городомъ точно нависаетъ мрачная туча. Это чувствуется всѣми, на всѣхъ наваливается тяжелый кошмаръ. Крикъ, теперь уже не тихій, а громкій, настойчивый, что «такъ жить нельзя, что

надо найти выходъ», раздается и слышится всюду. Люди, раньше едва, едва слыхавшіе и мало интересовавшіеся революціоннымъ движеніемъ, теперь сами шли, разыскивали радикаловъ, указывали имъ на выходъ, предлагали себя въ исполнители, выставляя цареубійство, какъ наилучшій, единственный способъ положить конецъ такому удушью. У многихъ это, конечно, былъ временный, невольный порывъ,—всякій это понималъ и отъ такихъ лицъ старались отдѣлаться подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, но живя въ такой атмосферѣ, дыша воздухомъ, пропитаннымъ ожиданіемъ чего то особеннаго, и слыша постоянно крики и требованіе избавленія, трудно, даже невозможно было продолжать думать о деревнѣ, о медленной тамъ работѣ. Выходъ требовалось найти сейчасъ, въ данную минуту, указаніе на средство носилось въ воздухѣ, и потому станетъ вполнѣ, думаю, понятно, почему такія народники, какъ Желябовъ, Перовская, Лангансъ и друг. оставили деревню и всецѣло отдались политической борьбѣ. Тутъ же надо искать и разгадку ихъ быстраго согласія на цареубійство, на боевую организацію, на споры съ чистыми народниками на Воронежскомъ съѣздѣ. Мнѣ кажется, даже самъ Воронежскій съѣздъ подъ вліяніемъ узнаннаго, услышаннаго въ концѣ-концовъ заразился отчасти необходимостью усилить терроръ и только тѣмъ я и объясняю, что онъ согласился на выдѣленіе боевой группы въ самостоятельную съ правомъ пользоваться извѣстной долею изъ получаемыхъ средствъ, съ правомъ печататься въ общей типографіи, съ правомъ заняться продолженіемъ дѣла Соловьева. Это соглашеніе, правда, оказалось временнымъ, но такъ какъ я пишу о съѣздѣ, то оно то мнѣ и важно.

Оно показываетъ, характеризуетъ то время, тѣ обстоятельства, которыя выдвинули новое направленіе. О томъ, что соглашеніе могло произойти и произошло—это фактъ, но съ другой стороны, что оно не могло быть прочнымъ, это тоже всякій могъ предвидѣть, кто вдумается хоть малость, какъ въ программу Земли и Воли, такъ и въ Липецкій съѣздъ, въ причины и мотивы его создавшіе. У народниковъ—землевольцевъ на первомъ планѣ все таки и послѣ съѣзда осталось основное положеніе ихъ программы, у Липевцовъ же это отходило на второй планъ, и на первый становилась политическая борьба, безъ всякой боязни конституціи.

На югѣ о конституціи заговорили еще во время турецкой войны. Въ Одессѣ, однажды, выпущено и расклеено было даже объявленіе, что конституція, наконецъ, дана. Одна изъ такихъ бумажекъ попала въ редакцію Новороссійскаго Телеграфа и чуть не послужила предлогомъ для замѣтки въ газетѣ. Полиція скоро увидала расклейку и подняла бѣготню, обычную бучу, хотя на это легко было бы посмотрѣть, какъ на обычную шалость молодежи. Собственно говоря, это и была шутка, чтобы позлить лишь малость полицейскихъ. Нарочно наклеили и около самой полиціи.

Въ концѣ 77 и началѣ 78 гг., однако, въ Кіевѣ уже не о шуткѣ пошло дѣло, а серьезно. Тутъ, въ Кіевѣ, образовался клубъ изъ очень значительнаго числа студентовъ, немногихъ радикаловъ и частныхъ лицъ. Въ этомъ клубѣ конституціонные вопросы начали ставиться и

разрабатываться самымъ серьезнымъ образомъ, и изъ этого клуба могло бы выйти очень солидное движеніе съ конституціоннымъ направленіемъ. Но клубъ очень скоро погибъ.

Въ Кіевъ пріѣхала Лавровская и стала пѣть въ театрѣ. Студенты захотѣли устроить ей оваціи, чтобъ позлить полицію. Произошла стычка съ ней. Многимъ студентамъ досталось изрядно таки. На другой день они вмѣстѣ съ непострадавшими еще отправились заявить протестъ противъ насилія. Непострадавшіе были все больше клубисты, которые опоздали къ театру. Протестъ ихъ выслушали, всѣхъ переписали, а вскорѣ Кіевъ увидалъ на вокзалѣ проводы ихъ въ не столь отдаленныя мѣста Россійской Имперіи, какъ, напр., Олонецкая, Архангельская губерніи. Съ ихъ увозомъ клубъ умеръ и не возродился. Но мысль о конституціи осталась въ головахъ уцѣлѣвшихъ и никого изъ южанъ не пугала такъ, какъ пугала сѣверныхъ народниковъ. Напротивъ, конституція,—говорили южане,—намъ сильно облегчитъ только работу, развязавъ руки, давъ возможность добиваться многаго на чисто легальной почвѣ, безъ всякихъ жертвъ, и оставались глухи къ запугиванію сплоченной буржуазіей. Къ тому же конституцію мы и не ставимъ своей конечной цѣлью, мы ее не выставляемъ на своемъ знамени [1]), она явится сама въ силу естественнаго историческаго хода вещей, добавляли при этомъ южане, ибо трудно допустить, чтобы Россія перешагнула чрезъ эту стадію развитія, что, не боясь конституціи, они рады, конечно, будутъ, если своими дѣйствіями ускорятъ ея появленіе...

Рознь во взглядахъ сказывалась такимъ образомъ на всѣхъ пунктахъ и, однако, на Воронежскомъ съѣздѣ не произошло раскола. Напротивъ, съѣздъ допустилъ самостоятельное существованіе новой боевой организаціи, предоставилъ ей право дѣйствовать противъ Александра II, согласился на печатаніе ея произведеній въ общей землевольческой типографіи, согласился на раздѣленіе получаемыхъ средствъ въ извѣстной пропорціи... Мало того, былъ выбранъ общій центральный органъ, который долженъ былъ вѣдать дѣла обоихъ отдѣловъ. Объяснить такое соглашеніе возможно лишь тѣмъ, что сознаніе необходимости новыхъ террористическихъ фактовъ передалось на съѣздѣ и большинству съѣзда. И въ этомъ, конечно, сказалось знаменіе самаго времени.

Люди не могли, понятно, оставаться глухи къ тому, что творилось тогда на Руси и соглашались на чрезвычайныя мѣры въ расчетѣ, что, авось, и поможетъ. Вторая причина, помогшая соглашенію, заключалась въ томъ, что здѣсь по возможности избѣгали принципіальныхъ споровъ, держались на практическихъ, на томъ, что слѣдуетъ и допустимо дѣлать сейчасъ, а тамъ, что будетъ завтра, завтра и потолкуемъ, замѣчали тѣмъ, кто затрагивалъ теорію, программные вопросы. Разъ же дѣло сводилось къ практическимъ предпріятіямъ, для нихъ союзъ, единеніе всѣхъ силъ признавался необходимымъ

[1]) Дѣйствительно, насколько помню, Липецкій съѣздъ мало занимался ею и вообще если о ней говорили, то больше лишь тогда, когда приходилось защищаться отъ нападокъ въ стремленіи къ ней, въ сознательной, якобы, работѣ на ея пользу.

всѣми и отсюда общій центральный органъ. Отсюда полюбовное рѣшеніе всѣхъ вопросовъ и самое дружелюбное расхожденіе послѣ съѣзда. Только Плехановъ, кажется, былъ недоволенъ и пересталъ бывать на засѣданіяхъ.

Съѣздъ происходилъ въ лѣсу за городомъ. Тамъ въ то время начали устраивать садъ для гулянья, а за этимъ садомъ шелъ нерасчищенный лѣсокъ, въ которомъ и происходили дебаты.

Такихъ собраній было два—три и затѣмъ всѣ мирно разошлись, предварительно, впрочемъ, во время частныхъ катаній, начавши уже толковать и о частныхъ предпріятіяхъ и дѣлая для нихъ подборъ-наборъ лицъ. Во время этихъ частныхъ бесѣдъ выяснилось, что и Перовская и еще нѣкоторые готовы пристать къ новой организаціи, готовы принять участіе въ ея предпріятіяхъ.

До сихъ поръ все шло гладко, хорошо, рознь въ основныхъ вопросахъ на время была заглушена, но вотъ люди разъѣхались. Каждый пошелъ по своему пути, путь этотъ оказался длиннѣе, чѣмъ предполагалось, и то соглашеніе, которое возможно еще на короткое время, стало давать теперь трещины съ каждымъ днемъ все больше и больше. На практической почвѣ появились поводы къ неудовольствію, къ взаимнымъ упрекамъ и при розни въ принципіальныхъ вопросахъ, продолжать совмѣстную работу дѣлалось труднѣй и труднѣй.

Я приведу два, три примѣра, которые покажутъ, какъ происходили дѣла. Денежныя средства доставать отъ сочувствующихъ людей въ городахъ было легче, чѣмъ въ деревнѣ. Къ тому же и городскіе члены обнаруживали въ этомъ отношеніи больше энергіи. Получаютъ они, положимъ, деньги съ условіемъ, чтобъ всѣ онѣ пошли на террористическія дѣла. По условію въ силу Воронежскаго соглашенія, ихъ, однако, надо бы дѣлить въ извѣстной пропорціи, какъ на деревенскія дѣла, такъ и на городскія. Но денегъ мало, получались то обыкновенно не богъ знаетъ какія суммы. Какъ тутъ быть? Дѣлить или пустить въ одно какое либо предпріятіе. Городскія предпріятія болѣе настойчиво требуютъ тратъ и притомъ сейчасъ, неотложно. Деревня можетъ подождать,—такъ разсуждаютъ горожане, и деньги тратятся на городъ и въ городѣ. (Я говорю на городъ, разумѣя, конечно, не буквально какой нибудь городъ, а дѣла, противоположныя деревенскимъ поселеньямъ). Поселенцы, узнавъ объ этомъ, конечно, заявляютъ свое неудовольствіе: имъ тоже, вѣдь, необходимы деньги для расширенія дѣлъ. Поэтому, разъ имъ попадаютъ деньги въ руки, они считаютъ себя уже въ правѣ тратить ихъ на себя, не дѣлясь съ городомъ. Съ обратной стороны получаютъ упреки. Другая сторона недовольна.

Далѣе, типографія общая, но въ ней, положимъ, наборщики или хозяева—народники. Приносятъ статью отъ горожанъ. Начинается критика; въ словахъ, фразахъ, въ общемъ, между строкъ находится несогласіе съ программой Земли и Воли. Отказываются набирать и печатать.

Поднимается споръ; начинаютъ убѣждать, толковать, что тутъ нѣтъ ничего противъ программы. Дѣлаются съ согласія исправленія, поправки.—Статья выходитъ, но чего это стоитъ? Разъ, другой, третій такая исторія и въ концѣ полный разрывъ. Да, лучше полюбовно

разойтись, чѣмъ враждуя, ссорясь, дружить, заговорили всѣ и уже къ осени рѣшили раздѣлиться.

Послѣ Воронежскаго и Липецкаго съѣздовъ мнѣ все время до осени пришлось быть на югѣ. О томъ несогласіи, которое началось въ Питерѣ вскорѣ же послѣ съѣзда, доходили на югъ лишь темные слухи. Большого значенія сначала этому не придавалось, но вотъ въ концѣ осени попадаю я въ Петербургъ и сейже часъ со всѣхъ сторонъ слышу взаимныя жалобы, а на вопросъ, почему же не постарались какъ нибудь уладить недоразумѣнія, Алек. Михайловъ чуть не со слезами на глазахъ мнѣ замѣтилъ: «старались, дѣлали все, но ей же-богу подъ конецъ стало не въ моготу и гораздо лучше раздѣлиться, чѣмъ выносить тотъ ежедневный адъ, который вытекаетъ изъ различія взглядовъ!».

Въ результатѣ такого раздѣла и получилось двѣ партіи: партія Чернаго Передѣла и партія Народной Воли.

Я не имѣлъ ввиду, да и не могъ имѣть, чтобъ изобразить, возстановить споры, вопросы, поднимавшіеся на Воронежскомъ съѣздѣ во всей ихъ полнотѣ. Я желалъ лишь дать общую картину всего того, при какихъ условіяхъ происходилъ этотъ съѣздъ.

Мнѣ хотѣлось лишь указать, на ряду съ принципіальной рознью, какая къ этому времени образовалась, и на то, что создало и создавало эту рознь. Поэтому то я и остановился дольше на тѣхъ условіяхъ, которыя однихъ, стоявшихъ ближе къ пульсу жизни, заставляли дѣйствовать въ новомъ направленіи, другихъ, жившихъ въ болѣе спокойной атмосферѣ, удерживали при старомъ. Люди, которые знали о всѣхъ ужасахъ правительственнаго терора лишь по слухамъ, по газетнымъ извѣстіямъ, на глазахъ которыхъ не вѣшали, не убивали ихъ друзей, близкихъ людей, такіе люди не могли, конечно, такъ живо чувствовать, возмущаться, какъ тѣ, кому это самолично пришлось переживать, кому довелось жить, напр., въ Одессѣ въ тотъ кошмарный періодъ, который наступилъ на югѣ [1]) съ водвореніемъ Тотлебена.

М. Фроленко.

26 сентября 1906 г.

---

[1]) Я въ примѣръ привожу Одессу потому, что самъ тамъ былъ, но то же самое, конечно, было и въ другихъ генералъ-губернаторствахъ, съ тою лишь разницей, что въ одномъ было меньше ужасовъ, а въ другомъ больше.

Любопытный доносъ

(съ подлинной рукописи [1]).

Ваше Превосходительство
Милостивый Государь
Господинъ Градоначальникъ.

Берегите нашего дорогого Государя Императора. Пріѣхалъ Его злѣйшій врагъ и также всей Россіи, это В. К. Константинъ Николаевичъ. Онъ былъ орудіемъ убійства покойнаго Государя. Въ прошломъ году онъ также пріѣхалъ передъ 1-мъ мартомъ, а потомъ сейчасъ же уѣхалъ, чтобы отнять всякое подозрѣніе. Несчастные студенты были его орудіемъ, онъ теперь также подготовилъ много. Ядъ и разныя взрывчатыя вещества. Предупреждаю Васъ, все на готовѣ, но только ловко прослѣдите, все откроете. Я бы открылъ, но точно не знаю. Кромѣ того у него есть личность, которая живетъ въ Аничковскомъ дворцѣ, эта личность бываетъ на сходбищахъ у Стасовой (которая завѣдывала В. Ж. курсами) и у жены городского головы. Жена городского головы отвратительная женщина.—она разсадница нигилизма и антиправительственныя проповѣдуетъ идеи; и Богъ знаетъ, что разсказываетъ про Государя и всю его семью. Я бы еще подробнѣе разсказалъ, но не имѣю этихъ свѣдѣній, если только что узнаю, то сообщу, такъ какъ я самъ боюсь за нашего царя. Да сохранитъ его Господь! А Вамъ подастъ силу и наведетъ Васъ на самую нить зла.

Богъ помощи

Русскій душой и тѣломъ.

Спѣшу сказать Вамъ все это, да еще прибавить, что у него въ подмогу люди интеллигентные.

Онъ хочетъ сдѣлать переворотъ и самому управлять Россіей. Много компрометтирующихъ бумагъ сгорѣли въ Аріандѣ. Онъ же и орудовалъ Польскимъ возстаніемъ, но такъ хитро, что никто не подозрѣвалъ.

Изъ любви къ Государю я это пишу.

Торопитесь. Помоги Вамъ *Богъ.*

---

[1]) Безымянный доносъ этотъ присланъ 10 февраля 1882 года петербургскому градоначальнику Грессеру. Мы печатаемъ его дословно.

Ред.

Одиннадцать дней на броненосцѣ „Князь Потемкинъ Таврическій“.

Весною 1903 года я окончилъ курсъ технологическаго института въ Харьковѣ. Такъ какъ мнѣ надо было отбывать воинскую повинность, то я рѣшилъ поступить инженеръ-механикомъ въ Черноморскій флотъ, гдѣ мнѣ предстояло прослужить два года.

Прежде чѣмъ быть зачисленнымъ на дѣйствительную службу, я долженъ былъ выплавать трехмѣсячный цензъ въ качествѣ вольнаго механика. Я началъ это плаваніе только въ сентябрѣ, когда уже многія суда кончали кампанію, и потому мнѣ пришлось все время переходить съ одного судна на другое; такимъ образомъ за эти три мѣсяца моего практическаго плаванія я побывалъ на судахъ всѣхъ типовъ отъ броненосца до канонерской лодки включительно.

Въ январѣ 1904 года я былъ зачисленъ въ корпусъ инженеръ-механиковъ флота и, проплававъ послѣдовательно на броненосцахъ „Чесма“ и „Екатерина II“ въ качествѣ младшаго инженеръ-механика, былъ въ октябрѣ того же года снова переведенъ на должность трюмнаго механика на эскадреный броненосецъ „Князь Потемкинъ Таврическій“, гдѣ и состоялъ въ этой должности до самой катастрофы 14-го іюня 1905 года.

Этотъ лучшій броненосецъ Черноморскаго флота былъ только-что оконченъ; многое додѣлывалось уже при мнѣ.

Въ маѣ 1905 года на „Потемкинѣ“ была принята комиссіей артиллерія, а 12-го іюня по приказанію главнаго командира черноморскаго флота адмирала Чухнина „Потемкинъ“ отправился изъ Севастополя въ Тендровскій заливъ, гдѣ комиссіей должны были производиться артиллерійскіе опыты. Туда же въ концѣ іюня должна была придти практическая эскадра, въ составъ которой предписано было вступить и „Потемкину“.

Тендровскій заливъ получилъ свое названіе отъ пустыннаго и почти необитаемаго острова Тендры, находящагося недалеко отъ Очакова. Сюда каждое лѣто приходитъ на два мѣсяца практическій отрядъ Черноморской эскадры для всякаго рода ученій.

Утромъ 13-го іюня „Потемкинъ“ и прикомандированный къ нему миноносецъ № 267-ой стали на якорь въ Тендровскомъ

заливѣ. Офицерамъ и командѣ было предоставлено отдохнуть послѣ похода, и потому никакихъ занятій въ этотъ день не было.

I.

Столь знаменательный день 14-го іюня начался для меня обыденнымъ образомъ. Какъ всегда, въ 8 часовъ утра я вмѣстѣ со всѣми офицерами вышелъ на палубу къ подъему флага, гдѣ по окончаніи церемоніи узналъ, что предполагавшаяся опытная артиллерійская стрѣльба сегодня не состоится, такъ какъ море было нѣсколько неспокойно.

Обойдя, по обыкновенію, тѣ части корабля, которыя были въ моемъ непосредственномъ завѣдываніи, какъ трюмнаго механика, и побесѣдовавъ о служебныхъ дѣлахъ со своими трюмными машинистами, я пошелъ къ себѣ въ каюту, чтобы тамъ, пользуясь свободнымъ временемъ, почитать.

Когда, послѣ 11-ти часовъ, я пришелъ въ каютъ-компанію къ обѣду, всѣ офицеры сидѣли уже за столомъ; только старшаго офицера капитана 2-го ранга Гиляровскаго не было на его обычномъ мѣстѣ. Такъ какъ онъ нерѣдко опаздывалъ къ обѣду, то я не обратилъ особеннаго вниманія на это обстоятельство и сѣлъ на свое мѣсто. За столомъ, какъ всегда, царило оживленіе; только старшій врачъ Смирновъ, казалось, былъ не въ духѣ.

Вскорѣ въ каютъ-компанію вошелъ старшій офицеръ. Онъ подошелъ къ Смирнову и съ очень озабоченнымъ видомъ обратился къ нему:

— Сергѣй Егорычъ, а вѣдь команда не хочетъ кушать борщу.

Докторъ вскипятился.

— Я уже сказалъ, что привезенное мясо прекрасно, что черви, это ни больше ни меньше, какъ личинки, которыя мухи успѣли положить; ихъ въ такихъ случаяхъ смываютъ солянымъ растворомъ, что и было сдѣлано кокомъ [1]) по моему распоряженію. Это можетъ случиться съ самымъ свѣжимъ мясомъ, и, если команда не хочетъ ѣсть борщу, значитъ она капризничаетъ, и больше ничего!

Въ тонѣ доктора слышалось какъ будто бы нѣкоторое недовольство тѣмъ, что его безпокоятъ по поводу такихъ пустяковъ.

Нѣсколько мгновеній старшій офицеръ стоялъ передъ докторомъ и—не то въ смущеніи, не то въ раздумьѣ—вертѣлъ въ рукахъ свою фуражку. Потомъ, ничего не отвѣтивъ, онъ нѣсколько нерѣшительнымъ шагомъ вышелъ изъ каютъ-компаніи.

До этого момента я ничего не зналъ о мясѣ, и теперь сталъ распрашивать у нѣкоторыхъ офицеровъ, въ чемъ дѣло. Изъ отвѣтовъ выяснилось, что мясо, которое вчера было привезено изъ Одессы, оказалось съ червями, и команда, замѣтивъ это, отказывается ѣсть борщъ, сваренный съ этимъ мясомъ.

---

[1]) Поваръ.

Едва я успѣлъ получить эти свѣдѣнія, какъ въ каютъ-компанію вошелъ вѣстовой командира, обѣдавшаго согласно обычаю на военныхъ судахъ отдѣльно въ своемъ помѣщеніи и сказалъ, что командиръ проситъ къ себѣ господъ старшаго и младшаго врачей. Оба доктора, старшій Смирновъ и младшій Голенко тотчасъ поднялись со своихъ мѣстъ и вышли.

Черезъ нѣсколько минутъ послышались звуки барабановъ, которые били сборъ, и вслѣдъ за этимъ шумъ направлявшейся на ютъ [1]) толпы.

Сборъ команды не былъ необычайнымъ явленіемъ, и потому всѣ отнеслись къ нему болѣе или менѣе хладнокровно и оставались сидѣть за столомъ. Только когда раздался звукъ сигнала, которымъ вызываютъ наверхъ караулъ, на лицахъ офицеровъ появилось выраженіе скорѣе неудовольствія, чѣмъ тревоги: никому не могло еще придти въ голову, чтобы сравнительно не такъ ужъ значительный самъ по себѣ поводъ могъ вызвать какія-нибудь крайнія мѣры. Строевые офицеры, обязанные въ такихъ случаяхъ быть на верху, встали и одинъ за другимъ вышли. За столомъ остались инженеръ-механики, судовой священникъ іеромонахъ Парменъ, да пріѣхавшіе изъ Обуховскаго оружейнаго завода для предполагавшихся артиллерійскихъ опытовъ полковникъ, фамиліи котораго я не помню, и лейтенантъ Григорьевъ. Зная, что согласно военнымъ правиламъ и традиціямъ на палубѣ должна сейчасъ разыграться обыкновенная въ такихъ случаяхъ сцена разслѣдованія вопроса о зачинщикахъ, требованія выдачи ихъ, сопровождаемая неизбѣжными рѣчами о строгости военно-морскихъ законовъ и проч., и проч., сцена, которая могла внушить только отвращеніе, я не могъ въ душѣ не порадоваться тому, что я въ качествѣ инженеръ-механика избавленъ не только отъ участія въ ней, но даже и отъ обязанности быть свидѣтелемъ ея.

Едва успѣлъ я высказать эту мысль одному изъ сидѣвшихъ около меня инженеръ-механиковъ, какъ до нашего слуха донесся изступленный крикъ старшаго офицера; голосъ его при этомъ прозвучалъ до такой степени необычно, что его едва можно было узнать. Всѣ насторожились... И вдругъ неистовый, грозный взрывъ голосовъ многочисленной толпы, казалось, потрясъ весь броненосецъ... Бывшіе въ каютъ-компаніи офицеры, мгновенно поблѣднѣвшіе, повскакали со своихъ мѣстъ. Появившееся на мгновеніе на ихъ лицахъ выраженіе недоумѣнія смѣнилось выраженіемъ ужаса; было ясно, что тамъ по какому то поводу вспыхнуло возмущеніе команды...

Это было неожиданно, казалось чѣмъ-то настолько необычайнымъ, что я сначала совершенно растерялся. Мысли, будто толкаемыя какой-то непреодолимой силой, съ быстротой урагана мелькали въ головѣ, другъ друга обгоняя, другъ друга вытѣсняя...

Я стоялъ среди каютъ-компаніи, стараясь овладѣть собой, когда ко мнѣ подошли: инженеръ-механикъ Заушкевичъ, лейте-

---

[1]) Кормовая часть верхней палубы.

нантъ Григорьевъ и временно плававшій на броненосцѣ инженеръ Николаевскаго судостроительнаго завода Харкевичъ, мой товарищъ по выпуску.

— Что-то ужасное происходитъ,—обратился ко мнѣ лейтенантъ Григорьевъ.—Слышите?..

— Да,—отвѣчалъ я почти машинально.

— Гдѣ ваша каюта?—спросилъ онъ.

— Здѣсь, сейчасъ около каютъ-компаніи.

— Пойдемте къ вамъ.

И мы всѣ четверо пошли ко мнѣ въ каюту. Здѣсь все, казалось, дышало еще безмятежнымъ спокойствіемъ предыдущихъ минутъ: на столѣ стояли букеты неуспѣвшихъ еще завянуть розъ, которыя я получилъ въ Севастополѣ на прощанье отъ друзей, и собранныхъ мной вчера на Тендрѣ полевыхъ цвѣтовъ; тутъ же лежала раскрытая книга, которую я еще передъ обѣдомъ читалъ. Эта обстановка вмѣстѣ съ наполнявшимъ каюту ароматомъ цвѣтовъ представляла странный контрастъ съ тѣмъ, что происходило на броненосцѣ...

Мы усѣлись на койку и первую минуту я почувствовалъ себя сравнительно спокойнѣе.

— Это не могло возникнуть безъ повода со стороны кого-нибудь изъ начальства,—замѣтилъ лейтенантъ Григорьевъ.—Вѣроятно командиръ или старшій офицеръ какимъ-нибудь безтактнымъ поступкомъ вызвали возмущеніе.

— И не удивительно,—сказалъ я.—Развѣ они способны въ такихъ случаяхъ дѣйствовать такъ, какъ имъ подсказали бы здравый смыслъ и совѣсть, когда они, какъ и все почти старшее офицерство, все еще проникнуты военными традиціями чуть ли не временъ Петра I-го.

— Это правда,—отвѣтилъ Григорьевъ.—Но что же теперь будетъ.

Я только пожалъ плечами.

Тревога снова стала овладѣвать нами.

Сознаніе, что случилось что-то ужасное и при томъ такое, чего нельзя болѣе ни остановить, ни исправить, угнетало насъ.

— Выйти, можетъ быть? Попробовать успокоить команду,—размышлялъ я вслухъ.

— Это невозможно! Никакія слова теперь не подѣйствуютъ,—отвѣтилъ Григорьевъ.

— Вѣдь уже въ первый моментъ команда бросилась къ винтовкамъ и патронамъ, а офицеры и караулъ разбѣжался,—замѣтилъ инженеръ-механикъ Заушкевичъ, который откуда-то наблюдалъ за тѣмъ, что произошло на палубѣ.

— Господи!—прошепталъ съ отчаяніемъ Григорьевъ,—насъ теперь всѣхъ перебьютъ!—Вы слышите, что тамъ происходитъ?..

Гроза возмущенія дѣйствительно все усиливалась: неистовые крики толпы, топотъ ногъ, трескъ чего-то разбиваемаго, звонъ стеколъ и наконецъ ружейные выстрѣлы сливались въ какую-то необычайную музыку, которая подавляла мысль, парализовала

волю и наполняла душу какимъ-то неизвѣданнымъ тупымъ ужасомъ.

По тому, что выстрѣлы раздавались въ разныхъ мѣстахъ корабля, и по сопровождавшимъ ихъ воинственнымъ восклицаніямъ бушевавшей команды, можно было заключить, что стрѣляли возмутившіеся матросы...

Раздался звукъ разбиваемыхъ оконъ въ офицерскихъ каютахъ, расположенныхъ по сосѣдству съ моей, и одновременно съ этимъ послышались угрожающіе возгласы неистовствовавшей уже здѣсь толпы.

Томительное ожиданіе чего-то ужаснаго было невыносимо, и мы готовы уже были выйти изъ каюты и скорѣе встрѣтить то, что насъ ожидало за дверью...

— Всѣхъ перебьемъ! Ни одному нѣтъ пощады!—раздался у самой моей двери чей-то изступленный голосъ въ ту минуту, когда я готовъ уже былъ открыть ее...

— Ни одного уже нѣтъ, мы сами хозяева на кораблѣ!—вторилъ первому голосу другой.

Мы съ ужасомъ отступили отъ двери. Мнѣ ясно представился теперь стихійный взрывъ негодованія толпы, который, какъ ураганъ, способенъ все уничтожить, все смести на своемъ пути...

Никогда не забуду ощущеній пережитыхъ въ тѣ минуты. Съ мыслью о смерти, которая казалось неизбѣжной, я какъ то успѣлъ уже примириться и, казалось, каждое мгновеніе готовъ былъ перейти въ небытіе; но мысль, что я погибну здѣсь, въ этомъ неудержимомъ ураганѣ грозныхъ страстей и стихійныхъ инстинктовъ, отъ руки тѣхъ, на чьей сторонѣ всегда были всѣ мои симпатіи, чье угнетеніе мнѣ было такъ ненавистно, казалась мнѣ какой-то безсмысленной, жестокой ироніей судьбы и отзывалась въ моей душѣ до боли мучительной обидой. И все-таки иного исхода, казалось, не было. Правда, я былъ въ хорошихъ отношеніяхъ со своими трюмными и съ машинной командой вообще и противъ меня лично никто изъ нихъ ничего не могъ имѣть. Но вѣдь всѣ они были только частью возмутившейся команды, которой было на кораблѣ семьсотъ пятьдесятъ человѣкъ, да и кто станетъ разбирать въ такую минуту между личностями офицеровъ?!.

— Боже мой! Значитъ—смерть?!—прошепталъ лейтенантъ Григорьевъ.

Ему никто не отвѣтилъ...

У меня вдругъ блеснула мысль: выброситься за бортъ. Смерть ждетъ и тамъ: берегъ далеко, кругомъ пустынное море,—но лучше, подумалъ я, погибнуть въ волнахъ моря, чѣмъ быть растерзаннымъ разъяренной толпой... Если бы въ ту минуту при мнѣ былъ револьверъ—почемъ знать—можетъ быть, я нашелъ бы болѣе короткій путь туда, гдѣ уже не страшны никакія стихіи!..

— Намъ остается теперь только одно: выброситься за бортъ,—высказалъ я свою мысль вслухъ.

— Но вѣдь и тамъ нѣтъ спасенія!—замѣтилъ кто-то.

— Я предпочитаю ту смерть,—сказалъ я и съ этими словами снялъ штиблеты и лишнее платье: смутная надежда на какое-нибудь чудо всетаки не покидала меня.

Всѣ молча послѣдовали моему примѣру. Въ одно мгновеніе я выпрыгнулъ въ окошко, изъ котораго еще раньше была вынута для починки рама, перебѣжалъ отдѣлявшій каюты отъ борта коридоръ и въ пушечный портъ [1]) выбросился въ море. За мной послѣдовали Харкевичъ и Григорьевъ. Какъ только мы очутились въ водѣ, съ борта корабля по насъ былъ открытъ огонь. Однимъ изъ первыхъ выстрѣловъ былъ убитъ лейтенантъ Григорьевъ; онъ тутъ же, почти у самаго борта пошелъ ко дну.

Мы съ Харкевичемъ успѣли благополучно отплыть на значительное разстояніе. Сердце работало неправильно, дыханіе прерывалось и мы скоро начали выбиваться изъ силъ. Роковой исходъ, казалось, былъ неизбѣженъ, какъ вдругъ я замѣтилъ неподалеку какія-то плавающія огромныя бревна. Я догадался, что это была цѣль, поставленная для предполагавшейся артиллерійской стрѣльбы. Окликнувъ Харкевича, я показалъ ему рукой по направленію цѣли. Собравъ остатокъ силъ и немного пріободрившись, мы поплыли туда. Тамъ, ухватившись за бревно руками, немного отдышались и стали совѣтоваться,—что дѣлать. Доплыть до берега было немыслимо, оставаться здѣсь—значитъ рисковать быть въ концѣ концовъ разстрѣлянными съ корабля. Я подалъ мысль отломать отъ сооруженнаго на бревнахъ деревяннаго щита нѣсколько тонкихъ досокъ и попытаться при ихъ помощи плыть дальше по направленію къ острову Тендрѣ.

— Но вѣдь насъ сейчасъ же разстрѣляютъ, какъ только мы предпримемъ эту работу,—замѣтилъ Харкевичъ.

— Смерть рѣшена такъ или иначе, такъ отчего же не попытаться?—возразилъ я и приготовился уже взяться за дѣло, какъ вдругъ среди усилившагося шума, который доносился къ намъ со стороны броненосца, я ясно различилъ свою фамилію: меня окликали съ корабля. Я посмотрѣлъ туда и увидѣлъ, что около борта столпилась масса матросовъ, которые, размахивая шапками и руками, на разные лады звали меня:

— Инженеръ-механикъ Коваленко! Ваше благородіе! Господинъ поручикъ Коваленко!..

Надежда затеплилась въ моей душѣ. Я вылѣзъ изъ воды и сталъ на бревно.

— Зачѣмъ вы вышли? Вѣдь въ васъ скорѣе такъ попадутъ,—сказалъ мнѣ Харкевичъ, который все еще былъ по шею въ водѣ.

— Они бы не звали меня, если бы хотѣли убить.

Затѣмъ, напрягая изо всѣхъ силъ голосъ, я крикнулъ по направленію къ кораблю:

— Чего вы хотите?

---

[1]) Порты—отверстія въ бортахъ, куда выставляются дула пушекъ.

— Возвращайтесь къ намъ! Мы ничего не сдѣлаемъ вамъ дурного!—отвѣтили оттуда сразу нѣсколько голосовъ.

— Здѣсь еще со мной вольный инженеръ Харкевичъ,—прокричалъ я снова.

— Пусть и онъ возвращается съ вами.

— Плывемте назадъ: я вѣрю имъ,—сказалъ я Харкевичу и съ этими словами бросился въ воду.

Матросы снова заволновались и стали выкрикивать:

— Не плывите, не плывите: подождите шлюпку!

Я тогда только сообразилъ, что у насъ не хватило бы уже силъ доплыть обратно до корабля. Взобравшись снова на бревно, я сѣлъ на немъ въ ожиданіи шлюпки, которая сейчасъ же отвалила отъ борта съ нѣсколькими матросами въ ней. Харкевичъ теперь послѣдовалъ моему примѣру.

Черезъ нѣсколько минутъ шлюпка была около насъ, и одинъ изъ бывшихъ въ ней матросовъ съ привѣтливой улыбкой обратился ко мнѣ:

— Ваше благородіе, пожалуйте,—и помогъ намъ войти въ шлюпку.

* * *

Когда я взошелъ на палубу „Потемкина", я былъ тотчасъ окруженъ толпой матросовъ преимущественно изъ машинной команды. Мнѣ странно было видѣть, какъ тѣ самые люди, отъ которыхъ еще нѣсколько минутъ тому назадъ я готовъ былъ искать убѣжища чуть не въ объятіяхъ самой смерти, наперерывъ другъ передъ другомъ проявляли по отношенію ко мнѣ самую нѣжную заботливость: одни выражали соболѣзнованіе по поводу того, что я бросился въ воду, другіе несли мнѣ сухое платье, третьи приглашали пойти въ каюту, чтобы тамъ переодѣться.

Пока я въ каютѣ переодѣвался, помогавшіе мнѣ матросы не переставали сокрушаться о томъ, что я долженъ былъ пережить столь тревожныя минуты.

Было замѣтно, что первоначально стихійный взрывъ возмущенія былъ теперь введенъ въ нѣкоторыя границы и что дѣйствія команды стали гораздо менѣе порывисты и болѣе сознательны; хотя въ атмосферѣ все еще какъ бы чувствовалось напряженіе, готовое каждый моментъ снова разразиться вспышкой.

Вдругъ съ палубы донесся звукъ ружейнаго залпа. Я вопросительно посмотрѣлъ на матросовъ. Одинъ изъ нихъ выбѣжалъ и, скоро возвратившись, успокоительнымъ тономъ заявилъ, что это только разрядили въ воздухъ винтовки. Хотя мнѣ и показалось, что лицо его было какъ то особенно возбуждено, однако я ничего не заподозрилъ.

Переодѣвшись я отправился въ машинное отдѣленіе, такъ какъ отъ матросовъ узналъ, что тамъ теперь старшій инженеръ-механикъ, подполковникъ Цвѣтковъ. Я дѣйствительно нашелъ его тамъ вмѣстѣ съ Заушкевичемъ, которому, какъ онъ разсказалъ, кто-то изъ машинной команды успѣлъ не дать выброситься за

бортъ, убѣдивъ, что онъ меньше подвергнетъ себя риску, если уйдетъ въ машинное отдѣленіе.

Едва мы успѣли подѣлиться нѣсколькими фразами, какъ кто-то пришелъ сказать намъ, что насъ троихъ команда проситъ на шханцы [1]).

Когда мы вышли туда, насъ встрѣтила группа матросовъ во главѣ съ Матющенкомъ, который, какъ и окружавшіе его, былъ съ винтовкой въ рукахъ. Съ сосредоточенно-серіознымъ выраженіемъ лица онъ объявилъ намъ, что команда постановила всѣхъ оставшихся въ живыхъ офицеровъ пока арестовать. Это было мое первое знакомство съ Матющенкомъ, такъ какъ раньше по службѣ я не имѣлъ къ нему никакого отношенія.

Вмѣстѣ съ Цвѣтковымъ я былъ приглашенъ въ одну изъ просторныхъ каютъ, гдѣ къ дверямъ сейчасъ же былъ приставленъ часовой съ ружьемъ. Вскорѣ сюда же былъ приведенъ полковникъ изъ Обуховскаго завода. Еще черезъ нѣсколько минутъ къ намъ пришелъ инженеръ-механикъ Назаровъ, который, какъ и я, по окончаніи технологическаго института, поступилъ для отбыванія воинской повинности во флотъ. Несмотря на недавнее мое съ нимъ знакомство, мы успѣли съ нимъ сблизиться и потому я очень обрадовался, когда увидѣлъ его цѣлымъ и невредимымъ. Изъ разспросовъ я узналъ, что онъ успѣлъ укрыться въ одну изъ наиболѣе укромныхъ каютъ, гдѣ и переждалъ, пока миновала гроза.

Пока мы дѣлились своими впечатлѣніями и предположеніями, намъ принесли чай и буттерброды. За чаемъ мы замѣтили, что броненосецъ снялся съ якоря и пошелъ. Всѣ мы сошлись на томъ предположеніи, что команда рѣшила пойти куда-нибудь къ иностраннымъ берегамъ, чтобы тамъ высадиться. Но каково же было наше удивленіе, когда черезъ нѣкоторое время мы замѣтили, что „Потемкинъ“ держитъ курсъ на Одессу. Мы совершенно терялись въ догадкахъ и недоумѣвали: намъ тогда и въ голову не приходило, чтобы то, что произошло у насъ, какъ-нибудь связывалось съ общенароднымъ движеніемъ въ Россіи...

На броненосцѣ тѣмъ временемъ все успокоилось, и мало-помалу водворился по крайней мѣрѣ относительный порядокъ. Все пережитое въ этотъ день казалось такимъ необыкновеннымъ, что по временамъ у меня являлась мысль: не сонъ ли это былъ? Но видъ часового, который съ какимъ-то любопытствомъ разсматривалъ насъ въ этомъ нашемъ новомъ, необыденномъ положеніи, нарушалъ эту иллюзію.

Меня начинало тяготить заключеніе, и я попросилъ черезъ часового, чтобы мнѣ изъ каюты принесли мои книги. Черезъ минуту передо мной была вся моя библіотека, и я готовъ уже былъ погрузиться въ чтеніе той самой книги, которую я читалъ утромъ, когда въ каюту вошелъ Матющенко и объявилъ мнѣ, что я могу быть свободнымъ и ходить по кораблю, гдѣ мнѣ угодно. Я сей-

---

[1]) Часть палубы между ютомъ и мачтой, гдѣ совершаются всякія церемоніи.

часъ же воспользовался данной мнѣ свободой и вышелъ на палубу. Какъ только я тамъ показался, ко мнѣ стали подходить матросы, и у меня съ ними завязался разговоръ о случившемся.

* * *

По разсказамъ матросовъ вспыхнувшее сегодня возмущеніе представилось мнѣ слѣдующемъ образомъ.

Вечеромъ 13-го іюня миноносцемъ № 267 была привезена изъ Одессы провизія для команды, между прочимъ и мясо, которое по выгрузкѣ съ миноносца было повѣшено на верхней палубѣ спардека. На другой день утромъ кто-то изъ матросовъ замѣтилъ, что въ мясѣ ползаютъ черви. Тотчасъ же вѣсть объ этомъ разнеслась между командой и къ мясу стали то-и-дѣло подходить матросы, ятобы убѣдиться въ дѣйствительности дошедшаго до нихъ слуха о червяхъ. Черезъ короткое время вся команда уже говорила о томъ, что мясо, которое было привезено изъ Одессы и изъ котораго приготовляютъ на сегодня обѣдъ, тухлое и съ червями. О неспокойномъ состояніи команды кто-то изъ боцмановъ донесъ командиру, который, узнавъ въ чемъ дѣло, приказалъ старшему судовому врачу освидѣтельствовать мясо и сказать ему заключеніе. Черезъ нѣсколько минутъ врачъ доложилъ командиру, что по его мнѣнію мясо вполнѣ пригодно для пищи, и что черви, которые находятся снаружи, не что иное, какъ личинки мухъ, которыя успѣваютъ очень быстро класть яйца въ мясо. Промываніе въ соляномъ растворѣ совершенно достаточно для того, чтобы смыть червей и уничтожить ихъ слѣды.

Заключеніе врача командиръ тотчасъ же передалъ командѣ и запретилъ кому бы то ни было подходить къ висѣвшему на спардекѣ мясу, для чего около него былъ поставленъ дневальный, который долженъ былъ записывать тѣхъ, кто вздумалъ бы приходить и разсматривать мясо.

Когда наступилъ часъ обѣда, собравшіеся на батарейной палубѣ, гдѣ обыкновенно обѣдала команда, матросы борщу изъ комбуза не брали, а стали ѣсть хлѣбъ и запивать водой. Въ камбузъ пришелъ старшій офицеръ, а потомъ и командиръ; они спросили коковъ почему тѣ не раздаютъ борщъ? Коки отвѣтили, что команда отказывается отъ него. Когда же командиръ обратился къ матросамъ съ вопросомъ, почему они не хотятъ обѣдать, ему отвѣтили, что борщъ сваренъ изъ тухлаго мяса, и его ѣсть нельзя. Въ атмосферѣ уже чувствовалось необычайное напряженіе. Изъ толпы послышались даже рѣзкія замѣчанія по адресу командира и вообще начальства.

Тогда командиръ приказалъ собрать команду на шханцы. Барабанщики ударили сборъ, и команда, быстро собравшись, стала по-вахтенно во фронтъ по обоимъ бортамъ броненосца. Командиръ обратился къ матросамъ съ рѣчью: повторивъ еще разъ заключеніе врача о доброкачественности мяса, онъ сказалъ, что считаетъ отказъ отъ обѣда и вообще все поведеніе команды противузаконнымъ безпорядкомъ, что она дѣйствуетъ подъ вліяніемъ

нѣсколькихъ зачинщиковъ, которые пользуются всякимъ предлогомъ, чтобы возбудить команду, и что онъ даже знаетъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Послѣ этого онъ приказалъ всѣмъ, кто не хочетъ оказаться бунтовщикомъ и соглашается обѣдать, выйти изъ фронта и стать отдѣльно. Тотчасъ же вышли боцмана, фельдфебеля и нѣсколько душъ изъ команды и стали на указанное мѣсто.

Видя, что почти вся команда осталась на мѣстѣ, командиръ приказалъ вызвать наверхъ караулъ. Раздался сигналъ, и черезъ нѣсколько минутъ караулъ въ полномъ порядкѣ сталъ между двумя частями команды. Видъ караула подѣйствовалъ на команду, и матросы стали сначала по одному, а потомъ массой переходить на сторону вышедшихъ изъ фронта раньше.

Когда старшій офицеръ увидѣлъ, что вся команда готова перейти туда, и что такимъ образомъ изъ нея не будутъ выдѣлены тѣ, которые по его мнѣнію являлись зачинщиками, онъ рѣшилъ оставшихся еще на мѣстѣ и, какъ ему, вѣроятно, казалось, желающихъ перейти на сторону покорныхъ только для того, чтобы тамъ смѣшаться съ толпой, не допустить до этого. Со словами: „довольно уже довольно“, онъ вмѣстѣ съ вахтеннымъ офицеромъ, прапорщикомъ запаса Ливенцевымъ, перегородилъ имъ дорогу и насильно старался не допустить ихъ перейти со своего мѣста туда, гдѣ уже стояла большая часть команды. Сбившись въ кучу она съ тревогой слѣдила за всѣмъ происходящимъ. Въ толпѣ послышался ропотъ. Когда же старшій офицеръ громко отдалъ приказаніе боцману принести брезентъ, нѣкоторыми изъ матросовъ это было принято, какъ знакъ того, что оставленныхъ насильно на мѣстѣ ихъ товарищей будутъ сейчасъ разстрѣливать, предварительно накрывъ ихъ брезентомъ. Имѣлъ ли старшій офицеръ дѣйствительно въ виду это сдѣлать или ему нуженъ былъ брезентъ для какой-нибудь другой цѣли,—для меня это такъ и осталось загадкой. Во всякомъ случаѣ это приказаніе оказалось роковымъ прежде всего для него самого.

Изъ толпы, напряженно наблюдавшей эту сцену, раздался громкій и увѣренный голосъ: „Братцы! довольно терпѣть! Вѣдь они хотятъ разстрѣливать нашихъ товарищей!! Бей ихъ, извергов!!!“

— „Къ оружію!“—раздалось въ отвѣтъ, и сначала нѣсколько человѣкъ, а потомъ за ними и вся толпа съ крикомъ: „Ура! Да здравствуетъ свобода!“ бросились за ружьями. Караулъ разбѣжался.

Вооружившись винтовками группа матросовъ выбѣжала на палубу спардека и открыла оттуда, сверху внизъ стрѣльбу по офицерамъ. Когда былъ убитъ лейтенантъ Неупокоевъ, офицеры разбѣжались. Старшій офицеръ, увидѣвъ себя окруженнымъ матросами, выхватилъ у одного изъ остолбенѣвшихъ отъ неожиданности и страха часовыхъ винтовку и выстрѣломъ изъ нея смертельно ранилъ матроса Вакуленчука, который шелъ тоже съ винтовкой въ рукахъ на него. Другой матросъ, который все время

старался не упускать изъ виду старшаго офицера, цѣлился въ него въ тотъ самый моментъ, когда тотъ готовился выстрѣлить въ Вакуленчука, но опоздалъ на нѣсколько секундъ и убилъ его уже послѣ того, какъ Вакуленчукъ упалъ обливаясь кровью на палубу.

Вслѣдъ за этимъ съ палубы замѣтили людей, бросавшихся изъ пушечныхъ портовъ; будучи увѣренными въ томъ, что это офицеры, вооруженные матросы открыли по нимъ стрѣльбу. Впослѣдствіи однако оказалось, что такимъ образомъ кромѣ офицеровъ—лейтенанта Григорьева и прапорщика Ливенцева, были убиты также нѣкоторые изъ матросовъ, изъ которыхъ многіе, не понимая хорошо, что творится на броненосцѣ, и испугавшись, бросались за бортъ.

Мичману Макарову удалось доплыть до стоявшаго у кормы „Потемкина“ миноносца, куда еще раньше отправился обѣдавшій вмѣстѣ со всѣми на броненосцѣ командиръ, миноносца лейтенантъ баронъ фонъ-Клодтъ. Миноносецъ быстро снялся съ якоря и направился въ море. Видя это, матросы съ „Потемкина“ дали по немъ нѣсколько выстрѣловъ изъ 75-ти миллиметровыхъ орудій. Однимъ изъ снарядовъ была пробита труба, послѣ чего миноносецъ возвратился и подошелъ къ борту броненосца. Лейтенантъ Клодтъ и мичманъ Макаровъ были приведены на палубу „Потемкина“. Команда миноносца стала просить не дѣлать никакого насилія надъ ихъ любимымъ командиромъ, что имъ и было охотно обѣщано. Относительно мичмана Макарова послышались голоса, требовавшія его смерти на томъ основаніи, что онъ, какъ ревизоръ броненосца, являлся въ глазахъ команды однимъ изъ виновниковъ въ исторіи съ мясомъ [1]). Но партія болѣе сознательныхъ взяла верхъ. Они убѣдили требовавшихъ смерти Макарова, что не слѣдуетъ проливать лишней крови и что, если ужъ нельзя избѣжать кровопролитія, то во всякомъ случаѣ въ этомъ нельзя руководиться такими мотивами, какъ расположеніе и нерасположеніе или личная месть. Тѣмъ болѣе, что офицеры теперь уже безсильны помѣшать тому, что захочетъ предпринять команда. Клодтъ и Макаровъ были отведены подъ караулъ.

Послѣ этого на палубу былъ выведенъ командиръ, капитанъ 1-го ранга Голиковъ. Его нашли въ адмиральскомъ помѣщеніи полураздѣтымъ: очевидно онъ тоже готовился выброситься за бортъ, но не успѣлъ.

Какъ только онъ показался на палубѣ, изъ толпы раздались голоса:

— Повѣсить его! Повѣсить! Вѣдь онъ пугалъ насъ висѣлицей.

— Разстрѣлять,—рѣшило большинство.

Тѣхъ, кто пытался увѣщевать не убивать командира, почти никто не слушалъ. Смертный приговоръ былъ рѣшенъ...

---

[1]) Ревизоръ—одинъ изъ офицеровъ, которому ввѣряется слѣдить за хозяйственной частью судна, а значитъ и за продовольствіемъ команды.

— Сзади разступись!—раздалась зловѣщая команда.

Стоявшіе позади командира разбѣжались.

Грянулъ залпъ, и пронизанный пулями трупъ командира повалился на палубу...

Это былъ тотъ самый залпъ, который донесся до меня, когда я переодѣвался въ каютѣ, и котораго значеніе было скрыто отъ меня помогавшими мнѣ переодѣваться матросами вѣроятно изъ нежеланія усугублять мою тревогу.

Старшаго врача Смирнова нашли въ его каютѣ съ прострѣленнымъ, а можетъ быть и проколотымъ животомъ, истекавшаго кровью. Многіе матросы почему-то были увѣрены, что онъ самъ покончилъ съ собой. Я однако сомнѣваюсь въ этомъ, такъ какъ въ случаѣ, если бы докторъ дѣйствительно рѣшился на самоубійство, онъ едва ли стрѣлялъ бы себѣ въ животъ.

Такимъ образомъ всего погибло семь офицеровъ: командиръ, старшій офицеръ, старшій судовой врачъ, старшій артиллерійскій офицеръ лейтенантъ Неупокоевъ, старшій минный офицеръ лейтенантъ Тонъ, лейтенантъ Григорьевъ и прапорщикъ запаса Ливенцевъ. Всѣ трупы тотчасъ же были выброшены въ море.

Остальныхъ офицеровъ одного по одному отыскали въ разныхъ углахъ броненосца и отвели подъ караулъ. Мичману Вахтину, который былъ найденъ въ обморочномъ состояніи съ разбитой чѣмъ-то тупымъ головой, лежащимъ въ огромной лужѣ крови, и іеромонаху Парменію, у котораго былъ разорванъ носъ, была оказана немедленно медицинская помощь. Вакуленчукъ былъ перенесенъ въ лазаретъ, гдѣ онъ вскорѣ и скончался.

Все происшедшее на „Потемкинѣ“ въ теченіе дня развертывалось теперь передо мною со всей ясностью.

Несмотря на кажущійся съ перваго взгляда случайнымъ характеръ вспыхнувшаго возмущенія, я не могъ не усмотрѣть во всемъ ходѣ событій чего-то фатальнаго, что еще задолго до сегодняшняго дня предопредѣляло, такъ сказать, его и съ роковой неизбѣжностью уже съ перваго момента вело къ кровавой развязкѣ.

Правда, поведеніе командира и въ особенности старшаго офицера само по себѣ являлось достаточно основательнымъ поводомъ для возмущенія команды. Но если постараться вникнуть въ ихъ психологію, то нельзя не признать, что вся ихъ тактика въ этой драмѣ вытекала не только изъ усвоенныхъ ими по традиціи взглядовъ на военную службу вообще и въ частности на отношенія къ нижнимъ чинамъ, но также—и, пожалуй, еще въ большей степени—изъ сознанія необычайности того, что происходило въ командѣ, изъ предчувствія неизбѣжности рокового столкновенія.

Въ самомъ дѣлѣ. Выраженіе недовольства пищей само по себѣ вовсе не было необычайнымъ явленіемъ: и прежде бывали случаи недовольства то чѣмъ-нибудь изъ провизіи, хлѣбомъ, капустой, масломъ, мясомъ и т. д., то какимъ-нибудь неудобствомъ въ судовой обстановкѣ, однако никогда подобные случаи не вы-

ходили изъ рамокъ простого недоразумѣнія между командой и судовымъ начальствомъ, чисто семейнаго, такъ сказать характера.

Почему же теперь подобное же недоразумѣніе получило то особенное значеніе, которое какъ бы подразумѣвалось той и другой стороной уже съ самаго начала?

Несомнѣнно причина этого коренится гдѣ-то гораздо глубже повседневныхъ судовыхъ отношеній, обыденной судовой жизни.

За два почти года своей службы я достаточно присмотрѣлся къ условіямъ этой жизни и убѣжденъ, что сами по себѣ эти условія никакимъ образомъ не могутъ породить въ массѣ матросовъ такого недовольства, которое могло бы дать въ результатѣ что-нибудь подобное случившемуся 14-го іюня 1905 года.

Справедливость требуетъ признать, что въ общемъ матросу живется далеко не плохо, по крайней мѣрѣ со стороны внѣшней обстановки. Обыденная пища команды вообще доброкачественна. Я, какъ и многіе офицеры во время дежурствъ на военныхъ судахъ, когда они стоятъ въ резервѣ и когда офицеры не имѣютъ тамъ своего стола, часто съ удовольствіемъ ѣлъ матросскій борщъ. Правда, бываютъ иногда, какъ я уже сказалъ, случаи недовольства команды чѣмъ-нибудь изъ провизіи, но они единичны и всегда почти являются результатомъ случайнаго недосмотра. Тяжелой работой матросы не обременены: обыденный рабочій день не превышаетъ восьми часовъ. Въ отношеніяхъ офицеровъ къ командѣ мало-по-малу установился тотъ тонъ, который не только не позволяетъ имъ прибѣгать къ кулачной расправѣ, но и заставляетъ ихъ всегда оставаться въ извѣстныхъ рамкахъ корректности. Даже тѣ немногіе изъ нихъ, представляющіе безусловно исключеніе, которые были бы не прочь иногда вспомнить старину, принуждены сдерживать себя во-первыхъ изъ страха передъ высшимъ начальствомъ, которое—скорѣе, конечно, изъ осторожности, чѣмъ изъ какихъ-нибудь гуманныхъ побужденій—внушаетъ офицерамъ необходимость нѣкоторой тактичности въ отношеніяхъ къ нижнимъ чинамъ, а во-вторыхъ изъ чувства неловкости передъ товарищами особенно молодыми, среди которыхъ грубость въ обхожденіи съ матросами считается уже признакомъ дурного тона.

И несмотря на все это, въ послѣднее время нельзя было не замѣтить, что въ средѣ матросовъ съ каждымъ днемъ растетъ какое-то недовольство и возбужденіе; нельзя было не улавливать часто въ ихъ отношеніяхъ къ своимъ начальникамъ, особенно высшимъ, затаенной вражды.

Это явленіе нисколько не покажется удивительнымъ, если принять во вниманіе то исключительное настроеніе, которое сдѣлалось въ то время почти общимъ для всей массы различныхъ народовъ Россіи. Недовольство современнымъ порядкомъ вещей, ненависть къ существующему строю и къ его оффиціальнымъ и неоффиціальнымъ представителямъ, готовность при всякомъ поводѣ вступить въ отчаянную борьбу съ врагами столь желаннаго освобожденія, вотъ главные, болѣе или менѣе ясно сознаваемые элементы этого настроенія. При той степени напряженности, ко-

торой оно достигло въ то время, оно не могло не вліять на моральное состояніе войскъ вообще и на матросовъ, которые по своему развитію стоятъ много выше солдатъ, въ особенности. Та стѣна, которую съ такой тщательностью возводило правительство съ цѣлью изолировать армію и флотъ отъ всякаго вліянія дѣйствительной жизни и въ прочность которой оно еще такъ недавно безусловно вѣрило, перестала уже быть непроницаемой. Взволновавшаяся жизнь пробиваетъ въ ней одну брешь за другой, съ неудержимой силой устремляется то незамѣтными струйками, то цѣлыми потоками сквозь эти пробоины, бьетъ живымъ ключемъ въ этомъ царствѣ вѣкового оцѣпенѣнія и пробуждаетъ въ матросахъ и солдатахъ сознаніе, которое начальство тщетно старается усыпить посредствомъ цѣлой системы всякаго рода церемоній, внушеній и проч.

„Нижній чинъ“ уже созналъ свою кровную связь съ народомъ и душой живетъ и страдаетъ вмѣстѣ съ нимъ. Какъ и народъ, онъ также недоволенъ, онъ также неспокоенъ, онъ также озлобленъ.

Да и можетъ ли быть иначе?

Можетъ ли матросъ или солдатъ быть доволенъ тѣмъ, что онъ сытъ, если онъ не можетъ отдѣлаться отъ мысли, что въ это самое время его семья, можетъ быть, сидитъ безъ хлѣба? Можетъ ли онъ безъ тревоги ложиться вечеромъ въ свою койку, когда онъ не увѣренъ, что утро не принесетъ ему страшную вѣсть объ убитомъ на улицѣ братѣ или отцѣ? Можетъ ли онъ спокойно и исправно заниматься своимъ дѣломъ, когда всякій разъ, какъ только онъ берется за свое оружіе, ему невольно приходитъ въ голову мысль, что въ каждую минуту его могутъ послать съ этимъ самымъ оружіемъ избивать его братьевъ по духу и даже по плоти? Можетъ ли онъ питать хоть долю расположенія и уваженія къ офицерамъ, когда онъ видитъ въ нихъ за самымъ малымъ исключеніемъ все еще вѣрныхъ слугъ отживающаго строя, столь ненавистнаго всему народу, когда онъ неувѣренъ, что кто нибудь изъ нихъ не поведетъ не сегодня-завтра его противъ народа?

Стоитъ только мысленно хоть на минуту поставить себя въ положеніе матроса или солдата, чтобы безъ труда отвѣтить на всѣ эти вопросы.

Естественно, что при такомъ настроеніи онъ разсматриваетъ всѣ факты даже своей повседневной жизни подъ особеннымъ угломъ зрѣнія и тамъ, гдѣ прежде видѣлъ бы простое недоразумѣніе, видитъ теперь проявленіе все того же всероссійскаго, общенароднаго зла. Съ своей стороны офицеры не могутъ не чувствовать, по крайней мѣрѣ инстинктивно, что въ средѣ подчиненныхъ имъ нижнихъ чиновъ происходитъ что-то необычайное. Но, не будучи въ состояніи порвать тѣхъ нитей, которыя такъ крѣпко привязываютъ ихъ къ существующему строю, они все еще стараются поддерживать во что бы то ни стало престижъ той власти, которая въ пониманіи ихъ подчиненныхъ, какъ и всего народа, является синонимомъ произвола и насилія.

Естественно, что при такихъ условіяхъ даже самъ по себѣ незначительный поводъ долженъ повлечь за собой не простое недоразумѣніе, а уже настоящее столкновеніе между этими разнородными элементами. Не мудрено поэтому, что и инцидентъ съ мясомъ получилъ 14-го іюня въ глазахъ обѣихъ сторонъ столь принципіальное значеніе и явился той искрой, отъ которой вспыхнулъ пожаръ возстанія на броненосцѣ.

Съ такими мыслями пошелъ я въ каютъ-компанію. Уже вечерѣло.

Въ каютъ-компаніи, какъ и въ прежніе вечера, ярко освѣщенной электричествомъ, я нашелъ въ сборѣ всѣхъ оставшихся въ живыхъ офицеровъ. У дверей стояли часовые. Кромѣ уже упомянутыхъ здѣсь находились: капитанъ корпуса штурмановъ Гуринъ, инженеръ-механикъ подпоручикъ Калюжновъ, младшій врачъ Голенко и прапорщики запаса Ястребцевъ и Алексѣевъ. Послѣдній, какъ я узналъ, былъ назначенъ командой исполнять обязанности командира броненосца. Меня очень удивилъ этотъ выборъ, такъ какъ Алексѣева я зналъ за человѣка далеко не интеллигентнаго и совершенно чуждаго какихъ бы то ни было прогрессивныхъ стремленій. Тому, что онъ согласился принять эту обязанность я, впрочемъ, не удивился, такъ какъ согласіе это у него было до нѣкоторой степени вынуждено въ моментъ расправы съ офицерами, когда онъ самъ могъ ожидать, въ случаѣ отказа съ его стороны, смертнаго приговора. Не была ли команда увѣрена въ своихъ способностяхъ самостоятельно управлять кораблемъ, или думала, что бывшій офицеръ, хотя бы и прапорщикъ запаса, въ роли командира будетъ нѣкоторымъ образомъ импонировать менѣе сознательной части матросовъ? А можетъ быть и то, и другое вмѣстѣ,—не знаю. Во всякомъ случаѣ этотъ выборъ былъ съ ея стороны большой ошибкой, такъ какъ Алексѣевъ послѣ прихода въ Одессу все время оставался совершенно не у дѣлъ, а своимъ угнетеннымъ видомъ дѣйствовалъ на команду совершенно въ обратномъ смыслѣ.

Къ вечеру броненосецъ пришелъ къ Одессѣ и сталъ на якорь на внѣшнемъ рейдѣ. Мы ждали, что намъ предложатъ съѣхать на берегъ, какъ это намъ было сказано еще по пути Матюшенкомъ, но намъ заявили, что этотъ вопросъ оставленъ до завтрашняго дня. Дѣлать было нечего, всѣ стали устраиваться въ каютъ-компаніи на ночь...

II.

На слѣдующій день въ 5 часовъ утра я былъ разбуженъ раздавшейся на палубѣ командой вахтеннаго унтеръ-офицера:

— Вставать, койки убирать, умываться!

Въ полудремотѣ я прислушивался къ звукамъ просыпавшейся на кораблѣ жизни. Все шло въ обычномъ порядкѣ: вотъ разда-

лись протяжные, стройные звуки утренней молитвы, вслѣдъ за этимъ послышался топотъ ногъ расходившихся по разнымъ направленіямъ матросовъ; потомъ все затихло,—команда расположилась пить чай. Черезъ нѣсколько минутъ снова все зашевелилось: принялись за уборку.

— Въ машинѣ! Пусти донку [1]) на палубу!—послышался чей-то громкій голосъ, отдававшій съ палубы черезъ машинный люкъ обычное распоряженіе.

Черезъ минуту зашумѣла льющаяся изъ шланговъ [2]) на палубу вода и зашуршали швабры.

Все было до такой степени обычно, что происшедшее вчера снова показалось мнѣ только сномъ. Но и теперь иллюзія продолжалась недолго. Я открылъ глаза, и дѣйствительность предстала передо мной во всемъ своемъ значеніи: около дверей на креслѣ сидѣлъ часовой изъ молодыхъ матросовъ. Съ ружьемъ на колѣняхъ, съ упавшей на грудь головой, онъ спалъ безмятежнымъ сномъ. На диванахъ во всѣхъ углахъ лежали офицеры; нѣкоторые изъ нихъ спали еще, другіе, проснувшись, а можетъ быть и совсѣмъ не спавши, апатично смотрѣли передъ собой. Что-то гнетущее было въ этой обстановкѣ. Мною овладѣла тупая тоска. Чтобы разсѣяться, я всталъ, подошелъ къ открытому пушечному порту и выглянулъ въ него. Глазамъ моимъ представился великолѣпный видъ: отъ борта броненосца до берега простиралась зеркальная поверхность дремавшаго залива, надъ которой, сверкая на солнцѣ бѣлыми крыльями, кружились чайки; кое-гдѣ бѣлѣли паруса рыбачьихъ лодокъ, а сквозь синѣвшую дымку утренняго тумана виднѣлась красавица Одесса съ ея зелеными садами, великолѣпными зданіями, высокими храмами и цѣлымъ лѣсомъ мачтъ стоявшихъ въ порту большихъ и маленькихъ судовъ.

Я невольно унесся мысленно въ этотъ центръ кипучей жизни и долго не могъ оторвать взора отъ чарующей картины...

Умывшись въ своей каютѣ, я снова возвратился въ каютъ-компанію, гдѣ одинъ за другимъ поднимались со своихъ импровизированныхъ постелей офицеры. Около восьми часовъ вѣстовые подали намъ чай и хлѣбъ, и мы, усѣвшись вокругъ стола, принялись за ѣду.

Въ то время, какъ мы лѣниво, почти машинально похлебывали изъ своихъ стакановъ чай, послышались знакомые звуки рожковъ и барабановъ, сопровождающіе обыкновенно подъемъ флага. Колоколъ на бакѣ [3]) ударилъ восемь разъ. На лицахъ нѣкоторыхъ офицеровъ скользнула грустная улыбка: еще вчера въ этотъ самый часъ они были, такъ сказать, главными дѣйствующими лицами этой ежедневной церемоніи подъема андреевскаго флага: они отдавали командиру рапорты, что по ввѣреннымъ имъ частямъ все обстоитъ благополучно, молодецки выкрикивали

[1]) Донка—насосъ.
[2]) Шланги—рукава, по которымъ изъ насосовъ проводится вода.
[3]) Бакъ носовая часть верхней палубы.

разнаго рода команды и приказанія и были такъ увѣрены въ своей силѣ и власти. А сегодня эта церемонія уже совершается безъ ихъ участія, точно они были только живымъ балластомъ на этомъ кораблѣ, гдѣ еще такъ недавно они чувствовали себя господами. Такъ все превратно въ этомъ мірѣ!..

Всѣ были увѣрены, что послѣ подъема флага насъ свезутъ въ Одессу и потому, когда въ каютъ-компанію вошелъ Матющенко, нѣкоторые офицеры обратились къ нему съ вопросомъ по этому поводу. Онъ успокоилъ ихъ, говоря, что вопросъ объ этомъ рѣшенъ командой въ положительномъ смыслѣ, но только господамъ офицерамъ придется подождать того момента, который стоящіе во главѣ управленія броненосцемъ найдутъ удобнымъ для выполненія этого постановленія. Волей-неволей всѣ должны были на этомъ успокоиться и рѣшили больше не поднимать объ этомъ вопроса.

Отъ Матющенко, который теперь очень охотно и часто подолгу бесѣдовалъ съ офицерами, мы узнали, что тѣло Вакуленчука свезено и лежитъ теперь на берегу, куда стекается масса народу; что въ Одессѣ уже нѣсколько дней волнуются рабочіе и происходятъ иногда кровавыя столкновенія между ними и полиціей, поддерживаемой войсками. Онъ сообщилъ намъ также, что во главѣ управленія броненосцемъ стоитъ комиссія изъ нѣсколькихъ выбранныхъ всей командой матросовъ. Можно было догадываться, что комиссія вырабатываетъ какой-то планъ дѣйствій, который такъ или иначе будетъ связанъ съ событіями въ Одессѣ.

Между тѣмъ отъ берега къ броненосцу стали направляться шлюпки и яхты съ самой разнообразной публикой: тамъ были мужчины и женщины, старые и подростки, студенты, рабочіе, гимназисты. Нѣкоторые всходили на броненосецъ, другіе только приставали къ трапамъ, третьи любовались невиданнымъ зрѣлищемъ этой плавучей республики на почтительномъ разстояніи, не рѣшаясь подойти близко. Изъ многихъ шлюпокъ передавали на броненосецъ всякія приношенія: табакъ, папиросы, чай, сахаръ и даже конфекты. У траповъ и на палубѣ оживленіе росло все больше и больше: однѣ шлюпки отходили, другія приставали; выгружались разные пакеты, коробки, ящики и просто узлы съ пожертвованіями. Отовсюду неслись привѣтственные возгласы: „Да здравствуетъ свободный „Потемкинъ“! Да здравствуютъ свободные моряки! Да здравствуетъ народное правленіе!“ и проч., и проч. Съ палубы отъ времени до времени въ отвѣтъ гремѣло „ура“.

Черезъ нѣкоторое время отъ берега отошелъ военный катеръ и направился къ броненосцу. Тамъ очевидно былъ кто-то изъ представителей власти. Дѣйствительно, когда катеръ подошелъ ближе, на немъ мы узнали капитана надъ Одесскимъ портомъ. Однако еще на почтительномъ разстояніи катеръ повернулъ и пошелъ обратно. Какъ я узналъ послѣ, съ палубы „Потемкина“ караулъ очень выразительно далъ понять капитану, что подойти близко для него было бы рискованно.

Немного спустя мы замѣтили другой катеръ, который также направлялся къ намъ. Тамъ среди толпы штатскихъ мы скоро разглядѣли двѣ фигуры жандармовъ и съ любопытствомъ стали ждать, что изъ этого выйдетъ. Вотъ катеръ подошелъ на разстояніе человѣческаго голоса и быстро сталъ замедлять ходъ; наконецъ онъ остановился. Жандармы вдругъ въ какомъ то смятеніи стали прятаться за спины штатскихъ.

— Жандармы!—раздался съ палубы грозный голосъ,—оружіе въ воду!

Жандармы поспѣшно отстегнули шашки и бросили ихъ въ воду.

— Револьверы туда же!—послышался снова тотъ же голосъ уже съ замѣтнымъ оттѣнкомъ насмѣшки, хотя попрежнему настойчивый.

При дружномъ хохотѣ на палубѣ, жандармы дрожащими руками отстегнули револьверы и послали ихъ за шашками.

— А теперь, — издѣвался все тотъ же голосъ, — кругомъ маршъ!!

Катеръ далъ ходъ и, круто повернувъ, сталъ быстро удаляться по направленію къ берегу, сопровождаемый свистомъ и гиканьемъ развеселившейся толпы матросовъ.

Послѣ этого никто уже изъ представителей власти не пытался подходить къ „Потемкину“ на разстояніе ружейнаго выстрѣла.

Часовъ около 9-ти наше вниманіе было привлечено пароходомъ,—очевидно угольщикомъ—который медленно двигался по направленію къ броненосцу. На мостикѣ стоялъ капитанъ, а вся палуба была усѣяна рабочими, которые еще издали привѣтствовали матросовъ, махая фуражками. Когда же пароходъ приблизился на разстояніе человѣческаго голоса, воздухъ огласился дружными восклицаніями рабочихъ и матросовъ.

— Да здравстуетъ „Потемкинъ“!—неслось съ парохода.

— Да здравствуетъ свобода!—гремѣло на броненосцѣ.

— Да здравствуютъ возставшіе моряки!

— Да здравствуетъ рабочій народъ!

И все это сопровождалось могучимъ „ура“, не смолкавшимъ до тѣхъ поръ, пока пароходъ не присталъ бортъ-о-бортъ къ „Потемкину“.

Оказалось, что на пароходѣ было около десяти тысячъ пудовъ угля, закупленнаго нашей командой у пароходовладѣльца.

Пока приготовляли необходимыя приспособленія для перегрузки угля, нѣкоторые изъ офицеровъ, въ томъ числѣ и я, черезъ открытый пушечный портъ завязали разговоръ съ рабочими, которые очень охотно дѣлились тѣмъ, что у нихъ наболѣло на душѣ за послѣдніе тревожные дни. Около говорившихъ съ нами быстро образовалась значительная группа рабочихъ. Нѣкоторые изъ нихъ лишь внимательно прислушивались къ разговору, другіе вставляли отъ времени до времени свои замѣчанія. Нѣ-

сколько человѣкъ, наперерывъ одинъ передъ другимъ, излагали событія послѣднихъ дней.

Вотъ что выяснилось изъ ихъ разсказовъ:

Уже полтора мѣсяца тянется почти безпрерывная забастовка чуть не на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ Одессы; со вчерашняго же дня она обратилась во всеобщую. Поводомъ къ этому послужило кровавое столкновеніе съ полиціей и казаками во время уличной демонстраціи 13-го іюня. Теперь между рабочими съ одной стороны и полиціей и казаками съ другой происходятъ постоянныя схватки, причемъ рабочіе сплошь и рядомъ прибѣгаютъ къ сооруженію баррикадъ. Вслѣдствіе продолжительной забастовки среди рабочихъ царитъ страшная нищета, и они дошли до крайней степени отчаянія. „Потемкинъ", такимъ образомъ, появился въ самый критическій моментъ.

— Само небо послало къ намъ этотъ „вольный" броненосецъ!—говорили многіе изъ рабочихъ на пароходѣ.

Мало-по-малу разговоръ сталъ касаться болѣе общихъ темъ, и тутъ уже въ качествѣ настоящихъ ораторовъ выступили очевидно наиболѣе сознательные. Они заговорили о невыносимо-тяжеломъ положеніи пролетаріата и крестьянства въ Россіи, о ненавистномъ всѣмъ трудящимся массамъ современномъ строѣ, о необходимости завоевать наконецъ для всего народа свободу и права на человѣческія условія жизни,—говорили много, горячо и убѣжденно. Никогда еще мнѣ не приходилось видѣть такого воодушевленія, такого необыкновеннаго подъема духа, и я невольно любовался на этихъ сильныхъ, рѣшительныхъ и искреннихъ людей...

Когда все было готово, приступили къ погрузкѣ угля. Работа закипѣла: рабочіе и матросы весело бѣгали съ тяжелыми мѣшками угля, какъ съ игрушками, какъ будто бы это была не работа, а забава.

Часа черезъ два уголь былъ перегруженъ, и пароходъ вмѣстѣ съ рабочими сталъ отходить отъ борта.

Снова съ обѣихъ сторонъ послышались привѣтственные возгласы, снова загремѣло „ура", несмолкавшее все время, пока пароходъ не удалился...

* * *

Между четырьми и пятью часами мы вдругъ замѣтили, что команда заволновалась: одинъ за другимъ матросы выбѣгали по трапамъ на верхнюю палубу, откуда до насъ доносился оживленный говоръ толпы. Я подошелъ къ двери и у дного изъ пробѣгавшихъ матросовъ спросилъ, что случилось. Онъ объяснилъ, что на горизонтѣ показалось какое-то военное судно: пока въ подзорную трубу можно лишь различить, что это не броненосецъ. Высказываютъ предположеніе, что это посланное впереди эскадры развѣдочное судно.

Однако скоро выяснилось, что это идетъ маленькое портовое судно „Вѣха", которое служитъ для снабженія черноморскихъ

маяковъ необходимыми матеріалами и припасами. Такъ какъ это суденышко не представляло никакой опасности, то команда успокоилась и позволила ему безпрепятственно подойти и стать на якорь невдалекѣ отъ „Потемкина“. Черезъ нѣсколько минутъ мы увидѣли, какъ отъ борта „Вѣхи“ отвалила шлюпка и направилась къ намъ; въ ней кромѣ гребцовъ сидѣлъ офицеръ, въ которомъ кто-то изъ нашихъ офицеровъ узналъ командира „Вѣхи“. Шлюпка пристала къ трапу, и командиръ „Вѣхи“ взошелъ на палубу. Минутъ черезъ десять отъ „Вѣхи“ къ намъ шла другая шлюпка, въ которой сидѣли уже всѣ офицеры этого судна. Вскорѣ и они были у насъ на палубѣ. Что происходило тамъ мы не могли узнать, но мы были спокойны за нихъ, такъ какъ по настроенію команды можно было предугадывать, что никакого насилія надъ ними произведено не будетъ. Дѣйствительно, спустя нѣсколько минутъ мы увидѣли всѣхъ ихъ во главѣ съ командиромъ, на потемкинскомъ катерѣ, который мчалъ ихъ по направленію къ Одессѣ. Всѣ они были безъ оружія.

Кто-то изъ офицеровъ вспомнилъ, что на „Вѣхѣ“ должна быть жена старшаго офицера „Потемкина“ Гиляровскаго вмѣстѣ со своей маленькой дочерью, такъ какъ еще въ Севастополѣ она говорила, что будетъ просить разрѣшенія такимъ образомъ проѣхать до Одессы. Я посмотрѣлъ въ открытый портъ на „Вѣху“ и дѣйствительно на палубѣ ея замѣтилъ стройную фигуру госпожи Гиляровской и около ея маленькую дочь. Обѣ онѣ очевидно въ большомъ смятеніи безпомощно метались во всѣ стороны. Черезъ нѣсколько минутъ къ борту „Вѣхи“ подошла частная шлюпка, въ которой сидѣли два студента. Нѣкоторое время они очевидно переговаривались съ госпожей Гиляровской, послѣ чего она вмѣстѣ съ дочерью вошла въ шлюпку, которая сейчасъ же направилась къ Одессѣ.

Отъ одного изъ матросовъ мы узнали, что ей пока не сказали о смерти ея мужа и что два студента взялись свезти ее на берегъ и тамъ уже увѣдомить ее обо всемъ случившемся. Онъ сказалъ намъ также, что всѣ офицеры „Вѣхи“ свезены въ Одессу, причемъ имъ дали денегъ на проѣздъ до Севастополя. Всѣ матросы были оставлены тамъ на своихъ мѣстахъ.

Такимъ образомъ „Вѣха“ была плѣнена и явилась вторымъ послѣ миноносца трофеемъ „Потемкина“.

* * *

Къ вечеру число посѣтителей и любопытныхъ стало уменьшаться; бывшіе на броненосцѣ постепенно съѣзжали, посылая матросамъ на прощанье горячія привѣтствія. Послѣдняя шлюпка потянулась къ берегу, и на „Потемкинѣ“ стало тише.

Лица матросовъ, хотя и попрежнему серіозныя, были какъ-то болѣе оживлены, въ глазахъ свѣтилась рѣшимость и сознаніе важности совершающихся событій.

Казалось, что для Россіи наступаютъ историческіе дни, и мнѣ было невыразимо обидно мое пассивное положеніе на этомъ

революціонномъ броненосцѣ. Я готовъ былъ завидовать любому матросу...

Между тѣмъ сумерки стали сгущаться,—наступала темная южная ночь.

Я сѣлъ у открытаго пушечнаго порта, откуда вѣяло пріятной прохладой, и сталъ смотрѣть на блестѣвшіе въ темнотѣ огоньки Одессы. Оттуда доносился какой-то неясный шумъ и усиливавшійся по временамъ крикъ толпы. Очевидно внѣшнее спокойствіе дня было чѣмъ-то нарушено. Вотъ даже послышались ружейные выстрѣлы... Возбужденное всѣмъ пережитымъ и видѣннымъ воображеніе стало рисовать мнѣ одну за другой самыя яркія картины. Вдохновенныя рѣчи рабочихъ на угольщикѣ, таинственные намеки матросовъ, восторженные и какъ бы полные надежды на что-то близкое и великое привѣтствія многочисленныхъ посѣтителей—все это получало теперь въ моихъ глазахъ особенное значеніе и смыслъ.

„Можетъ быть, это и есть она, „настоящая“ россійская революція? Можетъ быть тамъ уже идутъ стычки вооруженнаго народа съ правительственными войсками? Можетъ быть народъ старается приступомъ взять военный арсеналъ?“—невольно думалось мнѣ и я съ напряженіемъ ловилъ каждый долетавшій до меня звукъ, все больше и больше настраиваясь на такой ладъ, когда самое фантастическое начинаетъ казаться вѣроятнымъ и возможнымъ...

Между тѣмъ выстрѣлы становились все чаще, гулъ толпы все усиливался. Вдругъ въ темнотѣ вспыхнулъ красноватый огонь, освѣтивъ клубы багроваго дыма: что-то загоралось на берегу. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ стали вырываться огненные языки, которые мало-по-малу слились въ яркое пламя, озарившее на большое разстояніе берегъ. Спустя нѣкоторое время вспыхнуло въ другомъ мѣстѣ, потомъ въ третьемъ. Очевидно пожаръ не былъ случайностью, а являлся результатомъ поджоговъ.

Не прошло и часа, какъ вся набережная была уже въ огнѣ: горѣли пристани коммерческихъ пароходовъ, товарные склады и даже нѣсколько стоявшихъ въ порту частныхъ пароходовъ. Это было величественное и вмѣстѣ съ тѣмъ ужасное зрѣлище. Гигантскіе огненные языки вырываясь изъ-подъ кровлей горящихъ зданій, извивались, точно въ дикой ярости и, отрываясь отъ пламени, таяли въ воздухѣ; отъ обрушивающихся построекъ отъ времени до времени вздымались къ небу огромные снопы искръ; густой дымъ, клубами кружась надъ пламенемъ, подымался кверху и багровой пеленой висѣлъ надъ городомъ; испуганныя невиданнымъ зрѣлищемъ чайки, съ тревожнымъ крикомъ шныряя надъ заливомъ, то исчезали въ тѣни прибрежныхъ холмовъ, то снова сверкали своими крыльями въ красномъ заревѣ пожара.

На фонѣ доносившагося съ берега неяснаго гула рѣзко выдѣлялись раздававшіеся все чаще и чаще ружейные залпы... Что тамъ происходитъ? Кто и съ какой цѣлью поджогъ портъ? Что значитъ эта пальба?—Одинъ за другимъ вставали передо мной

эти вопросы, и я тщетно искалъ на нихъ отвѣта. Матросы, къ которымъ я обращался съ вопросами въ надеждѣ что-нибудь узнать, къ моему удивленію, очевидно знали не больше моего относительно того, что происходитъ на берегу...

* * *

Часовъ около десяти въ каютъ-компанію вошелъ Матющенко въ сопровожденіи двухъ матросовъ. Офицеры, угадывая по многозначительно сосредоточенному выраженію его лица, что онъ имѣетъ сказать что-то важное, столпились вокругъ вошедшихъ.

Матющенко окинулъ всю группу взглядомъ, какъ бы желая убѣдиться, всѣ ли здѣсь на лицо, и обратился къ намъ со слѣдующими словами:

— Господа офицеры! Команда броненосца рѣшила свезти васъ на берегъ; но прежде, чѣмъ привести это въ исполненіе, она поручила намъ обратиться къ вамъ съ предложеніемъ: не пожелаетъ ли кто-нибудь изъ васъ присоединиться къ возставшимъ матросамъ и вмѣстѣ съ ними стать за святое дѣло освобожденія всего народа отъ проклятаго ига правительства, чтобы побѣдить или умереть за свободу, какъ это рѣшила вся команда!

Послѣдовала пауза. Такое предложеніе явилось для всѣхъ насъ совершенно неожиданнымъ, и всѣ офицеры, повидимому, были удивлены и отчасти смущены имъ. Казалось, они колебались. Однако я понялъ сразу, что это колебаніе почти у всѣхъ относилось лишь къ формѣ отвѣта, а не къ смыслу его. Мнѣ тоже раньше не приходила въ голову—по крайней мѣрѣ въ ясной и опредѣленней формѣ—мысль о возможности такого предложенія послѣ всего случившагося, и теперь мною овладѣло чрезвычайное волненіе: я слышалъ какъ у меня въ груди застучало сердце. Самыя разнообразныя мысли роемъ закружились въ моей разгоряченной всѣмъ предыдущимъ головѣ, а въ воображеніи передо мною вдругъ раскрылись широкія и блестящія перспективы: вѣдь, можетъ быть, „Потемкинъ“ является той искрой, которая зажжетъ пламя всенароднаго возстанія за свободу и лучшее будущее; можетъ быть это заря того желаннаго, давно ожидаемаго дня, когда всякая сила, готовая уже стать на сторону угнетеннаго народа, слѣдуя примѣру „Потемкина“, обратитъ свое оружіе противъ угнетателей народа и нанесетъ послѣдній ударъ ненавистному строю. И неужели же въ этотъ, быть можетъ, историческій моментъ я добровольно отойду въ сторону отъ проходящихъ передъ моими глазами великихъ событій, спасая свою жизнь цѣною гражданской чести?.. Нѣтъ это невозможно!

Я готовъ уже былъ объявить свое рѣшеніе остаться, какъ вдругъ у меня, точно вынырнувъ откуда-то изъ глубины души, явилось сомнѣніе: точно ли представшіе передъ нами съ этимъ предложеніемъ являются выразителями желанія всей команды? А что, если завтра же найдутся между матросами такіе, для которыхъ тѣ побужденія, изъ какихъ я рѣшилъ остаться здѣсь, ока-

жутся непонятными, и они увидятъ во мнѣ лишь посторонній элементъ въ ихъ дружной, какъ мнѣ казалось, средѣ?

Я рѣшилъ сейчасъ же высказать эти сомнѣнія Матющенку.

— Послушайте, Матющенко, — сказалъ я, — я всей душой стою на сторонѣ того дѣла, которое вы всѣ рѣшили начать, и счелъ бы за честь раздѣлить съ командой общую участь; но меня смущаетъ одно сомнѣніе: могу ли я быть увѣреннымъ, что среди вашихъ семисотъ пятидесяти товарищей не найдется людей, которые не смогутъ побѣдить въ себѣ предубѣжденія противъ званія офицера и будутъ смотрѣть на меня, какъ на постороннее и лишнее лицо въ вашей республикѣ?

— Отойдемте въ сторону, — сказалъ мнѣ Матющенко, — я скажу вамъ по секрету нѣсколько словъ.

Мы отошли съ нимъ въ уголъ, и онъ, понизивъ голосъ, обратился ко мнѣ:

— Вы, конечно, понимаете, что съ нашей стороны было бы нетактично ставить передъ всей командой вопросъ о приглашеніи присоединиться къ намъ только кого-нибудь изъ офицеровъ по выбору, и потому было рѣшено обратиться съ этимъ предложеніемъ ко всѣмъ. Но я долженъ вамъ сказать, что мало кого изъ нихъ мы желали бы видѣть оставшимися, нѣкоторыхъ же изъ нихъ команда не оставила бы даже и въ томъ случаѣ, если бы они, паче чаянія, изъ какихъ нибудь побужденій и выразили такое желаніе. Что же касается васъ, то я даю вамъ мое слово, что вся команда, какъ одинъ человѣкъ, будетъ рада принять васъ въ свою среду какъ товарища. Если хотите, я черезъ часъ принесу вамъ подписку въ этомъ отъ всей команды!

Можно ли было послѣ этого колебаться?

— Нѣтъ, не надо мнѣ подписки, — отвѣтилъ я, — я охотно вѣрю вамъ на слово и остаюсь!

Матющенко просіялъ.

— Я зналъ, что вы такъ поступите! — сказалъ онъ и лицо его озарилось дружелюбной улыбкой.

Мы подошли къ офицерамъ. Нѣкоторые изъ нихъ все еще имѣли какой-то растерянный видъ.

— Ну, что же господа — обратился къ нимъ Матющенко.

Обращаясь къ депутаціи отъ команды я сказалъ:

— Я прошу васъ, господа, передать командѣ, что я съ радостью принимаю ея предложеніе остаться и съ этого момента готовъ душой и тѣломъ служить нашему дѣлу.

Всѣ офицеры съ изумленіемъ посмотрѣли на меня. Кто-то изъ близъ-стоящихъ прошепталъ мнѣ на ухо:

— Зачѣмъ вы это дѣлаете?

— Я дѣлаю то, что подсказываетъ мнѣ моя совѣсть, — отвѣтилъ я ему.

Въ это время впередъ выступилъ младшій врачъ Голенко и обращаясь къ матросамъ, сказалъ:

— Я, какъ врачъ, не считаю себя въ правѣ оставить тѣхъ

больныхъ и раненыхъ, которые находятся на моемъ попеченіи, и потому также остаюсь на броненосцѣ.

Депутація привѣтствовала его заявленіе.

Очередь была за остальными. Нѣкоторые изъ нихъ заявили прямо, что они не находятъ въ себѣ достаточно рѣшимости, чтобы сдѣлать столь важный шагъ, хотя и сочувствуютъ дѣлу освобожденія Россіи, другіе же говорили что-то о женѣ, о дѣтяхъ или же просто отмолчались и пошли готовиться къ отъѣзду.

Депутаты, рѣшивъ, что имъ больше нечего ожидать, удалились.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ ихъ ухода ко мнѣ подошелъ Калюжновъ, юноша едва достигшій двадцати одного года и только что окончившій кронштадтское военно-морское техническое училище; благодаря отсутствію на его лицѣ хотя бы признаковъ бороды или усовъ и своей тщедушной комплекціи онъ производилъ впечатлѣніе совершеннаго мальчика.

Онъ отвелъ меня въ сторону и сказалъ:

— Я тоже останусь съ вами.

— Хорошо ли вы обдумали этотъ вашъ шагъ?—спросилъ я его.—Вы должны помнить, что оставаясь здѣсь, вы идете такъ сказать, на все.

— Я все-таки останусь,—сказалъ онъ уже настойчиво.

— Въ такомъ случаѣ я передамъ ваше рѣшеніе командѣ.

Въ это время вошелъ Матющенко.

— Господинъ Коваленко и господинъ Голенко, комиссія проситъ васъ придти въ адмиральское помѣщеніе, гдѣ она сейчасъ засѣдаетъ,—сказалъ онъ обращаясь ко мнѣ и къ доктору.

Мы оба сейчасъ же направились туда...

Матющенко широко распахнулъ передъ нами дверь, и мы вошли въ адмиральское помѣщеніе.

Тамъ вокругъ длиннаго стола сидѣло душъ двадцать матросовъ и трое незнакомыхъ мнѣ штатскихъ. Одинъ, какъ я узналъ позже, былъ „Кириллъ", другой студентъ Фельдманъ, третій остался мнѣ неизвѣстнымъ, такъ какъ на другой день сошелъ на берегъ и уже не могъ больше вернуться на корабль. „Кириллъ" же и Фельдманъ все время революціонной кампаніи „Потемкина" состояли въ комитетѣ или, какъ матросы чаще называли, комиссіи и принимали самое дѣятельное участіе во всѣхъ дѣлахъ. Всѣ тѣ, что сидѣли вокругъ стола, какъ я догадался, и составляли комиссію. Остальное пространство помѣщенія было наполнено матросами, которые интересовались засѣданіемъ.

Какъ только мы вошли, говоръ смолкъ, и всѣ взоры устремились на насъ. Предсѣдательствовавшій членъ комиссіи всталъ и обращаясь къ намъ сказалъ:

— Команда эскадреннаго броненосца „Князь Потемкинъ Таврическій" единодушно привѣтствуетъ ваше присоединеніе къ ней для общаго дѣла борьбы за свободу и выражаетъ по этому поводу искреннее удовольствіе. Ввиду того,—продолжалъ онъ,—

что теперь уже довольно поздно, мы уже завтра познакомимъ васъ съ нашими планами и съ положеніемъ дѣлъ на броненосцѣ. Теперь же вы совершенно свободны и можете устраиваться на ночь, гдѣ вамъ будетъ угодно.

Мы поблагодарили команду въ лицѣ предсѣдателя комиссіи за довѣріе къ намъ и еще разъ повторили сказанное нами уже депутатамъ, послѣ чего я заявилъ о намѣреніи Калюжнова. Предсѣдатель отвѣтилъ, что они относительно этого посовѣтуются и о рѣшеніи сообщатъ. Послѣ этого мы оба удалились.

Когда я вошелъ въ каютъ-компанію, офицеры готовились къ съѣзду. Отъ времени до времени нѣкоторые изъ нихъ подходили къ открытому пушечному порту и съ тревогой смотрѣли на пылавшую набережную. Тамъ попрежнему бушевало пламя, бросая на облака, на верхушки прибрежныхъ холмовъ и на гребни волнъ зловѣщій кровавый отблескъ; попрежнему слышался трескъ ружейныхъ залповъ.

Увидя меня, нѣкоторые изъ офицеровъ обратились ко мнѣ съ просьбой посодѣйствовать въ комиссіи, чтобы ихъ свезли въ наиболѣе безопасный пунктъ. Я пообѣщалъ имъ это и отправился къ адмиральскому помѣщенію. Въ засѣданіи комиссіи былъ какъ разъ перерывъ. Ко мнѣ подошло нѣсколько членовъ ея, которые и сказали, что, хотя команда совершенно не знаетъ Калюжнова, какъ недавно поступившаго на броненосецъ, она тѣмъ не менѣе не находитъ основанія не принять его въ свою среду, если онъ высказываетъ такое желаніе. Взявъ на себя передать ему согласіе команды, я сталъ совѣтоваться съ ними относительно того, какъ лучше свезти офицеровъ. Послѣ недолгаго совѣщанія было рѣшено предложить имъ остаться до утра на броненосцѣ, такъ какъ можно было предположить, что на берегу происходитъ просто погромъ и было бы трудно угадать, куда лучше ихъ высадить. Я отправился снова къ офицерамъ, которые, узнавъ о предложеніи имъ остаться еще одну ночь на „Потемкинѣ“, покорно стали устраиваться на ночь въ каютъ-компаніи на диванахъ.

Я отвелъ въ сторону Калюжнова и сообщилъ ему, что его предложеніе остаться принято командой сочувственно, но еслибы онъ за ночь передумалъ, то завтра утромъ онъ можетъ съѣхать вмѣстѣ со всѣми прочими офицерами.

Теперь меня безпокоила мысль, что вѣсть о случившемся на „Потемкинѣ“ дойдетъ—и при томъ, какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, въ самомъ искаженномъ видѣ—до моей матери, которая въ это время была въ одной изъ глухихъ деревень; поэтому я рѣшилъ, чтобы избавить ее отъ преждевременной тревоги, попросить одного изъ офицеровъ во-первыхъ послать ей при первой возможности телеграмму съ извѣщеніемъ о томъ, что я живъ и здоровъ, а во-вторыхъ передать всѣмъ остальнымъ его товарищамъ не распространять пока обо мнѣ на берегу никакихъ слуховъ, кромѣ того, что я живъ и остался добровольно на „Потемкинѣ“. Мнѣ было обѣщано исполнить то и другое.

Нѣкоторые изъ офицеровъ стали было меня разспрашивать о планахъ комиссіи, о моихъ личныхъ намѣреніяхъ, но мнѣ какъ-то не хотѣлось поддерживать разговоръ, и я поспѣшилъ удалиться къ себѣ въ каюту.

Впечатлѣнія пережитыхъ двухъ дней такъ утомили меня, что я, не раздѣваясь, повалился на койку и моментально заснулъ, какъ убитый...

А. Коваленко.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Одна изъ жертвъ движенія 70-хъ годовъ.

(Памяти К. А. Лукашевичъ).

Въ статьѣ «Движеніе 70-хъ годовъ» («Былое» октябрь 1906 г.) я назвалъ многихъ участниковъ движенія и передалъ о нихъ нѣкоторыя фактическія свѣдѣнія, поскольку они сохранились въ моей памяти. Личная жизнь большинства дѣятелей осталась для меня неизвѣстной, а между тѣмъ ими пережито, какъ въ описанный мною періодъ, такъ и впослѣдствіи, не мало драмъ или трагедій, имѣющихъ значеніе не только для выясненія личностей героевъ, но и для пониманія духа времени, въ которое они дѣйствовали. Въ настоящей замѣткѣ я хочу разсказать трагедію одной изъ участницъ движенія — Клеопатры Аркадьевны Лукашевичъ, которую я въ своей статьѣ ошибочно назвалъ сестрою Александра Осиповича Лукашевича. Ошибка эта и дала мнѣ возможность узнать всю послѣдующую исторію героини. Братъ ея и почитатель, желая внести поправку въ мои свѣдѣнія, сообщилъ мнѣ потрясающую исторію ея кончины.

Клеопатра Лукашевичъ присоединилась къ движенію въ 1874 году, когда ей было всего 17 лѣтъ. Въ этомъ возрастѣ она, конечно, не могла играть руководящей роли въ движеніи и представлялась лицамъ, съ которыми она встрѣчалась, одной изъ рядовыхъ дѣятельницъ, быть можетъ болѣе энергичной и способной, чѣмъ окружавшія ее лица, но во всякомъ случаѣ мало извѣстной въ широкихъ кругахъ молодежи. Между тѣмъ и въ этомъ юномъ возрастѣ она проявляла большую силу духа, которую не могли не чувствовать близкіе ей люди. Младшій ея братъ не только признаетъ ее своимъ учителемъ, подъ вліяніемъ котораго сформировались его убѣжденія, но сохранилъ о ней самое высокое и свѣтлое представленіе, какъ о недосягаемомъ для него идеалѣ. Ужасное преступленіе, которымъ она закончила свою жизнь, умертвивъ вмѣстѣ съ собою двухъ своихъ дѣтей, было совершено не изъ ненависти, а подъ вліяніемъ самой чистой и высокой любви и свидѣтельствуетъ не о злой волѣ, а о величіи духа, видимаго все время даже и въ ненормальномъ состояніи.

Вотъ вкратцѣ внѣшняя исторія К. А. Лукашевичъ: Двинувшись изъ Петербурга въ народъ, она по пути заѣхала въ Самару къ родителямъ, которые всѣми средствами старались удержать ее отъ опаснаго шага, но никакія препятствія не могли остановить рѣшительную дѣ-

вушку: она обвѣнчалась тайно отъ родителей въ сельской церкви съ членомъ Самарскаго кружка В. А. Осиповымъ. Бракъ былъ, само собою разумѣется, фиктивный и, какъ это нерѣдко случалось въ 70-хъ годахъ [1]), обратился въ настоящій уже значительно позднѣе (по освобожденіи Осипова изъ тюрьмы послѣ суда). Вскорѣ послѣ вѣнца Лукашевичъ-Осипова уѣхала на пропаганду въ народѣ въ Вятскую губернію, гдѣ и была арестована въ концѣ августа 1874 года и отправлена сначала въ Самарскую тюрьму, а потомъ была переведена въ Москву. Нѣжная ея натура не могла долго выдержать режима одиночнаго заключенія, и она помѣшалась. Послѣ долгихъ хлопотъ отцу удалось добиться ея освобожденія. Около года она продолжала въ домѣ родителей страдать буйнымъ помѣшательствомъ, но потомъ оправилась. Ко времени процесса 193-хъ здоровье ея еще не возстановилось вполнѣ, и потому она была избавлена отъ суда и была отдана подъ надзоръ полиціи.

Болѣзнь не прошла безслѣдно для нея. Она не вынесла мертвящей тишины 80-хъ годовъ, съ которой, повидимому, не могла примириться ея активная натура. Она стала испытывать тяжелое состояніе, которое она выражала такъ: «я чувствую себя неподвижной муміей». Въ то же время она начала ощущать безполезность своего существованія и 20 апрѣля 1887 уморила себя и двухъ своихъ дѣтей угаромъ. Изъ отрывковъ ея писемъ, приводимыхъ ниже, можно видѣть ужасное ея состояніе передъ трагедіей и во время ожиданія близкой смерти.

«Совершая,—пишетъ она,—это страшное, неслыханное преступленіе, я должна представить свои объясненія, доказать, что мнѣ не оставалось другого выхода. Я мать несчастная, которая ничего лучшаго не можетъ сдѣлать своимъ дорогимъ бѣднымъ дѣткамъ. Я не могу ихъ, несчастныхъ, оставить мучиться съ клеймомъ сумасшествія, а задатки этого недуга, они, бѣдныя мои птички, получили во время моей болѣзни. Милыя дѣтки! Они привыкли просыпаться со словами «мама». И каждый день они видѣли эту маму, которая ихъ одѣвала, укрывала. Они были увѣрены, что мама будетъ голодать, чтобы имъ было что поѣсть, бросится сама въ огонь, лишь бы спасти ихъ, замерзнетъ сама, лишь-бы было имъ тепло. И вдругъ эта мама сидитъ какъ истуканъ, которому все ни почемъ, который,—они видятъ,—глухъ къ ихъ просьбамъ, не замѣчаетъ ихъ слезъ . . . Клянусь всѣмъ, что у меня нѣтъ физической возможности дѣлать что-быто ни-было, что у меня руки не поднимаются, силы воли нѣтъ, что я истуканомъ стала. Да, я ничего не могу имъ сдѣлать, кромѣ успокоенія. . . . Вы видите, что я ѣмъ, пью, сплю, говорю, читаю, совершаю разныя произвольныя движенія . . . Вѣдь и обезглавленное животное можетъ совершать произвольныя движенія. . . . Дѣти умрутъ со мной. Ужасъ. Но я не могу иначе поступить . . . Моя смерть отразится на нихъ ужасно. Они съ ума сойдутъ и будутъ жить гдѣ нибудь въ домѣ умалишенныхъ долгіе, долгіе годы, ибо не найдется благодѣтельной руки, которая бы ихъ избавила отъ существо-

[1]) См. между прочимъ разсказъ С. С. Синегуба въ „Быломъ“.

ванія . . . Я пользуюсь теперь тѣмъ, что меня считаютъ выздоравливающей, чтобы исполнить свой долгъ къ дѣтямъ и покончить съ собой . . . Но какъ свершу я задуманное, когда, какъ нарочно, во мнѣ разлито какое-то безразличное спокойствіе, тупость мысли! О Боже! дай мнѣ силы! какъ это будетъ, когда, какимъ образомъ,— не знаю; но это неизбѣжно, это должно быть, въ этомъ одномъ наше спасеніе . . . Наконецъ то, кажется, сегодня будетъ все покончено. Цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ я живу съ мыслью, что ни мнѣ, ни дѣтямъ нѣтъ мѣста на бѣломъ свѣтѣ! . . Такъ преступно, подло кончить жизнь не многимъ выпадетъ на долю. А я думала, что проживу и умру лучше другихъ, не безполезно для общества.

«Прощайте всѣ мои бывшіе друзья по мысли . . . У всякаго несчастнаго человѣка, значитъ, еще есть прибѣжище—смерть. Какъ хорошо! Какъ я спокойна. Точно я не умираю, а готовлюсь куда нибудь съ дѣтьми на прогулку, точно удовольствіе имъ большое собираюсь доставить. Зажгла, заклеила дверь съ спокойнымъ, радостнымъ чувствомъ. Дѣти со мной, я забочусь объ нихъ. Никто не отниметъ ихъ у меня. Боже! Какъ я счастлива. Мама, я счастлива. Я никогда не была еще такъ счастлива! О! не возвращайте насъ къ жизни, если возможно будетъ. Я счастлива. Дѣти что-то пріятное грезятъ. Милыя, вы со мной и счастливы.

«Прощайте . . . Простите. Не сокрушайтесь, я счастлива . . Мнѣ хорошо. Совѣсть спокойна».

Миръ праху твоему чистая душа и великая страдалица!

Старикъ.

Воспоминанія народовольца.

(1882—1885 г.г.)

Экспериментальная психологія занялась въ послѣдніе годы, въ числѣ другихъ интересныхъ предметовъ, изслѣдованіемъ вопроса о *достовѣрности свидѣтельскихъ показаній*. Опытъ ведется слѣдующимъ образомъ: извѣстному числу лицъ читается разсказъ о какомъ-нибудь простомъ случаѣ или показывается какой нибудь предметъ и предлагается воспроизвести разсказъ или описать видѣнный предметъ. И тутъ обнаруживается, что передать *вполнѣ вѣрно* слышанное или видѣнное не удается никому. Если въ прочитанномъ разсказѣ или показанномъ предметѣ сосчитать характерные признаки, то въ лучшемъ случаѣ изъ нихъ только около 80% будутъ переданы объективно вѣрно. Остальные 20% или пропадаютъ, или извращаются или же наконецъ замѣняются вымысломъ.

Невольно приходитъ въ голову такая мысль: если человѣкъ не можетъ передать вѣрно самый простой фактъ, въ которомъ онъ къ тому же лично не заинтересованъ, то что можетъ заключаться объективно вѣрнаго во всякаго рода «воспоминаніяхъ», которыя пишутся о «дѣлахъ давно минувшихъ дней», пишутся не безпристрастнымъ свидѣтелемъ, а лицомъ иногда очень и очень заинтересованнымъ въ этихъ самыхъ «дѣлахъ»?

Вотъ почему, рѣшившись разсказать о событіяхъ, въ которыхъ я принималъ непосредственное участіе, или которыя прошли у меня на глазахъ, я съ смиреніемъ заявляю, что ручаюсь за искренность, но не за объективную вѣрность своего разсказа. Говорю это, конечно, не для историка, который будетъ пользоваться моими «воспоминаніями», какъ матеріаломъ, и который отлично знаетъ, какъ съ такимъ матеріаломъ слѣдуетъ обращаться, а для простого читателя. Убѣдительно прошу его не упускать изъ виду, что уголъ зрѣнія, подъ которымъ я разсматриваю описываемыя событія, подлежитъ исправленію, вѣроятно, значительно больше, чѣмъ на 20%.

I.

Кіевскіе революціонеры въ началѣ 1882 г.

Въ концѣ декабря 1881 г. я вернулся изъ ссылки и послѣ свиданія съ родными въ м. Борисполѣ, Полтавской губерніи, Переяславскаго уѣзда, въ началѣ января 1882 г. поѣхалъ въ Кіевъ, куда влекло меня желаніе принять немедленно активное участіе въ революціонныхъ дѣлахъ. Находясь въ ссылкѣ съ марта 1878 г., я имѣлъ достаточно времени, чтобы опредѣлить свое отношеніе къ существовавшимъ тогда партіямъ, и безъ колебанія принялъ программу партіи Народной Воли, хотя въ вопросѣ о цѣлесообразности систематическаго террора не чувствовалъ особенно твердой почвы подъ ногами. Утверждаю, что это не ретроспективная аберрація, потому—что тогда уже у меня сложилось вполнѣ опредѣленное рѣшеніе отдаться исключительно дѣлу организаціи и пропаганды,—дѣлу, которое, на мой взглядъ, одно только могло дать прочные результаты. И во всей своей послѣдующей дѣятельности я сознательно и неуклонно проводилъ этотъ свой взглядъ.

Черезъ сестру свою, которая жила въ Кіевѣ и была знакома съ однимъ изъ главныхъ кіевскихъ революціонныхъ дѣятелей, нелегальнымъ Левинскимъ, [1]) я зналъ, что послѣдній ждалъ моего пріѣзда и даже не задолго до этого времени намѣренъ былъ устроить мнѣ побѣгъ изъ ссылки. Уже въ день своего пріѣзда я имѣлъ свиданіе съ Левинскимъ и узналъ отъ него о положеніи революціонныхъ дѣлъ въ Кіевѣ. То, что я узналъ, крайне смутило меня. Оказалось, что въ Кіевѣ существовали тогда двѣ народовольческія группы; во главѣ одной изъ нихъ стоялъ Г—скій, какъ агентъ Исполнительнаго Комитета, и группа эта считалась оффиціально признанной организаціей; во главѣ другой стоялъ Левинскій, которому «генеральство» Г—скаго было не по душѣ и который въ свою очередь стремился войти въ сношеніе съ Исполнительнымъ Комитетомъ и добиться оффиціальнаго признанія.

Несмотря на мой, для революціонера, почтенный возрастъ—мнѣ было 25 лѣтъ—жизнь для меня въ ту пору была еще въ значительной мѣрѣ абстракціей, и на революціонное дѣло я смотрѣлъ, какъ на нѣчто въ родѣ священной миссіи, для которой люди съ радостью отказываются отъ всякихъ личныхъ чувствъ, стремленій и притязаній. А тутъ, вдругъ, на первомъ же шагу къ дѣлу, пришлось столкнуться съ дрязгами, которыхъ при нѣкоторой охотѣ можно было, какъ мнѣ казалось, легко избѣжать. Не помню уже въ точ-

---

[1]) Исаакъ Левинскій за годъ до своего ареста былъ взятъ въ Житомірѣ въ солдаты; какъ политически неблагонадежнаго, его стали особенно преслѣдовать въ казармѣ, поэтому онъ скрылся и перешелъ въ нелегальное положеніе. Послѣ ареста обвинялся онъ въ участіи въ приготовленіяхъ къ террористическимъ актамъ, между прочимъ въ дѣлѣ убійства Стрѣльникова. Въ тюрьмѣ Левинскаго держали въ ужасныхъ условіяхъ, здоровье его не выдержало и онъ уже во время суда проявлялъ признаки умственнаго разстройства. По суду онъ былъ приговоренъ къ 15 годамъ каторги, но въ каторгу сосланъ не былъ, а его перевели прямо въ Казанскую психіатрическую больницу, гдѣ онъ вскорѣ и умеръ. *Ред.*

ности подробностей раздора. Были какія то сплетни, отбиваніе связей и т. д. Тогда мнѣ казалось, что болѣе правымъ былъ Левинскій. Но, можетъ быть, я невольно былъ подкупленъ удивительной симпатичностью Левинскаго и его хорошимъ отношеніемъ ко мнѣ. Къ тому же altera pars не была выслушана мною, потому что вскорѣ послѣ моего пріѣзда Г—скій былъ арестованъ, и мнѣ не удалось съ нимъ познакомиться.

Левинскій предложилъ мнѣ вступить въ его группу, членами которой, кромѣ него, были Ангелъ Богдановичъ, Яновскій и еще одна очень нервная дѣвица, нѣкая Марья Николаевна. Оффиціально вступить въ группу я отказался, но просилъ дать мнѣ возможность работать. Къ группѣ Левинскаго примыкали нѣсколько кружковъ молодежи, отдѣльные члены которыхъ вели пропаганду среди рабочихъ. Были у него связи и съ военными (онъ самъ былъ прежде военный) и кромѣ того онъ готовился поставить типографію, для которой у него уже былъ припасенъ шрифтъ. Я понемногу сталъ сближаться и заниматься съ молодежью и съ рабочими, при чемъ дѣло исключительно сводилось на разговоры. Сколько ихъ было! Я думаю, что во всю свою предшествовавшую жизнь я столько не говорилъ, какъ за эти два-три мѣсяца моего дебюта въ революціонномъ дѣлѣ.

Съ членами обезглавленной оффиціальной группы я сношеній не имѣлъ. Нѣсколько разъ я впрочемъ случайно встрѣчался съ однимъ изъ членовъ ея Росси (впослѣдствіи былъ взятъ на похоронахъ Судейкина сыщиками, которые видали его съ Дегаевымъ, и, кажется, погибъ въ Петропавловской крѣпости). Онъ мнѣ очень понравился, но мои разговоры о необходимости объединенія онъ встрѣтилъ въ то время довольно холодно. Однако впослѣдствіи черезъ него же и состоялось соглашеніе обѣихъ группъ или, правильнѣе сказать, того, что отъ нихъ осталось.

Такъ шло время, когда въ одно непрекрасное апрѣльское утро я узналъ, что Левинскій и Богдановичъ арестованы вмѣстѣ на улицѣ, и что въ ихъ квартирѣ взятъ типографскій шрифтъ. Кромѣ Левинскаго и Богдановича были еще арестованы нѣсколько другихъ лицъ. Въ полномъ огорченіи я рѣшился привести въ извѣстность все, что уцѣлѣло отъ группы Левинскаго, главнымъ образомъ, чтобы не дать утеряться пріобрѣтеннымъ связямъ. Скоро я узналъ, что Марія Николаевна не арестована, но какъ оказалось впослѣдствіи, помощи отъ нея было мало. Отъ знакомой молодежи узналъ, что кто то усердно разыскиваетъ „Кащея-Безсмертнаго“ (это была моя кличка) по очень нужному дѣлу. Оказалось, что наканунѣ ареста, предчувствуя недоброе, Левинскій и Богдановичъ перенесли шрифтъ на квартиру одного студента съ указаніемъ обратиться въ случаѣ чего къ «Кащею Безсмертному». Въ квартирѣ же ихъ были взяты изъ шрифта только 81 точка, которыя нечаянно завалились въ щель сундука и которыя впослѣдствіи послужили Богдановичу темой для остроумной защитительной рѣчи на военномъ судѣ. Въ ней онъ показалъ судьямъ, какое фантасмогорическое несоотвѣтстіе существуетъ между извѣстной 249 ст., подъ которую его подводилъ прокуроръ, и 81 точкой. И судъ вынесъ Богдановичу оправдательный приговоръ.

При помощи знакомой молодежи мнѣ удалось спрятать шрифтъ въ надежное мѣсто и понемногу стянуть оставшіяся связи. Послѣ ареста Левинскаго исчезъ послѣдній поводъ къ раздѣленію революціонныхъ силъ, и вскорѣ Росси вызвалъ меня на свиданіе и въ свою очередь заговорилъ о необходимости объединиться. Я съ своей стороны могъ выразить только самую искреннюю готовность, за то со стороны Маріи Николаевны, которая осталась единственной законной представительницей группы Левинскаго (Яновскій не задолго передъ тѣмъ перешелъ въ нелегальность и уѣхалъ въ Харьковъ), была встрѣчена самая упорная, чисто женская оппозиція. Кромѣ вѣрности памяти кружка Левинскаго, главной подкладкой ея оппозиціи было желаніе стать *по праву* членомъ будущей организаціи. Но ни по своимъ способностямъ, ни по характеру она не могла претендовать на сколько нибудь отвѣтственное положеніе въ партіи, и я первый былъ противъ принятія Маріи Николаевны въ члены организаціи. Посовѣтовавшись съ молодежью, которая примыкала къ группѣ Левинскаго и которая единогласно высказалась за объединеніе, я вынужденъ былъ заявить М. Н., что съ ея оппозиціей считаться не будутъ. Въ сильномъ раздраженіи она объявила, что отрясаетъ прахъ отъ ногъ своихъ и уѣхала изъ Кіева. Съ тѣхъ поръ я о ней больше ничего не слыхалъ.

Послѣ ареста Грачевскаго, Корбы и др. въ іюнѣ сношенія съ центромъ были прерваны. Это обстоятельство, такъ же какъ и то, что и многіе изъ кіевскихъ революціонеровъ по тѣмъ или другимъ причинамъ выѣхали на лѣто изъ города, задержало основаніе центральной организаціи. Но уже съ іюня 1882 г. практически началась совмѣстная работа остатковъ бывшихъ во враждѣ группъ. Такъ Росси просилъ меня убрать въ надежное мѣсто шрифтъ, который былъ у него, и который вмѣстѣ со шрифтомъ Левинскаго послужилъ намъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ къ постановкѣ типографіи. Къ этому же времени относится мое знакомство со Спандони, который тогда только что вернулся изъ ссылки и считался всѣми за очень способнаго революціонера. Дѣйствительно, у него было много выдержки, конспиративности и умѣнья отлично опредѣлять людей.

Въ іюлѣ пріѣхала въ Кіевъ Софья Никитина, чистое, героическое существо, память котораго я чту до сихъ поръ [1]). Дочь петербургскаго генерала, она очень молодой дѣвушкой везла транспортъ литературы на югъ и на станціи Бѣльскъ, Курской губ., встрѣтила поѣздъ, въ которомъ везли осужденныхъ на каторгу политическихъ. Она не могла удержаться, чтобы не послать имъ послѣдняго привѣта. Ее, конечно, немедленно арестовали, нашли при ней транспортъ и посадили въ Бѣльскую тюрьму, гдѣ продержали нѣсколько мѣсяцевъ. Трудно вообразить себѣ, сколько эта выросшая въ барской обстановкѣ дѣвушка вынесла, будучи неожиданно брошена въ ужасную обстановку провинціальной тюрьмы. Она мнѣ разсказывала, что тщательно прятала въ своей постели полѣно, которое она похитила у истопника и которымъ думала воспользоваться, какъ оружіемъ защиты въ случаѣ нападенія на нее сторожей. Благодаря хлопотамъ ея

[1]) О Никитиной писалъ Кеннанъ въ своей книгѣ „Сибирь и ссылка“.

отца, Лорисъ-Меликовъ—это было въ эпоху «диктатуры сердца»—согласился отпустить Софью подъ надзоръ отца, и ее привезли въ Петербургъ и сдали въ семью. Но она долго не выдержала и опять ушла въ «станъ погибающихъ» на этотъ разъ безвозвратно. Въ Кіевѣ она пробыла до конца февраля 1883 г. и была однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ нашей организаціи. Арестованная съ Каморницкимъ въ Москвѣ въ февралѣ 83 г., она была перевезена въ Д. Пр. Закл., откуда, насколько мнѣ извѣстно, первая дала знать на волю о предательствѣ Дегаева. Приговоренная къ административной ссылкѣ, Софья Никитина умерла по дорогѣ въ Сибирь.

Приблизительно въ одно время съ Никитиной пріѣхалъ въ Кіевъ З—нъ, скрывшійся изъ Риги, гдѣ, кажется, онъ былъ студентомъ политехническаго института. Это былъ тихій, серьезный человѣкъ, отлично знакомый съ революціонной практикой. Очень образованный, онъ не любилъ выставлять свои знанія на показъ и говорилъ только тогда, когда это было нужно. Люди этого типа являются въ организаціи тѣмъ цементомъ, который связываетъ элементы ея въ одно крѣпкое цѣлое. Безъ нихъ никакое общее дѣло невозможно. Впослѣдствіи на З—на были нареканія: послѣ открытія Дегаевскаго предательства онъ ѣздилъ въ Парижъ, но тамъ не сошелся съ попавшими за границу народовольцами, отказался передать имъ связи; затѣмъ, вернувшись въ Кіевъ, вскорѣ отстранился отъ дѣлъ и уѣхалъ съ женой на Кавказъ, гдѣ былъ арестованъ и высланъ въ Сибирь; но, несмотря на эти нареканія, я не могу не признать, что онъ былъ душой и истиннымъ руководителемъ организаціи, хотя до своего отъѣзда въ Одессу въ октябрѣ 1882 г. не онъ, а Спандони считался агентомъ центра.

II.

Кіевская организація партіи «Народной Воли».

Въ августѣ стала съѣзжаться въ Кіевъ революціонная молодежь, сношенія съ центромъ были возстановлены черезъ посредство Вѣры Фигнеръ, которая была проѣздомъ въ Кіевѣ (я ея не видалъ этотъ разъ), и мы рѣшили создать сплоченную организацію и приняться за планомѣрную работу. И вотъ въ концѣ августа мы собрались и послѣ недолгихъ разговоровъ—говорено было достаточно раньше—признали себя «Кіевской Организаціей Партіи Народной Воли». З—нъ прочелъ писанный уставъ, всѣ статьи котораго были выслушаны съ должнымъ вниманіемъ. Въ уставѣ этомъ опредѣлялось съ одной стороны отношеніе мѣстной организаціи къ партіи и ея центральному органу—Исполнительному Комитету; съ другой стороны, внутреннее устройство организаціи. Всѣхъ статей устава не помню. Помню, что такъ называемыя обязательныя отношенія къ центру сводились къ слѣдующему:

1) Исполнительный Комитетъ сносился съ мѣстной организаціей при посредствѣ агента, который назначался или отъ мѣстныхъ революціонеровъ, или же присылался изъ другого мѣста. Права этого агента ничѣмъ не отличались отъ правъ другихъ членовъ организа-

ціи и въ дѣлахъ голосъ его рѣшающаго значенія не имѣлъ. Все вліяніе его держалось главнымъ образомъ его личными достоинствами, хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ его оффиціальный престижъ, какъ агента, могъ играть извѣстную роль особенно среди молодыхъ.

2) Мѣстная организація должна была помогать по мѣрѣ возможности Комитету денежными средствами и признавала за послѣднимъ право вызывать отдѣльныхъ членовъ и перемѣщать ихъ въ другія организаціи.

3) Мѣстная организація не должна была предпринимать крупныхъ террористическихъ предпріятій безъ вѣдома и согласія Комитета, и не печатать отъ имени народовольческой организаціи ничего такого, что стоитъ въ противорѣчіи съ общей програмой партіи.

Таковы были обязательныя отношенія мѣстной организаціи къ партіи. Во всемъ остальномъ мѣстная группа была вполнѣ автономна. Всѣ члены мѣстной организаціи признавались полноправными членами партіи, т. е. при переѣздѣ въ другой городъ, гдѣ имѣлась мѣстная организація, становились членами ея.

Внутреннее устройство нашей организаціи было таково: Организація состояла изъ Центральной Группы и четырехъ подгруппъ. Членами центральной группы были: Спандони, З—нъ (извѣстный подъ именемъ Бернара), Росси, Никитина, К—цкій, супруги К—кіе и я. Всѣ члены группы были для революціонеровъ людьми сравнительно немолодыми (средній возрастъ достигаетъ 25 лѣтъ) и вполнѣ сложившимися. Въ самой группѣ мы установили нѣкоторое раздѣленіе труда. Такъ, Никитина и Росси должны были вести сношенія съ «обществомъ» и военными, среди которыхъ у насъ были довольно серьезныя связи. З—нъ взялъ на себя постановку типографіи. К—цкій и я вели посредственно и непосредственно дѣло среди рабочихъ. Супруги К—іе оперировали среди студентовъ. Но провести абсолютное раздѣленіе труда было, конечно, невозможно. Такъ мнѣ пришлось заниматься съ нѣкоторыми студенческими кружками, между прочимъ съ кружкомъ Петра Дашкевича въ духовной академіи, велъ я также сношенія съ организованными группами народныхъ учителей въ Переяславльскомъ и Гадячскомъ уѣздахъ Полтавской губ., а также губерніи Подольской. На этихъ сношеніяхъ даже чуть было не покончилась преждевременно моя революціонная карьера. Въ общемъ однако дѣло пошло довольно стройно по намѣченному плану.

Въ непосредственной связи съ центральной группой стояли организованныя, вполнѣ независимыя другъ отъ друга подгруппы. Навербованы онѣ были изъ лучшихъ элементовъ молодежи, и числомъ ихъ было четыре. Одна изъ нихъ была «техническая», которая подъ руководствомъ З—на занялась исключительно постановкой типографіи.

Наиболѣе выдающимися членами этой подгруппы были студенты Л—о и К—къ, которые несомнѣнно сыграли бы видную роль въ революціи, еслибы средняя продолжительность дѣятельности революціонера была хоть немного выше. Вторая и третья подгруппа занималась спеціально съ рабочими. Руководили ими К—цкій и я. Самое лучшее воспоминаніе я сохранилъ о студентѣ З—дѣ, членѣ одной изъ подгруппъ и бывшемъ членѣ кружка Левинскаго. Обращалъ еще на

себя вниманіе своей энергіей, преданностью дѣлу и даже отвагой другой членъ рабочей подгруппы Елько, который однако впослѣдствіи сыгралъ въ дѣлѣ Лопатина печальную и позорную роль злостнаго предателя. Четвертая подгруппа занималась исключительно студенческими дѣлами и велась супругами К—ми. Въ числѣ статей устава нашей организаціи значилось, что дѣла должны были рѣшаться по большинству голосовъ, а новые члены центральной группы избираться единогласно. До баллотировки впрочемъ ни разу ни доходило. Присягать на кинжалахъ въ вѣрности уставу мы не присягали, но выслушали, хотя безъ надлежащаго трепета, статью устава, по которой члену, выдавшему тайны организаціи, полагалась смертная казнь. Отпраздновавъ скромнымъ чаепитіемъ основаніе нашей группы, мы разошлись по домамъ и на другой день принялись за дѣло.

Въ концѣ октября З—нъ объявилъ намъ, что типографія готова, и мы рѣшили выпустить прокламацію къ «Обществу». Составить прокламацію предложили мнѣ, и съ нѣкоторыми измѣненіями редакція моя была принята на собраніи центральной группы. Боюсь, что по содержанію своему прокламація моя носила довольно таки шаблонный характеръ. Но извѣстно, что въ тѣ времена въ этого рода литературныхъ произведеніяхъ важно было не содержаніе, важенъ былъ самый фактъ появленія ихъ на свѣтъ, причемъ по степени типографскаго совершенства судилось о силѣ организаціи. А нашъ Бернаръ былъ мастеръ своего дѣла и человѣкъ съ самолюбіемъ, который не пренебрегалъ никакими мелочами, такъ что прокламація, на которой въ подобающемъ мѣстѣ красовалась печать «Кіевской Организаціи Партіи Народной Воли», произвела переполохъ неописуемый. Для жандармовъ, которые хвастались, что въ Кіевѣ все благополучно, она была самымъ неожиданнымъ сюрпризомъ. Они заметались, какъ шальные, но никакого конца не могли найти.

Вслѣдъ затѣмъ вышли одна за другой прокламаціи: «Къ рабочимъ», «Къ учащейся молодежи» и «Къ Украинскому народу». Послѣдняя была написана мною на малорусскомъ нарѣчіи, которое я хорошо знаю, и такъ понравилась украйнофиламъ, центръ которыхъ былъ въ Кіевѣ, что они даже взялись распространять ее въ народѣ, несмотря на ея соціалистическое содержаніе. Особенно пришлась моя прокламація по вкусу народнымъ учителямъ, которые по ихъ словамъ нашли въ ней отличное орудіе для пропаганды. Работа въ подгруппахъ шла прекрасно по всей линіи. Въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, гдѣ у насъ среди рабочихъ было нѣсколько кружковъ, прокламація «къ рабочимъ» произвела отличное дѣйствіе. Ее читали нарасхватъ. Намъ разсказывали, что, когда передъ наклеенной на воротахъ мастерской прокламаціей столпились раннимъ утромъ рабочіе, полицейскій говорилъ имъ:

— Читайте скорѣй,—приказано срывать!

Въ числѣ другихъ рабочихъ у меня былъ довольно оригинальный кружокъ, состоявшій изъ хозяина слесарной мастерской, обрусѣвшаго финна, и его пяти рабочихъ. Много часовъ провелъ я съ ними въ задушевныхъ бесѣдахъ. Они, повидимому, цѣнили мою простоту и отсутствіе всякаго желанія подлаживаться къ нимъ. Съ дру-

гими рабочими у меня тоже сложились простыя, хорошія отношенія, и водился съ ними я очень часто. Впослѣдствіи, по оговору одного рабочаго, который видѣлъ меня всего одинъ разъ и который, будучи арестованъ, съ большой готовностью сталъ выдавать, жандармы шибко разыскивали нѣкоего Юрія Ивановича, личность котораго такъ и не была установлена. Чтобы закончить съ рабочими, сообщу еще одинъ фактъ, который показываетъ, что уже въ тѣ далекія времена выдавались среди рабочихъ такія личности, которыя тщательно и бережно выращивали заброшенное въ нихъ революціонерами сѣмя соціализма. Какъ-то разъ одинъ изъ моихъ рабочихъ разсказываетъ мнѣ, что старый товарищъ его пріѣхалъ изъ Бахмача, гдѣ расположены громадныя желѣзнодорожныя мастерскія Курско-Кіевской ж. д., и очень хотѣлъ бы повидаться со мною. Я охотно согласился и на другой день встрѣтился съ смуглымъ, крѣпкимъ рабочимъ лѣтъ 30, который былъ представленъ мнѣ подъ его настоящей фамиліей, которую я теперь забылъ, «а по прозвищу Ахметка»,—какъ говорилъ мой знакомый, «потому какъ онъ очень похожъ на турка». Ахметка этотъ въ 80 году былъ въ сношеніяхъ съ кружкомъ Долера и твердо усвоилъ себѣ основныя положенія соціализма. Будучи заброшенъ въ Бахмачъ и потерявъ всякую связь съ революціонерами, онъ сталъ вести среди рабочихъ пропаганду на собственный страхъ и подобралъ два-три кружка. Мучило его главнымъ образомъ то, что онъ долженъ былъ все извлекать изъ глубины собственнаго духа, потому что литературы у него не было и слѣда. Тѣмъ не менѣе, онъ бодрости не терялъ и втеченіе двухъ съ лишнимъ лѣтъ велъ самостоятельное дѣло, какъ могъ. За то надо было видѣть, какъ онъ былъ обрадованъ свиданіемъ съ настоящимъ революціонеромъ и пачкой литературы, которую я ему преподнесъ. На будущее время онъ долженъ былъ сноситься съ Кіевомъ при посредствѣ своего товарища. Пробывши въ Кіевѣ три дня, втеченіе которыхъ я видѣлся съ нимъ два раза, Ахметка, обновленный духомъ, уѣхалъ въ Бахмачъ. На прощанье мы съ нимъ дружески расцѣловались.

III.

Побѣги Вас. Иванова и Влад. Бычкова изъ Кіевской тюрьмы.

Кромѣ выпуска прокламацій громадную сенсацію въ обществѣ и таковой же переполохъ въ администраціи произвелъ побѣгъ изъ тюрьмы Владиміра Бычкова, который сидѣлъ по обвиненію въ принадлежности къ тайному обществу, и которому грозила каторга. Побѣгъ этотъ, которому предшествовалъ въ августѣ 1882 г. побѣгъ изъ той же тюрьмы Василія Иванова, привелъ окончательно въ замѣшательство всѣ власти. Побѣгъ Иванова они объясняли тѣмъ, что будучи сыномъ богатаго домовладѣльца, Ивановъ подкупилъ сторожей, которые благополучно выпустили его. Дѣйствительно, уголовные, у которыхъ на нихъ былъ зубъ, показали, что видѣли, какъ сторожа выводили Иванова. Троихъ тюремщиковъ судили за это дѣло воен-

нымъ судомъ и приговорили къ каторжнымъ работамъ на срокъ отъ 8—15 лѣтъ. А между тѣмъ они были абсолютно непричастны къ побѣгу Иванова. Побѣгъ былъ устроенъ при помощи революціонеровъ подпоручикомъ Тихоновичемъ, который принадлежалъ къ военному кружку и который зналъ Иванова еще до его ареста. Послѣ ареста Левинскаго съ Тихоновичемъ меня познакомили студенты и насколько припоминаю, иниціатива побѣга исходила отъ Тихоновича. Дѣло сдѣлалось просто.

Въ день своего караула въ тюрьмѣ Тихоновичъ подсыпалъ опія въ пищу солдатъ, и угостилъ папиросами и водкой, содержавшей опій, дежурнаго тюремщика, и, въ надлежащій моментъ, взялъ ключи, вывелъ Иванова, опять заперъ камеру и повѣсилъ ключи на мѣсто. Первоначально предполагалось Иванову разобрать стѣнку печи въ камерѣ и пролѣзть черезъ топку въ корридоръ. Но отверстіе оказалось тѣснымъ, и Тихоновичъ долженъ былъ открыть камеру [1]). У воротъ тюрьмы Иванова ждали и отвезли въ надежное мѣсто. Черезъ два дня я видѣлъ Иванова и вынесъ очень пріятное впечатлѣніе изъ разговора съ нимъ. Это былъ человѣкъ крѣпкаго сложенія съ умнымъ и энергичнымъ лицомъ. Я забылъ сказать, что въ тюрьмѣ онъ сидѣлъ по обвиненію въ пропагандѣ среди рабочихъ. Черезъ короткое время Ивановъ, переодѣтый рабочимъ, съ котомкой за плечами, спустился къ пароходной пристани на Подолѣ и сѣлъ на пароходъ, отъѣзжавшій въ Кременчугъ. Входя на пароходъ онъ недостаточно быстро посторонился передъ какими-то хорошо одѣтыми господами, которые хотѣли опередить его. Жандармъ ткнулъ Иванова въ спину и крикнулъ:

— Чего лѣзешь, хамъ!

Ивановъ послѣ разсказывалъ, что комплиментъ жандарма доставилъ ему истинное удовольствіе. Изъ Кременчуга Ивановъ поѣхалъ въ Харьковъ и тамъ былъ арестованъ въ 1883 г. въ одно время съ Вѣрой Фигнеръ. Жандармскій полковникъ Новицкій, между прочимъ, допросилъ подпоручика Тихоновича, который явился на допросъ съ заряженнымъ револьверомъ въ карманѣ: онъ твердо былъ намѣренъ размозжить голову Новицкому, еслибы послѣдній отдалъ приказъ объ его арестѣ. Къ счастью Новицкаго его легендарный нюхъ направилъ разысканія въ сторону, гдѣ корней и нитей какъ разъ не было, и это спасло ему жизнь. Для Тихоновича однако волненія на этомъ не покончились. Когда тюремщиковъ за побѣгъ Иванова осудили на каторгу, онъ сталъ страшно мучиться мыслью, что за совершенное имъ дѣло страдаютъ невинные, и хотѣлъ отдаться въ руки Новицкаго, чтобы спасти послѣднихъ. Организаціи пришлось оказать на него все давленіе, на какое она была способна, чтобы отвратить его отъ этого намѣренія. Мѣсяцевъ черезъ семь Дегаевъ, который разузналъ всѣ подробности дѣла, выдалъ Тихоновича головой. Арестованный, онъ былъ приговоренъ къ смерти, помилованъ и умеръ въ Шлиссельбургѣ.

---

[1]) Это не точно: мы отъ самого В. Г. Иванова слышали, что онъ пролѣзъ черезъ отверстіе, а потомъ былъ выведенъ Тихоновичемъ. *Ред.*

Побѣгъ Бычкова, который состоялся въ началѣ декабря того же 1882 г., подготовлялся довольно долго и удался только благодаря смѣлости и присутствію духа самого Бычкова. Планъ состоялъ въ томъ, что Бычковъ, который былъ арестантскимъ старостой, долженъ былъ въ сумеркахъ, когда тюремщики почти всѣ заняты въ камерахъ перекличкой, пробраться черезъ чердакъ на крышу и, совершивъ какой-то отчаянный прыжокъ, попасть на наружную стѣну тюрьмы, и съ послѣдней спуститься по запасенной у него веревкѣ. Все вышло какъ по писанному съ той только разницей, что Бычковъ улучилъ моментъ за два дня до уговора, такъ что снаружи его никто не ждалъ. Но онъ не растерялся. Одѣтъ онъ былъ въ короткій бѣлый полушубокъ, который бросался бы въ глаза въ другое время, но въ декабрѣ, когда Кіевъ кишитъ рекрутами, былъ обычнымъ явленіемъ. Бычковъ смѣло пошелъ на квартиру одного знакомаго студента, который отвелъ его къ члену нашей группы К—ому, а тотъ, растерявшись, противъ всѣхъ правилъ конспираціи, привалилъ съ нимъ ко мнѣ. Я жилъ тогда въ № 8 на Тарасовской улицѣ въ маленькомъ флигелькѣ въ саду, въ которомъ я занималъ квартиру въ двѣ комнаты. Квартира была чиста, и у меня часто собирались товарищи, особенно Никитина, Росси и З—нъ, съ которыми я ближе сошелся, чѣмъ съ другими членами нашей организаціи. Мы вчетверомъ часто проводили вмѣстѣ вечера въ уютной, порядочно меблированной квартиркѣ, причемъ Никитина домовито распоряжалась чаемъ, а я по требованію З—на игралъ на скрипкѣ. Вечера эти были нашимъ отдыхомъ и нашей наградой за труды.

Возвращаюсь къ Бычкову. Такъ какъ было около 7 часовъ вечера и прислуживавшій мнѣ отъ хозяевъ отставной солдатъ Андрей—продувная бестія, который не былъ еще шпіономъ только потому, что не представилось подходящаго случая—долженъ былъ принести самоваръ, я попросилъ К—аго сейчасъ же уйти, а Бычкова уложилъ въ свою постель въ спальнѣ въ расчетѣ, что Андрей не зайдетъ туда. Какъ только Андрей принесъ самоваръ, пришла Никитина и принесла печеній и закусокъ, не предвидя, что они пойдутъ на угощеніе хорошему гостю. Она вся засвѣтилась радостью, когда узнала, что побѣгъ удался, и что Бычковъ тутъ рядомъ отдыхаетъ отъ треволненій дня. Мы спокойно напились чаю и, когда Андрей убралъ самоваръ, Никитина ушла, а я, надѣвъ полушубокъ Бычкова подъ пальто и давъ гостю свою шубу, — полушубокъ не долженъ былъ остаться у меня на квартирѣ, чтобы не попасть на глаза Андрею— отвезъ его къ такъ называемому «сиротѣ статскаго совѣтника» О. Этотъ О. былъ прекрасный человѣкъ и по убѣжденіямъ революціонеръ, но отличался слабымъ характеромъ и пилъ ужасно. Только поэтому онъ, который самымъ охотнымъ образомъ оказывалъ намъ всевозможныя, иногда очень опасныя услуги, не былъ поставленъ въ обязательныя отношенія къ нашей группѣ. Я оставилъ Бычкова у О., а самъ поѣхалъ въ духовную академію къ Дашкевичу, въ надеждѣ устроить у него Бычкова. Это удалось самымъ простымъ образомъ, и впослѣдствіи, вплоть до ареста Дашкевича въ 1884 г., духовная академія была сущимъ пріютомъ для нелегальныхъ революціонеровъ.

Надо было по возможности быстро отправить Бычкова изъ Кіева, минуя вокзалъ, гдѣ смотрѣли во сто глазъ. И это дѣло было оборудовано просто и безъ всякаго риска. Мы достали для О. енотовую шубу, для Бычкова гимназическое теплое пальто съ башлыкомъ и фуражкой и отправили ихъ на почтовыхъ въ Житоміръ. Такъ какъ начались рождественскіе праздники, гимназистовъ сновало по всѣмъ дорогамъ не мало, то это не могло возбудить никакихъ подозрѣній. Бычковъ же былъ достаточно молодъ, чтобы сойти за гимназиста. Изъ Житоміра О. съ племяничкомъ должны были ѣхать на лошадяхъ въ Бердичевъ, а оттуда въ Харьковъ. Къ характеристикѣ «сироты статскаго совѣтника» можетъ служить слѣдующій фактъ. Благополучно добравшись до Харькова, онъ долженъ былъ телеграфировать намъ по условленному адресу. Но проходитъ пять дней, недѣля, и телеграммы нѣтъ. Мы были увѣрены, что всѣ наши труды пропали даромъ. Но вотъ прохожу однимъ утромъ мимо желѣзнодорожнаго управленія, въ которомъ служилъ О., и встрѣчаюсь съ угрюмой и скучающей фигурой нашего сироты. Оказалось, что все сошло прекрасно. На мои же упреки за его молчаніе, онъ только и нашелся отвѣтить:—Ну не все ли равно? Я же зналъ, что мы не арестованы...

Въ декабрѣ 1882 г. до насъ дошла вѣсть объ арестѣ въ Одессѣ большой типографіи, въ которой долженъ былъ быть напечатанъ давно ожидаемый 10 номеръ «Народной Воли». Вмѣстѣ съ типографіей былъ арестованъ Спандони, который отъ насъ уѣхалъ еще въ октябрѣ и былъ поставленъ Вѣрой Фигнеръ для сношеній съ организованной ею типографіей. Хозяиномъ конспиративной квартиры, въ которой помѣщалась типографія, былъ зловѣщей памяти Дегаевъ. Вскорѣ мы узнали, что Дегаеву удалось бѣжать съ вокзала, бросивъ нюхательнаго табаку въ глаза жандармамъ, которые его сопровождали, и добраться благополучно до Харькова. Этотъ успѣхъ нѣсколько смягчилъ тяжелое впечатлѣніе, произведенное на всѣхъ взятіемъ типографіи, но онъ не могъ возмѣстить понесенную партіей потерю.

Такъ закончился первый годъ моей революціонной дѣятельности. Я былъ доволенъ ходомъ работы, былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ товарищами, троихъ изъ которыхъ, Никитину, Росси и З—на я крѣпко любилъ, и чувствовалъ нравственное удовлетвореніе. Новый годъ всѣ наши встрѣчали у меня на квартирѣ. Всѣ мы были веселы и бодры и не думали, что меньше чѣмъ черезъ годъ только одинъ изъ насъ останется въ рядахъ.

IV.

Непріятность съ жандармами и переходъ на нелегальное положеніе.

Въ концѣ января 1883 г. я ѣздилъ по дѣламъ организаціи въ Харьковъ для свиданія съ Вѣрой Фигнеръ. Въ чемъ состояли эти дѣла, я теперь не припомню. Важнаго во всякомъ случаѣ ничего не было. Помню только, что товарищи настаивали на моей поѣздкѣ. А Росси, полушутя, полусерьезно говорилъ, что надо же мнѣ представиться

«Матери-Командиршѣ» (какъ онъ называлъ Вѣру Фигнеръ), которая еще меня не видала.

Когда въ Харьковѣ, пройдя по всѣмъ явкамъ и давши требуемые пароли, я добрался до Фигнеръ, я увидѣлъ молодую женщину лѣтъ 28-ми, съ очень свѣжимъ цвѣтомъ лица, съ прекрасными черными глазами, въ которыхъ поражало выраженіе большой проницательности и вмѣстѣ съ тѣмъ какой то внутренней усталости. Разговоръ между нами завязался сразу безъ всякой натяжки. Вѣра Николаевна распрашивала про наши дѣла, я разсказывалъ. Ее повидимому очень заинтересовала наша организація, и она внимательно выслушивала то, что я говорилъ. Весь нашъ разговоръ касался исключительно вопроса организаціи и пропаганды; о террорѣ даже и рѣчь не заходила. На мой вопросъ В. Н. сказала мнѣ, что ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ серьезныхъ организацій нѣтъ. Затѣмъ она сказала, что поставлена новая типографія, которая выпуститъ вскорѣ 10-ый номеръ «Народной Воли», и выразила надежду, что выходъ номера оживитъ и укрѣпитъ духъ партіи. Посидѣвъ съ В. Н. около часу, я распрощался съ нею, унося съ собой на всю жизнь пріятное воспоминаніе объ этой энергичной и выдающейся личности.

Вернувшись въ Кіевъ, я засталъ все въ благополучномъ состояніи, и все пошло опять по заведенному порядку. Но наше благополучіе должно было скоро прекратиться. Разъ вечеромъ—дѣло было въ февралѣ—Росси и З—нъ пришли ко мнѣ, по обычаю, повидаться и засидѣлись часовъ до 11. Уходя З—нъ захватилъ съ собой для передачи въ складъ нѣсколько пачекъ прокламацій и другой литературы, которая мнѣ была доставлена дня два тому назадъ. И, такъ какъ З—нъ дѣлалъ все методически, то онъ и коммодъ мой очистилъ фундаментально отъ всякой нелегальщины.

По уходѣ товарищей я легъ спать, но не успѣлъ еще заснуть, какъ услышалъ необычный и сдержанный шумъ, и въ дверь мою постучались. Я крикнулъ:

— Кто тамъ?

— Это я,—отвѣтилъ мнѣ взволнованный голосъ прислуживавшаго мнѣ Андрея.

— Что вамъ нужно?—спросилъ я.

Молчаніе. Я догадался въ чемъ дѣло, сталъ быстро одѣваться и для контенанса сердито повторилъ:

— Да какого вамъ чорта надо?

— Да тутъ васъ спрашиваютъ,—отвѣтилъ наконецъ какимъ то козлинымъ голосомъ Андрей.

— Сейчасъ отворю.

— Пожалуйста, скорѣй!—послышался за дверью грубый голосъ.

— Ужъ позвольте мнѣ раньше одѣться,—былъ мой отвѣтъ. Зажегши свѣчу, я открылъ дверь, и въ комнату сразу нахлынули жандармы и полиція.

Жандармскій маіоръ обратился ко мнѣ:

— Вы г. Бахъ?

— Я.

— Мнѣ приказано произвести у васъ обыскъ и арестовать васъ.

Потрудитесь открыть эти ящики,—сказалъ жандармъ, указывая на письменный столъ.

Мнѣ захотѣлось позлить жандармскаго офицера, и показать ему, что я его не боюсь.

— Раньше, чѣмъ приступить къ обыску,—сказалъ я ему,—потрудитесь показать предписаніе на этотъ счетъ.

— Какого вамъ еще предписанія нужно?—не безъ раздраженія спросилъ маіоръ.

— Предписанія на счетъ обыска и ареста.

Онъ внимательно посмотрѣлъ на меня и иронически сказалъ:

— Такъ вамъ предписаніе нужно представить? Я вамъ напишу двадцать предписаній, если вамъ угодно, а пока что откройте столъ.

— Нѣтъ, ужъ вы сами занимайтесь этимъ дѣломъ, съ наружнымъ спокойствіемъ,—сказалъ я ему.

Маіоръ разозлился:

— Да что тутъ съ нимъ разсуждать,—грубо сказалъ онъ, обращаясь къ частному приставу. Прикажите-ка взломать ящики.

Частный приставъ, который успѣлъ уже сдѣлать наружный осмотръ комнаты, примѣтилъ связку ключей на этажеркѣ и отвѣтилъ:

— И взламывать не нужно; вотъ ключики. Начался обыскъ, который длился болѣе двухъ часовъ. Перерыли все, что могли перерыть, но абсолютно ничего недозволеннаго не нашли. Маіоръ почему-то не испыталъ никакого разочарованія отъ отрицательнаго результата обыска и при составленіи протокола даже нѣсколько повидимому смягчился.

А теперь, сказалъ онъ, вамъ придется пойти со мной въ старо-кіевскій участокъ, гдѣ васъ ждетъ полковникъ Новицкій. Въ дежурной комнатѣ участка я встрѣтилъ своего бывшаго товарища по гимназіи и по университету, лаборанта химической лабораторіи К., который, увидѣвъ меня, бросился ко мнѣ со словами:

— Да объясни ты имъ, пожалуйста, эту исторію съ адресомъ. Тутъ у меня изъ за тебя куча непріятностей.

— Прошу васъ не разговаривать,—сказалъ мнѣ маіоръ и ввелъ меня въ комнату, гдѣ сидѣлъ Новицкій.

Я сразу понялъ въ чемъ дѣло. Въ декабрѣ 1882 г. къ намъ пріѣзжали два делегата отъ группы народныхъ учителей Гадячскаго уѣзда, Полтавской губерніи, и для сношеній съ нами я далъ имъ адресъ К., конечно, съ согласія послѣдняго. Очевидно, учителя провалились, и у нихъ нашли адресъ К., а этотъ, не задумываясь, назвалъ меня. Строго посмотрѣвъ на меня втеченіе нѣсколькихъ секундъ черезъ очки, Новицкій началъ допросъ. Не прошло двухъ минутъ, какъ я уже зналъ, что Новицкій этому дѣлу особеннаго значенія не придаетъ и не подозрѣваетъ связи между гадячскими учителями и Кіевской организаціей. Я тогда спокойно объяснилъ ему, что адресомъ К. дѣйствительно пользовался, но для сношеній съ родными.

И въ самомъ дѣлѣ, уѣзжая изъ дому, я далъ своимъ адресъ К., такъ какъ не зналъ, гдѣ буду жить въ Кіевѣ. Что же касается того, какъ адресъ К. попалъ въ Гадячъ, то я заявилъ, что не могу на этотъ счетъ дать никакихъ объясненій. Позвали К. и онъ подтвер-

дилъ, что втеченіи 1882 г. получилъ для меня нѣсколько писемъ отъ моихъ родныхъ. Такъ какъ было уже 3 ч. утра, то насъ отпустили безъ дальнѣйшихъ формальностей.

Утромъ я далъ знать объ инцидентѣ товарищамъ по организаціи, и вечеромъ, принявъ всѣ требуемыя мѣры предосторожности, мы собрались на совѣтъ въ надежной квартирѣ. Одни изъ товарищей высказались за то, чтобы я немедленно перешелъ на нелегальное положеніе и уѣхалъ изъ Кіева. Другіе, къ которымъ и я присоединился, полагали, что нужно еще подождать, пока выяснится дѣло. Такъ и рѣшили, положивъ на меня строжайшій карантинъ, что для меня было самой печальной стороной моего положенія.

Прошло нѣсколько дней въ томительномъ для меня бездѣйствіи. Возвращаюсь разъ съ обѣда домой и вижу у воротъ своего дома двухъ полицейскихъ. Это мнѣ не понравилось. Въ квартирѣ своей засталъ въ креслѣ частнаго пристава, который былъ уже у меня во время обыска. При моемъ входѣ онъ всталъ и сказалъ:

— Извините, что расположился тутъ въ ваше отсутствіе. Сказано есть: твори волю пославшаго тя. Васъ ждетъ въ участкѣ полковникъ Новицкій.

— Ну что жъ, творите.

Оказалось, что частный приставъ немного совралъ: въ участкѣ Новицкій меня не ждалъ. Приставъ ввелъ меня въ комнату, гдѣ стоялъ столъ, два кресла и нѣсколько стульевъ, и сказавши «сейчасъ!», вышелъ и заперъ за собой дверь на ключъ.

Было около двухъ часовъ сумрачнаго мартовскаго дня. Я сталъ ходить изъ угла въ уголъ по комнатѣ въ ожиданіи Новицкаго.

Прошелъ часъ, другой, третій, четвертый, пятый... Я былъ въ отчаяніи и обвинялъ себя въ непростительномъ малодушіи за то, что не рѣшился послѣ перваго же инцидента перейти въ нелегальное положеніе. Когда стемнѣло, дверь открылась, и полицейскій принесъ лампу. На мои вопросы онъ отвѣтилъ гробовымъ молчаніемъ.

Въ 7 ч. вечера тотъ же полицейскій принесъ на подносѣ чай, хлѣбъ и кой какую закуску и черезъ четверть часа вернулся и безмолвно унесъ подносъ съ остатками. Такъ прошло время въ томительномъ ожиданіи до 10 часовъ вечера, когда въ сосѣдней комнатѣ раздались шаги и звонъ шпоръ. Дверь открылась и на порогѣ показался жандармскій офицеръ, но не Новицкій.

При входѣ его я всталъ и выжидательно посмотрѣлъ на него. Что то въ родѣ смущенія проскользнуло по его лицу; онъ слегка поклонился и сквозь зубы, какъ будто не зная, хорошо ли онъ это дѣлаетъ, проговорилъ:

— Капитанъ М.

Я отвѣтилъ на его поклонъ и назвалъ себя. Гдѣ то въ глубинѣ души у меня мелькнула надежда на избавленіе. Пригласивши меня сѣсть, онъ безъ замедленія началъ допросъ. Потянулся опять нескончаемый рядъ вопросовъ, которые уже ставилъ мнѣ Новицкій и на которые я ему отвѣтилъ. Теперь, конечно, мои отвѣты были, если возможно, еще болѣе безыскусственно просты, чѣмъ въ первый разъ,

и я съ тайнымъ удовольствіемъ видѣлъ, что они производятъ впечатлѣніе на М.

Выслушавши мои объясненія и записавши ихъ, М. сказалъ:

— Какъ же вы объясняете, что по словамъ К. только вы одни могли пользоваться его адресомъ для переписки съ Гадячемъ?

Не задумываясь ни на минуту, я отвѣтилъ:

— Какъ могу я объяснить вамъ то, чего самъ не понимаю?

Зачѣмъ-бы я пользовался адресомъ К., когда у меня давно уже есть постоянная квартира, адресъ которой извѣстенъ всѣмъ моимъ роднымъ и знакомымъ?

— Не думаете ли вы, что К. самъ состоитъ въ сношеніяхъ съ революціонерами и что, давши вамъ свой адресъ для переписки съ семьей, онъ теперь указалъ на васъ, чтобы самому вывернуться, въ твердой увѣренности, что вамъ въ концѣ концовъ ничего за это не будетъ?

Я запротестовалъ самымъ энергичнымъ образомъ.

— Позвольте вамъ сказать, капитанъ, что я знаю К. съ дѣтства. Мы вмѣстѣ учились въ гимназіи и въ университетѣ. Ручаюсь вамъ головой, что К. никогда не былъ и не будетъ революціонеромъ. Для меня нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ основѣ всей этой исторіи лежитъ какое нибудь недоразумѣніе, которое не замедлитъ выясниться.

Эта защита была съ моей стороны настоящимъ хотя не предумышленнымъ coup de maitre, который оказалъ рѣшающее дѣйствіе. Я сразу почувствовалъ, что дѣло мое выиграно, и что и на этотъ разъ мнѣ удастся вывернуться изъ волчьей пасти. Въ самомъ дѣлѣ, кому могла бы прійти въ голову мысль, что революціонеръ станетъ горячо защищать и выдавать аттестатъ въ благонадежности человѣку, который оговорилъ его передъ жандармами.

Съ этого момента допросъ превратился въ совершенно частный разговоръ, при чемъ говорилъ М., а я только давалъ ему реплики. По поводу своихъ неосновательныхъ подозрѣній на К. онъ сталъ вообще говорить объ уловкахъ, употребляемыхъ революціонерами, чтобы выйти сухими изъ воды,—изъ той самой мутной воды, въ которой они ловятъ рыбу. По его мнѣнію революціонеры—недоучки, ни къ чему неспособные неудачники, которые всю злость за житейскія неудачи вымещаютъ на правительствѣ, при чемъ подводятъ подъ бѣду массу невинныхъ лицъ, сами же наровятъ остаться въ сторонкѣ.

— Полюбуйтесь вотъ на это,—сказалъ онъ порывшись въ своемъ портфелѣ,—развѣ не копаются они, извините за выраженіе, въ грязи? и онъ протянулъ мнѣ... мою прокламацію «Къ Украинскому Народу!».

Сцена эта такъ запечатлѣлась въ моей памяти, что и теперь я помню всѣ мелочи, какъ будто-бы все это произошло вчера. Гдѣ то глубоко внутри меня прошло ощущеніе холода, и меня рѣзнула мысль, что жандармъ играетъ мною, какъ кошка мышью. Я внимательно посмотрѣлъ на него и—пожалъ плечами, столько же въ отвѣтъ на его слова, сколько на собственныя мысли.

Посвящалъ еще меня М. въ то, какъ революціонеры пишутъ симпатическими чернилами.

— Вы берете письмо,—ничего, письмо какъ письмо: содержаніе самое обыкновенное и неинтересное. А смажьте-ка его между строчками извѣстнымъ составомъ, и начинаютъ выступать буквы, а то и цифры. Говорилъ онъ еще долго о всякой всячинѣ,—словомъ размякъ человѣкъ. Я посмотрѣлъ на часы: было половина второго утра. М. сталъ собираться.

— Знаете, г. Бахъ—сказалъ онъ мнѣ,—я не вижу никакой надобности арестовать васъ.

Я расмѣялся.

— Вы, капитанъ, такъ ставите вопросъ, какъ будто я прошу васъ арестовать меня, вы же не видите надобности удовлетворить мою фантазію. Могу васъ увѣрить, что остатокъ ночи я съ большимъ удовольствіемъ проведу въ собственной своей постели, чѣмъ гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ.

— Быть по сему,—шутливо любезно сказалъ М., протягивая мнѣ руку.

Мы обмѣнялись рукопожатіемъ, и я ушелъ домой.

Искушать судьбу дальше у меня не было ни малѣйшало желанія: я рѣшилъ немедленно ликвидировать свои дѣла и уѣхать изъ Кіева. Во флигелькѣ, въ которомъ я жилъ, отдавались, кромѣ моей квартиры, еще двѣ комнаты: одну изъ нихъ занималъ какой-то разваливающійся отставной военный, другую студентъ. Объ этомъ студентѣ, моемъ ближайшемъ сосѣдѣ, я давно навелъ справки черезъ нашихъ и узналъ, что онъ безобидный украйнофилъ, не дуракъ выпить и въ своемъ добродушіи даже не прочь оказать услугу. Я съ нимъ умышленно не знакомился, чтобы избѣжать его сосѣдскихъ визитовъ, которые могли стать намъ поперекъ горла. Вернувшись домой, я постучалъ къ своему сосѣду и попросилъ его зайти ко мнѣ. Черезъ пять минутъ онъ былъ у меня. Я сказалъ ему о своемъ приключеніи и попросилъ его въ 8 ч. утра зайти къ одному студенту, адресъ котораго я ему далъ, и сказать ему, что я его жду въ читальнѣ университета въ 9 ч. утра. Студентъ былъ довольно безобидный парень, знакомый Л—о и К—ка. Я намѣренъ былъ черезъ этого студента вызвать того или другого, а затѣмъ уже устроить свиданіе съ З—ымъ. Придя въ университетъ на другое утро, я случайно встрѣтилъ К—ка, такъ что дѣло упростилось. Меньше чѣмъ черезъ два часа я въ одномъ изъ укромныхъ уголковъ университета, въ которомъ я, какъ старый студентъ, зналъ всѣ ходы и выходы, имѣлъ свое послѣднее свиданіе съ З—ымъ и Росси. Мы рѣшили, что я поѣду въ Харьковъ, и, передавши товарищамъ всѣ свои связи, я распрощался съ ними. На душѣ у меня было очень тяжело. Чтобы не выйти изъ университета черезъ общій студенческій входъ, гдѣ могли поджидать меня шпіоны, я поднялся въ третій этажъ и черезъ верхніе корридоры, мимо зоологической лабораторіи, гдѣ я когда то работалъ, спустился въ правое крыло зданія, занимаемое клиниками и имѣвшее выходъ на совершенно отдѣльный дворъ. Спустившись во дворъ, я вышелъ на улицу и, перемѣнивъ двухъ извозчиковъ, пріѣхалъ въ духовную академію къ Петру Дашкевичу. Тамъ я просидѣлъ до вечера, а въ семь часовъ Дашкевичъ и его то-

варищъ издали провожали меня на вокзалъ, гдѣ я благополучно сѣлъ въ поѣздъ, отходившій на сѣверъ. Началась новая страничка моей революціонной жизни: я сталъ нелегальнымъ. Это было въ половинѣ марта 1883 г.

V.

Первые мѣсяцы нелегальной жизни.

Пріѣхавъ въ Харьковъ, я пошелъ по явкѣ центра, а не мѣстной группы, и, къ моему удовольствію, на другой день имѣлъ свиданіе съ Галиной Чернявской, которую я зналъ раньше и съ которой не видѣлся съ 79 года. Я сталъ совѣтоваться съ нею, куда мнѣ направиться, такъ какъ въ Харьковѣ я не имѣлъ желанія остаться. Въ Петербургъ или Москву, гдѣ въ то время организацій не было, не имѣло смысла ѣхать, такъ какъ правительство начало готовиться къ коронаціи, и сколько нибудь систематическая организаціонная работа была, если не невозможна, то во всякомъ случаѣ сопряжена съ величайшими затрудненіями. Меня тѣмъ не менѣе тянуло на сѣверъ и, когда Чернявская заговорила о связяхъ, имѣющихся въ Ярославлѣ, я рѣшилъ поѣхать туда, въ надеждѣ войти оттуда въ сношенія съ другими поволжскими городами. Черезъ день или два я опять видѣлся съ Чернявской, которая въ этотъ разъ передала мнѣ явки, пароли и проч. Мы провели вмѣстѣ около часа, и въ Чернявской, кипучая энергія которой вызывала во мнѣ раньше чувство, граничившее съ восхищеніемъ, я подмѣтилъ ту же усталость, которая уже поразила меня въ Вѣрѣ Фигнеръ. Тогда еще я себѣ не объяснялъ этого тѣмъ, что обѣ онѣ предчувствовали или сознательно предвидѣли близкій конецъ Народной Воли.

Послѣ второго свиданія съ Чернявской я думалъ, что мнѣ удастся уѣхать на другой день, но вышло не такъ. У насъ въ Кіевѣ паспортнаго бюро не было, и я уѣхалъ безъ бумагъ въ надеждѣ, что въ Харьковѣ, гдѣ имѣлось хорошее паспортное бюро, принадлежавшее, если не ошибаюсь, центру, меня снабдятъ хорошимъ видомъ.

Я обратился къ лицамъ, завѣдывавшимъ этимъ бюро, и началась для меня настоящая волокита, которая испортила мнѣ много крови. Мнѣ назначали свиданія на завтра, на послѣ завтра. Я приходилъ на свиданія и уходилъ всякій разъ съ пустыми руками. Хорошо еще, что моя счастливая звѣзда столкнула меня въ день пріѣзда на вокзалѣ съ однимъ старымъ знакомымъ—не-революціонеромъ, который, не задавая вопросовъ, пріютилъ меня у себя. Не то я могъ бы двадцать разъ провалиться раньше, чѣмъ снабдили меня паспортомъ. Такъ тянулось дѣло больше недѣли. Наконецъ мнѣ было назначено свиданіе, въ которомъ мнѣ должны были вручить паспортъ,—это было самое послѣднее, рѣшительное слово. Свиданіе это должно было состояться въ кондитерской на одной изъ людныхъ улицъ Харькова. Привыкши къ математической точности, которая практиковалась у насъ въ Кіевѣ въ дѣлѣ свиданій, я въ назначенный часъ вошелъ въ кондитерскую и потребовалъ себѣ шоколада, ища глазами своего

партнера. Никого! Какой то господинъ, который могъ бы быть имъ, при моемъ взглядѣ всталъ, расплатился и ушелъ, не подавши мнѣ ни малѣйшаго знака, хотя я и смотрѣлъ на него во всѣ глаза. Я сталъ прихлебывать шоколадъ и ждать. Проходитъ 5, 10, 20, 30 минутъ, и никто не приходитъ. Я давно выпилъ свой шоколадъ и потребовалъ другую порцію.

Хозяинъ заведенія началъ посматривать на меня, или мнѣ казалось такъ. Наконецъ черезъ 40 минутъ послѣ назначеннаго часа дверь открывается и ко мнѣ быстро подходитъ—Бычковъ. Но какой Бычковъ! Отъ прежняго довольно почтительнаго молодого человѣка, котораго мы мѣсяца три тому назадъ прятали въ духовной академіи у Дашкевича и наряжали въ гимназическій мундиръ, не оставалось и слѣда. Передо мной былъ франтоватый господинъ, въ фуражкѣ желѣзнодорожнаго вѣдомства, съ крайне самодовольнымъ и развязнымъ видомъ. Поздоровавшись, онъ сказалъ:

— Вы, батенька, извините, что запоздалъ. Надѣюсь, что здѣсь съ вами ничего не случилось.

— Вы всегда такъ точны въ дѣлахъ, какъ сегодня—спросилъ я его съ сдержанной яростью.

— Ну, ну, батенька, не сердитесь, это со всякимъ можетъ случиться.

Но что задержало его, онъ такъ и не сказалъ. Паспорта, къ счастью, онъ принесъ. Отдавши ихъ мнѣ, онъ сталъ говорить о себѣ. Разсказалъ, что стоитъ близко къ центру, что, по порученію Фигнеръ, ѣздилъ съ «сенаторской ревизіей» въ Ростовъ на Дону и другія мѣста и т. д.

Находясь шесть мѣсяцевъ спустя въ Казани, я былъ вызванъ на свиданіе съ пріѣзжимъ революціонеромъ нѣкіимъ студентомъ Яковлевымъ по прозванію «Стратонычъ» и родомъ изъ Новочеркаска [1]). Какъ разъ передъ тѣмъ, какъ идти на свиданіе, я прочелъ въ газетѣ телеграмму изъ Томска, въ которой говорилось, что какой то прилично одѣтый господинъ, ѣхавшій на извозчикѣ и замѣтившій, что послѣдній вмѣсто указаннаго мѣста, подвозитъ его къ полиціи, соскочилъ съ пролетки, выстрѣлилъ въ извозчика, промахнулся, затѣмъ повернулъ револьверъ и убилъ себя наповалъ. Высказывалось предположеніе, что самоубійца—бѣглый политическій преступникъ.

Когда въ разговорѣ я передалъ содержаніе телеграммы Стратонычу, я увидѣлъ, что онъ поблѣднѣлъ, какъ смерть.

— Ну, значитъ, Бычковъ погибъ,—сказалъ онъ упавшимъ голосомъ.

Оказалось, что Бычковъ задумалъ освободить изъ ссылки свою невѣсту, Наталью Баранову, которая осенью 1882 г. была выслана административно изъ Кіева въ Западную Сибирь. Онъ подговорилъ Стратоныча ѣхать съ нимъ вмѣстѣ въ Томскъ и тамъ организовать побѣгъ. Доѣхавъ до Екатеринбурга, Стратонычъ однако раздумалъ и

---

[1]) Яковлевъ впослѣдствіи принялъ дѣятельное участіе въ конституціонномъ движеніи, былъ выставленъ кандидатомъ въ Думу отъ партіи Народной Свободы, но во время предвыборной агитаціи на Кавказѣ былъ убитъ черносотенцами. *Ред.*

вернулся обратно. По дорогѣ онъ остановился въ Казани, гдѣ у него были знакомства съ тамошними революціонерами. Впослѣдствіи я узналъ, что извозчикъ, съ которымъ злая судьба столкнула Бычкова, оказался уголовнымъ, содержавшимся въ Кіевской тюрьмѣ во время его побѣга и приговореннымъ къ ссылкѣ на поселеніе. Узнавъ въ своемъ сѣдокѣ Бычкова, извозчикъ рѣшилъ прямо повезти его въ полицію, надѣясь на большую награду. Произошло то, что было разсказано въ телеграммѣ.

Получивъ наконецъ паспорта (ихъ мнѣ дали нѣсколько), я на другой день выѣхалъ изъ Харькова и не останавливаясь нигдѣ доѣхалъ до Ярославля. Съ вокзала я взялъ извозчика и велѣлъ ему везти себя въ какія нибудь меблированныя комнаты. Онъ сдалъ меня въ номера, въ которыхъ наиболѣе почетнымъ жильцемъ оказался жандармскій поручикъ, адъютантъ жандармскаго генерала Зарина. Но тамъ же жили и студенты, литераторы, заѣзжіе земцы и т. д., такъ что специфическаго характера это учрежденіе не имѣло. Съ номернымъ, который снесъ мои вещи и отвелъ мнѣ комнату, у меня вышелъ довольно забавный инцидентъ. По обычаю онъ спросилъ меня:

— Какъ прикажите васъ записать?

Я оказался въ очень затруднительномъ положеніи, потому что забылъ имя, которое долженъ былъ сказать. Но я не растерялся и спокойно сказалъ ему:

— Я вамъ дамъ свою бумагу для прописки, когда разберу вещи.

Впослѣдствіи такихъ казусовъ со мной больше не случалось. Мѣняя въ теченіи двухъ лѣтъ моей нелегальной жизни паспорта, я такъ усердно входилъ въ роль чужихъ états civils, что мой собственный сталъ мнѣ почти что чужимъ.

Продѣлавъ обычныя формальности и явки, я былъ направленъ къ студ. лицея Г—му, у котораго засталъ нѣсколько членовъ мѣстнаго революціоннаго кружка. Съ перваго же раза они произвели на меня въ высшей степени благопріятное впечатлѣніе своей серьезностью и развитіемъ. Всѣ ярославскіе революціонеры были пришлымъ элементомъ, въ громаднѣйшемъ большинствѣ случаевъ, семинаристами, для которыхъ, если не считать духовныхъ академій, Ярославскій юридическій лицей былъ единственнымъ доступнымъ учебнымъ заведеніемъ высшаго разряда. А что въ среднемъ семинаристы стоятъ значительно выше гимназистовъ, это давно признанный фактъ, причины котораго кроются, конечно, не въ превосходствѣ семинаріи надъ гимназіей, а въ той совокупности условій, которыя создаютъ намъ типъ семинариста.

Ярославскій кружокъ состоялъ человѣкъ изъ восьми, изъ которыхъ на первомъ планѣ стояли Г—кій, П—скій (Іонычъ), Б—ій (Болотный) и Петръ Мухановъ (убитый во время якутской бойни [1]). Если бы всѣ эти люди вышли на сцену въ восходящій періодъ революціонной волны, а не въ моментъ, когда она перешла въ мелкую, а, можетъ быть, и мертвую зыбь, то они безъ всякаго сомнѣнія сыграли бы видную роль въ революціонномъ движеніи. Г—кій

[1]) См. ст. О. С. Минора „Якутская драма 22 марта 1889 года". Былое. 1906 г. Сентябрь. *Ред.*

былъ прямо таки человѣкомъ, выдающимся по уму, развитію и характеру. Но волею судебъ они были заброшены въ небольшой губернскій городишко, въ которомъ они могли оперировать только надъ немногочисленнымъ составомъ ярославскаго студенчества. А когда они черезъ годъ вышли на болѣе широкую дорогу, разгромъ лопатинской организаціи фактически положилъ конецъ Народной Волѣ. У кружка Г—каго не было никакихъ сношеній ни съ рабочими, ни съ такъ называемымъ обществомъ. Кромѣ двухъ-трехъ врачей (изъ которыхъ одинъ былъ извѣстенъ подъ непочтительной кличкой «вологодскаго теленка»), связи сводились къ нулю. Имѣлись у него кружки саморазвитія среди студентовъ и гимназистовъ, и это было все. Были, впрочемъ, двѣ три народныхъ учительницы. Я скоро увидѣлъ, что въ Ярославлѣ мнѣ дѣлать нечего, и рѣшилъ переѣхать въ другое мѣсто. Я написалъ объ этомъ въ Харьковъ. Но по причинамъ, которыя тогда казались необъяснимыми, съ организаціей партіи у меня оказались порванными всѣ сношенія. Я писалъ письма за письмами въ надеждѣ возстановить связи, но все было напрасно. Только черезъ нѣсколько недѣль въ Ярославль дошли слухи объ арестахъ по всей Россіи, и это обстоятельство объяснило мнѣ причину моей оторванности. Двинуться въ другое мѣсто я пока не могъ, потому что связей у меня не было никакихъ.

Посовѣтовавшись съ моими новыми знакомыми, я рѣшился остаться въ меблированныхъ комнатахъ и выдать себя за бывшаго студента университета, готовящагося къ кандидатскому экзамену въ лицей. Паспортъ былъ у меня приличный, хотя и фальшивый, и при нормальныхъ условіяхъ не долженъ былъ вызвать никакихъ подозрѣній. На другой день мои знакомые прислали мнѣ нѣсколько хорошихъ книгъ и цѣлый ворохъ литографированныхъ лекцій. Лекціи были для обстановки, а за книги я взялся съ большимъ удовольствіемъ.

За послѣдніе пятнадцать мѣсяцевъ своей жизни я былъ всецѣло поглощенъ революціонными дѣлами и треволненіями, и заняться серьезнымъ чтеніемъ было немыслимо: не было для этого ни времени, ни необходимаго спокойствія духа. Въ Ярославлѣ же все это перемѣнилось. Дѣловыхъ заботъ у меня не было, я проводилъ часа два-три въ день съ революціонной публикой, а остальное время съ наслажденіемъ читалъ. Оберегая мою безопасность, мои знакомые предупредили меня, что непосредственными сосѣдями у меня были съ одной стороны студентъ К—ій, бывшій радикалъ, два раза изгнанный изъ московскаго университета и ставшій «дрянью», съ другой стороны находящійся подъ надзоромъ жандармовъ тоже изгнанный изъ Москвы студентъ Гофманъ. Дрянность К—го выразилась въ слѣдующемъ: когда въ 1882 г. въ Ярославскомъ лицеѣ возникли безпорядки, онъ пошелъ къ директору лицея и сказалъ ему:

— Г-нъ директоръ, я пришелъ заявить вамъ, что не принимаю никакого участія въ студенческихъ безпорядкахъ, начавшихся въ лицеѣ.

Пока нѣсколько озабоченный директоръ придумывалъ, что бы ему сказать въ отвѣтъ, К—ій откланялся и ушелъ. Съ тѣхъ поръ вся радикальная молодежь относилась къ нему съ величайшимъ презрѣніемъ. Само собою разумѣется, я не имѣлъ никакого желанія

знакомиться съ К., также какъ я не спѣшилъ войти въ сношенія съ Гофманомъ. Но вышло не такъ, какъ я предполагалъ. Какъ то разъ вечеромъ недѣли черезъ полторы послѣ моего пріѣзда К—ій зашелъ ко мнѣ и, отрекомендовавшись, просилъ позволенія познакомиться со мной. Онъ-де замѣтилъ, чтъ я пріѣзжій, мало выхожу, много читаю и, вѣроятно, скучаю. Если мнѣ нуженъ какой нибудь совѣтъ или содѣйствіе, онъ къ моимъ услугамъ. Я поблагодарилъ, и мы разговорились. К—ій оказался очень умнымъ, образованнымъ и бывалымъ человѣкомъ, но въ немъ было что то надтреснутое, что вызывало у меня къ нему скорѣе симпатію, чѣмъ противоположное чувство. О презрѣніи къ нему не могло быть и рѣчи, потому что онъ былъ не изъ тѣхъ людей, кого можно искренно презирать. Съ тѣхъ поръ до самаго моего отъѣзда изъ Ярославля я часто встрѣчался съ К. Онъ большей частью заходилъ за мной передъ вечеромъ, чтобы повести меня гулять, и много часовъ мы провели съ нимъ вмѣстѣ въ пріятной и интересной бесѣдѣ. Я своихъ взглядовъ отъ него не скрывалъ, но, конечно, не говорилъ ему, что я нелегальный. Онъ спорилъ со мной, выражалъ крайній скептицизмъ и говорилъ мнѣ: «блаженъ, кто вѣруетъ». Черезъ полтора года, когда произошелъ разгромъ организаціи Лопатина, я, пріѣхавъ въ Москву, разыскалъ К—го въ редакціи «Русскаго Курьера»—онъ былъ сотрудникомъ этой газеты—и просилъ его пойти и вызвать на свиданіе со мной одного человѣка, который былъ мнѣ недоступенъ. Само собой разумѣется, я началъ съ того, что объяснилъ ему настоящее положеніе вещей и предупредилъ о большихъ непріятностяхъ, которыя обрушатся на него, если наши сношенія будутъ открыты. И этотъ скептикъ, который возмутилъ всю ярославскую радикальную молодежь тѣмъ, что не хотѣлъ принять участія въ студенческихъ безпорядкахъ, не только не испугался, но даже съ величайшей охотой исполнилъ мое порученіе. Сообщивъ мнѣ результатъ на ближайшемъ свиданіи, онъ съ большой простотой изъявилъ готовность и впредь оказывать мнѣ услуги. Истинно тронутый, я сказалъ ему:

— К—ій, я всѣмъ сердцемъ радовался бы, если бы вы могли стать мнѣ товарищемъ по дѣлу. Но вы не вѣрите въ него. Принимать же отъ васъ мелкія услуги, которыя вашу жизнь могутъ окончательно погубить, не принося существенной пользы дѣлу, я отказываюсь.

К. тоже былъ очень взволнованъ. Посидѣвши еще вмѣстѣ нѣкоторое время, мы распрощались. Съ тѣхъ поръ я о немъ ничего не слыхалъ.

Мои Ярославскіе знакомые относились неодобрительно къ моему сближенію съ К. и никакъ не могли понять, какой интересъ я находилъ въ разговорахъ съ нимъ. Въ концѣ концовъ они рѣшили, что «дядя» (они меня такъ звали) очень хитеръ, и что онъ прикрывается, какъ щитомъ, оффиціально признанной благонадежностью К.

Вскорѣ послѣ моего знакомства съ К—мъ Гофманъ далъ знать Г—кому, что рядомъ съ нимъ, Гофманомъ, поселился какой то подозрительный человѣкъ, который много времени прово-

дитъ въ своей комнатѣ, выдаетъ себя за готовящагося къ кандидатскому экзамену, поетъ духовные гимны и уже успѣлъ снюхаться съ К—мъ. Просилъ навести справки. Мы отъ души смѣялись «духовнымъ гимнамъ». Дѣло въ томъ, что я очень люблю малорусскія пѣсни, которыхъ знаю огромное число, и, когда на душѣ кошки скребутъ, еще и теперь ихъ пою, вспоминая старину. А тогда и самъ богъ велѣлъ пѣть, потому что часто таки скребло на душѣ, и, кромѣ того, пѣніе малорусскихъ пѣсенъ входило нѣкоторымъ образомъ въ мою роль, потому что я проживалъ по вымышленному паспорту дворянина Полтавской губерніи Ващенко. Въ своемъ москальскомъ невѣжествѣ Гофманъ принялъ заунывныя малорусскія пѣсни за духовные гимны.

Я не обратилъ вниманія на подозрительность Гофмана и просилъ, пока я не обживусь, ничего ему не говорить обо мнѣ. Но, когда, спустя нѣкоторое время, онъ сталъ положительно утверждать, что я шпіонъ, присланный затѣмъ, что бы слѣдить за каждымъ его шагомъ и словомъ (для того я и поселился рядомъ!), я сталъ опасаться, что эти разговоры дойдутъ до ушей жандармскаго поручика, жившаго въ нижнемъ этажѣ, и что онъ, пожалуй, пожелаетъ познакомиться съ таинственнымъ коллегой по сыску. Я попросилъ тогда нашихъ предупредить Гофмана. Велико было его смущеніе!

Дождавшись меня въ корридорѣ, онъ далъ мнѣ записку, въ которой говорилось, что онъ употребитъ всѣ свои усилія на то, чтобы оберегать меня.

Послѣ этого инцидента я оффиціально (черезъ посредство номерного) познакомился съ Гофманомъ и нашелъ въ немъ въ высшей степени цѣнную силу. Это былъ молодой человѣкъ очень талантливый, остроумный, съ рѣдкой эрудиціей и необыкновеннымъ ораторскимъ даромъ. Рѣчь его, особенно когда онъ разгорячался, походила на причудливый и блестящій фейерверкъ, при чемъ одной изъ оригинальностей ея было то, что главный «букетъ» чаще всего всплывалъ и разгорался не тамъ, гдѣ его ждали.

Гофманъ былъ идейнымъ революціонеромъ, и въ то же время революціонеромъ по темпераменту. Онъ пришелъ къ революціонному образу мыслей, оперируя надъ логическими категоріями. Какъ и всѣ люди его склада, Гофманъ былъ бы довольно жалкимъ практическимъ дѣятелемъ. Но за то въ немъ были всѣ данныя для блестящей литературной дѣятельности. Для своей кандидатской диссертаціи онъ взялъ темой: «Сила есть право». Въ ней онъ на основаніи глубокаго историческаго анализа главныхъ формъ права приходитъ къ заключенію, что право въ его юридическомъ смыслѣ есть только выраженіе силы. Профессора только воздѣли руки къ небу отъ такой диссертаціи и, конечно, не приняли ея. Но она была блестяще написана, и о ней, говорятъ, отзывался съ большой похвалой извѣстный экономистъ Исаевъ, который былъ тогда профессоромъ въ Ярославскомъ лицеѣ.

Гофману было тогда всего двадцать два года; онъ былъ женатъ и—ce que ne gâte rien—имѣлъ крупное состояніе, которое, впрочемъ, принадлежало, кажется, его женѣ. Онъ прекрасно говорилъ на нѣсколькихъ языкахъ, и ему повидимому предстояло блестящее будущее въ Россіи или за границей. Но россійскій Молохъ не могъ упу-

стить такую избранную жертву. Послѣ ареста Лопатина былъ арестованъ и Гофманъ, но такъ какъ принадлежность его къ какой-бы то ни было организаціи не могла быть установлена, то онъ былъ высланъ въ Западную Сибирь и затѣмъ переведенъ въ Челябинскъ. Здѣсь онъ покончилъ жизнь самоубійствомъ. Что побудило его къ этому, мнѣ неизвѣстно, -кажется, болѣзнь: тюрьма и ссылка наградили его чахоткой.

* * *

Въ началѣ мая стала съѣзжаться въ Ярославль всякаго рода публика, которую, по случаю готовящейся коронаціи, просили убраться изъ Москвы. Пріѣхалъ, между прочимъ, довольно извѣстный въ то время своими разсказами писатель Л. Онъ остановился у насъ въ номерахъ и сейчасъ же перезнакомился со всей радикальной публикой. Я по своему обыкновенію старался избѣжать новаго знакомства, тѣмъ болѣе, что Л. не безъ удовольствія говорилъ, что онъ на очень дурномъ счету у жандармовъ, и что за нимъ слѣдятъ. Но пришлось таки съ нимъ познакомиться. Какъ то разъ я сидѣлъ у Гофмана съ двумя-тремя товарищами, когда вошелъ Л. Насъ познакомили и начался общій разговоръ, при чемъ больше всего говорилъ довольно непріятнымъ и самоувѣреннымъ голосомъ самъ Л. Между прочимъ зашла рѣчь о либеральной прессѣ и Л. сталъ восхвалять газету «Голосъ», которая уже столько лѣтъ, несмотря на трудныя времена, стоитъ на стражѣ либеральныхъ принциповъ. Не знаю, раздражала ли меня манера говорить Л., или я вообще въ этотъ день плохо владѣлъ собою, но я совершенно неожиданно для себя и довольно рѣзко сказалъ:

— На какой ужъ тамъ стражѣ либеральныхъ принциповъ! Скажите: на стражѣ подписки, и это будетъ вѣрнѣе.

— Какъ такъ?—спросилъ Л., вспыхнувъ.

— Да такъ. Позвольте вамъ напомнить, что по поводу убійства Мезенцева «Голосъ», думая выслужиться, назвалъ революціонеровъ мерзавцами, не стоющими веревки, на которой ихъ вѣшаютъ. Можно, конечно, не одобрять политическихъ убійствъ, но бросать грязью въ людей, умирающихъ за идею, этого не сдѣлаетъ ни одинъ истинный либералъ, ни даже просто порядочный человѣкъ.

Л. замолчалъ, но съ этого времени онъ очень не взлюбилъ меня. При встрѣчѣ онъ былъ со мною преувеличенно вѣжливъ, а за глаза, какъ передавалъ Гофманъ, ругательски ругалъ меня. Онъ говорилъ, что господчики вродѣ меня, пока не оперятся, говорятъ объ истинномъ либерализмѣ, а какъ только крылышки отростутъ, превращаются въ самыхъ заправскихъ дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ. Онъ называлъ меня то «истиннымъ либераломъ» (въ ковычкахъ), то дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ. Онъ былъ того мнѣнія, что я трусъ, потому что, когда онъ приходилъ къ Гофману и съ замашками ужаснаго конспиратора собирался читать запрещенную сказку Щедрина, удостовѣрившись, что за дверью никто не подслушиваетъ, я обыкновенно спокойно вставалъ и уходилъ къ себѣ.

Черезъ нѣсколько времени послѣ моего отъѣзда изъ Ярославля

Л. встрѣтился съ Петромъ Мухановымъ въ Нижнемъ на ярмаркѣ и между прочимъ спросилъ его, какъ поживаетъ дѣйствительный статскій совѣтникъ.

Какъ передавалъ мнѣ Гофманъ, со словъ самаго Л., Мухановъ насмѣшливо посмотрѣлъ на своего собесѣдника и сказалъ:

— Эхъ, тоже наблюдатель! Да знаете ли вы, кто такой вашъ дѣйствительный статскій совѣтникъ? Никто другой, какъ нелегальный революціонеръ, извѣстный подъ именемъ Кащея-Безсмертнаго?

Л. только свиснулъ.

Когда я видѣлся весной 84 г. въ Москвѣ съ Гофманомъ, онъ передалъ мнѣ, что Л. очень просилъ его устроить ему со мною свиданіе. Но такъ какъ Л. былъ человѣкъ самъ по себѣ мало интересный, а для дѣла безполезный, то я отказался видѣться съ нимъ.

Къ концу мая набралось въ наши номера такая масса народа, притомъ не совсѣмъ чистаго, что я рѣшился перебраться на частную квартиру. По совѣту К—го я взялъ комнату со столомъ у одного виднаго инженера, который недавно былъ переведенъ въ Ярославль изъ Петербурга. Люди оказались порядочные, хотя безъ малѣйшаго намека на «идеи». и черезъ нихъ совершенно помимо моей воли у меня завелись «важныя» знакомства въ обществѣ. Домъ, въ которомъ мы жили, принадлежалъ отставному генералу, занимавшему должность предсѣдателя губернской земской управы. Мой хозяинъ познакомилъ меня съ генераломъ и его семьей, и старикъ почему то обнаружилъ ко мнѣ самое неожиданное расположеніе. Комната моя была въ нижнемъ этажѣ и выходила на тихую улицу и, такъ какъ мой письменный столъ стоялъ у окна, то я, сидя за столомъ, могъ видѣть всѣхъ, кто проходилъ по улицѣ. Если кому нибудь изъ товарищей нужно было вызвать меня на свиданіе, то стоило только ему пройти мимо моего окна и вынуть изъ кармана носовой платокъ, я уже зналъ, что нужно пойти на условленную квартиру. Проходя мимо моего открытаго окна, генералъ останавливался, чтобы перекинуться нѣсколькими словами со мною. Мало-по-малу остановки его подъ моимъ окномъ стали удлиняться, такъ что мнѣ даже неловко было. Кончилось тѣмъ, что мы стали гулять вмѣстѣ. Велико было изумленіе моихъ пріятелей, когда они видѣли нелегальнаго «дядю» спокойненько прогуливающимся по бульвару съ такой губернской шишкой, какъ предсѣдатель губернской земской управы. Что привлекло его ко мнѣ, я положительно понять не могу. Была въ немъ микроскопическая либеральная закваска, но это не мѣшало ему дружить съ жандармскимъ генераломъ Заринымъ и при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ подписывать всеподданнѣйшіе адреса. Онъ часто приглашалъ меня къ себѣ; я уклонялся, насколько позволяли приличія, но былъ у него нѣсколько разъ. Фактъ моихъ знакомствъ сталъ настолько общеизвѣстнымъ, что мнѣ стали кланяться городовые на улицѣ. Мои революціонные знакомые приписывали мнѣ макіавелистическую ловкость и ни за что не хотѣли вѣрить, что всѣ мои «успѣхи», которые для дѣла и тѣни значенія не имѣли, были съ моей стороны абсолютно непредумышленными и для меня самого неожиданными. Впрочемъ на генераловъ въ эту пору мнѣ дѣйствительно везло. Въ

іюлѣ пріѣхалъ въ Ярославль отецъ моего инженера, генералъ путей сообщенія (зеленая подкладка) и директоръ какого то департамента. Въ противоположность своему сыну, водный генералъ былъ умный человѣкъ и либералъ шестидесятыхъ годовъ. Я даже заподозрилъ, что въ свое время онъ былъ больше, чѣмъ либераломъ. Старикъ обратилъ на меня свое благосклонное вниманіе и сталъ въ моемъ лицѣ ощупывать «нынѣшнее поколѣнье». Увидѣвши послѣ нѣсколькихъ разговоровъ, что со мной можно говорить, онъ и изложилъ мнѣ свое либеральное credo. Я отвѣтилъ ему откровенной критикой тогдашняго либерализма и показалъ полное его безсиліе. Сославшись на опытъ западно-европейскихъ народовъ, я выставилъ ему на видъ, что поставленная либерализмомъ цѣль можетъ быть достигнута только *сознательной и активной борьбой*. Тактика же русскихъ либераловъ состоитъ въ томъ, что они сидятъ у моря и ждутъ погоды. Генералъ въ свою очередь отвѣтилъ мнѣ критикой революціонныхъ пріемовъ борьбы, говорилъ о разнуздываніи звѣря, объ интересахъ культуры, объ особенныхъ условіяхъ русской жизни и т. д. За недѣлю, которую онъ провелъ въ Ярославлѣ, мы нѣсколько разъ вступали въ споръ и какъ всегда бываетъ, всякій остался при своемъ. Надо отдать ему справедливость, онъ былъ изъ тѣхъ рѣдкихъ стариковъ, которые внимательно присматриваются къ молодежи и стараются уяснить себѣ новыя теченія жизни. Во всякомъ случаѣ онъ не имѣлъ противъ меня ни малѣйшаго неудовольствія и, за день до его отъѣзда, мы сдѣлали вмѣстѣ длинную прогулку въ лодкѣ и затѣмъ въ лѣсу на берегу Волги. Прощаясь, онъ сказалъ мнѣ:

— Молодой человѣкъ, васъ нечего предупреждать, что такія идеи, какъ у васъ, обыкновенно ведутъ далеко... Если судьба занесетъ васъ въ Петербургъ, заходите ко мнѣ, буду радъ васъ видѣть.

Я отвѣтилъ ему смѣясь, что дальше далекаго никакія идеи не заведутъ, а за ласку поблагодарилъ его. Когда я весною 1884 г. былъ въ Петербургѣ, я, по своей нерѣшительности, не зашелъ къ доброму зеленому генералу и, можетъ быть, поступилъ нехорошо съ дѣловой точки зрѣнія. Мои успѣхи въ Ярославскомъ обществѣ служили долго темой разговоровъ въ революціонныхъ кружкахъ и стали мало-по-малу носить легендарный характеръ. Такъ, одинъ изъ товарищей Петра Дашкевича, попавшій учителемъ въ Ярославль нѣсколько лѣтъ послѣ моего пребыванія въ этомъ городѣ, разсказывалъ ему, что я, будучи нелегальнымъ, устроился учителемъ при дѣтяхъ жандармскаго генерала Зарина.

Въ одно іюльское послѣобѣда «Болотный» (прозванный такъ за свои неимовѣрно длинныя ноги, придававшія ему несомнѣнное сходство съ голенастыми обитателями болотъ) прошелъ мимо моего окна и очень выразительно обошелся съ носовымъ платкомъ. Я поспѣшилъ на условленную квартиру и узналъ, что пріѣхалъ одинъ нелегальный, который желаетъ со мной видѣться. Онъ раньше бывалъ въ Ярославлѣ, и былъ извѣстенъ мѣстнымъ революціонерамъ. Удивило меня нѣсколько, что онъ требовалъ самой абсолютной конспиративности.

Когда меня привели въ надлежащее, укромное мѣсто гдѣ-то за

Волгой, я увидѣлъ передъ собой громаднаго бѣлокураго мужчину, похожаго на прасола или на приказчика. Онъ мнѣ сказалъ, что онъ—Крыловъ, который подъ именемъ Воскресенскаго былъ хозяиномъ типографіи, поставленной Фигнеръ въ Харьковѣ и взятой въ 1883 году. При типографіи арестованы, кромѣ него, Воскресенскаго, его жена, сестра Валерьяна Осинскаго (повѣсилась въ тюрьмѣ) и въ качествѣ прислуги Чемоданова. Арестъ типографіи онъ приписывалъ неосторожности Чемодановой (впослѣдствіи узнали, что типографію выдалъ Дегаевъ).

Воскресенскаго держали нѣсколько недѣль въ Харьковской тюрьмѣ, а затѣмъ повезли въ Петербургъ. Еще въ тюрьмѣ всѣ мысли его были устремлены на побѣгъ, но къ этому не представлялось и тѣни возможности. Тогда у него созрѣлъ планъ бѣжать по дорогѣ изъ Харькова въ Петербургъ,—планъ, который онъ привелъ въ исполненіе съ рѣдкой выдержкой и энергіей. Отправленный съ двумя жандармами изъ Харькова, онъ въ дорогѣ показалъ себя самымъ послушнымъ и тихимъ изъ «сопровождаемыхъ». Все время онъ имѣлъ убитый видъ, которымъ тронулся бы и камень. Но жандармы зорко смотрѣли за каждымъ его движеніемъ, и до Москвы не представилось ни малѣйшаго случая даже къ слабой попыткѣ на побѣгъ. Въ Москвѣ жандармы смѣнились и вначалѣ тоже зорко слѣдили за плѣнникомъ, но вниманіе ихъ мало-по-малу стало ослабѣвать. До Твери все-таки не удалось сдѣлать попытку. На одной изъ станціи за Тверью старшій жандармъ вышелъ за чѣмъ-то въ сосѣдній вагонъ,—можетъ быть для того, чтобы поболтать съ кондукторомъ. Этимъ воспользовался Воскресенскій. Подождавши пока старшій жандармъ закрылъ за собой дверь сосѣдняго вагона, онъ въ одинъ прыжокъ очутился около двери, открылъ ее, вышелъ и опять закрылъ. Затѣмъ спрыгнулъ съ вагона, конечно, въ направленіи движенія. Все это длилось только нѣсколько секундъ.

Коснувшись земли, онъ упалъ и, еще лежа, увидѣлъ, какъ саженяхъ во ста впереди жандармъ всѣмъ тѣломъ рухнулъ на полотно дороги и остался лежать. Собравъ всѣ силы, Воскресенскій бросился бѣжать въ сторону отъ дороги по кочковатому и топкому мѣсту, поросшему мелкимъ лѣсомъ. Оглянувшись, онъ увидѣлъ вдали остановившійся поѣздъ и какихъ-то людей бѣжавшихъ по направленію къ нему. Онъ поддалъ и черезъ нѣкоторое время очутился въ непроходимомъ болотѣ, куда онъ залѣзъ по шею, спрятавши голову между кочками. Къ счастью, былъ жаркій день, и болотная ванна особенно тяжелыхъ неудобствъ не представляла. Втеченіе двухъ часовъ онъ слышалъ крики въ лѣсу, затѣмъ мало-по-малу все стихло. Поѣздъ ушелъ. Подождавши еще часъ-другой, онъ взобрался на сухую кочку, снялъ и просушилъ свои вещи и, когда наступила ночь, онъ вышелъ на твердую землю, одѣлся и осторожно направился вдоль полотна по направленію къ Твери. Въ одномъ мѣстѣ рѣчка пересѣкала дорогу, и ему пришлось пройти по мосту мимо сторожевого домика. Сторожъ вышелъ и окликнулъ Воскресенскаго. Тотъ молча шелъ впереди. Сторожъ тогда погнался за нимъ, Воскресенскій побѣжалъ и въ одномъ мѣстѣ оступился и упалъ въ канаву. Сторожъ, который,

вѣроятно, былъ не изъ храбраго десятка остановился и сказалъ ему вслѣдъ:

— Ну, если хочешь купаться, купайся, чортъ съ тобой!

Уже сильно разсвѣтало, когда Воскресенскій подошелъ къ Твери. Онъ забрался въ лѣсъ, чтобы нѣсколько отдохнуть и привести себя въ сколько-нибудь презентабельный видъ. Онъ не ѣлъ уже болѣе сутокъ, но его желѣзному здоровью такое испытаніе было нипочемъ. Въ полдень онъ вошелъ въ городъ, поѣлъ, въ одной цирульнѣ велѣлъ остричь, а въ другой и совсѣмъ обрить бороду, взялъ билетъ и пріѣхалъ ночью въ Москву. По его разсказамъ за нимъ всю ночь гнались по Москвѣ шпіоны. Только къ утру ему удалось сбить ихъ со слѣда и пробраться на Ярославскій вокзалъ. По всей вѣроятности, эпизодъ со шпіонами не больше, какъ слѣдствіе разгоряченнаго воображенія Воскресенскаго, потому что, еслибы шпіоны заподозрили въ немъ бѣглеца, они не ограничились бы слѣжкой. Воскресенскій разсказалъ мнѣ нѣкоторыя подробности объ арестѣ Вѣры Фигнеръ, которую будто бы выслѣдилъ Меркуловъ, также какъ и объ арестѣ всѣхъ членовъ харьковской организаціи. Чернявская, по его словамъ, успѣла скрыться, а относительно Бычкова онъ ничего не зналъ. Мы рѣшили, что онъ поживетъ нѣкоторое время въ Ярославлѣ, пока придетъ въ себя (несмотря на свою бычачью комплекцію онъ нервно былъ сильно потрясенъ, и часто на него нападала нервная дрожь) и пока мы общими усиліями сдѣлаемъ новую попытку войти въ сношенія съ остатками организаціи. Прошло около двухъ недѣль, и отвѣта на наши письма мы ни откуда не получали. Воскресенскій, который совсѣмъ оправился за это время, заявилъ, что онъ поѣдетъ разыскивать связи. Черезъ одного знакомаго въ Москвѣ онъ надѣялся войти въ сношенія съ уцѣлѣвшими революціонерами. Такъ какъ въ Ярославлѣ намъ дѣйствительно нечего было дѣлать, то я согласился на его предложеніе, и онъ уѣхалъ въ Москву. Вскорѣ послѣ отъѣзда Воскресенскаго я тоже оставилъ Ярославль и переѣхалъ въ Казань, гдѣ по слухамъ было много революціонеровъ, большей частью студентовъ, изгнанныхъ въ разное время изъ другихъ университетовъ и получившихъ разрѣшеніе окончить курсъ въ Казанскомъ университетѣ.

VI.

Въ Казани.

Пріѣхавъ въ Казань въ первыхъ числахъ августа, я отправился въ университетъ и просмотрѣлъ списокъ студентовъ. Въ немъ я къ своему величайшему удовольствію нашелъ имя моего земляка и стараго знакомаго Батя, съ которымъ мы вмѣстѣ были высланы изъ Кіева въ апрѣлѣ 1878 г. и въ Москвѣ «слѣдовали» окруженные конвоемъ, въ одной каретѣ, когда тамъ по случаю нашего проѣзда разыгралась на нашихъ глазахъ извѣстная охотнорядская бойня. Я былъ увѣренъ, что Бать сведетъ меня съ тамошними революціонерами, и въ этомъ не ошибся.

Когда я разыскалъ Батя, я былъ пораженъ перемѣной, происшедшей въ немъ. Изъ молодого, жизнерадостнаго юноши—когда насъ высылали изъ Кіева, ему было всего 18 лѣтъ—онъ превратился въ совершеннаго старика не столько лицомъ, сколько душею.

Печать безнадежнаго унынія лежала на всей его фигурѣ, и первое время мнѣ прямо больно было смотрѣть на него. Сразу въ разговорѣ обнаружилось, что онъ въ революціонное дѣло не вѣритъ и ищетъ для себя какой-то другой путь. Когда на его вопросъ о цѣли моего пріѣзда я отвѣтилъ, что желалъ бы объединить имѣющіяся здѣсь революціонныя силы для общей планомѣрной работы, онъ печально покачалъ головой и сказалъ:

— Допустимъ, что вы устроите организацію здѣсь: допустимъ даже, что у васъ будутъ такія же планомѣрныя организаціи въ какомъ-нибудь десяткѣ другихъ русскихъ городовъ. Что-жъ, вы думаете этими силами разбить самодержавіе и открыть путь къ настоящей работѣ въ народѣ?

Я возразилъ ему, что никто изъ насъ теперь не думаетъ о сверженіи самодержавія въ ближайшемъ будущемъ при помощи *наличныхъ* революціонныхъ силъ. Мы должны работать для будущаго, содѣйствовать скрытому отъ глазъ, неизбѣжному историческому процессу путемъ увеличенія самосознанія тѣхъ слоевъ общества, которыми и для которыхъ совершаются грядущія перемѣны.

Батя опять покачалъ головой и только сказалъ:

— Пока солнышко взойдетъ, роса очи выѣстъ.

Съ тѣхъ поръ онъ больше не выражалъ своихъ взглядовъ на революціонное дѣло. Онъ охотно оказывалъ мнѣ свое содѣйствіе, но по всему было видно, что для него революціонное дѣло только pis aller. Скажу здѣсь нѣсколько словъ о дальнѣйшей судьбѣ Батя. Послѣ долгихъ мытарствъ онъ чуть ли только не въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ добился диплома доктора и поступилъ на службу земскимъ врачемъ. Не имѣя личной жизни, онъ всѣ свои силы посвятилъ народу. Но служеніе его продолжалось не долго: въ серединѣ девяностыхъ годовъ онъ умеръ на своемъ посту, вызвавъ къ себѣ всеобщее уваженіе и симпатію.

«Русское Богатство» посвятило ему некрологъ, въ которомъ въ теплыхъ выраженіяхъ очерчена дѣйствительно высоко-нравственная личность Батя. Зная Батя съ дѣтства, я могу сказать, что въ словахъ его біографа нѣтъ и тѣни обычнаго въ такихъ случаяхъ преувеличенія.

Фактъ, рѣдкій въ русской жизни: губернаторъ счелъ своимъ долгомъ пойти на похороны еврея Батя, несмотря на то, что онъ долженъ былъ встрѣтиться на нихъ со всѣми радикальными элементами города.

Какъ я предвидѣлъ, революціонныхъ элементовъ оказалось въ Казани не мало, но создать изъ нихъ дѣятельную группу не удалось. Наиболѣе зрѣлые революціонеры, которые могли стать во главѣ дѣла и дать ему сильный импульсъ, всѣ въ большой или меньшей степени имѣли въ прошломъ огонь, воду и мѣдныя трубы и въ Казань попа-

Петръ Александровичъ
МУХАНОВЪ.

ли, чтобы окончить образованіе. Неудивительно поэтому, что революціонная энергія ихъ была сильно истощена.

Всѣ они были очень хорошими людьми, и единственное, въ чемъ я упрекалъ ихъ, это то, что они не смотрѣли прямо на вещи и не занимали соотвѣтственной позиціи. И выходило въ результатѣ то, что они отъ дѣла не бѣгали,—нѣтъ!—но и дѣла не дѣлали.

Потерявши не мало времени въ безплодныхъ поискахъ, я обратился къ болѣе юной молодежи и нашелъ въ ней болѣе благопріятную почву. Одинъ кружокъ, во главѣ котораго стояли Ч—овъ, М—овъ, Г—енъ и еще два-три человѣка, фамиліи которыхъ я забылъ, заслуживалъ особеннаго вниманія. Когда я познакомился съ нимъ, онъ самостоятельно успѣлъ завязать сношенія съ рабочими и велъ среди нихъ пропаганду, какъ могъ. Запросъ на руководство былъ у членовъ этого кружка громадный.

Первое, чего они попросили у меня, это дать имъ какія нибудь указанія на счетъ того, какъ вести пропаганду среди рабочихъ. Я далъ имъ короткую схему. Тогда они попросили развить эту схему болѣе подробно, на что, конечно, я охотно согласился. Состоялся рядъ бесѣдъ по политической экономіи, на которыхъ присутствовало много народа. Я помню большую комнату, биткомъ набитую живыми, молодыми лицами, внимательно слѣдившими за моей рѣчью. Одно изъ этихъ молодыхъ лицъ, превратившееся въ бородатое и пожилое чело,—я говорю о Ч—овѣ,—посѣтило меня года три тому назадъ, и въ памяти моей освѣжились событія того времени.

Бесѣды, какъ оказалось, имѣли успѣхъ, и члены кружка потребовали отъ меня, чтобы я записалъ ихъ, говоря, что они могутъ быть полезны не только для рабочихъ, но и для тѣхъ, кто занимается съ рабочими. Такъ возникла брошюра «Царь—Голодъ». По мѣрѣ того, какъ я оканчивалъ главу, кружокъ отбиралъ ее отъ меня съ цѣлью гектографированія. Но въ началѣ девятой главы я получилъ изъ Петербурга письмо и немедленно выѣхалъ изъ Казани, такъ и не закончивъ ея. Въ такомъ видѣ брошюра была гектографирована и затѣмъ отпечатана въ 1886 г.

Время шло. Я работалъ, насколько хватало умѣнья, но изъ работы я не выносилъ того нравственнаго удовлетворенія, какое ощущалъ годъ тому назадъ въ Кіевѣ. Надорванность и болѣе или менѣе скрытый скептицизмъ старшихъ революціонеровъ угнетающимъ образомъ дѣйствовали на молодежь и создавали атмосферу, крайне неблагопріятную для серьезнаго дѣла. Я въ это время часто встрѣчался съ Сухановой, вокругъ которой группировались старшіе революціонеры, группировались не для какого нибудь дѣла, а такъ, какъ обыкновенно собираются вокругъ хорошаго, глубоко несчастнаго человѣка отживающіе хорошіе люди. Приходили, пили чай, обмѣнивались новостями дня, а то и молчали.

Кто-жъ не знаетъ, какъ въ извѣстныя общественныя эпохи русскимъ людямъ хорошо *молчится* вмѣстѣ! На меня эти молчанія скопомъ производили самое удручающее впечатлѣніе и, если я видѣлся съ Сухановой, то потому, что она внушала мнѣ самое глубокое состраданіе и почтеніе. Послѣ казни ея брата она была выслана въ

Казань и здѣсь, пораженная на смерть туберкулезомъ, доживала послѣдніе мѣсяцы своей жизни. Память ея брата была для нея истиннымъ культомъ и говорила она о немъ только съ избранными, говорила притомъ всегда съ расширенными зрачками и какимъ то страннымъ, громкимъ шопотомъ, который дѣйствовалъ потрясающимъ образомъ даже на мои крѣпкіе нервы. Для Сухановой смерть ея брата и отъѣздъ за границу Тихомирова, о которомъ она была очень высокаго мнѣнія, были финаломъ Народной Воли.

— Нѣтъ больше людей и не будетъ!—часто говорила она. Народная Воля умерла!

Исторія показала, что Суханова была права, хотя въ ея оцѣнкѣ событій личный мотивъ занималъ первенствующее мѣсто.

Бывалъ я также у Н. Ѳ. Анненскаго, который съ женой жилъ тогда въ Казани. Его бодрость и вѣра въ будущее были отраднымъ контрастомъ пессимистическому и мрачному настроенію кружка, о которомъ только что была рѣчь, и я приходилъ къ Н. Ѳ. запасаться бодростью—и сыграть партію въ шахматы, до которыхъ онъ былъ страстный охотникъ.

Поздно осенью незадолго до закрытія навигаціи неожиданно пріѣхалъ ко мнѣ Воскресенскій.

Ему удалось возстановить сношенія съ «центромъ» въ Петербургѣ, и онъ привезъ для меня ключъ и адресъ. На разспросы мои о положеніи дѣлъ онъ ничего толкомъ не могъ мнѣ сказать.

Слышалъ онъ, что «центръ» плохъ, потому что изъ старыхъ дѣятелей, кто не арестованъ, уѣхалъ за границу. Воскресенскій звалъ и меня поѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ Парижъ для того, чтобы «столковаться» тамъ съ старыми членами центра. Я наотрѣзъ отказался и ему отсовѣтовалъ. Воскресенскій все таки поѣхалъ и, какъ оказалось впослѣдствіи, смертельно надоѣлъ эмигрантамъ, которые не знали, что съ нимъ дѣлать.

Чтобы не возвращаться болѣе къ Воскресенскому, разскажу, что мнѣ извѣстно о его дальнѣйшей судьбѣ. Проваландавшись много мѣсяцевъ въ Парижѣ, онъ вернулся въ Россію въ эпоху полнаго разгрома партіи. Узнавъ, что я не арестованъ, онъ сталъ разыскивать меня по Россіи и въ началѣ 1885 г. таки настигъ меня въ Тифлисѣ.

Въ это время я уже пережилъ полную ликвидацію своего прошлаго и ждалъ возможности уѣхать за границу навсегда. Воскресенскій сталъ меня убѣждать остаться и возобновить организацію, но, конечно, поколебать принятое мною рѣшеніе онъ не могъ. Чтобы отдѣлаться отъ него, я черезъ нѣсколько дней послѣ его появленія уѣхалъ во Владикавказъ.

Уже будучи въ Парижѣ въ 1887 г., я узналъ, что Воскресенскій присталъ къ кружку Богораза и Оржиха. Вскорѣ арестованный, онъ былъ высланъ въ Сибирь, выдавъ на допросѣ весь ярославскій кружокъ.

По переданному мнѣ Воскресенскимъ адресу и ключу я написалъ въ Петербургъ и въ серединѣ декабря наконецъ получилъ письмо изъ «центра».

Въ немъ предлагалось мнѣ немедленно поѣхать въ Харьковъ, стянуть тамъ всѣ мѣстныя революціонныя силы и постараться поста-

вить типографію. Выпускъ 10-го номера Народной Воли былъ для партіи вопросомъ первѣйшей необходимости.

Сборы мои были недолги. По зимнему пути, на «дружкахъ», съ какимъ то случайнымъ попутчикомъ, я въ полторы сутки добрался изъ Казани въ Сызрань, гдѣ сѣлъ на поѣздъ. Подъѣзжая къ Москвѣ, я изъ купленной газеты узналъ о происшедшемъ наканунѣ убійствѣ Судейкина. Обстоятельства этого дѣла крайне смутили меня, потому что вытекавшая изъ нихъ несомнѣнная близость между Дегаевымъ и Судейкинымъ была для меня необъяснима. Но я недолго долженъ былъ остаться въ невѣдѣніи.

Такъ закончился 1883 г., второй годъ моей революціонной дѣятельности. Послѣдними тремя четвертями этого года я былъ очень недоволенъ, потому что въ нихъ короткіе періоды работы чередовались съ долгими мѣсяцами бездѣйствія. Но теперь я надѣялся вознаградить потерянное время и ревностно приняться за дѣло.

А. Бахъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ празднованію 1-го мая въ Русской Польшѣ.

Въ очень интересной статьѣ *Вл. Акимова-Махновца* „Первое мая въ Россіи“, помѣщенной въ „Быломъ“ за прошлый годъ, между прочимъ собраны отрывочныя данныя, касающіяся празднованія 1-го мая и въ Польшѣ. Матеріалъ, которымъ располагалъ авторъ этой статьи, довольно скуденъ, поэтому я полагаю, что для читателей „Былого“ не будутъ лишними мои поправки и дополненія—тѣмъ болѣе, что празднованіе 1-го мая сыграло первостепенную роль въ исторіи развитія рабочаго движенія—и въ русской и въ австрійской Польшѣ.

Резолюція парижскаго конгреса 1889 г. встрѣтила въ Польшѣ самый симпатичный пріемъ въ рядахъ обѣихъ, существовавшихъ въ то время организацій. И „Пролетаріатъ“ и „Союзъ польскихъ рабочихъ“ занялись энергичной агитаціей съ цѣлью подготовленія майскаго праздника. Эта агитація толкнула и „пролетаріатцевъ“ и „союзниковъ“ на путь широкой *массовой* работы вмѣсто прежней кружковой—экономической у „союзниковъ“ и политической у „пролетаріатцевъ“. „Пролетаріатъ“ издалъ въ концѣ апрѣля 1890 г. польскую и нѣмецкую (для нѣмецкихъ рабочихъ Лодзи) прокламацію, которая была распространена очень широко. Результатомъ этой агитаціи была забастовка около 10,000 рабочихъ въ Варшавѣ. Въ 1891 г. празднованіе 1-го мая приняло въ Польшѣ болѣе крупные размѣры и распространилось на провинціальные промышленные центры. Въ Варшавѣ бастуетъ около 20,000 рабочихъ, въ Жирардовѣ 9000. Впервые зашевелилась и Лодзь, гдѣ воздержалось отъ работы нѣсколько тысячъ пролетаріевъ. Майскій праздникъ внесъ такое оживленіе въ рабочія массы, что сейчасъ же послѣ 1-го мая начинается серія экономическихъ забастовокъ, продолжавшихся довольно долго. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что *манифестаціонный* характеръ майскаго праздника былъ польскими рабочими усвоенъ не сразу. На забастовку 1-го мая польскіе рабочіе смотрѣли довольно долго какъ на лозунгъ, по которому слѣдуетъ начать борьбу съ фабрикантами на экономической почвѣ. Кровавыя событія, сопровождавшія майскій праздникъ въ Жирардовѣ, были использованы „Пролетаріатомъ“ въ цѣляхъ политической, антиправительственной пропаганды.

Майскія событія 1892 г. въ Лодзи носили совершенно иной характеръ, нежели приписываемый имъ тѣмъ источникомъ, которымъ пользуется г. Акимовъ. 1 мая въ Лодзи не могли „остановиться всѣ фабрики и заводы“ хотя бы по одному тому, что это было воскресенье, когда они и такъ не работали. Но дѣло въ томъ, что агитація, которую передъ 1-мъ мая велъ среди рабочихъ массъ „Пролетаріатъ“, вызвала такой подъемъ духа, что *третьяго* мая

началась всеобщая забастовка, которая къ 5-му охватила буквально всю Лодзь. Вспыхнуло чисто стихійное движеніе, переросшее существующую организацію, которая, будучи застигнута врасплохъ, сама не знала что предпринять. Рабочіе собирались толпами, выбрали на главной городской площади „Короля“ въ лицѣ какого то сапожника, обратились къ фабрикантамъ съ рядомъ экономическихъ требованій. Городъ былъ всецѣло во власти рабочихъ, и только тогда, когда стоящее въ немъ войско получило подкрѣпленіе, начались стычки, закончившіяся кровавой баней, въ которой погибло около 100 рабочихъ.

Лодзинскія событья стали поворотнымъ пунктомъ въ развитіи польскаго соціалистическаго движенія. Съ одной стороны рабочіе столкнулись съ правительственной силой въ качествѣ защитницы фабрикантовъ, а съ другой—польскіе соціалисты впервые въ достаточной мѣрѣ оцѣнили силу рабочихъ массъ, которая способна на такія колоссальныя выступленія, какъ лодзинское. И то и другое обстоятельство вызвало сильное броженіе среди разрозненныхъ въ то время польскихъ соціалистовъ, что въ результатѣ дало образованіе новой партіи и возникновеніе новой политической программы—П. П. С.

Въ польскомъ соціалистическомъ движеніи наступаетъ новая эра, что и не замедлило отразиться на празднованіи 1-го мая. Въ 1893 г. П. П. С. еще не успѣла съорганизовать своихъ силъ, и майскій праздникъ, не смотря на распространенныя его воззванія, прошелъ совсѣмъ слабо. Во всемъ Царствѣ Польскомъ бастовало не больше 3000 человѣкъ, преимущественно въ Варшавѣ. Лодзь замолкла на долго.

„О празднествѣ 1894 г. не имѣется никакихъ данныхъ“—говоритъ г. Акимовъ. Между тѣмъ въ Польшѣ оно ознаменовалось первымъ проявленіемъ массоваго движенія въ такихъ центрахъ, какъ Марки (забастовка около 3000 рабочихъ) Радомъ (три кожевенныхъ завода; массовка забастовщиковъ въ лѣсу) и особенно Ченстоховъ, гдѣ бастовало до 6000 человѣкъ. Майская забастовка проявилась кромѣ того впервые въ Домбровскомъ каменоугольномъ раіонѣ, въ Заверцѣ и Езернѣ, гдѣ на заводахъ работали преимущественно окрестные крестьяне. П. П. С. распространила майское воззваніе (2000 экз.) и спеціальную брошюру (2800 экз.) въ Варшавѣ, Маркахъ, Езернѣ, Радомѣ, Лодзи и ея окрестностяхъ, Ченстоховѣ, въ Домбровскомъ округѣ, въ Бѣлостокѣ и Вильнѣ. Почти повсюду первомайская забастовка была сигналомъ, по которому начались стачки за экономическія уступки.

Аналогичный характеръ имѣло майское празднество въ слѣдующемъ 1895 г. П. П. С. распространяетъ три воззванія: польское (3500 экз.), еврейское (500) [1]) и нѣмецкое (300). Бастовали отдѣльныя промышленныя заведенія въ Варшавѣ и ея окрестностяхъ, въ Радомѣ (всѣ кожевенные заводы), Ченстоховѣ и т. д., но въ общемъ замѣчается упадокъ прежняго подъема духа. Въ празднованіи 1-го мая принимаютъ участье не массы, какъ это было прежде, а только вполнѣ сознательные рабочіе, примыкающіе къ партіи. Въ 1896 и 1897 г. наблюдается тоже самое, вслѣдствіе чего П. П. С. рѣшаетъ придать майскому празднеству новыя формы, способныя привлечь широкія массы. Такимъ путемъ появилась идея организовать первыя уличныя демонстраціи.

Въ 1898 г. П. П. С. организовала ихъ въ Варшавѣ и въ Сосновицахъ.

[1]) Это были *первыя* еврейскія майскія воззванія, и г. Акимовъ ошибается, говоря, что „въ 1897 г. появились впервыя еврейскія майскія прокламаціи“. (стр. 176).

Особенно эффектно прошла Сосновицкая. Мѣстная организація П. П. С. распространила около 10,000 карточекъ, приглашающихъ рабочихъ на „большое народное собраніе“ въ селецкій паркъ. Паркъ, конечно, былъ заблаговременно занятъ всѣми полицейскими и военными силами, чѣмъ воспользовались рабочіе, которые съ пѣньемъ „Краснаго знамени“ прошлись по улицамъ города. Съ 1898 г. майское празднество принимаетъ характеръ демонстраціи. Партія въ своей агитаціи не настаиваетъ на прекращеніи работъ на фабрикахъ, прилагая всѣ свои усилія къ тому, чтобы вызвать всякаго рода демонстративные акты, дѣйствующіе на массу. Такъ въ Домбровскомъ каменоугольномъ раіонѣ 1-е мая встрѣчается динамитными выстрѣлами, красными флагами по всему краю на фабричныхъ трубахъ, деревьяхъ и телеграфной проволокѣ. Что-же касается уличныхъ демонстрацій, то до самаго послѣдняго времени ихъ удавалось организовать только въ Варшавѣ, Домбровѣ и Радомѣ [1]).

Вотъ необходимыя дополненія, которые я счелъ полезнымъ присовокупить къ статьѣ г. Акимова.

Я хотѣлъ бы еще сказать нѣсколько словъ относительно первыхъ майскихъ воззваній на *латышскомъ* языкѣ. Онѣ появились въ 1897 г., напечатанныя для „Рижскаго рабочаго комитета въ тайной типографіи „Rabotnika“— органа П. П. С. въ количествѣ 450 экз. Изъ той же типографіи вышли и первыя нѣмецкія майскія воззванія (въ 1897 г.) для Риги. Послѣ первомайскихъ событій въ Ригѣ по порученію Рижскаго рабочаго комитета П. П. С. въ ея лондонской типографіи были напечатаны—по латышски, по нѣмецки и по русски—прокламаціи, выясняющія роль правительства и фабрикантовъ въ этихъ событьяхъ. И въ слѣдующемъ 1898 г. латышскія прокламаціи для Риги (точно такъ же какъ и нѣмецкія и русскія) выходятъ изъ лондонской типографіи П. П. С.

Л. Василевскій (Плохоцкій).

---

[1]) Майскія демонстраціи по деревнямъ съ участьемъ крестьянской массы впервые устраиваются въ 1903 г.

Рѣдчайшее революціонное изданіе начала шестидесятыхъ годовъ

Земля и Воля [1]).

Журналъ, издаваемый Обществомъ Земля и Воля.

Отъ Русскаго Народнаго Комитета.

Находя необходимымъ издавать въ настоящее время журналъ, русскій Центральный Народный Комитетъ уже самымъ этимъ изданіемъ гласно заявляетъ о своемъ существованіи, и потому считаетъ нужнымъ и умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ о той организаціи, которой онъ поставленъ представителемъ.

Въ послѣдній тревожный годъ революціонное броженіе въ Россіи выразилось весьма ясно: революціонная мысль стремилась къ пропагандѣ въ прокламаціонныхъ листкахъ; въ отдѣльныхъ кружкахъ были попытки революціонной дѣятельности, въ массѣ народа возросло недовольство,—все это вызывало гибель отдѣльныхъ личностей,—неизбѣжныя жертвы, знаменующія близость борьбы.

Въ виду такого неестественнаго положенія своего отечества, мы убѣдились, что наступило время для соединенія энергически преданныхъ народному дѣлу людей въ одну стройную, полную единодушія организацію. Необходимое для этого соединеніе отдѣльныхъ кружковъ намъ удалось. Работа надъ связью разсѣянныхъ революціонныхъ элементовъ показала намъ, какъ многочисленны эти элементы повсюду, куда только проникалъ гнетъ . . . . . деспотизма.

Между прочимъ, наша скрытная, негласная дѣятельность нашла себѣ отрадный отзывъ въ тѣхъ, кого . . . . . Мы говоримъ о западной арміи, о войскахъ, стоящихъ въ Польшѣ. Изъ среды этихъ войскъ выдѣлились благородныя энергическія лмчности, ясно сознавшія, что лучше гибнуть самимъ, чѣмъ . . . . . Съ такимъ сознаніемъ соединились эти люди вмѣстѣ въ одну организацію и стали энергически проповѣдывать свое сознаніе между собратами солдатами и офицерами. Эта пропаганда, конечно, въ короткое время не могла достигнуть вполнѣ желаемаго результата, но тѣмъ не менѣе, основываясь на свѣдѣніяхъ, полученныхъ нами отъ нашего Военнаго Комитета въ Варшавѣ, мы можемъ утвердительно сказать, что слова Александра Николаевича о существованіи измѣнниковъ совершенно справедливы; весьма много изъ русскихъ воиновъ въ Польшѣ не подымутъ преступной руки на поляковъ,— . . . . . ; эти воины,

[1]) Съ печатнаго подлинника.
Ред.

свидѣтели всѣхъ правительственныхъ злодѣйствъ и ужасовъ, поинмаютъ, кто главный виновникъ всѣхъ послѣднихъ событій въ Польшѣ и на кого должна раньше или позже обрушиться справедливая кара народовъ—польскаго и русскаго. Отказываясь быть . . . . . ., эти люди въ то же время понимаютъ всю важность русскаго революціоннаго дѣла и успѣху этого дѣла готовы заплатить своею жизнію. Основываясь на такихъ, одинаковыхъ съ нашею организаціею убѣжденіяхъ и стремленіяхъ, русская военная организація въ Польшѣ соединилась съ нами для того, чтобы дѣйствовать единодушно, со взаимною помощію, насколько то возможно при разныхъ положеніяхъ и обстоятельствахъ. При такомъ развѣтвленіи русской организаціи, необходимость близкихъ сношеній съ организаціею польской и ея представителемъ—Центральнымъ комитетомъ ясна. Эти отношенія и даютъ намъ болѣе, чѣмъ кому либо, возможность судить о польскомъ дѣлѣ честно и безпристрастно и вслѣдствіе этихъ сужденій относиться къ польскому народу съ братскою любовью, всегда привѣтствуя его въ успѣхахъ, всегда глубоко сочувствуя его бѣдствіямъ въ борьбѣ съ ненавистнымъ самодержавнымъ игомъ.

Затѣмъ говорить здѣсь о своихъ силахъ и о той главной силѣ, на которую должно опираться всякое серьезное революціонное дѣло, т. е. о народѣ, связяхъ съ нимъ, было бы неумѣстно по причинамъ понятнымъ. Пока вынужденные заявить о себѣ гласно, мы обратимся только къ тѣмъ людямъ, которые, сочувствуя страданіямъ родины и желая участвовать въ дѣлѣ освобожденія, должны были до сихъ поръ оставаться праздными зрителями всего совершающагося,—оттого, что не видѣли вокругъ себя поддержки, а сами не настолько сильны, чтобы создать ее. Пусть такіе люди соединяются въ кружки, заводятъ всевозможныя сношенія; не сегодня, такъ завтра они увидятъ возможность присоединиться къ общей нашей организаціи; не они насъ, такъ мы ихъ отыщемъ,—для этого именно Народный Комитетъ старается заводить вездѣ своихъ дѣятельныхъ агентовъ. Отъ этихъ агентовъ Общества „Земля и Воля"—присоединяющіеся къ Обществу люди узнаютъ болѣе подробныя свѣдѣнія объ организаціи. Пусть всѣ любящіе свою родину, готовые раздѣлить съ нами труды и случайности борьбы, соединяются около одного знамени „Земля и Воля": въ дѣлѣ народнаго освобожденія должны сглаживаться спорные оттѣнки одной и той же свободолюбивой партіи. Пусть такимъ образомъ возрастаетъ наша дружная сила — и никакіе разбойничьи ужасы самодержавія, никакія выхваченныя деспотизмомъ жертвы не остановятъ этой силы на пути, по которому она будетъ идти неуклонно до тѣхъ поръ, пока не поставитъ своего знамени „Земля и Воля" среди народнаго собранія отъ всей свободной русской земли.

Въ программу дѣйствій, принятую русскимъ центральнымъ комитетомъ для низверженія . . . . . деспотизма, препятствующаго развитію свободной народной жизни, между прочимъ входитъ изданіе журнала, настоящій первый нумеръ котораго познакомитъ публику съ его задачей и цѣлями. Исторія западныхъ народовъ свидѣтельствуетъ, что царизмъ, съ перваго же дня своего средневѣкового рожденія, сталъ стремиться къ безпощадному угнетенію народовъ. Только цѣною крови могли купить себѣ народы нѣкоторыя права, ограждавшія ихъ отъ ненавистныхъ притѣснителей, и эти, такъ называемыя конституціонныя права народа никогда не были и не будутъ прочны. „Цари всегда вѣроломны" сказалъ Макіавели; съ минованіемъ опасности цари забывали свои обѣщанія, вынужденныя страхомъ, а своимъ гнетомъ снова и снова вызывали народы на кровавыя возстанія. Подобныя отношенія . . . .

. . . . . къ угнетаемымъ массамъ существуютъ и въ настоящее время. Напрасно наивные люди надѣются возвратить народу похищенныя права парламентской борьбой, идущей теперь почти вездѣ въ Европѣ. Подавленныя массы остаются глухи къ звонкимъ фразамъ враждующихъ парламентскихъ партій; массамъ нужны хлѣбъ и полная свобода—и потому они тяготятся цѣпями своего рабства, питаютъ въ себѣ зародыши грозныхъ возстаній: ихъ натянуто-тревожное состояніе предвѣщаетъ близкую гибель существующимъ порядкамъ и повтореніе кровавой драмы, потрясшей въ 48 году всю Европу, только въ большихъ размѣрахъ и съ болѣе отраднымъ результатомъ.

Чувство ужаса и отчаянія овладѣваетъ мыслящимъ человѣкомъ въ первую минуту, какъ только онъ сравнитъ даже это совершенно не удовлетворительное положеніе Европы съ положеніемъ нашего отечества. . . . деспотизмъ заразилъ собою всѣ сферы русской жизни, ...

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Самодержавіе лишило насъ существеннаго права человѣческой личности—личной свободы; ежедневные аресты безъ всякаго повода лицъ всѣхъ половъ. возрастовъ и сословій горько доказываютъ это и въ то же время свидѣтельствуютъ, какъ нагло поругана священная неприкосновенность жилищъ этими разбойническими ночными и дневными набѣгами полиціи. Естественная свобода мысли и слова у насъ не существуетъ: мы должны мыслить, чувствовать и говорить такъ, какъ намъ прикажетъ. . . . . Даже тайныя помышленія, личныя чувства находятся подъ вѣчнымъ надзоромъ самодержавія: за каждое слово, нечаянно сорвавшееся въ письмѣ къ другу, къ матери или къ женѣ, васъ губятъ въ казематѣ и грозятъ каторгой. Не пощажено даже и религіозное чувство и то, что наивная душа довѣрила на исповѣди духовнику—„посреднику между . . . . . [1]).

[1]) Окончанія этого изданія у насъ нѣтъ. Очень просимъ разыскать его и доставить намъ. *Ред.*

Приведеніе въ исполненіе приговора надъ М. В. Петрашевскимъ и другими осужденными по донесеніямъ агентовъ III Отдѣленія.

Записка III Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

22-го декабря, во время исполненія приговора надъ преступниками, народа было на Семеновскомъ плацу до 3.000 человѣкъ; все было тихо и всѣ были проникнуты особеннымъ вниманіемъ.

Весь процессъ, предшествующій смертной казни, былъ исполненъ съ точностію; но къ сожалѣнію должно сказать, что въ преступникахъ не было замѣчено того благоговѣйнаго чувства и страха, какого должно ожидать въ столь горестныя минуты жизни человѣческой! Только нѣкоторые казались упадшими духомъ и выражали нѣкоторое раскаяніе. За то, напротивъ, и въ зрителяхъ не проявлялось никакого участія къ преступникамъ. *Петрашевскій* былъ болѣе всѣхъ дерзокъ: онъ принималъ позы, несвойственныя его положенію, помогалъ приковывать къ ногамъ своимъ цѣпи; когда надѣли на преступниковъ саваны, сказалъ своимъ злоумышленникамъ: „Господа! какъ мы должны быть смѣшны въ этихъ костюмахъ!“ А по окончаніи чтенія конфирмаціи, промолвилъ: „И только!“ Все это возбудило, какъ въ зрителяхъ, такъ и въ особенности въ войскахъ, совершенное къ нему, не только равнодушіе, но даже презрѣніе, и между офицерами и даже нижними чинами слышны были голоса: „жаль, что этого злодѣя не разстрѣляли“. Такое же впечатлѣніе было произведено и на жителей города; они упрекали преступниковъ, и находили, что съ ними поступлено очень милостиво.

II.

Другая записка о томъ же полковника корпуса жандармовъ Васильева.

Исключая *Петрашевскаго*, старавшагося выказать глупую браваду, сказавшаго даже: „какъ мы смѣшны въ этихъ костюмахъ“ и двухъ трехъ *старавшихся* выказать твердость, всѣ преступники имѣли видъ проникнутыхъ грустію. Одинъ подошелъ исповѣдаться, иные молились, плакали. *Монбелли*, *Львовъ*, выказали душевную покорность; они первые подняли руки къ каскамъ для выслушанія конфирмаціи и почтительно стояли на колѣнахъ.

Не хорошо распорядились тѣмъ, что допустили *Петрашевскаго* обойти всѣхъ преступниковъ для прощальнаго поцѣлуя; онъ нѣкоторымъ говорилъ что то; это была также его бравада.

Не хорошо, что поручили читать конфирмацію слабоголосому чиновнику и преступники худо слышали ее.

А г. Комендантъ слишкомъ и даже неделикатно торопилъ священника, особливо когда онъ исповѣдывалъ преступника; должно было это дѣлать религіозно, или вовсе не дѣлать,—вышла одна проформа.

Формы и результаты

аграрнаго движенія въ 1906 году [1])

I.

Первые мѣсяцы года,—до лѣтней страды,—аграрное движеніе было продолженіемъ октябрьскаго и ноябрьскаго движенія 1905 г. Деревня долго не могла успокоиться послѣ пронесшейся надъ нею аграрной бури.

Аграрное движеніе осенью 1905 г. было прямымъ откликомъ деревни на октябрьскую желѣзнодорожную забастовку. Какъ разсказываетъ Н. Максимовъ о движеніи въ Саратовской губ., „какъ только вспыхнула желѣзнодорожная забастовка, ставшая вскорѣ всеобщей, крестьяне насторожились. Они толпами сходились къ станціямъ желѣзныхъ дорогъ встрѣчать делегатскіе поѣзда, подвозившіе делегатовъ со всѣхъ линій Рязанско-Уральской желѣзной дороги къ Саратову. Они разспрашивали делегатовъ о томъ, что происходитъ въ городахъ, и расходились по домамъ, взволнованные ихъ разсказами. Расходились и разносили идею всеобщей забастовки по своимъ селамъ“ (Сынъ Отеч., № 232). Движеніе начиналось обыкновенно недалеко отъ желѣзнодорожной станціи и проникало постепенно въ глубь страны, въ удаленные отъ желѣзной дороги медвѣжьи углы. Начавшись 12 окт.,—въ Аткарскомъ у.,—движеніе до конца года охватило 90 уѣздовъ, преимущественно въ средневолжскихъ, центрально-земледѣльческихъ и малороссійскихъ губерняхъ. Выражалось оно въ „разборкѣ“ или „дѣлежѣ“ помѣщичьихъ экономій,—въ увозѣ помѣщичьяго хлѣба, сѣна и соломы. Во многихъ мѣстахъ разобраніе помѣщичьихъ экономій было совершено по приговорамъ сельскихъ обществъ. Такъ, въ с. Ключахъ Петровскаго у. разгромъ имѣнья М. С. Ермолаева былъ произведенъ по приговору схода, въ которомъ говорится: „весь хлѣбъ въ его амбарахъ мы, въ виду отсутствія у насъ всякихъ продовольственныхъ средствъ и не надѣясь на помощь правительства, постановили раздѣлить поровну между нуждающимися однообщественниками“. Крестьяне часто

---

[1]) Обзоры аграрнаго движенія за первые 7 мѣсяцевъ 1906 г. были первоначально напечатаны въ газетѣ „Наша Жизнь“; здѣсь они печатаются въ дополненномъ на основаніи позднѣйшихъ газетныхъ сообщеній видѣ. Обзоры за послѣдніе 5 мѣсяцевъ печатаются впервые.

говорили, что имъ „нуженъ хлѣбъ и больше ничего". Помѣщики большею частью „разбирались" своими же крестьянами, хотя были случаи походовъ особенно предпріимчивыхъ деревень на сторону, въ особо большія экономіи.

Въ однихъ мѣстахъ разборка хлѣба производилась безпорядочно, причемъ богатый многолошадный крестьянинъ увозилъ больше бѣдняка, въ другихъ мѣстахъ, какъ напр. въ с. Николаевскомъ Городкѣ, Саратовской губ., крестьяне отбирали только часть хлѣба, оставляя помѣщику такое его количество, какое необходимо ему, семьѣ и служащимъ до новаго урожая, отобранный же хлѣбъ правильно распредѣляли между нуждающимися ѣдоками окружныхъ селъ. Гдѣ движеніе не пріобрѣтало особой напряженности, крестьяне довольствовались разборомъ одного хлѣба; гдѣ страсти разгорались, происходилъ полный разгромъ экономій и поджогъ строеній. При выжиганіи помѣщичьихъ экономій, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ поджоги приняли систематическій характеръ, какъ напр. въ Саратовской губ., крестьяне, по ихъ собственнымъ словамъ, руководствовались слѣдующими соображеніями: „Если мы оставимъ постройки въ цѣлости, то черезъ 2—3 мѣсяца помѣщики смогутъ опять вернуться и зажить по старому, ну, а если построекъ не будетъ, то раньше двухъ лѣтъ имъ здѣсь дѣлать нечего. Да вотъ еще на случай придутъ казаки,—имъ было бы готовое помѣщеніе, а такъ придется жить по крестьянскимъ хатамъ, что для ихняго брата, можетъ быть, не способно". Повидимому, систематическое выжиганіе помѣщичьихъ усадебъ практиковалось только тамъ, гдѣ крестьяне, разбирая хлѣбъ, вмѣстѣ съ тѣмъ захватывали землю въ свое пользованіе. Судя по газетнымъ сообщеніямъ, подобный захватъ земель въ связи съ разгромомъ усадебъ происходилъ въ Саратовской, Тамбовской, Курской и Черниговской губ. Въ с. Графчинскомъ, Аткарскаго у., крестьяне постановили объявить землю помѣщика Ребинина народною собственностью и приступить къ временному раздѣлу между общественниками впредь до утвержденія законодательною властью. Имѣнье М. С. Ермолаева при с. Ключахъ было объявлено общественною собственностью, крестьяне выбрали особую администрацію для завѣдыванія имъ. Изъ другихъ формъ аграрнаго движенья широко были распространены массовыя порубки лѣса; напротивъ, запашки частновладѣльческихъ земель, борьба за улучшеніе условій аренды земли и личнаго найма—были распространены сравнительно слабо.

Въ первые мѣсяцы 1906 г., пока держался санный путь, наиболѣе распространенною формою движенья были массовыя порубки лѣса. Онѣ охватили 53 уѣзда и отдѣла: шенкурскій, велико-устюжскій, никольскій, кадниковскій, бѣлозерскій, новоладожскій, солигаличскій, кологривскій, макарьевскій (Костр.), кинешемскій, мологскій, кашинскій, шуйскій, опочецкій, бѣльскій, гжатскій, рославльскій, мосальскій, тихвинскій, каширскій, чернскій, нижегородскій, княгининскій, свіяжскій, ардатовскій (Симбир.), горецкій, чаусскій, чериковскій, климовичскій, гомельскій, суражскій, ста-

родубскій, черниговскій, глуховскій, дмитровскій, моршанскій, сердобскій, балашовскій, аткарскій, бузулукскій, староконстантиновскій, брацлавскій, радомысльскій, бердичевскій, черкасскій, путивльскій, острогожскій, павловскій, оргѣевскій, бендерскій, изюмскій, павлоградскій и армавирскій отд. Разгромъ экономій, какъ и въ прошломъ году, имѣлъ мѣсто главнымъ образомъ въ черноземныхъ губерніяхъ. Носилъ онъ спорадическій характеръ: то тутъ, то тамъ изрѣдка крестьяне громили одну—двѣ экономіи: движеніе нигдѣ не получило широкаго распространенія. Въ самарскомъ уѣздѣ и ростовскомъ округѣ (на Дону) крестьяне разгромили не помѣщичьи экономіи, а нѣсколько хлѣбныхъ амбаровъ деревенскихъ кулаковъ—ссыпщиковъ хлѣба. Въ саратовскомъ уѣздѣ голодающіе крестьяне обращались къ своимъ богатымъ односельчанамъ съ просьбою дать имъ въ заемъ излишекъ хлѣбныхъ запасовъ и корма для скота. Въ случаѣ отказа или неполнаго удовлетворенія просьбы, крестьяне самовольно разбирали запасы богатыхъ односельчанъ или поджигали ихъ. Въ этихъ случаяхъ движеніе утратило свой первоначальный сословно-классовый характеръ и превратилось въ движеніе голодныхъ противъ сытыхъ. Разборка экономій и хлѣбныхъ амбаровъ имѣла мѣсто въ 16 уѣздахъ: оргѣевскомъ, днѣпровскомъ, павлоградскомъ, константиноградскомъ, ростовскомъ-на-дону, суджанскомъ, льговскомъ, стародубскомъ, гомельскомъ, климовичскомъ, горецкомъ, пронскимъ, княгининскомъ, аткарскомъ, ставропольскомъ (Самар. губ.) и самарскомъ. Запашка земель и регулированіе аренды—тоже спорадически—случались только въ черноземной полосѣ. Въ золотоношскомъ уѣздѣ крестьяне не позволяли пахать экономическія земли. Въ черниговскомъ—крестьяне приступили къ размежеванію помѣщичьихъ земель, въ буинскомъ—къ дѣлежу и запашкѣ. Этого рода аграрное движеніе происходило въ ямпольскомъ, одесскомъ, ялтинскомъ, золотоношскомъ, черниговскомъ, буинскомъ (Симб.) уу. и пятигорскомъ отд.

Въ пронскомъ, саратовскомъ и сызранскомъ уѣздахъ крестьяне отказывались брать въ аренду помѣщичьи земли. Движеніе въ пользу улучшенія условій аренды земли происходило также въ ѳеодосійскомъ уѣздѣ.

Движеніе на почвѣ отношеній найма происходило въ западной полосѣ Россіи, а также въ Саратовской губ. Забастовки сельско-хозяйственныхъ рабочихъ начались съ весенними работами,—первая забастовка была въ бердичевскомъ уѣздѣ въ концѣ февраля.

Въ Царствѣ Польскомъ движеніе охватило лодзинскій, плоцкій, сохачевскій, блонскій, варшавскій и грубешовскій уѣзды. По свѣдѣніямъ „Рѣчи“, въ этихъ мѣстахъ „предполагается отказъ отъ работъ въ полѣ, причемъ такія работы, какъ кормленіе и уходъ за скотомъ и пр., будутъ исполняться нормально. Главныя требованія сводятся къ повышенію жалованія, улучшенію пищи (мясо по воскресеньямъ), жилищъ и пр. Кромѣ того забастовщики требуютъ безплатной медицинской помощи, отдѣльнаго помѣщенія

для заразныхъ больныхъ, обязательнаго начальнаго обученія ихъ дѣтей на счетъ помѣщиковъ. Денежные штрафы должны налагаться только подъ контролемъ самихъ рабочихъ, рабочій день долженъ быть не длиннѣе 12 часовъ лѣтомъ, а зимою долженъ прекращаться съ сумерками, и никакая работа не должна производиться при лампѣ. Характерны слѣдующія требованія: администрація не должна обращаться къ рабочимъ на „ты", каждый рабочій имѣетъ право принимать въ своемъ жилищѣ своихъ гостей безъ контроля хозяевъ; хозяева не имѣютъ права дѣлать обыски въ жилищахъ рабочихъ". „Рабочее Слово" дополняетъ эти свѣдѣнія: рабочіе требуютъ увеличенія платы, деньгами 30 руб. (вмѣсто 24 руб.) въ годъ, хлѣба 14 корцевъ (вмѣсто 8), отвода огорода подъ капусту, увеличенія площади подъ картофель на $^1/_3$. Для семейныхъ должна даваться комната съ англійской плитой и, по крайней мѣрѣ, кирпичнымъ поломъ; для холостыхъ одна комната на 4-хъ. Уничтоженіе посылки (подручнаго), отмѣна штрафовъ или по крайней мѣрѣ образованіе изъ штрафныхъ суммъ особаго капитала для помощи самимъ же рабочимъ. Отдыхъ въ воскресные и праздничные дни, а также 1 мая.

Сверхъ уѣздовъ Царства Польскаго, движеніе на почвѣ отношеній найма охватило бѣлостокскій, бердичевскій, чериковскій, нѣжинскій, лохвицкій, ялтинскій, балашевскій, аткарскій и саратовскій уѣзды. Въ балашевскомъ уѣздѣ крестьяне согласились не выѣзжать къ землевладѣльцамъ на работы ниже установленной крестьянами цѣны. Въ бѣлостокскомъ, нѣжинскомъ, аткарскомъ и саратовскомъ уѣздахъ крестьяне бойкотировали помѣщичьи экономіи, снимая рабочихъ.

Эти формы движенія продолжались и лѣтомъ, въ маѣ—іюлѣ. Судя по газетнымъ сообщеніямъ, порубки лѣса производились въ 40 уѣздахъ [1],—цифра для лѣтняго времени очень высокая. Повидимому, напряженное вниманіе къ „аграрнымъ безпорядкамъ" привело къ тому, что даже простыя случайныя порубки раздувались въ крупныя событія.

Еще болѣе преувеличены газетныя свѣдѣнія о потравахъ, самовольныхъ покосахъ и увозѣ сѣна. Простыя потравы, столь обычныя въ Россіи, сплошь и рядомъ выдавались за аграрныя волненія. Самовольные закосы также въ большинствѣ случаевъ не носили массоваго характера. Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этотъ покосъ травы носилъ несомнѣнно характеръ аграрнаго движенія. Такъ, въ спасскомъ у. (Ряз.) крестьяне захватили помѣщичій лугъ, подѣлили его по душамъ и скосили. Въ лубенскомъ у. крестьяне

---

[1]) Рубка лѣса происходила въ новоградволынскомъ, пружанскомъ, бѣлостокскомъ, лужскомъ, петербургскомъ, демянскомъ, тихвинскомъ, крестецкомъ, духовщинскомъ, порѣчскомъ, моложскомъ, московскомъ, муромскомъ, меленковскомъ, костромскомъ, юрьевецкомъ, макарьевскомъ (Ниж.), чебоксарскомъ, свіяжскомъ, тетюшскомъ; въ ялтинскомъ, ѳеодосійскомъ, рыльскомъ, дмитріевскомъ, суджанскомъ, обоянскомъ, курскомъ, щигровскомъ, елецкомъ, веневскомъ, данковскомъ ломовскомъ, буинскомъ, сенгилейскомъ, сызранскомъ, аткарскомъ, хвалынскомъ, самарскомъ, бугульминскомъ и уфимскомъ уѣздахъ.

половину самовольно убраннаго сѣна оставили помѣщику, другую свезли къ себѣ и поровну подѣлили между участниками. Въ брестскомъ, юхновскомъ, орловскомъ, мценскомъ, елецкомъ, курскомъ, сызранскомъ, цивильскомъ, зміевскомъ, одесскомъ и мелитопольскомъ уѣздахъ крестьяне увозили готовое сѣно съ луговъ, изъ покосовъ и копенъ, въ кирсановскомъ—даже сложенное въ скирды. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне косили сѣно у крестьянъ же. Такъ, въ семеновскомъ у. крестьяне двухъ деревень произвели самовольный покосъ на лугахъ третьей, дер. Пикино; въ жиздринскомъ у. крестьяне д. Бережковъ завладѣли лугомъ крестьянъ дер. Буды и скосили его; въ с. Елховкѣ, самарскаго у., безземельные крестьяне самовольно раздѣлили между собой и скосили болѣе 260 дес. луговъ, принадлежащихъ обществу крестьянъ-собственниковъ сел. Елховки. Самовольные покосы и потравы почти сплошь охватили полосу изъ черноземныхъ губерній: Орловской, Курской, Харьковской, Воронежской, Тамбовской, Рязанской, Саратовской, южн. части Симбирской и Самарской. Въ нечерноземной полосѣ Россіи это движеніе имѣло два центра: на западѣ—3 уѣзда Гродненской губ. (брестскій, пружанскій, слонимскій); на сѣверо-западѣ—уѣзды: тихвинскій, бѣлозерскій, устюженскій и череповецкій Новгородской губ., весьегонскій, вышневолоцкій, бѣлецкій и новоторжскій уу. Тверской г. и мологскій у. Ярославской губ.

Разгромъ экономій носилъ,—за исключеніемъ дв. ленія въ Воронежской губ.,—спорадическій характеръ. Громили экономіи или изъ-за нужды, или изъ мести и вражды къ землевладѣльцамъ; въ послѣднемъ случаѣ былъ только разгромъ, безъ разбора имущества. Разгромы имѣли мѣсто всего въ 46 уу. [1]) Всѣ эти уѣзды, за исключеніемъ уу. Казанской и Костромской губ., расположены въ черноземной полосѣ. Въ общемъ, районъ разгромовъ совпадаетъ съ черноземнымъ райономъ самовольныхъ потравъ и покосовъ, охватывая тѣ же губерніи. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ,—одесскомъ, бахмутскомъ, лохвицкомъ, самарскомъ, суджанскомъ, тимскомъ, дмитровскомъ, болховскомъ, самарскомъ, орловскомъ, землянскомъ, новохоперскомъ, борисоглѣбскомъ, новоузенскомъ, симбирскомъ, буинскомъ, корсунскомъ, петровскомъ, чистопольскомъ, —крестьяне увозили съ полей помѣщичій хлѣбъ, изъ усадебъ—хлѣбъ въ снопахъ и сѣно. Въ Тростянахъ, бѣлостокскаго у., крестьяне свозили хлѣбъ съ полей земскихъ начальниковъ. Разборкѣ подвергались не одни помѣщичьи хозяйства. Въ бахмутскомъ у. производились систематическія хищенія хлѣба съ полей нѣмцевъ-

[1]) Въ радомысльскомъ, кіевскомъ, прилукскомъ, константиноградскомъ, одесскомъ, глуховскомъ, льговскомъ, суджанскомъ, грайворонскомъ, бѣлгородскомъ, тимскомъ, орловскомъ, болховскомъ, мценскомъ, елецкомъ, веневскомъ, пронскомъ, данковскомъ, лебедянскомъ, моршанскомъ, кирсановскомъ, борисоглѣбскомъ, задонскомъ, землянскомъ, воронежскомъ, острогожскомъ, новохоперскомъ, бобровскомъ, коротоякскомъ, бирюченскомъ, старобѣльскомъ, балашевскомъ, аткарскомъ, новоузенскомъ, николаевскомъ, самарскомъ, бугурусланскомъ, бугульминскомъ, симбирскомъ, корсунскомъ, чистопольскомъ, мамадышскомъ, тетюшскомъ, свіяжскомъ, чебоксарскомъ и ветлужскомъ уѣздахъ.

колонистовъ. Въ веневскомъ у. крестьяне разграбили складъ сельско-хозяйственнаго общества. Въ Саратовской губерніи уже въ маѣ крестьяне разбирали хлѣбъ со станцій на линіи Аткарскъ-Вольскъ; ст. Баланду крестьяне разбирали 3 раза,—въ маѣ, концѣ іюня и началѣ іюля. На самаро-златоустовской желѣзн. дор. крестьяне открыто увозили со станцій хлѣбъ, лежавшій на нихъ въ ожиданіи очередной отправки, говоря: „Мы голодны, а хлѣбъ лежитъ, мы его и беремъ себѣ". Во второй половинѣ іюня крестьяне сосѣднихъ съ Самарой селъ, напримѣръ, с. Колывани, категорически отказывались везти въ Самару хлѣбъ, принадлежащій окрестнымъ землевладѣльцамъ и купцамъ. Въ новоузенскомъ уѣздѣ крестьяне составляли въ іюлѣ приговоры о недопущеніи вывоза изъ неурожайныхъ мѣстъ хлѣба, принадлежащаго крупнымъ помѣщикамъ-землевладѣльцамъ. Хлѣбъ этотъ, по ихъ мнѣнію, долженъ быть оставленъ на мѣстахъ для раздачи голодающему населенію, съ тѣмъ, чтобы правительство заплатило за этотъ хлѣбъ владѣльцамъ. Несомнѣнно, что всѣми этими дѣйствіями крестьянъ руководили нужда и голодъ, ставшіе единственнымъ достояніемъ крестьянъ „богатаго" русскаго чернозема.

Въ то время какъ осенью прошлаго года каждый единичный разгромъ экономіи служилъ сигналомъ для цѣлаго погромнаго движенія,—этимъ лѣтомъ подавляющее большинство разгромовъ такъ и оставалось единичными дѣйствіями. Сосѣднія селенія не слѣдовали данному примѣру. Очевидно, усиленная охрана въ деревняхъ, съ одной стороны, отсутствіе единства настроенія въ крестьянской массѣ—съ другой, лишали это движеніе силы. Подъ вліяніемъ аффекта или крайней нужды, то или другое селеніе рѣшалось на погромъ, но не находило активнаго сочувствія въ сосѣднихъ селахъ. Исключеніе составляютъ массовыя движенія въ новоузенскомъ уѣздѣ и въ Воронежской губ. Въ новоузенскомъ уѣздѣ пришлые изъ центральныхъ губ. рабочіе, не найдя работы и изголодавшись, двинулись изъ с. Озинокъ на сосѣдніе хутора Корепанова и Афанасьева, забирая хлѣбъ и требуя денегъ для прокормленія. Къ нимъ примкнули мѣстные жители и разобрали хлѣбъ и сѣно въ 5 имѣніяхъ. Въ Воронежской губ. погромное движеніе началось 24 іюня и продолжалось до 3 іюля, захвативъ уѣзды: задонскій, воронежскій, бобровскій и коротоякскій. Разгромлено нѣсколько десятковъ имѣній и 5 винныхъ лавокъ. Въ этой мѣстности еще въ началѣ іюня возникло мирное забастовочное движеніе. Помѣщики отказались удовлетворить требованія крестьянъ. По свѣдѣніямъ „Пути", большинство ихъ рѣзко отказалось идти навстрѣчу крестьянамъ и, желая ихъ заставить работать по прежней цѣнѣ, стало требовать присылки войскъ. Тѣ же помѣщики, которые изъявили согласіе полностью удовлетворить крестьянъ, получили „словесный приказъ" отъ губернскихъ властей ни въ чемъ не уступать „крамольникамъ", въ противномъ случаѣ помѣщики будутъ сопричислены къ „революціонерамъ" и понесутъ должное за такое преступное дѣяніе. Такимъ образомъ, мирныя требованія крестьянъ встрѣтили организованный отпоръ.

Отпоръ этотъ сдѣлалъ всю крестьянскую массу солидарной; онъ показалъ ей всю безнадежность борьбы мирными средствами, и вотъ, стараніями властей мирная забастовка превратилась въ разгромъ помѣщичьихъ усадебъ. Подъ вліяніемъ этого движенія воронежскій вице-губернаторъ Кохъ обратился къ В. Д. Кузьмину-Караваеву, бывшему членомъ Государственной Думы, 27 іюня со слѣд. телеграммой: „Во имя любви къ многострадальному народу, умоляемъ Думу издать воззваніе къ крестьянамъ. Призовите ихъ къ терпѣнію, твердой вѣрѣ въ плодотворности работы Думы. Потухающая надежда, безысходная нужда толкаютъ ихъ на безумства. Только что вернулся съ аграрныхъ безпорядковъ. Сердце сжимается отъ пережитаго. Едва сдерживаешь рыданья. Одной лаской, любовью можно предотвратить предстоящія кровопролитія, въ чемъ лично убѣдился. Другого способа нѣтъ. Спѣшите. Пожалѣйте родину. Вице-губернаторъ Кохъ“. Аналогичная телеграмма была послана г. Кохомъ Михайличенкѣ, также члену Госуд. Думы. За эти телеграммы Кохъ былъ немедленно уволенъ отъ должности: человѣческія чувства не должны волновать представителей бюрократіи въ ихъ отношеніи къ „управляемымъ“...

Запашки помѣщичьей (и церковной) земли, какъ и прежде, случались только спорадически, — въ Ковенской губ., брестскомъ, вовоградволынскомъ, ямпольскомъ, зміевскомъ, славяносербскомъ, воронежскомъ, алексинскомъ, рязанскомъ, раненбургскомъ, симбирскомъ, саратовскомъ, вольскомъ, аткарскомъ, балашовскомъ и камышинскомъ уу. Въ камышинскомъ и царицынскомъ уу., въ концѣ іюля, крестьяне подѣлили по душамъ землю нѣсколькихъ сосѣднихъ владѣльцевъ. Въ воронежскомъ и славяносербскомъ уу. крестьяне подѣлили землю, принявъ въ долю и помѣщиковъ; въ одномъ случаѣ помѣщику пришлось 5 дес., въ другомъ—9. Въ симбирскомъ у. крестьяне с. Мотовилова не дали жать крестьянамъ с. Цыльны на участкѣ, врѣзавшемся въ ихъ землю,— потому что по передѣлу этотъ участокъ долженъ отойти имъ, мотовиловцамъ.

Такимъ образомъ, аграрное движеніе весны настоящаго года, по силѣ своего напряженія, не можетъ и сравниваться съ движеніемъ осени прошлаго года. Оно гораздо слабѣе. Какія же причины ослабили аграрное движеніе? Главная, коренная причина крестьянскаго недовольства, — аграрный кризисъ, малоземелье и нужда, — дѣйствуютъ по прежнему. Но недовольство крестьянъ, въ силу цѣлаго ряда причинъ, измѣнило нѣсколько форму своего проявленія. Не безъ вліянія, конечно, остались насилія стражниковъ и карательныхъ отрядовъ. Какъ дѣйствуютъ карательные отряды, можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ. Въ деревнѣ Бакуловичи, чериковскаго уѣзда, послѣ экзекуціи карательный отрядъ зарѣзалъ 3-хъ коровъ и забралъ у крестьянъ 80 пуд. ячменя. Въ суражскомъ у. карательный отрядъ сжегъ 5 домовъ, 6 гуменъ и сарай съ сѣномъ. Всѣ крестьяне перепороты, много

изувѣченныхъ, двое убито. Дѣйствія карательныхъ отрядовъ побудили крестьянъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ самообороне. Такъ, въ с. Теткино, Глуховскаго уѣзда, были присланы казаки. Какъ-то ночью половина главной улицы села была устлана боронами, вверхъ зубьями. Крестьяне ударили въ набатъ и дали знать въ экономію, что идутъ „громить“ ее. Тотчасъ появились казаки, которые и врѣзались на всемъ скаку въ бороны. Въ результатѣ — масса искалѣченныхъ казаковъ и лошадей. Послѣ этого казаковъ убрали. Подобный же случай былъ въ пирятинскомъ уѣздѣ, около Яготина, и въ житомірскомъ у. въ с. Андрушовкѣ. Чтобы бороны были незамѣтны, онѣ были прикрыты соломой. Въ лохвицкомъ у. для защиты отъ казаковъ крестьяне рыли на дорогахъ волчьи ямы съ вбитыми внизу заостренными кольями.

Другою еще болѣе важною причиною ослабленія аграрнаго движенія явилось обнаружившееся въ крестьянской средѣ различіе въ интересахъ. Если не вся масса крестьянства, то значительное большинство его солидарно въ своей враждебности къ частнымъ землевладѣльцамъ-помѣщикамъ. Поэтому, пока движеніе носило сословно-классовой характеръ, масса крестьянства шла дружно, въ ней не было раскола. Но какъ только побѣда надъ общимъ врагомъ была одержана, и крестьяне приступили къ использованію ея плодовъ,—тотчасъ же въ крестьянской массѣ обнаружился глубокій антагонизмъ. При массовыхъ порубкахъ лѣса и разборкѣ экономій богатый крестьянинъ ѣхалъ на нѣсколькихъ подводахъ, средній — на одной, а бѣднякъ безлошадный — шелъ въ экономію съ мѣшкомъ за плечами. Очевидно, такой способъ дѣлежа не могъ не вызвать горячаго протеста со стороны бѣднѣйшихъ жителей деревни. Даже и тамъ, гдѣ отобранный лѣсъ и хлѣбъ распредѣлялись „уравнительно“—каждый получалъ поровну, независимо отъ своего имущественнаго положенія, т. е. интересы бѣднѣйшихъ опять-таки нарушались. При регулированіи арендныхъ отношеній, если землю дѣлили крестьяне уравнительно, нарушались интересы богатѣевъ, старыхъ держателей земли. Если же понижалась только арендная плата, то бѣдняки не выигрывали ничего, такъ какъ богатѣи перебивали у нихъ землю. При захватѣ частновладѣльческихъ земель отношенія складывались еще болѣе сложно. Болѣе состоятельные крестьяне тяготѣли къ захвату большихъ площадей („земля должна быть разверстана такъ, какъ она разверстана между дворами въ данный моментъ“); при уравнительномъ распредѣленіи нарушались какъ ихъ интересы, такъ и интересы бѣдняковъ—безземельныхъ и безлошадныхъ, которые, получивъ 1—2 дес. на душу, не имѣли шансовъ возстановить хозяйство. Если экспропріировалась земля, бывшая раньше въ арендѣ, то нарушались интересы старыхъ держателей. Переходъ всей земли въ руки состоятельныхъ крестьянъ лишалъ бѣдняковъ заработка, который они имѣли въ частновладѣльческихъ экономіяхъ. Положеніе осложнялось еще антагонизмомъ интересовъ крестьянъ различныхъ селеній (принадлежавшихъ при крѣпостномъ правѣ къ составу имѣнія и непринадлежавшихъ), особыми интересами кре-

стьянъ, имѣющихъ купчую землю и т. д. [1]). Оказалось, словомъ, что крестьянство далеко не на одно лицо, и интересы различныхъ слоевъ его далеко не однородны. Отсюда—ссоры и конфликты, доходившіе до смертоубійствъ, борьба партій въ деревнѣ, поджоги. Эта деморализація крестьянской массы не могла не ослабить аграрнаго движенія.

Далѣе, немаловажное значеніе имѣло отсутствіе рабочаго движенія въ городахъ.

Весною и осенью 1905 г. аграрное движеніе было откликомъ деревни на всеобщія забастовки на фабрикахъ и въ городахъ. Въ этомъ году всеобщей забастовки не было, и крестьяне были предоставлены собственной иниціативѣ.

II.

Лѣтомъ 1906 г. главной формой аграрнаго движенія были сельскохозяйственныя забастовки. Онѣ охватили всю черноземную полосу,—поэтому, наибольшаго напряженія движеніе достигло въ іюнѣ, время уборки урожая на черноземѣ.

До истекшаго года забастовочное движеніе имѣло цѣлью исключительно улучшеніе условій найма на сельскія работы и происходило преимущественно въ западной полосѣ Россіи,—Царствѣ Польскомъ, Прибалтійскомъ, Юго-западномъ и Сѣверо-западномъ краяхъ; на лѣвомъ берегу Днѣпра движеніе это встрѣчалось только спорадически, въ отдѣльныхъ уѣздахъ. Лѣтомъ прошлаго года, напротивъ, забастовочное движеніе съ особою силою охватило всю черноземную полосу. Въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, угнетенныхъ правительственнымъ терроромъ, въ прошломъ году не было никакого движенія. Въ Царствѣ Польскомъ забастовки сельскохозяйственныхъ рабочихъ происходили въ плоцкомъ, маковскомъ, ломжинскомъ уу., Сѣдлецкой губ. и маріампольскомъ у.

---

[1]) „Страна“ (№ 245) помѣстила слѣд. интересное сообщеніе съ юга Россіи: „Аграрные безпорядки, а мѣстами только опасенія ихъ возникновенія, имѣли результатомъ рѣшеніе значительной части помѣщиковъ сдать свои земли въ аренду мѣстнымъ крестьянамъ по цѣнамъ значительно низшимъ противъ существовавшихъ. Спросъ на эту землю былъ, конечно, предъявленъ широкій, но потомки крѣпостныхъ крестьянъ твердо установили принципъ: земля помѣщика должна находиться въ пользованіи бывшихъ его крестьянъ. Этотъ принципъ былъ провозглашенъ такъ твердо и властно, что ему должны были подчиниться какъ помѣщики, такъ и тѣ крестьянскія общества, которыя оказались обойденными при такомъ распредѣленіи помѣщичьихъ земель. Въ результатѣ такого раздѣла получилось, что мѣстами бывшіе помѣщичьи крестьяне имѣютъ въ своемъ пользованіи больше земли, чѣмъ они въ состояніи обработать, тогда какъ ихъ сосѣди, крестьяне государственныхъ селъ, сидятъ на своихъ надѣлахъ и лишены возможности при арендованія самой небольшой площади. Автору настоящей замѣтки извѣстны случаи, когда на долю крестьянина бывшаго помѣщичьяго села, владѣльца одной жалкой лошаденки, падаетъ при разверсткѣ заарендованнаго имѣнія 15—20 десятинъ, тогда какъ нѣкоторые богатые крестьяне, обладающіе крупнымъ инвентаремъ и большимъ количествомъ рабочихъ рукъ и засѣвавшіе обычно на арендованной землѣ по 40—50 десятинъ, остались теперь на однихъ своихъ надѣлахъ. Положеніе этихъ крестьянъ теперь безвыходно. Ихъ мертвый инвентарь является теперь вдвойнѣ мертвымъ, а живой не будетъ имѣть будущей весной ни корма, ни работы“.

Въ Сѣдлецкой губ. требовали повышенія поденной платы рабочему до 75 к., работницѣ до 50 к.; отвода земли подъ посѣвъ картофеля въ пользу батрака въ 3 раза больше, чѣмъ теперь; содержанія скота, принадлежащаго батраку, на счетъ помѣщика. Въ Маріампольскомъ у., въ экономіи Гавронскаго, батраки добились повышенія заработной платы и сокращенія рабочаго времени: лѣтомъ отъ 6 ч. у.—8 ч. в., съ 3 часами перерыва, зимой—съ восхода до захода солнца. Въ Сѣверо-Западномъ краѣ движеніе охватило 21 уѣздъ [1]). Въ брестскомъ у. толпы рабочихъ, переходя изъ экономіи въ экономію, снимали рабочихъ. Главными требованіями являлись повышеніе платы мужчинѣ до 1 р., женщинѣ до 60 к.; улучшеніе пищи. Въ двинскомъ у. требовали также сокращенія рабочаго дня до 12 часовъ и вѣжливаго обращенія съ рабочими. Въ пружанскомъ у. ординарщики—безземельные батраки, живущіе на помѣщичьей землѣ и обязанные отрабатывать помѣщику 3—4 дня въ недѣлю,—требовали сокращенія числа отработочныхъ дней. Такое же требованіе было выставлено въ Ковенской губ. въ экономіи Нарышкина. Въ сѣверной нечерноземной полосѣ забастовки сельскохозяйственныхъ рабочихъ встрѣчались только спорадически [2]). Въ волоколамскомъ у. у крестьянъ давно уже была земельная неурядица съ кн. Мещерскимъ, мѣстнымъ предводителемъ дворянства; князь захватилъ кусокъ крестьянской земли. Въ прошломъ году весною крестьяне постановили къ кн. Мещерскому на работы не ходить.

Въ Юго-Западномъ краѣ движеніе охватило сплошь Подольскую и Кіевскую губ., за исключеніемъ каменецкаго, летичевскаго, литинскаго и бердичевскаго уу., староконстантиновскій, заславскій и житомірскій уу.; на правомъ берегу Днѣпра забастовки были также въ сорокскомъ, оргѣевскомъ, одесскомъ и елисаветградскомъ уу. О началѣ движенія въ Юго-Западномъ краѣ „Путь“ сообщаетъ: „Группѣ идейныхъ сельскихъ работниковъ нашего края удалось весною собраться на съѣздъ для обсужденія способовъ наилучшей организаціи сельскаго населенія. Наиболѣе цѣлесообразной формой организаціи были признаны сельскіе стачечные комитеты. Постановлено было стремиться къ тому, чтобы каждая деревня имѣла свой особый комитетъ. Представители сельскихъ комитетовъ образуютъ волостной комитетъ, делегаты отъ волостныхъ комитетовъ образуютъ уѣздный комитетъ. Вмѣсто обычныхъ 30 коп. за 15-часовой рабочій день, комитеты предписываютъ не брать менѣе 1 р. за 10-часовой день“. Программу эту удалось провести въ брацлавскомъ и гайсинскомъ уу., гдѣ въ 25 селахъ образовался совѣтъ крестьянскихъ депутатовъ. [3]).

Брестскій, кобринскій, пружанскій, волковыскій, слонимскій, вилейскій, лидскій, ошмянскій, новогрудскій, пинскій, слуцкій, бобруйскій, рѣчицкій, игуменскій, борисовскій, двинскій, быховскій, могилевскій, сѣнненскій, горецкій и мстиславскій уу.

[2]) Въ новоладожскомъ, грязовецкомъ, весьегонскомъ, новоторжскомъ зубцовскомъ, сычевскомъ, ельнинскомъ, волоколамскомъ, покровскомъ и юрьевскомъ уу.

[3]) Такой же совѣтъ,—съ другими цѣлями,—организованъ въ кирилловскомъ уѣздѣ, Новгородской губ.

Стачка начинается обыкновенно приговорами мѣстныхъ крестьянъ, устанавливающихъ условія найма (таксу); въ нѣкоторыхъ уѣздахъ крестьяне довольствовались 50 коп., въ другихъ требовали 1 руб. и даже 2 р. Рабочее время устанавливалось отъ 7 ч. у. до 8 в., или 5 ч. утра—6 в., съ 3 ч. на отдыхъ. Другою формою найма является уборка хлѣба изъ $^1/_3$—$^1/_6$ снопа, вмѣсто $^1/_8$—$^1/_{10}$ обычныхъ. Въ елисаветградскомъ у. рабочіе требовали также вѣжливаго обращенія и еженедѣльной расплаты. Въ Подольской губ. крестьянъ особенно раздражало то обстоятельство, что многіе помѣщики платили мѣстнымъ рабочимъ 25 к. въ день, а пришлымъ—40 к. Установивъ таксу, крестьяне „снимали" мѣстныхъ служащихъ и рабочихъ изъ экономій и изгоняли пришлыхъ рабочихъ. Иносельцы часто переходили на сторону землевладѣльцевъ и срывали забастовку (липовецкій у.). Въ южной части звенигородскаго у. безземельные крестьяне взялись убирать помѣщичій хлѣбъ на объявленныхъ экономіями условіяхъ, что вызвало большое неудовольствіе со стороны болѣе обезпеченныхъ крестьянъ, которые готовы были вступить въ борьбу за улучшеніе условій найма. Для успѣха борьбы, поэтому, необходима была матеріальная помощь безземельнымъ со стороны болѣе обезпеченныхъ крестьянъ. Въ с. Стадницахъ, винницкаго у., для проведенія забастовки въ имѣніи гр. Грохольскаго сходъ постановилъ „обязать всѣхъ имущихъ сельчанъ удѣлять съ каждаго морга по 5—10 сноповъ въ пользу неимущихъ односельчанъ". Въ каменской вол., ольгопольскаго у., крестьяне выбрали на сходѣ изъ мѣстныхъ поселянъ конную стражу для наблюденія за тѣмъ, чтобы никто не выходилъ на полевыя работы за плату ниже установленной.

По лѣвую сторону Днѣпра забастовочное движеніе въ черноземной полосѣ охватило 71 уѣздъ [1]), а съ уѣздами по правую сторону Днѣпра—98 уу., на не-черноземную же Россію приходится только 34 уу., въ которыхъ были забастовки. Наиболѣе сильно были захвачены этимъ движеніемъ губ. Полтавская, Черниговская, Харьковская, Курская, Орловская, Тульская, Рязанская, Тамбовская, Воронежская и Саратовская,—районъ этотъ почти совпадаетъ съ райономъ сплошныхъ самовольныхъ покосовъ и потравъ и погромнымъ райономъ.

Въ этой части черноземной полосы, между Волгой и Днѣпромъ, стачечное движеніе носило двоякій характеръ. Въ однихъ случаяхъ крестьяне требовали повышенія заработной платы, большею частью

---

[1]) Днѣпровскій, симферопольскій, ѳеодосійскій, бахмутскій, константиноградскій, кобелякскій, кременчугскій, полтавскій, зеньковскій, лубенскій, прилукскій, козелецкій, нѣжинскій, борзенскій, конотопскій, черниговскій, сосницкій, глуховскій, суражскій, купянскій, зміевскій, валковскій, харьковскій, богодуховскій, сумскій, бѣлгородскій, грайворонскій, суджанскій, льговскій, дмитріевскій, курскій, щигровскій, дмитровскій, сѣвскій, трубчевскій, кромской, орловскій, мценскій, болховской, елецкій, ефремовскій, новосильскій, богородицкій, епифанскій, бѣлевскій, тульскій, землянскій, воронежскій, острогожскій, бобровскій, борисоглѣбскій, усманскій, липецкій, лебедянскій, козловскій, тамбовскій, кирсановскій, моршанскій, сапожковскій, ряжскій, раненбургскій, данковскій, пронскій, михайловскій, балашовскій, аткарскій, сердобскій, саратовскій, камышинской, царицынскій и за Волгою—новоузенскій уу.

до 1 р. въ день мужчинѣ, сокращенія рабочаго дня до 14—12 часовъ съ 2—3 часами на перерывъ, улучшенія пищи и вѣжливаго обращенія съ рабочими [1]). Въ Аркадакѣ, балашовскаго у., требовали, чтобы экономическая пища была вкусная, въ достаточномъ количествѣ, три раза въ день; въ другихъ мѣстахъ (козловскій у., сѣвскій у.) требовали мяса $^1/_2$—1 ф. въ день. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ было выдвинуто требованіе еженедѣльнаго расчета рабочихъ. При нормировкѣ рабочаго дня, плата за сверхурочные часы въ $1^1/_2$ раза (балашовскій у.), отмѣна штрафовъ; въ случаѣ болѣзни рабочаго—вычета изъ платы не дѣлать, такой рабочій можетъ пробыть у хозяина больнымъ не болѣе недѣли (данковскій у.). Медицинская помощь въ случаѣ увѣчья—за счетъ хозяина; страхованіе, за его счетъ, отъ несчастныхъ случаевъ (балашовскій у.). Кое-гдѣ рабочіе требовали прекращенія работы жатвенными машинами и сѣнокосилками; во многихъ мѣстахъ ограничивали или совершенно запрещали пріемъ пришлыхъ рабочихъ. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ,—орловскомъ, мценскомъ, щигровскомъ,—крестьяне прямо требовали отъ помѣщиковъ не нанимать постороннихъ, а брать на работы только мѣстныхъ жителей. Въ козловскомъ у. землевладѣльцы были распредѣлены между селеніями, крестьянъ которыхъ они должны брать на работу. Въ этомъ уѣздѣ даже прислуга допускалась лишь мѣстная, деревенская. Въ саратовскомъ уѣздѣ наемъ пришлыхъ разрѣшался только въ случаѣ недостатка мѣстныхъ рабочихъ; въ аткарскомъ у. всякая работа сначала должна была быть предложена мѣстнымъ рабочимъ, и только въ случаѣ ихъ отказа—постороннимъ. Въ другихъ мѣстахъ повторялись всѣ эти требованія, касающіяся улучшенія условій найма, съ однимъ лишь измѣненіемъ: основное требованіе—повышенія заработной платы—доводилось до такой высокой нормы, которой не можетъ выдержать современное частновладѣльческое хозяйство, обыкновенно до 3 р. въ день, иногда до 5 р. Это требованіе имѣло своею цѣлью сдѣлать невозможнымъ веденіе помѣщиками хозяйства; поэтому оно сопровождалось иногда прямымъ требованіемъ продажи земли (елецкій у.), или, гораздо чаще, сдачи ея въ аренду по пониженной цѣнѣ. Примѣромъ можетъ служить движеніе въ козловскомъ у., начавшееся 5—6 іюня. „Сельскіе сходы при рѣдкомъ единодушіи установили цѣны на рабочія руки мужика—2 р. въ день, бабы—1 р., за уборку десятины—15 р. Выбраны нѣсколько человѣкъ уполномоченныхъ отъ каждаго села, на обязанности которыхъ лежитъ наблюдать, чтобы никто ниже этой цѣны не работалъ, чтобы постороніе рабочіе не допускались. Въ нѣкоторыхъ селахъ они же обязаны получать деньги за работы, исполненныя отдѣльными членами общества. Послѣдніе получаютъ только половину заработаннаго, а другая половина идетъ

---

[1]) Какой характеръ носятъ до сихъ поръ отношенія найма въ сельскомъ хозяйствѣ, можно судить по слѣд. сообщенію „Нашей Жизни“ (№ 442): „Въ экономіи земскаго нач. Клетова (суджанскій у.) забастовавшія крестьянскія дѣвушки принуждались запрягаться въ бороны и бороновать землю“.

въ общество на помощь тѣмъ, которые, нуждаясь въ заработкѣ, могутъ остаться безъ него. Затѣмъ было рѣшено снять всѣхъ экономическихъ рабочихъ, какое рѣшеніе приводилось въ исполненіе почти всѣмъ сходомъ [1]). Являясь въ усадьбы, крестьяне объявляли о своихъ рѣшеніяхъ, мирно бесѣдовали съ владѣльцами, экономическими рабочими и прислугой, рѣшали въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, сколько и какихъ лицъ они оставляютъ въ усадьбѣ для исполненія текущихъ работъ, не касаясь ихъ условій съ хозяевами; остальныхъ потребныхъ рабочихъ помѣщики могли получать черезъ уполномоченныхъ по установленной цѣнѣ. Помѣщики подчинялись добровольно этимъ рѣшеніямъ, входя въ нужныхъ случаяхъ въ соглашеніе съ уполномоченными, но на уступки относительно цѣнъ не идутъ пока, предпочитая оставлять сѣно и хлѣбъ не убранными" („Воронежеское Слово", № 146). Въ епифанскомъ у. крестьяне рѣшили, что всѣ дѣла съ экономіями по найму работниковъ должепъ вести „міръ", а потому экономіи должны только довести до свѣдѣнія „міра", сколько и какихъ работниковъ имъ надо. Далѣе, крестьяне сняли въ экономіяхъ съ работы всѣхъ рабочихъ, и мѣсячныхъ, и поденныхъ, оставивъ только садовниковъ и поваровъ, такъ какъ ихъ „міръ" не можетъ доставить помѣщикамъ. Въ саратовскомъ у. крестьяне требовали, чтобы пріемъ рабочихъ производился по соглашенію съ ихъ уполномоченными [2]). Корреспондентъ „Нашей Жизни" (№ 470) разсказываетъ намъ, какъ смотрѣли сами крестьяне на всѣ эти максимальныя требованія: „Неправильно было бы,—говорить онъ,—объяснять эти приговоры желаніемъ заработать лишнее съ помѣщика. Нѣтъ. Это—новая фаза аграрнаго движенія, это—попытка мирнымъ путемъ добыть землю. Такъ и говорятъ сами крестьяне, отъ мала до велика. „Вездѣ, сказалъ мой возница, господишекъ выгоняютъ, вотъ и наши мужики хотятъ", и устанавливаютъ цѣны, по которымъ обработка земли становится убыточной. Они увѣрены, что ставятъ помѣщиковъ въ положеніе безвыходное... Крестьяне поняли, что грабежами и насиліемъ ничего не достигнешь, а только навлечешь на себя всѣ ужасы усмиренія. „Мы озорства не допустимъ", говорятъ они и ведутъ себя весьма благопристойно; спокойно, безъ угрозъ обсуждаютъ дѣла; пьяныхъ мало, ими тяготятся и находятъ поведеніе ихъ недостойнымъ и позорящимъ ихъ дѣло; съ помѣщиками объясняются безъ грубостей, вѣжливо. Чтобы не доставить поводовъ для вмѣшательства полиціи и оградить себя отъ нареканій въ потравахъ и грабежѣ, крестьяне установили караулы помѣщичьихъ садовъ и полей, и даже ребятамъ жестоко попадаетъ за попытку полакомиться ябло-

---

[1]) Въ другихъ мѣстахъ, гдѣ рабочіе снимались не по приговору сельскихъ обществъ, это снятіе производилось толпой бастующихъ,—напр., въ конотопскомъ, елецкомъ и землянскомъ уу. Въ послѣднемъ уѣздѣ во главѣ толпы крестьянъ, снимавшихъ рабочихъ, шелъ помѣщикъ Алмазовъ.

[2]) Въ суджанскомъ у. крестьяне дер. Николаевки, установивъ таксу, сами самовольно становились на работы въ большемъ, чѣмъ нужно, количествѣ.

ками. И, дѣйствительно, какъ удостовѣряютъ и сами помѣщики, потравъ нѣтъ".

Крестьяне видѣли въ забастовкѣ мирное, но дѣйствительное средство избавиться отъ помѣщиковъ. Они говорили: „Въ законѣ не сказано, чтобы насильно заставлять на господъ трудиться", и считали свой образъ дѣйствій вполнѣ законнымъ. Если помѣщики могутъ брать любую плату за десятину земли, то почему крестьянину не требовать любой платы за свой трудъ? Крестьяне находили, что имъ „пора уже научиться цѣнить свой трудъ". Несомнѣнно, избранное ими средство вполнѣ дѣйствительно. Если оно и не уничтожитъ совершенно крупное частновладѣльческое хозяйство, то, во всякомъ случаѣ, значительно понизитъ цѣны на землю. Но для успѣха сельско-хозяйственной забастовки необходима полная солидарность всѣхъ крестьянъ. Между тѣмъ, соціальная дифференцировка зашла уже въ крестьянской средѣ очень далеко. Такъ, по словамъ корреспондента „Нашей Жизни" (№ 448), въ опочецкомъ у. крестьянство „успѣло значительно разслоиться на три группы: пауперовъ, демократію и буржуазію. Всего безнадежнѣе смотрятъ пауперы: „Намъ хоть и земли дадутъ, а что мы съ ей будемъ дѣлать, когда ни лошади, ни коровы,—одно званіе, что крестьяне!" Бодрѣе всѣхъ—демократія: надѣльное крестьянство, задававшее тонъ на выборахъ. Этимъ больше всего нужна земля, которой они предполагаютъ пользоваться на старыхъ началахъ трехполья, черезполосицы, принудительнаго сѣвооборота и т. п. Крестьянская буржуазія тоже надѣется выиграть. Многіе мечтаютъ, что съ увеличеніемъ площади крестьянскаго землевладѣнія можно будетъ землю раздѣлить углами (подворно-отрубными участками) къ одному мѣсту. А тутъ еще, авось, выйдетъ законъ, чтобы надѣльную землю продавать—покупать разрѣшили, хотя бы только однодеревенцамъ—вотъ тогда-то земля и обратится къ „настоящимъ хозяевамъ". „Полно уже землю по лбамъ, по носамъ дѣлить, да на тридцать полосъ кроить, земля—не хлѣба коврига. Довольно уже земли пустовали. Не человѣку земля принадлежитъ, а хозяину. Кто можетъ на землѣ всякое удобство произвести, тотъ пущай и владѣетъ, а кто не можетъ—пущай идетъ къ хозяину въ работники или въ Питеръ на фабрику".—На черноземѣ, при господствѣ примитивной, чисто хищнической системы хозяйства, соціальная дифференцировка зашла не такъ далеко, какъ въ Псковской губ., но все же у насъ есть показатели глубокаго разслоенія деревни. Весь этотъ годъ Саратовская губ. непрерывно горѣла; оказывается, что пожары въ аткарскомъ уѣздѣ были результатомъ мести къ своимъ же, не сочувствующимъ освободительному движенію, а главнымъ образомъ—доносчикамъ и имѣющимъ общеніе съ полиціей и начальствомъ. Въ балашовскомъ уѣздѣ громившіе помѣщичьи усадьбы жгутъ не громившихъ, тѣ также, и такъ безъ конца. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣло дошло до самосуда. Въ сердобскомъ уѣздѣ, малиновской волости, послѣ разгрома имѣній Дружины и Боковой, мѣстные кулаки—(„настоящіе хозяева") учинили самосудъ. Во-

оружившись винтовками, револьверами, желѣзными вилами и т. п., они съ криками: „Бей грабителей и богоотступниковъ!“ напали на участвовавшихъ въ погромѣ. Очевидно, этихъ „кулаковъ“ было такъ много, что участники погрома не могли имъ дать отпора. Въ Малиновкѣ было убито 36 человѣкъ, въ Пискоставкѣ 4 и Вертуловкѣ 2. Въ городнянскомъ уѣздѣ, послѣ погрома имѣнія Свѣчина, болѣе зажиточные крестьяне устроили самосудъ, которому подчинились и участвовавшіе въ погромѣ.

Судъ этотъ засѣдалъ въ избѣ; послѣ допроса выносили приговоръ, осужденный кончалъ свои земныя дѣла, выражалъ свою послѣднюю волю, прощался и выталкивался въ сѣни, гдѣ его убивали изъ ружей его же односельцы. Такъ было убито нѣсколько десятковъ человѣкъ. Это дѣленіе на различныя соціальныя группы съ разными интересами могло сильно повредить забастовочному движенію и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вредило (напримѣръ, звенигородскій уѣздъ). Поэтому, крестьяне принимали особыя мѣры, чтобы предупредить возможность подобнаго раскола.

Въ с. Ивановкѣ, льговскаго уѣзда, сходъ постановилъ: кто будетъ работать на помѣщика противъ воли общества—лишается всѣхъ земельныхъ угодій, которыя переходятъ въ пользу общества; скотъ его исключается изъ стада; семейства ихъ лишаются воды изъ общественныхъ колодцевъ. Для поддержки же крайне нуждающихся каждый дворъ былъ обложенъ 10 коп. Въ с. Незнановкѣ, тамбовскаго уѣзда, за нарушеніе постановленія схода виновный штрафовался въ пользу общества 5 рублями, при дальнѣйшемъ нарушеніи приговора исключается изъ общества, какъ вредный членъ. Всѣмъ нуждающимся крестьянамъ постановлено сдѣлать помощь, дабы, въ силу необходимости, они не нарушали даннаго слова и, по возможности, сейчасъ же давать имъ работу у богатыхъ мужиковъ. Между мужиками производить работу по старой, существующей цѣнѣ. Въ м. Монастырщинѣ, нѣжинскаго уѣзда, напротивъ—сняты были рабочіе не только въ экономіяхъ, но и у крестьянъ, владѣющихъ 20—25 дес.

Слѣдовательно, тутъ новая такса заработной платы была распространена и на богатыхъ мужиковъ. Въ Аркадакѣ, балашовскаго у., чтобы поддержать пришлыхъ туляковъ и тамбовцевъ, пришедшихъ на наемку съ семьями и безъ всякихъ средствъ, стачечный комитетъ открылъ сборъ пожертвованій деньгами и продуктами и организовалъ столовыя для нуждающихся. Всѣ эти мѣры болѣе или менѣе успѣшно поддерживали солидарность въ средѣ нуждающихся въ заработкѣ. Ими надѣльное крестьянство, нуждающееся, главнымъ образомъ, въ землѣ, поддерживало сельскій пролетаріатъ, для котораго заработки на сторонѣ и въ экономіяхъ являются жизненною необходимостью. Движеніе въ пользу улучшенія условій найма было направлено не только противъ помѣщиковъ (и, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, богатыхъ крестьянъ): въ аткарскомъ и козловскомъ уѣздахъ крестьяне добились повышенія платы за работы на желѣзной дорогѣ.

Итакъ, двойственный характеръ нашего крестьянина, полу-

собственника, полупролетарія, придалъ сельскому забастовочному движенію своеобразный характеръ: оно одновременно ставило себѣ цѣлью какъ улучшеніе условій найма, такъ и урегулированіе арендныхъ отношеній. Борьба за облегченіе условій аренды велась, по газетнымъ сообщеніямъ, въ 35 уѣздахъ. Изъ этого числа въ 19 уѣздахъ: бахмутскомъ, полтавскомъ, козелецкомъ, нѣжинскомъ, суражскомъ, харьковскомъ, бѣлгородскомъ, грайворонскомъ, льговскомъ, суджанскомъ, данковскомъ, козловскомъ, кирсановскомъ, бобровскомъ, землянскомъ, балашовскомъ, аткарскомъ, сердобскомъ и зубцовскомъ [1]), борьба за измѣненіе арендныхъ условій велась путемъ сельскохозяйственныхъ забастовокъ; въ 10 уѣздахъ: симферопольскомъ, мелитопольскомъ, радомысльскомъ, сквирскомъ, кременчугскомъ, черниговскомъ, глуховскомъ, купянскомъ, острогожскомъ и саратовскомъ—борьба за измѣненіе условій аренды и улучшеніе условій найма велась параллельно; въ 6 уѣздахъ: павлоградскомъ, евпаторійскомъ, ростовскомъ округѣ, петровскомъ, сызранскомъ и николаевскомъ—крестьяне боролись только за облегченіе условій аренды. Цифры эти показываютъ, что самостоятельнаго, безъ связи съ забастовками, движенія въ пользу улучшенія условій аренды лѣтомъ прошлаго года почти не существовало. Главнымъ требованіемъ крестьянъ являлось пониженіе арендной платы до 5—7—10 р. иногда до 2—4 р. Слѣдующимъ, по распространенности, требованіемъ являлась сдача помѣщикамъ въ аренду всего потребнаго крестьянамъ количества земли, сколько кому подъ силу обработать, притомъ обязательно въ ближайшихъ къ селу поляхъ. Часто встрѣчались жалобы на посредниковъ и на то, что арендуемая земля попадаетъ въ руки только состоятельныхъ,—бѣдняки оттѣснены отъ земли. Отсюда требованіе устраненія посредниковъ и сдачи земли обществу, съ тѣмъ, чтобы само сельское общество распредѣляло арендный фондъ между нуждающимися; или же сдачи отдѣльнымъ крестьянамъ въ количествѣ, не превышающемъ рабочихъ силъ семьи. Въ симферопольскомъ у. скопщики требовали преимущественной сдачи земли бѣднякамъ. Въ Аркадакѣ, Балашовскаго у., было поставлено требованіе не задерживать снопы въ полѣ до уплаты денегъ за землю; деньги взыскивать по мѣрѣ возможности и безъ всякихъ притѣсненій. Въ Николаевскомъ у. требовали платить аренду послѣ уборки хлѣба. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ арендныя цѣны назначались „по урожаю“. С. Есмань, глуховского у., постановило не брать, подъ страхомъ бойкота, у мѣстныхъ землевладѣльцевъ земли исполу, если землевладѣльцы не будутъ давать сѣмянъ на обсѣмененіе.

Лѣтняя волна забастовочнаго движенія, достигшая высшей точки въ іюнѣ, спала къ концу іюля—началу августа; къ октябрю движеніе прекратилось совершенно. Упадокъ движенія находился въ прямой зависимости отъ прекращенья полевой страды. Такъ, въ юго-западномъ краѣ забастовки продолжались дольше, благо-

---

[1]) Единственный нечерноземный уѣздъ,—явленіе случайное.

даря работамъ на свекловичныхъ плантаціяхъ, въ сѣверо-западномъ—благодаря уборкѣ картофеля. Въ августѣ забастовки были въ Сохачевскомъ, Вилькомірскомъ, Житомірскомъ, Радомысльскомъ, Кіевскомъ, Таращанскомъ, Васильковскомъ, Сквирскомъ, Могилевскомъ (Подольской губерніи), Ямпольскомъ, Игуменскомъ, Городокскомъ, Оршанскомъ, Горецкомъ, Полтавскомъ, Дмитровскомъ, Богородскомъ, Нижегородскомъ и Симбирскомъ уѣздахъ; въ сентябрѣ—въ Гродненскомъ, Борисовскомъ, Лепельскомъ, Житомірскомъ, Каменецъ-Подольскомъ, Радомысльскомъ и Гайсинскомъ уѣздахъ. Борьба за облегченіе условій аренды земли происходила въ августѣ въ Брянскомъ, Переяславскомъ, Борзенскомъ, Купянскомъ, Новохоперскомъ, Симферопольскомъ, Ростовскомъ (на Дону), Самарскомъ и Бузулукскомъ уѣздахъ; въ сентябрѣ—въ Кишиневскомъ, Ѳеодосійскомъ, Бахмутскомъ, Павлоградскомъ, Таганрогскомъ уу. и Хоперскомъ окр., все—въ уѣздахъ, гдѣ не было забастовочнаго движенія.

Что касается другихъ формъ аграрнаго движенія, то и онѣ постепенно замирали. Въ августѣ еще имѣли мѣсто многочисленные отголоски лѣтняго движенія, въ сентябрѣ число ихъ было весьма незначительно. Самовольныя порубки лѣса происходили въ августѣ въ Гродненскомъ, Минскомъ, Тихвинскомъ, Бѣлозерскомъ, Великоустюжскомъ, Новоторжскомъ, Шуйскомъ, Юрьевскомъ, Дмитровскомъ. Рязанскомъ, Сенгилеевскомъ, Корсунскомъ, Буинскомъ, Сердобскомъ, Николаевскомъ, Бугурусланскомъ, Бузулукскомъ, Маріупольскомъ, Ѳеодосійскомъ и Евпаторійскомъ уѣздахъ; въ сентябрѣ—въ Новоградволынскомъ, Бѣлостокскомъ, Волковыскомъ, Мологскомъ, Нижегородскомъ, Макарьевскомъ (Нижегор.), Жиздринскомъ, Мценскомъ, Дмитровскомъ, Скопинскомъ, Свіяжскомъ, Сызранскомъ, Аткарскомъ, Сердобскомъ, Самарскомъ и Ялтинскомъ. На какой почвѣ происходятъ массовыя порубки лѣса, явствуетъ изъ слѣд. инциндента, разыгравшагося въ Нижегородской губ. Въ серединѣ октября, по словамъ „Страны“ (№ 197), мѣстное управленіе земледѣлія и госуд. имуществъ прислало въ губернскую земскую управу своеобразное предложеніе избавить казенные лѣса отъ „мужицкаго экспропріаторства“ путемъ организаціи въ лѣсничествѣ продажи дешеваго хлѣба, такъ какъ, по донесенію управляющаго кашинскимъ лѣсничествомъ, Макарьевскаго у., вслѣдствіе дороговизны хлѣба, дошедшаго до 1 р. 20 к. за пудъ, изголодавшееся населеніе въ районѣ этого лѣсничества увеличило порубки казеннаго лѣса съ цѣлью продажи его на хлѣбъ. „Если бы,—писалъ лѣсничій,—представилась возможность покупки хлѣба въ теченіе зимы по 80—90 к. за пудъ, то можно было бы ожидать, что несмотря на полный неурожай, лѣсные заработки дадутъ населенію возможность избѣгнуть острой нужды и голодовки, побуждающей на преступныя дѣйствія“.—Въ Царскосельскомъ у. движеніе приняло нѣсколько иную форму: крестьяне дер. Балашово сходомъ предъявили помѣщику требованіе дать имъ на вырубку нѣсколько десятинъ лѣса по цѣнѣ 3 р. сажень дровъ.

Другія формы движенія были распространены еще меньше. Увозъ хлѣба съ помѣщичьихъ полей практиковался въ августѣ, въ уѣздахъ Балтскомъ, Вилейскомъ, Чебоксарскомъ, Буинскомъ, Сердобскомъ и Полтавской губ. Случаи разгрома помѣщичьихъ экономій были въ августѣ въ Констатиноградскомъ, Сорокскомъ, Сенгилеевскомъ, Бузулукскомъ уу., въ сентябрѣ въ Самарскомъ. Въ концѣ іюля, на Камѣ, ниже Пучежа (Костром. губ.) затонула баржа съ 30.000 пуд. ржи. Крестьяне развезли подмоченный хлѣбъ, ссылаясь на голодъ. Запашки или дѣлежъ земель случались въ августѣ въ Гродненскомъ, Чебоксарскомъ, Корсунскомъ, Буинскомъ, Николаевскомъ, Ростовскомъ (на Дону), Усть-Медвѣдицкомъ и Мелитопольскомъ уу. и округахъ, въ сентябрѣ—въ Алатырскомъ у.

Въ октябрѣ—декабрѣ аграрнаго движенія не было почти вовсе. Въ октябрѣ рубили лѣсъ въ Дорогобужскомъ, Трубчевскомъ, Епифанскомъ, Сызранскомъ, Кузнецкомъ уу., въ Вельскомъ уѣздѣ было столкновеніе изъ-за земли; въ ноябрѣ рубили лѣсъ въ Сычевскомъ, Мологскомъ, Холмогорскомъ, Шенкурскомъ, Чистопольскомъ, Сызранскомъ, Аткарскомъ и Кузнецкомъ уу.; споръ изъ-за аренды земли былъ въ Устюгскомъ у., одну экономію крестьяне разобрали въ Ардатовскомъ у. (Симб. губ). Въ декабрѣ рубили лѣсъ въ Нерехотскомъ, Балахнинскомъ, Кузнецкомъ и Кобелякскомъ уу. и опять разобрали одинъ хуторъ въ Ардатовскомъ у. Въ серединѣ декабря въ с. Толстомъ Малоархангельскаго у. крестьяне на трехъ подводахъ пріѣзжали брать ночью хлѣбъ изъ риги землевладѣлицы Кашерениновой. Такимъ образомъ, даже наступленіе зимы, съ саннымъ путемъ и холодами, не увеличило число лѣсныхъ порубокъ.

Пріемы „усмиренья“ аграрнаго движенья въ истекшемъ году были тѣ же, что и въ 1905 г. Такъ, 18—22 августа въ м. Кадино, Мстиславскаго у., въ поискахъ за предполагаемымъ агитаторомъ, парнемъ 16—17 лѣтъ, стражники разрушили гумна и сараи его родственниковъ, 4—5 семей, затоптали ихъ посѣвы, зарѣзали 7 коровъ, 5 овецъ, множество поросятъ, куръ, гусей. Въ Ставропольской губ., въ августѣ, за отказъ крестьянъ выдать крестьянскій комитетъ и подписать покаянный приговоръ, ген.-маіоръ Литвиновъ обстрѣливалъ изъ артиллеріи три села: въ с. Петровское было выпущено 9 снарядовъ, въ с. Кугуты—18, въ с. Винодѣльное—94. Разрушено и сожжено много домовъ. Въ цѣляхъ самообороны, крестьяне постановили въ многихъ мѣстахъ чинамъ полиціи квартиръ не сдавать, продовольственныхъ продуктовъ не продавать. По отношенію къ стражникамъ обычно примѣняется отказъ отъ квартиры, бойкотъ и исключеніе изъ состава сельскаго общества, съ отнятіемъ земельнаго надѣла. Къ казакамъ и драгунамъ эти мѣры непримѣнимы, и доведенное до отчаянія безоружное крестьянство, вооружившись дубинами, вилами, косами и т. п. предметами, нерѣдко давало имъ отпоръ, развертывавшійся иногда въ кровавыя сраженія.

III.

Различныя формы аграрнаго движенія 1905—1906 гг. мы можемъ свести къ двумъ основнымъ типамъ: 1) движенія, имѣющія цѣлью удовлетвореніе непосредственной матеріальной нужды крестьянъ путемъ захвата чужого имущества и 2) движенія, имѣющія цѣлью улучшить условія производительной дѣятельности крестьянъ путемъ сельскохозяйственныхъ забастовокъ. Въ 1905 г. господствовали движенія перваго типа, въ 1906 г.—второго. По мѣрѣ развитія и организаціи движенія, насильственныя дѣйствія все болѣе и болѣе уступали мѣсто мирнымъ забастовкамъ. Въ началѣ 1905 г. аграрное движеніе совершенно лишено было единства. Въ каждомъ уѣздѣ движеніе вызывалось своими особыми мѣстными условіями и преслѣдовало свои особыя мѣстныя цѣли. Осенью 1905 г. всѣ эти отдѣльные ручейки слились въ одинъ могучій потокъ, разрушавшій все на своемъ пути,—по черноземной полосѣ прокатилась волна разгрома помѣщичьихъ усадебъ. Теперь, лѣтомъ, въ страдную пору уборки хлѣба, по тѣмъ же губерніямъ пронеслась новая волна—мирной сельскохозяйственной забастовки. „Разборка“ экономій—дѣйствіе насильственное, а крестьяне не любятъ напраснаго пролитія крови и уничтоженія имущества;—дѣйствіе незаконное, влекущее, слѣдовательно, репрессіи и наказанія; наконецъ, это—дѣйствіе, требующее полной солидарности крестьянства, а она давно уже подточена разслоеніемъ его на разныя экономическія группы съ разными, часто противоположными интересами. Крестьянская мысль упорно работала полгода—и выработала новую оригинальную форму движенія, замѣчательно отвѣчающую соціально-экономическому характеру черноземнаго крестьянина—полу-собственника, полу-пролетарія. Эта форма движенія,—сельскохозяйственная забастовка по приговору сельскаго общества, съ требованіемъ отдачи земли въ аренду по пониженной цѣнѣ,—свободна отъ всѣхъ недостатковъ движенія 1905 г. Крестьянство нашло-таки, наконецъ, нужную ему форму движенія, вполнѣ отвѣчающую его экономическимъ отношеніямъ. Форма движенія измѣнилась, но напряженность его осталась та же,—даже повысилась. Въ 1905 г. обѣ волны аграрнаго движенія, весенняя и осенняя, были вызваны предшествовавшимъ имъ рабочимъ движеніемъ въ городахъ, были откликомъ деревни на активныя выступленія пролетаріата. Лѣтомъ прошлаго года аграрное движеніе возникло вполнѣ самостоятельно, безъ помощи рабочихъ.

Каковы же результаты аграрнаго движенія? Что дало оно крестьянамъ?

Статистическое бюро Полтавскаго земства произвело прошлою осенью анкету по вопросу о томъ, какъ отразилось аграрное движеніе на условіяхъ найма сельскохозяйственныхъ рабочихъ и на состояніи съемныхъ и арендныхъ цѣнъ на землю. Анкета

эта дала весьма интересные результаты [1]). Несмотря на прекращеніе въ этомъ году земледѣльческаго отхода въ Херсонскую и Таврическую губ., благодаря чему сельскихъ рабочихъ было вполнѣ достаточно и даже „сколько угодно“, несмотря на то, что урожай яровыхъ хлѣбовъ въ этомъ году былъ значительно ниже урожая 1905 года, цѣны на рабочихъ въ большинствѣ мѣстностей были повышенныя. О состояніи рабочей платы отъ корреспондентовъ было получено 284 сообщенія. Судя по этимъ сообщеніямъ,

плата вообще повысилась	въ 146	случаяхъ,
„ осталась безъ измѣненій	въ 127	случаяхъ,
„ понизилась	въ 11	„

Какъ на причину повышенія платы всѣ корреспонденты единодушно указываютъ на „аграрность“ рабочихъ, выразившуюся въ повышенныхъ требованіяхъ. Повышеніе заработной платы происходило въ предѣлахъ отъ 25—100%. Мѣсячнымъ было прибавлено 1—3 р., большею частью 2 р. въ мѣсяцъ, поденнымъ 10—30 к. въ день, большей же частью 20 коп.; сроковымъ 10 и 5 руб. Арендная плата за землю, по сообщеніямъ корреспондентовъ,

понизилась	въ 101	сл.
осталась безъ измѣненій	„ 150	„
повысилась	„ 17	„

Въ среднемъ, цѣна на землю понизилась на 4 р., или на 30%. Всего на арендѣ земли по пониженнымъ цѣнамъ землевладѣльцы изъ привиллегированныхъ сословій въ Полтавской губ. потеряли около 500.000 руб. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр. въ Лохвицкомъ, Полтавскомъ, Пирятинскомъ и Константиноградскомъ уу., экономіи вовсе прекратили запашку и сдали крестьянамъ всю свою землю. Въ другихъ мѣстахъ землевладѣльцы непосредственно сдавали свою землю крестьянамъ, устраняя посредниковъ. Пониженіе съемныхъ цѣнъ, по свидѣтельству корреспондентовъ, имѣло мѣсто только со стороны экономій, казаки же и крестьяне, сдающіе свои земли, отдавали ихъ по прежнимъ цѣнамъ. По сообщенію одного изъ корреспондентовъ по Кременчугскому уѣзду, съемная плата у крупныхъ хозяевъ понизилась, у мелкихъ же повысилась.

Такимъ образомъ, забастовочное движеніе прошлаго года дало крестьянамъ значительные матеріальные результаты. Принимая, на основаніи газетныхъ сообщеній, что въ тѣхъ районахъ, гдѣ аграрное движеніе охватило 40—70% уѣздовъ, заработная плата повысилась на 50%; гдѣ было охвачено 15—25%—на 20%, въ остальныхъ же районахъ плата осталась старая [2]),—мы получимъ,

---

[1]) См. „Хуторянинъ“, № 41, статья М. Рклицкаго.

[2]) Въ Юрьевскомъ у. Владимірской губ., принадлежащемъ къ московско-промышленному району, гдѣ число уѣздовъ съ забастовками достигло только 8%, заработная плата повысилась на 30—40% (Товарищъ № 150). Мы видимъ отсюда, что нашъ подсчетъ вовсе не преувеличенъ.

что крестьяне заработали въ этомъ году лишнихъ около 75 мил. рублей. Пониженіе арендной платы также дало кое-что крестьянамъ. Основываясь на тѣхъ же газетныхъ сообщеніяхъ, мы можемъ принять, что во всей черноземной полосѣ арендная плата упала въ прошломъ году приблизительно на $^1/_3$, что дало крестьянамъ сбереженія около 25 мил. р. Итакъ, забастовочное движеніе этого года дало крестьянамъ около 100 мил. р. Такъ какъ весь доходъ землевладѣльцевъ отъ сельскаго хозяйства (не считая лѣсного дѣла) равенъ приблизительно 450 мил. рублей въ годъ, то аграрное движеніе этого года понизило доходъ землевладѣльцевъ приблизительно на 20%.

Это пониженіе доходности частновладѣльческихъ земель, въ связи съ осеннею волною разгрома частновладѣльческихъ экономій, когда, по подсчету министерства внутреннилъ дѣлъ, въ 19 губ. было уничтожено частновладѣльческаго имущества на 29 мил. руб., и общимъ обостреніемъ классовой борьбы въ деревнѣ, не могло не привести къ обезцѣненію частновладѣльческой собственности и стремленію ее ликвидировать. Въ настоящее время предложеніе частновладѣльческихъ земель Крестьянскому банку достигло, вѣроятно, колоссальной цифры 9 мил. десятинъ. Это составляетъ 25% обрабатываемыхъ частновладѣльческихъ земель. Крестьянскій банкъ прилагаетъ въ настоящее время всѣ усилія, чтобы воспрепятствовать пониженію рыночныхъ цѣнъ на землю и помѣшать пріобрѣтенію земли крестьянами по пониженной цѣнѣ. Несмотря на аграрное движеніе 1905—6 гг., обезцѣнившее земельную собственность на 20%, несмотря на повышеніе учетнаго процента въ странѣ, также понижающее цѣны на землю, несмотря на колоссальное предложеніе земли къ продажѣ при ничтожномъ спросѣ на нее со стороны крестьянъ, банкъ покупаетъ землю по цѣнамъ 1900—1904 гг. Хотя бы и по повышенной, вздутой цѣнѣ, но крестьяне получатъ все таки землю. За 42 года, съ 1863 — 1904 гг., крестьянами трудового типа куплено всего 13.812.000 дес. Въ теченіе однаго года съ 3 ноября 1905 г. по 1 ноября 1906 г. куплено крестьянами и крест. банкомъ или поступило въ распоряженіе землеустроительныхъ комисій почти столько же,—12.360.000 дес. Цифры эти показываютъ, какъ быстро двинулся за этотъ годъ процессъ демократизаціи земельной собственности въ Россіи.

Къ числу результатовъ аграрнаго движенія надобно отнести также пониженіе платежей въ Крестьянскій банкъ до $4^1/_2$ % и пониженіе выкупныхъ платежей въ 1906 г. на половину, а съ 1 янв. 1907 г. полную ихъ отмѣну.

Это увеличеніе доходовъ крестьянъ и уменьшеніе ихъ платежей, — вмѣстѣ съ повышеніемъ заработной платы рабочихъ въ 1905 г. на 20—40%,—значительно увеличило потребительную способность внутренняго рынка. Нижегородская ярмарка прошла въ этомъ году при „сильно взвинченныхъ цѣнахъ“. [1]) „Само

---

[1]) См. отчетъ въ „Вѣстникѣ финансовъ“, №№ 44—46.

собою понятно, говоритъ въ своемъ отчетѣ г. Шимановскій, что о неблагопріятномъ исходѣ нынѣшней ярмарки не могло быть рѣчи, такъ какъ покупатели повсемѣстно нуждались въ товарахъ, а обиліемъ ихъ эта ярмарка не отличалась. Въ характерѣ нынѣшнихъ ярмарочныхъ покупокъ несомнѣнно отмѣчалась нужда въ товарѣ и желаніе купить больше, но отчасти сдерживающими стимулами для покупателей являлись чрезвычайно высокія цѣны на всѣ почти товары и, съ другой стороны, тенденція со стороны продавцовъ сократить сроки кредита". Особенно ходко шли предметы массоваго народнаго потребленія, напр. ситцы и павловскій товаръ. Забастовки 1905—6 гг. освободили рынокъ отъ годами накопившейся завали, фабричныя кладовыя—отъ избытка товаровъ. Благодаря этому, усилившійся спросъ въ полной мѣрѣ отразился на производствѣ; ситцы шли на 20—30% дороже прошлаго года. Также благопріятно было положеніе павловскаго товара. „Благодаря безпрерывному спросу, во многихъ ходовыхъ сортахъ чувствовался на рынкѣ недостатокъ, а потому цѣны на всѣ павловскія издѣлія быстро шли на повышеніе и къ открытію нынѣшней ярмарки достигли небывалыхъ размѣровъ. Привозъ павловскихъ издѣлій на нынѣшнюю ярмарку, какъ и слѣдовало ожидать, былъ значительно меньше прошлаго года. Но по суммѣ оборота минувшая ярмарка съ ними оказалась выше предыдущей, такъ какъ цѣны оказались повышены: на стальныя издѣлія отъ 20 до 30%, а на замочный товаръ отъ 30 до 40%. Торговля шла очень бойко и съ нѣкоторыми сортами чувствовался серьезный недостатокъ". Конечно, на увеличеніе спроса и ростъ цѣнъ на эти товары вліяли и другіе факторы,—прекращеніе войны, притокъ денегъ изъ Манчжуріи, сокращеніе производства вслѣдствіе забастовокъ,—но серьезное значеніе имѣло также повышеніе покупательной способности крестьянъ (не смотря на голодъ въ Поволжьѣ) и рабочихъ вслѣдствіе аграрнаго и рабочаго движенія.

При дѣйствующей системѣ налогового обложенія, основанной по преимуществу на косвенныхъ налогахъ, ростъ покупательной силы населенія автоматически приводитъ къ росту государственныхъ доходовъ. По предварительнымъ кассовымъ свѣдѣніямъ, за первые 8 мѣсяцевъ 1906 г. поступило больше, чѣмъ въ 1905 г.

косвенныхъ налоговъ (за исключ. нефтяного) —	48.950.000 р.
дохода отъ казенной продажи питей	58.358.000 р.
итого	107.308.000 р.
всего обыкновенныхъ доходовъ болѣе на	118.962.000 р.

Такимъ образомъ, ближайшимъ результатамъ той частичной демократизаціи народнаго дохода, которая произошла въ 1905—6 гг. подъ вліяніемъ аграрнаго и рабочаго движеній, явилось укрѣпленіе финансоваго положенія государства. Правительство съ помощью своего налогового аппарата экспропріировало въ свою

пользу часть матеріальныхъ пріобрѣтеній крестьянъ и рабочихъ. Трудящіеся, отобравъ у капиталистовъ и землевладѣльцевъ нѣкоторую часть ихъ рентныхъ доходовъ, должны были подѣлиться своимъ пріобрѣтеніемъ съ правительствомъ. При существующей системѣ обложенія по преимуществу предметовъ народнаго потребленія, 100 рублей, израсходованныхъ рабочими и крестьянами, даютъ правительству въ $1^1/_2$—2 раза больше дохода, чѣмъ тѣ же 100 руб., истраченные привиллегированными классами. Слѣдовательно, всякая демократизація системы распредѣленія народнаго дохода автоматически приводитъ къ росту государственныхъ доходовъ. Всякое улучшеніе въ положеніи рабочихъ и крестьянъ приводитъ къ переложенію части народнаго дохода изъ кармана привиллегированныхъ классовъ въ карманъ правительства. Такимъ образомъ, завоеванія рабочихъ и крестьянъ въ области распредѣленія народнаго дохода, при современной системѣ налогового обложенія, приводятъ къ укрѣпленію финансоваго положенія правительства.

Къ числу результатовъ аграрнаго движенія надобно отнести также успѣхъ первой всероссійской желѣзнодорожной забастовки, принесшей намъ манифестъ 17 октября. Когда революціи носили баррикадный характеръ, и исходъ народнаго движенія рѣшался уличнымъ боемъ, тогда, конечно, рѣшающая роль принадлежала горожанамъ. Революціи дѣлались безъ крестьянъ; иногда они присоединялись послѣ къ горожанамъ, иногда шли противъ нихъ (напр. во Франціи въ 1848 и 1871 гг.). У насъ революція приняла характеръ всеобщей забастовки. Ея ареной были не столицы, не промышленные центры, а вся страна. Будь крестьяне настроены консервативно, желѣзнодорожная забастовка не могла бы имѣть успѣха. „Аграрность“ крестьянъ,—ихъ готовность вступить въ ожесточенную классовую борьбу на почвѣ аграрныхъ отношеній,—заставила ихъ видѣть въ желѣзнодорожникахъ свой авангардъ, свой передовой отрядъ, указующій путь къ лучшему будущему. Сочувственное отношеніе крестьянъ къ забастовкѣ обезпечило побѣду освободительному движенію.

С. Прокоповичъ.

Изъ далекаго прошлаго.

Весною 1873 г. я пріѣхала въ Локарно, гдѣ жила моя сестра съ своимъ мужемъ, Варѳоломеемъ Александровичемъ Зайцевымъ, и ихъ пятилѣтней дочерью. Здѣсь же въ то время проживалъ М. А. Бакунинъ. Сестра была хорошо съ нимъ знакома, и мы въ первый же день моего пріѣзда отправились къ нему. Насколько велико было чувство благоговѣнія, съ которымъ я вступала въ жилище этого необыкновеннаго человѣка, настолько же велико было и мое изумленіе передъ картиной, представившейся моимъ глазамъ и совершенно несоотвѣтствовавшей моимъ ожиданіямъ. Въ небольшой комнатѣ на кровати стоялъ табуретъ, а на табуретѣ въ широкомъ поношенномъ пальто, со стаканомъ въ рукѣ, возвышалась колоссальная фигура Бакунина. Въ эту минуту все его вниманіе было сосредоточено на ползавшемъ по потолку скорпіонѣ, котораго онъ старался поймать въ стаканъ. При этомъ зрѣлищѣ торжественно-почтительное настроеніе, съ которымъ я готовилась къ встрѣчѣ со знаменитымъ старцемъ, разомъ испарилось. Я невольно бросилась къ нему на помощь со словами: «М. А., позвольте я вамъ помогу!» Бакунинъ обернулся къ намъ и, грузно спускаясь съ табурета, промолвилъ: «А, вотъ ты и пріѣхала! Ну-ка, полѣзай теперь ты да излови эту бестію».

Онъ обыкновенно всѣмъ говорилъ «ты», и это сразу устраняло всякое стѣсненіе въ сношеніяхъ съ нимъ и привлекало къ нему людей. Всегда добрый и ласковый, онъ очень любилъ дѣтей и, бывая у Зайцевыхъ, часто игралъ въ домино съ моей маленькой племянницей, самъ временами увлекаясь, какъ малое дитя, и зачастую серьезно огорчаясь, проигрывая партію.

Въ Локарно М. А. жилъ очень скромно, занимая небольшую комнату въ отелѣ, рѣдко безпокоилъ прислугу и часто самъ ставилъ себѣ самоваръ. Въ это время онъ былъ въ очень мрачномъ настроеніи, такъ какъ его самый близкій другъ, Карло Кафіеро, сидѣлъ въ тюрьмѣ, въ Болоніи. Вскорѣ послѣ моего пріѣзда Бакунинъ перебрался въ тотъ же домъ, гдѣ жили Зайцевы. Здѣсь онъ много работалъ, просиживая до утра за письменнымъ столомъ, и я изъ окна своей комнаты нерѣдко видѣла, какъ въ 3—4 часа онъ въ глубокой задумчивости прохаживался по саду, заложивъ руки за спину.

Какъ извѣстно, въ Швейцаріи, особенно во французскихъ кантонахъ, Бакунинъ постоянно подвергался преслѣдованіямъ и гоненіямъ: въ 1872 г. его выгнали изъ Женевы, затѣмъ изъ Невшателя, съ запрещеніемъ въѣзда въ эти кантоны. Послѣдніе годы своей жизни онъ

провелъ въ Тессинскомъ кантонѣ и когда по дѣламъ ему приходилось ѣхать въ Бернъ (въ нѣмецкихъ кантонахъ къ нему относились снисходительнѣе), то онъ совершалъ это путешествіе не въ желѣзнодорожномъ вагонѣ, гдѣ, благодаря своей исключительной внѣшности, его сейчасъ же бы узнали, а тащился черезъ снѣжныя горы въ омнибусѣ, рискуя или провалиться въ пропасть, или быть погребеннымъ подъ снѣжнымъ обваломъ.

Городокъ Локарно, расположенный на берегу Лаго-Маджоре, почти на самой границѣ Италіи, представлялъ собою большое удобство для М. А., для его постоянныхъ сношеній съ итальянскими революціонерами и эмигрантами. Осенью 1873 г., когда изъ тюрьмы выпустили Кафіеро и другихъ, сидѣвшихъ по одному съ нимъ дѣлу итальянцевъ, рѣшено было купить поблизости къ Локарно небольшое имѣніе, подъ названіемъ «Бароната», гдѣ вскорѣ и поселились: Бакунинъ, Кафіеро, Малатеста, еще два итальянца съ женами и другіе, большею частью только что выпущенные изъ тюрьмы или эмигрировавшіе изъ Италіи. Я тоже переѣхала туда, а Зайцевъ съ семьей отправился въ Ментону куда его пригласили на уроки.

Жизнь въ Баронатѣ, какъ то сама собой сложилась на коммунистическихъ началахъ; работы и обязанности были распредѣлены, по возможности, равномѣрно: мужчины работали въ лѣсу, рубили дрова, косили сѣно, обрабатывали огородъ, который въ изобиліи снабжалъ насъ зеленью, овощами, ягодами, каштанами и фруктами. Были заведены куры и коровы. Такъ какъ уходъ за скотомъ, по обычаю итальянцевъ, лежитъ на обязанности мужчинъ, то нашу корову кормилъ и доилъ Карло Кафіеро. Женщины стирали бѣлье, стряпали, мыли посуду и вообще исполняли всѣ домашнія работы. Главная наша пища состояла изъ продуктовъ Баронаты: каштановъ, всевозможныхъ овощей, фруктъ и ягодъ; мясо же рѣдко появлялось за нашимъ столомъ.

Находясь отъ границы Италіи на разстояніи не болѣе 2-хъ часовъ ѣзды пароходомъ по Лаго-Маджоре, Бароната была очень удобнымъ мѣстомъ, какъ для собраній, такъ и для убѣжища преслѣдуемыхъ полиціей революціонеровъ, которые и находили всегда здѣсь временный пріютъ.

Будучи замѣчательнымъ ораторомъ, М. А. ясно и вразумительно разъяснялъ всѣ интересующіе насъ личные и общественные вопросы, и каждое его слово было для всѣхъ насъ закономъ. Однажды я, по порученію двухъ жившихъ съ нами итальянокъ, попросила его повліять на итальянцевъ, чтобы они измѣнили свое отношеніе къ женамъ, на которыхъ въ Италіи обыкновенно смотрятъ, какъ на рабынь. Бакунинъ много говорилъ на эту тему, и его рѣчи произвели сильное впечатлѣніе. Впослѣдствіи итальянки тоже примкнули къ революціонному движенію, и одна изъ обитательницъ Баронаты участвовала въ возстаніи въ горахъ Беневенто, въ 1876 г.

Въ 1874 г. Бакунину надо было ѣхать въ Романіи, гдѣ подготовлялось революціонное движеніе. Меня отправили туда раньше и поручили перевезти динамитъ, зашитый въ полотенце, которое я обвязала вокругъ таліи. Нагруженная такимъ образомъ, я доѣхала до Милана, гдѣ должна была пересѣсть на другой поѣздъ для дальнѣй-

шаго слѣдованія въ Болонью. Во время пережиданія въ миланскомъ вокзалѣ, разразилась страшная гроза. Отъ оглушительныхъ раскатовъ грома сотрясалось все зданіе вокзала; такъ какъ меня предупредили, что динамитъ отъ сотрясенія можетъ взорваться, то я и вообразила, что, взорвавшись, онъ погубитъ массу находящейся на вокзалѣ публики. Во избѣжаніе этого я вышла на площадь и съ трепетомъ ожидала, что вотъ-вотъ мой динамитъ взорвется и я вмѣстѣ съ нимъ. Однако, все обошлось для меня благополучно; динамитъ же не пошелъ въ дѣло и былъ погруженъ на дно Рейна, а я поплатилась только сильнѣйшей головною болью въ продолженіе нѣсколькихъ дней.

Поздней осенью 1875 г. Бароната опустѣла: больной Бакунинъ уѣхалъ въ Лугано, Кафіеро—въ Италію, а я—въ Россію; вскорѣ это имѣніе было продано.

По пріѣздѣ въ Петербургъ мнѣ удалось найти мѣсто сельской учительницы въ имѣніи одного помѣщика Псковской губерніи, но тамъ я оставалась недолго, такъ какъ условія работы въ небольшой школѣ, предназначенной исключительно для дѣтей служащихъ при имѣніи, не соотвѣтствовали моей цѣли—пропаганды среди народа. Передавъ свое мѣсто другому лицу, я уѣхала къ сестрѣ въ Т—ю губернію.

Вскорѣ мнѣ представился случай поѣхать въ Симбирскую губернію, гдѣ я устроилась при земской больницѣ докторской ученицей; но и эта поѣздка оказалась тоже неудачной, такъ какъ докторъ, по подозрѣнію въ политической неблагонадежности, былъ вскорѣ смѣщенъ, и мнѣ не оставалось ничего другого, какъ вернуться къ сестрѣ. Ѣдучи изъ больницы на лошади до станціи жел. дороги, я по пути заѣхала переночевать къ С. Л. Перовской, которая жила въ это время при больницѣ, тоже въ качествѣ докторской ученицы. Подробностей о ея тогдашней дѣятельности я не знаю, но ея видъ доказывалъ, что она довольна своей дѣятельностью и была весела и оживленна. Помѣщалась она въ крохотной каморкѣ; чѣмъ питалась — не знаю, знаю только, что она спала на голыхъ доскахъ, и когда она предложила мнѣ прилечь съ нею на этомъ жесткомъ логовѣ, то я не могла заснуть и на другой день, чѣмъ свѣтъ, тихонько встала и, не разбудивъ ее, наняла возьницу и отправилась дальше.

Въ 1877 г., весною къ намъ въ деревню нагрянули жандармы съ прокуроромъ во главѣ. Повальный обыскъ нашего стараго дома, походившій на разгромъ, никакихъ преступныхъ слѣдовъ не обнаружилъ, тѣмъ не менѣе меня арестовали и подъ охраной двухъ жандармовъ отправили въ Петербургъ. Вмѣстѣ со мною повезли три громадныхъ мѣшка съ книгами, вѣсомъ, по меньшей мѣрѣ, пудовъ 9. Между періодическими журналами и научно-популярными изданіями были захвачены: поваренная книга Авдѣевой, домашніе лечебники и переводные романы Ахматовой.

Продержавъ около недѣли въ III отдѣленіи, меня выпустили и потребовали, чтобы я взяла назадъ, привезенный со мною, девятипудовой грузъ съ книгами.

— Нѣтъ, благодарю покорно,—отвѣчала я,—вы это привезли, вы и отвозите, вѣдь мнѣ придется нанимать для этого ломового извозчика и платить за провозъ.

Черезъ 2—3 недѣли мѣшки были доставлены жандармомъ сестрѣ.

Вернувшись въ деревню, я предложила сосѣднимъ крестьянамъ открыть школу, и они съ радостью приняли мое предложеніе, предоставивъ въ мое распоряженіе одну изъ своихъ избъ. Въ срединѣ зимы, во время урока, явился какой-то полицейскій чинъ и, постоявъ съ полчаса, удалился, а мѣсяцъ спустя пріѣхалъ становой, созвалъ понятыхъ, отъ меня потребовалъ прекращенія занятій, а крестьянамъ пригрозилъ острогомъ, если они будутъ посылать своихъ дѣтей учиться.— Ваше благородіе,—обратился одинъ изъ понятыхъ къ становому,— отчего вы не пріѣзжали къ намъ, когда наши ребята ходили дураками, а теперь, когда мы взялись за умъ и стали ихъ обучать грамотѣ, вы запрещаете ихъ учить?—Въ отвѣтъ на это становой сильно выругался и пригрозилъ дерзкому арестомъ. Послѣ его визита я перевела школу къ себѣ въ домъ, и ученье продолжалось безъ перерыва до лѣтнихъ каникулъ.

Распустивъ дѣтей, я собралась попутешествовать по берегу Волги съ намѣреніемъ подыскать болѣе удобное мѣсто для пропаганды и поселиться тамъ. Моими спутницами были двѣ мои пріятельницы: Анна Васильевна Якимова (Кобозева), извѣстная подъ именемъ Баска (вмѣсто «хорошо» она говорила «баско», что и послужило поводомъ къ ея прозвищу), другая—Евгенія Флоріановна Завадская, обѣ участницы процесса 193-хъ.

Въ темныхъ ситцевыхъ платьяхъ, съ платкомъ на головѣ и котомками за плечами мы имѣли видъ странницъ-богомолокъ. Весь нашъ багажъ состоялъ въ одной перемѣнѣ бѣлья, нѣсколькихъ книгахъ, нашихъ паспортахъ и небольшомъ запасѣ провизіи. Доѣхавъ по желѣзной дорогѣ до Бологое, мы направились пѣшкомъ по желѣзно-дорожной вѣтви къ Рыбинску. Дорога была прескучная—однообразная и пыльная; встрѣчавшіеся и обгонявшіе поѣзда то и дѣло обдавали насъ дымомъ. Такъ какъ въ день мы дѣлали не болѣе 18—20 верстъ, то въ Рыбинскъ дошли, не почувствовавши ни малѣйшаго утомленія и, миновавъ городъ, направились по большой дорогѣ къ Ярославлю. Для отдыха мы выбирали самыя укромныя и красивыя мѣстечки и тутъ, на берегу какой-нибудь рѣчки или ручья, стирали и сушили свое бѣлье и сами мылись и купались. Однажды Баска вздумала выкупаться въ стоячей, покрытой тиной, водѣ, но только что она нѣсколько разъ окунулась, какъ съ крикомъ выскочила изъ этой лужи: оказалось, что она была полна піявками и двѣ—три успѣли уже присосаться къ тѣлу Баски, такъ что намъ пришлось ихъ отрывать. На ночлегъ мы всегда останавливались въ какой-нибудь деревнѣ и съ восходомъ солнца пускались въ дальнѣйшій путь. Оставаться въ какомъ-нибудь селеніи на болѣе продолжительный срокъ, чтобы сблизиться съ народомъ, не имѣло никакого смысла, такъ какъ это было самое горячее время полевыхъ работъ, и крестьяне возвращались домой усталые и, разумѣется, совершенно несклонные къ какимъ бы то ни было бесѣдамъ; притомъ у насъ изсякли финансы, и мы торопились добраться до Нижняго, гдѣ расчитывали найти письма съ деньгами. Отъ чая мы уже давно отказались и питались только хлѣбомъ съ лукомъ, вслѣдствіе чего бодрость наша значительно поубавилась.

Усталыя, голодныя, съ опухшими и истертыми до крови ногами (башмаки наши давно уже истрепались и ихъ пришлось замѣнить лаптями), мы добрались кое-какъ до Нижняго, гдѣ намъ предстояло отыскать одного знакомаго, на имя котораго должна была получаться наша корреспонденція. Баска отправилась его разыскивать, но не застала дома; къ счастію она встрѣтила у него на квартирѣ какого-то гимназистика и заняла у него три рубля, такъ какъ у насъ не было ни копейки, и мы сидѣли голодныя. Вскорѣ получились наши денежныя письма, въ которыхъ насъ усиленно убѣждали прекратить нашу прогулку и вернуться по домамъ, что мы и сдѣлали.

По пріѣздѣ въ деревню я снова взялась за школу, устраивая попутно и вечернія чтенія для взрослыхъ, но не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ опять явился становой, составилъ протоколъ, припугнувъ хозяевъ той избы, гдѣ шли мои занятія. Пришлось перевести школу въ другую деревню, но и туда становой не замедлилъ явиться; меня не было дома, но, по словамъ хозяйки, онъ крупно ругался, топалъ ногами и грозилъ сослать всѣхъ насъ въ Сибирь. Я попробовала перебраться въ третью деревню, гдѣ крестьяне, заинтересованные въ успѣхѣ своихъ дѣтей, наняли для школы пустовавшую избу и успокаивали меня тѣмъ, что не дадутъ меня становому въ обиду; затѣмъ собрали сходъ и составили приговоръ объ открытіи школы, уполномочивъ приходскаго священника похлопотать въ училищномъ совѣтѣ объ исполненіи ихъ приговора, но, увы, въ отвѣтъ на свое ходатайство священникъ получилъ отказъ съ замѣчаніемъ, что не его дѣло хлопотать о школѣ. Въ послѣдней деревнѣ мои занятія съ дѣтьми все-таки продолжались до Пасхи 1879 года. Когда на праздники я распустила школьниковъ и сама уѣхала домой, въ мое отсутствіе пріѣхалъ становой, велѣлъ сельскому старостѣ вынести мои вещи и отправить ихъ ко мнѣ, а избу заколотить. Такъ печально и кончилась моя школьная дѣятельность.

Въ маѣ мѣсяцѣ становой въ сопровожденіи полицейскаго прибылъ въ деревню къ сестрѣ, чтобы меня арестовать и препроводить въ острогъ ближайшаго уѣзднаго города. Тамъ мнѣ объявили, что я, въ наказаніе за свою «преступную дѣятельность», какъ иностранная подданная, подлежу изгнанію изъ предѣловъ Россійской имперіи. Въ острогѣ меня продержали двѣ недѣли и затѣмъ погнали до границы этапнымъ порядкомъ, несмотря на хлопоты родныхъ, выслать меня инымъ способомъ.

До Петербурга насъ везли по желѣзной дорогѣ. Просидѣвъ тамъ въ пересыльной тюрьмѣ около недѣли, насъ отправили тоже желѣзной дорогой до Вильны, а оттуда — уже пѣшкомъ съ конвойными. Въ моей партіи было тридцать человѣкъ уголовныхъ и все мужчины. На ночлегахъ въ этапныхъ домахъ меня запирали въ одной камерѣ съ арестантами, такъ что, вмѣсто отдыха, я всѣ ночи напролетъ отъ ужаса не смыкала глазъ. Къ счастью еще, что среди арестантовъ я нашла себѣ двухъ защитниковъ въ лицѣ одного пожилого человѣка, австрійскаго подданнаго, бывшаго наборщика, и мальчика, лѣтъ 18-ти, германскаго подданнаго, служившаго въ булочной. Ночью они всегда ложились около меня. Третій и послѣдній ночлегъ былъ

для меня самый ужасный. Партія наша уже сильно уменьшилась, оставалось не болѣе 10-ти человѣкъ. И вотъ, въ какомъ-то мѣстечкѣ, въ этапномъ домѣ, переполненномъ арестантами, меня заперли въ отдѣльную каморку, отгороженную отъ общей арестантской тонкой, досчатой перегородкой. Обрадованная, что наконецъ осталась одна, я сейчесъ-же прилегла на грязную солому, думая заснуть, но въ ту же минуту въ ужасѣ вскочила: миріады клоповъ и всякихъ другихъ насѣкомыхъ мигомъ облѣпили мнѣ лицо и руки, такъ что пришлось всю ночь просидѣть и отряхиваться отъ этой мерзости. А рядомъ, за перегородкой, стоялъ стонъ отъ крика и ругательствъ; арестанты неистово колотили въ перегородку, пытаясь ворваться ко мнѣ, а за дверью пьяные конвойные солдаты играли въ карты, ругаясь и сквернословя не хуже арестантовъ. На четвертый день мы пришли въ Ковно; прежде чѣмъ водворить въ тюрьму, всѣхъ насъ водили по городу, сдавая нѣкоторыхъ арестантовъ въ полицейскіе участки. Къ вечеру насъ ввели въ тюремный дворъ, гдѣ, подъ проливнымъ дождемъ, долго еще пришлось выжидать, пока изъ тюрьмы выведутъ партію арестантовъ, отправляемыхъ въ новыя мѣста, и не очистятъ намъ помѣщеніе. Въ концѣ концовъ насъ вогнали въ полутемный корридоръ, пересчитали и разсортировали по камерамъ; я попала въ большую камеру, переполненную спящими женщинами и дѣтьми, лежавшими на нарахъ и на полу. Не зная, куда приткнуться, я въ нерѣшимости остановилась въ дверяхъ, но меня выручили двѣ арестантки, предложивъ мѣстечко на нарахъ возлѣ себя; я прижалась къ нимъ и, согрѣвшись, заснула какъ убитая. На слѣдующій день насъ повезли дальше уже по желѣзной дорогѣ и высадили въ Вильковишкахъ, гдѣ помѣстили въ арестантскомъ домѣ. Тутъ въ числѣ арестантовъ были двѣ женщины, которыя, повидимому, мало тяготились своимъ положеніемъ, хотя помѣщеніе было до невѣроятности грязно: не было ни наръ, ни скамеекъ, даже не было и соломенной подстилки, а между тѣмъ здѣсь содержались арестанты, ожидавшіе «своей участи» по нѣсколько мѣсяцевъ. Атмосфера камеры была невыносимо удушливая, несмотря на выбитыя стекла; заключенные тутъ же, изъ окна совершали свои отправленія; полъ былъ пропитанъ страшнымъ зловоніемъ отъ лужъ, текущихъ со двора изъ переполненнаго отхожаго мѣста. Не рѣшаясь расположиться на полу, я не отходила отъ окна и когда уставала, то опускалась на колѣни, стараясь, чтобы лицо приходилось въ уровень съ окномъ. На слѣдующій день тюремный сторожъ, сжалившись надо мною, предложилъ помѣститься въ его каморкѣ, гдѣ онъ жилъ съ женой, и посовѣтовалъ хлопотать въ Петербургѣ, чтобы меня скорѣе отправили за границу, такъ какъ я рискую застрять здѣсь неопредѣленное время. Черезъ нѣсколько времени, благодаря ходатайству итальянскаго консула, получилась телеграмма съ распоряженіемъ переправить меня немедленно чрезъ русскую границу въ Пруссію, что и было тотчасъ же исполнено, и я, наконецъ, очутилась на свободѣ.

Въ февралѣ 1881 г. я безъ разрѣшенія вернулась въ Россію и остановилась въ Сувалкахъ, гдѣ мнѣ было поручено разузнать, не въ тамошней ли тюрьмѣ находится Н. А. Морозовъ, только что прибывшій изъ за границы. Въ Сувалкахъ у меня не было знакомыхъ,

и я наняла себѣ первую попавшуюся комнату въ еврейской семьѣ. Познакомившись съ хозяевами и узнавъ, что двѣ ихъ дочери ходятъ въ школу, я предложила заняться съ ними русскимъ языкомъ. Это расположило ко мнѣ всю семью, особенно отца, который не зналъ, чѣмъ бы меня за это отблагодарить. Присмотрѣвшись ближе къ этому еврею, я убѣдилась, что ему можно довѣриться, и попросила его помочь мнѣ разузнать, не здѣсь ли въ тюрьмѣ сидитъ политическій Лакіеръ или Морозовъ. Еврей обѣщалъ сдѣлать все возможное для этого, но черезъ нѣсколько дней объявилъ, что не могъ ничего узнать положительнаго и указалъ мнѣ на одну старую еврейку, жившую рядомъ съ тюрьмой и торговавшую булками и поставлявшую ихъ въ тюрьму уголовнымъ арестантамъ. Онъ самъ меня проводилъ къ ней. Переговоривъ съ торговкой, мы съ нею условились, за извѣстную плату, что я напишу записку, а она запечетъ ее въ булку и попроситъ уголовнаго передать ее политическому заключенному. Когда, на слѣдующій день, я принесла къ ней записку, то нашла ее совсѣмъ больною: она со стономъ металась по кровати. Я стала ей помогать, чѣмъ умѣла, и ухаживала за ней въ теченіе двухъ дней. На третій день, когда я сидѣла около нея, къ ней пришелъ тюремный сторожъ узнать, почему она не носитъ булокъ въ тюрьму, и тутъ моя старуха оказала мнѣ медвѣжью услугу. Восхваляя мои добродѣтели, она разсказала ему, чего я добиваюсь, и попросила его передать мою записку въ тюрьму. Увидавъ, что дѣло мое плохо, я поторопилась было уйти, но сторожъ меня задержалъ и отвелъ въ тюрьму; это случилось 20 марта 1881 г.

Въ тюрьмѣ меня держали совершенно изолировано, такъ что тамъ, разумѣется, я не могла ничего узнать о Морозовѣ. Камеру мнѣ отвели большую и свѣтлую, съ высокими окнами и широкими подоконниками, на которыхъ можно было очень удобно сидѣть, тѣмъ болѣе, что кромѣ наръ, тянувшихся вдоль стѣнъ, не было никакой мебели. Всѣ три окна выходили на узкій дворъ, огороженный высокимъ досчатымъ заборомъ, за которымъ шла проѣзжая дорога; я постоянно сидѣла на подоконникѣ и прислушивалась къ громыханію телѣгъ и голосамъ прохожихъ; это были единственные звуки, доходившіе до меня изъ внѣшняго міра, такъ какъ жандармъ, присутствовавшій всегда, когда женщина убирала камеру, или сторожъ приносилъ обѣдъ, не дозволялъ обмолвиться съ ними ни единымъ словомъ. Такъ просидѣла я больше двухъ мѣсяцевъ въ Сувалкской тюрьмѣ, терзаемая мыслью, что и Ольга Любатовичъ вѣроятно арестована. Хотя мнѣ дозволяли писать роднымъ, но, очевидно, письма мои не отсылались, такъ какъ они ровно ничего обо мнѣ не знали.

Однажды, сидя по обыкновенію на своемъ излюбленномъ мѣстѣ, я услышала стукъ подъѣхавшаго къ тюрьмѣ экипажа и скрипъ отворяемыхъ воротъ. «Вѣрно привезли Любатовичъ», подумала я, но въ ту же минуту раздался громкій голосъ, по которому я узнала юношу, тоже участвовавшаго въ поискахъ Морозова; онъ называлъ меня по имени и нѣсколько разъ повторялъ: «Ольга спасена, а я арестованъ».

Извѣстіе о Любатовичъ и близость товарища значительно облег-

чили мое дальнѣйшее пребываніе въ Сувалкской тюрьмѣ. Вскорѣ, поздно вечеромъ, я опять услышала голосъ молодого человѣка, кричавшій мнѣ, что его увозятъ, а на слѣдующій день увезли и меня.

Въ Петербургѣ меня посадили въ домъ предварительнаго заключенія, откуда я уже могла увѣдомить родныхъ о своей участи; вскорѣ разрѣшили и свиданія съ ними. Въ первый же день моего пребыванія въ предварилкѣ молоденькая надзирательница передала мнѣ поклонъ отъ Софьи Ивановой, находившейся тутъ же. Съ Ивановой я была давно знакома, и въ августѣ 1879 г., когда я сидѣла въ пересыльной тюрьмѣ, готовясь къ путешествію по этапу за границу, она съ Якимовой навѣщали меня и снабдили рекомендательнымъ письмомъ къ П. Л. Лаврову, жившему въ Парижѣ.

Продержавъ меня въ предварительномъ 10 мѣсяцевъ, меня переправили въ Бутырскую тюрьму, гдѣ, въ Пугачевской башнѣ, содержалось въ то время 18 женщинъ, ожидавшихъ отправки въ Сибирь. Послѣ годового одиночнаго заключенія я почувствовала себя среди этихъ близкихъ мнѣ людей, какъ бы въ своей родной семьѣ. Тамъ, между прочимъ, я нашла М. К. Крылову, Розу Личкусъ, Л. Чемоданову. Всѣхъ насъ высылали на поселеніе, кого въ Восточную, кого въ Западную Сибирь. Днемъ наши камеры отворялись, и мы цѣлый день могли свободно сообщаться другъ съ другомъ, Иванова же, шедшая на каторгу, содержалась отдѣльно въ запертой камерѣ; впрочемъ, мы вскорѣ добились того, что и ее перестали запирать. Это случилось въ первый день Пасхи: насъ повели въ церковь, и тамъ мы увидѣли Иванову; вернувшись отъ заутрени, мы проникли въ ея камеру и прямо заявили, что не выйдемъ оттуда добровольно, пока не добьемся, чтобы и она днемъ была съ нами.

Въ концѣ мая нашу партію, мужчинъ и женщинъ (кромѣ Ивановой), въ числѣ 80 человѣкъ, повезли на баржѣ до Перми, затѣмъ по жел. дор. въ Екатеринбургъ, а далѣе на тройкахъ съ конвоемъ, до Тюмени, гдѣ насъ распредѣлили по городамъ. Меня назначили въ Ишимъ на 5-тилѣтній срокъ, туда же ѣхалъ Иванъ Ивановичъ Свѣденцовъ (Ивановичъ) съ семьей. Въ Ишимѣ я нашла добрыхъ и милыхъ друзей въ лицѣ Любовь Ивановны Сердюковой, рожденной Корниловой, и Марьи Альбиновны Гисси. Послѣдняя, высланная изъ Казани, жила тутъ съ своими двумя прелестными дѣвочками. Отбывъ срокъ своей ссылки и поселившись въ Симбирскѣ, она имѣла несчастіе похоронить обѣихъ дочекъ и вскорѣ погибла сама отъ тяжелой душевной болѣзни. Л. И. Сердюкова умерла въ Казани. Память о нихъ остается до сихъ поръ однимъ изъ отраднѣйшихъ воспоминаній о совмѣстной нашей жизни; обѣ онѣ были моими истинными вѣрными друзьями, тѣмъ болѣе, что въ это время я нуждалась и въ моральной и въ матеріальной поддержкѣ. Дѣло въ томъ, что еще въ Бутырской тюрьмѣ у меня сдѣлался нервный параличъ ногъ, такъ что я еле могла двигаться на костыляхъ, а бѣшенная скачка на тройкахъ отъ Екатеринбурга до Ишима окончательно надломила мои силы.

Изъ Ишима я возобновила переписку съ моими друзьями итальянцами и стала получать отъ нихъ все худшія и худшія вѣсти о моемъ мужѣ Карло Кафіеро. Оказалось, что, находясь въ миланской тюрьмѣ,

онъ покушался на самоубійство; затѣмъ по выходѣ изъ тюрьмы, онъ отправился во Флоренцію и тамъ, въ припадкѣ умопомѣшательства, былъ взятъ и помѣщенъ въ домъ для умалишенныхъ. Условія этой больницы были отвратительнѣйшія, а между тѣмъ взять его оттуда и помѣстить въ другую благоустроенную лечебницу никто не могъ, кромѣ меня, его законной жены. Получивъ эти грустныя извѣстія, я рѣшилась во что бы то ни было покинуть мѣсто своей ссылки и пробраться въ Италію.

Итакъ, послѣ годового пребыванія въ Ишимѣ, я стала снаряжаться въ далекій путь: нашелся и желающій способствовать моему предпріятію, человѣкъ бывалый и опытный въ этомъ дѣлѣ, увезшій изъ ссылки Бардину. Было условлено, что онъ доставитъ меня на своихъ лошадяхъ до Екатеринбурга, если не ошибаюсь, за 60 р. Онъ указалъ мнѣ мѣсто за городомъ, гдѣ онъ съ телѣгой будетъ меня поджидать. Простившись съ друзьями и дождавшись визита стражника, который былъ обязанъ по вечерамъ посѣщать ссыльныхъ, чтобы удостовѣриться, всѣ ли на лицо, я осторожно пробралась въ поле къ назначенному мѣсту. Крестьянинъ съ телѣгой, наполненной травой, уже поджидалъ меня. Уложивъ меня на дно телѣги и старательно прикрывъ скошенной травой, чтобы его односельчане-сосѣди меня не замѣтили, онъ усѣлся сбоку и, безпечно мурлыкая какую-то пѣсню, благополучно довезъ до своей деревни. Онъ водворилъ меня на скотномъ дворѣ, въ отдѣльной хлѣвушкѣ, гдѣ онъ выкармливалъ только что заколотаго имъ поросенка. Такъ, взаперти, выходя лишь по ночамъ, чтобы подышать чистымъ воздухомъ, я высидѣла ровно двѣ недѣли, выжидая, пока полиція не прекратитъ свои поиски.

Наконецъ, ночью, мой возница, окутавъ меня разнымъ тряпьемъ, на парѣ, повезъ меня изъ своей деревни. До утра мы ѣхали благополучно и достигли парома; миновать это опасное для насъ мѣсто (тамъ стояли караульные солдаты) не было никакой возможности, такъ какъ этотъ паромъ служилъ единственной переправой черезъ Ишимъ. Лежа въ кибиткѣ, слышу, подошли подвыпившіе солдаты и спрашиваютъ: «Кого везешь»?—хвораго человѣка,—отвѣтилъ находчивый крестьянинъ и сунулъ взятку солдатамъ, которые безпрепятственно и пропустили насъ на паромъ, объявивъ, что они уже двѣ недѣли стоятъ тутъ и караулятъ бѣглую изъ Ишима. Выѣхавъ на противоположный берегъ, мой возница погналъ лошадей во весь опоръ, немилосердно настегивая ихъ кнутомъ. Когда совершенно измученныя животныя пошли шагомъ, крестьянинъ, обернувшись ко мнѣ спросилъ:—«Небось ты испугалась»?—«Испугалась—отвѣчала я,—а ты»? — «А у меня со страху даже всѣ вши пропали», — отвѣчалъ онъ.

Доѣхавъ до Екатеринбурга, я распростилась съ моимъ избавителемъ и желѣзной дорогой направилась въ Пермь, гдѣ, по адресу, данному въ Ишимѣ, я должна была отыскать одну особу, которая могла дать мнѣ пріютъ и раздобыть для меня паспортъ. Проведя безполезно нѣсколько дней въ этомъ городѣ и ежеминутно подвергая опасности и себя и свою знакомую, такъ какъ я укрывалась въ зданіи больницы для сумасшедшихъ, мнѣ пришлось уѣхать безъ пас-

порта въ Казань. Тамъ я нашла безопасное убѣжище въ кефирномъ заведеніи и была снабжена просроченнымъ паспортомъ на имя умершей казанской мѣщанки, вдобавокъ съ примѣтами, вовсе не соотвѣтствовавшими моей внѣшности.

Изъ Казани я отправилась въ Петербургъ, гдѣ пробыла только одинъ день и, доставъ денегъ на дальнѣйшій путь, поѣхала въ Варшаву. Здѣсь мнѣ очень посчастливилось: прочитавъ первый встрѣтившійся мнѣ билетикъ объ отдачѣ въ наемъ комнаты со столомъ, я вошла въ квартиру и встрѣтила тамъ двухъ полекъ—мать и дочь. Быстро сговорившись въ цѣнѣ, я поселилась у нихъ и прожила тутъ двѣ недѣли, причемъ мои хозяйки относились ко мнѣ очень дружески и паспорта у меня даже не спрашивали.

Изъ Варшавы я написала своимъ заграничнымъ друзьямъ, которые направили меня въ Вильну къ своимъ товарищамъ, занимавшимся переправою черезъ русскую границу. Я была поручена одному рыжему, длинному еврею съ предупрежденіемъ слѣдовать за нимъ по пятамъ. Усѣвшись въ разныхъ вагонахъ, мы выѣхали изъ Вильно и вышли на какой-то небольшой станціи; молча пошли мы по дорогѣ къ селенію, гдѣ въ корчмѣ еврей нанялъ подводу и повезъ меня по дорогѣ; затѣмъ свернулъ въ сторону, въ небольшой лѣсокъ. Привязавъ лошадь къ дереву, мой вожакъ разулся, засучилъ высоко свои штаны и направился по дорогѣ къ шлагбауму, гдѣ стоялъ часовой съ ружьемъ; я слѣдовала за евреемъ какъ тѣнь; вдругъ онъ сильно дернулъ меня за руку и пустился во всю прыть въ сторону отъ дороги, я—за нимъ, и не успѣла опомниться, какъ онъ уже стоялъ въ пограничной канавѣ по колѣна въ водѣ и подставлялъ мнѣ спину. Я схватилась обѣими руками за его плечи и перепрыгнула «за предѣлы досягаемости». «Теперь солдатъ ужъ не посмѣетъ въ насъ стрѣлять», сказалъ еврей усмѣхаясь. Неподалеку расположено было какое то селеніе; тамъ въ гостиницѣ мнѣ дали чистую, свѣтлую комнату и затопили каминъ, такъ какъ, перепрыгивая черезъ канаву, я промочила себѣ ноги и дрожала отъ холоду. Вскорѣ еврей доставилъ мнѣ мои вещи, и вечеромъ я сѣла на пароходъ, шедшій въ Тильзитъ, а оттуда по желѣзной дорогѣ поѣхала въ Лозанну къ сестрѣ Зайцевой.

О. Кафіеро-Кутузова.

Молодость „отца Митрофана“.

I.

Митрофанъ Даниловичъ Муравскій — крупная фигура въ рядахъ русскихъ революціонеровъ. Во время третьяго своего процесса, такъ называемаго «Большого», или «процесса 193-хъ», онъ проявилъ столько нравственной и политической выдержки, столько мужества и упорной энергіи, столько, наконецъ, горячей любви къ своимъ товарищамъ, что потомъ и въ могилу сошелъ съ кличкой «отца Митрофана», которой люди, его глубоко уважавшіе, хотѣли закрѣпить свое сыновнее къ нему благоговѣніе. Молодежь льнула къ нему, потому что, по словамъ г. Брешковской,—«находила въ немъ ту неподкупную нравственную силу, которая не обманетъ и не дастъ сдѣлать ложнаго шага». «Всѣ чтили его, всѣ боялись его осужденія» [1]).

Разумѣется, занять такое положеніе среди лицъ, уже самихъ по себѣ далеко недюжинныхъ, а то и просто весьма выдающихся, могъ только человѣкъ дѣйствительно большой и замѣчательный. И Муравскій былъ именно такимъ большимъ и замѣчательнымъ человѣкомъ. Вѣроятно, не за горами уже возможность ознакомиться съ нимъ по «Большому» процессу: участники послѣдняго живы, и имъ ближе всего нарисовать своего «батьку». Но это будетъ очеркъ Муравскаго, уже въ вполнѣ зрѣломъ возрастѣ, на склонѣ четвертаго десятка лѣтъ и при началѣ пятаго. Между тѣмъ молодость его врядъ ли можетъ найти освѣщеніе подъ перомъ современниковъ: они быстро сходятъ въ могилу и, не обладая необходимыми документами, не въ состояніи нарисовать намъ эту фигуру.

Въ моемъ распоряженіи находятся точныя копіи съ такихъ документовъ, которые даютъ возможность познакомиться съ первыми двумя политическими дѣлами Муравскаго, до сихъ поръ никѣмъ не разсказанными и въ литературѣ совершенно неизвѣстными, если не считать нѣсколькихъ строкъ въ указанной брошюрѣ г. Брешковской, замѣтно расходящихся съ дѣйствительностью, несмотря на то, что онѣ писаны по разсказу самого Муравскаго, а можетъ быть, и благодаря этому: Митрофанъ Даниловичъ просто забылъ многія подробности, а нѣкоторыя не удержались въ памяти самой г. Брешковской.

---

[1]) *Е. Брешковская*, „Изъ моихъ воспоминаній“, изд. Вл. Распопова. СПБ. 1906 г.

Первое изъ этихъ дѣлъ—тайное общество въ Харьковѣ, второе—возникшее изъ переписки съ сосланными въ разные концы товарищами.

Относительно тайнаго общества въ литературѣ вообще нѣтъ указаній сколько нибудь подробныхъ и точныхъ. Я заимствую ихъ изъ доклада предсѣдателя особой слѣдственной комиссіи, сенатора Жданова, которому поручено было въ іюнѣ 1862 года производство слѣдствія о «дѣйствіяхъ распорядителей и преподавателей Сампсоніевской и Введенской воскресныхъ школъ въ Петербургѣ и о свойствѣ преподаваемаго въ нихъ обученія». Комиссія эта была образована послѣ разгрома воскресныхъ школъ, по высочайшему повелѣнію. Она состояла изъ Жданова, управляющаго III Отдѣленіемъ генерала Потапова, петербургскаго генералъ-губернатора кн. Суворова и представителей министерства народнаго просвѣщенія (директора VI петербургской гимназіи, Кнорринга) и юстиціи. Послѣ продолжительной работы комиссія представила государю пространную записку, въ которой, между прочимъ, находимъ много очень интереснаго для объясненія истинной причины возникновенія тогда воскресныхъ школъ въ Россіи [1]). Я не буду заниматься здѣсь этимъ вопросомъ вообще, а остановлюсь лишь на томъ, что должно быть интересно въ данный моментъ въ отношеніи Муравскаго.

Одна изъ частей записки Жданова озаглавлена: «*О тайномъ обществѣ открытомъ въ Харьковѣ*». Приведу ее полностью.

„Въ 1855 г. въ Харьковѣ кружокъ студентовъ тамошняго университета основалъ тайное политическое общество, цѣль коего состояла въ перемѣнѣ существующаго образа правленія въ Россіи. Для прикрытія дѣйствій тайнаго общества и для большей возможности усилить оное новыми членами съ мятежными тенденціями, было основано, съ разрѣшенія университетскаго начальства, литературное общество.

„Въ тайныхъ собраніяхъ своихъ члены политическаго общества, разсуждая о необходимости государственнаго переворота въ Россіи, колебались въ своихъ заключеніяхъ между выборомъ конституціоннаго или республиканскаго правленія и однажды остановились на преступномъ убѣжденіи въ необходимости истребленія всей августѣйшей его императорскаго величества фамиліи. Въ собраніи этомъ были Завадскій, Ефименко, Муравскій, Ивковъ. Исполненіе этого злодѣйскаго намѣренія вызвался принять на себя одинъ изъ членовъ общества, студентъ Завадскій, для чего собирался ѣхать въ Петербургъ

„Главные основатели и энергическіе двигатели этого противозаконнаго общества были студенты: Бекманъ, Муравскій, Ефименко, Завадскій, Ивковъ. Кромѣ того, были прикосновенны къ дѣлу: Левченко, Португаловъ, Зеленскій Раевскій и другіе.

„*Средствомъ* къ достиженію цѣли полагали, между прочимъ, *распространеніе либеральныхъ понятій между простымъ народомъ и раскольниками*, какъ людьми болѣе другихъ склонными къ перевороту, по причинѣ недовольства своимъ положеніемъ. Въ виду этой цѣли члены общества признали не-

[1]) Архивъ Мин. Народ. Просвѣщенія, дѣло № 152905. „О закрытіи воскресныхъ школъ“.

обходимымъ заняться *приготовленіемъ самихъ себя* къ предстоящему назначенію *и другихъ*. Въ началѣ общество, какъ видно, не уяснило себѣ еще мысль о томъ, какимъ путемъ удобнѣе проводить между народомъ пропаганду своихъ преступныхъ идей, а предположеніе объ учрежденіи воскресныхъ школъ опредѣлительно еще не высказалось. Но уже и въ то время ясно было заявлено намѣреніе, подъ видомъ распространенія грамотности подготовлять простой народъ къ принятію участія въ осуществленіи преступныхъ цѣлей.

„Не ограничиваясь распространеніемъ печатаемыхъ за границею сочиненій возмутительнаго содержанія, одинъ изъ членовъ общества, Завадскій, тогда уже приготовлялъ статьи для распространенія между простымъ народомъ. Для сего имъ были составлены: *замѣтки*, въ видѣ сказки о происходящихъ для народа неудобствахъ отъ монархическаго правленія, и *поученіе* простому народу, въ коемъ, между прочимъ, сказано: „народу нужно знать, какіе порядки были у насъ въ старину, что въ нихъ хорошаго, что нужно перемѣнить и какъ бы это сдѣлать“. Кромѣ того, для достиженія предложенныхъ цѣлей признавалось полезнымъ имѣть въ виду пользоваться св. Евангеліемъ, такъ какъ оно, по духу своему, противорѣчитъ самодержавію.

„Подготовляя такимъ образомъ преступное ученіе между простымъ народомъ, Завадскій тогда уже писалъ: „составился небольшой кружокъ студентовъ, который отчасти началъ трудиться *надъ распространеніемъ грамотности*, все это молго исполниться не иначе, какъ при возможной самостоятельности общества студентовъ, устранивъ всякое недобросовѣстное вмѣшательство начальства“.

„Между тѣмъ, по поводу бывшаго въ 1858 г. волненія студентовъ харьковскаго университета, нѣкоторые изъ членовъ тайнаго общества, бывъ исключены изъ университета, переѣхали въ Кіевъ“ [1]).

„Такимъ образомъ дѣятельность членовъ тайнаго общества, ограничивавшаяся доселѣ только Харьковомъ, переноситъ свои возмутительныя идеи на новую почву, гдѣ съ тою же энергіею члены общества развиваютъ свои преступныя намѣренія и распространяютъ ихъ между новыми своими членами“.

Другая часть записки называется: „*Учрежденіе первыхъ воскресныхъ школъ въ Кіевѣ*“. Вотъ и она.

„Соединившись въ Кіевѣ между собою въ тѣсный кружокъ, они вскорѣ увеличиваютъ личный составъ свой присоединеніемъ къ нимъ нѣкоторыхъ студентовъ кіевскаго университета. Въ этомъ кружкѣ впервые появляется отчетливое намѣреніе и сознательная мысль объ учрежденіи *воскресныхъ школъ* въ тѣхъ видахъ, чтобы обученіемъ простого народа имѣть въ немъ вліяніе и поддержку для осуществленія задуманныхъ цѣлей. Во главѣ этого предпріятія становится профессоръ Павловъ [2]), начинается дѣятельная переписка съ членами тайнаго общества, находящимися въ Харьковѣ; устанавливаются сношенія, чрезъ того же профессора Павлова, съ студентами московскаго и пе-

---

[1]) Бекманъ, Муравскій и впослѣдствіи Левченко. Поводомъ къ „волненіямъ“ послужило удаленіе изъ университета двухъ студентовъ за дебошъ на улицѣ. Произошла сходка, рѣшено было прекратить слушаніе лекцій, 138 студентовъ подали прошеніе объ увольненіи. Муравскій, Бекманъ и др. вступили въ переговоры съ инспекціей, въ результатѣ они были тоже уволены (кое-какія данныя объ этомъ вообще можно найти на стр. 163—164. „Краткаго очерка исторіи Харьков. унив.“, Харьковъ, 1906 г.).

[2]) Извѣстный профессоръ, пострадавшій въ 1862 г. за рѣчь о тысячелѣтіи Россіи.

тербургскаго университетовъ. Наконецъ, получается *разрѣшеніе* начальства *объ учрежденіи* первыхъ *воскресныхъ школъ* въ Кіевѣ.

„Профессоръ Павловъ, коему начальствомъ поручается главный надзоръ за воскресными школами, становится передовымъ дѣятелемъ и двигателемъ развитія и направленія этихъ будущихъ разсадниковъ народнаго образованія.

„Такимъ образомъ ходомъ самыхъ обстоятельствъ слагается *двойственная* роль профессора Павлова: съ *одной* стороны онъ является во главѣ новаго учрежденія, какъ агентъ правительства, съ *другой* — онъ становится центромъ, возлѣ котораго, въ качествѣ дѣятелей воскресныхъ школъ, группируются личности съ преступными тенденціями, которыя ему не могли не быть извѣстными и которыхъ онъ, конечно, и самъ не былъ чуждъ.

„Ближайшая сокровенная цѣль и направленіе учреждающихся въ Кіевѣ воскресныхъ школъ весьма ясно высказывается даже въ темныхъ намекахъ и полувыраженныхъ мысляхъ, заявленныхъ главными дѣятелями въ ихъ письмахъ и прочихъ бумагахъ, бывшихъ въ разсмотрѣніи слѣдственной комиссіи.

„Въ этомъ отношеніи будетъ небезполезно обратиться къ письмамъ и замѣткамъ самихъ членовъ.

„Бекманъ пишетъ: „настало другое время, открылось болѣе простора для общественной дѣятельности..... подъ вліяніемъ этого времени основался кругъ студентовъ, въ которомъ изчезли всѣ враждебныя начала, раздѣлявшія нашъ университетъ. *Среди этого круга* родилась мысль *объ учрежденіи воскресныхъ школъ*“.

„При извѣстіи въ Харьковѣ объ открытіи въ Кіевѣ воскресныхъ школъ Ляховскій пишетъ Муравскому: „ура! ура! Митрофанъ Даниловичъ! *поздравляю съ открытіемъ воскресныхъ школъ! Душевно радъ, что вы у брега*“.

„Левченко, принимавшій непосредственное участіе въ преподаваніи въ кіевскихъ воскресныхъ школахъ, высказывается еще яснѣе; вотъ его слова: „*средствомъ къ распространенію въ массѣ простого народа либеральныхъ идей должны служить воскресныя школы*“. Онъ сочувствовалъ этому предпріятію въ особенности потому, что, такъ какъ при образованіи массы имѣлось въ виду распространеніе въ ней понятій о естественныхъ правахъ человѣка, то въ этомъ онъ видѣлъ задатокъ измѣненій въ будущемъ существующаго порядка. Между университетами, по мнѣнію Левченко, должны поддерживаться постоянныя сношенія передачею всего того, что дѣлается въ каждомъ изъ нихъ. Такимъ образомъ безъ опредѣленныхъ формъ, безъ названныхъ членовъ являлось бы общество организованное единствомъ цѣлей *и сама собою должна была образоваться пропаганда, распространяя по возможности вездѣ либеральныя понятія*“.

На этомъ кончается часть записки сенатора Жданова, проливающая хоть небольшой свѣтъ на тайное общество, о которомъ упоминаетъ, какъ увидимъ ниже, и самъ Муравскій. Правда, свѣтъ этотъ неполонъ и неярокъ, но во всякомъ случаѣ онъ достаточенъ, чтобы получить нѣкоторое представленіе о внутренней сущности организаціи [1]).

[1]) Г. Пантелѣевъ отрицаетъ существованіе тайнаго общества, говоря о „просто замкнутомъ кружкѣ, задававшемся просвѣтительнымъ цѣлями“ (стр. 116 его „Изъ воспоминаній прошлаго“). Повторяю, что и самъ Муравскій дважды говоритъ именно о тайномъ обществѣ.

Результатомъ записки по отношенію участниковъ тайнаго общества была административная съ ними расправа: ихъ разослали въ различные города европейской Россіи [1]). Муравскій попалъ въ Бирскъ Оренбургской губерніи.

II.

Тамъ бы онъ и жилъ болѣе или менѣе спокойно до конца срока если бы не арестъ Николая Серно-Соловьевича. Въ числѣ бумагъ опечатанныхъ у послѣдняго при обыскѣ въ магазинѣ и библіотекѣ были между прочимъ письма Завадскаго (изъ Петрозаводска), адресованныя къ завѣдывавшему магазиномъ С. Н. Пыпину, родному брату недавно умершаго академика. Они то и обратили вниманіе въ сторону Муравскаго.

Въ одномъ письмѣ Завадскій просилъ прислать ему для продажи нѣсколько экземпляровъ шумѣвшаго тогда письма Герцена къ русскому посланнику въ Лондонѣ и очень хвалилъ мѣстнаго крестьянина Распутина, обращая на него вниманіе, какъ на крупнаго по уму человѣка, пользующагося весьма замѣтнымъ вліяніемъ въ своей волости.

Очевидно, сдѣлано было распоряженіе о немедленномъ арестованіи, и Завадскій 29 іюля былъ уже водворенъ въ Петропавловскую крѣпость. Въ его бумагахъ нашли два письма Муравскаго и четыре жены ротмистра Екатерины Гаршиной. Она, между прочимъ, писала своему брату Завадскому:

„Неужели ты не понялъ, по какой дорогѣ я пошла. У меня есть дѣти и я люблю ихъ больше жизни своей, но еще выше дѣтей есть что то другое. Я теперь не мать, не жена, не сестра, я гражданка моей родины и буду счастлива выше всякаго земного счастія, если хоть одну свою лепту душевную принесу на общее дѣло. Можетъ быть, не для меня, такъ для нихъ, для моихъ дѣтей наступитъ пора лучшая и порадуются тогда мои косточки“.

Въ другомъ письмѣ находимъ слѣдующее мѣсто, тоже обратившее вниманіе комиссіи:

„Послѣ демонстраціи по поводу Павлова я съ недѣлю была въ самомъ тревожномъ состояніи, ждали обысковъ, ареста, ссылокъ, но, благодаря судьбѣ въ образѣ Суворова, все обошлось благополучно. Скажи, пожалуйста, неужели ты боишься, чтобы я не попала въ кр(ѣпость)? Поэтому самое лучшее мнѣ убраться подъ благословенный кровъ Г(ерце)на, тамъ ужъ конечно я буду въ безопасности. А теперь конечно близкія связи съ С. У., и другими чего добраго доведутъ до бѣды“.

Завадскій, въ свою очередь, отвѣчалъ сестрѣ, что пора перейти отъ прокламацій къ дѣлу, чтобы такимъ образомъ заручиться сочувствіемъ народа...

[1]) П. С. Ефименко въ Пермь, Я. Н. Бекмана въ Вологду, Левченко въ Курскъ, В. О. Португалова въ Шадринскъ, Ивкова въ Слободско-Вятскойгуб., Завадскаго въ Каргополь Олонецкой губ.

Кромѣ того, въ письмѣ Воронкова сосланный М. И. Михайловъ былъ названъ «мученикомъ за русскую свободу».

А вотъ что писалъ Завадскому Муравскій. Привожу оба письма полностью, полагая ихъ важными не только для біографіи самого корреспондента, но и для исторіи шестидесятыхъ годовъ, все еще не имѣющей достаточнаго подбора просто фактическаго матеріала.

1.

Бирскъ 1861 г. 29 января.

„Чортъ бы васъ побралъ, Петръ Васильевичъ! Что я вамъ такое сдѣлалъ, что вы вводите меня въ лишнія издержки? Изъ за того, что вамъ пришла фантазія отвѣтить на мое письмо только въ 1861 году, я долженъ былъ послать вамъ страховое и еще теперешній отвѣтъ, т. е. издержать 33 коп. сер., т. е. 23 коп. лишнихъ, а вѣдь этого стало-бы мнѣ на полмѣсяца на табакъ и свѣчи,—вотъ какъ я экономно живу.—Ваше письмо произвело на меня какое то тяжелое впечатлѣніе. Видно, что вамъ не совсѣмъ хорошо, что послѣ петропавловскаго удушья вы еще не успѣли вдохнуть въ себя свѣжаго воздуху, Вы до того захандрили, что у васъ явилась даже такая мысль, что такъ какъ въ письмахъ свободно распространяться нельзя, то переписки намъ вести не стоитъ... Зачѣмъ же это, Петръ Васильевичъ, вы упустили изъ виду, что не говоря кой о чемъ другомъ (объ этомъ ниже), переписка наша необходима для насъ лично: вы сами пишете, что послѣ Бекмановскаго письма вы стали веселѣе смотрѣть на міръ божій. Я думаю, что окрещенные тюрьмою и ссылкою, сдѣлавши этотъ первый дебютъ, мы еще тѣснѣе сблизились между собою; и я думаю что двухтысячныя пространства не должны бы уменьшить въ каждомъ изъ насъ желанія знать о нравственномъ состояніи и внѣшней обстановкѣ, о надеждахъ и желаніяхъ, горестяхъ и радостяхъ всѣхъ другихъ.. Кромѣ того, изъ моего страховаго письма вы видѣли, что и по части общаго дѣла творится много хорошаго: вѣдь ничего-же нѣтъ безцензурнаго въ томъ если мы будемъ сообщать одинъ другому этого рода новости; развѣ мы виноваты, чтоли, въ томъ, что онѣ дѣлаются? (...) Потомъ, если мы одинъ о другомъ знаемъ такую штуку, о которой съ насъ взяли подписку молчать, то было бы чрезвычайно неразумно думать, что мы не имѣемъ права разсказывать одинъ другому о своихъ похожденіяхъ. Но это доказательство умозрительное; сейчасъ вамъ представлю и опытное. Ефименку я послалъ по почтѣ письмо, въ которомъ пришлось къ слову разсказать ему о приключеніи случившемся со мною въ Москвѣ и нѣчто о показаніяхъ данныхъ мною въ Харьковѣ; это письмо онъ получилъ совершенно безпрепятственно, такъ же, какъ и всѣ прочія. Если хотите, то я, пожалуй, и вамъ напишу о чемъ писалъ Ефименку. Впрочемъ, начну ab ovo.

1-го февраля 1860 г. въ Кіевѣ я былъ взятъ въ плѣнъ, бумаги мои всѣ ограблены, и въ тотъ же день вечеромъ я посаженъ въ одинъ изъ казематовъ тамошней крѣпости. Все случившееся со мною произошло съ Бекманомъ, Португаловымъ, Россинскимъ, Розеномъ, Каценомъ, Зеленскимъ, Шмулевичемъ, Стрижевскимъ, Тищинскимъ и Ефименкомъ [1]). На третьи сутки ночью, съ двумя гувернерами, [2]) отправили меня на почтовыхъ въ Харьковъ. Тамъ

[1]) Завадскій оставался въ Харьковскомъ университетѣ.

[2]) Разумѣется, жандармами.

я просидѣлъ въ острогѣ въ секретномъ казематѣ недѣли съ полторы, съ тараканами, на арестантской пищѣ, безъ книгъ и въ нѣкоторомъ родѣ безъ табаку. По сосѣдству со мною были Тищинскій и Лебедевъ; мы перепѣвались между собою: „Впередъ безъ страха“, „Ой, на гори та жинци жнуть“ и проч. Здѣсь мнѣ предложены были вопросы, соотвѣтствующіе общежитейскому: позвольте узнать съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить? и на которые отвѣчаютъ: рекомендуюсь, дворянинъ, бываю на исповѣди и у св. причастія и проч., и чтобы я изложилъ свою біографію. Я разсказалъ о сценахъ изъ крѣпостнаго права, которыхъ я былъ свидѣтелемъ въ дѣтствѣ, о поступкахъ гимназическаго начальства, о неудачной восточной войнѣ, вообще о причинахъ, произведшихъ перемѣну въ моемъ образѣ мыслей, и упомянулъ о нѣкоторыхъ случаяхъ, особенно утвердившихъ меня въ ненависти къ старому направленію. Къ числу ихъ относится и сидѣніе мое въ части (помните, въ апрѣлѣ 58 года [1])?

Дѣло въ томъ, что сверхъ этого ареста Лужинъ [2]) еще сказалъ мнѣ тогда грубость, на которую я не отвѣтилъ. Цѣлыхъ полтора года это обстоятельство сильно меня мучало. Можете представить, какъ я обрадовался при мысли, что предстоитъ случай отомстить и за грубость и за сидѣніе на съѣзжей, притомъ местью самою современною, самою приличною студенту: разсказать поступокъ Лужина въ своихъ показаніяхъ, и стало быть сдѣлать заразъ слѣдующія добрыя дѣла: довести объ этомъ поступкѣ до свѣдѣнія высшаго начальства и дать нравственную оплеуху самому Лужину.

Вотъ это мѣсто въ моемъ показаніи: „Въ апрѣлѣ 1858 г. меня замѣшали въ исторію, бывшую между людьми кн. Салтыкова и студ. Петровскимъ и Кутыревымъ [3]). Въ ту ночь, когда происходила эта исторія, мнѣ случайно пришлось быть въ томъ же дворѣ; тамъ меня и арестовали. На показанія мои, что въ самой исторіи я не участвовалъ и узналъ о ней послѣ того уже, какъ она случилась, какъ видно, не было обращено ни малѣйшаго вниманія; не потрудились также, какъ видно, разспросить хорошенько всѣхъ, кому это дѣло могло быть сколько-нибудь извѣстно. Когда меня на третій, кажется, день потребовали къ г. Начальнику губерніи, И. Д. Лужину, я ожидалъ, что онъ разспроситъ меня о случившемся и постарается разъяснить дѣло. Но вмѣсто этого его превосход. сказалъ мнѣ небольшую рѣчь, въ которой говорилъ о какой-то „безнравственности“, о „старшихъ“, о какихъ-то „мерзавцахъ съ республиканскимъ духомъ“, о томъ, что „фортку выломали“, о „сѣрой шинели“ и проч., и общаго содержанія которой я никакъ не понялъ; тонъ и выраженія этой рѣчи были до того неделикатны, что оскорбиться ею я счелъ для себя неприличнымъ. Потомъ г. Начальн. губерніи приказалъ отправить меня въ полицію, гдѣ и продержали меня цѣлую недѣлю.—Я распространился объ этихъ случаяхъ, потому что, повторяю, они особенно утвердили меня въ моемъ новомъ направленіи“.

Что месть эта достигла цѣли, въ этомъ я убѣдился, когда передъ выѣздомъ изъ Харькова ввели меня къ Лужину. Я ожидалъ, что онъ разразится громомъ дерзостей, и принялъ твердое намѣреніе при первомъ же его гру-

---

[1]) Передъ исключеніемъ изъ Харьковскаго университета.

[2]) Харьковскій губернаторъ.

[3]) Студенты ночью стучались къ своимъ товарищамъ и потревожили жившаго въ этомъ домѣ кн. Салтыкова. Послѣдній выслалъ свою прислугу усмирить „буяновъ“, а они отколотили ее.

бомъ словѣ „выместить обиду на лицѣ противника". Ничего не бывало: Лужинъ убѣждалъ меня только не скрывать ничего въ Петербургѣ, потому что только это можетъ облегчить мою участь; но при всемъ томъ былъ какъ нельзя вѣжливѣе. Нѣтъ лучше наслажденія, какъ видѣть передъ собою рослую фигуру глупаго и наглаго генерала, который дрожитъ отъ бѣшенства, глазами готовъ съѣсть васъ, лицо у него подергиваются судорогами, и въ то же время онъ боится за каждое свое слово, корчитъ человѣка искренно къ вамъ расположеннаго. Я испытывалъ истинное блаженство, побѣда была полная, лежачаго не бьютъ,—и съ Лужинымъ я разстался мирно.

Дорогою въ Петербургъ одинъ изъ жандармовъ разсказалъ мнѣ о томъ, что арестовано было до 30 человѣкъ, и вообще оказывалъ мнѣ такія противузаконныя привиллегіи, что я заключилъ, что онъ хорошій человѣкъ. У меня явилась мысль, не былъ ли кто изъ арестованныхъ въ перепискѣ и съ московскими студентами? авось, еще не поздно! да если и поздно, все-таки попытаться предупредить: по крайней мѣрѣ, совѣсть будетъ спокойнѣе. На одной станціи я сталъ писать такую записку: „Господа! многихъ студентовъ въ Харьковѣ арестовали, нѣкоторыхъ везутъ въ Питеръ, въ томъ числѣ и меня. Будьте осторожны, особенно харьковцы, и тѣ, кто близки съ ними, — даже не показывайте вида, что близко знакомы съ кѣмъ-нибудь изъ харьковцевъ. Бывшій студ. харьк. универ. *Муравскій*" [1]). На вопросъ жандарма я отвѣчалъ, что вспомнилъ одно стихотвореніе, и такъ, отъ нечего дѣлать, пишу онъ успокоился. Кончивши, я спрашиваю его: прочесть это мнѣ или онъ самъ прочтетъ, если можетъ быть сомнѣвается въ чемъ?—Нѣтъ, зачѣмъ, прочтите сами,—отвѣчалъ онъ. Я прочелъ что то; онъ совершенно успокоился и повѣрилъ. Оставалось только положить записку въ карманъ и потомъ въ Москвѣ, встрѣтившись съ какимъ-нибудь студентомъ, бросить ее незамѣтнымъ образомъ съ саней. Нѣтъ же, канальство,—лукавый попуталъ! Онъ такъ ввѣрился мнѣ, зачѣмъ же я его обманываю? а смѣлая, рыцарская выходка можетъ поощрить его и на будущее время быть хорошимъ человѣкомъ,—и любопытно, знакомо ли жандарму чувство чести? къ тому же записка не опаснаго содержанія, по фамиліи никто не названъ. Если кто изъ москвичей былъ съ нашими въ перепискѣ, все равно будетъ взятъ; цѣль, стало быть, только предупредить объ арестѣ, а не избавить отъ него. Въ силу этихъ соображеній я говорю жандарму просто и откровенно, что записка эта вотъ какая, и что я намѣренъ сдѣлать вотъ что. Ему ничего не стоило просто отнять у меня записку. Вмѣсто этого онъ только сказалъ, что согласиться на это не можетъ ибо узнаютъ какъ нибудь и ему достанется, и посовѣтовалъ мнѣ уничтожить ее. Потомъ, минутъ черезъ пять, подумавши,—„а впрочемъ, знаете ли что?" говоритъ, —„дайте вы ее мнѣ, да какъ я ужъ сдамъ васъ въ Москвѣ, надѣну эту шапку, тулупъ, пойду на базаръ за хлѣбомъ, и встрѣтившись съ кѣмъ нибудь изъ студентовъ, отдамъ, и никто знать не будетъ". Придумано было умно, я съ минуту поколебался, и ввѣрился его чести, отдалъ. Въ Москвѣ изъ нѣсколькихъ его выраженій замѣтилъ я что-то недоброе, и потому рѣшился помимо записки предупредить студентовъ. Встрѣтившемуся и подо-

[1]) Передавая записку свою по памяти, Муравскій измѣнилъ ея содержаніе. Въ дѣлѣ министерства народнаго просвѣщенія есть точная ея копія. Вотъ она: „Господа, многихъ студентовъ Харьковскаго университета арестовали, нѣкоторыхъ везутъ въ Петербургъ, въ томъ числѣ и меня. Будьте осторожны, особенно тѣ изъ васъ, кто переѣхалъ изъ Харькова или былъ близокъ съ кѣмъ нибудь изъ харьковцевъ".

шедшему къ намъ какому-то студенту, котораго, какъ и многихъ прохожихъ жандармы стали спрашивать, не знаетъ ли онъ, гдѣ живетъ жандармскій генералъ, я успѣлъ сказать: „предупредите товарищей, чтобъ были осторожны". На послѣднихъ словахъ этой фразы жандармъ *зажалъ мнѣ ротъ своею собственною рукою.* Я его не ударилъ: было бы какъ-то неловко, потому что я баринъ, а онъ не генералъ и не офицеръ, а солдатъ, и не выругалъ: это было бы смѣшно, потому что сердитъ да не силенъ... братъ. Все-таки, при воспоминаніи объ этомъ у меня нутро переворачивается. Записку представилъ онъ жандармскому генералу. Къ счастію, это обошлось безъ дурныхъ послѣдствій. Изъ московскихъ студентовъ былъ арестованъ одинъ только Юкельзонъ, но не по причинѣ моей записки, а потому, что у Португалова найдено было письмо Юкельзона, въ которомъ говорилось, что будто бы въ Москвѣ литографируются сочиненія Герцена. Это осталось безъ послѣдствій. Затѣмъ я очутился въ Питерѣ. Остальное вамъ извѣстно.

Мы съ Бекманомъ встрѣтили на желѣзной дорогѣ Левченка. Онъ ѣхалъ безъ жандарма. Я съ трудомъ узналъ его: лице у него какъ-то запало, щеки ввалились, голосъ былъ сиплый и кашлялъ онъ чахоточно. Когда ихъ нѣсколько человѣкъ ѣхали изъ крѣпости въ III Отдѣленіе, Шимковъ спросилъ его: отчего вы такъ страшно перемѣнились, заболѣли чахоткой?—Оттого, что я женатъ, отвѣчалъ Левченко. Всѣ трое ѣхали мы до самой Москвы, гдѣ и попрощались. Затѣмъ я проѣхалъ 1400 верстъ, видѣлъ Владиміръ, Нижній, Казань, видѣлъ Волгу, переѣзжалъ Каму, видѣлъ чувашей, черемисовъ, татаръ. На дорогѣ въ Владиміръ встрѣтилъ на нѣсколькихъ подводахъ партію арестантовъ, отправлявшихся въ Сибирь въ сопровожденіи этапной команды, въ цѣпяхъ, съ дѣтьми и женами. Изъ дороги я вынесъ нѣсколько впечатлѣній, по истинѣ прекрасныхъ... Вездѣ такое вниманіе, радушіе, видимое—не то что участіе, а сочувствіе. Нигдѣ я не былъ между чужими: вездѣ дома, все свои, всѣ знакомы... Вѣжливость переходила иногда въ какое-то почтеніе, даже совѣстно дѣлалось. Скорѣе это былъ рядъ тріумфовъ, нежели путешествіе въ ссылку. И вся причина этому та, что на мнѣ была студенческая шинель и фуражка, на моемъ попутчикѣ жандармскій костюмъ, да подорожная у насъ по казенной надобности. Можетъ быть, впрочемъ, и то было причиною, что по этой самой дорогѣ много проѣхало нашего брата,—стало быть, здѣсь имѣютъ о насъ понятіе; впрочемъ, желѣзная дорога еще болѣе... Во всякомъ случаѣ славное теперь, Петръ Васильевичъ, русское общество! Не знаю какъ вы ѣхали. Начальство какъ губернское, такъ и уѣздное, приняло меня очень хорошо. Стало быть, вы должны отдать преимущество кое въ чемъ Бирску передъ Каргополемъ [1]).

Въ настоящее время, какъ я уже писалъ вамъ, я переѣзжаю въ Оренбургъ, и генералъ-губернаторъ Безакъ хочетъ помѣстить меня въ свою канцелярію: это будетъ имѣть и хорошую и дурную сторону; хорошо потому что жалованья довольно, дурно потому, что занятій пропасть, и стало быть, большая часть времени должна проходить чортъ знаетъ въ чемъ. Впрочемъ, посмотримъ что и какъ. Во всякомъ случаѣ, вы видите, что переписываться намъ есть о чемъ. Неизвѣстное намъ и интересное для насъ — такого рода,

---

[1]) Указываемое Муравскимъ сочувствіе общества и средняго ранга администраціи къ политическимъ ссыльнымъ, особенно къ студентамъ, заслуживаетъ серьезнаго вниманія: до полнаго расцвѣта реакціи въ 1866 г. это было гласнымъ заявленіемъ если не своей солидарности, то именно сочувствія.

что о немъ можно свободно писать, а то, о чемъ свободно писать нельзя намъ или безъ того извѣстно, или же не трудно о немъ догадаться по какому либо намеку. Напишите, какой былъ поводъ къ арестамъ, кто именно былъ арестованъ и какимъ образомъ это все открылось. Опять таки, напишите, что произошло между вами и Лужинымъ.

Что еще? все, кажется. О новостяхъ я писалъ вамъ въ предыдущемъ письмѣ. Кланяется вамъ Федоръ Павловскій. Онъ пишетъ, что въ Харьковѣ открыта третья воскресная школа; тамъ 100 человѣкъ. Лапшинъ [1]) преподаетъ общеполезныя свѣдѣнія; на одной его лекціи въ воскресной школѣ показана и объяснена была модель паровой машины и приведена была въ дѣйствіе; на другой вагонъ въ $^1/_2$ аршина силою паровъ приведенъ былъ въ дѣйствіе и бѣжалъ черезъ весь нижній корридоръ. Средства школы и студентской кассы блистательны.

19-го февраля. Впрочемъ, обо всемъ этомъ вы имѣете непосредственныя извѣстія изъ Харькова.

6-го марта. Я началъ это письмо чортъ знаетъ когда. Откладывалъ его на томъ основаніи, что у васъ ужъ есть мое страховое. Ну-съ, о себѣ прежде, потомъ о прочемъ. Я получилъ разрѣшеніе выѣхать въ Оренбургъ, но не выѣзжаю, по неимѣнію денегъ. Изъ Харьковской студенческой кассы, куда я писалъ о заимообразной высылкѣ мнѣ 50 р. с., полученъ отказъ. Вѣроятно, я останусь въ Бирскѣ. На этотъ случай я подалъ прошеніе о поступленіи въ земскій судъ (ибо здѣсь жалованье будетъ сносное); опредѣленія еще не состоялось. Я и не поступалъ бы на службу, если бъ были здѣсь другіе какіе либо источники къ существованію. Сказать еще вамъ о болѣзни, которая заставила меня проситься въ Оренбургъ или въ Уфу. Болѣзнь эта составляетъ очень уважительную причину къ тому, чтобъ позаботиться объ излеченіи; хотя узнать ее по наружнымъ признакамъ нельзя. Вотъ въ чемъ она проявляется: вздутіе живота, вѣтры, отрыжка, давленіе подъ ложечкой послѣ обѣда, тошнота натощакъ, головокруженіе очень часто, боль въ лѣвомъ боку по временамъ, запоры и поносы, потеря аппетита, во рту скверно. Вѣдь вы тоже нездоровы этой болѣзнью,—а въ уѣздномъ городѣ, все-таки, можно найти меньше медицинскихъ средствъ, нежели въ губернскомъ. Отчего же вы пренебрегаете такъ здоровьемъ, и не проситесь въ Петрозаводскъ. Ну-съ, это мое матеріальное положеніе. Нравственное какъ нельзя лучше. Не таково оно было мѣсяца три тому назадъ. Уѣздная жизнь, чувство одиночества (куда ни оглянешься вездѣ чиновникъ) навели было на меня страшную тоску и апатію. Мнѣ показалось было даже, что я заспулъ совсѣмъ и ни къ чему не способенъ уже, и проч. Это меня до того обезпокоило, что я написалъ объ этомъ въ ближайшія мѣста, — въ Казань и Пермь. Ефименко въ отвѣтъ высказалъ мнѣ разныя неутѣшительныя мысли, которыя пришли ему въ голову по поводу моего письма. „Не только жаль“, писалъ онъ, но и смѣшно будетъ, если мы, едва сдѣлавши первый шагъ въ жизни, споткнемся и падемъ... И стоитъ-ли правительству обращать на насъ вниманіе? Гдѣ твердость, стойкость нашихъ убѣжденій и характера? Да и есть ли у насъ эти убѣжденія, твердыя, никакими обстоятельствами несокрушимыя? Съ такимъ ли образованіемъ и характеромъ должны быть тѣ, которыя выступаютъ на поприще политической дѣятельности?.. Что послѣ этого всѣ наши стремленія, какъ не необдуманныя

---

[1]) Харьковскій профессоръ.

вспышки молодости, которыя при первомъ шагѣ въ жизнь, вмѣсто того, чтобъ прилагаться на практикѣ, гаснутъ, какъ ничтожныя искорки... Не имѣютъ ли права надъ нами смѣяться, и жестоко, консерваторы, рутинеры, предержащія? Какое право мы имѣемъ требовать отъ другихъ убѣжденій, стойкости, энергіи, когда сами все это на первыхъ же порахъ утрачиваемъ?.. Нѣтъ, братъ, мы еще ничего не сдѣлали достойнаго себя, не выполнили своего назначенія. Наше дѣло впереди. Такъ, по крайней мѣрѣ, я думаю. Право, совѣстно въ настоящее время, когда вездѣ жизнь, дѣятельность кипитъ,—кому же? Намъ! впасть въ нравственную и умственную спячку! Если настоящее наше неотрадно, то будемъ жить надеждой на лучшее будущее, а не считать себя состарившимися". Португаловъ отвѣчалъ мнѣ, что я вру, что я и не думалъ умирать, что я долженъ жить и долженъ работать, потому что принадлежу не себѣ одному, а всѣмъ нашимъ, такъ же какъ наши всѣ принадлежатъ мнѣ. Указалъ на Казань, на все, что въ ней дѣлается въ послѣднее время хорошаго, что волнуетъ кровь и веселитъ душу, заставлялъ оглянуться кругомъ. Ради многаго, во имя великихъ святыхъ воспоминаній и отношеній онъ умоляетъ „не дѣлать изъ себя Обломова, а быть тѣмъ же..." и проч.

Оба эти письма, особенно послѣднее, пробили кору, которая здѣсь облѣпила было меня, и проникли до самаго нутра... Словомъ, я ожилъ, опомнился, образумился. Я увидѣлъ, что я въ самомъ дѣлѣ вру, и что вѣдь это и въ самомъ дѣлѣ будетъ смѣшно и стыдно, если мы, едва сдѣлавши первый шагъ, споткнемся и падемъ... Затѣмъ, общее дѣло, воскресныя школы и литературныя собранія въ Бирскѣ, надежды на близкую перемѣну даже внѣшняго своего положенія здѣсь, — поддержали хорошее расположеніе духа. Между тѣмъ перемѣна послѣдовала нельзя сказать, чтобы благопріятная,—но ужъ теперь она со мной ничего не сдѣлаетъ. Я теперь въ такомъ же настроеніи, нравственная природа такъ же возбуждена, мысль, что на меня смотрятъ,— также поддерживаетъ и заставляетъ какія бы ни было шереховатости пропускать мимо ушей, какъ это было въ Петропавловской крѣпости. Я теперь доволенъ собой...—Вы знаете, что переписка необходима. Португаловъ уѣхалъ изъ Казани (онъ кончилъ курсъ и поѣхалъ въ Лубны), съ Зеленскимъ довольно грустная исторія (онъ перешелъ на кондицію къ какому-то полковнику, который не подаетъ ему руки и обходится съ нимъ какъ съ лакеемъ; это, и сверхъ того, тюремная гордость Зеленскаго, вооружили противъ него всѣхъ лучшихъ людей); если у васъ есть о чемъ писать, то вступите въ переписку съ Казанью, сообщайте все: я, по желанію Португалова, давно уже переписываюсь съ студентомъ казанскаго университета Вячеславомъ Авксентьевичемъ Манасеинымъ. Вступите и вы по этому адресу въ сношенія съ Казанью.

Получилъ, наконецъ, отвѣтъ отъ Ивкова. Онъ въ Вятск. губер. въ городѣ Слободскомъ, служитъ протоколистомъ дворянск. опеки. Адресъ его: Владиміру Васильевичу Ивкову, въ Витск. губ., въ г. Слободской. Пишетъ, что въ вагонѣ встрѣтился онъ Хлоповымъ, но тотъ „меня не узналъ", пишетъ Ивковъ, „вѣроятно, вслѣдствіе той причины, что со мной былъ жандармъ". Любопытно-бъ узнать, что за оказія такая?..—Получилъ письмо—знаете отъ кого?.. Отъ Гулевича!!!.. [1]) Онъ въ Петербургѣ, занимается частными уроками, ходитъ на лек-

[1]) Михаилъ Семеновичъ Гулевичъ былъ членомъ комитета II отдѣленія Литературнаго Фонда, потомъ членомъ общества „Земля и Воля"; эмигрировалъ за границу и въ началѣ 1870-хъ годовъ выбросился изъ окна въ припадкѣ нервнаго разстройства.

ціи нѣкоторыхъ профессоровъ; работа освѣжаетъ его и онъ начинаетъ приходить въ себя. Хвалитъ петербургскій университетъ, не одобряетъ московскаго въ теперешнемъ его состояніи, и отдаетъ большое преимущество Петербургу передъ Москвою. Въ Петербургѣ не заснешь и не умрешь съ голоду, если есть силы и задатки для работы, тогда какъ въ Москвѣ можетъ случиться и то и другое. Совѣтуетъ мнѣ, какъ только получу возможность возвратиться, ѣхать въ Петербургъ, чтобъ наверстать потерянное, чтобъ парализировать дѣйствіе глуши, промѣнявши ее на шумъ, свѣтъ и дѣятельность.—Левченко и жена его перенесли сильную и опасную болѣзнь; онъ теперь редакторомъ „Курскихъ губернскихъ вѣдомостей". Въ Курскѣ тоже есть воскресныя школы, но объ нихъ я пока еще ничего не знаю. Отъ Демченка отвѣта до сихъ поръ нѣтъ. Послалъ ему страховое.

Кромѣ Гулевича, въ Петербургѣ еще Бѣлозерскій, Рымаренко и Евгеній Ильенко (въ университетѣ). Адресъ Бѣлозерскаго: *Въ Петербургъ, на углу Большой Морской улицы и Кирпичнаго переулка, домъ Жако, № квартиры 36-й, Карпу Ивановичу Бѣлозерскому.* Гулевичу можно адресовать на имя Бѣлозерскаго съ передачей.

Затѣмъ, *Бирскъ.* Вѣроятно вамъ уже извѣстно, что на воскресныя школы въ послѣднее время воздвиглось гоненіе: всѣ онѣ едва не были закрыты, насилу ихъ отстояли, но преподаваніе въ нихъ ограничено только закономъ Божіимъ, ариѳметикой и грамотой и учрежденъ за ними строгій надзоръ. Начальству подлежащему, сколько замѣтно, дано подъ рукою знать, чтобъ оно не очень усердствовало въ дѣлѣ открытія школъ. Можетъ быть, вслѣдствіе этого, смотритель охладѣлъ къ воскреснымъ школамъ, за нимъ и учителя (исключая одного), такъ что въ школу стало являться не болѣе двухъ-трехъ преподавателей. Наконецъ, по распоряженію начальства, съ новаго года открылось въ Бирскѣ училище для приготовленія крестьянскихъ мальчиковъ въ сельскіе писаря. Туда и перешли всѣ посѣщавшіе школу; такимъ образомъ, она и прекратилась. Литературныя собранія тоже прекратились. Смотритель замѣтилъ одному изъ членовъ, что не слѣдовало бы..., вслѣдствіе чего тотъ отказался посѣщать собранія, за нимъ и другой. Съ того времени ихъ нѣтъ и нѣтъ. Теперь въ училищѣ бываютъ только педагогическія собранія учителей, обязательныя по уставу. Литературныя собранія, можетъ быть, опять устроются, также и воскресныя школы. Смотритель здѣсь человѣкъ довольно сносный,—но онъ иногда дурѣетъ. Такъ и теперь случилось. Его, впрочемъ, можно настраивать, дѣйствуя на самолюбіе, которому, вѣроятно, непріятно, что мысль о литературныхъ собраніяхъ въ училищѣ не удалась. Будемъ надѣяться, что это только временной кризисъ, и что потомъ дѣло какъ съ литературными собраніями, такъ и съ воскресными школами наладится.

Уфа. Тамъ сконфузились передъ Бирскомъ и въ послѣднее время сильно стали хлопотать о воскресной школѣ. Было одно литературное утро въ пользу ея. Гимназисты соглашаются быть преподавателями; нѣкоторые изъ нихъ обрадовались до остервенѣнія. Кажется, теперь она уже открыта. Одинъ учитель семинаріи предложилъ ректору завести ученическую библіотеку и учредить литературныя чтенія; тотъ не прочь; есть надежда, что и архіерей поддержитъ говорятъ, онъ порядочный человѣкъ. Открыто женское духовное училище.

Изъ *Новомосковска* (Екатер. губ.) пишетъ мнѣ Залюбовскій, что онъ намѣренъ дѣятельнымъ образомъ похлопотать объ открытіи воскресной школы и надѣется собрать нѣсколько книгъ для библіотеки Алексѣевскаго Равеллина.

Шмулевичъ пишетъ изъ *Кіева:* „У насъ все мерзость, кромѣ Пирогова. Это человѣкъ въ полномъ смыслѣ слова. За то-жъ ему и достается со всѣхъ сторонъ. Добро бы еще..., а то и журналы на него нападаютъ. Наши заказные и офиціальные либералы хотятъ замарать своими нечистыми рылами. Но это имъ рѣшительно не удастся: Пироговъ готовитъ большую статью въ оправданіе своей служебной дѣятельности, отъ которой ему совѣтовали (конфиденціальнымъ образомъ) освободиться. Университетъ рѣшительно палъ. Павловъ никѣмъ еще не замѣщенъ, Шульгинъ тоже не читаетъ больше; Бунге ректоромъ. Кромѣ того, еще 12 каѳедръ не занятыхъ. Кстати о Павловѣ. Его освободили отъ всевозможныхъ каѳедръ и должностей, и онъ теперь живетъ частнымъ человѣкомъ въ Петербургѣ. Наши студенты становятся лучше—у насъ еще открылись 4 (кромѣ прежнихъ двухъ) воскресныя школы и 2 женскихъ. Въ нашей подольской школѣ считается до 280 учениковъ, а въ женской подольской 60“.

Казань. Отъ 7-го февраля. Въ студентской кассѣ до 2000 запаснаго капитала и около 1500 въ оборотѣ. Положено начало общенію съ академіей. „Между гимназистами“, пишетъ Манасеинъ, „есть нѣкоторыя личности великолѣпныя. Они приносятъ въ наше общество ту свѣжесть, которой, къ сожалѣнію, не достаетъ большей части изъ насъ. Весело глядѣть, какъ смѣло готовы они протянуть свою голову подъ топоръ за всякое доброе дѣло: примѣръ ихъ если не убиваетъ, то, по крайней мѣрѣ, ограничиваетъ нашъ скептицизмъ“. Профессоръ Щаповъ (Аѳанасій Прокофьевичъ) хочетъ учредить тамъ общество для распространенія грамотности посредствомъ учрежденія сельскихъ школъ, крестьянскихъ даровыхъ библіотекъ, школъ для приготовленія сельскихъ учителей. Лишь бы разрѣшили, а средства найдутся: купцы обѣщали уже свои капиталы, кромѣ того, намѣрены предложить крестьянамъ пожертвовать по 1 или по 2 копѣйки съ души. Есть надежда, что въ концѣ года откроется частная книжная лавка однимъ студентомъ, оканчивающимъ теперь курсъ. Теперешніе книгопродавцы,—Дубровинъ и Мясниковъ,—страшная дрянь: первый мошенникъ и у него все за тройную цѣну, второй ханжа, и у него кромѣ псалтырей и азбукъ ничего нѣтъ. Эта-же лавка заводится не для спекуляціи, а для общаго дѣла. На воскресныя школы гоненія; льются министерскіе циркуляры, какъ вода изъ ведра, да еще по высочайшему повелѣнію: не смѣй дѣлать того-то, не учи тому-то, говори такъ-то. Чуть не закрыли мужскую школу за то, что въ ней, противно циркуляру, обучали языкамъ, исторіи, географіи, естествен. наукамъ. Но тамъ рѣшились не уступать. Отправляютъ за общею подписью всѣхъ преподавателей протестъ къ министру. А между тѣмъ, оставивши школу для неграмотныхъ и малограмотныхъ, остальнымъ предметамъ будутъ обучать по домамъ. Какъ бы на зло начальству, ученики наплываютъ да наплываютъ: въ мужской школѣ 584 человѣка на лицо, и болѣе 700 по спискамъ, въ женскихъ 206 ученицъ. Другія же школы, заведенныя не студентами и вполнѣ казенныя, пусты: въ мужской 32 ученика, въ женской ни одной ученицы.

Тамъ случилась исторія. Филологи рѣшились не слушать профессора Струве, личность скверную. Выслушавъ желаніе студентовъ, Струве пересталъ читать,—но послѣ трехмѣсячнаго молчанія, объявилъ, что опять намѣренъ читать и 13 января на лекцію явилось до 60 человѣкъ, чтобъ объясниться. Тотъ началъ говорить дерзости, и за это былъ освистанъ и выгнанъ. Ректоръ Бутлеровъ потребовалъ имена свиставшихъ. 108 человѣкъ подписалось

въ томъ, что при такой дерзости они признаютъ естественность свистка. Ихъ представили къ министру и грозятъ исключеніемъ. „Но чтобъ ни было, прибавляетъ М—нъ, а начатаго дѣла мы не оставимъ“.—Отъ 28 февраля. „Немедленныя реформы въ нашемъ университетѣ необходимѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ. Большинство нашихъ профессоровъ ниже посредственности, библіотека (казенная) въ страшномъ безпорядкѣ, студентскія по неимѣнію средствъ почти ничтожны, клиники ниже всякой критики, лабораторія одна и она почти исключительно назначена для ректорскихъ лакеевъ (ректоръ въ то же время и профессоръ химіи), кабинеты въ зародышѣ, книжныхъ магазиновъ только два, да и въ тѣхъ ничего нельзя найти. Словомъ, средствъ къ работѣ почти никакихъ, и оттого всѣ наши усилія и направлены къ тому, чтобы пріобрѣсти возможно большую свободу занятій (уничтоженіе репетицій, переходныхъ экзаменовъ, обязательнаго слушанія лекцій и т. п.), подобрать болѣе сносныхъ профессоровъ и для того выгнать всю находящуюся дрянь, доставить себѣ право голоса не только въ отношеніи профессорскихъ лекцій, но и въ отношеніи всѣхъ университетскихъ дѣлъ вообще. Разумѣется, все это пока еще только pia desideria, но уже и то хорошо, что цѣль сознана и къ достиженію ея проложена тропа, хотя и небольшая, тѣмъ, что нѣкоторые изъ товарищей уже поплатились за начатое. Дѣло извѣстное, что разъ принесенная жертва изъ простой попытки дѣлаетъ серьезную борьбу. И такъ, будемъ надѣяться, что труды наши не пропадутъ даромъ. На первый разъ уволили изъ университета 7-хъ: Христофорова, Темникова, Клауса, Олигера, Христова, Умнова и меня“ (т. е. Манасеина). Казанскіе студенты, узнавши, что Павловъ лишился мѣста, послали къ нему за общею подписью филологовъ письмо, на которомъ подписались и депутаты остальныхъ факультетовъ, и въ которомъ убѣдительно просили Павлова ѣхать въ Казань на каѳедру археологіи“. Но на дняхъ мы получили отвѣтъ, въ которомъ Павловъ отказывается отъ нашего предложенія, но въ то же время говоритъ, что письмо наше онъ сохранитъ какъ лучшую награду за свою дѣятельность, какъ самое дорогое воспоминаніе. Все письмо не болѣе 15 строчекъ, но уже и изъ нихъ видно, что за человѣкъ Платонъ Васильевичъ. Еще одна надежда рухнула, но мы все таки не отчаяваемся“.—„Что-бы покончить съ Казанью скажу вамъ нѣсколько словъ о воскресныхъ школахъ. Нѣтъ худа безъ добра, гласитъ мудрая пословица. Министерскіе циркуляры принесли большую пользу школамъ. Рвеніе студентовъ уже начинало остыватъ, какъ вдругъ давленіе свыше разогрѣло охладѣвшихъ и пришпорило наиболѣе рьяныхъ. Что прежде дѣлалось въ школѣ, теперь будетъ дѣлаться по домамъ. Число учительницъ въ женской воскр. школѣ сильно уменьшилось, но мы оставшіеся, хотя отъ этого намъ и прибавилось работы, отъ души тому рады. Теперь у насъ сформировалась славная компанія—душа радуется. Для примѣра разскажу вамъ одну сцену. Одинъ изъ 4-хъ надзирателей, приставленныхъ къ нашей школѣ, сдѣлалъ нашей распорядительницѣ Безобразовой замѣчаніе за то, что она дозволяетъ *всякому съ улицы* толковать о порядкахъ школы. „Ужъ если правительство“, отвѣчала она, „не давъ ни копѣйки на содержаніе школъ, считаетъ себя въ правѣ насъ контролировать, то тѣмъ болѣе имѣютъ это право люди съ *улицы*, какъ вы г. Клеренбергъ называете ихъ, забывая, что эти-то люди *съ улицы* и содержатъ школу“. Я чуть было не расцѣловалъ Безобразову. Не плохо идетъ и будничная школа для дѣвочекъ. Всего лучше въ ней то, что ученицы не дичатся учителей, а напротивъ того, обращаются

съ ними, какъ съ равными. Я никогда не забуду минуты, когда мои ученицы, узнавъ, что меня уволили изъ университета, заплакали и бросились цѣловаться.—Не знаю, сообщалъ-ли я вамъ адресъ московскаго корреспондента, съ которымъ вы можете вступить въ переписку, если пожелаете. Въ правленіе университета, студенту 4-го курса медиц. факул. Апполлинарію Палладьевичу Покровскому. Это мой учитель и лучшій другъ и въ настоящее время добрый знакомый Португалова".

Стало быть, и вы, Петръ Васильевичъ, можете вступить въ переписку съ Москвою. Въ Москвѣ между проч. произошла такая оказія. „Извѣстно, что въ петерб. лекціи профессоровъ посѣщаются дамами; примѣру петербургскихъ дамъ захотѣли слѣдовать и московскія. Впрочемъ, мож. быть, и не одно подражаніе, а мотивы болѣе высокіе поддерживали ихъ—не знаю. Только дѣло въ томъ, что первое начало положили дѣвицы Словутинскія, дочери довольно извѣстнаго беллетриста. Каково-же было удивленіе бѣдныхъ дѣвушекъ, когда брата ихъ—студента призвалъ попечитель Исаковъ, галантерейный генералъ, и несмотря на прежде данное позволеніе, объявилъ, что уволитъ его изъ университета, если сестры будутъ продолжать ходить на лекціи. Старикъ Словутинскій поѣхалъ было объясняться, но получилъ въ отвѣтъ, что барышни на лекціи ѣздятъ для того только, что-бы подразнить студентовъ. Оскорбенный отецъ отправился къ министру съ жалобой. Какова будетъ резолюція, пока неизвѣстно. Не легки же первые шаги русской женщины во всякомъ порядочномъ дѣлѣ. Съ одной стороны сплетни сверстницъ, съ другой—нахальство большинства студентовъ, являющихся на лекціи, что-бы только поглазѣть „на синіе чулки", и въ заключеніе всего дерзости солдатъ, поставленныхъ во главѣ университетской жизни. И мы, казанцы, надѣялись залучить нѣкоторыхъ барынь въ аудиторіи, но увы, неудачно. Пошлое мнѣніе глупыхъ матушекъ и тетенекъ, кичливо называющееся общественнымъ, парализировало всѣ наши усилія. А между тѣмъ, при здѣшнемъ попечителѣ, кн. Вяземскомъ, дѣло еще можно-бы устроить Ну, да и студенты здѣшніе не были-бы на столько нахальны, какъ петербургскіе (см. Русскій Міръ № 7 и 8).—Въ Казани такихъ „аристократовъ" не водится, или лучше сказать, они подавлены несравненнымъ большинствомъ демократовъ".

Начатое 29 генваря, я окончилъ это письмо 19 марта. Причина этому слѣдующая: письма здѣсь получаются въ воскресенье, почта же отсюда отходитъ въ понедѣльникъ (разъ въ недѣлю). Каждую почту приходится писать нѣсколько отвѣтовъ. Не желая опоздать съ отвѣтами, не терпящими отлагательства, я откладывалъ съ почты на почту письмо къ вамъ, на томъ основаніи, что вы уже получили отъ меня два письма, и потому можетъ быть и сами къ присланному уже письму присоедините и другое; кромѣ того, не хотѣлось мнѣ написать къ вамъ какъ-нибудь не полно, хотѣлось писать подробнѣе. Съ этихъ-же поръ, когда вы обѣщаете писать, когда установится у насъ аккуратная переписка, и я буду аккуратенъ (а чѣмъ-же я и теперь не аккуратенъ?...). И такъ, вы не будете на меня въ претензіи; кромѣ того, будете писать и мнѣ и другимъ: вы видите, что это необходимо какъ для насъ лично, такъ и по другимъ причинамъ. Переписка для насъ оч. важна. Вотъ факты: письма Португалова и Ефименка воскресили изъ мертвыхъ; вы пишете, что послѣ бекмановскаго письма стали веселѣе глядѣть на свѣтъ божій; Бекманъ пишетъ, что мое письмо возвеселило духъ его; Левченко пишетъ, что наши письма составляютъ для него одну изъ значительныхъ нравствен-

ныхъ поддержекъ; Тищинскій пишетъ: „теперь мы оцѣнили всю важность и благодѣтельность для насъ переписки; письма ждешь отъ товарища какъ не знаю чего,—что же бываетъ по полученіи нечего и говорить". Я думаю, что намъ слѣдуетъ писать, не дожидаясь отвѣтовъ, а просто, при первомъ свободномъ времени и.... при первомъ свободномъ гривенникѣ. Такъ дѣло будетъ чаще, а стало быть и полезнѣе. По крайней мѣрѣ я намѣренъ такъ поступать. Объ этомъ же я и другимъ пишу. Не будемъ поддаваться, чортъ возьми. Если мы будемъ единодушны, если станемъ поддерживать одинъ другого, то никакія мѣры, никакое раскасированіе, никакая ссылка, никакая „провинціальная среда" намъ не страшны. Dixi.—Досвиданія. Весь вашъ

М. Муравскій.

P. S. Обстоятельства мои перемѣнились. Въ среду (сегодня воскресенье) я переѣзжаю въ Оренбургъ. Дѣло было такъ. Записку въ студент. кассу я отправилъ на имя Ладовскаго въ половинѣ ноября 1860 г. Не получая отъ него *никакого* отвѣта, я 23 генваря 1861 г. таковую же записку отправилъ на имя Павловскаго. Во второй половинѣ февраля 1861 г. удостоился, наконецъ, получить отвѣтъ Ладовскаго, который пишетъ, что „въ кассѣ полученъ отказъ". 12 марта получилъ изъ Харькова 60 р. с., письмо изъ дому и отъ Павловскаго. Павловскій пишетъ, что въ кассѣ теперь очень мало денегъ, да и тѣ уже обѣщаны. Родители (нужно вамъ сказать, что они сами теперь очень нуждаются) пишутъ, что Павловскій и его семейство, узнавши, что изъ кассы выслать нельзя, рѣшили, что „не оставаться же ему въ самомъ дѣлѣ изъ за этого въ Бирскѣ" и просили меня принять посылаемыя деньги отъ нихъ взаймы. Я только могу сказать имъ самое искреннее спасибо."

Адресуйте мнѣ въ Бирскъ, а если тамъ нѣтъ, то прошу отправить это письмо въ Оренбургъ.

2.

Оренбургъ, 10 октября 1861 г.

Дорогой Петръ Васильевичъ! Ваши коротенькое извѣщеніе и потомъ длинное письмо я получилъ уже въ Оренбургѣ и очень давно. Понимаю, что значитъ ожиданіе отвѣта на такое письмо, понимаю, сколько я виноватъ передъ вами, до того виноватъ, что мнѣ даже совѣстно просить о прощеніи. Я долго не отвѣчалъ и вамъ, и другимъ, и ничего не дѣлалъ, потому что здѣсь нахлынула было на меня туча такихъ нравственныхъ и физическихъ обстоятельствъ, которыхъ я никому не желаю, и которыя способны помѣшать хорошему расположенію духа. Но успокойтесь: теперь это все прошло.

Отвѣчаю на вашъ вопросъ: вы должны были, по моему мнѣнію, поступить такъ, какъ вы поступили. О поступкѣ Лужина съ Вами я слышалъ еще прежде. Изъ вашего письма я увидѣлъ, что этотъ поступокъ внѣ всякаго сомнѣнія. Какъ ни щемитъ нутро при этой мысли, но тутъ же цѣлительнымъ бальзамомъ дѣйствуетъ другая мысль, именно—что только гора съ горой не сходится, а съ Лужинымъ-то еще приведетъ Богъ... Но я хотѣлъ бы, чтобъ это привелось не вамъ,—я имѣю очень уважительныя причины, которыхъ вы еще не знаете. Если вы хотите быть со мною хоть сколько нибудь гуманнымъ, вы непремѣнно согласитесь, что ваши причины передъ моими блѣдны; жаль, что пишу по почтѣ. Объ Оренбургѣ напишу къ вамъ когда-нибудь

послѣ. О польскихъ панихидахъ въ Питерѣ, Москвѣ и Кіевѣ, о возстаніи крестьянъ въ Казанской губ., о панихидѣ казанскихъ студентовъ и о прочемъ вы ужъ, вѣрно, знаете,—да и не время писать. Все это ничто въ сравненіи съ послѣднею новостью, съ этимъ первымъ явленіемъ драмы, съ наступившимъ уже наконецъ столь долго ожидаемымъ настоящимъ дѣломъ, цѣлью: закрытіе петербургскаго университета и послѣдствія этой необдуманной шалости. Въ день закрытія, на площади и улицѣ, передъ квартирою попечителя собрались студенты и толпа народа, тысячъ до 6, требовать объясненія, за что закрыли. Противъ нихъ выслали со всего города жандармовъ и полицію и павловскій полкъ, всего войска до 6000—съ заряженными ружьями. Играли сигнальныя трубы, и это возбудило въ инсургентахъ взрывъ восторга, долго не умолкавшіе крики „браво!“ и „въ Сибирь, на каторгу за святое и правое дѣло!“ Гвардія не хотѣла стрѣлять, офицеры вышли изъ фронта. Въ тотъ день арестовано было до 150 всякаго сословія, а потомъ каждый день еще до 30 человѣкъ. Говорятъ, Адлербергъ и Игнатьевъ писали царю, что столица въ опасности, на что онъ отвѣчалъ: „я надѣюсь на свою гвардію“. Мнѣ кажется, что это должно поднять всѣ университеты,—они должны бы вступиться за петербургскій. Можетъ быть, и Питеръ, воспользовавшись, пока желѣзо горячо, приступитъ прямо къ цѣли. Во всякомъ случаѣ, по моему мнѣнію, слѣдуетъ объ этихъ происшествіяхъ трубить, разумѣется, и съ нужными комментаріями. Въ Москвѣ арестовано и свезено въ Петропавловскую крѣпость до 20 студентовъ по поводу какихъ-то будто-бы литографій... Далѣе, хотѣлъ я поговорить еще о нѣкоторыхъ мнѣніяхъ.

Въ наше время для достиженія извѣстной цѣли ограничиваться путемъ медленнымъ, путемъ распространенія образованіи не идетъ. Теперь пришло время открытыхъ и недвусмысленныхъ дѣйствій, которыя не окольными путями, а прямо бы хватались за цѣль (таковы: адресы тверского и владимірскаго дворянствъ, польскія панихиды, происшествія въ Казани, особенно же послѣднія происшествія въ Питерѣ). Хорошо бы, еслибъ примѣру тверскаго и владимірскаго дворянствъ послѣдовали не только дворяне др. губерній, но и другія сословія,—запрудить бы требованіями себѣ реформъ, основанныхъ на самоуправленіи. Посмотримъ, впрочемъ, что вотъ изъ петербургскаго волненія выйдетъ,—можетъ быть въ почтительныхъ просьбахъ уже и надобности не окажется. Университетамъ слѣдуетъ потребовать, списавшись этакъ. реформъ, основанныхъ на самоуправленіи. Далѣе. Хорошо было бы издавать сборники—вы имѣйте въ виду, что все это приходило въ голову до петербургскихъ событій,—можетъ быть и надобности не будетъ въ этихъ приготовительныхъ мѣрахъ,—да, такъ хорошо было бы издавать сборники для простого народа, составленные изъ лучшихъ статей, и въ прозѣ, и въ стихахъ, съ популярными объясненіями непонятныхъ мѣстъ. Заниматься такими изданіями можетъ всякій,—потому что 1) статьи такія могутъ найтись вездѣ, 2) объяснять ихъ можетъ каждый, 3) матеріальныхъ издержекъ для этого никакихъ,—только извѣстное количество бумаги, да не полѣниться переписывать. Образованная публика ужъ не нуждается въ подобныхъ вещахъ, начиталась,—а простому-то народу нужно бы. Далѣе. Въ одномъ заграничномъ изданіи была статья Огарева, въ которой тотъ совѣтуетъ молодымъ людямъ стараться пріобрѣтать мѣста въ военной службѣ. Въ одномъ городѣ есть кружокъ, имѣющій своею спеціальною цѣлью защищать простой народъ отъ нахальства и кулаковъ, вездѣ, на всякомъ мѣстѣ. Цѣль скромная, но хоть по

немногу да пріучаетъ простой народъ къ той мысли, что если есть такіе, которые его угнетаютъ, то и такіе есть, которые готовы защищать его. Нужно бы вездѣ стараться объ этомъ. Такимъ вещамъ, какъ адресъ Владимірскаго или Тверского дворянства, слѣдуетъ давать какъ можно большій ходъ.

Затѣмъ, покамѣстъ, прощайте. Не берите съ меня примѣра, Петръ Васильевичъ, и пишите,—лучше меньше, да чаще. Вы говорите, что хотѣли всѣмъ намъ разсказать о своихъ похожденіяхъ: пріятная вещь, чего стоило вамъ разсказывать объ нихъ—и потому напишите мнѣ,—не лучше ли было бы, еслибъ вы удовольствовались только тѣмъ, что мнѣ разсказали,—а ваше письмо я взялъ бы да и разослалъ ко всѣмъ нашимъ? Получивши отъ васъ утвердительный отвѣтъ на этотъ счетъ, я такъ и сдѣлаю. Ефименко переведенъ въ Красноуфимскъ. Адресъ его: Въ Красноуфимскъ (Пермской губ.), такому-то. Мой адресъ: Въ Оренбургъ, такому-то. Еще,—открытыя дѣйствія необходимы и полезны потому, что хоть они оканчиваются по большей части неудачею, но возбуждаютъ публику. Путь образованія народнаго при этомъ конечно, тоже долженъ идти,—это ужъ само собою.

Пишите. Обнимаю васъ, Вашъ

М. М-скій.

III.

Прочитавъ оба эти письма, комиссія 1 сентября 1862 г. постановила просить III отдѣленіе о немедленномъ арестованіи Муравскаго и о доставленіи его въ ея распоряженіе со всѣми бумагами. Дѣло было сдѣлано скоро, совсѣмъ не по рассейски: 24 сентября Митрофанъ Даниловичъ сидѣлъ уже въ Петропавловкѣ. Осмотръ его бумагъ былъ порученъ члену комиссіи Каменскому, наспеціализировавшемуся въ этомъ по одновременно возникшимъ дѣламъ Чернышевскаго, Серно-Соловьевича и др.

9-го, 10-го и 13-го октября были сдѣланы допросы Завадскому, изъ которыхъ видно, что онъ не отрицалъ факта переписки съ Муравскимъ и Пыпинымъ. Что же касается того, какъ онъ понималъ выраженіе Муравскаго—«общее дѣло», Завадскій уклончиво показалъ, что видѣлъ въ немъ общее стремленіе молодежи къ образованію, которое тогда такъ явно обнаруживалось. Разумѣется, комиссія ждала совсѣмъ не такого объясненія... Бумаги Муравскаго ее разочаровали вполнѣ: въ нихъ ровно ничего не нашли, ни строки.

Тѣмъ большія надежды возлагались на допросъ, который и былъ данъ 13 октября въ присутствіи членовъ: К. И. Огарева, А. М. Дренякина, П. Н. Слѣпцова и М. Ѳ. Гедды. Послѣ пресловутаго «увѣщеванія» Муравскій написалъ отвѣты на допросные вопросы.

1. „Митрофанъ Даниловичъ Муравскій; двадцати пяти лѣтъ; исповѣданія греко-россійскаго; на исповѣди и у причастія бываю каждый годъ; изъ моихъ родителей жива мать и находится въ Оренбургѣ [1]); братьевъ и сестеръ нѣтъ; изъ другихъ родственниковъ есть трое дядей (гдѣ они, этого не знаю, потому что сношеній съ ними давно уже не имѣю); воспитывался я въ Екатеринославской гимназіи, гдѣ окончилъ курсъ, потомъ въ Харьковскомъ уни-

[1]) Недвижимой собственности у Муравскихъ не было.

верситетѣ, откуда исключенъ за одно объясненіе съ инспекторомъ, не понравившееся университетскому начальству [1]; по выходѣ изъ университета проживалъ я въ Харьковѣ и Кіевѣ, занимался тамъ университетскими лекціями и содержалъ себя частными уроками; въ Оренбургъ я прибылъ въ концѣ марта 1861 г. изъ Бирска и служилъ тамъ въ областномъ правленіи оренбургскими киргизами [2]; службу я оставилъ по болѣзни [3]; до настоящаго моего арестованія былъ подъ слѣдствіемъ въ первой половинѣ 1860 года, по дѣлу харьковскихъ студентовъ; дѣло производилось въ С.-Петербургѣ въ учрежденной императоромъ комиссіи; кончилось тѣмъ, что меня сослали въ Оренбургскую губернію подъ надзоръ полиціи; подъ судомъ не былъ, сосланъ былъ по высочайшей резолюціи.

2. „Кромѣ товарищей по воспитанію, и лицъ, съ которыми приходилось мнѣ въ Оренбургской губ. сталкиваться по службѣ, я ни въ какихъ городахъ знакомыхъ не имѣю; переписки, находясь въ Оренбургской губ., ни съ кѣмъ, кромѣ своихъ родителей, когда они жили въ Харьковѣ, не велъ. Лица, съ которыми я въ Оренб. губ. сталкивался по службѣ, слѣдующія: въ Бирскѣ уѣздный судья г. Нагаткинъ, секретарь уѣзд. суда г. Шаркевичъ, засѣдатели уѣзд. суда г. Волковъ и г. Алкинъ, исправникъ г. Кротовъ, секретарь земскаго суда г. Коноваловъ и др. должностныя лица, какъ въ Бирскѣ, такъ и въ Оренбургѣ, съ которыми никакихъ сношеній, кромѣ службы, я не имѣлъ. Изъ товарищей по воспитанію я знакомъ съ гг. Бекманомъ, Португаловымъ, Завадскимъ, Зеленскимъ и другими, которые въ 1860 г. были арестованы по одному дѣлу со мной, по окончаніи же этого дѣла я съ ними никакихъ сношеній не имѣлъ. Въ перепискѣ со своими товарищами я также не былъ.“

На вопросъ по содержанію приведенныхъ двухъ писемъ къ Завадскому Муравскій отвѣчалъ:

„По причинамъ, которыя считаю вполнѣ уважительными и которыхъ нахожу себя обязаннымъ не объяснять комиссіи, на этотъ вопросъ я отвѣчать не намѣренъ“...

Это было уже возмутительно. Комиссія не привыкла слышать такіе отвѣты. Но это было далеко не все...

На другой аналогичный вопросъ Муравскій отвѣтилъ:

„Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, какъ и всѣ ему подобные, честь имѣю объяснить комиссіи слѣдующее. Если комиссія желаетъ знать мои настоящія политическія убѣжденія, то не нахожу нужнымъ скрывать ихъ. Вотъ они: *Въ послѣдніе три года или четыре я пришелъ къ твердому убѣжденію, что отъ русскаго правительства (подъ именемъ котораго я понимаю императора и всѣхъ нынѣ существующихъ властей) подвластныя ему національности не должны ожидать никакихъ существенно полезныхъ преобразованій, такъ какъ правительство не имѣетъ ни способности, ни желанія сдѣлать что нибудь подобное для народа,—и что единственное средство къ перемѣнѣ существующаго порядка остается, по моему мнѣнію, путь насильственной революціи.* Что же касается до моихъ личныхъ дѣйствій или намѣреній въ духѣ сказанныхъ убѣжденій, до обстоятельствъ, какимъ бы то ни было образомъ относящихся къ этимъ

[1]) Въ университетъ поступилъ въ 1854 г., а исключенъ оттуда въ 1858 г.

[2]) Былъ тамъ въ должности писца временнаго стола по управленію внутреннею киргизскою ордою, на высшемъ окладѣ.

[3]) Уволенъ 20 апрѣля 1862 г.

дѣйствіямъ и намѣреніямъ, то на всѣ касающіеся этого предмета вопросы отвѣчать не намѣренъ и кромѣ вышесказаннаго прибавить къ настоящему своему отвѣту, въ объясненіе на упоминаемое въ вопросномъ пунктѣ письмо ничего не имѣю...“

Комиссія была поражена какъ никогда! Ни отъ одного арестованнаго и схваченнаго по массѣ одновременно возникшихъ дѣлъ она не слышала ничего подобнаго. Никто не ставилъ такъ открыто рѣзко и опредѣленно своихъ политическихъ убѣжденій... Муравскій представился ей какимъ то чудовищнымъ разрушителемъ существующаго порядка...

Было рѣшено предложить III Отдѣленію немедленно распорядиться о производствѣ обысковъ у Вячеслава Манасеина въ Казани, Ефименка въ Красноуфимскѣ, Праотцева и Распутина въ Каргополѣ, у Гаршиной, Спасскаго и Воронкова въ Петербургѣ.

30 октября Муравскій написалъ коротенькое письмо матери своей, Аннѣ Демьяновнѣ, въ которомъ увѣдомлялъ о мѣстѣ своего заключенія и о полной неосвѣдомленности о причинѣ ареста. Комиссія задержала посьмо, какъ неподлежащее отправленію.

Вскорѣ Каргопольскій исправникъ донесъ, что бумаги Праотцева взяты, въ нихъ нѣтъ ничего предосудительнаго; у Распутиныхъ ничего не оказалось. Оба они люди скромные и политикой не занимаются. Черезъ нѣсколько дней III Отдѣленіе сообщило комиссіи, что Манасеинъ перевелся въ дерптскій университетъ, а Ефименко переведенъ въ Архангельскую губ., по дѣлу объ открытіи въ Перми рукописи «Посланіе старца Кондратія», составленной, какъ извѣстно, Энгельсонамъ въ 1854 г., и тогда же напечатанной въ Лондонѣ. Архангельскій же губернаторъ сообщалъ, въ свою очередь, что у Ефименка сдѣланъ обыскъ, не давшій никакихъ положительныхъ результатовъ. Самъ же обысканный аттестовывался «держащимъ себя безукоризненно и удаляющимся всякихъ политическихъ разговоровъ».

IV.

У Манасеина нашли зато довольно много. Кромѣ писемъ Муравскаго, тамъ оказались письма Покровскаго, Тринклера, Дроздова, Праотцева, Лебединскаго, Тищинскаго, Португалова, Матвѣева и Рымаренка, въ которыхъ порицались дѣйствія правительства въ 1861 и 1862 г.г., затѣмъ тетрадь запрещенныхъ стиховъ и рукописныхъ статей, номера «Колокола», «Полярной звѣзды», «Голосовъ изъ Россіи», «Общаго Вѣча» и др. Приведу письма къ нему Митрофана Даниловича. Они опять таки полны массы мелкихъ фактовъ изъ общественной жизни Россіи той эпохи и ярко обрисовываютъ самого Муравскаго.

1.

Бирскъ, 25-го декабря 1860 г.

„Вячеславъ Авксентьевичъ!

„Мы ужъ знакомы. Надо это знакомство примѣнить къ дѣлу. Потому Вы и читаете теперь мое письмо. По извѣстнымъ причинамъ я нахожу, что... краткость вполнѣ необходима. Я увѣренъ, что посылая ко мнѣ письма, Вы

тоже будете въ этомъ случаѣ соглашаться со мною. Прежде всего порадуйтесь вмѣстѣ со мною,—тому, что у насъ—открыты 18-го декабря двѣ воскресныя школы,—мужская и женская. Разскажу попорядку.

Въ Бирскѣ мысль о воскресной школѣ явилась у учителя здѣшняго уѣзднаго училища Петрова еще въ концѣ апрѣля. Ее приняли вяло. Май, іюнь и іюль прошли безъ толку. Въ началѣ августа дѣло подвинулось: преподаватели набраны (не безъ нѣкоторыхъ усилій, впрочемъ), все обсужено, участвующіе сдѣлали даже маленькую складчину въ пользу школы (собрано 4 р. с. и достаточное количество бумаги и перьевъ), положено было открыть школу непремѣнно. Оставалось только набрать учениковъ. Было объ этомъ дѣлѣ разглашено въ городѣ, но безъ успѣха. Рабочаго класса, для котораго то собственно и заведены воскресныя школы, здѣсь нѣтъ: единственный стекольщикъ, два—три портныхъ и сапожника и столяръ мастеровыхъ не держатъ, а работаютъ сами. Остальные-же городскіе мальчики ходятъ въ уѣздное и приходское училища. Увидѣли, что воскресная школа здѣсь возможна только для крестьянскихъ мальчиковъ изъ ближайшихъ деревень. Говорено было и крестьянамъ. Но въ то время была страдная пора, въ будни занимались работами въ полѣ, по воскресеньямъ собирали орѣхи въ лѣсу. Открывать школу, все-таки, было не для кого. Отложено было до зимы. Между тѣмъ и отъ директора гимназіи получено предписаніе открыть воскресную школу, если это возможно. Тутъ уже и тѣ учителя, на которыхъ до сихъ поръ надежда была слаба, изъявили полную готовность, потому что увидѣли, что и само начальство хочетъ школы. Одинъ здѣшній попъ подалъ довольно хорошую мысль. Дѣло въ томъ, что здѣшній простой народъ къ „батюшкѣ" имѣетъ болѣе довѣрія, нежели къ кому другому, и набожнѣе, нежели въ университетскихъ городахъ. Мысль, поданная попомъ, въ томъ состояла, чтобы привести крестьянъ къ школѣ исподволь и чтобы начали это попы, а не міряне, потому что въ противномъ случаѣ крестьяне посмотрѣли бы на школу, какъ на учрежденіе, заведенное казною, и слѣдовательно враждебное народу, съ цѣлью какихъ-нибудь налоговъ, что ли. Священникъ Кассимовскій взялся говорить послѣ утрени поученія крестьянамъ, которые каждое воскресенье пріѣзжаютъ въ городъ на базаръ и бываютъ въ церкви. Въ этихъ поученіяхъ онъ намѣренъ былъ толковать о пользѣ грамотности и потомъ пригласить ихъ современемъ въ училище. Поученія его слушали охотно. Но являлись въ церковь только пожилые люди и по большей части бабы. Обѣщали и дѣтей приводить съ собою, но эти обѣщанія какъ-то не исполнялись. Между тѣмъ штатный смотритель и учителя открыли женское училище; но о немъ послѣ. Когда встрѣтилось столько затрудненій открыть школу въ городѣ, у упомянутаго Петрова (бывшій казанскій студентъ, „изъ вятскихъ", какъ онъ выражается съ гордостью) явилась мысль завести эту школу въ деревнѣ, и именно въ ближайшей изъ нихъ, Кулигѣ (она же и Пономаревка, версты двѣ отъ города), съ тѣмъ, чтобы преподаватели ѣздили туда каждое воскресенье. Кассимовскій съ Петровымъ 17-го декабря, въ субботу послѣ обѣда поѣхали въ Кулигу. Писарь, съ которымъ предварительно условились, собралъ уже къ тому времени подъ какимъ-то предлогомъ сходку. Кассимовскій то же пришелъ туда какъ будто случайно, и болтая съ крестьянами, объяснилъ имъ сущность воскресной школы. Они согласились, даже благодарили, и рѣшено было открыть школу на другой же день, т. е. въ воскресенье. Крестьяне обѣщали собраться въ первомъ часу. На другой день преподаватели поѣхали

туда на трехъ подводахъ, которыя достали у знакомыхъ. Писарь послалъ оповѣстить крестьянъ, чтобъ собирались съ ребятами въ сельскую расправу, комнаты которой, по собственному мнѣнію крестьянъ, и признаны наиболѣе удобнымъ помѣщеніемъ для школы. Оказалось, что изъ кулижскихъ жителей одни пьяны, другіе отдыхаютъ послѣ обѣда и лѣнь выйти, юношество же кулижское занято гдѣ то на улицѣ игрою въ бабки. Часамъ къ четыремъ въ сельскую расправу собралось всего около двадцати человѣкъ, и то стариковъ. Примѣтно уже повечерѣло. Тогда Кассимовскій взялъ съ собою сына своего (мальчикъ лѣтъ семи), который тоже пріѣхалъ съ нимъ,—и отправился по деревнѣ. Это возымѣло полный успѣхъ. Сына его знаютъ еще изъ прежнихъ церковныхъ поѣздокъ Кассимовскаго всѣ деревенскіе мальчики, и онъ съ ними большой пріятель. Наученный отцомъ, онъ уговорилъ ихъ идти въ расправу. Въ концѣ пятаго часа собралось тамъ около шестидесяти человѣкъ, въ томъ числѣ до двадцати мальчиковъ и шесть дѣвочекъ. Кассимовскій отслужилъ молебенъ, сказалъ небольшое поученіе, и затѣмъ приступили къ грамотѣ. Съ мальчиками занимались въ одной комнатѣ съ дѣвочками—въ другой. Всѣ остались довольны и разошлись въ самомъ пріятномъ расположеніи духа.

Болѣе этого писать о школахъ пока еще нечего. Впослѣдствіи, когда виденъ будетъ характеръ школы, я Вамъ напишу. Есть надежда на дальнѣйшіе успѣхи; есть надежда завести воскресныя школы и въ другихъ ближайшихъ деревняхъ. Остановка только за количествомъ преподавателей; но есть надежда, что эта остановка будетъ устранена. Теперь только девять преподавателей, изъ которыхъ на одного надежда очень плоха, другой уѣдетъ изъ Бирска (это—студентъ Поповъ, общій нашъ знакомый), третій—можетъ быть тоже уѣдетъ.

Еще о женскомъ училищѣ. О немъ стали хлопотать что то очень давно. Открыто оно въ сентябрѣ. Занятія бываютъ въ зданіи уѣзднаго училища каждый день по три часа послѣ обѣда, когда съ учениками уѣздн. училища нѣтъ занятій. Платы не полагается съ ученицъ. Училище будетъ содержаться отчасти добровольными пожертвованіями, отчасти пособіями отъ казны. Здѣсь предполагается пройти въ продолженіе трехъ лѣтъ курсъ уѣзднаго училища (математика только будетъ пократче); кромѣ того, будутъ естественныя науки, физика и рукодѣлія. Ученицъ теперь 32. По большей части дочери чиновниковъ, мѣщанъ, поповъ, есть крестьянки, изъ купеческаго сословія очень мало. Кромѣ трехъ лѣтъ есть еще годъ приготовительный,—для неграмотныхъ и малограмотныхъ. Поощреній и понужденій нѣтъ.

Есть еще предположеніе о литературныхъ собраніяхъ и проч. Есть слабая мечта объ обществахъ трезвости. Впрочемъ, слабое съ теченіемъ времени крѣпнетъ. Вообще, для человѣка, могущаго свободно располагать своимъ временемъ, здѣсь было бы не скучно, дѣло нашлось бы: матеріаловъ пропасть. Остановка, и большая, за количествомъ и качествомъ работниковъ. Нельзя-ли ее устранить? Можно... Но объ этомъ когда-ниб. потомъ.

Это Бирскъ.

Далѣе:—*Пермь.* „У насъ", пишетъ мнѣ оттуда Ефименко, одинъ изъ моихъ товарищей, „открывается нѣсколько воскресныхъ школъ. Въ одной, уже открытой, занимаются гимназисты.—Другую, а если понадобится, и третью, откроютъ вообще ревнители просвѣщенія: учителя семинаріи, уѣздн. училища, чиновники и пр. (учителя гимназіи здѣсь дрянь). Женскую школу хочетъ

открыть жена губернатора. Женская гимназія открывается черезъ мѣсяцъ. Семинаристы здѣсь прекраснѣйшій народъ. За два года издаютъ уже восьмой рукописный журналъ, въ которомъ нападаютъ на недостатки семинаріи и семинаристовъ и на причины этихъ недостатковъ. Народъ этотъ пришелъ въ сознаніе и называетъ семинарію прямо помойною ямою. Гимназисты похуже. У нихъ недавно вышелъ 1-й № перваго рукописнаго ихъ журнала. У тѣхъ и другихъ бываютъ литературныя собранія. На гимназическихъ собраніяхъ бываютъ и семинаристы.—Составляется *общество для распространенія грамотности и полезныхъ свѣдѣній.* На дняхъ обсуждали проектъ устава (написанъ мной). Было достаточное количество народу; между ними были лица съ властью, напр., предсѣдатель уголовной и гражданской палаты, прокуроръ, предсѣдатель еще какой-то палаты, и пр. На слѣдующемъ собраніи будетъ еще больше. Можно расчитывать на полный успѣхъ; не знаю только, какъ въ Петербургѣ примутъ. Дѣйствія Общества: заведеніе ремесленной школы въ Перми и Екатеринбургѣ, заведеніе въ губерніи воскресныхъ школъ и библіотекъ, учрежденіе литературныхъ собраній и публичныхъ лекцій, вспомоществованіе молодымъ людямъ ищущимъ дальнѣйшаго образованія, изданіе газеты и проч. Средства найдутся, богатаго народу довольно, да врядъ ли разрѣшатъ въ Петербургѣ. Можно надѣяться, что не разрѣшатъ, потому что Общества Вернадскаго съ цѣлью заведенія библіотекъ и публичныхъ чтеній по Россіи не разрѣшили-же. Какъ только прошеніе и уставъ передадутся губернатору для отсылки въ Петербургъ, поднимется вопросъ объ *обществѣ распространенія трезвости.* Уставъ этого общества составленъ однимъ частнымъ лицомъ еще въ прошломъ году, но въ ходъ небылъ пущенъ; теперь же примемся и за него. А тамъ поговариваютъ объ *Обществѣ взаимнаго вспомоществованія,* на манеръ Рочдельскаго. Но это еще впереди; надо прежде одно покончить, а потомъ приниматься за другое, а тамъ за третье и проч.—Пермская школа завела сношенія съ Новостроенскою Кіевскою и съ одною изъ московскихъ воскресныхъ школъ. У первой просила совѣта какія книги выписать для библіотеки, и какой методъ преподаванія употреблять. Вторую просила, чтобы она взяла на себя обязанность покупки и пересылки книгъ на высылаемыя отсюда деньги. Та согласилась. Въ письмѣ, полученномъ здѣшнею школою изъ Новостроенской изъ Кіева, предполагаютъ изданіе особой газеты, которая была бы органомъ всѣхъ воскресныхъ школъ, или, еслибъ это не удалось, то выбрать для этой цѣли одну изъ существующихъ уже газетъ. Таковымъ органомъ и предлагаютъ „Петербургскія Вѣдомости". Но это неудобоисполнимо, потому что не каждая школа имѣетъ „средства получать „Петербургскія Вѣдомости"—цѣна огромная. Другое дѣло, по моему, „Народное Чтеніе," безъ котораго не можетъ обойтись ни одна школа. Списавшись съ редакторами „Народнаго Чтенія", можно побудить ихъ къ открытію особаго отдѣла для этого предмета".

Ефименку—же слѣдующее пишутъ изъ Дерпта и Кіева.

Дерптъ. „Теперешній кругъ русскихъ студентовъ въ Дерптѣ не многочисленъ (10 человѣкъ); по образованію и развитію здѣшніе русскіе студенты стоятъ гораздо ниже нашего бывшаго кружка. Я даже до сихъ поръ не могу сказать утвердительно—что ихъ больше занимаетъ—пиво или наука. Мои теперешніе товарищи скорѣе соберутся для пирушки, нежели для того, чтобъ поговорить. И вотъ, сколько я уже здѣсь, еще ни одной сходки не прошло безъ того, чтобъ не явилось пиво, а гдѣ пиво, тамъ, конечно, крикъ, шумъ,

пѣсни, разгулъ, веселье и пр. Эту же жизнь приходится и мнѣ вести. Русскіе студенты стоятъ къ нѣмецкимъ до сихъ поръ еще въ нехорошихъ отношеніяхъ, т. е. какъ фершиссные [1]). Теперь затѣяли вытребовать себѣ права, но еще ничего неизвѣстно. Мы съ Лебедевымъ" (онъ, т. е. Тищинскій и Лебедевъ—тоже мои товарищи, посланы въ дерптскій университетъ) „стоимъ въ обществѣ русскихъ студентовъ въ хорошемъ положеніи. По крайней мѣрѣ, около насъ они теперь начинаютъ группироваться; положительно можно сказать, что ни одного дня не проходитъ безъ того, чтобы у насъ кто нибудь не былъ. У насъ кутятъ, у насъ же рѣшаютъ всѣ бумаги, посылаемыя въ корпораціи. А о корпораціяхъ смотри „Протестъ": все въ томъ же видѣ, прогресса не послѣдовало. Вотъ еще одно мое теперешнее занятіе. Здѣсь есть школа для дѣвочекъ (русскихъ и чухонокъ). Мы съ Лебедевымъ втерлись въ нее и распространяемъ руссицизмъ, т. е. учимъ русскому языку и русской грамотѣ. И признаюсь, я такъ полюбилъ мое занятіе, что ради этого только было бы непріятно оставить Дерптъ. Нельзя передать, до какой степени пошла и однообразна жизнь Дерпта. Кромѣ напитковъ, другого удовольствія нѣтъ, такъ что сдѣлаться пьяницею здѣсь ничего не стоитъ. Хорошъ Дерптъ тѣмъ, что здѣсь каждый русскій непремѣнно сдѣлается патріотомъ: частыя столкновенія съ нѣмцами, насмѣшки и пренебреженіе всего русскаго этому очень способствуютъ. Жаль только, что Дерптъ не даетъ общечеловѣческаго развитія—и поэтому здѣсь выходятъ все квасные патріоты. Это будетъ совершенно понятно, если я добавлю, что остзейскіе нѣмцы консерваторы. Вся ихъ дѣятельность устремлена на то только, чтобы удержать свои права, но ничуть не на то, чтобы ихъ развить. Отсюда, естественно, происходитъ нелюбовь нѣмцевъ къ русскимъ. Образующіеся же здѣсь русскіе невольно подражаютъ своимъ учителямъ, т. е. нѣмцамъ. Это и причина, что здѣсь фабрика квасныхъ патріотовъ. Остзейскіе нѣмцы до того исключительны, что хотятъ изъ своего края сдѣлать особый міръ, равно замкнутый и отъ вліянія Россіи, и отъ вліянія Германіи. Съ этою цѣлью выписываютъ изъ Германіи профессоровъ только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, а то все замѣщаютъ своими остзейцами. Черезъ это университетъ падаетъ, и въ настоящее время здѣсь только и хороши, что факультеты медицинскій и кое-какъ—математическій. Юридическій изъ рукъ вонъ плохъ; все вниманіе обращено на изученіе мѣстныхъ правъ да римскаго. Чтобы уберечь университетъ отъ наплыва русскихъ студентовъ, недавно послали въ Петербургъ проектъ, что каждый переѣзжающій въ дерптскій университетъ, непремѣнно долженъ держать экзаменъ по греческому языку. Выдумка не дурна, тѣмъ болѣе, что древніе языки у насъ не въ ходу; въ здѣшнихъ же гимназіяхъ ихъ только и изучаютъ (французскій дается на произволъ). Мнѣ нѣтъ рѣшительно никакой возможности слѣдить за русскою журналистикой: ни въ одной библіотекѣ, кромѣ нѣмецкихъ, ни какихъ другихъ книгъ не найдешь, такъ что здѣсь можно сдѣлаться совершеннымъ невѣждою въ отношеніи русской литературы".—„Мы кажись попали не въ университетскій городъ, а просто, въ какой то чухонскій городокъ, въ которомъ для красы выстроенъ университетъ какимъ то нѣмецкимъ архитекторомъ. А мы, студенты, приносимъ большую пользу тѣмъ, что увеличиваемъ народонаселеніе города, и вмѣстѣ съ тѣмъ тѣшимъ разными выход-

[1]) „*Фершиссные*". Вѣроятно, П., говорилъ Вамъ о протестѣ русскихъ студ. дерпт. университета противъ поступка нѣмцевъ, и что такое „auf den Ferschiss setzen". Если нѣтъ, напишите,—я напишу Вамъ.

ками почтенную публику. Общечеловѣческое развитіе боится Дерпта, какъ чумы; гелертерство же прилипло какъ банный листъ къ..... Студенчество съ страшнымъ ухорскимъ оттѣнкомъ. Удивительно угловато и дико куралеситъ. Этотъ университетъ такъ-же похожъ на германскій, какъ ты на нѣмца. Враждебность нѣмцевъ-студентовъ къ русскимъ замѣчательна, они смотрятъ на насъ, какъ на азіатцевъ, да еще первобытныхъ временъ".

Кіевъ. „Теперь у насъ въ Кіевѣ воскресныхъ школъ: старыхъ (слово вырвано) мужскихъ и одна женская, да на Печерскѣ открыта одна, да еще открывается двѣ. Дѣятельность образованія захватываетъ болѣе пространства. Рвеніе къ образованію въ простомъ народѣ усиливается. Новостроевская школа принуждена перейти во Вторую гимназію, такъ какъ въ прежнемъ помѣщеніи было тѣсно. Студенты намѣреваются дать спектакль и учредить публичныя чтенія въ пользу школъ. Теперь только одно скверно: недостатокъ единства. Нѣкоторыя личности мѣшаютъ этому. Это такъ называемые крикуны. Но, разумѣется, что всѣ желаютъ единства и взаимнодѣйствія для усовершенствованія педагогическихъ пріемовъ, для изгнанія всякихъ фанатическихъ самолюбій".

Харьковъ. Въ Харьковѣ двѣ воскресныхъ школы. Отъ 10 часовъ до $11^1/_2$ преподается чтеніе, письмо, ариѳметика. Отъ $11^1/_2$ до 12 законъ божій. Отъ 12 до 1 часу—бесѣды по географіи, популярной химіи и о полезныхъ животныхъ. Потомъ ученики расходятся и начинается совѣтъ преподавателей. Кромѣ того, отъ 8 до 10 часовъ для грамотнымъ преподаются французскій и нѣмецкій языки и рисованіе. Законъ божій слушаютъ всѣ вмѣстѣ, остальные предметы преподаются по группамъ,—по три ученика на каждаго учителя. Всѣхъ учителей болѣе 100, учениковъ болѣе 300, и число ихъ съ каждымъ воскресеньемъ прибавляется. Распорядитель школы избирается на полгода изъ числа преподавателей; у него есть помощникъ. Въ педагогическомъ отношеніи за школою наблюдаетъ профессоръ Лавровскій. Школа есть заведеніе открытое и каждый изъ постороннихъ посѣтителей имѣетъ право вносить свои замѣчанія въ особенную книгу. Студенты давали спектакль въ пользу школъ. 20-го ноября студенты открыли третью воскресную школу. Между проч., попечитель университета Левшинъ, у котораго на это спрашивали разрѣшенія, замѣтилъ имъ, что „если они затѣваютъ съ заднею мыслью, то школы ихъ не будетъ".

Забылъ еще сказать Вамъ, что по распоряженію начальства, въ Бирскѣ открывается училище для крестьянскихъ дѣтей обоего пола. Мальчиковъ будутъ приготовлять въ сельскіе писаря; дѣвочекъ намѣрены присоединить къ существующему уже здѣсь женскому училищу. Крестьянское училище будетъ содержаться на счетъ крестьянъ, на которыхъ сдѣлана раскладка требуемой суммы. Это послѣднее возбуждаетъ между бѣдными изъ нихъ неудовольствіе, которое служитъ одною изъ причинъ къ затрудненіямъ распространять образованіе между ними.—Желательно было бы, чтобъ и въ другихъ городахъ, особенно университетскихъ, позаботились объ открытіи воскресныхъ школъ не только въ городѣ, но и въ ближайшихъ деревняхъ.

Досвиданія. Кланяйтесь...

Вашъ *М. Муравскій*...

P. S. Можетъ быть, меня переведутъ отсюда въ Оренбургъ.

Адресъ: Въ Оренбургскую губернію, въ Бирскъ, Митрофану Даниловичу Муравскому,

Извините, что пишу на скверной бумагѣ,—не нашлось другой,—(осмотрите ее внимательнѣе, и Вы сами увидите, что я обязанъ былъ извиниться).

P. P. S. Сейчасъ между преподавателями была вторая подписка въ пользу воскресныхъ школъ. Собрано около 25 р. с. (считая и прежніе 4). Имѣется въ виду, въ случаѣ надобности, пустить въ ходъ эту подписку и въ городскомъ обществѣ.

2.

Бирскъ 20 Генваря 1861 г.

„На силу-то могу писать по оказіи и поговорить о томъ, о чемъ столько времени хотѣлось поговорить. Посылая ко мнѣ письма по почтѣ, имѣйте въ виду, Вячеславъ Авксентьевичъ, что за мною учрежденъ тайный полицейскій надзоръ и что искусство подрѣзывать печати и пр. въ нашъ вѣкъ усовершенствованій находится въ самомъ удовлетворительномъ состояніи. Очень можетъ быть, что многія письма по лѣни, или по глупости почтоваго начальства и не прочитываются; но неизвѣстно, какія именно письма ускользаютъ отъ этой чести. Если Ваше письмо можетъ быть не было прочитано, то легко могло бы случиться и совершенно другое; и тогда увидѣли бы наприм., что Щаповъ профессоръ не вѣрноподданническій, что въ женской школѣ и въ первой мужской направленіе не православно самодержавное. И тогда что? вмѣсто Щапова прислали бы какого-ниб. Бланка, студентовъ замѣнили бы въ воскресныхъ школахъ монахами или квартальными и т. п.

О почтовыхъ реформахъ послѣ, теперь же нѣчто о Бирскѣ.

Занятія въ воскресныхъ школахъ послѣ 18-го декабря были еще раза три. Въ теченіе этого времени число учениковъ колебалось между пятнадцатью и восемью, учениць почти ни одной. Но это неуспѣхъ только кажущійся: дѣло въ томъ, что продолжающіе ходить занимаются съ видимою охотою, о томъ же, почему такъ мало ходитъ, крестьяне говорятъ, что „дѣло это непривычное, прежде никогда этакой учьбы не было,—какъ же его ходить? а вотъ мы на это ученье посмотримъ, попривыкнуть надо, ну, тогда будемъ посылать ребятъ,—отчего не такъ? можно“. Слѣдовательно, какъ бы ни было, какъ бы ни острили здѣшніе *критиканы* (какъ выражаются бирскія дамы), школы все-таки, будутъ и будутъ. Пока занимаемся обученіемъ грамотѣ и нѣкоторыхъ (разбирающихъ уже слова) письму. Естественнымъ какъ-то образомъ, на самомъ опытѣ, вошло у насъ въ употребленіе соединять методъ синтетическій съ аналитическимъ. Но вотъ что нѣсколько дурно: преподаватели не совсѣмъ аккуратно посѣщаютъ школу. Все таки, имѣйте въ виду, что здѣсь подобныя предпріятія только что начались. Въ Бирскѣ общее дѣло находится теперь, такъ сказать, въ героическомъ еще періодѣ своего существованія; все это еще не окрѣпло, колеблется, дѣлаетъ промахи. Но за началомъ дѣла слѣдуетъ его дальнѣйшій и болѣе успѣшный ходъ, за героическимъ періодомъ болѣе разумная гражданская жизнь. Въ этомъ отношеніи подаютъ большую надежду начавшіяся здѣсь литературныя собранія; сколько можно предвидѣть они будутъ имѣть хорошее вліяніе на бирскую либеральную партію, т. е. на тѣхъ, которые участвуютъ въ воскресныхъ школахъ, какъ то: весь училищный штатъ и двое молодыхъ людей изъ купцовъ. Но объ этихъ собраніяхъ послѣ. Есть въ этой партіи и православно-вѣрноподданническіе элементы: это

по преимуществу священникъ Кассимовскій (герой 18-го декабря). Къ счастію, онъ человѣкъ глупый и ему, какъ говорится, словесности богъ не далъ, такъ что для воскресныхъ школъ онъ безвреденъ; кромѣ того, имя „батюшки“ и добродушный нравъ его располагаютъ къ нему крестьянъ, а это очень и очень важно, особенно когда имѣются намѣренія завести воскресныя школы и по другимъ деревнямъ, слѣдоват., онъ даже полезенъ. Литературныя собранія начались двѣ недѣли тому назадъ. Они бываютъ въ училищной залѣ, были уже два раза. До сихъ поръ были собранія только училищнаго штата (для краткости я буду называть училищнымъ кружкомъ не только учителей, но и ихъ короткихъ знакомыхъ, какъ то: тѣ два купца и пишущій это письмо). По словамъ смотрителя, и городская публика изъявляетъ желаніе посѣщать эти собранія; потому положено было назначить ихъ два раза въ недѣлю: одинъ разъ частныя собранія (одного только училищн. кружка), другой—общія или собранія и остальной публики. Дѣло до того новое и до того опасно, чтобъ публика не охладѣла, до того сильна необходимость „заманивать господъ“, что собранія эти устраиваются безплатно. Общія собранія начнутся, вѣроятно, черезъ недѣлю; до сихъ поръ мѣшала имъ ярмарка и другія общественныя событія (святки, вечера и пр.). На первыхъ порахъ литературныя бесѣды идутъ здѣсь довольно туго. Онѣ нѣсколько различаются отъ литературныхъ бесѣдъ въ университетѣ. Я помню, что на нашихъ литературныхъ собраніяхъ (въ Харьковѣ и Кіевѣ) не мало случалось безтолковщины, особенно на первыхъ порахъ; отчасти это происходило оттого, что каждый спѣшилъ поскорѣе высказаться, говорилъ много и горячо, шумъ подымался страшный. Бирскихъ же литерат. собраній нельзя упрекнуть въ этомъ; здѣсь иногда бываютъ антракты, каждый придумываетъ что ему сказать. Недавно былъ споръ—и знаете ли о чемъ? о томъ, что лучше – деспотизмъ или свобода для государства и гдѣ лучше—въ Англіи или въ Россіи, и спорили не въ видѣ шутки, а серьезно. Младенчество самое первобытное! Двое отстаивали свободу и Англію, около пяти были противъ этого, остальные четверо хотя не молчали, даже говорили довольно, но обнаружили такую непривычку къ подобнымъ бесѣдамъ, такую катавасію въ головѣ, что я положительно отказываюсь рѣшить, что они одобряютъ: деспотизмъ и Россію, или свободу и Англію. Впрочемъ, Вы не подумайте чего нибудь дурного: эти мнѣнія о пользѣ деспотизма имѣютъ чисто теоретическое значеніе, ни какъ не больше. Вовсе нельзя назвать деспотизмомъ отмѣну тѣлесныхъ наказаній въ училищѣ, ласковое обращеніе съ учениками, усердную довольно заботливость о распространеніи между учениками охоты къ разнымъ теперешнимъ предпріятіямъ и желаніе заводить ихъ и здѣсь. Младенческая же незрѣлость ничего не значитъ; нѣтъ такой зрѣлости, которая когда бы то ни было не имѣла этого періода. Въ литературныя бесѣды имѣетъ быть внесенъ искандеровскій элементъ; мнѣ удалось достать въ Уфѣ нѣкоторыя его статьи.

И такъ, вотъ что уже *дѣлается* въ Бирскѣ. Въ ближайшей перспективѣ имѣются воскресныя школы въ остальныхъ трехъ деревняхъ и учрежденіе литерат. бесѣдъ между учениками уѣзд. училища; въ болѣе отдаленной—общества трезвости между крестьянами, популярныя бесѣды по географіи, естественнымъ наукамъ и русской исторіи въ воскресныхъ школахъ, публичныя лекціи; разумѣется, все это пока еще предположенія и гаданія.

Послѣ Вашего письма я получилъ извѣстія изъ Дерпта, Перми и Харькова. О первыхъ двухъ ничего не пишу, потому что съ ними Казань въ пе-

рескѣ (впрочемъ, на счетъ Дерпта навѣрное не знаю; если Вы съ нимъ не имѣете сношеній, то напишите—я къ Вашимъ услугамъ). Въ Харьковѣ четыре воскресныхъ школы: три мужскихъ и одна женская. Во всѣхъ мужскихъ школахъ занимаются студенты и гимназисты; преподавателей менѣе 150, учениковъ болѣе 370. Занятія идутъ отъ 8 часовъ утра до часу. Предметы преподаванія: грамотность, ариѳметика, законъ божій (на него, впрочемъ, полагается только полчаса), популярныя бесѣды по географіи, химіи, о полезныхъ животныхъ, народная медицина, рисованіе и языки французскій и нѣмецкій. Эти бесѣды между прочимъ идутъ довольно плохо: напр. за естественныя науки брались словесники и по недостатку свѣдѣній сообщали народу ложныя понятія, - такъ, одинъ изъ преподавателей сказалъ, что землетрясеніе происходитъ отъ какихъ то *сухихъ жилъ*; въ числѣ преподавателей химіи былъ одинъ студентъ 1-го курса медицинскаго факультета, слѣдовательно, отъ него и ожидать нельзя было, чтобы онъ зналъ химію настолько, чтобы знакомить съ нею народъ. Прочія бесѣды идутъ кое какъ. Преподаваніе языковъ явилось вслѣдствіе потребности въ этомъ учащихся: такъ, ученики уѣзднаго училища являются въ школу для того только, чтобы учиться языкамъ и слушать общеполезныя свѣдѣнія; учиться языкамъ изъявили желаніе также многіе прикащики, солдаты и ученики духовнаго училища. Нельзя было отказать имъ, несмотря на то, что сначала преподаваніе языковъ не имѣлось въ виду: преподаватели хотятъ дать школамъ такое положеніе, чтобы народъ находилъ тамъ удовлетворяющіе отвѣты на всѣ свои вопросы. Недавно въ школу пришли пять купцовъ, чтобы спросить: одно или два горла у человѣка; въ отвѣтъ на это имъ была показана модель и объяснена. Третью мужскую школу открыли студенты, недовольные порядкомъ управленія въ первыхъ двухъ. Дѣлами школы завѣдываетъ тамъ не распорядитель, какъ въ остальныхъ двухъ, а особый совѣтъ, который состоитъ изъ одиннадцати человѣкъ и смѣняется черезъ каждые два мѣсяца. Одинъ изъ членовъ совѣта взялъ на себя обязанность казначея, другой секретаря, третій взялся записывать учениковъ и раздѣлять ихъ по группамъ. Школа помѣщается въ университетѣ. Средства ея сначала были очень скудны, такъ что преподаватели обложили себя податью по 50 коп. съ человѣка, кромѣ того разыграли въ лотерею „Revue de deux mondes", принадлежавшее литературному обществу. Такимъ образомъ составилось нѣсколько рублей. Теперь средства школы весьма удовлетворительны. Профессоръ-наблюдатель Лапшинъ (читаетъ физику) предоставилъ въ ея распоряженіе университетскій физическій кабинетъ, кромѣ того по добровольной подпискѣ собрано до 200 руб. сер. Вообще надобно отдать справедливость Лапшину: онъ съ величайшимъ удовольствіемъ принялъ на себя обязанность наблюдателя и очень усердно исполнялъ ее. Онъ собралъ самъ до 150 руб. и при его посредствѣ одинъ господинъ пожертвовалъ туда оч. хорошій глобусъ. Лапшинъ также взялся читать общеполезныя свѣдѣнія и первыя двѣ лекціи его произвели эффектъ: на первой была показана большая модель паровой машины и приведена въ дѣйствіе, на второй вагонъ (въ $^1/_2$ аршина) дѣйствіемъ паровъ бѣжалъ черезъ весь нижній корридоръ. Впрочемъ слишкомъ хвалиться пока нечѣмъ, потому что многіе смотрятъ на школу очень легко.—Въ женской воскресной школѣ, открытой не такъ давно, участвуютъ жена помощника попечителя Фойгта (онъ былъ когда-то у васъ въ Казани) въ качествѣ попечительницы школы и классныя дамы изъ института. Эта школа—заведеніе закрытое: входъ постороннимъ дозволяется только

по рекомендаціи попечительницы и преподавательницъ. Женской школѣ хвалиться очень сомнительно. „Вообще“, пишетъ желчный корреспондентъ, „въ отношеніи къ женскому образованію Бирскъ чуть-ли не выше Харькова. Правда, есть у насъ женская гимназія (открыты первые три класса), но порядка въ ней не одобряютъ, и кромѣ того, цѣна слишкомъ высока: 50 руб. сер. съ каждой ученицы, которая желаетъ заниматься науками, искусствами и языками, а безъ послѣднихъ двухъ—25. Тогда какъ въ Полтавѣ учителя обязались 7 лѣтъ преподавать безплатно, и за что у насъ 50, тамъ назначено 10 руб. сер.“—Въ Харьковѣ было два литературныхъ вечера. На первомъ Каченовскій (профес. общенароднаго права, молодой человѣкъ, пользуется у студентовъ популярностью; въ „Рус. Словѣ“ за 60-й годъ, кажется, въ апрѣльской книгѣ напечатана его лекція, читанная имъ по возвращеніи въ 59-мъ году изъ за границы, куда его посылали на полтора года) заслужилъ рукоплесканія, читалъ свои путевыя замѣтки. Собрано 223 руб., которые и розданы бѣднымъ студентамъ. Кромѣ того, Лапшинъ пожертвовалъ 100 руб., и будетъ вносить по стольку-же ежегодно, съ тѣмъ, чтобъ они были выдаваемы какъ стипендіи двумъ бѣднѣйшимъ студентамъ. Сборъ за второй литературный вечеръ назначенъ въ пользу общества приготовленія молодыхъ людей въ университетъ.—Было два спектакля. Директоръ театра не согласился дать театральное зданіе, потому спектакль былъ въ залѣ дворянскаго собранія; студенты сами нарисовали занавѣсъ (представляющій видъ Харькова) и декораціи, оркестръ также состоялъ изъ студентовъ. Были даны—„Ревизоръ“, „Кумъ мирошныкъ“, а на второмъ спектаклѣ „Не сошлись характерами“, „Москаль—Чаривныкъ“ и „Новички въ любви“. Играли весьма удовлетворительно. Не смотря на высокую цѣну (кресла напр. 1-го ряда 5 руб. сер.), въ оба раза зала была полна, нѣкоторые даже стояли. Издержекъ было до 450 руб., за то и сборъ хорошъ. Предполагается въ скоромъ времени третій спектакль въ пользу кассы бѣдныхъ студентовъ и студентской библіотеки, которая скоро откроется.—Левшинъ запретилъ заниматься въ воскресныхъ школахъ тѣмъ изъ студентовъ, которыхъ возили въ Питеръ [1]). Но разумѣется этимъ царь мало выигрываетъ, потому что въ наше время нѣтъ ни одного вѣрноподданническаго студента.

Перехожу опять къ Бирску. Общество здѣшнее дрянь; направленія своего ужъ не перемѣнитъ. Если и можно будетъ подвинуть его на что нибудь хорошее (а эта возможность предстоитъ въ то время, когда получатъ ходъ общія лит. собранія), то не иначе, какъ задѣвши его самолюбіе, желаніе броситься въ глаза начальству и т. п. Въ статьѣ, посланной о здѣшн. воскрес. школ. въ „Петербургскія Вѣдомости“, Петровъ очень расхвалилъ попа Кассимовскаго: но это сдѣлано единственно только для того, чтобы поощрить его къ дальнѣйшимъ хлопотамъ объ открытіи школъ. Молодыхъ людей, кромѣ нѣсколькихъ моихъ товарищей по службѣ (приказныхъ уѣзднаго суда), почти никого. За тожъ здѣсь ничего не стоитъ имѣть непосредственныя сношенія съ сельскимъ сословіемъ; кромѣ того, можно позаботиться съ пользою объ ученикахъ уѣзднаго училища, которые потомъ дѣлаются здѣшними купцами, чиновниками средняго разбора,—словомъ, входятъ въ составъ здѣшней публики и составляютъ довольно значительную ея часть. Слѣдовательно, они потомъ въ самой публикѣ могли бы составить самую преданную къ порядоч-

---

[1]) Т. е. на слѣдствіе, въ 1860 г.

ному дѣлу часть ея. Впереди всѣхъ приходится стоять училищному кружку. Между ними и не безъ хорошихъ людей, да дѣло въ томъ, что порядочные люди здѣсь непремѣнно съ какимъ-нибудь изъяномъ: или онъ по постамъ не ѣстъ скоромнаго, или вмѣсто лит. собранія иной разъ придетъ человѣку охота пойти куда нибудь сѣсть за преферансикъ, или доказывать, что государственнаго зла въ Англіи больше нежели въ Россіи. Большинство этого кружка подаетъ хорошія надежды, если оно будетъ имѣть постоянную нравственную поддержку. Есть двѣ-три личности крайне пошлыя, но онѣ безвредны, потому что боятся смотрителя (отецъ студ. Попова), а онъ человѣкъ довольно сносный. Я выѣду въ Оренбургъ, недѣли, можетъ быть, черезъ три, и въ такомъ случаѣ прошу Васъ вступить въ переписку съ Петровымъ, онъ человѣкъ очень порядочный, и эта переписка будетъ очень полезна для здѣшняго уѣзда. Адресъ: учителю уѣзднаго училища Константину Петровичу Петрову; Вашъ адресъ онъ уже знаетъ.

Объ Оренбургѣ я слышалъ много хорошаго; тамъ есть много людей образованныхъ, тамъ получается „Колоколъ"; но, должно быть, тамошняя публика спитъ,—нѣтъ до сихъ поръ ни одной даже воскресной школы. Тамъ, между прочимъ, пропасть войска и кадетскій корпусъ. Имѣя въ виду, что престолъ держится только войскомъ, въ нашемъ тайномъ обществѣ поговаривали иногда, что слѣдуетъ покороче сблизиться съ военнымъ сословіемъ, для этого не худо бы даже кой-кому изъ насъ поступить потомъ въ военную службу. Не знаю на сколько эти мечты удадутся въ Оренбургѣ. Поживши нѣсколько времени въ уѣздномъ городкѣ, особенно въ такомъ, изъ котораго хоть три года скачи, то ни до какого университета не доскачешь, можно очень хорошо увидѣть, что большую роль въ дѣлѣ нашего развитія должны играть уѣздные учителя и попы. Образованнѣе уѣздныхъ учителей нѣтъ никого въ цѣломъ уѣздѣ, и они воспитываютъ все подрастающее уѣздное поколѣніе. Попы имѣютъ постоянныя и непосредственныя сношенія съ крестьянами и могли бы оказывать на нихъ очень благодѣтельное вліяніе. Продолжать въ уѣздахъ университетское дѣло, кромѣ уѣздныхъ учителей и поповъ, некому. Потому желательно было бы, чтобы направленіе тѣхъ и другихъ было тоже университетское. А такъ какъ они по большей части берутся изъ губернск. гимназій и семинарій, то желательно было бы, чтобы въ тѣхъ и другихъ было это направленіе. Кромѣ того, въ здѣшнемъ краю Россіи могла бы принадлежать честь распространенія цивилизаціи между инородцами, а для этого прежде всего необходимо избавить ихъ отъ религій, которыя мѣшаютъ этому, т. е. распространить между ними христіанство. Хорошо было бы дать этой мысли особенный ходъ въ казанской семинаріи и духовной академіи. Обломово-нравные миссіонеры и полупьяные попы мало объ этомъ заботятся. Хорошо было бы университету сблизиться съ семинаріею и академіею, какъ онъ сблизился съ обѣими гимназіями, завести тамъ кружки: опытъ Харькова Кіева и Казани показалъ, какихъ великолѣпныхъ результатовъ можно этимъ достигнуть.

Издается ли у васъ студентскій рукописный журналъ? и есть ли студентская касса? Нельзя ли то и другое завести въ гимназіяхъ, семинаріи и академіи? Нельзя ли въ воскресныхъ школахъ преподавать русскую исторію? идеи Щапова какъ были бы симпатичны народу! Нельзя ли завести городскія литературныя собранія? начавши съ этого, можно было бы хотя бы исподволь заняться и тѣмъ, что дѣлается теперь въ Перми,—общество для рас-

пространенія грамотности и полезныхъ свѣдѣній, общество для распространенія трезвости, общество взаимнаго вспомоществованія, общій столъ, коммерческое общество на паяхъ съ цѣлью удешевленія предметовъ жизненной потребности.

Сношенія чрезвычайно необходимы; почты не всегда для этого удобны Мнѣ какъ-то пришло въ голову, нельзя-ли помимо казенныхъ почтъ устроить собственныя. Я объ этомъ разговорился съ студентомъ Поповымъ; онъ, хоть и шутя, безъ всякой серьезной цѣли, но высказалъ превосходную мысль. Надобно почталіоновъ привлечь въ воскресныя школы, гдѣ очень удобно будетъ заслужить ихъ преданность къ студентамъ и готовность развозить нужныя письма и пакеты; или употребить какія-нибудь интриги, чтобы замѣстить въ почталіоны тѣхъ изъ простого народа, кто получилъ образованіе въ воскресныхъ школахъ. Въ почталіоны же имѣетъ право поступать всякій (я объ этомъ нарочно справлялся). Разумѣется, всѣ университетскіе люди тогда посылали бы письма не черезъ оффиціальную почту, слѣдовательно, плата за пересылку оставалась бы у почталіоновъ, слѣдовательно можно было бы и обезпечить ихъ въ жалованьи. Если бы это устроилось, тотда по истинѣ наши университеты были бы status in statu. Нельзя ли будетъ пообсудить эту мысль? Пока наши сношенія будутъ совершаться черезъ казенную почту, позвольте Вамъ предложить слѣдующую азбуку, къ которой, мнѣ кажется, можно было бы прибѣгать въ необходимыхъ случаяхъ. Впрочемъ, извините, я спѣшу и не имѣю времени изложить ее. Я пришлю ее Вамъ, если не случится оказіи, по почтѣ, и именно такъ: этой азбукой я напишу общеизвѣстное хотя и запрещенное стихотвореніе Пушкина „Декабристамъ“

Во глубинѣ сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпѣнье и пр.

Зная это стихотвореніе, Вы его прочтете, и такимъ образомъ узнаете и самую азбуку; недостающія буквы я напишу отдѣльно,—это не бѣда. Устройство ея, какъ Вы увидите, очень просто. Эта азбука пригодится и для переписки съ Петровымъ: она ему извѣстна.

Ефименко пишетъ мнѣ, что Левченко писалъ ему о томъ, что Петрашевскій посаженъ въ острогъ, о новыхъ подлостяхъ славнаго нѣкогда Бакунина и пр. Онъ не пишетъ подробнѣе, думая, что обо всемъ этомъ мнѣ уже писали изъ Казани. Что это такое? Португаловъ тоже не пишетъ, что именно дѣлается въ Костромѣ; неизвѣстно-ли это Вамъ?

О сборѣ книгъ въ библіотеку Алексѣевскаго равелина я постараюсь похлопотать въ Уфѣ и Оренбургѣ; кромѣ того, напишу въ Екатеринодаръ, въ Новомосковскъ (Екатеринославск. губ.), въ Херсонѣ, Курскъ, Вологду, Вятку, Каргополь (Олонец. губ,). Со всѣми этими городами (кромѣ Херсона, куда я напишу еще въ первый разъ, Вятки и Олонецкой губ. [1]), куда я послалъ письма очень давно и до сихъ поръ не получилъ отвѣта, теперь пошлю страховыя) я веду переписку: тамъ мои товарищи, кромѣ того послалъ письмо въ Кіевъ, и веду переписку съ Дерптомъ и Харьковомъ. Португаловъ въ своемъ письмѣ вычислилъ слѣдующія фамиліи: „Макавѣевъ, Манассеинъ, Протопоповъ, Кипиченко, Христофоровъ, Олигеръ, Клаузы, Петровы, Песковъ, Кострицынъ, Пѣшковъ, Княгиницкій и многіе другіе; гимназисты—Александ-

[1]) Завадскому.

ровъ, Нехотяевъ, Сабунаевъ". Кланяйтесь всѣмъ; впрочемъ, въ этомъ поклонѣ нѣтъ надобности, потому что, вѣроятно, мое письмо относится къ нимъ настолько же, какъ и къ Вамъ. Попросите гимназистовъ, если это не составитъ хлопотъ очень большихъ, сообщить мнѣ статью Португалова о нашемъ кружкѣ, читанную имъ на послѣднемъ у него собраніи и посвященную гимназистамъ. Пришлите сюда побольше запрещенныхъ сочиненій. Все это потрудитесь передать Попову,—онъ отправитъ по оказіи, если таковой Вамъ не представится. У меня теперь есть слѣдующія сочиненія: *стихотворенія:* „Русскому народу", „Русскому царю", „Ночь", „Впередъ безъ страха и сомнѣнья", „Вѣчевой колоколъ", „Царь нашъ нѣмецъ прусскій," „Кнутъ" (Тургенева), „Четыре націи", „Нѣтъ, не рожденъ я биться лбомъ," „Чадаеву," „Декабристамъ и отвѣтъ ихъ", „Три пѣсни крымскихъ солдатъ," „Перестала Русь храбриться," „На смерть Оленина," „Когда нашъ Новгородъ великій," (Михайлова), „Не жди, чтобъ зацвѣла страна," „Двуглавый орелъ," „Русскій пѣвецъ," „Арестантъ," „Пророчество," „Царь Никита" и нѣсколько мелкихъ стихотвореній. *Проза:* „Составъ русскаго общества," „Письмо Герцена къ Александру, къ его женѣ," „Анонимное письмо Герцену и отвѣтъ на него," „Путешествіе вдовствующей императрицы," „Письмо Бѣлинскаго къ Гоголю," „Русскому дворянству, послѣднее слово".—Въ Оренбургѣ я, разумѣется, найду кое-что, но главнымъ образомъ такія сочиненія нужны для здѣшняго училищнаго кружка.—Кстати,—нельзя-ли позаботиться въ Казани о литографированіи этихъ сочиненій?

Затѣмъ, до свиданія. Искренно желаю вамъ, любезные товарищи, всего хорошаго.

Вашъ *М. Муравскій.*

3.

Бирскъ, 19 февраля (1861 г.).

„Облака бѣгутъ надъ моремъ,
Крѣпнетъ вѣтеръ, зыбь чернѣй...
Будетъ буря: мы поспоримъ
И помужествуемъ съ ней..."

Языковъ.

„Да цвѣтетъ-же Казань!"

Португаловъ.

Я не отвѣчалъ на Ваше письмо съ первою почтою, потому что опоздалъ: пропасть накопилось отвѣтовъ, я всѣ ихъ написалъ, понесъ на почту, но тамъ уже ихъ не приняли. Пришлось отложить до слѣд. почты, т. е. опоздать на цѣлую недѣлю. Но къ дѣлу.

Вотъ онъ кризисъ-то! Куда ни оглянешься, вездѣ надвигаются тучи. Харьковскій университетъ падаетъ, Кіевскій лишается нѣкоторыхъ своихъ опоръ, воскресныя школы преслѣдуются, Казань готова потерять многихъ изъ 108, въ Перми дѣла разстраиваются, а у насъ въ Бирскѣ въ настоящее время—сущая дряны! Этакъ можно бы и въ дурное расположеніе духа прійти, но—но „ны такый страшный вовкъ, якъ ёго малюють", „изъ каждаго положенія", какъ говоритъ Г., „есть выходъ", зло такъ же непостоянно, какъ и добро,—то и другое перемежается, гоненія же имѣютъ положительно хорошую

сторону, потому что ведутъ къ ускоренію развязки. Вотъ почему не смущаешься, когда свѣтъ представляется иной разъ не бѣлымъ, а сѣрымъ.

Бирскъ. Смотритель, неизвѣстно почему, въ послѣднее время охладѣлъ къ воскресной школѣ; за нимъ и учителя, такъ что въ школу стало являться не болѣе двухъ-трехъ преподавателей. Въ этомъ году открылось въ Бирскѣ училище для приготовленія крестьянскихъ мальчишекъ въ сельскіе писаря: въ это училище и перешли всѣ посѣщавшіе воскресную школу, такъ что она прекратилась. Преподавателемъ въ этомъ училищѣ—Кассимовскій!—„Впрочемъ, можетъ быть, откроются воскресныя школы по другимъ деревнямъ; а, можетъ быть, теперь удастся завести школу въ самомъ городѣ. Петровъ хочетъ похлопотать. Общихъ литературныхъ собраній до сихъ поръ не было, есть надежда, что и не будетъ, потому что и частныя прекратились. Теперь существуютъ только собранія педагогическія,—собранія, по уставу обязательныя для каждаго училища. Гнили обнаружилось достаточно. Впрочемъ, зло, нельзя сказать, чтобъ неизлечимое. Разумѣется, самое скорое, удобное и вѣрное средство—замѣна теперешнихъ членовъ училищнаго кружка болѣе новыми и университетскими; цѣль можетъ быть достигнута и безъ этого, но не скоро и трудно: работа нужна непрерывная, долгая, микроскопическая, да еще такъ, что нѣсколько разъ прійдется ее вновь начинать. Много хорошаго можно было бы сдѣлать тутъ посредствомъ офиціальной власти. А вся заслуга здѣшняго смотрителя состоитъ только въ томъ, что онъ человѣкъ сносный, т. е., если онъ и дурѣетъ, то не непрерывно, а періодически; кромѣ того его можно настраивать. А будь здѣшній смотритель человѣкъ вполнѣ порядочный, учителя далеко не съ такою откровенностью и не такъ часто обнаруживали бы самихъ себя, старались бы хоть казаться порядочными людьми,—и то было бы полезно. Но вообще дѣло не очень безнадежно. Времена кризиса бывали здѣсь и прежде, и проходили, и этотъ пройдетъ“.

Уфа. Тамъ сконфузились передъ Бирскомъ, и потому сильно хлопочутъ о воскресной школѣ; было уже одно литературное утро въ пользу ея. Гимназисты соглашаются быть преподавателями; нѣкоторые изъ нихъ обрадовались до остервененія. Одинъ учитель семинаріи (Кассимовскій, братъ бирскаго попа и товарищъ по академіи Щапова) предложилъ ректору мысль завести ученическую библіотеку и литературныя чтенія; есть надежда, что и архіерей это поддержитъ (говорятъ, онъ порядочный человѣкъ).

Пермь. Вотъ что пишетъ Ефименко: „Въ прежнихъ письмахъ писалъ я тебѣ о проявленіи у насъ въ Перми общественной дѣятельности, именно.—о воскресныхъ школахъ, которыхъ у насъ 5 (3 мужскихъ и 2 женск.), о литературн. вечерахъ, о составленіи общества для распространенія грамотности,—но въ настоящее время все это разстраивается и падаетъ. Воскресныя школы падаютъ отчасти отъ послѣдняго циркуляра, отчасти отъ притѣсненій директора гимназіи, который запрещаетъ, въ силу вышеупомянутаго циркуляра, *порядочнымъ* людямъ быть преподавателями въ нихъ; такъ что школы у насъ или совершенно падутъ, или сдѣлаются чисто офиціальнымъ учрежденіемъ. Общество для распространенія грамотности должно умереть, не родившись, потому что правительство не утвердило устава подобнаго же общества, составлявшагося въ Пензѣ. Оно, т. е. правительство, выразилось при этомъ такимъ образомъ, что образовать народъ можно и безъ обществъ, другими способами и средствами; т. е., что оно само этимъ дѣломъ займется,—такъ это, дескать, будетъ прочнѣе. Такимъ образомъ, у публики отнята вся-

кая инициатива въ дѣлѣ народнаго образованія. У насъ теперь уныніе и недовольство; да оно и вездѣ должно быть такъ. Я теперь сижу почти сложивши руки, и обдумываю два плана насчетъ самообразованія и образованія другихъ. 1-й, устроить такую компанію, которая согласилась бы составить библіотеку лучшихъ учебниковъ, потомъ раздѣлила бы между собою предметы по одному или по два. Каждый, изучивши предварительно свой предметъ, чтобы читалъ другимъ по этому предмету лекціи. 2-й, учредить домашніе литературные вечера, притомъ такъ, чтобы каждый выбралъ себѣ одинъ изъ современныхъ вопросовъ, поднятыхъ въ литературѣ, прочелъ о немъ все, что было писано, составилъ сводъ всего, и потомъ знакомилъ остальныхъ. Я теперь, главнымъ образомъ, занимаюсь христіанствомъ, и дошелъ до такихъ выводовъ, которые тебѣ, можетъ быть, покажутся странными,—именно, по моему, оно до высшей степени безнравственно".

Кіевъ [1]).

Вологда. Вологодскій край бѣденъ и грязенъ,—лѣсъ да болото. Уѣздные города, кромѣ Устюга глушь страшная, въ нихъ, какъ говорятъ, очень и очень мало кто читаетъ. Цѣломудріе въ Вологодской губерніи не въ ходу. Одинъ изъ бывшихъ губернаторовъ въ своемъ отчетѣ писалъ, что „нравственность въ Вол. губ. вообще не высока, а въ двухъ сѣверныхъ уѣздахъ господствуетъ наглый и безстыдный развратъ." „Вологда", пишетъ Бекманъ, „тоже довольно дрянной городъ; по крайней мѣрѣ, я не видѣлъ еще ни одного губернскаго города хуже ея. Она недалеко отъ Москвы (430 вер.) и отъ Петерб. (430 до желѣзной дороги въ Валдаѣ), и оттуда, кажется, 200, но лежитъ какъ то въ сторонѣ, и потому не имѣетъ частыхъ сообщеній". Единственный книжный магазинъ, въ которомъ 11 подписчиковъ на чтеніе и продается книгъ рублей на 25 въ годъ, существуетъ только по приказанію начальства. Есть нѣсколько порядочныхъ людей: братья Поповы (одинъ изъ нихъ бывшій московскій студентъ),—это лучшіе изъ всѣхъ; кромѣ того, попъ Петровскій, человѣкъ молодой и хорошій; да еще нѣсколько чиновниковъ и два учителя духовнаго училища. Петровскій завелъ тамъ ежедневную безплатную школу, въ которой обучается до 25 мальчиковъ и дѣвочекъ. Онъ хотѣлъ завести и воскресную, но не говоря о равнодушіи публики и училищнаго начальства, помѣшали этому еще гоненія на школы. „Всѣ онѣ", пишетъ Бекманъ, „едва не были закрыты, кое-какъ отстояли ихъ, но изданы строгія правила, учрежденъ надзоръ и пр. Начальству подлежащему, сколько замѣтно, дано знать подъ рукою, чтобъ оно не очень усердствовало въ дѣлѣ открытія школъ". „Семинарія—положительная дрянь, да и неимовѣрно трудно въ нее проникнуть. Гимназія, сколько я могъ замѣтить, тоже не очень завидна. Вообще Вологда такое болото, грязи преисполненное, какое я съ трудомъ могъ себѣ прежде представить. Тишь, гладь и благодать божія".

Курскъ. Тамъ существуютъ воскресныя школы, но о нихъ я получу извѣстія уже въ отвѣтъ на письмо, которое теперь посылаю.

О Харьковѣ Вы уже знаете.

Каргополь. Недавно получилъ оттуда письмо отъ Завадскаго. Туземцы не выходятъ изъ узаконеннаго штата уѣздн. чиновниковъ. Городничій, „человѣкъ, впрочемъ, самой близорукой доброты", началъ при первомъ же пріемѣ убѣждать Завадскаго, чтобы онъ велъ себя порядочно, а главное, не

---

[1]) То же, что сообщено выше о Пироговѣ, Павловѣ и пр.

пьянствовалъ бы. Дѣло потомъ объяснилось: въ Каргополѣ есть нѣсколько человѣкъ, сосланныхъ за пьянство. Тамошній простой народъ развитѣе харьковскаго, грамотность раопространена, и рѣдкій не бывалъ въ Петербургѣ, не смотря на 700 верстъ. Есть много раскольниковъ.

Получилъ я еще письмо отъ одного изъ своихъ товарищей, Гулевича; съ полгода ѣздилъ онъ по разнымъ мѣстамъ южной Россіи, полгода прожилъ въ Москвѣ и столько же въ Петербургѣ, гдѣ и теперь живетъ. Онъ тоже скептикъ, и скорѣе выругаетъ, нежели похвалитъ; поэтому у меня въ привычку вошло не всегда вѣрить его ругательствамъ, за то ужъ безусловно вѣрить его похваламъ. Вотъ что онъ говоритъ о петербургскомъ и московскомъ университетахъ. „Хожу въ университетъ—слушаю Костомарова, сблизился съ студентами—отличные есть люди. Петербургскій университетъ стоитъ неизмѣримо выше другихъ университетовъ—а странное дѣло, про него совсѣмъ было не слышно, или же ходили самые невыгодные слухи. Какъ посравнить его съ тѣмъ, что видѣлъ въ другихъ университетахъ, особенно съ Харьковскимъ,—выходитъ большая невыгода для этихъ другихъ... То, что называется, напримѣръ, въ Харьковѣ развитіемъ,—просто, игра словъ, или лучше, игра, которою тѣшатся мальчики. Здѣсь видно развитіе,—но оно не кричитъ, заявляетъ о себѣ различными возгласами,—оно видно. Да и профессора здѣсь! Костомаровъ, Кавелинъ, Спасовичъ... Это и ученые и люди, въ благороднѣйшемъ смыслѣ... Особенно утѣшительно видѣть на лекціяхъ много дамъ, а еще утѣшительнѣе, что это не изъ моды, не изъ обычая, какъ иногда случается на ученыхъ собраніяхъ въ Москвѣ,—а изъ жажды знанія. Нѣкоторыя изъ нихъ слушаютъ полный курсъ по какому-нибудь факультету. Все это такъ просто, такъ хорошо, что за себя дѣлается совѣстно, когда этому удивляешься, не видѣвши ничего подобнаго въ другихъ мѣстахъ“. Московскій университетъ. „Это былъ когда то славный университетъ, пріобрѣлъ громкую славу,—и за дѣло, но теперь не то... Въ немъ есть отличные люди, но они живутъ особнякомъ, кружками. Мнѣ пришлось познакомиться съ однимъ кружкомъ, и я нашелъ людей, заслуживающихъ уваженія, хорошихъ людей,—но это капля въ морѣ... Въ общемъ въ университетѣ— сонъ и апатія... Нѣтъ теперь не славное былое,—прошло оно! Можетъ, и еще будетъ, да теперь нѣтъ...“ Сравнивая же Петерб. вообще съ Москвою и говоря, что Петербургъ изъ всѣхъ видѣнныхъ имъ мѣстъ есть наименѣе скверное, онъ приходитъ къ такому заключенію: „Москва передъ Петербургомъ то же, что скверная баба передъ порядочнымъ человѣкомъ“.

Дерптъ. Университетъ и цѣлый Остзейскій край въ жалкомъ состояніи. Это самые вѣрные и честные рабы; за то же ими и довольны въ Питерѣ. Общечеловѣческаго развитія и въ поминѣ нѣтъ; сухая номенклатура знаній усовершенствована. Студенты занимаются только пьянствомъ и дракамв; имъ вовсе незнакомы интересы, преслѣдуемые другими нашими университетами. Конечная цѣль студента-нѣмца—чиновникъ. Оттуда то, а не изъ ученой Германіи, ползетъ на русскую землю эссенція бюрократіи, извѣстная подъ именемъ русскихъ нѣмцевъ. Духовенство тамошнее—гнусные фанатики; хотятъ учредить у себя іерархическую лѣстницу. Впрочемъ, подробныя извѣстія о Дерптѣ будете получать непосредственно.—Адресъ: *Въ Лифляндскую губернію, въ Дерптъ, студенту университета Александру Сергѣевичу Лебедеву,* а не то, *Александру Амфіановичу Тишинскому.* Если еще не получаете постоянныхъ извѣстій изъ Петербурга, то вотъ адресъ: *Въ Петербургъ, на углу Большой*

Морской улицы и Кирпичн. переулка, домъ Жако, № квартиры 36-й Карпу Ивановичу Бѣлозерскому, съ передачей Михаилу Семеновичу Гулевичу—Еще адресы: *Въ Вологду, Якову Николаевичу Бекману, въ канцелярію губернатора.—Въ Каргополь (Олонецкой губерніи), бывшему студенту харьковскаго университета Петру Васильевичу Завадскому.—Въ Курскъ, Митрофану Федоровичу Левченку, редактору губернскихъ вѣдомостей.* (Это тоже одинъ изъ нашихъ товарищей, его тоже возили въ Питеръ и онъ посланъ въ Курскъ на службу.)—Объ адресѣ въ Харьковъ если не написалъ Вамъ Португаловъ, то я право затрудняюсь; на первый разъ вотъ: *Студенту университета Федору Андреевичу Павловскому. На Пескахъ, противъ университетскаго сада, въ собствен. домѣ.* Этотъ студентъ вступилъ со мною въ переписку, не будучи до сихъ поръ знакомъ лично.—Я впрочемъ узнаю о нѣсколькахъ адресахъ въ Харьковѣ разомъ, и удобнѣйшій пришлю Вамъ (если до того времени продержитесь въ Казани).—Объ адресѣ въ Кіевѣ я ужъ совсѣмъ затрудняюсь; или Португаловъ напишетъ Вамъ (и скоро), или я напишу, но послѣ. Пока переписка съ Кіевомъ можетъ идти или черезъ меня, или черезъ Ефименка.—Въ Бирскъ продолжайте писать на мое имя. Врядъ ли я выѣду въ Оренбургъ, хоть и давнымъ давно получилъ на это разрѣшеніе отъ генералъ-губернатора: матеріальныя обстоятельства не позволяютъ, и кой въ какихъ разсчетахъ ошибся. Служба еще проклятая мѣшаетъ многому (я теперь служу въ земскомъ судѣ писцомъ, каждый день просиживать съ 8 и до 2, а иногда до 3 часовъ дня, и съ 6 до 10, иногда до 11 вечера.—времени для дѣла, стало быть, очень не много. Безъ службы-же никакъ не обойдешься, потому что здѣсь нѣтъ ни кондицій, ничего подобнаго.

Правда-ли?

Правда ли, что крестьяне освобождаются безъ земли?

Правда ли, что въ Казани есть слухи, будто бы закрыли кіевскій университетъ за то, что тамошніе студенты освистали высочайшее повелѣніе о томъ, чтобъ не свистать и не апплодировать?

Правда ли, что Струвевское дѣло есть только начало той облавы на широкихъ основаніяхъ, которая затѣвается въ Казани: хотятъ истребить всѣхъ безголовыхъ, и, какъ будущія жертвы, имѣются въ виду: Ландергретъ, Больцани, Дмитріевскій, Блосфельдъ и Зейдерштетъ?

Вашъ М. Муравскій.

P. S. Нельзя ли сюда прислать экземпляръ протеста, посылаемаго отъ воскресныхъ школъ министру?"

Конецъ этого письма испещренъ какими то черточками и точками: это шифръ, предложенный Муравскимъ Манасеину и переданный Петрову.

V.

Какъ только эти письма были присланы въ Петербургъ, Муравскому снова сдѣлали допросъ. Митрофанъ Даниловичъ показалъ, что не знаетъ Манасеина и не писалъ представленныхъ ему писемъ. Тогда же онъ добавилъ: «Въ отвѣтѣ, данномъ мною 13 октября,

высказывая свои убѣжденія о правительствѣ, я второпяхъ употребилъ выраженія, которыя могутъ дать поводъ думать, будто съ моей стороны были дѣйствія или попытки дѣйствовать въ духѣ сказанныхъ убѣжденій. Въ дополненіе къ тому честь имѣю объяснить, что таковыхъ дѣйствій и попытокъ съ моей стороны не было, высказанныя же тамъ убѣжденія составляютъ только теоретическое мнѣніе, котораго я держусь».

Въ тотъ же день, 29 декабря, Муравскому была дана очная ставка съ Завадскимъ. Послѣдній утверждалъ, что приведенныя вначалѣ два письма получилъ отъ Митрофана Даниловича, потому что другихъ знакомыхъ въ Бирскѣ не имѣетъ. Муравскій продолжалъ, всетаки, отрицать свое авторство. Тогда же онъ вторично отказался и отъ писемъ Манасеину, чѣмъ не мало волновалъ комиссію. Его принялись уговаривать не упираться... Въ концѣ концовъ Митрофанъ Даниловичъ сказалъ, что «ежели Манасеинъ уличитъ, что письма писаны имъ, то онъ тогда готовъ сознаться». Рѣшено было вызвать Манасеина.

6 января онъ привезенъ былъ прямо въ казематъ при III Отдѣленіи, а 7-го вызванъ на допросъ. Вячеславъ Авксентьевичъ показалъ, что письма получалъ отъ Муравскаго, но лично его никогда не видалъ. Въ своемъ мало для насъ интересномъ показаніи онъ всячески старался выгородить Муравскаго и всѣ несомнѣнно безцензурныя мѣста его писемъ объяснялъ просто. На вопросъ, откуда у него такая масса нелегальщины, Манасеинъ отвѣчалъ, что покупалъ ее у букиниста. Относительно шифра сказалъ, что раза два пользовался имъ просто такъ, для разнообразія, но ключа въ настоящее время не помнитъ. На очной ставкѣ съ Муравскимъ 8 января Манасеинъ сказалъ, что получалъ письма отъ Муравскаго и писалъ ему отвѣты. Тогда Митрофанъ Даниловичъ сознался въ корреспондированіи и Завадскому и Манасеину.

Пользуясь присутствіемъ Муравскаго и видя, что онъ сталъ немного уступчивѣе, комиссія еще разъ спросила его, что значитъ его выраженіе «общее дѣло», такъ часто употребляемое въ письмахъ. Муравскій написалъ: «Общее дѣло, о которомъ я писалъ въ предъявленныхъ мнѣ письмахъ, имѣетъ своею цѣлью приготовленіе русскаго общества къ тому, чтобы оно со временемъ получило возможность управлять своими дѣлами само. О томъ, чего я могъ въ этомъ отношеніи достигнуть, я нисколько не думалъ, такъ какъ, по моему мнѣнію невозможно въ этихъ случаяхъ разсчитать что нибудь съ точностью напередъ. Сближеніе съ уѣздными учителями и сельскимъ духовенствомъ я находилъ нужнымъ для того, чтобы распространить между солдатами образованіе. Объ учрежденіи тайныхъ почтъ я писалъ въ шутку. Секретную азбуку для переписки я изобрѣлъ на тотъ случай, если бы пришлось говорить въ письмахъ о какихъ нибудь семейныхъ обстоятельствахъ».

Комиссія не была удовлетворена...

9-го января Манасеину позволено было вернуться въ Дерптъ и предписано имѣть за нимъ строгій полицейскій надзоръ.

14 января Муравскій послалъ въ комиссію особое дополнитель-

ное показаніе, которое составилъ, очевидно, понявъ, насколько вѣско можетъ быть его обвиненіе. Вотъ оно полностью:

„Въ дополненіе и объясненіе нѣкоторыхъ моихъ отвѣтовъ, данныхъ мной коммиссіи 13-го октября и 29-го декабря 1862 года и 8-го января 1863 года, и въ отмѣну прочихъ, считаю нужнымъ изложить слѣдующее:

„На многіе вопросы, предложенные мнѣ 13 октября, я не отвѣчалъ потому, что будучи на тотъ разъ въ дурномъ расположеніи духа, не былъ увѣренъ, что дамъ такіе отвѣты, которыми останусь доволенъ самъ. Но не желая, чтобы молчаніе мое приписано было, между прочимъ, тому, что я, изъ страха за себя или по неувѣренности въ собственныхъ убѣжденіяхъ, не осмѣливаюсь обнаружить, какому образу политическихъ дѣйствій сочувствую, я, въ одномъ изъ данныхъ мною тогда отвѣтовъ, счелъ нужнымъ высказать раздѣляемыя мною по этому предмету мнѣнія. Они состоятъ въ томъ, что для Россіи, въ настоящее время, единственное и самое надежное средство выйти изъ своего тяжелаго положенія заключается въ насильственной революціи, такъ какъ изъ дѣйствій правительства видно, что оно, во-первыхъ, не умѣетъ сдѣлать ничего существенно-полезнаго для народа, во-вторыхъ, не хочетъ отказаться отъ своего деспотизма, почему въ самихъ преобравованіяхъ своихъ ограничивается полумѣрами.

„Къ сказаннымъ убѣжденіямъ привели меня слѣдующія дѣйствія правительства, происходившія преимущественно въ 1861 году: стѣсненія университетовъ; стѣсненія воскресныхъ школъ и другихъ частныхъ предпріятій, вліяніе которыхъ на общественное развитіе начинало уже дѣлаться замѣтнымъ; поступки правительства въ Польшѣ; разрѣшеніе крестьянскаго вопроса, несогласное съ справедливыми желаніями крестьянъ; неблаговидныя средства, употребляемыя противъ порядочныхъ людей, напр.—позволеніе нападать въ печати на сочиненія и личности русскихъ политическихъ выходцевъ, съ запрещеніемъ возражать противъ этихъ нападеній, или—слухъ, пущенный въ Москвѣ тамошнею полиціей между простымъ народомъ, въ сентябрѣ или октябрѣ 61-го года, по поводу студентской исторіи,—о томъ, что студенты изъ того бунтуются, что царь у нихъ крестьянъ отбираетъ; боязнь распространить будущее гласное судопроизводство на политическія преступленія; боязливость правительства, доходящая иногда до страннаго, напр.—обязываніе въ 1860-мъ году меня и моихъ товарищей подпиской хранить навсегда въ тайнѣ, подъ опасеніемъ строжайшей отвѣтственности, все, извѣстное намъ о дѣлѣ, по которому были мы подъ слѣдствіемъ, и мѣстѣ, гдѣ содержались во время слѣдствія подъ арестомъ, и проч. На эти и другія, подобныя имъ, дѣйствія я теперь не могу указать съ точностью и подробностью, потому что не имѣлъ нужныхъ для этого матеріаловъ.

„Не желая 13 октября, по объясненной уже причинѣ, отвѣчать на многіе вопросы, я тогда не имѣлъ намѣренія отвѣчать и въ томъ случаѣ, если бы меня спросили, не было ли съ моей стороны какихъ либо дѣйствій или попытокъ дѣйствовать въ духѣ выраженныхъ здѣсь убѣжденій. Объясняя это комиссіи въ томъ же отвѣтѣ, въ которомъ высказалъ и эти убѣжденія, я, въ торопяхъ, употребилъ выраженія не довольно ясныя; поэтому, относительно подлиннаго смысла того отвѣта, прошу коммиссію руководствоваться настоящимъ моимъ показаніемъ.

Никакихъ подобныхъ дѣйствій и попытокъ дѣйствовать съ моей сто-

роны не было. Составляя не болѣе, какъ теоретическое мнѣніе, котораго я держусь теперь, но которое могу перемѣнить потомъ, что, конечно, зависитъ не отъ моего личнаго произвола, а отъ того, каковы будутъ дальнѣйшія дѣйствія правительства, убѣжденія эти—считаю долгомъ это сказать—касаются меня одного и не имѣютъ ничего общаго съ перепиской, которую я, находяся въ Оренбургской губерніи, велъ съ своими товарищами, жившими въ другихъ мѣстахъ.

„Въ этой перепискѣ я не сознавался не потому, чтобы она имѣла въ себѣ что нибудь противное существующимъ законамъ, а потому, что, будучи арестованъ, все равно, по важному ли дѣлу, или неважному, или безо всякаго дѣла, а только по подозрѣнію въ немъ, я не хотѣлъ назвать лицъ, съ которыми былъ въ сношеніяхъ. Но убѣдясь, что дальнѣйшее мое молчаніе можетъ только дать поводъ къ ложнымъ подозрѣніямъ относительно нашей переписки, я рѣшился сознаться въ ней; и въ доказательство, что запрещеннаго она въ себѣ не имѣла ровно ничего, объяснить ея содержаніе со всей искренностью и откровенно изложить относящіяся къ дѣлу обстоятельства моего пребыванія въ Оренбургской губерніи.

„По пріѣздѣ моемъ въ іюлѣ 1860 года въ Оренбургскую губернію, первые восемь мѣсяцевъ я прожилъ въ Бирскѣ. Большую часть времени приходилось мнѣ употреблять на служебныя занятія; знакомства были у меня только офиціальныя—другихъ я не пріобрѣталъ: участвовать въ воскресной школѣ, заведенной тамошними уѣздными учителями и скоро прекратившейся, а также въ попыткѣ ихъ устроить въ Бирскѣ постоянныя литературныя чтенія, тоже неудавшейся, я не только не могъ, но и не хотѣлъ: не могъ по неимѣнію времени, не хотѣлъ для того, чтобъ не компрометировать этихъ предпріятій въ глазахъ начальства, такъ какъ я состоялъ подъ надзоромъ полиціи; такимъ образомъ, въ свободное отъ службы время, я ничего другаго не могъ дѣлать, какъ только читать что попадалось подъ руку или гулять по городу. Съ марта 1861 года до самаго дня моего ареста я постоянно жилъ въ Оренбургѣ, куда позволено было мнѣ переѣхать для поправленія здоровья и гдѣ время проходило у меня такъ-же точно, какъ въ Бирскѣ. Вотъ все, что я имѣю сказать объ обстоятельствахъ моего пребыванія въ Оренбургской губерніи.

„Такое однообразіе заставило меня вступить, для развлеченія отъ скуки, въ переписку съ товарищами. Чаще другихъ переписывался я съ Левченкомъ, будучи съ нимъ въ болѣе короткихъ отношеніяхъ, нежели съ прочими: изрѣдка писалъ къ г. г. Бекману, Завадскому, Ефименку, Манасеину, иногда получалъ отъ нихъ отвѣты. Что касается прочихъ лицъ, фамиліи которыхъ названы въ моихъ письмахъ, то вся моя переписка съ нѣкоторыми изъ нихъ, напр. съ г. г. Ивковымъ, Тищинскимъ и др., заключалась въ одномъ и очень рѣдко въ двухъ письмахъ отъ одного къ другому, написанныхъ какъ-нибудь случайно, и до того неинтересныхъ, что о нихъ скоро и забывалось; остальные же не имѣли со мною никакой переписки, и о нихъ упоминается въ моихъ письмахъ только какъ объ общихъ нашихъ знакомыхъ, и знакомыхъ отдаленныхъ, иногда же просто какъ о землякахъ, даже и незнакомыхъ съ нами.

„Изложивъ, съ какими лицами я имѣлъ переписку, объясню теперь ея содержаніе. Мои товарищи писали мнѣ о томъ, какъ они проводятъ время, описывали мѣста своего пребыванія и сообщали о такихъ мѣстныхъ ново-

стяхъ, которыя не составляютъ ничьей тайны, напр.:—Левченко—о назначеніи въ Курскъ новаго губернатора; г. Ефименко—о проектѣ учрежденія общества для распространенія грамотности и полезныхъ свѣдѣній, представленномъ изъ Перми нѣкоторыми лицами на разрѣшеніе правительства; г. Завадскій—о посѣщеніи Каргополя, кажется, бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія, г. Ковалевскимъ; г. Манасеинъ—о предположеніи нѣкоторыхъ казанскихъ жителей просить правительство дозволить имъ завести у себя общество для распространенія грамотности въ народѣ; г. Бекманъ—о назначеніи въ Вологду новаго губернатора; и т. п. Я писалъ имъ о себѣ, о Бирскѣ и Оренбургѣ, о мѣстныхъ новостяхъ (напр., объ открытіи воскресной школы въ Бирскѣ), объ общихъ знакомыхъ, о землякахъ, о новостяхъ изъ другихъ мѣстъ (напр., изъ Перми—о проектѣ устройства общества для распространенія грамотности и пр., изъ Вологды—о новомъ губернаторѣ, Каргополя—о г. Ковалевскомъ, и пр.).

„Въ письмахъ моихъ къ г. г. Завадскому и Манасеину встрѣчаются иногда сбивчивыя мѣста, для нихъ совершенно понятныя, но могущія, относительно подлиннаго своего смысла, ввести въ заблужденіе того, кто не знакомъ съ моими привычками выражаться, особенно въ частныхъ письмахъ, составляемыхъ наскоро. Поэтому считаю необходимымъ со всей точностью разобрать всѣ эти мѣста и съ полнымъ чистосердечіемъ открыть комиссіи подлинный ихъ смыслъ.

„Въ одномъ изъ этихъ мѣстъ говорится, что казанскіе студенты, когда правительсто запретило преподавать въ воскресныхъ школахъ географію, естественныя науки и русскую исторію, стали этому обучать народъ у себя по квартирамъ; въ другомъ,—что у меня есть нѣкоторыя сочиненія Искандера; въ третьемъ—что и въ Бирскѣ можетъ водвориться искандеровскій элементъ; въ четвертомъ—что на меня производитъ самое пріятное впечатлѣніе мысль о томъ, что придется-же когда нибудь встрѣтиться съ г. Лужинымъ (бывшимъ харьковскимъ губернаторомъ); въ пятомъ—что о петербургской студентской исторіи, бывшей въ сентябрѣ 61-го года, слѣдуетъ вездѣ трубить; въ шестомъ—что такія открытыя и недвусмысленныя дѣйствія, какъ польскія демонстраціи, крестьянскія волненія, студентскія исторіи, адресы Владимирскаго, Тверского и Московскаго дворянства, стремятся къ цѣли прямой дорогой, а дѣйствія посредствомъ распространенія въ народѣ образованія ведутъ къ ней окольнымъ путемъ.

„Что казанскіе студены обучали народъ у себя по квартирамъ,—это одинъ изъ тѣхъ нелѣпыхъ слуховъ, которыми такъ богаты маленькіе глухіе города, и которые часто появлялись въ Бирскѣ. Точно такъ-же, въ первое время по пріѣздѣ моемъ въ Бирскъ, между его жителями прошла молва, что я держу у себя „разныя сочиненія какого то лондонскаго мятежника Искандера, которыя похитилъ въ третьемъ отдѣленіи“; молва эта скоро однако-же прекратилась, вѣроятно потому, что квартира моя никогда не запиралась, и меня часто не было дома, такъ что всякій любопытствующій могъ удостовѣриться, что никакихъ запрещенныхъ сочиненій у меня нѣтъ. Объ этихъ слухахъ я писалъ единственно для того, чтобы показать, какъ легковѣрны бирскіе жители. По поводу этого послѣдняго слуха о сочиненіяхъ Искандера я, въ насмѣшку надъ бирскими жителями, и выразился о нихъ, что, пожалуй, и между ними водворится искандеровскій элементъ, если они такъ бредятъ Искандеромъ. Говоря объ удовольствіи, которое доставила бы мнѣ встрѣча съ

г. Лужинымъ, хотѣлъ сказать, что, несмотря на все мое отвращеніе къ г. Лужину, даже и съ нимъ было бы мнѣ пріятно встрѣтиться, такъ какъ встрѣча эта могла бы произойти только въ томъ случаѣ, когда бы я былъ свободенъ. Что о петербургской исторіи слѣдуетъ трубить, это значитъ—о ней слѣдуетъ напечатать въ газетахъ (что и было сдѣлано по распоряженію правительства). Смыслъ мѣста, приводимаго далѣе, состоитъ въ слѣдующемъ: въ волненіяхъ и демонстраціяхъ, происходившихъ въ Россіи и Польшѣ въ 1861 году, часть русскаго народа и весь польскій народъ открыто и совершенно ясно—заявили желаніе немедленнаго осуществленія тѣхъ цѣлей, къ которымъ они стремятся, т. е. гражданскаго и государственнаго самоуправленія и народной независимости, и къ достиженію которыхъ немедленнымъ путемъ ведетъ распространеніе въ народѣ образованія. Изъ этихъ словъ, высказанныхъ мной въ письмѣ къ г. Завадскому совершенно случайно, можно видѣть только то, вѣрно или невѣрно понялъ я движеніе, бывшее въ 61 году, но отнюдь нельзя заключать, какимъ именно политическимъ дѣйствіямъ я сочувствую или не сочувствую. — Еще какъ то въ письмѣ къ г. Манасеину я употребилъ въ насмѣшливомъ смыслѣ выраженіе „вѣрноподданный"; здѣсь я понималъ ложное вѣрноподданничество, свойственное людямъ, до такой степени отсталымъ и недалекимъ, что они даже въ тѣхъ преобразованіяхъ, неизбѣжность которыхъ признало само правительство, видятъ нѣчто опасное дя существующаго порядка; подобнымъ образомъ употребляется иногда въ видѣ насмѣшки и слово „либералъ",—т. е. ложный либералъ, либералъ изъ моды.

„Кромѣ того, въ письмахъ моихъ встрѣчается иногда выраженіе „общее дѣло" и говорится о необходимости учрежденія тайныхъ почтъ, сближенія съ уѣздными учителями, сельскимъ духовенствомъ, войскомъ, и о томъ, что я изобрѣлъ секретную азбуку для переписки. Хоть я уже обо всемъ этомъ далъ объясненіе комиссіи въ отвѣтѣ моемъ 8-го генваря, но нѣкоторыя мѣста этого отвѣта, будучи выражены не полно и не довольно опредѣленно, могутъ быть поняты не въ томъ смыслѣ, какой въ нихъ долженъ заключаться; поэтому считаю нужнымъ сдѣлать имъ особое разъясненіе и дополненіе.

Выраженіе „общее дѣло" я употреблялъ въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ употребляется оно и въ печати, т. е., подъ этимъ названіемъ я понималъ всю ту общественную дѣятельность, которой правительство теперь не преслѣдуетъ, и которая имѣетъ цѣлью настолько улучшать собственныя дѣла общества, насколько это будетъ дозволяться правительствомъ. Если я въ письмахъ къ г.г. Завадскому и Манасеину и говорилъ иногда объ этомъ „общемъ дѣлѣ", то вовсе не какъ человѣкъ, въ немъ участвующій, а упоминалъ о немъ просто потому, что приходилось къ слову, и въ томъ смыслѣ, какъ о томъ могутъ говорить между собою люди, стоящіе отъ этой дѣятельности въ сторонѣ. Слѣдовательно, я не только не думалъ, но и повода не имѣлъ думать о томъ, чего я могъ бы въ этомъ отношеніи достигнуть, тѣмъ болѣе, что и вообще въ этомъ случаѣ трудно опредѣлить что нибудь съ точностію напередъ.

О необходимости сближенія съ уѣздными учителями и сельскимъ духовенствомъ я писалъ въ томъ смыслѣ, что бытъ ихъ, съ которымъ я, поживши въ уѣздномъ городѣ, имѣлъ случай нѣсколько познакомиться, хотя очень мало, такъ какъ видѣлъ его только со стороны, стоитъ того, чтобы къ нему присмотрѣться поближе: до сихъ поръ онъ весьма немного извѣстенъ въ об-

ществѣ и почти не тронутъ въ литературѣ, а между тѣмъ знакомство съ нимъ могло бы оказать помощь въ разъясненіи причинъ, почему большинство уѣздныхъ учителей и сельскихъ священниковъ отличается такимъ равнодушіемъ къ исполненію своихъ обязанностей и не умѣетъ заслужить уваженія въ обществѣ.

Что касается до сближенія съ войскомъ, то, говоря о необходимости этого сближенія, я имѣлъ въ виду исключительно башкирское войско, и желаніе, чтобы башкиры сближались съ русскими, такъ какъ черезъ это между первыми могли бы распространяться, неизвѣстныя имъ теперь, свѣдѣнія, необходимыя въ домашнемъ и сельско-хозяйственномъ быту, и вообще, это сближеніе, знакомя башкиръ съ народомъ, болѣе ихъ образованнымъ, облегчило бы хлопоты башкирскаго начальства о распространеніи образованія между чинами этого войска.

„Объясненіе относительно тайныхъ почтъ и секретной азбуки я оставляю прежнее, безо всякой перемѣны:—о тайныхъ почтахъ я писалъ шутя, секретную азбуку изобрѣлъ на случай, если бы въ письмахъ пришлось говорить о семейныхъ обстоятельствахъ; относительно же прочаго, только что изложеннаго, прошу комиссію имѣть въ виду настоящее мое объясненіе, а не то, которое мною дано 8-е генваря.

Изъ всего изложеннаго видно, что письма, которыя мы писали одинъ къ другому единственно для развлеченія отъ скуки, не имѣютъ въ себѣ ровно ничего, противнаго даже постановленіямъ цензуры, хотя вовсе не были назначены къ печати, и что свои письма я составлялъ въ духѣ убѣжденій, совершенно противуположныхъ тѣмъ, которыя высказалъ въ началѣ этого показанія,—иначе я и не долженъ былъ поступить, если не хотѣлъ, чтобы моя переписка прекратилась; къ этимъ объясненіямъ прибавить болѣе ничего не имѣю, такъ какъ въ моихъ письмахъ нѣтъ болѣе ничего, могущаго возбудить подозрѣніе и потому требующаго разъясненія.

При этомъ честь имѣю просить комиссію возвратить мнѣ взятыя у меня при обыскѣ 1-го февраля 1860 года мои бумаги, не относящіяся къ дѣлу, и все, что было у меня взято 12 сентября 1862 года, такъ какъ въ числѣ этого послѣдняго запрещеннаго нѣтъ ничего. Въ числѣ бумагъ, взятыхъ у меня въ 1860-мъ году, есть письма, которыя я получилъ отъ своего товарища по гимназіи, студента петербургскаго университета, Сорокина, умершаго въ 1859-мъ году, и отъ студента харьковскаго университета Левченка, умершаго въ концѣ 61-го года; будучи съ тѣмъ и другимъ очень близокъ, я покорнѣйше прошу комиссію возвратить мнѣ и эти письма, тѣмъ болѣе, что въ нихъ, несмотря на нѣкоторую небрежность и неотдѣланность въ выраженіяхъ, нѣтъ ничего слишкомъ либеральнаго, а къ дѣлу они нимало не относятся, такъ какъ ни Сорокинъ, ни Левченко въ бывшемъ у насъ въ 1856-мъ году тайномъ обществѣ не участвовали и ничего о немъ не знали.

Митрофанъ Муравскій,

бывшій студентъ харьковскаго университета, содержащійся въ Петропавловской крѣпости.

1863 года, 14-го генваря.

Теперь комиссія видѣла, что больше она отъ Муравскаго ничего не узнаетъ, и потому въ засѣданіи 18 января 1863 года постановила просить высочайшаго соизволенія на передачу дѣла въ се-

натъ, и на учрежденіе за Завадскимъ, Ефименкомъ, Праотцевымъ, Лебединскимъ, Воронковымъ, Дроздовымъ, Тринклеромъ, Тищинскимъ, Макавѣевымъ, Ильиной, Гаршиной и Распутинымъ строгаго полицейскаго надзора. Александръ II, разумѣется, соизволилъ.

VI.

14 февраля Муравскій былъ вызванъ въ сенатъ, въ присутствіе I отдѣленія 5 департамента, состоявшаго тогда изъ первоприсутствующаго Корніолинъ-Пинскаго, сенаторовъ Веневитинова, Лукаша, Бера и оберъ-прокурора Чемадурова.

Затѣмъ сенатъ приступилъ къ очень неторопливому слушанію всего дѣла. 15 мая онъ сличилъ шифръ Муравскаго съ шифромъ взятымъ по дѣлу о «лицахъ, обвиняемыхъ въ сношеніи съ лондонскими пропагандистами» у Налбандяна и не нашелъ между ними ничего общаго.

Только 18 іюля было готово опредѣленіе. Привожу его со значительными сокращеніями, потому что избѣгаю повтореній сказаннаго выше.

„Разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла сего, Правительствующій сенатъ находитъ, что исключенный изъ числа студентовъ Харьковскаго университета за неприличные поступки Митрофанъ Муравскій въ 1860 году по дѣлу о студентахъ Харьковскаго тайнаго общества по Высочайшему повелѣнію высланъ былъ въ г. Бирскъ Оренбургской губерніи и потомъ, по прошенію, переведенъ въ Оренбургъ, гдѣ и состоялъ на службѣ писцомъ при областномъ правленіи Оренбургскими киргизами. Во время проживанія его въ послѣднихъ двухъ городахъ онъ вошелъ въ переписку какъ съ бывшими своими по университету товарищами, такъ и съ другими лицами, ему до того незнакомыми, а именно: съ бывшимъ харьковскимъ студентомъ Завадскимъ, высланнымъ въ г. Каргополь (Олонецкой губерніи), съ студентомъ Дерптскаго университета Манассеинымъ, съ Ефименко, бывшимъ студентомъ Кіевскаго университета, находящимся подъ надзоромъ полиціи въ г. Онегѣ (Архангельской губерніи), потомъ переведеннымъ въ г. Красноуфимскъ (Пермской губерніи), съ Бекманомъ, проживающимъ въ Вологдѣ, съ Левченкомъ, редакторомъ губернскихъ вѣдомостей въ Курскѣ, съ Гулевичемъ, проживающимъ въ С.-Петербургѣ, съ Пертугаловымъ, бывшимъ студентомъ харьковскаго университета и другими. Переписку эту онъ велъ такимъ образомъ, что, получая свѣдѣнія изъ однихъ городовъ, сообщалъ оныя въ другіе города, присовокупляя свои мысли и замѣчанія одинаковаго содержанія или въ томъ же смыслѣ многимъ лицамъ, такъ напр. въ письмахъ Завадскому и Манассеину онъ писалъ о томъ, что дѣлается въ Харьковѣ, Казани, Дерптѣ, Уфѣ, Перми и проч. Предметъ переписки его заключалъ въ себѣ, по преимуществу, учрежденіе вездѣ, гдѣ только можно, воскресныхъ школъ, литературныхъ собраній и вообще въ распространеніи въ народѣ грамотности. Но все это, какъ видно изъ содержанія писемъ его, было для него не цѣлію, а средствомъ развитія какого то, по выраженію его, общаго дѣла. Кромѣ сего, въ письмахъ его часто проявляются выраженія, доказывающія противуправительственное направленіе его.

Изъ паспорта объ отставкѣ Муравскаго, выданнаго въ 1862 году, видно, что онъ 25 лѣтъ, изъ дворянъ. По исключеніи за неприличные поступки изъ студентовъ университета, поступилъ на службу въ областное правленіе Оренбургскими киргизами писцомъ и въ 1862 году уволенъ по болѣзни въ отставку. Разсмотрѣвъ всѣ вышеизложенныя обстоятельства дѣла сего, Правительствующій сенатъ находитъ, что переписка Муравскаго съ Завадскимъ и Манассеинымъ, выше сего изложенная, вполнѣ характеризуетъ сего подсудимаго Въ ней выражается стремленіе его къ какой-то цѣли, или, какъ онъ говоритъ, къ общему дѣлу, враждебное распоряженіямъ правительства, которыя онъ порицаетъ и надъ которыми издѣвается. Такимъ образомъ онъ представляется личностью, сознательно преступною въ своихъ убѣжденіяхъ. Хотя послѣ продолжительнаго и упорнаго запирательства въ перепискѣ сей, онъ и сознался наконецъ въ оной, но и сознаніе его представляется неискреннимъ, ибо, стараясь разъяснить предъ комиссіею нѣкоторыя мѣста въ перепискѣ своей, которыя онъ называетъ сбивчивыми, онъ старается смягчить преступныя выраженія, въ ней заключающіяся, и даже измѣнить смыслъ ихъ. Такимъ образомъ а) то мѣсто письма, гдѣ онъ положительно говоритъ, что надо ввести въ Бирскѣ искандеровскій элементъ, онъ объясняетъ такъ, что будто бы въ насмѣшку надъ бирскими жителями писалъ, что пожалуй и между ними водворится искандеровскій элементъ; б) въ письмѣ къ Манассеину онъ положительно и ясно писалъ, что о Петербургской исторіи (университетской) слѣдуетъ трубить, разумѣется, и съ нужными комментаріями, а въ объясненіи онъ изложилъ, что подъ словомъ трубить онъ разумѣлъ—напечатать въ газетахъ; в) разъясняя то мѣсто въ перепискѣ своей, гдѣ онъ въ видѣ угрозы правительству говоритъ самъ, что уже теперь время открытыхъ, а не двусмысленныхъ дѣйствій, онъ совершенно извращаетъ смыслъ этого выраженія; ибо объясняетъ, что это писалъ онъ о мнѣніи отчасти русскаго и всего польскаго народа по поводу случившихся демонстрацій; г) не разъ употребленное имъ слово вѣрноподданническій онъ объясняетъ тѣмъ, что употребилъ оное въ насмѣшку надъ ложнымъ вѣрноподданничествомъ, тогда какъ въ письмахъ его слово вѣрноподданническій употреблено въ насмѣшку не надъ ложнымъ вѣрноподданничествомъ, а въ общемъ смыслѣ приданъ самому выраженію насмѣшливый тонъ; ибо онъ объясняя, что Щаповъ профессоръ не вѣрноподданническій, продолжаетъ: „студентовъ въ воскресныхъ школахъ замѣнили бы монахами и квартальными“, изъ этого толкованія его выходитъ заключеніе, что по его понятіямъ истинно вѣрноподданные студенты, а ложные вѣрноподданные монахи и квартальные. Говоря о литературныхъ собраніяхъ въ Бирскѣ и о участвующихъ въ воскресныхъ школахъ, онъ объясняетъ, что въ нихъ есть и православно-вѣрноподданническіе элементы. Это по преимуществу священникъ Касимовскій. Къ счастію, онъ человѣкъ глупый, и ему, какъ говорится, Богъ словесности не далъ.“ Такое выраженіе явно доказываетъ язвительно насмѣшливый и преступный взглядъ Муравскаго на вѣрноподданничество вообще; д) выраженіе часто употребляемое имъ „Общее дѣло“, онъ объясняетъ тѣмъ, что подъ нимъ разумѣлъ онъ общественную дѣятельность, стремящуюся къ улучшенію собственныхъ дѣлъ общества, тогда какъ во всѣхъ мѣстахъ писемъ его, гдѣ употреблено имъ это выраженіе кроется какая то затаенная, противуправительственная цѣль, а отнюдь не общественная дѣятельность, стремящаяся къ благосостоянію какъ всего государства, такъ и отдѣльныхъ членовъ его наконецъ е) разъясняя

желаніе свое сблизиться съ войскомъ, онъ объяснилъ, будто бы подъ этимъ разумѣлъ только башкирское войско, тогда какъ въ самой перепискѣ нѣтъ ни одного слова о башкирскомъ войскѣ.

Обращаясь за симъ къ дѣйствіямъ Муравскаго во время производства о немъ слѣдствія, Правительствующій сенатъ находитъ, что онъ, объявляя Комиссіи убѣжденія свои, дозволилъ себѣ дерзостно порицать священную особу Государя Императора, выразивъ свое мнѣніе такимъ образомъ: „что отъ русскаго правительства (подъ именемъ котораго онъ понимаетъ Императора и всѣ нынѣ существующія власти) подвластныя ему національности не должны ожидать никакихъ существенно полезныхъ преобразованій, такъ какъ правительство не имѣетъ ни способности, ни желанія сдѣлать что нибудь подобное для народа.“ Итакъ, подсудимый Муравскій, по содержанію переписки его, смыслъ и стремленіе коей, при выраженныхъ имъ убѣжденіяхъ, явно имѣли цѣлію ниспроверженіе правительства, и по употребленнымъ имъ дерзкимъ выраженіямъ противъ священной особы самого Государя Императора, оказывается сознательно преступникомъ государственнымъ. Опредѣливъ характеръ преступленій Муравскаго и обращаясь къ роду и виду оныхъ, Сенатъ находитъ 1) что дѣйствія Муравскаго, выраженныя въ перепискѣ его съ товарищами, должны быть признаны злоумышленіемъ, имѣвшимъ цѣлію возбудить къ бунту противъ власти верховной, но какъ послѣдствіемъ этихъ дѣйствій не было не только самаго бунта, но и дѣйствительнаго покушенія на оный, то по мнѣнію Правительствующаго сената означенныя дѣйствія Муравскаго составляютъ только приготовленіе и начало покушенія къ возбуж. денію бунта, за что онъ долженъ быть подвергнутъ наказанію, во 2 част. 285 ст. кн. 1 том. XV Св. Зак. угол. изъясненному, и 2) за выраженные имъ въ данныхъ слѣдственной комиссіи показаніяхъ дерзкіе отзывы о личныхъ качествахъ Государя Императора и объ управленіи его государствомъ, безъ злоумышленнаго впрочемъ распространенія оныхъ, какъ за преступный умыслъ, Муравскій, на основаніи 2 част. 279 ст. того же тома, долженъ быть подвергнутъ тому же наказанію, какъ и за предыдущее преступленіе. По упорному въ первоначальныхъ показаніяхъ запирательству подсудимаго, по неискренности данныхъ имъ и при самомъ сознаніи отвѣтовъ (141 ст. того же тома) и, наконецъ по совокупности преступленій (165 ст.) Муравскій долженъ быть подвергнутъ высшей мѣрѣ наказанія, по закону ему слѣдующаго, со смягченіемъ онаго сообразно правиламъ, въ Высочайшемъ указѣ 17 апрѣля сего года изъясненнымъ. Въ сихъ соображеніяхъ и на основаніи вышеприведенныхъ узаконеній Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: подсудимаго отставнаго канцелярскаго служителя изъ дворянъ Митрофана Муравскаго, 25 лѣтъ, лишивъ нѣкоторыхъ особенныхъ, по ст. 54 улож., правъ и преимуществъ, заключить въ крѣпость на два года и восемь мѣсяцевъ съ послѣдствіями, въ 55 ст. Улож. изъясненными, и затѣмъ предоставить г. министру Внутреннихъ Дѣлъ, по освобожденіи Муравскаго изъ крѣпости, сдѣлать распоряженіе о возвращеніи его обратно на жительство въ Оренбургскую губернію подъ строгій полицейскій надзоръ. О чемъ, предварительно исполненія, согласно 617 ст. том. XV, кн. 2, донести Его Императорскому Величеству и ожидать утвержденія.“

Какъ и требовалось закономъ, опредѣленіе было передано въ государственный совѣтъ. Тотъ, конечно, согласился со всѣмъ и 5 но-

ября получилъ на свое единогласное мнѣніе резолюцію—«быть по сему».

19 ноября приговоръ былъ объявленъ Муравскому въ засѣданіи сената, а 4 декабря онъ былъ отправленъ въ распоряженіе тобольскаго приказа о ссыльныхъ...

Такъ заканчивалась молодость «отца Митрофана», сосланнаго въ Александровскій заводъ Нерчинскаго округа.

Интересующіеся послѣдующею его жизнью найдутъ кое-какія свѣдѣнія въ письмѣ Муравскаго, напечатанномъ во второмъ выпускѣ «Былого» В. Л. Бурцева (изд. «Русской Исторической Библіотеки», Ростовъ-на-Дону), и въ указанной брошюрѣ г-жи Брешковской.

Мих. Лемке.

Письмо В. К. Плеве графу М. Т. Лорисъ-Меликову.

Милостивый Государь Графъ Михаилъ Таріеловичъ.

На послѣднее письмо Вашего Сіятельства, замедливъ отвѣтомъ, спѣшу принести оправданіе, заключающееся въ томъ, что въ виду дошедшихъ до меня свѣдѣній о Вашихъ предположеніяхъ оставить Висбаденъ для болѣе южной мѣстности, я ожидалъ времени, когда эти предположенія осуществятся, съ тѣмъ, чтобы мое письмо застало Васъ, Графъ, въ новомъ мѣстопребываніи Вашемъ.

Къ тому же мнѣ хотѣлось сообщить Вамъ болѣе опредѣленныя свѣдѣнія о подробностяхъ постановки на судъ того дѣла, которымъ Вы изволили интересоваться, такъ какъ о постановкѣ этой слѣдовало озаботиться въ виду тѣхъ инсинуацій, которыми не стѣснялись пользоваться тѣ, которые видѣли въ Вашей государственной дѣятельности помѣху осуществленію своихъ своекорыстныхъ цѣлей и желали сдѣлать невозможною даже мысль о новомъ призваніи Васъ къ ней.

Вамъ, Графъ, конечно, не тайна, кто эти лица. Не должно быть также и тайной, что работая противъ прошедшаго, носившаго, по ихъ мнѣнію, и зачатки возможнаго будущаго, они работали также и противъ настоящаго, которое обмануло, повидимому, ихъ ожиданія. Поэтому разоблаченіе всѣхъ махинацій было не только требованіемъ справедливости, но и дѣломъ самообороны. Заключались же онѣ, главнымъ образомъ, въ указаніяхъ 1) на то, что Графомъ Тотлебеномъ были доставлены изъ Одессы положительныя свѣдѣнія, а именно, что рѣшительное покушеніе на жизнь усопшаго Государя будетъ произведено на Малой Садовой, каковое сообщеніе затѣмъ умышленно игнорировалось, и 2) на послѣдовавшее будто бы со стороны Вашей воспрещеніе производить какіе бы то ни было обыски въ Петербургѣ. Источникомъ перваго указаны были разсказы Панютина со ссылкой на присланную изъ Одессы въ Январѣ 1880 года тетрадку съ тѣми данными, которыя были почерпнуты отъ Гольденберга, ранѣе его сознанія, подсаженными къ нему агентами, и въ которой, между прочимъ, значилось, что соціалисты думаютъ воспользоваться для покушенія обычными поѣздками Государя въ Михайловскій манежъ именно по Малой Садовой; второе же обвиненіе вышло изъ дома Градоначальника и на немъ конечно будетъ построено оправданіе Фурсова на судѣ, покровители котораго обращались даже къ Зурову съ просьбой выдать имъ письменное удостовѣреніе о томъ, что будто бы въ смыслѣ воспрещенія безусловнаго обысковъ послѣдовало одно изъ первыхъ Вашихъ приказаній по Петербургской полиціи, въ чемъ Зуровымъ однако было наотрѣзъ отказано. Для того, чтобы

окончательно разбить подобную систему защиты, Муравьевъ, мой преемникъ по прокуратурѣ, вызываетъ въ качествѣ свидѣтеля на судъ Добржинскаго который, какъ неоднократный посредникъ между Вами и сыскной полиціей, присяжнымъ показаніемъ, подкрѣпленнымъ массою фактовъ и документовъ, разсѣетъ ложь, возстановивъ въ истинномъ свѣтѣ Ваши распоряженія, въ которыхъ Вы желали всегда согласовать интересы общественнаго порядка съ заботами объ успокоеніи раздраженнаго неселенія. Я думаю, что на судѣ истина къ посрамленію клеветниковъ выяснится вполнѣ.

Затѣмъ, пожелавъ Вашему Сіятельству скораго и полнаго возстановленія Вашего здоровья, прошу вѣрить чувствамъ глубочайшаго уваженія и почтительной преданности Вашего покорнѣйшаго слуги **Вячеслава Плеве.**

С.-Петербургъ 14 октября 1881 года.

Незабвенныя мысли незабвенныхъ людей.

(Изъ исторіи реакціи 60-хъ годовъ).

Послѣ выстрѣла Каракозова 4-го апрѣля 1866 г. правительство, какъ извѣстно, рѣзко порвало со своей „реформаторской“ дѣятельностью и даже принялось съ непомѣрнымъ усердіемъ урѣзывать тѣ реформы, которыя уже успѣли увидать свѣтъ.

Вслѣдъ за покушеніемъ, при первыхъ же слухахъ объ открытіи огромнаго заговора, Александръ II, къ великой радости успѣвшей поднять голову реакціи, уже 13 мая 1866 г. издалъ свой знаменитый рескриптъ на имя вице-предсѣдателя Государственнаго Совѣта князя П. П. Гагарина, въ которомъ онъ намѣчалъ „новые пути“ для шествованія правительства.

Для подробной разборки этихъ „путей“ и вытекавшихъ изъ рескрипта мѣропріятій тотчасъ же была учреждена особая комиссія, въ составъ которой вошли главные „столпы“ реакціи, именно: прославившійся своимъ „успокоеніемъ“ сѣверо-западнаго края графъ М. Н. Муравьевъ, шефъ жандармовъ графъ П. А. Шуваловъ, министръ народнаго просвѣщенія графъ Д. А. Толстой, государственный „дѣятель“, непопулярнѣе котораго кажется трудно было найти даже въ то время, министръ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевъ, министръ государственныхъ имуществъ А. А. Зеленой, князь В. А. Долгоруковъ и графъ В. Н. Панинъ.

Для лучшаго ознакомленія съ положеніемъ дѣлъ, комиссія, кромѣ Высочайшаго рескрипта, приняла къ свѣдѣнію еще и докладную записку, представленную Александру II предсѣдателемъ слѣдственной комиссіи по дѣлу Каракозова Муравьевымъ о тѣхъ выводахъ, къ которымъ пришла слѣдственная комиссія, и о тѣхъ мѣрахъ, которыя правительство должно немедленно предпринять, чтобы избѣжать грозящей ему ужасной катастрофы [1]).

Такъ какъ эта „записка“, до сихъ поръ еще нигдѣ неопубликованная, представляетъ собой чрезвычайно цѣнный матеріалъ для исторіи реакціи шестидесятыхъ годовъ, мы и приводимъ ее здѣсь полностью.

Вотъ она:

„Покушеніе 4 апрѣля 1866 года выказало два факта:

1) что подъ внѣшностью общаго спокойствія и порядка нѣкоторые слои общества подвергаются разрушительнымъ дѣйствіямъ вредныхъ элементовъ,

---

[1]) Эта записка собственно и легла въ основу рескрипта 13 мая, повторяющаго почти буквально всѣ положенія Муравьева, и потому она пріобрѣтаетъ для историка особенный интересъ.

выпускаемыхъ отчасти изъ извращенныхъ ученыхъ и учебныхъ заведеній. Элементы эти, проникнутые самымъ крайнимъ соціализмомъ, невѣрящіе ничему, *считающіе Бога, Государя и весь существующій порядокъ за предразсудки*, образуютъ себѣ приверженцевъ, распространяющихъ въ народѣ вредныя теоріи, и создаютъ, какъ теперь выясняется, обширную сѣть, обнимающую не только обѣ столицы, но и губерніи.

2) что впечатлѣніе, произведенное отвратительнымъ покушеніемъ на всѣ классы населенія, было столь живо, что показало всю громадность силы, располагаемой Государемъ, силы, которою должно серьезно воспользоваться для искорененія язвы, точащей общество и которой преступникъ не болѣе, какъ ранній плодъ, избранный Провидѣніемъ для того, чтобы указать Россіи на угрожавшую ей въ близкомъ будущемъ опасность.

Когда все общество издаетъ крикъ въ такую важную минуту, какъ 4 апрѣля, то заботливое правительство должно обратить на него все свое вниманіе, должно услышать его, разгадать и воспользоваться имъ. Въ крикѣ этомъ слышались три главныхъ заявленія:

„Нѣтъ власти, власть потрясена“.

Надо поэтому *вновь воспріять* ускользнувшую власть.

Второе заявленіе общественнаго голоса было порицаніе одной изъ отраслей администраціи—полиціи, не сумѣвшей предотвратить случай 4 апрѣля.

Поэтому необходимо устроить полицію такъ, чтобы она была въ состояніи обнаруживать то, что совершается въ средѣ общества.

Третье заявленіе выразило негодованіе на министерство народнаго просвѣщенія, которое, вмѣсто образованія полезныхъ гражданъ, наводняетъ страну разрушительными и вредными силами.

Слѣдуетъ поэтому принять мѣры къ искорененію въ учебныхъ заведеніяхъ существующаго въ нихъ въ настоящее время вреднаго направленія.

Наконецъ, выстрѣлъ 4 апрѣля поставилъ на время въ опасность тотъ классъ общества, который въ продолженіе вѣковъ вѣрно и съ преданностью служилъ престолу. Опасность эта родилась не потому, что въ преступникѣ узнали дворянина; нѣтъ, она возникла съ самой первой минуты, тогда, когда преступникъ былъ еще неизвѣстенъ.

Реакція эта противъ дворянства не есть фактъ случайный; онъ подготовленъ всѣми тѣми разнородными нападеніями, которыя дѣлались въ послѣднее время противъ собственности и дворянства.

Поэтому нужно энергически поддерживать и возстановлять дворянство и землевладѣніе, такъ какъ безъ этихъ элементовъ консервативныхъ и здоровыхъ, не можетъ существовать правильно организованное общество.

Все сказанное приводитъ къ заключенію, что для укрѣпленія основъ общественнаго порядка, который въ противномъ случаѣ легко можетъ быть потрясенъ, преимущественно необходимо: возстановить власть, преобразовать полицію, измѣнить направленіе министерства народнаго просвѣщенія и поддержать органы землевладѣнія, а слѣдовательно и дворянство.

Для возстановленія власти, необходимо прекратить развившіеся послѣднее время нападки печати и враждебныя выходки дворянскихъ и земскихъ собраній противъ правительства, его принциповъ и представителей. Правительство не можетъ выдержать всесторонняго напора и присущее ему обаяніе неизбѣжно перейдетъ отъ него къ тѣмъ, которые пользуются привиллегіей безнаказанно на него нападать. Нынѣшнее пассивное отношеніе правительства къ

этому двойному нападенію ненормально и поэтому не можетъ долго оставаться въ данномъ положеніи. Правительство или будетъ въ состояніи совладѣть съ прессой и требованіями собраній, и тогда нынѣшній образъ и основы правленія останутся нетронутыми, или же оно не будетъ въ силахъ, уступитъ и этимъ, быть можетъ, само повлечетъ къ перемѣнамъ формы правленія.

Для того, чтобы устранить притязанія журналистики, надо неуклонно пользоваться существующими мѣрами: предостереженіемъ и закрытіемъ изданій, которыя будутъ нападать на правительственныя начала; *нѣсколько закрытыхъ журналовъ, нѣсколько временныхъ неудовольствій могутъ ли имѣть значеніе въ общемъ итогѣ?* Если же эти мѣры окажутся недостаточными, то необходимо будетъ измѣнить законоположенія о печати, которыя такимъ образомъ выказали уже на первыхъ порахъ свою несостоятельность. *Свобода печати не совмѣстима съ нашимъ образомъ правленія; она возможна лишь въ конституціонномъ государствѣ, гдѣ она служитъ дополненіемъ свободѣ слова.* Свобода печати составляетъ *не первый*, а *второй* фазисъ развитія народной свободы; ей всегда предшествуетъ свобода слова, которое, дѣйствуя большей частью на ограниченное собраніе людей, можетъ быть тотчасъ опровергнуто. Гдѣ не существуетъ свободы слова, тамъ свобода печати является слишкомъ опаснымъ оружіемъ противъ правительства, которое не можетъ вступать въ ежедневную полемику и дѣлается безотвѣтнымъ противникомъ, принужденнымъ уступать въ неравной борьбѣ.

Для того же, чтобы положить предѣлъ враждебнымъ демонстраціямъ различныхъ собраній и пріучить ихъ къ уваженію и нѣкоторой боязни правительства, необходимо сдѣлать отвѣтственными за ихъ направленіе лица, руководящія ими. Положеніе вещей, при которомъ со всѣхъ сторонъ преслѣдуютъ правительство съ полною безнаказностью и требуютъ отъ него того, что противно его началамъ, не можетъ быть терпимо долѣе, потому что такое положеніе быстро поведетъ къ измѣненію основъ, на которыхъ покоится самодержавіе.

Необходимо далѣе, чтобы цензурныя учрежденія яснѣе и энергичнѣе указывали своимъ провинціальнымъ представителямъ направленіе, которымъ они должны руководствоваться, и удаляли тѣхъ изъ нихъ, кои не дѣйствуютъ по данному mot d'ordre. Не можетъ же каждый правительственный агентъ имѣть свой особый взглядъ, особый цвѣтъ! Необходимо прекратить настоящее положеніе, при которомъ землевладѣлецъ, горожанинъ, крестьянинъ, подчиненъ въ одной губерніи однимъ порядкамъ, въ другой—другимъ, всегда зависящимъ отъ политическихъ убѣжденій лицъ, которымъ ввѣрено управленіе губерніею или какою-либо вѣтвью администраціи.

При разнообразіи и неопредѣленности политическихъ воззрѣній, представители правительства, предоставленные въ этомъ отношеніи самимъ себѣ, прислушиваются къ органамъ печати, болѣе подходящимъ къ личнымъ убѣжденіямъ и вкусамъ и дѣйствуютъ по ихъ внушенію или ищутъ популярности, стараясь льстить страстямъ большинства. Отъ этого происходитъ полная безнаказанность тѣхъ, которые не исполняютъ въ точности требованій закона, если только они имѣли случай доказать, что слѣдуютъ тенденціямъ, которыя нравятся извѣстнымъ партіямъ; между тѣмъ начала, на которыхъ основаны цивилизованныя общества, какъ-то: уваженіе къ собственности, исполненіе закона, отвѣтственность представителей власти, вѣра въ прочное будущее—исчезаютъ. Необходимо, чтобы *правительство выказало себя сильнѣе вожаковъ общественнаго мнѣнія, потому что люди всегда льнутъ къ силѣ* и прислушиваются

къ ея голосу; разительный тому примѣръ у насъ на глазахъ: послѣднее возстаніе было подавлено лишь тогда, когда правительство рѣшительно заявило свой перевѣсъ надъ нимъ.

Преобразованіе полиціи.

Изслѣдованіе преступленія 4 апрѣля обнаружило съ самаго начала полное разстройство столичныхъ полицій; онѣ были лишь пассивными зрителями развитія у насъ тѣхъ вредныхъ элементовъ и стремленій, о которыхъ говорится выше. Распространяться о преобразованіяхъ полиціи считаю лишнимъ, ограничусь лишь нѣсколькими указаніями. Ваше Величество изволили поставить во главѣ с.-петербургской полиціи генерала Трепова, отъ опыта и энергіи котораго можно ожидать большого успѣха. Мною уже было всеподданнѣйше представлено нѣсколько мыслей по поводу этого преобразованія, которыя могутъ быть приведены въ исполненіе, не прибѣгая къ чрезвычайнымъ финансовымъ мѣрамъ. Главная же цѣль преобразованія состоитъ въ томъ, чтобы по мѣрѣ возможности, образовать политическія полиціи тамъ, гдѣ онѣ не существуютъ, и сосредоточить существующую полицію въ 3-ьемъ отдѣленіи Вашего Императорскаго Величества канцеляріи, для единства ихъ дѣйствій и для того, чтобы можно было точно и однообразно для цѣлой имперіи опредѣлять, какія стремленія признаются правительствомъ вредными и какіе способы надлежитъ принимать для противодѣйствія имъ.

Измѣненіе направленія министерства народнаго просвѣщенія.

Выше уже сказано о тѣхъ обвиненіяхъ, которыя слышатся со всѣхъ сторонъ на то, что развитіе, даваемое учебнымъ вѣдомствомъ въ послѣдніе 10 лѣтъ, вмѣсто того, чтобы принести хорошіе плоды, создало, напротивъ, поколѣніе, зараженное ультрадемократизмомъ, соціализмомъ, нигилизмомъ, и что вредъ каждаго изъ этихъ стремленій дѣлается тѣмъ болѣе опаснымъ, что послѣдователи ихъ поставляютъ за цѣль жизни пропагандированіе своихъ идей между юношествомъ и даже между дѣтьми, которыхъ они дѣлаютъ вредными гражданами, могущими потрясти со временемъ общественный порядокъ государства. Нѣтъ сомнѣнія, что корень зла скрывается главнѣйше въ политическихъ и нравственныхъ убѣжденіяхъ тѣхъ личностей, въ рукахъ которыхъ находится воспитаніе молодого поколѣнія; многіе изъ нихъ сами посѣваютъ въ молодежи эти вредныя сѣмена. Существуютъ факультеты въ университетахъ и даже цѣлыя гимназіи, какъ, напримѣръ Пензенская, Саратовская, Казанская, которые пріобрѣли прискорбную извѣстность своимъ дурнымъ духомъ. Между тѣмъ не видно, чтобы для искорененія такого зла были приняты дѣйствительныя мѣры. Личный составъ, какъ преподавателей, такъ и учебнаго начальства долженъ быть поэтому значительно измѣненъ и нельзя не притти къ прискорбному заключенію, что *лучше на нѣкоторое время пріостановиться на пути просвѣщенія,* чѣмъ выпускать тотъ недоучившійся уродливый слой, который въ настоящее время обратилъ на себя вниманіе правительства. Можно надѣяться, что новый министръ просвѣщенія сумѣетъ энергичными мѣрами возстановить извращенное народное образованіе, но для этого ему необходимо между прочимъ полное содѣйствіе со стороны начальниковъ губерній и политической полиціи.

Независимо отъ сего нельзя не обратить вниманія на слѣдующее важное обстоятельство: законы весьма ясно и строго опредѣляютъ условія, требуемыя отъ лицъ, которымъ дозволяется народное и частное воспитаніе. Именно званіе домашняго учителя присвояется только лицамъ, окончившимъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ или выдержавшихъ установленный для сего экзаменъ; лица же, принимающіеся за воспитаніе дѣтей, не имѣя надлежащихъ по закону свидѣтельствъ; и родители или содержатели пансіоновъ, берущіе подобныхъ лицъ для обученія дѣтей, должны по закону подвергаться за это денежнымъ пенямъ. Законоположенія эти однако никѣмъ не соблюдаются, и какъ народнымъ, такъ и частнымъ воспитаніемъ руководятъ *самыя жалкія личности*. Въ столицахъ и внутри имперіи есть множество людей между гимназистами высшихъ классовъ, которые свободно занимаются воспитаніемъ дѣтей. Дешевизна ихъ условій служитъ приманкой для многихъ недостаточныхъ родителей, теряющихъ изъ виду, что люди эти имѣютъ цѣлью нравственное растлѣніе юношества. Если приведенные законы устарѣли, то слѣдуетъ ихъ измѣнить, но во всякомъ случаѣ не можетъ быть допущенъ тотъ беспредѣльный просторъ, который существуетъ нынѣ въ этомъ отношеніи.

Возстановленіе землевладѣльческаго класса и дворянства.

Затѣмъ особенное вниманіе слѣдуетъ обратить на землевладѣніе и дворянство и поставить этотъ классъ снова на ту ступень, которая подобаетъ для поддержанія равновѣсія въ государствѣ.

Дворянство и землевладѣльческое сословіе искренно признали законоположеніе 19 февраля, но они не хотѣли признать дальнѣйшаго развитія административнаго, даннаго этому великому событію, потому что въ развитіи положеній 19 февраля они видѣли преслѣдованіе ихъ нравственныхъ и матеріальныхъ интересовъ.

Дворянство знаетъ, что Государь къ нему благоволитъ, но считаетъ Его непосредственныхъ дѣятелей враждебными себѣ; оно оскорбляется тѣмъ, что домогательства его, преимущественно тѣ, съ которыми связано его матеріальное благосостояніе, принимаются министерствами равнодушно, не берутся въ должное вниманіе и иногда отказываются министрами по ихъ личному усмотрѣнію. Они жалуются, что та часть ихъ собственности, которая состоитъ изъ оброковъ, вносимыхъ крестьянами, зависитъ отъ доброй воли губернатора и мирового посредника, и когда доходъ этотъ крестьянами не взносится, то собственникъ долженъ являться просителемъ, тогда какъ слѣдовало бы смотрѣть на него, какъ на лицо, требующее своего права; что губернаторы, дѣлая по этому поводу распоряженія, поручаютъ своимъ чиновникамъ требовать подобныя недоимки большей частью лишь съ крайнимъ послабленіемъ, чѣмъ совершенно измѣняется положительный смыслъ закона; что по жалобамъ ихъ на бездѣйствіе мировыхъ посредниковъ высшія мѣстныя власти обыкновенно отзываются невозможностью совладать съ этимъ инструментомъ, такъ какъ посредники, имѣющіе въ сущности административный характеръ, пользуются однако же преимуществами судебной власти, т. е. несмѣняемостью и подчиненіемъ суду одного сената. Они, землевладѣльцы, утверждаютъ, что если бы подобный образъ дѣйствій относительно собственниковъ былъ примѣнимъ въ какомъ-либо другомъ государствѣ, то и тамъ онъ подѣйствовалъ бы разрушительно на благосостояніе страны, и что вслѣдствіе всего вышеизложеннаго ни

одинъ отецъ семейства не можетъ предвидѣть приблизительно, какое будетъ наслѣдство его дѣтей; что всякій духъ предпріятій исчезъ, что всѣ люди имущіе ликвидируютъ свои дѣла и что всѣ утомлены постоянными перемѣнами и просятъ у правительства болѣе спокойной и консервативной эры. Видя насмѣшки и нападки большей части органовъ печати, они не хотятъ думать, что въ самодержавномъ государствѣ это дѣлается мимо высшей воли. Наконецъ, давая преувеличенное значеніе власти Главнаго Комитета по устройству сельскаго состоянія, полагаютъ, что землевладѣніе поставлено, такъ сказать, внѣ закона; что для другихъ сословій и прочихъ имущественныхъ споровъ есть Государственный Совѣтъ въ дѣлахъ законодательнаго характера и Комитетъ Министровъ въ порядкѣ административномъ, а для нихъ - особая инстанція, составленная изъ людей, будто бы враждебныхъ ихъ интересамъ и преданіямъ и руководимыхъ канцеляріею, проникнутою крайними убѣжденіями. Я знаю, что это невѣрно и что иногда вопросы законодательнаго свойства рѣшаются Государственнымъ Совѣтомъ, но, тѣмъ не менѣе это убѣжденіе распространено по всей Россіи, и едва ли землевладѣльческое сословіе успокоится, пока будетъ существовать Главный Комитетъ.

Слѣдствіемъ всего вышеизложеннаго были потеря землевладѣльческимъ классомъ довѣрія къ правительству, проявленіе конституціонныхъ тенденцій и желаніе захватить въ свои руки часть правъ, принадлежащихъ верховной власти. Это дѣлалось не изъ революціонныхъ стремленій, а изъ видовъ самосохраненія. Когда, наконецъ, открылись земскія собранія, дворянство слилось съ избирателями другихъ классовъ и сумѣло завладѣть въ этой новой средѣ тѣмъ общественнымъ вліяніемъ, которое въ прежнее время оно имѣло отъ правительства. Вліяніе это ясно видно изъ того, что дворяне составляютъ большинство противоправительственныхъ ораторовъ въ земскихъ собраніяхъ.

Между тѣмъ дворянство представляетъ собою лучшее орудіе для противопоставленія демократіи, и нѣтъ лучшаго средства для того, чтобы противодѣйствовать соціализму и революціоннымъ стремленіямъ, какъ консервативный элементъ. Правительство одно не будетъ въ состояніи открыть повсемѣстную борьбу съ вредными началами, не воспользовавшись помощью этого элемента, и въ тотъ день, когда правительство рѣшительно присвоитъ себѣ это направленіе, когда оно дастъ дворянству доказательство своего довѣрія, то мы увидимъ, что *большинство сихъ приверженцевъ конституціонныхъ идей, забывъ прошлый разладъ, почтутъ себя счастливыми возвратиться къ своей природной стихіи* и, тѣсно окруживъ Государя, служить ему искренно и уже безусловно.

Для достиженія столь важной для государства цѣли, какъ поднятіе уроненнаго землевладѣльческаго класса и привлеченіе къ престолу удалившагося дворянства, слѣдовало бы между прочимъ:

1) Достигнуть того, чтобы просьбы и ходатайства землевладѣльцевъ были разсматриваемы всѣми министерствами съ равнымъ вниманіемъ, чтобы они, смотря по существу дѣла, обязательно вносили ихъ въ Государственный Совѣтъ или Комитетъ Министровъ и чтобы только отъ усмотрѣнія этихъ высшихъ учрежденій зависѣлъ отказъ на подобныя ходатайства.

2) Комиссія, учрежденная подъ предсѣдательствомъ графа Муравьева, обнаруживаетъ обстоятельства весьма важныя, которыя необходимо вызовутъ обмѣнъ мыслей между центральнымъ правительствомъ и его провинціальными органами. Необходимо поэтому, чтобы Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ

было указано всѣмъ начальникамъ губерній на то, что кроется въ подземныхъ слояхъ общества, съ тѣмъ чтобы они, для борьбы противъ этого зла, призывали въ помощь мѣстные консервативные элементы и слѣдили бы за тѣмъ, чтобы подвѣдомственныя имъ учрежденія охраняли собственность и права землевладѣнія, не дозволяли себѣ произвольныхъ дѣйствій, а строго держались на почвѣ права и законности.

3) Отступиться отъ предвзятой, къ сожалѣнію, мысли, что дворянство, нерасположенное къ правительству вслѣдствіе реформы 19 февраля, сдѣлалось къ нему враждебнымъ и этимъ должно возбуждать въ немъ недовѣріе, а, напротивъ, стараться привлечь въ среду мѣстныхъ органовъ правительства крупное землевладѣніе, *личныя выгоды котораго такъ тѣсно связаны съ общимъ государственнымъ благосостояніемъ.* Въ скоромъ времени вступитъ въ силу новое учрежденіе мировыхъ судей; можно было бы постановить, чтобы та часть территоріальной собственности, которая соотвѣтствуетъ извѣстному цензу, назначалась, по желанію самихъ назначаемыхъ на должности мировыхъ судей и въ мѣстахъ, ихъ осѣдлости, чтобы правительство утверждало ихъ въ этихъ должностяхъ, если признаетъ достойными, отрѣшало въ случаѣ ихъ неблагонадежности, и чтобы должность свою они отправляли безвозмездно. Подобные мировые судьи будутъ служить подкрѣпленіемъ тѣмъ изъ нихъ, которые изберутся земствомъ.

4) По первоначальному предположенію институтъ мировыхъ посредниковъ былъ только временный и по истеченіи извѣстнаго срока онъ долженъ былъ быть замѣненъ мировыми судьями. Если признается необходимымъ сохранить это учрежденіе въ будущемъ, то слѣдуетъ ограничить права принадлежащихъ къ нему лицъ и дѣлать ихъ болѣе зависимыми отъ административныхъ органовъ.

5) Наконецъ, слѣдовало бы, если Ваше Величество на то соизволите, подвергнуть особому обсужденію пользу и необходимость дальнѣйшаго существованія Главнаго Комитета по крестьянскимъ дѣламъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что ко всему вышеизложенному слѣдовало бы присовокупить и матеріальную помощь, въ которой землевладѣніе нуждается повсемѣстно. Я не коснулся этого предмета, такъ какъ неудовлетворительное состояніе нашихъ финансовъ едва ли дѣлаетъ подобную помощь возможною. Но я твердо убѣжденъ, что и одними нравственными мѣрами уже будутъ достигнуты важные результаты и не сомнѣваюсь въ томъ, что дворянство и землевладѣніе, когда проникнутся цѣлью этихъ мѣръ, сдѣлаются самыми ревностными сотрудниками общаго дѣла государственнаго спокойствія и благосостоянія".

Сообщилъ **П. Гуревичъ.**

Письмо Ѳ. М. Достоевскаго—Э. И. Тотлебену.

Ваше Превосходительство,

Эдуардъ Ивановичъ.

Простите меня, что осмѣливаюсь утруждать ваше вниманіе письмомъ моимъ. Боюсь, что взглянувъ на подпись его, на имя, вами, вѣроятно, забытое, — хотя я когда-то (очень давно) и имѣлъ честь быть вамъ извѣстнымъ, — боюсь, что вы разсердитесь на меня и на дерзость мою и бросите, не прочитавъ его. Умоляю васъ, будьте снисходительнѣе. Не обижайте меня въ томъ, что я не понимаю всей неизмѣримой разницы между моимъ положеніемъ и вашимъ. Въ моей жизни было слишкомъ много печальнаго опыта, чтобъ я могъ не понять этой разницы. Я очень хорошо понимаю и то, что не имѣю никакого права припоминать теперь то, что былъ когда-то вамъ извѣстенъ, припоминать съ тѣмъ, чтобы считать это хоть за одну тѣнь права на вниманіе ваше. Но я такъ несчастенъ, что почти поневолѣ повѣрилъ надеждѣ, что вы не закроете свое сердце для несчастнаго изгнанника, подарите ему хоть одну минуту вниманія.

Я просилъ передать это письмо барона Александра Егоровича Врангеля. Въ бытность свою здѣсь, въ Семипалатинскѣ онъ сдѣлалъ для меня столько, сколько родной братъ не могъ бы сдѣлать. Я такъ счастливъ былъ его дружбой. Онъ знаетъ всѣ мои обстоятельства. Я просилъ его передать вамъ мое письмо лично, онъ сдѣлаетъ это, несмотря на то, что я даже не имѣю возможности увѣрить его, что письмо это будетъ принято вами снисходительно. Сомнѣніе понятно въ сердцѣ человѣка, бывшаго каторжника. Я имѣю къ вамъ огромную просьбу, только робкую надежду, что она будетъ вами услышана.

Можетъ быть, вы слышали о моемъ арестѣ, судѣ и высочайшей конфирмаціи, послѣдовавшей по дѣлу, въ которомъ я былъ замѣшанъ въ 1849 году. Можетъ быть, вы обратили на судьбу мою нѣкоторое вниманіе. Я основываю предположеніе это на томъ, что съ младшимъ братомъ вашимъ, Адольфомъ Ивановичемъ, былъ очень друженъ, почти съ дѣтскихъ лѣтъ любилъ его горячо. И хотя я съ нимъ не видался въ послѣднее время, но увѣренъ, что онъ пожалѣлъ обо мнѣ и можетъ быть передалъ вамъ мою грустную исторію. Я не осмѣлюсь утруждать вашего вниманія разсказомъ объ этомъ дѣлѣ. Я былъ виновенъ, я сознаю это вполнѣ. Я былъ уличенъ въ намѣреніи (но не болѣе),

дѣйствовать противъ Правительства; я былъ осужденъ законно и справедливо; долгій опытъ, тяжелый и мучительный, протрезвилъ меня и во многомъ перемѣнилъ мои мысли. Но тогда,—тогда я былъ слѣпъ, вѣрилъ въ теоріи и утопіи. Когда я отправился въ Сибирь, у меня по крайней мѣрѣ оставалось одно утѣшеніе, что я велъ себя передъ судомъ честно, не сваливалъ своей вины на другихъ и даже жертвовалъ своими интересами, если видѣлъ возможность своимъ признаніемъ выгородить изъ бѣды другихъ. Но я повѣрилъ себѣ, я не сознавался во всемъ и за это наказанъ былъ строже. Передъ тѣмъ я былъ два года сряду боленъ, болѣзнію странною, нравственною. Я впалъ въ ипохондрію. Было даже время, что я терялъ разсудокъ. Я былъ слишкомъ раздражителенъ, съ впечатлительностью, развитою болѣзненно, со способностью искажать самые обыкновенные факты и придавать имъ другой видъ и размѣръ. Но я чувствовалъ, что, хотя эта болѣзнь и имѣла сильное враждебное вліяніе на судьбу мою, она была бы очень плохимъ оправданіемъ и даже унизительнымъ. Да я и не сознавалъ тогда этого хорошо. Простите меня за такія подробности. Но будьте великодушны и выслушайте меня до конца.

Для меня настала каторга,—4 года грустнаго, ужаснаго времени. Я жилъ съ разбойниками, съ людьми, безъ человѣческихъ чувствъ, съ извращенными правилами; не видалъ и не могъ видѣть во всѣ эти 4 года ничего отраднаго, кромѣ самой черной, самой безобразной дѣйствительности. Я не имѣлъ подлѣ себя ни одного существа, съ которымъ бы могъ переговорить хоть одно задушевное слово; я терпѣлъ голодъ, холодъ, болѣзни, работу не по силамъ и ненависть моихъ товарищей - разбойниковъ, мстившихъ мнѣ за то, что я былъ дворянинъ и офицеръ. Но клянусь вамъ, не было для меня мученія выше того, когда я понялъ свои заблужденія, понялъ въ то же время, что я отрѣзанъ отъ общества изгнанникомъ и не могу уже быть полезнымъ по мѣрѣ моихъ силъ, желанія и способностей. Я знаю, что былъ осужденъ за мечты, за теоріи. Мысли и даже убѣжденія мѣняются, мѣняется и весь человѣкъ, и каково же теперь страдать за то, чего уже нѣтъ, что измѣнилось во мнѣ въ противную сторону; страдать за прежнія заблужденія, которыхъ неосновательность я уже самъ вижу; чувствовать силы и способности, чтобы сдѣлать хоть что нибудь для искупленія безполезности прежняго, и томиться въ бездѣйствіи. Теперь я солдатъ, служу въ Семипалатинскѣ и нынѣшнимъ лѣтомъ произведенъ въ унтеръ-офицеры. Я знаю, что многіе приняли и принимаютъ во мнѣ искреннее участіе; что за меня хлопотали и просили. Меня обнадеживали и обнадеживаютъ. Монархъ добръ, милосердъ. Я знаю, наконецъ, что трудно тому, кто рѣшился доказать, что несчастный человѣкъ желаетъ сдѣлать что-нибудь доброе, хотя когда-нибудь не достичь своей цѣли. Что-нибудь и я могу сдѣлать; не безъ способностей же я, не безъ чувствъ, не безъ правилъ. Великая, огромная просьба есть у меня до васъ, Эдуардъ Ивановичъ. Одно только затрудняетъ меня: я не имѣю никакого права безпокоить васъ собою. Но у васъ благородное, возвышенное сердце. Объ этомъ можно говорить; вы такъ славно доказали это еще недавно, въ виду цѣлаго свѣта. Я уже давно, раньше другихъ имѣлъ счастье получить объ

васъ это мнѣніе и уже давно, давно научился уважать васъ. Ваше слово можетъ много значить теперь у милосерднаго Монарха нашего, вамъ благодарнаго и васъ любящаго. Вспомните о бѣдномъ изгнанникѣ и помогите ему. Я желаю быть полезнымъ. Трудно, имѣя въ душѣ силы, а на плечахъ голову, не страдать отъ бездѣйствія. Но военное званіе не мое поприще. Я готовъ тянуться изъ всѣхъ силъ; но я больной человѣкъ и, кромѣ того, чувствую, что я болѣе склоненъ къ другому поприщу, болѣе сообразному съ моими способностями. Вся мечта моя быть уволеннымъ изъ военнаго званія и поступить въ статскую службу, гдѣ-нибудь въ Россіи, или даже здѣсь; имѣть хоть нѣкоторую свободу въ избраніи себѣ мѣстожительства. Но не службу считаю я главною цѣлью жизни моей. Когда то я былъ обнадеженъ благосклоннымъ пріемомъ публикою на литературномъ пути. Я желалъ бы имѣть позволеніе печатать. Примѣры тому были: политическіе преступники, по благосклонному къ нимъ вниманію и милосердію, получали позволеніе писать и печатать еще прежде меня. Званіе писателя я всегда считалъ благороднѣйшимъ, полезнѣйшимъ званіемъ. Есть у меня убѣжденіе, что только на этомъ пути я могъ бы истинно быть полезнымъ, можетъ быть и я обратилъ бы на себя хоть какое-нибудь вниманіе, пріобрѣлъ бы себѣ опять доброе имя, и хотя нѣсколько обезпечилъ свое существованіе, ибо я ничего не имѣю, кромѣ нѣкоторыхъ и очень небольшихъ, можетъ быть, литературныхъ способностей. Не скрою отъ васъ, что, кромѣ искренняго желанія моего премѣнить свою участь на другую, болѣе соотвѣтствующую моимъ силамъ, одно обстоятельство, отъ котораго, можетъ быть, зависитъ счастье всей моей жизни (обстоятельство чисто личное), побудило меня попробовать осмѣлиться напомнить вамъ о себѣ. Не всего разомъ прошу я, но только возможности выйти изъ военной службы и права поступить въ статскую.

Прочтите эти просьбы мои, не обвините въ малодушіи. Я столько перенесъ страданій, что, право, доказалъ одною возможностью ихъ перенесть и терпѣніе, и даже нѣкоторую долю мужества. Но теперь я упалъ духомъ и самъ чувствую это. Я всегда считалъ за малодушіе безпокоить собою другихъ, кого бы то ни было. Тѣмъ болѣе мнѣ безпокоить собою васъ. Но имѣйте жалость ко мнѣ, умоляю васъ. Я мужественно переносилъ до сихъ поръ мое бѣдствіе. Теперь же обстоятельства сломили меня, и я рѣшился на попытку, только на попытку. Мысль писать вамъ и просить васъ о себѣ не приходила прежде ко мнѣ, клянусь вамъ. Мнѣ какъ-то совѣстно и тяжело было бы напоминать вамъ о себѣ. Съ самымъ безкорыстнымъ и восторженнымъ чувствомъ слѣдилъ я все это послѣднее время за подвигомъ вашимъ. Если бъ вы знали, съ какимъ наслажденіемъ говорилъ я о васъ другимъ, вы бы повѣрили мнѣ. Если бъ вы знали, съ какою гордостью припоминалъ я, что имѣлъ честь знать васъ лично. Когда здѣсь узнали объ этомъ, то меня закидали вопросами о васъ и мнѣ было такъ пріятно говорить о васъ. Я не боюсь вамъ написать это. Вашъ подвигъ славенъ, что даже такія слова не могутъ показаться лестью. Податель письма этого можетъ засвидѣтельствовать передъ вами искренность и безкорыстіе чувствъ моихъ къ вамъ. Благодар-

ность русскаго къ тому, кто въ эпоху несчастья покрылъ грозную оборону Севастополя вѣчной, неувядаемой славой, — понятно. Но, повторяю, и въ мысляхъ моихъ не было безпокоить васъ собою. Но теперь, въ минуту унынія и зная къ кому обратиться, я припомнилъ, какъ вы были со мною всегда радушны, просты и ласковы. Я припомнилъ васъ всегда съ смѣлыми и возвышенными движеніями сердца и повѣрилъ надеждѣ. Мнѣ подумалось: неужели вы оттолкнете меня теперь, когда вы ступили на такую славную и высокую степень, а я упалъ такъ низко, низко. Простите-же смѣлость мою, особенно простите меня за это длинное (слишкомъ длинное, я понимаю это) письмо, и если что можете сдѣлать для меня, умоляю васъ, сдѣлайте. У меня есть до васъ еще одна чрезвычайная просьба, въ которой умоляю васъ не откажите мнѣ. Когда нибудь напомните обо мнѣ вашему брату Адольфу Ивановичу и передайте ему, что я его люблю по прежнему, что во время 4-хъ лѣтней каторги, перебирая въ умѣ всю прожившую жизнь мою, день за днемъ, часъ за часомъ, я не разъ встрѣчалъ его въ моихъ воспоминаніяхъ. Но онъ знаетъ, что я люблю его. Я помню, онъ былъ очень боленъ въ послѣднее время. Здоровъ-ли онъ. Живъ-ли онъ. Простите и за эту просьбу. Но я не знаю, чрезъ кого бы я могъ исполнить это давнишнее желаніе мое, и обратился къ вамъ. Я знаю, что, написавъ это письмо, я сдѣлалъ новую вину, противъ службы. Простой солдатъ пишетъ къ генералъ-адъютанту. Но вы великодушны и вашему великодушію ввѣряю себя.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ и съ искреннимъ благодарнымъ чувствомъ русскаго, осмѣлюсь пребыть

Вашего Превосходительства всепокорнѣйшимъ слугою *Федоръ Достоевскій.*

Семипалатинскъ.
24 марта 1856 года.

Резолюція Тотлебена изъ записки. «Его Величество приказать изволилъ написать представленіе въ формѣ записокъ къ г. военному министру ходатайство о производствѣ Федора Достоевскаго въ прапорщики въ одинъ изъ полковъ 2 арміи. Если же это признано будетъ неудобнымъ, то съ чиномъ 14-го класса уволить его для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ, въ обоихъ случаяхъ дозволить ему литературныя занятія съ правомъ печатанія на узаконенныхъ основаніяхъ.

Достоевскій былъ полевымъ поручикомъ, былъ сосланъ по конфирмаціи отъ 19-го декабря 1849 г. въ каторжную работу въ крѣпость на 4 года съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія за принятіе участія въ преступныхъ замыслахъ распространенія письма Бѣлинскаго, наполненнаго дерзкими выраженіями противъ православной церкви и верховной власти и покушенія вмѣстѣ съ прочими къ распространенію сочиненій противъ правительства посредствомъ домашней литографіи».

На волосъ отъ казни [1]).

(Воспоминанія матери).

Теперь, когда каждая заря приноситъ съ собою новую жертву казни, когда наши притупленные нервы почти перестали ужасаться передъ этими страшными отмщеніями—я хочу болѣе или менѣе передать, что переживаютъ несчастные близкіе этихъ погибшихъ. Казненные болѣе не страдаютъ... Они тихо спятъ въ своихъ случайныхъ, наскоро вырытыхъ, безъ какихъ бы то ни было знаковъ, могилахъ... Миръ имъ! Но что дѣлаютъ, какъ живутъ, что чувствуютъ тѣ ихъ близкіе, для которыхъ нѣтъ забвенія, чья рана не перестанетъ сочиться и чье сердце никогда болѣе не забьется спокойно?.... И во имя ихъ я берусь за перо.... Мнѣ больно писать о своихъ чувствахъ, о томъ, что составляетъ мое «святая святыхъ». Но меня къ тому принуждаетъ сознаніе, что когда мы равнодушно пробѣгаемъ имена казненныхъ во всѣхъ концахъ нашей родины, мы не думаемъ, что за каждымъ именемъ—сейчасъ, въ эту самую минуту—бьется и страдаетъ живая душа кого нибудь близкаго—матери, отца, брата или сестры... Это страданіе, самое острое изъ всѣхъ... Я пережила это... Когда я писала свои «Годы Скорби», я думала что уже испытала все... Но пришлось пережить еще и то, отчего и до сихъ поръ содрогается душа моя... Только когда тотъ, чья жизнь поставлена на карту—свой, близкій, только тогда можно вполнѣ понять весь ужасъ казни! Такъ пусть же мой правдивый разсказъ послужитъ живой иллюстраціей нашей ужасной эпохи.

«Немедленно выѣзжайте курьерскимъ Севастополь сынъ хочетъ Васъ видѣть—защитникъ Ивановъ».

Телеграмма такого содержанія была подана мнѣ вечеромъ 16 мая 1906 года.... Кровь хлынула въ голову, залила волной, и я, не выпуская изъ рукъ маленькой бѣлой бумажки, принесшей мнѣ новое и великое горе, въ десятый разъ ее перечитывала, чтобы дать себѣ время опомниться отъ страшнаго удара и что нибудь сообразить.

До этого дня я не знала, гдѣ мой сынъ. Поневолѣ покинувъ

[1]) Право перевода авторъ оставляетъ за собой.

родину, чтобы избѣжать безсмысленно жестокой ссылки въ Якутскую область, онъ по моимъ соображеніямъ долженъ былъ находиться за-границей.

Судьба рѣшила иначе.... Всего два дня назадъ телеграфъ принесъ извѣстіе, что въ Севастополѣ было покушеніе на коменданта крѣпости, генерала Неплюева во время парада; былъ взрывъ, были жертвы, были аресты... Среди именъ арестованныхъ не было имени сына. Но слово: «защитникъ» заставляло предполагать худшее, и я волей неволей должна была связать полученную телеграмму съ Севастопольскимъ событіемъ. Изъ газетъ было извѣстно о приказѣ генерала Каульбарса—судить арестованныхъ военнымъ судомъ... Очевидно, мой сынъ оказался въ числѣ арестованныхъ, такъ какъ защитникъ Ивановъ спѣшно вызывалъ меня...

Я не стала предаваться безплоднымъ разсужденіямъ; я сознавала одно—надо ѣхать немедленно!...

Душой, съ момента прочтенія телеграммы, я была уже тамъ—въ этомъ далекомъ Севастополѣ, съ нимъ, съ дорогимъ сыномъ, но телеграмма пришла поздно, вечерній поѣздъ ушелъ, приходилось ждать утра.

Ночь, проведенная мною при такихъ обстоятельствахъ, никогда не уйдетъ изъ моей памяти....

Утромъ 17-го мая я ѣхала въ Севастополь.

Если-бы меня спросили, какъ я ѣхала, былъ-ли кто нибудь около меня, кто были провожавшіе меня друзья и родные, что говорили, какой былъ вагонъ, я не могла бы отвѣтить—все ушло изъ памяти. И въ то же время я ясно помню тотъ бредъ, тѣ галлюцинаціи, которыя овладѣли мною, едва тронулся поѣздъ: меня звалъ сынъ!.... Сынъ, котораго я кормила грудью, котораго баюкала цѣлыми ночами, напѣвая ему пѣсенки.. И мнѣ представлялось, что я склоняюсь надъ его колыбелькой, что онъ протягиваетъ мнѣ ручки... Но мой мозгъ прорѣзывало воспоминаніе о телеграммѣ: защитникъ Ивановъ, Севастополь, бомбы, взрывъ, военный судъ—и изъ за колыбельки, начинали вырисовываться столбы, перекладина.... И вмѣсто протянутыхъ ручекъ—шея!.... Шея моего сына!.... И волосы шевелились на моей головѣ!

Тщетно старалась я избавиться отъ этого кошмара, тщетно заставляла себя возвращаться къ далекому прошлому, чтобы забыть ужасное настоящее—призраки не оставляли меня....

«Ты не одна, ты не одна!» шептала я сама себѣ, «а мать Спиридоновой! Мать Балмашева! Мать Каляева! Такихъ, какъ ты жалкихъ матерей—сотни, тысячи! Надо опомниться! Надо взять себя въ руки! Надо встрѣтить этотъ ужасъ съ достоинствомъ!».... Увы! Я не могла перестать быть матерью, а потому и не могла не страдать....

— Москва близко!—сказалъ кондукторъ, и силою вещей я должна была, хоть немного, прійти въ себя. На дебаркадерѣ меня ждалъ присяжный повѣренный Владиміръ Анатольевичъ Ждановъ—ему телеграфировали изъ Петербурга.

Онъ вошелъ въ мое купэ.

— Какія вѣсти?—спросилъ онъ.

Я молча протянула ему телеграмму. Онъ внимательно прочелъ ее, и его ясное, добродушное лицо потемнѣло.

— Д-да!—протянулъ онъ въ смущеніи. Я посмотрѣла на него пристально.

— Говорите правду!

— Носильщикъ!—закричалъ онъ въ отвѣтъ.—Неси сюда чемоданъ. Ѣду съ вами!—проговорилъ онъ сквозь зубы.

Мы догло сидѣли молча. Было страшно заговорить. Наконецъ я подняла голову.

— Скажите мнѣ всю правду—сказала я.—Всю.

— Взрывъ произошелъ четырнадцатаго числа—медленно началъ Ждановъ.—По газетамъ видно, что Одесскій генералъ-губернаторъ Каульбарсъ по телеграфу предписалъ передать дѣло военному суду и ускорить слѣдствіе. По закону, въ такомъ случаѣ, защитникъ допускается къ обвиняемому только послѣ врученія обвинительнаго акта. Телеграмма подписана ясно: «защитникъ Ивановъ»: слѣдовательно защитникъ былъ у обвиняемаго и слѣдовательно обвинительный актъ врученъ. Судъ можетъ происходить черезъ двадцать четыре часа послѣ врученія обвинительнаго акта, и исполненіе приговора также можетъ послѣдовать черезъ двадцать четыре часа послѣ объявленія приговора. Слѣдовательно съ момента врученія обвинительнаго акта до исполненія приговора можетъ пройти минимальный срокъ—сорокъ восемь часовъ. Арестъ произошелъ четырнадцатаго числа, сегодня семнадцатое, а пріѣхать въ Севастополь мы ранѣе девятнадцатаго—не можемъ!..—Онъ примолкъ.

Я посмотрѣла ему прямо въ глаза.

— Значитъ, мы въ живыхъ сына не застанемъ?

Ждановъ какъ-то съежился.

— Все возможно,—нехотя пробормоталъ онъ. Я больше не спрашивала.

— Оставьте меня одну,—попросила я.

Онъ всталъ, хотѣлъ что-то сказать, махнулъ рукой и вышелъ.

Я просидѣла всю ночь одна....

18-го утромъ, на какой-то станціи, я подняла окно, чтобы освѣжить свою пылающую голову.... На перонѣ, прямо противъ моего вагона, стояли два пассажира. На оконный стукъ они оглянулись, и въ одномъ изъ нихъ я узнала бывшаго товарища прокурора палаты по политическимъ дѣламъ Трусевича [1]). По взгляду, который онъ на меня бросилъ, я поняла, что онъ также узналъ меня. Мы хорошо помнили другъ друга по дѣламъ моихъ сыновей. Особенно энергично преслѣдовалъ онъ того изъ нихъ, къ которому я теперь ѣхала. Арестъ девятнадцатилѣтняго юноши за рѣчь на сходкѣ, его исключеніе изъ университета безъ права поступленія въ какое либо учебное заведеніе, крѣпость, высылка въ Вологду, ссылка въ Якутскую область, ссылка, благодаря который сынъ мой вынужденъ былъ искать прибѣжища за-границей—все прошло черезъ руки г. Трусевича. И въ моей памяти было еще свѣжо наше послѣднее свиданіе и его насмѣшливая фраза:

[1]) Онъ былъ спеціалистомъ по производству дознаній въ порядкѣ 1035 ст., т. е. производимыхъ жандармскими учрежденіями.

«Какъ ни искусно ваше волненіе, а все же это сынъ вашъ!» Фраза, своимъ глумленіемъ надъ материнскими чувствами оставившая неизгладимый слѣдъ въ моей душѣ. И вотъ теперь мы ѣхали вмѣстѣ... Ѣхали въ Севастополь по одному и тому же дѣлу, но какъ различны были наши побужденія!.. И глядя на него, я задавала себѣ мучительный вопросъ: «Зачѣмъ онъ туда ѣдетъ?» Я не была столь наивной, чтобы воображать, что для смягченія участи сына. Напротивъ, его присутствіе было зловѣще. И я хотѣла проникнуть въ эту душу и глядѣла на него не отрываясь. Но ничего нельзя было прочесть на этомъ бритомъ, нервномъ лицѣ... Я замѣтила только, какъ при видѣ меня глаза его блеснули и, обернувшись къ своему спутнику, онъ ему что-то сказалъ. Мнѣ послышалось, или скорѣе я угадала, что то была фраза:

«Мать Савинкова».

Рядомъ съ Трусевичемъ — жандармскій офицеръ. Я упоминала уже въ «Годахъ скорби», что мнѣ пришлось видѣть и наблюдать многихъ жандармовъ, и понятіе мое о нихъ сложилось въ очень опредѣленную форму. Но стоявшій на перронѣ жандармскій офицеръ наружнымъ своимъ видомъ превзошелъ всѣ видѣнные мною до сихъ поръ синіе мундиры: его бѣлесоватые, какъ бы съ бѣльмами, глаза, его совершенно безкровное лицо, грязно-сѣрыя брови и рѣсницы, такіе же, съ прибавкой желтизны, усы, тонкія какъ нить губы—составляли обликъ, трудно забываемый...

И вскорѣ, въ Севастополѣ, это сказалось... Напрасно этотъ офицеръ переодѣвался въ разныя одежды, являясь то подъ видомъ учителя въ камеру бросившаго бомбу юноши Макарова и убѣждая его указать на Савинкова, какъ на главаря заговора; напрасно также назначалъ онъ, уже въ новой одеждѣ и подъ другимъ видомъ, свиданіе въ городскомъ саду матери Макарова съ тою же цѣлью, обѣщая ей ежемѣсячную правительственную пенсію въ двадцать пять рублей, лишь бы она уговорила сына указать на Савинкова, въ немъ узнавали «сѣраго» жандарма, и хоть онъ и воображалъ себя непроницаемымъ, но въ Севастополѣ эти похожденія передавались изъ устъ въ уста и были секретомъ полишинеля.

Теперь, на перронѣ, онъ бросилъ на меня изъ подъ темныхъ очковъ одинъ только взглядъ—взглядъ хищнаго звѣря при видѣ хорошей добычи, и мнѣ стало жутко...

Потомъ оба, какъ по командѣ, повернулись и пошли дружно въ ногу, одинъ легкой, вздрагивающей походкой, другой осторожно-крадущимися шагами, и я смотрѣла имъ вслѣдъ, пока могла ихъ видѣть... и чувство безмолвнаго отчаянія—волновало душу!

Было чудное весеннее утро, когда девятнадцатаго мая мы подъѣзжали къ Севастополю. Но яркая зелень, синее сверкавшее солнцемъ море и рѣдкостная прозрачность воздуха оставляли меня безучастной... Въ моей душѣ царилъ холодъ, и южное солнце не могло согрѣть меня. Всѣ мои помыслы были сосредоточены на одномъ сынѣ. При выходѣ изъ вагона, я опять столкнулась съ выходившимъ изъ вагона Трусевичемъ—роковое совпаденіе!

Не заѣзжая въ отель, мы съ Ждановымъ поѣхали по указан-

ному въ телеграммѣ адресу защитника. Насъ видимо ждали. Дверь немедленно отворилась, и передъ нами показался довольно молодой, симпатичнаго вида, военный.

— Вы господинъ Ивановъ?—спросила я.

Капитанъ вѣжливо поклонился.

— Живъ-ли сынъ мой?—вырвалось у меня.

— О, да!—стараясь говорить спокойно, отвѣтилъ капитанъ.— Я только вчера вечеромъ видѣлъ его—онъ бодръ, спокоенъ и ждетъ васъ и жену свою съ нетерпѣніемъ. Дѣло отложено на нѣсколько дней, по случаю возбужденія вопроса о разумѣніи несовершеннолѣтняго, бросившаго бомбу, Макарова.

Онъ былъ живъ! Какая-то страшная тяжесть медленно сползала съ моихъ плечъ, и гдѣ-то на днѣ души затеплилась надежда. Слабая, ничтожная надежда, но по крайней мѣрѣ она замѣнила собою невыносимое чувство полной безнадежности... Стало, какъ будто, чуточку легче! Ждановъ, между тѣмъ, распрашивалъ капитана, какимъ образомъ онъ попалъ къ обвиняемому ранѣе врученія обвинительнаго акта?

Какъ оказалось, все случилось вопреки желанію и ожиданіямъ высшаго начальства: то, что должно было погубить обвиняемыхъ, это именно спасло ихъ. Спѣшность, выказанная генераломъ Каульбарсомъ, заставила спѣшить и его подчиненныхъ, а назначеніе защитниками обыкновенныхъ капитановъ мѣстной крѣпостной артиллеріи, никогда не бывшихъ юристами, назначеніе, расчитанное на полное незнаніе законовъ и на неумѣніе защитить, поспособствовало измѣненію участи обвиняемыхъ, потому что капитанъ Ивановъ, получивъ телеграмму съ приказомъ защищать моего сына, арестованнаго подъ фамиліей Субботина, не зная закона, воспрещающаго видѣть подсудимаго до врученія послѣднему обвинительнаго акта и исполняя волю начальства «спѣшить», немедленно отправился въ штабъ крѣпости съ телеграммой въ рукахъ и потребовалъ свиданія съ обвиняемымъ.

Штабъ крѣпости, тоже не зная законовъ, въ виду того-же спѣха, выдалъ требуемое разрѣшеніе, и такимъ образомъ капитанъ Ивановъ могъ проникнуть къ сыну, открывшему ему свою фамилію и сообщившему ему мой адресъ.

Въ данномъ случаѣ все вышло къ лучшему. Но спрашивается, какими побужденіями руководилось высшее начальство, назначая въ дѣлѣ о цѣнѣ человѣческой жизни вмѣсто обычныхъ защитниковъ— кандидатовъ на военно-судныя должности завѣдомо несвѣдущихъ въ законахъ лицъ? На мѣстѣ разсказывали, что это было сдѣлано для того, чтобы не задерживать слѣдствія, такъ какъ въ Севастополѣ нѣтъ военно-окружнаго суда. Но вѣдь и судъ пріѣхалъ изъ Одессы, почему же оттуда не могли пріѣхать и защитники-спеціалисты?

Какъ бы то ни было, хотя на другой день власти и опомнились, видя, что сдѣлали промахъ, тѣмъ не менѣе—дѣло было сдѣлано, и телеграмма мнѣ послана. Впослѣдствіи была сдѣлана попытка придать этой ошибкѣ видъ великодушія.

— Видите сами, какую мы сдѣлали поблажку, допустивъ защит-

ника къ вашему сыну ранѣе врученія ему обвинительнаго акта — сказалъ мнѣ, между прочимъ, слѣдователь.

Вы сдѣлали это по ошибкѣ—отвѣтила я.

— Нѣтъ,—сказалъ слѣдователь,—не по ошибкѣ!

Но я не повѣрила ему. Всѣ дѣйствія властей указывали на то, что щадить тутъ никого не намѣревались.

Защитникъ моего сына капитанъ артиллеріи Ивановъ, съ перваго и до послѣдняго дня, держалъ себя безукоризненно, хотя положеніе его было трудное. Между его и нашими воззрѣніями лежала цѣлая пропасть. Какъ офицеръ, онъ безусловно повиновался волѣ начальства и съ точностью исполнялъ предписанія. Но въ то же время онъ съумѣлъ стать на такую корректную ногу съ сыномъ и мною, что не въ чемъ было упрекнуть его.

Я не говорю уже о томъ, что несмотря на массу потеряннаго имъ для нашего дѣла времени, на безпокойство и понесенный трудъ, капитанъ Ивановъ рѣшительно отказался отъ какого бы то ни было вознагражденія.

— Я исполнилъ только свой долгъ,—скромно сказалъ онъ. Но я часто вспоминаю, какъ природный тактъ помогалъ ему выходить изъ очень рискованныхъ положеній. Такъ, однажды я, будучи естественно все время въ очень возбужденномъ состояніи, въ одномъ изъ разговоровъ, съ горечью при немъ сказала, что не сомнѣваюсь, что приговоръ предрѣшенъ и что нечего расчитывать на безпристрастіе военныхъ властей.

Капитанъ Ивановъ сильно покраснѣлъ и сказалъ сдержанно и съ достоинствомъ:

— Я вполнѣ понимаю ваше возбужденіе, какъ матери, находящейся въ исключительномъ положеніи; но мнѣ, какъ военному, такія рѣчи слушать не приходится!

Я его поняла и съ тѣхъ поръ старалась быть сдержанной при немъ что было трудно, въ виду совершавшихся событій.

Во время перваго нашего разговора, на мой вопросъ «могу ли я видѣть сына?» капитанъ Ивановъ отвѣтилъ утвердительно и обѣщалъ съ своей стороны полное къ тому содѣйствіе, а также заявилъ, что тотчасъ же отправится въ крѣпость, чтобы предупредить сына о моемъ пріѣздѣ.

— Скажите ему—сказала я,—что я тверда и не плачу.

Но когда я, спустя нѣкоторое время, вошла въ первый разъ въ камеру сына и увидѣла его послѣ столь долгой разлуки, въ рукахъ его враговъ, могущихъ отнять его у меня навсегда, изъ груди моей вырвался какой-то вопль, и я не въ силахъ была сдержать его...

Сынъ быстро подошелъ ко мнѣ и взялъ меня за руки.

— Не плачь, мама!—внушительно сказалъ онъ.—Въ такихъ случаяхъ любящія матери не даютъ воли слезамъ...

И я притихла; ни разу потомъ не посмѣла я заплакать, чтобы не нарушить слезами мужество сына.

Но прежде чѣмъ его увидѣть, пришлось испытать не мало проволочекъ. Надо было ѣхать къ слѣдователю, къ прокурору, а потомъ и въ штабъ крѣпости.

Дѣло моего сына ко времени моего пріѣзда находилось еще въ стадіи слѣдствія. Наканунѣ оно было закончено и передано прибывшему изъ Одессы вмѣстѣ съ судомъ военному прокурору Волкову, но даже ему дѣло это при той безумной поспѣшности, съ которой по приказанію генерала Каульбарса велось слѣдствіе, представилось неполнымъ и было возвращено для дополненія слѣдствія.

Въ тотъ же день Макаровъ открылъ свое имя, признался, что ему шестнадцать лѣтъ, и отъ Одесской Судебной Палаты потребовалось разрѣшеніе вопроса—въ какомъ состояніи онъ дѣйствовалъ: съ разумѣніемъ или безъ разумѣнія? Такимъ образомъ, волей не волей, былъ отсроченъ судъ на нѣкоторое время. Но то, что прокуроръ возвратилъ дѣло для дослѣдованія, ясно указываетъ, при какой необычайной поспѣшности велось слѣдствіе для суда надъ четырьмя человѣческими жизнями.

И дѣйствительно, положеніе подсудимыхъ было въ высокой степени для нихъ неблагопріятное. Случаю было угодно, чтобы три изъ нихъ, а именно мой сынъ, подъ фамиліей Субботина, и два его товарища, прибыли въ Севастополь за два дня до покушенія на жизнь генерала Неплюева. Тому же случаю было угодно, чтобы сыщикъ, слѣдившій не за сыномъ, а за другимъ нелегальнымъ лицомъ, замѣтилъ, что сынъ мой съ этимъ лицомъ видѣлся. Слѣдя за этимъ лицомъ далѣе, онъ прослѣдилъ его до Харькова и, замѣтивъ, что сынъ мой ѣдетъ далѣе на югъ, передалъ сына моего другому агенту, который прослѣдилъ его до Севастополя. Одного пребыванія сына, а также и его товарищей въ этомъ городѣ оказалось вполнѣ достаточнымъ для сыщиковъ, чтобы связать его прибытіе съ происшедшимъ въ это время взрывомъ.

Между тѣмъ, дѣло покушенія на генерала Неплюева представлялось такъ: во время церковнаго парада, на соборной площади, которымъ командовалъ генералъ Неплюевъ, шестнадцатилѣтній мальчикъ Макаровъ бросилъ въ него бомбу. Она не разорвалась. Слѣдовательно, Макаровъ волей или неволей, но дѣйствіемъ своимъ никому вреда на причинилъ. Но ему на помощь поспѣшилъ его сотоварищъ, матросъ Фроловъ, находившійся въ толпѣ и имѣвшій нелѣпость держать бомбу въ карманѣ, и съ такимъ смертоноснымъ орудіемъ, которое неминуемо отъ толчковъ должно было взорваться, онъ вздумалъ пробираться впередъ, сквозь тѣсную, собравшуюся на зрѣлище, толпу. Что неизбѣжно при такихъ обстоятельствахъ должно было случиться, случилось. У Фролова, толкаемаго со всѣхъ сторонъ народомъ, бомба разорвалась, и первой жертвой взрыва палъ самъ виновникъ его. Отъ взрыва пострадали и другіе. Но, какъ всегда, когда толпу охватываетъ паника, началась давка, бѣгство и никто не щадилъ другого, и только на мѣстѣ въ Севастополѣ мы узнали, что число жертвъ, приведенное полиціей и газетами, потому такъ велико, что каждая царапина, каждый синякъ, хотя бы произошедшіе отъ давки, были подсчитаны въ число пораженій отъ бомбы и потому само событіе, выросло до максимальныхъ размѣровъ.

Возбужденіе въ правительственныхъ сферахъ и въ военныхъ

кругахъ было огромное, и опасеніе, что то, что случилось сегодня, можетъ повториться и завтра, стало паническимъ.

Поэтому на справедливость и безпристрастіе возбужденныхъ властей расчитывать было трудно. Смертные приговоры были предрѣшены.

Отправляясь къ судебному слѣдователю съ заявленіемъ, что я мать одного изъ обвиняемыхъ, я чувствовала себя въ высшей степени возбужденной. Я готова была бороться съ каждымъ, въ чьихъ рукахъ была власть надъ сыномъ. Сознаніе, что надъ нимъ тяготѣетъ обвиненіе, влекущее за собой смертную казнь, доводило мои нервы до величайшаго напряженія. Я знала, что каждый, съ кѣмъ я буду говорить, настроенъ къ сыну враждебно, а между тѣмъ, еще не видя его и ничего не зная объ обстоятельствахъ его ареста, я инстинктивно гдѣ-то, на днѣ души, чувствовала, что къ этому дѣлу онъ не можетъ быть причастенъ. Я слишкомъ хорошо знала сына, знала его принципы въ борьбѣ за свободу, и тайный голосъ шепталъ мнѣ, что тутъ что-то не такъ! Въ особенное недоумѣніе меня приводила личность генерала Неплюева.

Какимъ образомъ этотъ генералъ, ничѣмъ до взрыва не отмѣченный, съ именемъ, все значеніе котораго было пріобрѣтено только этимъ покушеніемъ, никакого вліянія на ходъ государственной политики не имѣющій, какимъ образомъ могъ онъ заинтересовать революціонера? Съ такимъ недоумѣніемъ пріѣхала я къ слѣдователю, который оказался гражданскимъ чиновникомъ. Мое сердце сильно билось, когда я входила къ нему: вотъ человѣкъ, который собиралъ всѣ улики для доказательства участія моего сына; человѣкъ, отъ заключенія котораго зависѣла та или другая квалификація преступленія. Я съ волненіемъ посмотрѣла на него, но ничего, кромѣ спокойнаго равнодушія, не прочла я въ его спокойномъ, съ оттѣнкомъ любопытства, взорѣ.

— А! Вы мать Субботина? Значитъ онъ не Субботинъ, а Савинковъ? Прекрасно, такъ и запишемъ!—равнодушно произнесъ онъ, и на мою просьбу поѣхать со мной теперь же въ крѣпость, для удостовѣренія личности сына, а слѣдовательно и для свиданія съ нимъ, онъ совершенно спокойно сказалъ:—Сегодня не могу. Ужъ поздно. Да я и усталъ. У меня не одно ваше дѣло! (Точно мое дѣло было самое обыкновенное, точно надъ головой моего сына не висѣла смерть, точно я не была его матерью!...) Завтра утромъ увидите сына!—повторилъ онъ.

Я была сражена. Надо пережить то, что я переживала, чтобы понять, какое значеніе имѣло для меня свиданіе съ сыномъ. Я пристально посмотрѣла на слѣдователя.

— Можетъ быть у васъ тоже есть сынъ?—невольно вырвалось у меня. Слѣдователь смутился.

— А вѣдь похожъ! Похожъ на мать!—сказалъ онъ—и добрая улыбка внезапно освѣтила и совершенно измѣнила его лицо. Точно лучъ солнца прорѣзалъ тучу.—Да, это вашъ сынъ—тотъ же взглядъ! Ѣдемте!—быстро прибавилъ онъ, поднимаясь съ мѣста.

Я не заставила повторять эти слова, и мы быстро тронулись въ

штабъ крѣпости, исполнили всѣ формальности для пропуска на свиданіе и наконецъ поѣхали туда, гдѣ за рѣшетками, замками, окруженный стражей, былъ заключенъ сынъ мой!

Когда мы, показавъ пропускъ, въѣхали въ крѣпость, я жадно оглянулась кругомъ: мой сынъ былъ уже близко, за этой стѣной!... Крѣпость была окружена съ трехъ сторонъ водою. Море красило видъ. Бѣлѣли лагерныя палатки... Видна была зелень... Кое-гдѣ виднѣлись домики служащихъ.... И тутъ же солдаты весело играли въ бабки, играли, точно тутъ, рядомъ, не томилась похороненная заживо жизнь!

Въ общемъ все это не представляло грознаго вида и не давало того понятія, какое возникаетъ при словѣ: «крѣпость.» Извнѣ видна была жизнь, по своему свободная.... Но тутъ же въ двухъ шагахъ была гауптвахта—гробъ свободной мысли, свободныхъ чувствъ и желаній. И при видѣ этой гауптвахты, при мысли, что здѣсь запертъ мой сынъ, являлось безумное желаніе раздвинуть эти крѣпкія стѣны, уничтожить замки, рѣшетки и стереть съ лица земли изобрѣтенные для мученія людей запоры.... Но приходилось смириться и отдаться силѣ судьбы....

На звонокъ колокола явился караульный офицеръ, продѣлалъ всѣ требуемыя формальности, осмотрѣлъ пропускъ и паспортъ и, наконецъ, предложилъ слѣдовать за нимъ. Съ замираніемъ сердца прошла я пріемную, затѣмъ большую караульную, всю наполненную солдатами и составленными ружьями, затѣмъ сѣни съ запертой рѣшеткой.

Унтеръ-офицеръ отперъ замокъ, отдалъ честь офицеру, и я вступила, наконецъ, въ корридоръ, по обѣ стороны котораго, съ часовымъ у каждой двери, были заключены въ одиночныхъ камерахъ политическіе заключенные.

Мы остановились у одного изъ номеровъ, загремѣли засовы, заскрипѣла ржавая дверь, и... я увидала сына!!

Послѣ первыхъ словъ, приведенныхъ мною выше, сынъ положилъ руку на мое плечо и сказалъ съ проникновенномъ взглядомъ:

— Мама! Каковъ бы ни былъ приговоръ, знай, къ этому дѣлу я не причастенъ!—Я вздохнула съ облегченіемъ, мое предчувстіе оправдывалось.—Я не боюсь смерти, я готовъ къ ней каждую минуту, но я хотѣлъ бы умереть не за то, что совершили другіе!—говорилъ сынъ, и я вѣрила ему. Вѣрила каждому слову. Я знала, что все, что онъ говоритъ и будетъ говорить, святая правда: никогда онъ не былъ способенъ лгать и никогда не отрекся бы отъ своего участія въ какомъ бы то ни было дѣлѣ. —Кромѣ того, что я не причастенъ—продолжалъ сынъ,—но въ этомъ дѣлѣ такія стороны, которымъ я никоимъ образомъ не могу сочувствовать... Но на безпристрастіе властей я не расчитываю и готовъ ко всему. И въ настоящее время меня болѣе всего заботитъ мысль: какъ перенесешь это новое горе ты?—Я взяла его руку и поцѣловала ее.

— Дѣло не во мнѣ, обо мнѣ не думай,—и я стала разсказывать сыну положеніе вещей... Теперь, когда дѣло получило отсрочку на

нѣсколько дней, можно было надѣяться, что адвокаты успѣютъ съѣхаться, что Ждановъ уже здѣсь, что будетъ сдѣлано все, что въ силахъ человѣческихъ, чтобы правильно поставить дѣло. Сынъ горько усмѣхнулся.

— Къ чему?—сказалъ онъ.—Неужели ты вѣришь въ правосудіе? А я такъ убѣжденъ, что буду повѣшенъ, иначе зачѣмъ же и военный судъ? И неужели ты думаешь, что я буду защищаться?

Съ трудомъ удалось убѣдить его, что во всякомъ случаѣ онъ не одинъ, что съ его участью тѣсно связана и участь двухъ его ни въ чемъ неповинныхъ товарищей, арестованныхъ съ нимъ, что ихъ непричастность обязательно должна быть выяснена, а выяснить ее можетъ только правильно поставленная защита... Тогда сынъ, соглашаясь на защиту товарищей, просилъ, чтобы о немъ на судѣ ничего не говорили, просилъ также о защитникѣ для Макарова, къ которому относился съ большимъ участіемъ и сожалѣніемъ.

Затѣмъ онъ сообщилъ мнѣ подробности своего ареста. Онъ пріѣхалъ въ Севастополь за два дня до катастрофы, для пропаганды и своихъ личныхъ дѣлъ. Во время парада онъ спокойно обѣдалъ на приморскомъ бульварѣ (что и удостовѣрили свидѣтели лакеи) и затѣмъ, купивъ газету, сѣлъ ее читать въ городскомъ саду на скамейкѣ. Здѣсь онъ услышалъ грохотъ, какъ бы отъ пушечнаго выстрѣла, но не придалъ ему никакого значенія, полагая, что это салютъ изъ орудій. по случаю парада. Въ это время въ аллеѣ показался священникъ, тотчасъ же присѣвшій на эту же скамью и заговорившій съ нимъ. Они обмѣнялись именами, причемъ священникъ назвалъ себя протоіереемъ Ивановымъ и сообщилъ, что живетъ въ Петербургѣ и только временно находится здѣсь. Онъ же сообщилъ сыну, что только что произошелъ взрывъ бомбы и что есть убитые и раненые. Поговоривъ немного, они разстались, и сынъ мой, дочитавъ свою газету, самымъ спокойнымъ шагомъ направился къ себѣ въ гостинницу. Зачѣмъ ему было туда идти, если бы онъ принималъ участіе въ взрывѣ? Имѣя при себѣ паспортъ и болѣе тысячи рублей, зачѣмъ шелъ онъ въ руки полицейскихъ властей, когда для него не представляло никакого затрудненія скрыться? Зачѣмъ было возвращаться въ отель, гдѣ его ждалъ, конечно, арестъ? Какъ объяснить его нахожденіе такъ далеко отъ мѣста происшествія? Но власти съумѣли объяснить все по своему: еслибы онъ былъ на площади, значитъ онъ руководилъ... Если не былъ, значитъ хитрость для отвода глазъ. Положеніе въ своемъ родѣ безвыходное. Подходя къ своему отелю Вецель, сынъ не замѣтилъ ничего особеннаго, все было, какъ всегда. Швейцаръ стоялъ на своемъ мѣстѣ, въ дверяхъ былъ корридорный. Но едва онъ сталъ подниматься на лѣстницу, какъ кто-то сильно схватилъ его сзади за руки, и грубый голосъ произнесъ:

— Ни съ мѣста, иначе застрѣлю, какъ собаку.

И тотчасъ же къ груди его былъ приставленъ револьверъ. Въ то же время, спрятанные въ ресторанномъ залѣ солдаты тѣснымъ кольцомъ окружили его со всѣхъ сторонъ, и неизвѣстно откуда появившійся сыщикъ Григорьевъ съ азартомъ подскочилъ къ сыну и, тряся кулаками, кричалъ:

— Я слѣдилъ за тобой... Я указалъ на тебя... Не вывернешься.— Его пылъ былъ необычаенъ: онъ вертѣлся, махалъ руками, хвасталъ своей проницательностью. Но каково же было изумленіе сына, когда послѣ обыска, обнаружившаго у сына крупную сумму денегъ, этотъ же самый сыщикъ, улучивъ минуту, когда начальство отошло, а остались одни конвойные, внезапно перемѣнилъ тонъ и, униженно кланяясь, сказалъ сыну:

— Баринъ, простите меня!

Борисъ посмотрѣлъ на него съ омерзеніемъ:

— Теперь ты просишь прощенія? А что говорилъ ты, когда у меня къ груди былъ приставленъ револьверъ?

— Что ужъ, баринъ!—сказалъ этотъ отверженный.—Что съ меня взять? Развѣ я не понимаю, что я послѣдній человѣкъ!

Видѣла впослѣдствіи сыщика Григорьева и я: его плоское лицо, огромныя уши и безпокойно бѣгающіе глаза вызывали отвращеніе, и одна мысль о томъ, что участь нашихъ дѣтей отдается въ руки такихъ лицъ, можетъ повергнуть въ отчаніе: вѣдь отъ него зависитъ дать то или другое объясненіе каждому дѣйствію выслѣживаемаго имъ лица, отъ него зависитъ толкованіе подслушаннаго разговора, онъ даетъ характеристику, и часто только отъ его показаній зависитъ жизнь или смерть его жертвы... И все это въ рукахъ человѣка, который самъ себя называетъ «послѣднимъ».

Еще хорошо запомнилъ сынъ мой одного флотскаго офицера, проходившаго мимо во время процедуры ареста и совершенно добровольно, безъ чьего бы то ни было давленія, взявшаго на себя роль сыщика: самымъ тщательнымъ образомъ помогалъ онъ обшаривать сына, лѣзъ къ нему въ карманы, въ сапоги и притомъ все время нещадно бранился. Какими побужденіями руководился этотъ офицеръ? Думалъ ли онъ послужить отечеству, прибавляя непріятности человѣку, степени виновности котораго онъ даже не могъ знать? Хотѣлъ ли заслужить одобреніе начальства, получить награду?...

Спустя нѣкоторое время, моего сына подъ конвоемъ отвели въ штабъ крѣпости, куда въ скорости были приведены и его товарищи, Назаровъ и Дойниковъ. Они были поражены неожиданнымъ, по чуждому имъ дѣлу, арестомъ. Одинъ изъ нихъ, не вполнѣ сознавая свое положеніе, безпокоился объ отобранныхъ у него при арестѣ часахъ, и сынъ съ трудомъ убѣдилъ его, что часы ему теперь «ни къ чему».

Для сына же положеніе было ясно: при той спѣшкѣ, какую выказалъ судебный слѣдователь, доказать свою непричастность къ дѣлу возможности не представлялось! Его случайнаго нахожденія въ этотъ моментъ въ Севастополѣ было слишкомъ достаточно, чтобы его повѣсить, хотя департаменту полиціи, разъ его агентура была поставлена хорошо, должна бы была быть извѣстной его непричастность, но съ этой стороны нечего было надѣяться на спасеніе.

Едва сынъ мой успѣлъ разсказать мнѣ эти подробности, какъ появившійся караульный офицеръ заявилъ, что свиданіе кончено. Можно себѣ представить, какъ невыносимо тяжело было мнѣ въ эту минуту разставаться съ сыномъ, но разсуждать, а тѣмъ болѣе просить

не приходилось и, горячо обнявъ сына, я обѣщала ему быть у него завтра.

— Навѣрное?—спросилъ Борисъ.

— Навѣрное, дорогой мой,—съ увѣренностью сказала я, забывая, что такая простая вещь, какъ свиданіе матери съ сыномъ, зависитъ не отъ ихъ обоюднаго желанія, а отъ произвола властей. Впрочемъ, бывшій при нашемъ прощаніи слѣдователь очень охотно обѣщалъ мнѣ дать пропускъ, назначивъ зайти къ нему завтра утромъ.

— Помни, мама! Не плакать!—были прощальныя слова сына.

Тяжело мнѣ было ѣхать назадъ. Сознаніе невиновности сына было, конечно, облегченіемъ, но оно же создавало особый трагизмъ положенія. Какъ убѣдить въ этой невиновности предубѣжденныхъ противъ него людей? Какимъ образомъ доказать случайность его нахожденія въ Севастополѣ, разъ онъ объявилъ себя революціонеромъ? А присутствія на парадѣ его товарищей Назарова и Дойникова было вполнѣ достаточно, чтобы создать изъ этого положенія цѣлый заговоръ, главою котораго, какъ интеллигентъ, признавался сынъ.

Вечеръ и ночь я провела, расхаживая, какъ маятникъ, по маленькой комнаткѣ, не замѣчая ни времени, ни мѣста, съ одной всепоглощающей мыслью: «Не причастенъ и, тѣмъ не менѣе, надъ головой его смерть!»

Рано утромъ, какъ только позволяли приличія, я уже ѣхала къ слѣдователю, обѣщавшему мнѣ дать разрѣшеніе на свиданіе съ сыномъ. Прощаясь, онъ мнѣ сказалъ:

— Не падайте духомъ, завтра увидите сына!

Поэтому, когда отворившая мнѣ дверь личность заявила:

— Слѣдователя нѣтъ дома!—я съ усмѣшкой покачала головой и убѣжденно сказала:

— Передайте ему мою фамилію и онъ меня приметъ!

— Его нѣтъ, не только дома, но и въ городѣ!—былъ отвѣтъ,—онъ рѣшилъ воспользоваться двумя днями праздниковъ и уѣхалъ въ Балаклаву. И онъ велѣлъ передать вамъ, что больше къ этому дѣлу касательства не имѣетъ, такъ какъ вчера вечеромъ передалъ его военному прокурору!

Я не вѣрила своимъ ушамъ! Зачѣмъ же было давать обѣщаніе, назначать часъ пріѣхать за разрѣшеніемъ, если въ тотъ же вечеръ онъ передавалъ дѣло прокурору? Или онъ намѣренно сдѣлалъ это, чтобы снять съ себя всякую отвѣтственность за дальнѣйшія свиданія? Вотъ онъ мундиръ чиновника! Послѣ вчерашнихъ проявленій человѣческихъ чувствъ, поступокъ слѣдователя мнѣ показался недостойнымъ... Но развѣ это случилось со мною въ первый разъ? Съ горькой усмѣшкой стояла я передъ захлопнувшейся передо мною дверью и мучительно рѣшала вопросъ, куда теперь броситься? Я рѣшила во что бы то ни стало увидѣть сына... Вѣдь я сама ему сказала: «навѣрное!» Такъ или иначе, надо было добиться свиданія...

Я вспомнила, что слѣдователь вчера, прежде чѣмъ ѣхать въ крѣпость, заѣзжалъ со мною въ штабъ и рѣшилась отправиться туда. Я попросила начальника штаба черезъ дежурнаго принять меня по важному дѣлу.

Несмотря на праздничную и къ тому же раннюю пору, меня не задержали, и скоро ко мнѣ вышелъ г. Шемякинъ. Держась учтиво, безъ лишнихъ словъ, онъ на мою просьбу сообщилъ мнѣ, что лично противъ свиданія моего съ сыномъ ничего не имѣетъ, но, безъ разрѣшенія слѣдователя или прокурора, дать пропускной билетъ не можетъ.

— Вѣдь вы понимаете, что я не могу нарушить законъ?

— Я понимала, но, тѣмъ не менѣе, чувствовала себя въ положеніи мыши, захваченной мышеловкой. Законъ и жизнь! Какіе два жестокіе контраста! Жизнь говорила мнѣ, что сынъ мой запертъ, окруженъ штыками, враждебными лицами, что ждетъ меня, что для него мучительны часы ожиданія... а законъ холодно говоритъ: «нельзя!» и не было никакой возможности сломить его.

— Привезите разрѣшеніе прокурора, и я дамъ пропускъ! — вѣжливо предложилъ мнѣ г. Шемякинъ. Я поспѣшила къ военному прокурору. Ѣхала я къ нему, на основаніи заявленія слѣдователя, что дѣло имъ передано военному прокурору вчера вечеромъ.

Военный прокуроръ Волковъ тоже меня не заставилъ ждать и почти немедленно принялъ меня. Съ глубокимъ волненіемъ вошла я къ нему. Приходилось говорить съ человѣкомъ, вся задача котораго въ данную минуту состояла лишь въ томъ, чтобы осудить моего сына и предать его смерти!.. Вѣдь онъ будетъ доказывать судьямъ только одно, что сына моего надо лишить жизни, что это необходимо для общаго блага, чуть-ли не для спасенія родины отъ смутъ и крамолы! Отнять у меня навсегда сына составляло весь смыслъ его присутствія здѣсь, въ Севастополѣ. Удастся—его ждетъ хвала, награда... Нѣтъ—его ждетъ порицаніе, и ужъ, конечно, этотъ человѣкъ сдѣлаетъ все, что отъ него зависитъ, чтобъ это удалось...

— Господинъ прокуроръ! Я пришла просить вашего разрѣшенія на свиданіе съ сыномъ!

Нервное, блѣдное лицо прокурора передернулось, и холодный взглядъ остановился на мнѣ:

— Къ сожалѣнію—я не вправѣ. Я не получилъ дѣла!

— Какъ? Я только что отъ слѣдователя, гдѣ мнѣ было категорически сказано, что дѣло передано военному прокурору.

— Можетъ быть!.. Но передано не значитъ еще, что получено. Оно не у меня!..

— Къ кому же мнѣ обратиться?—съ отчаяніемъ въ душѣ спросила я.

— Не знаю,—былъ отвѣтъ.

— Но гдѣ же оно можетъ быть въ данную минуту, это дѣло?

— Быть можетъ, у гражданскаго прокурора, наблюдавшаго за слѣдствіемъ. Пока же оно не у меня, я разрѣшенія дать не могу.

Онъ поклонился и ушелъ. Оставалось одно — уйти. Я отправилась къ гражданскому прокурору. На счастье, г. Кенигсенъ самъ отворилъ мнѣ и пригласилъ войти. Прокуроръ Кенигсенъ не выглядывалъ чиновникомъ—педантомъ. Его первыя слова были просты и произнесены не безъ участія:

— Видѣли вчера сына? Мнѣ говорилъ слѣдователь.

— Я именно по этому дѣлу, г. прокуроръ. Мнѣ обѣщано слѣдователемъ свиданіе съ сыномъ, а между тѣмъ онъ уѣхалъ. Прошу васъ разрѣшить мнѣ это свиданіе!

Лицо прокурора вытянулось.

— Не могу.

— Почему?—спросила я.

— Потому что дѣло не за мной. Оно за военнымъ прокуроромъ, и свиданіе зависитъ отъ него.

— Но, господинъ прокуроръ,—съ отчаяніемъ возразила я,—эти чиновничьи проволочки похожи на издѣвательство. Слѣдователь уѣхалъ, начальникъ штаба безъ разрѣшенія пропуска не даетъ. Военный прокуроръ говоритъ, что свиданіе зависитъ отъ васъ. Вы говорите, что отъ него. Гдѣ же правда?

— Знаю одно,—сказалъ прокуроръ,—что дѣло отправлено къ военному прокурору.

— Отправлено, но не получено имъ,—возразила я.

— Въ такомъ случаѣ онъ получитъ его сегодня вечеромъ: оно гдѣ нибудь задержалось въ передаточной инстанціи. Завтра, вѣроятно, прокуроръ дастъ вамъ свиданіе.

— Завтра?—внѣ себя вскричала я.—А если бы надъ головой вашего сына висѣла смерть, вы стали-бы ждать до завтра?—Я видѣла, что прокуроръ смутился.—Вы пропустили бы одинъ изъ немногихъ остающихся ему дней? Вы могли бы спокойно ждать?—въ негодованіи волновалась я.—Нѣтъ, господинъ прокуроръ, не вѣрю, не хочу вѣрить, чтобы вы, имѣя въ рукахъ возможность дать мнѣ свиданіе съ сыномъ при такихъ обстоятельствахъ, чтобъ вы отказали мнѣ. Не вѣрю!

Прокуроръ въ раздумьи смотрѣлъ въ окно... Онъ что-то обдумывалъ. Потомъ, взглянувъ на меня, взялъ перо, подержалъ его въ рукѣ въ нерѣшительности и сѣлъ, наконецъ, къ столу.

— Присядьте, я напишу!

Я съ глубокой благодарностью посмотрѣла на него: вотъ вѣдь и чиновникъ, а человѣкъ! Онъ приложилъ печать, тщательно сложилъ вчетверо бумагу и передалъ ее мнѣ.

— Благодарю васъ!—отъ всей души вырвалось у меня, и сердце забилось отъ радости: сейчасъ увижу сына! Онъ проводилъ меня до двери и закрылъ ее за мною.

На лѣстницѣ я инстинктивно развернула бумагу. Вотъ что было въ ней написано:

«Не имѣю препятствій для допущенія матери политическаго заключеннаго Савинкова къ свиданію съ сыномъ. Прокуроръ Кенигсенъ». А внизу было приписано: «Дѣло за военнымъ прокуроромъ».

Итакъ, онъ давалъ мнѣ ничего не значащую бумагу, такъ какъ разрѣшеніе на свиданіе могъ дать только тотъ изъ прокуроровъ, за кѣмъ дѣло числилось. Съ этой оговоркой меня, конечно, къ свиданію бы не допустили, и онъ далъ мнѣ эту бумагу, лишь бы отъ меня отдѣлаться. Вся кровь бросилась мнѣ въ лицо; я вернулась къ двери и сильно позвонила.

Мнѣ отворила уже служанка.

— Баринъ занятъ и никого не принимаетъ!—Но я ее не слушала и отстранивъ ее, направилась къ кабинету.

— Господинъ прокуроръ! Всему есть предѣлъ! Что же это?

Прокуроръ и не думалъ оправдываться: онъ стоялъ въ смущеніи и смотрѣлъ внизъ. Наконецъ, онъ молча взялъ у меня назадъ бумагу, старательно разорвалъ ее и написалъ новую.

Не довѣряя ему болѣе, я прочла ее тутъ-же:

«Разрѣшаю матери политическаго заключеннаго Савинкова свиданіе съ сыномъ! Прокуроръ Кенигсенъ».

— Но,—строго сказалъ прокуроръ—прошу васъ болѣе ко мнѣ по этому дѣлу не обращаться.—Я молча поклонилась и поспѣшила въ штабъ крѣпости.

Генерала Шемякина уже не было, меня принялъ его помощникъ, капитанъ Олонгренъ. Шведъ по происхожденію, изысканнаго обращенія, онъ могъ служить образцомъ того, какъ можно, не выходя никогда за рамки предписаній и закона, быть человѣчнымъ: пропускной билетъ писался быстро, законныя просьбы исполнялись охотно и безъ пререканій; рэестръ передачи, чтобы не было задержки, капитанъ просматривалъ самъ, и отъ него перваго я услышала слова участія къ моему горю:

— Не отчаявайтесь! Дастъ Богъ—все будетъ хорошо! Если правда, какъ вы говорите, что вашъ сынъ въ этомъ дѣлѣ невиненъ, такъ вѣдь судьи это разсудятъ!

Не знаю—говорилъ-ли онъ искренно; но что добрыя слова, сказанныя въ горькую минуту приносятъ утѣшеніе—это я испытала на самой себѣ: какъ ни мало вѣрила я въ счастливый исходъ военнаго суда, тѣмъ не менѣе въ душѣ шевельнулась надежда: «а вѣдь и въ самомъ дѣлѣ судьи можетъ быть разсудятъ!» Такова человѣческая натура, что хочется вѣрить, хочется надѣяться—и слова участія, сказанныя капитаномъ Олонгреномъ, оставили хорошій слѣдъ въ душѣ моей. Когда потомъ мнѣ при случаѣ пришлось говорить съ генераломъ Шемякинымъ, я и въ немъ не нашла озлобленія.

— Что такое для моего сына генералъ Неплюевъ?—говорила я ему,—чтобы сынъ мой изъ-за него рисковалъ жизнью? И кто мѣшалъ моему сыну уйти, а не возвращаться въ отель, разъ у него были деньги и паспортъ?

— Но почему онъ сразу не открылъ свою фамилію?—спросилъ генералъ.

— Потому что онъ не ожидалъ отсрочки дѣла и былъ увѣренъ, что его повѣсятъ раньше, чѣмъ мы пріѣдемъ. И онъ не хотѣлъ чтобы мы, его родные, страдали... Онъ думалъ, что если я узнаю объ этомъ когда-нибудь потомъ, черезъ годъ и болѣе, я легче перенесу эту вѣсть.

— Что-жъ! — добродушно сказалъ генералъ,—можетъ быть и такъ—судъ разсудитъ.

Это «судъ разсудитъ», мнѣ опять было отрадно слышать, но только на мгновеніе. Сейчасъ же опять въ сердце заползало сомнѣніе и какъ червякъ, точило его.

— А вы попросите сына вашего, чтобы онъ не писалъ записокъ

арестованнымъ, а то пришлось отнять у него перо и чернила—добавилъ генералъ.

Я обѣщала. Добродушіе генерала было особенно цѣнно, такъ какъ изъ разсказовъ я знала, что онъ и самъ едва не сдѣлался жертвою взрыва, потому что находился на мѣстѣ катастрофы такъ близко, что былъ обрызганъ кровью. И конечно, при такихъ условіяхъ, могъ относиться къ предполагаемымъ виновнымъ болѣе враждебно...

Что касается записки, о которой упомянулъ генералъ, то дѣло было такъ: сыну моему передали записку Макарова, шестнадцатилѣтняго мальчика, котораго онъ никогда раньше не зналъ, но которому глубоко сострадалъ, какъ товарищу по заключенію. Макаровъ спрашивалъ его совѣта, какъ ему держать себя на судѣ? Отвѣтъ сына заключался въ томъ, что разъ Макаровъ пошелъ на такое дѣло, то долженъ умереть спокойно и мужественно. «Что касается насъ» добавлялъ сынъ «то мы будемъ держаться истины—такъ какъ мы къ этому дѣлу не причастны; хотя если насъ приговорятъ къ смерти—умремъ спокойно».

Таково было содержаніе записки, которую Макаровъ показалъ своему казенному защитнику—капитану Обаджіеву, а этотъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ представить записку начальству. Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвелъ этотъ поступокъ защитника на обвиняемыхъ...

Получивъ пропускъ, я отправилась, наконецъ, въ крѣпость. Меня мучила мысль о томъ, какъ много я потеряла времени и какъ сынъ тревожится...

На этотъ разъ въ караулѣ былъ другой офицеръ, выказавшій необычайное рвеніе: онъ тщательно обыскалъ и обнюхалъ всю привезенную мною пищу и, сказавъ, что въ данную минуту къ сыну нельзя почему-то и надо подождать, пустился со мной въ разговоры. Поговоривъ на тему, какъ непріятно военнымъ, когда среди ихъ, хотя бы и въ видѣ заключеннаго, затесался статскій, онъ сказалъ мнѣ, указывая рукой въ окно:

— Вѣдь вотъ, кажется, и крѣпость, и окружена со всѣхъ сторонъ, и караулъ какой, а каналья Фельдманъ все-таки бѣжалъ!

— Почему же каналья?—полюбопытствовала я.

— А какже? Вѣдь изъ-за него капитанъ будетъ сидѣть въ крѣпости...

Я съ полной безнадежностью смотрѣла на говорившаго...

Вообще я съ любопытствомъ присматривалась, къ такъ мало знакомымъ мнѣ нравамъ военныхъ и къ ихъ пріемамъ во время обысковъ привозимой пищи и одежды. Если въ караулѣ бывалъ юный, недавно выпущенный офицеръ, онъ дѣлалъ обыскъ конфузливо и съ краской въ лицѣ, видимо стыдясь сыска. Но если дежурнымъ былъ, что называется, старый служака, то онъ продѣлывалъ его съ большимъ усердіемъ и охотно: перебиралъ и пересматривалъ одну и ту же вещь по нѣсколько разъ.

Особенно памятенъ мнѣ одинъ сѣдоватый уже и не молодой

на видъ офицеръ. Его все возмущало: и то, что привозится бѣлье: «вотъ еще нѣжности!» и то, что разрѣшена своя пища.

— Почему вашъ сынъ не ѣстъ казенной пищи?—сердито спрашивалъ онъ меня.

— Онъ не можетъ привыкнуть къ ней!—отвѣчала я.

— Пфа!—сердито фыркалъ офицеръ.—«Я самъ» (онъ неподражаемо произносилъ это «самъ»). Я самъ ѣмъ ее съ удовольствіемъ, такъ ему и подавно брезгать нечего!

Солдаты озлобленія не выказывали и когда я проходила черезъ караульную, вставали и многіе снимали шапку...

Наконецъ, меня допустили къ сыну. Онъ меня ужъ давно поджидалъ. Я разсказала ему свои мытарства... Онъ плохо спалъ эту ночь и былъ блѣденъ. Однако, узнавъ, что сегодня пріѣдетъ жена—оживился и повеселѣлъ.

— Лишь бы вы перенесли твердо—говорилъ онъ,—а я къ смерти готовъ и встрѣчу ее спокойно!

— Но можетъ быть и не приговорятъ?—робко пыталась я поколебать его убѣжденіе.—Можетъ быть выяснится непричастность васъ трехъ?

Онъ только махнулъ рукой.

— Выяснится она или нѣтъ пощады ждать нечего. Зачѣмъ же тогда военный судъ? И зачѣмъ здѣсь Трусевичъ?

Меня удручали эти сомнѣнія, и сама я была въ тревожномъ состояніи, хотя и бодрилась изо всѣхъ силъ. На этотъ разъ свиданіе было короче вчерашняго, благодаря сѣдому офицеру. Съ какимъ-то особеннымъ апломбомъ вошелъ онъ въ камеру и рѣзко произнесъ:

— Свиданіе кончено!

Я долго и горячо обнимала сына, онъ сказалъ мнѣ, что судъ назначенъ на 26-е число. Оставалось пять дней!.. Пять дней до суда, до безповоротнаго рѣшенія и можетъ быть... пять дней его жизни!.. Холодѣла кровь отъ этой мысли, и хотѣлось броситься на грудь сына и плакать, плакать!.. Выплакать всѣ слезы до единой, всѣ накопившіяся за эти годы слезы!.. Но я не смѣла плакать... Не смѣла нарушить мужество сына!

Мы пришли къ безмолвному соглашенію, не говорить о томъ, что жгло сердце! Не вспоминали прошедшаго, не говорили ни объ отцѣ, ни о братѣ—все тонуло въ бездонной пучинѣ новаго горя... Я обняла сына и поторопилась уйти, стараясь не глядѣть на суроваго, ожидавшаго конца нашего свиданія, офицера.

Съ момента перехода дѣла въ руки военнаго прокурора, я получила разрѣшеніе видѣть сына ежедневно, вплоть до суда; но тѣмъ не менѣе приходилось ѣздить каждый день въ штабъ крѣпости за пропускомъ. Въ этотъ же день съѣхались и наши адвокаты. Кромѣ пріѣхавшаго вмѣстѣ со мной А. Жданова, пріѣхалъ Л. Н. Андрониковъ и Н. И. Фалѣевъ изъ Петербурга и П. Н. Малянтовичъ изъ Москвы.

Съ ихъ пріѣздомъ дѣло защиты закипѣло. Быстро распредѣлили они роли и принялись энергично дѣйствовать. Подборъ защиты оказался необычайно удаченъ... Одинъ дополнялъ другого, и у меня не было словъ, чтобы достаточно выразить имъ мою благоговѣйную

благодарность. То были не только защитники, то были настоящіе хорошіе люди, которые узнавъ, что сынъ мой арестованъ случайно и къ взрыву непричастенъ, приняли это дѣло къ сердцу, какъ собственное, и отдали ему на этотъ періодъ все свое время, помыслы, заботы, все искусство знатоковъ-юристовъ и всю силу своихъ талантовъ. Ничто не было ими упущено, никакая деталь не осталась не разработанной и все, чего могутъ достичь знаніе, воля и энергія—было ими проявлено. Съ такими людьми я чувствовала себя среди друзей и это много облегчало мое положеніе.

Однако, времени было мало, а адвокатамъ приходилось брать на себя и неожиданную работу, напримѣръ, страннымъ образомъ, вышло такъ, что свидѣтели обвиненія были всѣ разысканы, а многимъ свидѣтелямъ защиты—повѣстки не были вручены. Нужно было ихъ разыскивать и брать на себя самую неблагодарную работу.

Между прочимъ, всѣ мы остановились въ отелѣ Вецель. Случилось такъ, что въ этомъ же отелѣ остановился и пріѣхавшій изъ Одессы военный судъ, въ составѣ предсѣдателя, прокурора и секретаря. И въ этомъ же отелѣ остановился и будущій директоръ департамента полиціи, съ сопровождавшимъ его жандармскимъ офицеромъ. Можно себѣ представить, какъ угнетающе дѣйствовало на меня это роковое совпаденіе. Постоянныя, невольныя встрѣчи то съ однимъ, то съ другимъ лицомъ, спеціальнымъ назначеніемъ котораго было такъ или иначе рѣшать судьбу сына, постоянное нахожденіе, благодаря присутствію Трусевича, на лѣстницѣ, ведшей въ его комнату—жандармовъ, сыщиковъ и чиновъ полиціи, составляло для меня отвратительное мученіе. Каждая бумага, которую несъ наверхъ жандармъ, казалась мнѣ обвинительнымъ документомъ противъ сына, каждый сыщикъ дразнилъ нервы... Я не выдержала и, сговорясь съ нашими адвокатами, мы къ вечеру всѣ покинули этотъ отель и переѣхали въ другой, и я стала немного спокойнѣе...

Такъ шли дни, то короткіе, какъ мгновеніе, то долгіе какъ вѣчность, смотря по тому, на какой срокъ были разрѣшенія на свиданія съ сыномъ.

Вообще, жилось какъ въ угарѣ и некогда было опомниться: хлопоты о свиданіи, закупки для передачи, совѣщанія съ защитниками, телеграммы и письма родныхъ—все это составляло вихрь, не оставлявшій времени на размышленіе... Но поздно вечеромъ, когда я выходила на балконъ и среди прелестнаго, освѣщеннаго луной ландшафта, искала мѣста, гдѣ была крѣпость, душа моя, черезъ видимое пространство моря, бухты и зданій—неслась къ заключенному узнику, и воображеніе рисовало маленькую комнатку, кровать, табуретъ, лампочку и томящагося ожиданіемъ и знающаго, что его ждетъ, сына! Я знала, что онъ бодръ, крѣпокъ духомъ и готовъ... ко всему. И тѣмъ не менѣе, душа скорбѣла объ его молодой, загубленной жизни и терзалась невозможностью измѣнить событія!.. А гдѣ то глубоко, на самомъ днѣ души, лежало сознаніе страшнаго, жестокаго неизбѣжнаго... Я готова была бы заплатить жизнью, чтобы не знать этого неизбѣжнаго, не думать о немъ! И ничто на свѣтѣ не могло освободить меня отъ этого сознанія, ни уничтожить его!..

Наступило двадцать пятое число... Адвокаты работали всю ночь... Всѣ сознавали, что спасеніе возможно при одномъ только условіи— отсрочкѣ дѣла... Только она могла сохранить жизнь подсудимыхъ... и адвокаты готовили массу серьезныхъ кассаціонныхъ поводовъ.

Чѣмъ ближе былъ моментъ суда, тѣмъ лихорадочнѣе всѣ дѣйствовали. Наше возбужденіе затронуло и сына, хотя онъ былъ спокойнѣе всѣхъ.

— Да! Это борьба!—сказалъ онъ однажды послѣ свиданія съ своимъ адвокатомъ. Глядя на его геройское спокойствіе, я стыдилась свой тоски. Наканунѣ суда, отправившись въ крѣпость за пропускомъ, я была удивлена даннымъ мнѣ разрѣшеніемъ: въ билетѣ было сказано: «разрѣшается свиданіе до вечерней зари».

Я радовалась. Я не догадывалась, что въ виду предстоявшаго суда и ожидавшагося смертнаго приговора—мнѣ давали долгое, цѣлодневное свиданіе, какъ... послѣднее! Мнѣ это объяснили друзья послѣ, а тогда я радовалась!..

Мы провели вмѣстѣ почти цѣлый день. Это былъ канунъ суда! Но я старалась показать передъ сыномъ, что въ душѣ моей нѣтъ страха, нѣтъ отчаянія... Я смѣялась, я разсказывала ему забавныя вещи, я говорила о будущемъ, я вѣрила въ настоящее... А сердце ныло, обливаясь кровью, и не могло успокоиться; какъ вынуть изъ него глубоко засѣвшій гвоздь: на утро судъ! Это сверлило мозгъ, душу, сердце!

Часовъ въ шесть сынъ примолкъ. Затѣмъ, глядя въ сторону куда-то, но не на меня, сказалъ грустно, но спокойно:

— А теперь поговоримъ о неизбѣжномъ!

И онъ сталъ приготовлять насъ къ мысли, что смерть его неминуема. Онъ говорилъ мягко, нѣжно... я молчала. Но еслибы можно было снять тѣлесные покровы и показать мое сердце!.. Когда онъ говорилъ:

— Ты вѣдь не подашь просьбы о помилованіи, прошу тебя.

Я отзывалась:

— Нѣтъ, дорогой мой!

— Ты постараешься быть твердой?

— Да, дорогой мой.

— Вспомни, ты не одна! Сколько такихъ, какъ ты, матерей! Умереть когда нибудь нужно, не все ли равно—какъ?

— Да, дорогой мой.

Онъ нѣжно поцѣловалъ меня. Наступило долгое молчаніе...

Наше разставаніе на этотъ разъ было коротко, чувствовалось, что въ эту минуту все лишнее—даже объятія!

И вотъ наступилъ день суда!... Какъ автоматъ продѣлала я все, что требовалось: одѣлась, сошла внизъ, сѣла въ экипажъ.... Казарма, гдѣ долженъ былъ происходить судъ, была въ шести верстахъ; ѣхали долго. Помню: была дурная погода, вѣтеръ кружилъ пыль, было сѣро, безъ солнца, я все видѣла и все замѣчала. Точно во мнѣ было два человѣка: внѣшній—говорившій, ходившій, смотрѣвшій, и другой внутренній—съ холоднымъ ужасомъ въ сердцѣ, съ застыв-

шей кровью, съ единственной мыслью:—казнь. Мнѣ была извѣстна статья, которую примѣняло обвиненіе къ моему сыну: онъ признавался главою заговора и главнымъ руководителемъ... А вѣдь это была неправда! И доказать эту неправду въ то время было невозможно: все сложилось для него, какъ нельзя хуже... Говорившаго съ нимъ на бульварѣ протоіерея Иванова не нашли; при сынѣ найденъ былъ заряженный револьверъ. Увѣряли даже, что пули этого револьвера были системы думъ-думъ, что однако было вздоромъ и заставило смѣяться сына. Конечно, на судѣ защита потребовала бы экспертовъ и доказала бы неосновательность этого подозрѣнія, но эта увѣренность указывала на предубѣжденіе и была неутѣшительнымъ признакомъ. И въ глазахъ всѣхъ говорившихъ со мной я читала сокровенную мысль, которую всѣ тщательно таили.... И все окружающее казалось до ужаса ничтожнымъ сравнительно съ тѣмъ, что должно было совершиться. Мы вошли въ казарму, она была полна: солдаты, офицеры, священникъ, свидѣтели—наполняли ее всю. И вдругъ раздался истеричный плачъ.... То плакала пришедшая на судъ сына мать Макарова, простая, покрытая платкомъ женщина. Этотъ плачъ ударилъ меня по нервамъ: ея слезы—то были мои слезы! Ея горе—мое горе! Никто лучше меня не могъ понять ее: наши сыновья сидѣли на одной и той же скамьѣ подсудимыхъ и ихъ ждала одинаковая участь! Я подошла къ ней и горячо ее обняла:

— Не надо плакать!—машинально сказала я.

Послѣ мнѣ говорили, что то была ошибка съ моей стороны. Что и жандармы, и судьи могли подумать, что я знала ее раньше, или что я хотѣла ее задобрить... Но есть такія минуты, когда человѣкъ становится выше разсужденій, выше опасеній... Что было мнѣ до того, что думали жандармы?

«Судъ идетъ!» Всѣ встали...

Я посмотрѣла на предсѣдателя: это былъ старикъ очень почтенной наружности. Лицо его было серьезно, съ оттѣнкомъ сознанія важности минуты. Я посмотрѣла на прокурора: онъ былъ блѣденъ и лице нервно подергивалось: глаза его были опущены на лежавшія передъ нимъ бумаги. Я посмотрѣла на судей, ихъ лица не выражали ничего, и ихъ застывшія безъ малѣйшаго движенія фигуры можно было бы принять за манекены, за отсутствіемъ признаковъ жизни.

Въ залѣ было нѣсколько жандармскихъ офицеровъ, съ карандашами въ рукахъ и бумагой передъ собой, готовыхъ записывать все происходящее для «доклада» властямъ, и всѣ эти военные господа были одѣты въ парадную форму, въ густыхъ эполетахъ, въ аксельбантахъ, въ крестахъ и орденахъ, словно они пришли праздновать какое-то торжество, точно это былъ ихъ пиръ.... и какимъ скромнымъ пятномъ среди всего этого блеска казался столъ защитниковъ, съ ихъ простыми, безъ всякихъ украшеній, фраками!... Но чувствовалось, что сила именно въ нихъ, что именно они составляютъ оплотъ, о который могутъ разбиться всѣ предначертанія высшихъ властей, и постоянно обращаемые въ ихъ сторону взоры присутствовавшихъ доказывали, что это всѣ понимали.

— Г. офицеръ, введите подсудимыхъ!—произнесъ предсѣдатель.

Я обернулась и стала жадно вглядываться въ раскрытую дверь: вдали что то заблестѣло. То были обнаженныя сабли жандармовъ, то были штыки конвойныхъ и среди нихъ легкой, молодой походкой шелъ мой сынъ—сынъ, котораго я носила, кормила, воспитала и котораго видѣла теперь шествующимъ на судбище, гдѣ его ждалъ жестокій приговоръ! И то, что онъ молодъ, то, что онъ гордо несъ свою голову, что улыбался, что легко бросалъ подъ ноги судьямъ свою жизнь, все это не могло проститься ему! И буря негодованія вспыхнула во мнѣ: ведутъ судить! Но кто, кто довелъ его до суда?..

Пока меня обуревали такія мысли, сынъ мой и всѣ обвиняемые вошли въ залу. Съ спокойнымъ лицомъ, съ розой въ рукахъ, проходя мимо меня и жены, сынъ мой улыбнулся намъ свѣтлой улыбкой и слегка поклонился... Боже мой, какъ забилось мое сердце: оно стучало такъ громко, что предсѣдатель съ своего мѣста могъ бы слышать его.

Предсѣдатель, генералъ Кардиналовскій, видимо приготовился отнестись къ дѣлу добросовѣстно—онъ такъ внимательно слушалъ, такъ слѣдилъ за каждымъ словомъ подсудимыхъ...

— Подсудимый встаньте и скажите ваше имя, отчество и званіе!

Громко и ясно прозвучалъ отвѣтъ:

«Потомственный дворянинъ Петербургской губерніи Борисъ Викторовичъ Савинковъ».

Отвѣты другихъ подсудимыхъ были также точны; никто изъ нихъ не былъ смущенъ, никто не терялся.

Послѣ ихъ отвѣтовъ всталъ присяжный повѣренный Фалѣевъ, знатокъ военныхъ законовъ, такъ какъ самъ недавно былъ военнымъ юристомъ, и началъ доказывать неправильность преданія суду генералъ-губернаторомъ Каульбарсомъ, тогда какъ на основаніи законовъ военнаго положенія дѣло, возникшее при такихъ условіяхъ, могло быть направлено только адмираломъ Чухнинымъ (нынѣ умершимъ). Это былъ нашъ первый кассаціонный поводъ. Прокуроръ на это заявленіе язвительно улыбнулся и высказалъ сомнѣніе въ возможности разсужденія, кто долженъ былъ предать суду. По мнѣнію прокурора кто бы ни предалъ, но разъ дѣло дошло до суда, то и должно быть разсмотрѣно.—Судъ удалился для совѣщанія. Во время перерыва сынъ говорилъ съ товарищами по обвиненію и видимо говорилъ нѣчто ободряющее, такъ какъ всѣ они слушали его съ улыбкой. Я не сводила съ него глазъ. И я удивлялась ему. Невозможно было вообразить себѣ, что этого человѣка ждетъ смертный приговоръ: такъ хладнокровно относился онъ къ суду надъ собой. Дивилась я и на жену его, застывшую въ проникновенномъ спокойствіи. Но я не была героиней! Я была простой, слабой матерью, больно чувствовавшей и не умѣвшей подавить въ себѣ эту боль.... Эта боль заставляла меня нервно перемѣнять мѣста въ ожиданія судей, входить и уходить, разговаривать съ кѣмъ могла, только для того, чтобы какъ нибудь заглушить эту невыносимую боль, жегшую мнѣ сердце. Тщетно я старалась подражать имъ, ничего не выходило... И совѣщаніе судей казалось мнѣ безконечнымъ. А между тѣмъ прошло едва нѣсколько минутъ.

Но вотъ раздалось обычное:

«Судъ идетъ», и предсѣдатель, садясь въ кресло, кратко заявилъ — Судъ призналъ дѣло слушаніемъ продолжать.

Мое сердце упало: одной надеждой стало менѣе... И хотя я знала, что у защитниковъ нѣсколько поводовъ къ отложенію, но мнѣ стало казаться, что разъ судъ отказалъ въ первомъ—значитъ, не уважитъ и другихъ.

Но поднялся съ своего мѣста Л. Н. Андронниковъ и съ большимъ спокойствіемъ и увѣренностью указалъ суду на рѣзкое нарушеніе закона, выразившееся въ томъ, что Макаровъ имѣлъ право двухнедѣльнаго срока на подачу отзыва на рѣшеніе судебной палаты о его разумѣніи, между тѣмъ съ момента этого рѣшенія прошло всего четыре дня и такимъ образомъ права подсудимаго явно нарушены.

Л. Н. Андронниковъ, подавая мотивированную записку объ этомъ нарушеніи, настоятельно просилъ дѣло слушаніемъ отложить впредь до окончанія положеннаго закономъ срока.

Я взглянула въ эту минуту на прокурора и по его лицу догадалась, какъ неожиданно и существенно для него заявленіе Л. Н. Андронникова. Онъ видимо не ожидалъ этого нападенія и не подготовился къ нему. По крайней мѣрѣ возраженіе его, сказанное едва слышнымъ, смущеннымъ голосомъ, о томъ, что разъ судебная палата признала Макарова дѣйствовавшимъ въ разумѣніи, то, значитъ, дѣло должно слушаться—не имѣло само по себѣ никакого значенія.

Опять мы услышали:

«Судъ удаляется для совѣщанія», и опять началась агонія ожиданія. На этотъ разъ она была гораздо продолжительнѣе... Прошло десять минутъ, двадцать, тридцать- судъ все еще совѣщался.

Но чѣмъ дольше продолжалось отсутствіе судей, тѣмъ больше крѣпла въ душѣ еще пока неясная надежда: значитъ судъ признаетъ заявленіе важнымъ... Какъ во снѣ слышала я отрывочные разговоры волновавшихся военныхъ... Одни говорили: «уважатъ», другіе завѣряли «нѣтъ». Одни находили въ продолжительности совѣщанія признакъ утвердительный, другіе—отрицательный, но всѣ были заинтересованы исходомъ совѣщанія. Одинъ сынъ мой былъ неизмѣнно хладнокровенъ и равнодушенъ.

Наконецъ послѣ почти часоваго совѣщанія раздалось стереотипное:

«Судъ идетъ!»

Сердце забилось, руки похолодѣли, въ глазахъ потемнѣло и, чтобы удержаться на ногахъ, я схватилась за спинку стула. Въ залѣ наступила мертвая тишина. И среди нея громко и ясно раздался голосъ предсѣдателя, читавшаго постановленіе суда:

«Принимая во вниманіе, что статья такая-то и такая-то и т. д. и еще разъ,

«принимая во вниманіе что то-то и то и то и

«принимая во вниманіе»... уже потому что предсѣдатель не сѣлъ, а продолжалъ читать стоя и, что въ бумагѣ было нѣсколько пунктовъ я стала догадываться, что дѣло получило хорошій оборотъ. И тѣмъ не менѣе, когда онъ произнесъ:

«А посему судъ призналъ: дѣло разсмотрѣніемъ отложить»—все

вокругъ меня поплыло и зашаталось, и еслибы не спинка стула, за которую я держалась—я бы упала, но на этотъ разъ уже...—отъ радости!

Сознаніе, что благодаря отсрочкѣ, являлась надежда на спасеніе, опъяняла меня...

Конечно, если бы разсуждать послѣдовательно, то вѣдь это была только кратковременная отсрочка... Но при радости послѣдовательность исключается.

Защитники ликовали и немудрено: это былъ небывалый до сихъ поръ случай—отложенія дѣла военнымъ судомъ. Мы жали другъ другу руки, поздравляли...—у близкихъ въ глазахъ стояли слезы счастья... Но я смотрѣла только на сына, который уходилъ подъ конвоемъ, также какъ пришелъ: спокойно и съ высоко поднятой головой... Много толковъ слышалось вокругъ—всѣ привыкли ничего не ждать отъ военнаго суда, кромѣ строгаго приговора, и всѣхъ поразилъ такой яркій примѣръ справедливости! Я съ глубочайшимъ уваженіемъ посмотрѣла на старика предсѣдателя: онъ не допустилъ совершиться неправосудію! Сынъ потомъ разсказалъ мнѣ, что когда они шли обратно въ крѣпость, то Назаровъ такъ разсуждалъ:

«Вотъ, вѣдь я полагалъ послѣ нашего ареста, что нѣтъ на свѣтѣ правды... Анъ вижу, что все же она есть! Хоть маленькая—а есть! Старикъ-то не захотѣлъ брать грѣха на душу—справедливый!»

Не буду говорить о свиданіи съ сыномъ послѣ суда: есть минуты жизни—слишкомъ интимныя, слишкомъ дорогія, чтобы отдать ихъ въ общее достояніе... Скажу только, что когда я обняла шею сына, шею, которая такъ близка была къ веревкѣ—мнѣ не хотѣлось выпустить ее болѣе изъ моихъ рукъ!..

Между тѣмъ на другой же день послѣ приговора режимъ сына измѣнился къ худшему. Точно всѣ власти такъ были увѣрены въ смертномъ исходѣ, что допускали нѣкоторыя послабленія только ради этого. Теперь же свиданія сократили, передачу уменьшили и вообще очень усилили надзоръ... Меня это сильно волновало.

Къ тому же, какъ всегда бываетъ послѣ долгаго напряженія нервовъ, наступила реакція: упали силы, ушла энергія... И видя, что здоровье мое окончательно разстроилась, нервы расшатались и видъ мой огорчаетъ сына—я рѣшилась для его спокойствія уѣхать, чтобы поправиться и приготовиться къ новому испытанію, то есть къ новому суду, неизбѣжному, какъ судьба!..

Шестнадцатаго іюля, изъ числа въ число черезъ два мѣсяца послѣ полученія мною роковой телеграммы изъ Севастополя отъ защитника Иванова, я, взявъ въ руки утреннюю газету—прочла большими буквами напечатанное слѣдующее извѣстіе: «Бѣгство политическаго». Севастополь 16-го іюля: Сегодня рано утромъ изъ крѣпостной гауптвахты бѣжалъ важный политическій арестованный—Борисъ Савинковъ, при помощи и въ сопровожденіи вольноопредѣляющагося Сулятицкаго.

Бѣжалъ!!! Ушелъ изъ рукъ властей! Ушелъ отъ замковъ, запоровъ, отъ всякаго насилія и произвола!.. Ушелъ отъ петли!.. Отъ возможности казни!.. О! Навѣки благословенно имя помогшаго ему!!

Чувство необъятнаго счастья наполнило грудь... Спасенъ! Не надо дрожать за завтрашній день! Не надо ждать суда! Можно заснуть безъ страшной, неотвязной мысли: казнь! И послѣ долгаго, долгаго времени сплошного горя въ мою жизнь ворвался наконецъ лучъ счастья! Но какого относительнаго счастья!.. И недолгаго: къ вечеру уже червь сомнѣнія залѣзъ въ душу и сталъ подтачивать счастливое настроеніе: «а если поймаютъ?» Опять знакомое чувство страха охватило меня... Хотѣлось прорѣзать пространство и мракъ и увидѣть, узнать—гдѣ онъ? Что? Кто съ нимъ? Гдѣ спасается?

И мучительная тревога поглотила недолгую радость.

Только, когда спустя много дней, была наконецъ получена изъ-за границы почтовая открытка, съ знакомымъ словомъ «привѣтъ», съ души наконецъ свалился непомѣрно тяжелый камень, и въ эту ночь я заснула давно забытымъ сномъ... покоя!

Черезъ двѣ недѣли сынъ мой прислалъ изъ Базеля генералу Неплюеву слѣдующее письмо:

Его Превосходительству генералъ-лейтенанту Неплюеву.

«Милостивый государь!

Какъ вамъ извѣстно, 14-го сего мая я былъ арестованъ въ г. Севастополѣ по обвиненію въ покушеніи на вашу жизнь и до 15-го іюня содержался вмѣстѣ съ гг. Дойниковымъ, Назаровымъ и Макаровымъ на главной крѣпостной гауптвахтѣ, откуда, по постановленію б. о. п. с. р. партіи и при содѣйствіи вольноопредѣляющагося 51 Митавскаго полка В. М. Сулятицкаго, въ ночь съ 15-го на 16-е іюля бѣжалъ.

Нынѣ, находясь внѣ дѣйствія русскихъ законовъ, я считаю своимъ долгомъ подтвердить вамъ то, что неоднократно было мною заявлено во время нахожденія подъ стражей, т. е. что я, имѣя честь принадлежать къ партіи соціалистовъ-революціонеровъ и вполнѣ раздѣляя ея программу, — тѣмъ не менѣе никакого отношенія къ покушенію на васъ не имѣлъ, о приготовленіяхъ къ покушенію не зналъ и моральной отвѣтственности за гибель ни въ чемъ неповинныхъ людей и за привлеченіе къ террористическому предпріятію малолѣтняго Макарова принять на себя не могу.

Въ равной степени къ означенному покушенію непричастны: Ѳ. А. Назаровъ и И. В. Дойниковъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ:

Борисъ Савинковъ».

Базель
6—9 августа 1906 г.

А въ октябрѣ мѣсяцѣ этого же года состоялся второй военный судъ надъ лицами, обвинявшимися въ покушеніи на ген. Неплюева,

въ лицѣ арестованнаго уже впослѣдствіи Калашникова и прежнихъ: Макарова, Дойникова и Назарова. Какъ и слѣдовало ожидать, время охладило пылъ страстей и судьи могли спокойно разобраться въ слѣдственномъ матерьялѣ, откуда и вытекъ оправдательный по дѣлу покушенія всѣхъ подсудимыхъ (слѣдовательно и моего, бѣжавшаго уже тогда сына) за исключеніемъ Макарова - приговоръ и обвинительный только въ принадлежности къ соціалъ-революціонной партіи, чего изъ подсудимыхъ никто не отрицалъ.

Спрашивается, за что же мы всѣ близкіе обречены были пережить всю эту передрягу, отъ которой при воспоминаніи и донынѣ морозъ подираетъ по кожѣ?

Неужели такія ошибки ничего не говорятъ власть имущимъ и не научаютъ, что система сыска весьма не цѣлесообразна: что отдавая участь людей въ невѣжественныя руки, значитъ плодить прискорбныя недоумѣнія, ошибки, а слѣдовательно и враговъ!...

Вѣдь все обвиненіе зиждилось только на показаніяхъ сыскныхъ агентовъ и на ихъ рвеніи отличиться и получить за проницательность награду! И все обвиненіе оказалось мыльнымъ пузыремъ, за который, однако, грозила смертная казнь!

И не правъ-ли былъ мой сынъ, когда предпочелъ бѣжать, чѣмъ предаться, несмотря на непричастность, сомнительной надеждѣ быть оправданнымъ!

Итакъ, пришлось пережить эти событія... Для меня они кончились относительно счастливо: мой сынъ чудомъ спасся отъ смерти! Но когда я вспоминаю всѣ пережитыя ощущенія въ ожиданіи неизбѣжной, казалось, казни! Когда вспоминаю это страшное напряженіе—я думаю не о себѣ... Я часто съ печалью спрашиваю себя—а тѣ? Тѣ другія? Тѣ, пережившія страшную ночь ожиданія казни ихъ дѣтей? Тѣ, дорогія сестры по несчастью, для которыхъ медленно ползли минуты и часы, роковымъ образомъ приближая неизбѣжное, для которыхъ никогда не настанетъ время забвенія той минуты, когда стрѣлка часовъ показывала приближеніе страшнаго мгновенія! И напрасно увѣряютъ палачи, что они только отнимаютъ жизнь за жизнь! Страшная разница есть въ томъ, какъ умереть?! Внезапно-ли, неожиданно-ли для самого себя или медлительно высчитывая оставшіеся минуты, нарочно продленныя мстительной рукой? И страна, гдѣ возможна такая месть, гдѣ ни одна мать не можетъ спокойно смотрѣть впередъ на будущее своего ребенка, — эта страна, говорю это съ тоскою—наша родина! Но день настанетъ! Онъ настанетъ—могучій, свѣтлый—день истинной свободы! И если бы не было этой надежды, не стоило бы жить!

С. А. Савинкова.

Декабрь 1906 г.

Летучая типографія „Народной Воли“ въ 1883 г. [1]).

Въ мартѣ 1883 г. П. Ф. Якубовичъ сказалъ мнѣ, что Петербургская организація «Народной Воли» нуждается въ людяхъ, которые могли бы взять на себя содержаніе конспиративной квартиры или типографіи.

Незадолго до этого партія понесла крупныя потери отъ выдачъ, произведенныхъ, какъ теперь извѣстно, Дегаевымъ. Въ ту пору измѣна Дегаева не была еще обнаружена, и петербургская организація, тоже сильно пострадавшая, продолжала считать его виднымъ революціоннымъ дѣятелемъ, счастливо бѣжавшимъ изъ рукъ правительства.

Давно уже я вполнѣ раздѣлялъ взгляды и программу партіи «Народной Воли»; будучи знакомъ съ нѣкоторыми изъ членовъ партіи, участвовалъ въ «кружкахъ»; оказывалъ нѣкоторыя услуги, но опредѣленнаго положенія въ организаціи не занималъ. И вотъ, узнавъ о нуждѣ въ людяхъ, я рѣшилъ предложить свои услуги по части устройства конспиративной квартиры. Петербургская организація приняла мое предложеніе, и рѣшено было поселить меня пока одного въ такой небольшой квартирѣ, которая была бы удобна для несложныхъ конспиративныхъ дѣлъ. О типографіи пока не было еще и рѣчи, потому что существовалъ планъ устроить ее внѣ Петербурга. У петербургской организаціи было, несмотря на множество проваловъ, нѣкоторое количество шрифта и другихъ типографскихъ принадлежностей, достаточное для оборудованья небольшой, «летучей», какъ тогда говорили, типографіи. Былъ и человѣкъ,—опытный наборщикъ, А—чъ, но удобной постоянной квартиры не было, и пока не хотѣли ее и устраивать, а необходимыя небольшія произведенія А—чъ печаталъ, кочуя съ одной квартиры на другую, поистинѣ летучимъ спо-

[1]) Этотъ эпизодъ изъ исторіи революціоннаго движенія относится къ печальному времени «дегаевщины», когда многіе революціонеры были маріонетками въ рукахъ предателя. Понятно, что вспоминать объ этомъ времени и теперь еще непріятно. Атмосфера предательства совершенно отравила, обезцвѣтила событія того времени. Да ничего яркаго, интереснаго и не можетъ сообщить авторъ этой статьи: только необходимость дать историческую справку заставила его взяться за перо.

М. Ш.

собомъ. Онъ являлся на квартиру къ какимъ либо студентамъ или знакомымъ изъ другихъ кружковъ, располагался въ наиболѣе уединенной комнатѣ, куда хозяева могли подъ какимъ либо предлогомъ не пускать постороннихъ, вынималъ изъ кармановъ своихъ и кармановъ тѣхъ лицъ, которые помогали ему перекочевывать, складную кассу со шрифтомъ и все нужное ему, и начиналъ набирать. Проработавъ такимъ образомъ гдѣ ночь, или двѣ, а гдѣ день или два, онъ собиралъ пожитки и уходилъ на другую квартиру, такъ какъ, очевидно, долго шила въ мѣшкѣ не утаишь.

Покончивъ съ наборомъ, А—чъ сверстывалъ небольшую форму и въ наиболѣе удобной квартирѣ самыми примитивными способами оттискивалъ нѣсколько сотъ экземпляровъ.

Итакъ, мнѣ предстояло найти небольшую удобную квартиру. До этого я жилъ въ меблированной комнаткѣ отъ хозяевъ, теперь же нужно было мнѣ самому сдѣлаться хозяиномъ. Видъ у меня былъ подходящій: я жилъ по свидѣтельству, выданному университетомъ въ томъ, что я окончилъ математическій факультетъ и имѣю право быть учителемъ во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Такимъ образомъ, въ глазахъ дворниковъ и участка я былъ учителемъ, занимающимся частными уроками (какъ оно и было на самомъ дѣлѣ). Такихъ много въ Питерѣ, и такому лицу занимать, хотя бы одному, отдѣльную квартиру вещь не диковинная.

Отыскалъ я квартиру изъ 2-хъ комнатъ на Таврической улицѣ, съ мебелью и всѣми удобствами, переѣхалъ туда, но жить тамъ пришлось очень недолго, такъ какъ аресты снова измѣнили положеніе дѣлъ. А—чъ былъ арестованъ, планъ устройства типографіи внѣ Петербурга былъ оставленъ, рѣшено было устроить ее въ самомъ Петербургѣ и поставить меня въ роли хозяина. Но я былъ одинокъ, а для содержанія довольно большой квартиры самымъ подходящимъ хозяиномъ, т. е. такимъ, который не возбуждалъ бы подозрѣнія у полиціи, считался человѣкъ женатый. И вотъ предстояло найти мнѣ «жену», т. е. женщину—члена партіи, которая пожелала-бы и была бы способна играть роль хозяйки тайной типографіи, а для видимости должна была вступить въ законный бракъ со мной, словомъ предстояло устроить «фиктивный бракъ».

Вскорѣ мнѣ объявили, что «жена» нашлась; эта была Прасковья Федоровна Богоразъ, студентка бестужевскихъ курсовъ. Мы познакомились.

Прасковья Федоровна была человѣкомъ очень сдержаннымъ, быстро сходиться съ людьми она не умѣла, и потому тотъ, кто ее мало зналъ, мелькомъ видѣлъ, могъ составить объ ней совершенно ложное представленіе. Довольно начитанная, она любила теоретическіе разговоры и споры и относилась съ нѣкотораго рода пренебреженіемъ къ обычнымъ разговорамъ, развлеченіямъ, шуткамъ и веселью. Это придавало ея поведенію колоритъ нѣкоторой суровости, хотя, на самомъ дѣлѣ, она не прочь была (правда, въ очень близкой компаніи) и побалагурить, и посмѣяться. Вообще, настоящей суровости въ ней не было: она замѣчательно мягко, даже любовно-мягко относилась къ людямъ, скрашивая иногда шуткой какой-либо свой

неодобрительный отзывъ о томъ или другомъ человѣкѣ, о томъ или другомъ поступкѣ. Этимъ шутливымъ отношеніемъ она какъ бы говорила, что всѣ мы грѣшны, и что данный человѣкъ не теряетъ ея добраго расположенія. Если же какой либо человѣкъ или фактъ заслуживали ея осужденія, то она высказывала это и на словахъ, и въ поведеніи очень категорично, но безъ рѣзкости. Характерна была настойчивость и аккуратность, съ которой Прасковья Федоровна выполняла всякое дѣло, важное или неважное.

Такъ, напримѣръ, ей, жившей прежде совершенно въ иной обстановкѣ, пришлось научиться вести хозяйство по буржуазному. Пришлось заказывать обѣды кухаркѣ, причемъ давать наставленія, какъ готовить кушанья, самой стряпать, ходить на базаръ за провизіей, бесѣдовать съ дворниками о разныхъ хозяйственныхъ заботахъ и пр., словомъ играть роль хозяйки, и эту роль она въ совершенствѣ усвоила въ очень короткое время. Наборъ ей очень трудно давался, и вотъ она чуть не цѣлыми ночами сидитъ за кассой. Въ партійномъ отношеніи Прасковья Федоровна была очень цѣннымъ, преданнымъ человѣкомъ, подчинявшимся безпрекословно партійной дисциплинѣ.

Такъ какъ Прасковья Федоровна была еврейкой, то ей до свадьбы предстояло выполнить еще одну довольно непріятную процедуру, именно крещеніе. Въ то время миссіонеромъ въ Петербургѣ состоялъ протоіерей Б. У него легче всего, т. е. съ меньшими формальностями, можно было креститься. Крестились отъ него очень многія студентки, вступившія въ настоящій, а не фиктивный бракъ съ христіанами. Обратилась къ нему и Прасковья Федоровна. Онъ началъ ее просвѣщать «свѣтомъ ученія Христова», назначивъ для этого, кажется, одинъ часъ въ недѣлю.

Приходитъ однажды ко мнѣ послѣ сеанса у попа моя нареченная «невѣста», явно взволнованная и сердитая. По ея словамъ, миссіонеръ сильно ее угнеталъ молитвами, катехизисомъ и разнаго рода нравоученіями. По просту, онъ привязывался къ ней. Недовольный ея успѣхами, грозилъ оттянуть крещеніе довольно на долго, между тѣмъ шла пасхальная недѣля, а послѣ пасхи у насъ рѣшено было, повѣнчавшись, переселиться на новую квартиру и начать дѣло. Я тотчасъ же заподозрилъ въ поведеніи почтеннаго протоіерея корыстные мотивы, но Прасковья Федоровна, совершенно не зная нашихъ поповъ, запротестовала противъ такой догадки. Попъ, по ея словамъ, раньше еще говорилъ ей, что за «принятіе въ лоно церкви Христовой» онъ никогда и ни за что не возьметъ денегъ. Кромѣ того, онъ жилъ въ такой роскошной квартирѣ и, повидимому, въ такомъ достаткѣ, что, по ея мнѣнію, смѣшно было бы предлагать ему какіе-то десять, двадцать рублей. Словомъ, она думала, что мы имѣемъ дѣло съ искреннимъ фанатикомъ, поэтому наотрѣзъ отказалась предложить ему денегъ и вообще «поговорить на чистоту». Очевидно, мнѣ приходилось самому вмѣшаться въ дѣло и прійти на помощь къ Прасковьѣ Федоровнѣ.

Въ ближайшій же день, назначенный для сеанса, я явился вмѣстѣ съ ней къ протоіерею. Онъ былъ очень любезенъ, очень радъ позна-

комиться со мной. Послѣ первыхъ же обыкновенныхъ фразъ и разспросовъ я прямо приступилъ къ дѣлу.

— Прошу васъ, батюшка,—сказалъ я,—не очень мучить мою невѣсту разными молитвами, катехизисомъ и т. п.

— Что вы! что вы!—запротестовалъ онъ,—ничего лишняго я не требую. Конечно, я обязанъ преподать ей начатки нашей святой вѣры. необходимыя молитвы... и на это нужно время...

— Ну, батюшка,—прервалъ я его,—пожалуйста, не оттягивайте крещенія! Какіе тамъ начатки, катехизисы, молитвы... Вѣдь крестятъ же дѣтей и дикарей, которымъ никакихъ катехизисовъ не втолкуешь. Намъ важно обвѣнчаться тотчасъ послѣ Пасхи; если это сопряжено съ нѣкоторыми расходами, то за этимъ я не постою.

— За крещеніе я ничего не беру.

— Но вѣдь послѣ крещенія мы просимъ васъ обвѣнчать насъ; сколько будетъ это стоить?

— А это смотря по тому, какая будетъ свадьба: нужно ли зажигать паникадило, будетъ ли хоръ пѣвчихъ...

— Свадьба самая скромная, прервалъ я его,—студенческая: ни паникадила, ни хора не нужно. Скажу, батюшка, откровенно, я человѣкъ небогатый, но порядочно зарабатываю уроками; могу вамъ предложить 25 руб. за вѣнчаніе.

— Ну, хорошо, хорошо... Только нужно, чтобы документы были въ порядкѣ, свидѣтели...

— Всѣ документы вамъ доставлю; будутъ и свидѣтели: по два шафера отъ меня и невѣсты; пѣть будетъ вашъ псаломщикъ; за вѣнчаніе я заплачу вамъ 25 руб., только вы не задерживайте и повѣнчайте тотчасъ послѣ Пасхи. Ну, тамъ на свѣчи, въ кружку на храмъ нужно будетъ положить...

— Хорошо, хорошо, молодой человѣкъ! Все устроимъ; въ первый же свадебный день окрестимъ и повѣнчаемъ. Экъ, какъ у васъ загорѣлось!.. Ха! ха! ха!

— Теперь, батюшка, я думаю, моей невѣстѣ и ходить къ вамъ незачѣмъ. Будетъ она моей женой, и я ужъ ее научу, какъ самъ вѣрую.

— Ахъ, нѣтъ, нельзя же такъ... Нужно еще хоть одинъ разъ...

— Ну, одинъ разъ мы еще придемъ передъ самымъ крещеніемъ.

— Вотъ и прекрасно! И документики тогда же представьте.

Мы разстались, повидимому, очень довольные другъ другомъ, и дня за 2—за 3 до крещенія пришли снова къ попу, при чемъ я принесъ и документы. Никакихъ нравоученій, разумѣется, онъ уже не говорилъ. Разговоръ вертѣлся на обстоятельствахъ крещенія и вѣнчанія. Просмотрѣлъ онъ мои документы и вдругъ спрашиваетъ:

— А гдѣ же свидѣтельство объ оглашеніи? Вы оглашеніе-то дѣлали-ли?

— Да я думалъ, что вы, батюшка, сами прикажите огласить; свидѣтельство о говѣніи я представилъ...

— Я не имѣю права дѣлать оглашенія; я настоятель домовой церкви, а оглашенія дѣлаются въ приходскихъ церквахъ. Вамъ нужно обратиться въ свой приходъ.

— Да, можетъ быть, вы это устроите безъ меня? Я человѣкъ занятой; экзамены скоро будутъ у моихъ учениковъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не могу. Да и времени мало осталось, а нужно 3 оглашенія.

Посмотрѣлъ я на него, подумалъ, что, должно быть, хочетъ прибавки, но торговаться какъ-то не захотѣлось, и я сказалъ: «ну, ладно, я добуду свидѣтельство объ оглашеніи».

Условились мы съ нимъ окончательно о днѣ крещенія и о томъ, что онъ повѣнчаетъ насъ тотчасъ же послѣ крещенія и снова разстались друзьями.

Поѣхалъ я къ приходскому священнику, тотъ послалъ меня къ своему псаломщику. Псаломщика я «очень просилъ», а потомъ «поблагодарилъ» и получилъ требуемое свидѣтельство объ оглашеніи.

Насталъ и день крещенія. Прасковья Федоровна съ своей крестной матерью, одной почтенной старушкой, и крестнымъ отцомъ, сыномъ этой старушки, студентомъ, отправились въ церковь. Крещеніе сошло благополучно, меня извѣстили, и я явился въ церковь, чтобы вѣнчаться, но къ великой досадѣ, протоіерея не засталъ тамъ: онъ послѣ крещенія уѣхалъ домой.

Ѣду къ нему на квартиру, застаю его бесѣдующимъ съ псаломщикомъ и говорю:

— Что же это, батюшка, вы же обѣщали насъ обвѣнчать тотчасъ послѣ крещенія Прасковьи Федоровны?

— Обѣщать-то обѣщалъ,—началъ онъ тянуть,—да вотъ сейчасъ, пожалуй, не успѣемъ: на молебенъ ѣхать намъ нужно...

— Да полноте, батюшка, поѣдемте сейчасъ! Долго ли обвѣнчать! Вы, вѣдь, согласились со мной и о расходахъ,—говорю я и, вынувъ 25 руб., вручаю ему.

— Ну, что съ вами подѣлаешь, поѣдемъ ужъ, поѣдемъ!—сказалъ онъ, смотря на псаломщика и пряча бумажку. Потомъ вдругъ спохватился:—А свидѣтельство объ оглашеніи?

— Вотъ оно!—говорю я, вынимая изъ кармана бумагу и вручая ему.

Онъ взялъ свидѣтельство, прочелъ и, подмигнувъ мнѣ, спросилъ:—Дорого дали?

Я сказалъ, сколько. Онъ слегка вздохнулъ и, снова подмигнувъ, сказалъ:—А вѣдь и безъ этого я могъ бы обойтись.

— Такъ отчего же вы, батюшка, мнѣ прямо не сказали? Я бы васъ такъ же, какъ того псаломщика поблагодарилъ.

— Ну, Богъ съ нимъ! Всякому жить нужно!

Наконецъ, мы поѣхали въ церковь. Тамъ меня уже ждали два моихъ шафера (офицеры). Скоро пріѣхала и невѣста съ своими шаферами, двумя студентами, и бракъ былъ совершенъ по всей формѣ.

Со слѣдующаго же дня мы съ Прасковьей Федоровной начали искать новую, удобную подъ типографію квартиру. Нашли мы ее на углу Кукушкина переулка и Екатерининскаго канала. Домъ былъ старый, безъ водопровода, но въ другихъ отношеніяхъ квартира была удобна: достаточно изолирована, окнами выходила на двѣ улицы, а

домъ имѣлъ выходы на три улицы. Пріобрѣли мы приличную мебель, даже зеркало, чтобы создать по возможности буржуазную обстановку. Очень кстати удалось добыть довольно много комнатныхъ растеній отъ знакомыхъ Прасковьи Федоровны, уѣзжавшихъ въ провинцію на нѣсколько мѣсяцевъ. Они рады были отдать на сохраненіе кому-либо свои растенія, и мы украсили нашу квартиру пальмами, фикусами и пр. На первое время мы наняли кухарку. Предполагалось, что около мѣсяца работы въ типографіи не будетъ, а мы сами, пользуясь этимъ временемъ, будемъ обучаться типографскому искусству, въ которомъ оба мы ровно ничего еще не смыслили. Наши учебныя занятія легко можно было скрыть отъ кухарки, а между тѣмъ она служила хорошимъ громоотводомъ передъ дворникомъ и полиціей. Дворникъ и полиція могли удостовѣриться въ нашей благонадежности и, такъ сказать, привыкнуть къ намъ за это время.

Доставили намъ немного шрифта, верстатку и учебникъ типографскаго дѣла. Для кассы я заказалъ два небольшихъ ящика и самъ по учебнику разгородилъ ихъ на отдѣленія. Кухарку мы пріучили безъ спроса не входить во внутреннія комнаты. Это было довольно естественно, принимая во вниманіе нашъ «медовый мѣсяцъ», о которомъ кухарка имѣла, конечно, понятіе. Такимъ образомъ, мы по вечерамъ долго и спокойно могли упражняться въ наборѣ.

Конечно, на насъ и на нашу квартиру былъ положенъ самый строгій карантинъ, т. е. никто изъ прикосновенныхъ къ революціоннымъ дѣламъ, хотя бы самые близкіе наши личные друзья, не имѣли права являться къ намъ, и мы не могли къ нимъ ходить въ гости. Посѣщенія же знакомыхъ изъ безразличныхъ поощрялось настолько, насколько это не могло мѣшать работѣ. Въ глазахъ всѣхъ я долженъ былъ играть роль учителя, очень занятаго частными уроками. Сношенія съ организаціей мы должны были вести только черезъ одного человѣка, именно, черезъ покойнаго Николая Андр. Караулова.

Такъ окончился апрѣль и прошла часть мая мѣсяца. Кажется, во второй половинѣ мая Ник. Андр. привелъ къ намъ С. П. Дегаева. Представилъ онъ его подъ псевдонимомъ Петра Алексѣевича и сказалъ, что отнынѣ Петръ Алексѣевичъ будетъ играть роль связующаго звена между нами и организаціей. Наединѣ онъ сообщилъ мнѣ, что Петръ Алексѣевичъ видный революціонный дѣятель, уцѣлѣвшій отъ разгрома прежней организаціи. Вскорѣ отъ другого товарища я узналъ фамилію Дегаева и то, что онъ бѣжалъ изъ-подъ ареста въ Одессѣ. Конечно, ни Н. А. Карауловъ и никто другой изъ петербургской организаціи и не подозрѣвалъ той роли, какую игралъ уже Дегаевъ въ сыскномъ отдѣленіи подъ фамиліей Яблонскаго. Помнится, что мое первое впечатлѣніе, несмотря на лестную рекомендацію, было не въ пользу Дегаева. Мнѣ какъ-то не понравились его глаза; и вообще его поведеніе въ первое свиданіе мнѣ показалось немного страннымъ. Какъ будто онъ не зналъ, какъ и съ чего начать, какого тона съ нами держаться. Это неблагопріятное впечатлѣніе скоро совершенно изгладилось, когда мы начали часто видаться, устраивая типографію и работая въ ней.

Въ первое же свиданіе съ Дегаевымъ рѣшено было какъ можно

скорѣе приступить къ печатанью «Листка Народной Воли», матеріалъ для котораго былъ уже готовъ, типографію рѣшено было называть «летучей». Необходимо было окончательно оборудовать ее. Для этого черезъ Дегаева мы должны были получить откуда то печатный станокъ. Кухарку, конечно, приходилось расчитать, а вмѣсто нея у насъ должна была поселиться одна курсистка, М. П. Кулябка. Сначала хотѣли поселить ее въ видѣ кухарки, переведя на нелегальное положеніе, но это, не помню почему-то, не наладилось, и она поселилась у насъ въ видѣ подруги моей жены подъ своей настоящей фамиліей.

Марья Павловна была пресимпатичной дѣвушкой, съ веселымъ, милымъ характеромъ пѣвуньи и хохотуньи. Это не мѣшало ей далеко нелегкомысленно относиться къ нашему революціонному дѣлу, которому она отдалась съ полнымъ самоотверженіемъ. Она была изъ тѣхъ натуръ, которыя не могли, просто въ силу своей отзывчивости, стоять въ сторонѣ отъ революціоннаго движенія. Репрессіи вызывали въ ней страстное негодованіе. Сердечное и страстное отношеніе замѣчалось и въ томъ, что впослѣдствіи она не могла хладнокровно набирать хроники арестовъ и извѣстій изъ тюремъ и каторги. Часто я замѣчалъ, что въ такихъ случаяхъ она убѣгала отъ кассы, стараясь скрыть навертывавшіяся слезы жалости и гнѣва. Суровыя условія нашей конспиративной дѣятельности, необходимость въ постоянной осторожности тяжело ложились на эту впечатлительную и живую душу и въ какіе нибудь два, три мѣсяца уничтожили значительную долю ея непосредственной веселости.

Станокъ для печатанья былъ доставленъ, между тѣмъ, въ такомъ невозможномъ видѣ, что изъ него пришлось воспользоваться только однимъ дубовымъ валомъ, хотя и тотъ былъ весь въ трещинахъ. Приходилось устраивать станокъ своими средствами. Существенныя части всякаго ручного печатнаго станка, говоря схематически, состоятъ во первыхъ изъ совершенно ровной поверхности (обыкновенно шлифованной чугунной доски), на которую кладутъ полосы набора; во вторыхъ изъ чугунной же или желѣзной рамы, въ которую закрѣпляютъ посредствомъ особыхъ зажимовъ полосы набора, т. е. такъ называемую форму, и въ третьихъ изъ приспособленной для накладыванія на наборъ бумаги и для печатанья или посредствомъ пресса, или посредствомъ вала. И вотъ все это намъ пришлось создать «своимъ средствіемъ». Небольшую желѣзную раму мы заказали слесарю, не говоря ему, конечно, о значеніи заказа и получили очень удовлетворительную вещь, но никакихъ приспособленій для закрѣпленія въ ней шрифта не достали: пришлось забивать «форму» въ эту раму съ помощью деревянныхъ клиньевъ. О заказѣ чугунной шлифованной доски и думать было нечего, мы просто купили толстое корабельное стекло и стали его подкладывать подъ форму. Все это вмѣстѣ, т. е. полосы набора, закрѣпленныя въ рамѣ и лежащія на стеклѣ, мы положили на обыкновенный деревянный столъ, а по обѣ стороны рамы укрѣпили шурупами двѣ деревянныя планки, которыя должны были служить рельсами для вала, обтянутаго резиною. Для смазыванія шрифта типографскими чернилами отлили валикъ изъ массы, сходной съ той, которая употребляется для гектографа. Больше никакихъ приспособ-

леній у насъ не было. Бумагу приходилось просто руками накладывать прямо на шрифтъ, руками же двигали и валъ по рельсамъ.

Такая самодѣльная печатная машина вначалѣ буквально никакого оттиска не давала, но постепенно я приспособилъ ее и приспособился самъ настолько, что оттиски стали получаться и быстро и довольно удачные. Въ конспиративномъ отношеніи эта «машина» была очень удобна: достаточно было 10 минутъ, чтобы ее разобрать. Клинья, планки, все деревянное бросалось въ печь, валъ занималъ мѣсто невинной тумбы подъ горшкомъ съ ползучими растеніями, и отъ печатнаго станка оставалось одно только воспоминаніе.

Пока я возился со станкомъ, Прасковья Федоровна и Марья Павловна усердно набирали статьи для № 1 „Листка Народной Воли". Въ дальнѣйшей работѣ у насъ держалось такое же раздѣленіе труда: я исключительно почти занимался сверсткой, корректурой и печатаньемъ, а Прасковья Федоровна и Марья Павловна набирали. Роль Дегаева заключалась въ томъ, что онъ добывалъ нѣкоторыя нужныя вещи и давалъ совѣты, не всегда удачные, впрочемъ; такъ, благодаря тому, что онъ прибавилъ скипидару въ краску, многіе оттиски № 1 «Листка Народной Воли» вышли очень неудачны. Вообще съ печатаньемъ перваго номера мы возились очень долго. Между тѣмъ, хотѣлось поскорѣе выпустить «Листокъ», чтобы, такъ сказать, дать знать, что не смотря на провалы, мы всетаки живы. Поэтому рѣшено было нѣкоторыя статьи, заготовленныя для № 1 «Листка», отложить до слѣдующихъ выпусковъ, чтобы не задерживать далѣе выхода № 1. Только къ 20 іюня были готовы, помнится, 1000 оттисковъ этого «Листка». Послѣ этого былъ объявленъ перерывъ въ работѣ, и мы нѣсколько дней могли отдыхать.

Кажется, къ этому времени относится довольно печальный эпизодъ съ печатаньемъ прокламаціи по поводу еврейскаго погрома, разразившагося на югѣ. Однажды пришелъ къ намъ Дегаевъ и сказалъ, что нужно немедленно напечатать прокламацію, которую онъ намъ тутъ же и прочелъ. Прокламація такъ не понравилась мнѣ и Прасковьѣ Федоровнѣ, что мы запротестовали. Содержаніе прокламаціи точно я не въ состояніи теперь передать, но помнится, что въ ней причиной погрома выставлялась эксплуатація евреями трудящейся массы; факты были изложены невѣрно и въ ложномъ освѣщеніи; правительство осуждалось за то, что войска стрѣляли въ погромщиковъ; выставлялось на видъ, что правительство въ данномъ случаѣ, какъ и всегда, защищало эксплуататоровъ

Дегаевъ попробовалъ сначала воздѣйствовать на насъ авторитетомъ, но когда это одно не помогло, сталъ съ нами обсуждать, измѣнять и сокращать текстъ прокламаціи. Написанная и раньше скверно, она въ урѣзанномъ и измѣненномъ видѣ, въ сущности, сдѣлалась не лучше, и мы продолжали протестовать противъ изданія ея. Тогда Дегаевъ сказалъ, наконецъ, что онъ беретъ все на себя, что онъ согласенъ не выставлять на этой прокламаціи подписи «Летучая типографія Народной Воли», но что онъ уполномоченъ потребовать у насъ напечатанія этой прокламаціи отъ «группы рабочихъ», хотя бы въ количествѣ одной сотни экзем-

пляровъ. Не помню хорошенько, какъ онъ назвалъ эту группу и какъ еще мотивировалъ свое требованіе. Чувство партійной дисциплины и мысль, что у «центра» могутъ быть какія-либо особыя тактическія соображенія, одержала, въ концѣ-концовъ, верхъ надъ нашимъ личнымъ убѣжденіемъ и отвращеніемъ: Дегаевъ уговорилъ-таки насъ, и мы напечатали эту прокламацію безъ подписи «Летучая типографія Народной Воли» и въ очень ограниченномъ количествѣ (чуть-ли не меньше сотни). Прокламація вышла очень коротенькая: десятокъ или дюжина строкъ. Она занимала небольшую часть одной стороны почтоваго листа малаго формата. Впослѣдствіи на югѣ я слышалъ, что эту прокламацію мѣстныя группы партіи «Народной Воли» просто уничтожили, считая ее провокаторской.

Въ первый номеръ «Листка», какъ я уже сказалъ, не вошли всѣ статьи для него заготовленныя, и вотъ эти статьи съ новымъ накопившимся матеріаломъ рѣшено было выпустить подъ заглавіемъ «Приложеніе къ № 1 Листка Народной Воли». Когда мы начали набирать это изданіе, намъ дали на помощь еще одного работника, нѣкоего Т—ча. Тихій, неразговорчивый, онъ производилъ впечатлѣніе человѣка «со странностями». Сначала онъ сталъ учиться набору, но это дѣло шло у него очень медленно, и потому мы поручили ему держать корректуру, и это дѣло онъ выполнялъ, хотя и медленно, но образцово.

Всѣ работы мы производили исключительно днемъ въ одной небольшой комнатѣ. Остальное помѣщеніе квартиры (2 комнаты, кухня, передняя и проходная комната) содержалось въ строгомъ порядкѣ, и туда ничего типографскаго заносить не позволялось. Одна изъ дамъ, дежурная, должна была отворять двери дворнику, почтальону и посѣтителямъ. Дежурная готовила и обѣдъ на 3-хъ человѣкъ. Типографской работой дежурная занималась постольку, поскольку это не препятствовало ей вести хозяйство и явиться во всякое время къ случайному посѣтителю въ приличномъ, не возбуждающемъ подозрѣнія видѣ. Спрашивающимъ меня, смотря по обстоятельствамъ, говорили: «ушелъ на уроки», «спитъ», «дома, сейчасъ выйдетъ». Такимъ образомъ, все сходило гладко и спокойно; одинъ разъ, впрочемъ, пришлось пережить нѣсколько тревожныхъ мгновеній.

Это случилось въ связи съ перемѣной квартиры. Въ томъ же домѣ, рядомъ съ нашей, освободилась квартира, которая была дешевле, а по удобствамъ не уступала нашей. Вотъ, мы и рѣшили перебраться на эту квартиру, для чего пришлось заранѣе предупредить хозяина, чтобы онъ не сдалъ ее другимъ, сами же мы тотчасъ на новую квартиру не могли перебраться: нужно было подождать нѣсколько дней, чтобы кончить работу по печатанію «Приложенія». Приходилось эти нѣсколько дней работать особенно на-сторожѣ, такъ какъ хозяинъ, конечно, вывѣсилъ билетикъ о сдачѣ нашей квартиры, и могли явиться наниматели для осмотра ея. Чуть-ли не въ первый день, какъ появился билетикъ, часовъ около 4, когда у насъ шла работа во всю, раздался звонокъ. Прасковья Федоровна побѣжала отворять двери: дворникъ привелъ квартиронанимателей. На просьбу дворника показать квартиру Прасковья Федоровна сказала,

какъ было условлено, что «хотя мужъ спитъ, но квартиру все-таки можно осмотрѣть». Въ рабочей комнатѣ остались я, Марья Павловна и Т. Я подошелъ къ двери и положилъ руку на дверную ручку: дверь не запиралась на замокъ. Черезъ дверь было слышно, какъ прошли нѣсколько человѣкъ, разговаривая вполголоса. Затѣмъ послышались снова шаги, и вдругъ я почувствовалъ, что кто-то взялся за ручку двери и хочетъ ее отворить; я, конечно, не пускаю и тотчасъ же слышу восклицаніе Прасковьи Федоровны: «туда нельзя! Я же вамъ сказала, что тамъ мой мужъ спитъ». Затѣмъ слышно было, какъ дворникъ извинялся, какъ описывали посѣтителямъ эту небольшую комнату; потомъ шаги стали удаляться къ передней и, наконецъ, выходная дверь захлопнулась, и къ намъ вошла Прасковья Федоровна. По ея словамъ, дворникъ былъ «выпивши» и только поэтому толкнулся въ затворенную дверь.

Дня черезъ три послѣ этого инцидента, закончивъ печатанье «Приложенія» и уложивъ всѣ типографскія принадлежности такъ, чтобы замѣтить ихъ не было никакой возможности, мы пригласили дворниковъ и просили ихъ перетащить наши пожитки въ сосѣднюю квартиру. Дворники очень быстро перетаскали горшки съ цвѣтами, ящики съ книгами и кухонными принадлежностями, комодъ и шкапъ съ бѣльемъ и платьемъ и прочую мебель, не подозрѣвая, что переносятъ летучую типографію «Народной Воли». Ящики комода и шкапа нарочно были незаперты, и вообще все имѣло самый обычный видъ вещей какъ нибудь сложенныхъ, чтобы перетащить черезъ одну площадку лѣстницы.

Новая квартира была гораздо меньше прежней, такъ что мы стали жить въ ней только вдвоемъ съ Прасковьей Федоровной, а Марья Павловна поселилась гдѣ-то въ меблированной комнатѣ и, такъ-же какъ Т., стала приходить къ намъ на работу. Довольно часто приходилъ и Дегаевъ. Передавъ, что было нужно, онъ иногда оставался у насъ по-долгу, помогая въ чемъ-нибудь по типографской работѣ, а то и просто бесѣдуя съ нами. Мнѣ казалось, что за это время я его хорошо узналъ. Прежнее неблагопріятное впечатлѣніе разсѣялось и, хотя мы и не сдѣлались друзьями, отношенія были самыя хорошія, товарищескія.

Казался мнѣ Дегаевъ человѣкомъ очень умнымъ, умѣющимъ узнавать людей и пользоваться ими. Въ практикѣ жизни это былъ человѣкъ замѣчательно находчивый и ловкій. При разговорахъ о политикѣ я въ немъ встрѣчалъ собесѣдника здраво смотрѣвшаго на русскую жизнь, на задачи революціонной партіи и вѣрившаго, казалось мнѣ, въ непобѣдимость революціоннаго движенія и въ конечное торжество революціоннаго идеала.

Впослѣдствіи мнѣ приходилось слышать отъ товарищей по революціонной работѣ, что многіе планы и проэкты Дегаева поражали ихъ своей непрактичностью, какою то никчемностью. Мнѣ кажется, это объясняется не безтолковостью самого Дегаева, а наоборотъ его ловкостью. Вѣдь ему, провокатору, совершившему уже вторую измѣну, приходилось умышленно держать людей въ бездѣйствіи, и именно такихъ людей, которыхъ онъ всего болѣе боялся, иниціатива и энер-

гія которыхъ могла скоро или обнаружить его роль провокатора, или сразу погубить его въ глазахъ правительства. Вотъ онъ и путалъ этихъ людей. Я же ему былъ не опасенъ: я былъ занятъ въ спеціальномъ дѣлѣ, въ другія дѣла я не имѣлъ права даже вмѣшиваться и былъ изолированъ отъ товарищей. Поэтому въ разговорахъ со мной онъ, мнѣ кажется, могъ быть болѣе искреннимъ, не касаясь частныхъ конкретныхъ революціонныхъ дѣлъ, а высказывая только свои мнѣнія объ общемъ ходѣ революціонной работы.

Въ обыденной жизни, въ обыденномъ разговорѣ Дегаевъ, мнѣ казалось, былъ человѣкомъ обходительнымъ, мягкимъ, симпатичнымъ. Нѣкоторая доля эгоизма и сибаритства въ его характерѣ бросались въ глаза мнѣ и тогда, но во всякомъ случаѣ не въ такой мѣрѣ, чтобы это могло испортить общее впечатлѣніе. Одно несимпатичное качество я отмѣтилъ уже и тогда,—это его трусость. Потомъ, когда я узналъ, что Дегаевъ измѣнникъ и предатель, мнѣ пришлось, конечно, провѣрить свои впечатлѣнія, пересмотрѣть, такъ сказать, свое пониманіе этого характера. Я долженъ былъ признать, что большую и роковую роль въ представленіи о характерѣ Дегаева сыграла та лестная рекомендація о немъ, какъ о видномъ революціонномъ дѣятелѣ, которую мнѣ сообщили при знакомствѣ съ нимъ. Но я не могъ всетаки признать, что *вполнѣ* ошибался въ характеристикѣ этого человѣка. «Какъ!—быть можетъ, скажутъ мнѣ,—предатель, погубившій столько жизней,—и симпатичный, мягкій характеръ?! Это ли не грубѣйшая ошибка!» Но, мнѣ кажется, это соединеніе возможно. Дѣло въ томъ, что симпатичность, мягкость характера,—это внѣшнія качества, не касающіяся глубины души человѣка. Поэтому люди часто расходятся въ опредѣленіи симпатичности: одному человѣкъ кажется симпатиченъ, другому—нѣтъ. Мнѣ кажется, въ этомъ вопросѣ бываетъ больше разногласій, чѣмъ въ вопросѣ, достоинъ ли человѣкъ уваженія. Часто вѣдь, слышишь: «этого человѣка я уважаю, но онъ мнѣ антипатиченъ». Эта внѣшняя симпатичность, мнѣ кажется, помогла Дегаеву пріобрѣсти довѣріе революціонныхъ дѣятелей, скрывая за собой глубокія, конечно, несимпатичныя черты, сдѣлавшія его измѣнникомъ и предателемъ.

Дегаева сдѣлали предателемъ глубокій эгоизмъ и страшная трусость. Глубину его эгоизма я, конечно, тогда увидѣть не могъ. О его предшествовавшей нашему знакомству революціонной дѣятельности, въ которой было много опасности и нужна была готовность на самопожертвованіе, я слышалъ самые лестные отзывы. Поэтому я ему приписывалъ только нѣкоторую, такъ сказать, мелкую, житейскую эгоистичность, и въ этомъ, конечно, ошибался, но трусость его меня поражала тогда же, и я не могъ никакъ ее соединить съ представленіемъ о революціонерѣ, какимъ являлся для меня Дегаевъ. Проявлялась она въ нѣсколькихъ случаяхъ.

Бесѣдуя о разныхъ матеріяхъ, мы коснулись какъ-то террора, и Дегаевъ признался мнѣ, что будучи убѣжденнымъ террористомъ онъ, тѣмъ не менѣе, не могъ бы совершить террористическаго акта, такъ какъ видъ крови его пугаетъ, при видѣ крови онъ можетъ упасть въ обморокъ. Онъ говорилъ, что косвенное участіе въ терро-

ристическихъ актахъ онъ можетъ принимать, но такъ, чтобы онъ не видѣлъ неизбѣжныхъ при этомъ страданій и крови людей. Такія признанія сами по себѣ, конечно, не указывали на трусость, они указывали только на слабую, чувствительную нервную организацію, но такая слабонервность могла служить физіологической основой трусости.

Въ другой разъ былъ у насъ споръ о смертной казни. Дегаевъ говорилъ, что смерть черезъ повѣшеніе его очень страшитъ, что онъ предпочелъ бы разстрѣлъ. Я возразилъ, что тотъ родъ смерти наилучшій, который сопряженъ съ наименьшими страданіями, и что, какъ я читалъ, при повѣшеньи безсознательное состояніе наступаетъ почти мгновенно, страданіе, слѣдовательно, кратковременно, тогда какъ при разстрѣлѣ, въ большинствѣ случаевъ, безсознательности, повидимому, не бываетъ, а смерть наступаетъ не моментально. Дегаевъ не соглашался съ этимъ и съ такимъ ужасомъ и горячностью отстаивалъ свое мнѣніе, что мнѣ тогда же показалось, что онъ вообще боится смерти, чувствуетъ паническій ужасъ передъ ней. Это дало уже мнѣ поводъ заподозрить въ немъ трусость. Вскорѣ нѣкоторые факты опять это мнѣ подсказали.

Однажды часовъ въ 12 дня, когда у насъ шла работа, и Дегаевъ стоялъ какъ разъ противъ меня у станка, раздался звонокъ. Прасковья Федоровна вышла отворять дверь, и вотъ мы, сидя въ своей запертой и завѣшанной портьерой мастерской, услышали, какъ въ сосѣднюю комнату вошли, что то громко говоря, нѣсколько человѣкъ. Дегаевъ страшно измѣнился въ лицѣ, оно у него какъ-то перекосилось; онъ зачѣмъ-то полѣзъ въ боковой карманъ своего пиджака, порылся тамъ и какъ бы хотѣлъ ринуться къ двери, но остановился... Вообще онъ обнаружилъ такую страшную и странную тревогу, что я ему шепнулъ: «если бы была опасность, она вѣдь предупредила бы». Онъ отвѣтилъ: «конечно!», схватилъ шило, которое лежало на станкѣ, и, зажавъ его въ кулакъ, принялъ комично-оборонительную позу. Эта выходка, очевидно, была сдѣлана съ тѣмъ, чтобы маскировать предшествовавшія трусливыя и странныя движенія. Дегаевъ пришелъ, такъ сказать, въ себя, но все же, хотя эта сцена продолжалась всего нѣсколько мгновеній, выраженіе трусости было такъ ярко, что я недоумѣвалъ и не могъ отдѣлаться отъ очень тяжелаго впечатлѣнія. Черезъ нѣсколько минутъ пришла Прасковья Федоровна и объяснила намъ, что приходилъ управляющій домомъ съ архитекторомъ. Домъ былъ очень старый, и задуманъ былъ генеральный ремонтъ, и вотъ управляющій и архитекторъ обходили квартиры, что-то отмѣчая на планѣ. Прасковья Федоровна сказала имъ, что за дверью, завѣшенной портьерой, находится наша спальня, которую она не покажетъ имъ, такъ какъ тамъ не убрано. Они вполнѣ удовлетворились общимъ обзоромъ квартиры съ порога нашей залы и ушли во свояси.

Мнѣ и другой разъ пришлось наблюдать у Дегаева выраженіе какой-то заячьей трусости. Какъ-то, во время перерыва въ работѣ къ намъ зашелъ совершенно мирный знакомый, юнкеръ одного военнаго учебнаго заведенія, мой бывшій ученикъ. Посидѣвъ нѣкоторое время, онъ сталъ прощаться; мы вышли проводить его въ переднюю.

Я отперъ уже дверь, она немного пріоткрылась, а мы все еще стояли въ передней, кончая какой-то разговоръ. Вдругъ дверь распахнулась. Обернувшись, я увидалъ Дегаева, который, войдя на порогъ и окинувъ насъ взглядомъ, сдѣлалъ движеніе, какъ будто собирался убѣжать обратно, потомъ спохватился, снялъ фуражку, опять ее надѣлъ... На лицѣ его было то-же выраженіе трусливости. Я ему крикнулъ: «Милости просимъ, Петръ Алексѣевичъ!» Тогда Дегаевъ сталъ затворять дверь, и я видѣлъ, какъ его рука тряслась, и онъ никакъ не могъ попасть крючкомъ въ петлю. Все же онъ моментально оправился настолько, что еще у двери сказалъ: «Что это у васъ двери не только не запираются, но даже и не затворяются?»—«Да вотъ гостя провожаемъ», отвѣтилъ я ему.

Когда юнкеръ ушелъ, Дегаевъ признался, что, увидя военную форму рядомъ со мной, онъ вообразилъ, что меня уже уводятъ арестованнаго. Чего въ подобныхъ случаяхъ пугался Дегаевъ, будучи агентомъ Судейкина? Трудно на это отвѣтить положительно. Возможно, что о нашей типографіи зналъ только Судейкинъ; извѣстно, что у Дегаева съ нимъ были подобные секреты отъ департамента полиціи. Возможно даже, что и Судейкинъ не зналъ, или не все зналъ о нашей типографіи; Дегаевъ очень ловко обманывалъ Судейкина. Словомъ, обнаруженіе нашей типографіи, очевидно, грозило какими-то непріятностями, разстраивало планы Дегаева и, должно быть, ставило его, по крайней мѣрѣ, въ неудобное положеніе. Нужно замѣтить, что въ это время, какъ потомъ мнѣ сдѣлалось извѣстно,онъ уже совершилъ обратную измѣну и далъ слово принять личное участіе въ убійствѣ Судейкина.

Какъ бы то ни было, трусость его мнѣ тогда бросилась въ глаза, а потомъ, узнавъ о его измѣнѣ, я этой трусостью и боязнью смерти объяснялъ и его измѣну. Какъ умный и ловкій человѣкъ, онъ сумѣлъ не только купить свою жизнь цѣною жизни другихъ, но занялъ очень видное положеніе при Судейкинѣ. Послѣдній вполнѣ довѣрился ему, сблизился до дружбы. Дегаевъ, выдавъ все самое крупное въ тогдашней организаціи «Народной Воли» и укрѣпившись на своей позиціи, думалъ, должно быть, что ему удастся сохранить свою жизнь, скрывая свою измѣну, или, когда она, наконецъ, обнаружится, убирая съ своей дороги всѣхъ тѣхъ людей, которые способны были ему отомстить. Но вскорѣ онъ съ ужасомъ увидѣлъ, что его измѣна можетъ сдѣлаться извѣстной не сегодня, завтра даже петербургской организаціи, гдѣ онъ крѣпче всего, такъ сказать, забаррикадировался. Онъ убѣдился, что, несмотря на разгромы, новыя наростающія революціонныя силы могутъ выставить сколько угодно мстителей. Кромѣ того, даже совершая свою измѣну, онъ, мнѣ кажется, продолжалъ вѣрить въ силу революціоннаго движенія, онъ не надѣялся подавить его чисто полицейскими мѣрами и казнями. И вотъ, зная, что революціонеры существуютъ и будутъ существовать въ Россіи, что его измѣна сдѣлается извѣстной, онъ опять почувствовалъ паническій ужасъ передъ лицомъ смерти и рѣшилъ совершить вторую измѣну, не менѣе гнусную и возмутительную, чѣмъ первая. Съ свойственнымъ ему лукавствомъ и умомъ онъ обманулъ Судейкина. Только въ послѣдніе

дни Судейкинъ началъ, какъ будто, сомнѣваться въ Дегаевѣ; до этого онъ вполнѣ ему довѣрялъ, обладая, очевидно, болѣе прямымъ характеромъ. Не легко было Дегаеву играть іудину роль. Мнѣ довелось видѣть его незадолго до убійства Судейкина. Пріѣхавъ изъ Москвы на сутки, я видѣлся съ Дегаевымъ и провелъ съ нимъ часа два, три. Не зная ничего объ его роли, я былъ просто пораженъ его видомъ: блѣдное, осунувшееся и искаженное лицо, бѣгающіе глаза съ болѣзненнымъ выраженіемъ. Въ простотѣ своей я сказалъ ему: «Вы, Петръ Алексѣевичъ, совсѣмъ больны; вамъ бы полѣчиться да поотдохнуть». На это онъ со смѣхомъ отвѣтилъ, что онъ просто страдаетъ мигренями. Смѣхъ совершенно не оживилъ его лица, а придалъ ему какой-то отталкивающій видъ. Это мнѣ запомнилось потому, что въ прежнее, болѣе спокойное время, бесѣдуя съ нимъ въ нашей типографіи, иногда за рюмкой вина, я замѣчалъ, что улыбка и смѣхъ придавали его лицу, какъ и всѣмъ лицамъ, симпатичный, душевный колоритъ.

Теперь, когда прошло уже много, много лѣтъ съ того времени, можно безъ жгучей ненависти пожалѣть, что въ даровитой и даже симпатичной натурѣ Дегаева не было тѣхъ внутреннихъ устоевъ, которые даютъ человѣку смѣлость смотрѣть смерти въ глаза и не позволяютъ ему мириться съ жизнью, купленной цѣной измѣны и предательства.

Но вернемся опять къ типографіи. Въ сентябрѣ мы выпустили «Отъ мертвыхъ къ живымъ», письмо о положеніи заключенныхъ и листокъ «И. С. Тургеневъ» [1].

Гробъ съ тѣломъ Тургенева привезенъ былъ изъ Парижа въ Петербургъ, устроена была торжественная встрѣча и проводы на кладбище съ громадной толпой народа. По этому то поводу и выпущенъ былъ листокъ, въ которомъ, между прочимъ, было впервые напечатано одно изъ стихотвореній въ прозѣ, подъ заглавіемъ «Порогъ».

Въ октябрѣ мы напечатали второе письмо о положеніи заключенныхъ, подъ заглавіемъ «Каторга и пытка въ Петербургѣ въ 1883 г.», небольшую шуточную сказку въ стихахъ «Царь Ахреянъ» (А. П. Барыковой), и, наконецъ, № 2 «Листка Народной Воли».

Я упоминалъ уже, что когда было приступлено къ печатанію «Приложенія къ 1 № Листка Народной Воли», мы получили въ помощники нѣкоего Т., за которымъ водились странности.

Эти «странности» были слишкомъ мелки, чтобы бросаться постороннимъ въ глаза, и мы тоже не придавали имъ большого значенія. Но вотъ однажды (помнится, мы кончали работу по печатанію № 2 «Листка») разыгралась совершенно неожиданная исторія.

Работа приходила къ концу: мы занимались складываньемъ листовъ, разноской и уборкой типографіи; мнѣ приходилось отлучаться изъ дому. Прихожу я, однажды, домой и застаю такую сцену. На диванѣ сидитъ Т. съ платкомъ въ рукахъ, блѣдный, сильно разстроенный, со слезами на глазахъ. Около него суетятся обѣ дамы: одна даетъ ему что-то нюхать, другая держитъ передъ нимъ стаканъ съ водой.

---

[1]) Всѣ эти изданія помѣщены въ сборникѣ Базилевскаго „Литература партіи Народной Воли“. *Ред.*

Оказалось, что Т. пришелъ прощаться, такъ какъ рѣшено было уже, что мы съ нимъ разстанемся. Прощаясь, онъ сильно разстроился, сталъ говорить какія-то несообразности, наконецъ передъ моимъ приходомъ почти потерялъ сознаніе, впалъ въ обморочное состояніе. Все это прямо уже указывало на психическое заболѣваніе. Привели мы его немного въ себя. Не помню точно своего разговора съ нимъ, но, помнится, онъ кромѣ обычныхъ товарищескихъ прощальныхъ словъ говорилъ о какихъ-то «высшихъ силахъ», объ особой опасности, которая грозитъ ему, о недостаточности своихъ силъ, при чемъ онъ какъ бы извинялся, что покидаетъ насъ. Трудно было его понять, и мнѣ сдѣлалось яснымъ его болѣзненное состояніе, о которомъ я и рѣшилъ сообщить людямъ, близко къ нему стоящимъ. Насколько могъ, я его успокоилъ, и онъ ушелъ.

Дня черезъ четыре мы получили свѣдѣнія о дальнѣйшемъ поведеніи Т. Онъ приходилъ къ своимъ знакомымъ, велъ у нихъ странныя рѣчи, разговаривалъ самъ съ собой, словомъ, велъ себя, какъ психически больной человѣкъ. Всѣмъ стало ясно, что необходимъ за нимъ извѣстный уходъ, но, къ сожалѣнію, не успѣли во время принять мѣры, и онъ скрылся съ своей квартиры и гдѣ-то бродилъ. Потомъ только узнали, что онъ былъ ночью взятъ полиціей въ одномъ изъ скверовъ Петербурга. Арестованный, онъ продолжалъ разговаривать самъ съ собой, пѣлъ, несъ какую-то околесицу, и связныхъ рѣчей отъ него добиться не было возможности, такъ что полиція скоро помѣстила его въ психіатрическую лѣчебницу. Дальнѣйшая судьба его мнѣ неизвѣстна.

Все хорошо, что хорошо кончается; но исторія эта надѣлала большого переполоху и у насъ, въ типографіи, и еще больше на волѣ, среди посвященныхъ въ дѣло товарищей, ожидавшихъ нашего провала...

Въ концѣ октября 1883 г., въ виду того, что въ Петербургѣ долженъ былъ произойти вскорѣ террористическій актъ, намъ предложено было убрать и сдать типографію и уѣхать изъ Петербурга. Дегаевъ предлагалъ мнѣ уѣхать хотя бы на время за границу. Мнѣ за границу ѣхать не хотѣлось, да я не видѣлъ въ этомъ и никакой надобности. Тогда онъ предложилъ мнѣ перейти на нелегальное положеніе и уѣхать куда-либо въ провинцію. Но я и противъ этого плана сталъ спорить. Свой паспортъ я считалъ вполнѣ чистымъ и потому думалъ, что могу продолжать жить подъ своей настоящей фамиліей. Дегаевъ долго меня уговаривалъ и, наконецъ, уговорилъ таки взять паспортъ на имя отставного офицера. Разсмотрѣвъ внимательно, послѣ ухода Дегаева, этотъ паспортъ, я нашелъ его крайне неудовлетворительнымъ, но сообщить ему объ этомъ не успѣлъ, и мы уѣхали въ Москву.

Еще разъ обсудивъ съ женой вопросъ о томъ, по какому виду намъ жить въ Москвѣ, мы рѣшили предпочесть свой настоящій видъ завѣдомо плохой фальшивкѣ. Очевидно, доводы Дегаева въ пользу перехода на нелегальное положеніе не казались намъ неопровержимыми, и впечатлѣніе отъ нихъ быстро испарилось. Такимъ образомъ, когда мы пріѣхали въ Москву и остановились временно въ гостиницѣ, я отдалъ въ прописку свой собственный паспортъ, по которому жилъ

въ Петербургѣ. Прожили мы такимъ образомъ благополучно въ гостиницѣ нѣсколько дней и наняли затѣмъ квартиру, уже увѣренные въ благонадежности своего вида.

Прошло нѣкоторое время, и вотъ въ Москву является Дегаевъ. Когда онъ услышалъ, что я живу по собственному своему паспорту, то, помню, былъ страшно пораженъ и даже разсерженъ, хотя и старался, какъ мнѣ казалось, скрыть свое негодованіе. Нападалъ онъ на меня за то, что я «по капризу», какъ онъ выражался, рискую своей свободой, нужной для дѣла. На всѣ мои доводы, что за нами незамѣтно никакого слѣженія, и что данный имъ мнѣ фальшивый паспортъ очень плохъ, онъ повторялъ одно, что мнѣ нужно скрыться, что, во всякомъ случаѣ, намъ невозможно оставаться въ Москвѣ и необходимо уѣхать подальше. Затѣмъ, въ концѣ разговора объ этомъ дѣлѣ, онъ очень хладнокровно, какъ бы мелькомъ, сообщилъ мнѣ, что виды отставныхъ офицеровъ обязательно провѣряются въ Москвѣ, такъ что, пожалуй, я и хорошо сдѣлалъ, что не прописался по фальшивкѣ, такъ какъ подлогъ обнаружился бы при первой же провѣркѣ. Это заявленіе и тогда меня поразило: вѣдь паспортъ я получилъ отъ него же, Дегаева... Впрочемъ,—подумалъ я,—когда онъ вручалъ его мнѣ, то, навѣрное, не зналъ еще объ обязательной провѣркѣ въ Москвѣ. Такимъ только соображеніемъ я могъ тогда объяснить эту исторію, но вполнѣ разъяснить не успѣлъ, такъ какъ Дегаевъ затеръ разговоръ и перешелъ на другія темы. Впослѣдствіи, когда я узналъ уже о роли Дегаева при Судейкинѣ и его обязательствѣ передъ эмигрантами, которымъ онъ въ концѣ лѣта покаялся въ своемъ предательствѣ, не выдавать уцѣлѣвшихъ членовъ организаціи, я понялъ, почему онъ такъ усиленно домогался, чтобы я перешелъ на нелегальное положеніе или уѣхалъ за границу. Но почему онъ далъ мнѣ такой паспортъ, по которому я, навѣрняка, былъ бы арестованъ въ Москвѣ? Не потому ли, что мой арестъ при этихъ условіяхъ онъ могъ бы объяснить моей собственной неосторожностью? Я долженъ, однако, оговориться, что будь я арестованъ до убійства Судейкина (16 декабря 1883 г.) или вскорѣ послѣ этого событія, мнѣ не грозила бы никакая серьезная кара, и Дегаевъ (повидимому, съ искренней симпатіей относившійся ко мнѣ съ женою) могъ имѣть это въ виду: его патронъ унесъ съ собою въ могилу всѣ свѣдѣнія о петербургскомъ періодѣ моей революціонной жизни... [1])

Какъ бы то ни было, въ Москвѣ я жилъ по своему виду совершенно спокойно, вплоть до отъѣзда въ Кіевъ.

Н.-Новгородъ,
декабрь 1906 года.

М. Шебалинъ.

---

[1]) Авторъ статьи—М. П. Шебалинъ—впослѣдствіи былъ осужденъ въ каторжныя работы въ Кіевѣ и содержался много лѣтъ въ застѣнкахъ Шлиссельбурга.

Ред.

Дѣло о преступной пропогандѣ въ средѣ с.-петербургскихъ рабочихъ (1881 годъ).

Дознаніе начато въ мартѣ 1881 г., окончено и препровождено къ прокурору С.-Петербургской судебной палаты 9-го октября.

Еще лѣтомъ 1880 г. вожаки террористической партіи принялись за систематическую агитацію въ средѣ петербургскихъ рабочихъ. Съ этой цѣлью была выработана и напечатана особая программа «Рабочихъ членовъ партіи Народной Воли». Подобно извѣстной программѣ Исполнительнаго Комитета, она распадается на нѣсколько частей.

Въ первой части А) провозглашается принадлежность народу земли и орудій труда, а также выгоды общиннаго владѣнія и артельнаго производства.

Вторая часть Б) говоритъ о необходимости стремиться къ достиженію „полной свободы и прочнаго счастья народа".

Въ третьей части В) соціально-революціонная партія выставляется, „какъ лучшій союзникъ народа", и хотя и допускается, что народъ можетъ воспользоваться помощью образованныхъ людей, но съ оговоркою, что ему вскорѣ „все же придется разстаться съ этимъ временнымъ другомъ и идти далѣе въ союзѣ съ одною соціально-революціонною партіею".

Въ четвертой части Г) изложены слѣдующія перемѣны, которыхъ слѣдуетъ добиваться „въ государственномъ строѣ и народной жизни":

1) замѣна царской власти народнымъ правленіемъ;

2) федеративное устройство Россіи съ раздѣленіемъ ея на самостоятельныя области, причемъ внутреннія дѣла вѣдаются областными управленіями, а общегосударственныя — союзнымъ правительствомъ;

3) отложеніе отъ Россіи присоединенныхъ къ ней иноплеменныхъ народовъ;

4) общинное устройство и выборъ всѣхъ должностныхъ лицъ народомъ;

5) переходъ всей земли въ собственность рабочаго народа;

6) провозглашеніе народною собственностью всѣхъ фабрикъ и заводовъ;

7) изданіе законовъ, регламентирующихъ фабричное производство;

8) право всеобщей подачи голосовъ;

9) свобода совѣсти, слова, печати, собраній и промышленныхъ союзовъ;

10) даровое и общедоступное образованіе;

11) замѣна постоянной арміи народнымъ ополченіемъ и

12) учрежденіе государственнаго банка, съ отдѣленіями въ разныхъ мѣстахъ Россіи для поддержки и устройства промышленныхъ и земледѣльческихъ артелей.

Въ пятой части Д) совѣтуется рабочимъ организоваться въ тайные кружки и приготовляться къ произведенію насильственнаго переворота въ правительствѣ.

Въ шестой части Е) говорится о предстоящей кровавой борьбѣ, о томъ, что въ соціально-революціонную партію рабочая организація должна входить, какъ часть, что рабочіе должны принять дѣятельное участіе въ боевомъ союзѣ, который партія выдѣлитъ изъ себя для нападенія на правительство; наконецъ, преподаются указанія, какъ поступать рабочимъ въ случаѣ открытаго возстанія [1]).

Къ принятію основаній этой программы петербургскіе рабочіе должны были быть приготовляемы постепенно. На сходкахъ, происходившихъ лѣтомъ и осенью 1880 г. и на которыхъ вмѣстѣ съ членами партіи участвовали и нѣкоторые рабочіе, была выработана цѣлая рабочая организація, поставленная въ близкую связь съ организаціею партіи Народной Воли и въ прямую зависимость отъ нея.

Рабочіе должны были группироваться въ кружки, раздѣлившіеся на три разряда. Въ кружкахъ 1-го (низшаго) разряда рабочихъ обучали грамотѣ, начальнымъ основаніямъ ариѳметики и географіи, причемъ учитель кружка, обыкновенно выбиравшійся изъ университетской молодежи, лишь всколзь и въ общихъ чертахъ проводилъ революціонныя идеи. Кружокъ состоялъ изъ 5—6 человѣкъ и собирался поочередно на квартирахъ своихъ членовъ.

Рабочіе, достигшіе такимъ путемъ нѣкотораго образованія и знакомства съ революціонными началами, собирались въ кружки 2-го разряда. Въ нихъ уже читались имъ лекціи по исторіи и развивалось ученіе о соціализмѣ въ тѣхъ формахъ, въ какихъ оно выработалось на Западѣ.

Наконецъ, прошедшіе черезъ эти обѣ подготовительныя инстанціи рабочіе образовывали изъ себя «Центральную агитаціонную группу». Такихъ группъ предполагалось учредить по одной въ каждой изъ петербургскихъ городскихъ частей. Мѣстомъ собранія агитаціонныхъ группъ должны были служить «рабочія квартиры», гдѣ хозяиномъ являлся рабочій, а жильцомъ студентъ, преподаватель и руководитель кружка. Кромѣ того, при каждой изъ этихъ группъ имѣлъ состоять агентъ партіи Народной Воли, черезъ котораго происходили сношенія группы съ вожаками партіи.

---

[1]) Полностью эта программа рабочихъ членовъ партіи Народной Воли была напечатана въ № 3 „Былого“ (заграничное изд. 1903 г.) и у Базилевскаго „Литература партіи Народной Воли“. Эта программа была выработана и напечатана Желябовымъ и Каховскимъ въ декабрѣ 1880 г. (См. № 5 „Былого“, загран. изд.). *Ред.*

Студенты-учителя рабочихъ собирались въ особые учительскіе кружки. Для охраны рабочей организаціи предполагалось сформировать «боевыя рабочія дружины».

Организація эта начала осуществляться съ осени 1880 г. Главные дѣятели партіи Народной Воли руководили ею лично. Такъ Желябовъ читалъ рабочимъ лекціи обо Ирландскомъ возстаніи. Агентами при центральныхъ группахъ состояли: Софія Перовская, Рысаковъ, Гриневицкій. Собирались они на квартирахъ рабочаго Гаврилова и студента Подбѣльскаго. Руководителями и главными дѣятелями кружка были студенты:

1) *Коганъ—Бернштейнъ*, Левъ Матвѣевъ, бывшій студентъ с.-петербургскаго университета.

Прибывъ въ августѣ 1880 г. въ С.-Петербургъ, вступилъ въ число членовъ революціонной партіи, свелъ знакомство съ ея агентами, отъ которыхъ получалъ для распространенія въ средѣ рабочихъ (напримѣръ, Бѣляевъ, Іоновъ и др.) революціонныя изданія, лично знакомился съ рабочими и велъ среди нихъ путемъ чтеній преступную пропаганду (собственное показаніе и оговоръ Бѣляева и Іонова). Извѣстенъ въ революціонной средѣ подъ именемъ Льва Матвѣева. Участвовалъ въ безпорядкахъ на актѣ 8 февраля 1881 г. въ Спб. университетѣ.

2) *Подбѣльскій*, Папій Павловъ, бывшій студентъ Спб. университета.

Членъ учительскаго революціоннаго кружка, содержатель квартиры, на которой происходили сходки Ильина, Бѣляева, Юрьева и казненныхъ преступниковъ Перовской и Желябова, читавшаго сообщенія объ Ирландскомъ возстаніи и проч. (оговоръ Бѣляева и Юрьева).

3) *Энгельгардтъ*, Михаилъ Александровъ, дворянинъ, бывшій студентъ Спб. университета.

Проживалъ вмѣстѣ съ сыномъ чиновника Александромъ Семеновымъ и финляндскимъ уроженцемъ Вольфридомъ Густавсонъ на квартирѣ, въ которой при обыскѣ найдено значительное количество разныхъ революціонныхъ листковъ, газетъ, брошюръ и писемъ преступнаго содержанія. По негласнымъ свѣдѣніямъ (на дознаніи не подтвердившимся) у него же въ квартирѣ происходили, при участіи учителя Ульянова, коллежскаго регистратора Калашникова и состоящаго въ запасѣ флота Артищева, совѣщанія по поводу сформированія «боевой рабочей дружины» для охраны рабочей организаціи.

4) *Дубровинъ*, Евгеній Александровъ, студентъ Медико-Хирургической Академіи.

Дѣятель такъ называемой партіи Чернаго Передѣла, стремившейся образовать рабочіе кружки для мирной пропаганды (оговоръ Рысакова).

5) *Поповичъ*, Петръ Ефимовъ, студентъ Спб. университета.

Членъ учительскаго революціоннаго кружка, сотрудникъ Петра Каховскаго (впослѣдствіи умершаго въ Симферополѣ) по составленію программы занятій съ рабочими, участвовалъ въ наймѣ квартиры для Алексѣя Скворцова, гдѣ самъ проживалъ въ качествѣ члена-агитатора (собственное показаніе и оговоръ свидѣтелей Большакова и Кетуне).

6) *Коновкинъ*, Николай Петровъ, студентъ Спб. университета.

Членъ учительскаго революціоннаго кружка (оговоръ Рысакова) задержанъ на квартирѣ Карпа Коренева съ преступными прокламаціями.

7) *Шеталовъ*, Иванъ Іосифовъ, студентъ Спб. университета.

Задержанъ на квартирѣ Осипа Нагорнаго, привлеченнаго къ дознанію объ убійствѣ Прейма и принимавшаго дѣятельное участіе въ устройствѣ рабочихъ сходокъ, причемъ при обыскѣ найдено у него нѣсколько экземпляровъ запрещенныхъ изданій и, между прочимъ, три листка «отъ партіи Земля и Воля».

Рабочіе:

8) *Гавриловъ*, Иванъ, Спб. мѣщанинъ.

Членъ центральной революціонной группы; содержалъ рабочую квартиру, въ которой проживалъ Рысаковъ въ качествѣ члена-агитатора, и гдѣ происходили двѣ сходки, не имѣвшія, однако, никакого значенія за неприбытіемъ для предположеннаго чтенія реферата казненнаго преступника Желябова, игравшаго на сходкахъ роль лектора; участвовалъ въ раздачѣ между рабочими преступныхъ сочиненій, которыми его снабжалъ Рысаковъ (оговоръ Рысакова).

9) *Ильинъ*, Кириллъ Никифоровъ, мѣщанинъ города Петрозаводска.

Состоя членомъ центральной революціонной группы (оговоръ Рысакова), являлся посредникомъ между рабочими и различными дѣятелями преступной пропаганды изъ числа интеллигенціи, отъ которыхъ получалъ противоправительственныя сочиненія, для распространенія среди рабочихъ; сближалъ вновь поступившихъ членовъ съ болѣе опытными дѣятелями (такъ, напримѣръ, познакомилъ рабочаго Бѣляева съ Бернштейномъ и Поповичемъ), приглашая рабочихъ къ участію въ сходкахъ, на которыхъ и самъ присутствовалъ, — между прочимъ на сходкѣ у Подбѣльскаго, гдѣ собирались рабочіе Юрьевъ, Бѣляевъ и казненные государственные преступники — Перовская и Желябовъ, изъ которыхъ послѣдній читалъ собравшимся сообщенія объ Ирландскомъ возстаніи (оговоръ Бѣляева).

10) *Ивановскій*, Николай Михайловъ, личный почетный гражданинъ.

Учредитель рабочихъ сходокъ въ трактирѣ Богомолова за Нарвской-Заставой, гдѣ главнымъ образомъ шла рѣчь о необходимости стачекъ на фабрикахъ и проводилась мысль, что въ требованіи, обращенномъ къ Государю Императору объ улучшеніи быта рабочихъ, не заключается ничего противозаконнаго. Здѣсь же раздавались имъ между рабочими преступныя прокламаціи.

11) *Побѣдимскій*, Павелъ Константиновъ, рабочій, мѣщанинъ г. Костромы.

Собиралъ у себя на квартирѣ сходки, на которыя являлись: почетный гражданинъ Николай Ивановскій, учитель Петръ Храмовъ, рабочіе: Иванъ Тиминъ, Илларіонъ Тимофеевъ, Павелъ Круковскій, Александръ Большаковъ, Широковъ и др. для чтенія революціонныхъ изданій, часть которыхъ и найдена у Побѣдимскаго при обыскѣ.

12) *Бѣляевъ,* Александръ Яковлевъ, сынъ дьячка.

Познакомившись черезъ Ильина съ Бернштейномъ и Поповичемъ, получалъ отъ послѣднихъ революціонную «Рабочую Газету» для распространенія среди рабочаго класса; участвовалъ въ сходкахъ на квартирѣ Подбѣльскаго, гдѣ собирались Перовская и Желябовъ (собственное показаніе).

13) *Іоновъ*, Исаакъ Аникіевъ, Шлиссельбургскій мѣщанинъ.

Познакомясь черезъ Бѣляева съ Бернштейномъ, получалъ отъ послѣдняго революціонную газету и присутствовалъ при бесѣдахъ его, гдѣ рѣчь шла о бѣдственномъ положеніи рабочихъ и о необходимости возстать противъ эксплоатаціи хозяевъ (собственное показаніе).

14) *Лебедевъ,* Михаилъ Ивановъ, Спб. мѣщанинъ.

Членъ центральной агитаціонной группы и вмѣстѣ съ тѣмъ террористическаго отдѣла; участвовалъ въ раздачѣ преступныхъ сочиненій и между прочимъ передалъ противоправительственнаго содержанія брошюру—«Сказка о четырехъ братьяхъ» проживавшему у него крестьянину Бондаренко, съ которымъ состоялъ въ перепискѣ преступнаго свойства (оговоръ Рысаковой и Бондарева).

15) *Кореневъ*, Карпъ Михайловъ, крестьянинъ Калужской губерніи.

Задержанъ съ прокламаціями преступнаго содержанія въ гальванической учебной ротѣ, проживалъ по подложному паспорту Лугскаго мѣщанина Митрофана Коптева; снабжалъ прокламаціями рабочаго Петра Артемьева.

16) *Корявовъ*, Егоръ Андреевъ, горно-заводскій мастеровой.

Участвовалъ въ загородныхъ совѣщаніяхъ рабочихъ, происходившихъ въ С.-Петербургѣ лѣтомъ 1880 г. и имѣвшихъ предметомъ своимъ обсужденіе программы будущей рабочей организаціи. Состоялъ кассиромъ одного изъ рабочихъ революціонныхъ кружковъ (оговоръ Рысакова) и принималъ участіе въ раздачѣ и чтеніи рабочимъ революціонныхъ изданій (оговоръ Бѣляева).

17) *Скворцовъ*, Алексѣй Егоровъ, крестьянинъ Московской губ.

Членъ центральной агитаціонной группы, принимавшій дѣятельное участіе въ сходкахъ на квартирѣ Гаврилова; открывшій въ ноябрѣ 1880 г. у себя по иниціативѣ Петра Поповича рабочую квартиру на Петербургской сторонѣ (показаніе свидѣтелей Большакова и Кетуне).

18) *Бондаренко*, Иванъ Ивановъ, крестьянинъ Спб. губерніи.

Задержанъ въ Ново-Ладожскомъ уѣздѣ съ революціонной брошюрой «Сказка о четырехъ братьяхъ», полученной имъ отъ Михаила Лебедева, у котораго проживалъ, принималъ въ то же время участіе въ происходившихъ у послѣдняго революціонныхъ бесѣдахъ.

19) *Кузьминъ*, Василій, крестьянинъ Смоленской губ.

По негласнымъ полицейскимъ свѣдѣніямъ заподозрѣнъ въ устройствѣ въ квартирѣ своей, по Воронежской улицѣ, сходокъ преступнаго характера, что, однако, при дознаніи ничѣмъ не подтвердилось.

20) *Артищевъ*, Федоръ Харитоновъ, состоящій въ запасѣ флота.

По негласнымъ свѣдѣніямъ полиціи (не подтвердившимся при

дознаніи) заподозрѣнъ въ устройствѣ сходокъ для обсужденія вопроса о сформированіи «рабочихъ боевыхъ дружинъ».

21) *Тиминъ*, Иванъ Петровъ, крестьянинъ Владимирской губ.

Устраивалъ у себя по собственной иниціативѣ сходки и принималъ участіе въ таковыхъ же, происходившихъ у Побѣдимскаго (собственное показаніе).

22) *Трапицинъ*, Александръ Ивановъ, почетный гражданинъ.

По негласнымъ полицейскимъ свѣдѣніямъ (не нашедшимъ себѣ подтвержденія на дознаніи) заподозрѣнъ въ принятіи дѣятельнаго участія въ сформированіи рабочихъ «боевыхъ дружинъ» и въ попыткѣ устроить сходки въ собственной квартирѣ.

Учителя начальныхъ школъ:

23) *Ульяновъ*, Алексѣй Николаевъ, учитель народной школы.

По негласнымъ свѣдѣніямъ полиціи (не подтвердившимся при дознаніи) заподозрѣнъ въ устройствѣ сходокъ для обсужденія вопроса о сформированіи «рабочихъ боевыхъ дружинъ».

24) *Храмовъ*, Петръ Степановъ, учитель городского начальнаго училища.

Участвовалъ въ преступныхъ сходкахъ у Побѣдимскаго, переписывалъ по просьбѣ Ивановскаго съ доставленнаго послѣднимъ печатнаго экземпляра стихотворенія революціоннаго содержанія.

25) *Калашниковъ*, Николай Петровъ, коллежскій регистраторъ.

По негласнымъ свѣдѣніямъ полиціи (не подтвердившимся при дознаніи) заподозрѣнъ въ устройствѣ сходокъ для обсужденія вопроса о сформированіи «рабочихъ боевыхъ дружинъ».

26) *Бѣдункевичъ*, Генріэтта Григорьева, дочь порховскаго мѣщанина.

Принимала къ себѣ на храненіе собранныя изъ пожертвованій суммы, предназначавшіяся на революціонныя цѣли.

Рабочая организація имѣла свой отдѣльный органъ—«Рабочую газету», второй и послѣдній № которой вышелъ 28 янв. 1881 г.

Впрочемъ, рабочая организація не успѣла получить того развитія, которое предполагали дать ей вожаки террористической партіи. Въ началѣ марта 1881 г. она была обнаружена благодаря показаніямъ Рысакова и главные участники ея взяты подъ стражу. Имена привлеченныхъ по сему дѣлу неперечисленныхъ выше лицъ помѣщены въ приложенномъ у сего алфавитномъ спискѣ.

Но этимъ однако не былъ положенъ конецъ соціально-революціонной пропагандѣ среди петербургскихъ рабочихъ. Нѣсколько молодыхъ людей, большею частью студентовъ петербургскаго университета, продолжали ее въ теченіе всего мая и іюня на сходкахъ, собиравшихся въ пустынныхъ мѣстахъ, въ окрестностяхъ города. Главнымъ агитаторомъ являлся на нихъ Осипъ Нагорный, читавшій рабочимъ Лассаля, побуждавшій ихъ устроить общую кассу и разъяснявшій имъ вышеприведенную программу рабочихъ членовъ Народной Воли.

По наущенію Нагорнаго 27 іюня 1881 г. рабочимъ Евсѣевымъ, при содѣйствіи рабочихъ Хохлова и Кузюмкина, убитъ агентъ петербургской сыскной полиціи Преймъ. Всѣ четыре виновника этого преступленія арестованы.

Нагорный, Осипъ Ивановъ, уволенный изъ казачьяго сословія, 23 лѣтъ. Членъ рабочаго кружка, извѣстный въ средѣ революціонеровъ подъ именемъ «Еремѣя». Устраивалъ нѣсколько сходокъ въ загородныхъ глухихъ мѣстахъ, гдѣ обсуждался возбуждаемый имъ вопросъ о рабочей кассѣ, объ организаціи боевыхъ дружинъ и читались революціонныя программы и сочиненія Ф. Лассаля. Привлеченъ къ дознанію объ убійствѣ Прейма, въ качествѣ интеллектуальнаго виновника.

Письма въ редакцію [1]).

I.

Къ процессу 17-ти.

Прочитавши врученный мнѣ въ началѣ 1883 г. въ Петропавловской крѣпости обвинительный актъ, составленный прокуроромъ Желиховскимъ, производившимъ дознаніе и слѣдствіе по нашему дѣлу, я, испытавшій уже не мало прелестей безцеремоннаго отношенія прокурора къ допрашиваемымъ, былъ пораженъ и окончательно ошеломленъ тѣмъ нахальствомъ, съ какимъ Желиховскій приписалъ мнѣ никогда мною не даваемыя показанія. Разсчитывая, очевидно, на то, что я, какъ человѣкъ доведенный тюремнымъ режимомъ до полнаго нервнаго разстройства, никогда не очнусь и не буду въ состояніи опровергнуть всѣ эти небылицы, прокуроръ въ обвинительномъ актѣ приписалъ мнѣ такія показанія, которыхъ я во многихъ случаяхъ даже и *не могъ* дать. Напримѣръ: я не отрицалъ своего участія въ типографіи «Рабочей газеты» въ Троицкомъ переулкѣ и говорилъ о своемъ знакомствѣ съ погибшими уже товарищами: Гриневицкимъ, Колодкевичемъ, Желябовымъ, Перовской и Гельфманъ, но *не могъ* я сказать, что встрѣчался тамъ и съ Савеліемъ Златопольскимъ, такъ какъ я познакомился съ нимъ только въ концѣ 1881 года, а работалъ въ типографіи «Рабочей Газеты» въ январѣ—февралѣ того же года. Не правда и то, будто я подтвердилъ показанія Меркулова, что въ квартирѣ Гельфманъ бывалъ и Грачевскій. Касаясь пребыванія моего въ типографіи «Народной Воли», обвинительный актъ говоритъ, будто я призналъ, что хозяевами квартиры были Пришибины. Ни о какихъ Пришибиныхъ я не могъ говорить, такъ какъ *не зналъ* фамиліи хозяевъ; утверждаю также, что нѣтъ мѣста въ моихъ показаніяхъ, которое дало бы возможность прокурору установить, что подъ фамиліей Пришибиныхъ проживали Грачевскій и Ивановская; точно также, какъ нѣтъ тамъ и такого мѣста, гдѣ говорится о какихъ-то, будто, видѣнныхъ мною корзинахъ съ динамитомъ, къ которымъ мнѣ запрещено было притрогиваться. Не стану перечислять всего приписаннаго мнѣ, ибо теперь не въ этомъ дѣло. Разсказанное

---

[1]) О процессѣ 17-ти см. Былое, 1906,—октябрь, ноябрь и декабрь.

Ред.

вполнѣ характеризуетъ отношеніе ко мнѣ обвинительной власти. Имѣя какія-то нелегальныя свѣдѣнія о той или иной дѣятельности главныхъ обвиняемыхъ и не имѣя возможности опереться на эти таинственные источники оффиціально, прокуроръ, очевидно, рѣшилъ легализировать эти свѣдѣнія, приписавъ ихъ кому-нибудь изъ участниковъ процесса.

До того все это было дико, дерзко и безцеремонно, что я застылъ въ ужасѣ и долго не могъ дать себѣ отчета въ томъ, дѣйствительность ли это, или тяжелое кошмарное состояніе.

Въ тотъ же или на слѣдующій день послѣ прочтенія акта я послалъ заявленіе въ судъ; теперь не припомню, кому именно оно было адресовано, прокурору, или предсѣдателю суда. Въ этомъ заявленіи я обращалъ вниманіе составителей обвинительнаго акта на то, что мнѣ приписаны никогда мною не даваемыя показанія, противъ чего я протестую. Перечислены были всѣ эти мѣста обвинительнаго акта съ просьбой исправить всѣ допущенныя искаженія. Тогда по свѣжей памяти мною были опровергнуты всѣ невѣрныя мѣста. Очевидно, чтобъ успокоить мою бдительность во время судебнаго процесса, въ отвѣтъ на мое заявленіе, я получилъ извѣщеніе, что заявленіе мое принято и будетъ приложено къ дѣлу. Въ прочтеніи этого отвѣта мнѣ предложено было росписаться. По простотѣ своей я тогда понялъ это такъ, что заявленіе мое будетъ напечатано въ количествѣ экземпляровъ выпущеннаго изъ печати обвинительнаго акта и приложится къ каждому экземпляру, а слѣдовательно получатъ его и всѣ обвиняемые; прокуроръ же не осмѣлится тогда ссылаться на опровергнутыя мѣста обвинительнаго акта. И до сихъ поръ не знаю, была ли выполнена первая часть моего наивнаго предположенія, т. е. былъ ли посланъ экземпляръ моего протеста всѣмъ подсудимымъ. Что же касается второй части моихъ предположеній, то при всемъ весьма слабомъ реагированіи съ моей стороны по отношенію ко всему происходящему на судѣ, я все-таки не могъ не замѣтить, что прокуроръ въ обвинительной рѣчи былъ остороженъ и вообще не опирался на мои показанія, такъ что опровергнутыя мною мѣста были имъ какъ будто забыты.

Въ обв. актѣ говорится о заявленномъ мною «чистосердечномъ раскаяніи». Объ этомъ именно хочу въ заключеніе сказать нѣсколько словъ. Въ первомъ своемъ показаніи я говорилъ о себѣ и о тѣхъ условіяхъ, которыя какъ меня, такъ и другихъ заставили вступить на путь активной революціонной борьбы съ правительствомъ. Писалъ я это показаніе въ сильно возбужденномъ состояніи, вскорѣ послѣ ареста. Вѣроятно въ этомъ показаніи было много рѣзкостей; оно сильно не понравилось прокурору и принимавшему участіе въ допросѣ жандармскому генералу Иванову (или Федорову,—теперь не припомню). На моихъ глазахъ Желиховскій разорвалъ это показаніе и настоялъ на томъ, чтобъ я написалъ другое, буквально продиктовавши мнѣ формулу «чистосердечнаго раскаянія», увѣряя, что это необходимое вступленіе къ показаніямъ. Для нормальнаго человѣка съ здоровой душой это было бы странно, но я мало соображалъ, что дѣлаю. Мое послѣдующее поведеніе не давало повода моимъ товари-

щамъ думать, что въ этомъ поступкѣ играло роль шкурное чувство, а о своемъ душевномъ состояніи вообще я долженъ разсказать слѣдующее. Приблизительно недѣли за двѣ до своего ареста я говорилъ съ Теллаловымъ о сильной усталости, нервности и вообще расшатанности своего здоровья. Рѣшено было, что мнѣ необходимо уѣхать куда либо въ деревню, чтобъ укрѣпить свои нервы и отдохнуть. Хотя я былъ тогда на нелегальномъ положеніи, но серьезныхъ дѣлъ на моихъ рукахъ не было, и поэтому мы рѣшили, что я уѣду на время къ родителямъ. Получивши изъ дому деньги на дорогу, я рѣшилъ ѣхать, но въ тотъ же день былъ арестованъ въ засадѣ, на квартирѣ у товарища, къ которому зашелъ проститься. До выясненія моей личности меня продержали нѣсколько дней при жандармскомъ управленіи, а потомъ перевели въ Петропавловскую крѣпость. Въ этомъ, конечно, нѣтъ ничего особеннаго, и камера, въ которую меня тамъ помѣстили и которая производила на меня какое то особенное дѣйствіе, предназначалась не для меня одного. Помѣщалась она въ концѣ ломаннаго корридора, а близость крѣпостной стѣны и матовость или запыленность оконныхъ стеколъ дѣлали ее особенно мрачной. Но что особенно поражало въ этой камерѣ, такъ это абсолютная тишина могильнаго склепа, отзывавшаяся непонятнымъ для меня шумомъ въ ушахъ. Подъ вліяніемъ особенной сырости этой камеры скоро развились у меня головокруженія, а потомъ начались галлюцинаціи и кошмарное состояніе по ночамъ. Я кричалъ по ночамъ какъ въ бреду. Въ такихъ случаяхъ ко мнѣ врывались «присяжные», вмѣстѣ со своимъ начальникомъ, Лѣсникомъ, будили меня и угрожали сумасшедшей, смирительной рубашкой, если я буду еще кричать. Измученнаго ночными кошмарами, меня часто возили утромъ на допросы, и здѣсь Желиховскій угощалъ меня перспективой висѣлицы или каторги, заряжая, такъ сказать, и безъ того больную душу, новымъ зарядомъ для будущихъ кошмаровъ и галлюцинацій. Продержавъ меня около двухъ мѣсяцевъ въ мрачной, сырой камерѣ, меня перевели въ другую, въ верхнемъ этажѣ. Эта камера, болѣе свѣтлая и сухая, показалась мнѣ очень привѣтливой, и я почувствовалъ себя лучше. Но вскорѣ меня снова водворили на старое мѣсто, и мои кошмары опять усилились; впрочемъ они продолжались у меня долго и по выходѣ на волю.

Теперь вновь прочитавши обвинительный актъ, напечатанный въ октябрской книжкѣ «Былого», я вновь переживаю всѣ ужасы разъ уже мною пережитого состоянія: обв. актъ не исправленъ, къ нему не приложено мое заявленіе, что каждаго вводитъ въ заблужденіе о характерѣ моихъ показаній. Журналъ «Былое» напечаталъ этотъ документъ безъ предварительной провѣрки, разсчитывая, что правда выяснится путемъ опроверженій и всякихъ замѣтокъ. Въ настоящемъ случаѣ правда покупается слишкомъ дорогою цѣной. Пусть будетъ такъ. Можетъ быть моя замѣтка о процессѣ 17-ти, которую мнѣ такъ мучительно-тяжело было писать, также поможетъ освѣтить прошлыя событія свѣтомъ истины.

Говорятъ еще, что обвинительный актъ этотъ былъ напечатанъ въ такомъ же видѣ за границей въ 1883 году, но не надобно забывать, что въ эти годы часть моихъ сопроцесниковъ сидѣли въ Шлис-

сельбургѣ, другая часть, въ томъ числѣ и я, были въ ссылкѣ въ Сибири, куда почти не достигали нелегальныя заграничныя газеты. Удивляться тому, что на нихъ не было опроверженій, было бы по меньшей мѣрѣ страннымъ.

А. Борейша.

Нижній Новгородъ.
Декабря 11-го дня 1906 года

II.

Считаю нужнымъ пояснить то мѣсто обвинительнаго акта процесса 17-ти, гдѣ говорится о мнимыхъ показаніяхъ А. С. Борейши. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ клевета, которую взвелъ обвинительный актъ на Антона Степановича, не была опровергнута товарищами его по процессу. Тѣмъ болѣе необходимо это сдѣлать теперь.

Самъ Антонъ Степановичъ былъ на судѣ такъ подавленъ фактомъ, что обвинительный актъ приписываетъ ему показанія, которыхъ онъ не давалъ, что рѣшительно не былъ въ состояніи разоблачить прокурорскую ложь. Онъ отказался отъ защитника, самъ въ свою защиту не сказалъ ни слова, и только заявилъ суду, что показанія, которыя приписываетъ ему обвинительный актъ, онъ не давалъ.

Къ несчастью, онъ также не говорилъ съ товарищами и не переписывался съ ними, хотя, если не ошибаюсь, онъ обмѣнялся письмами съ Грачевскимъ и съ Теллаловымъ, которыхъ зналъ больше другихъ своихъ сопроцессниковъ.

Какъ я впослѣдствіи объясняла себѣ состояніе Борейши, оно походило на глубокій гипнозъ, изъ котораго онъ не былъ въ силахъ выйти. Еслибъ онъ сообщилъ намъ, что съ нимъ было на допросахъ, и какъ подложно составленъ обвинительный актъ, мы подняли бы бурю на судѣ. Но онъ молчалъ, какъ убитый, и такъ продолжалось потомъ въ дорогѣ до Красноярска, несмотря на то, что отношенія всѣхъ товарищей къ нему были самыя лучшія. Въ началѣ пути онъ, также, какъ другіе наши товарищи, страдалъ припадками, сопровождавшимися потерею сознанія.

Во время процесса Грачевскій выказывалъ большое расположеніе и чисто отеческую нѣжность къ Борейшѣ. Однажды онъ сказалъ мнѣ: «Смотрите на Борейшу, какъ на хорошаго своего товарища. Онъ ни въ чемъ не виноватъ». Эти слова Грачевскаго имѣли для меня всю силу полнаго оправданія Антона Степановича. Но на судѣ я помѣщалась такъ далеко отъ него, что не удалось поговорить съ нимъ. Да кромѣ того, вниманіе постоянно было напряжено и отвлекалось самимъ процессомъ.

Дѣло Антона Степановича какъ-то ускользнуло отъ нашего вниманія, хотя его слѣдовало бы обсудить тогда же, во время процесса, намъ, его товарищамъ. Но для этого не было ни времени, ни необходимаго настроенія.

А. Прибылева.

30 ноября 1906 г.

III.

Вполнѣ подтверждая вышеприведенное письмо, съ своей стороны считаю долгомъ добавить, что А. С. Борейша, будучи нервно разстроеннымъ во время судебнаго слѣдствія, не могъ оправиться отъ болѣзни и на судѣ. Только однимъ этимъ можно объяснить, что онъ такъ пассивно отнесся къ реаблилитаціи своего имени, которое такъ настойчиво хотѣлъ замарать прокуроръ Желеховскій въ его обвинительномъ актѣ. Подавъ свой протестъ прокурору противъ взведенныхъ на него клеветъ, А. С. Борейша не нашелъ нужнымъ, а быть можетъ и не имѣлъ силъ подтвердить это на судѣ, довольствуясь лишь систематическимъ отказомъ отъ участія въ процессѣ, какъ въ показаніяхъ, такъ и въ защитѣ. Этимъ, конечно, онъ нанесъ себѣ значительный ущербъ, такъ какъ офиціальный его протестъ, появившись въ печати рядомъ съ обвинительнымъ актомъ, сразу возстановилъ бы истинную картину и не оставилъ бы читателя при ложномъ освѣщеніи фактовъ. Къ сожалѣнію, ни самъ Борейша въ то время, ни другіе участники процесса не могли задумываться объ отдаленныхъ послѣдствіяхъ происходящаго и о правильности историческихъ перспективъ въ будущемъ. Угрюмо-болѣзненное настроеніе Борейши производило тяжелое впечатлѣніе на его товарищей тѣмъ болѣе, что всѣмъ было извѣстно, какими симпатіями пользовался онъ отовсюду, вплоть до его ареста. Съ Теллаловымъ онъ работалъ въ однихъ кружкахъ и былъ однимъ изъ лучшихъ его пріятелей; а пріятель Теллалова ни въ какомъ случаѣ не могъ быть заподозрѣнъ въ сомнительной нравственности.

Добавлю въ заключеніе, что сдѣлавъ совмѣстно съ Борейшей тяжелую дорогу въ Сибирь и никогда, по возможности, не теряя его изъ виду за долгіе годы жизни тамъ, никто изъ насъ никогда не слыхалъ объ немъ ни тѣни чего-либо дурного—его жизнь была безупречна. То впечатлѣніе, какое имъ сдѣлано было на насъ при разлукѣ, всегда нами сохранялось, и это было впечатлѣніе больного, измученнаго, но крайне симпатичнаго и мягкаго человѣка, котораго каждый изъ насъ считалъ своимъ близкимъ товарищемъ.

Алекс. Прибылевъ.

9 декабря
1906 г.

Историческая библіографія.

А. Я. Ефименко. *Исторія Украинскаго народа.* Вып. I и II изд. Брокг. Ефр. СПБ. 1906 г. ц. за оба выпуска 3 р.

Извѣстная писательница А. Я. Ефименко выступила съ новой исторической работой, которая по своимъ достоинствамъ сдѣлала бы честь любому ученому изслѣдователю. Только что вышедшая изъ печати Исторія Украинскаго народа охватываетъ всю историческую жизнь этого народа, начиная изъ глубины вѣковъ его первоначальнаго разселенія и столкновенія съ сосѣдями и кончая гибелью его политической независимости къ началу XIX вѣка подъ тяжелой рукой русскаго самодержавія. Талантливое умѣнье изложить самыя сухія историческія подробности въ такомъ яркомъ освѣщеніи, при которомъ въ воображеніи читателя остается цѣльное неизгладимое впечатлѣніе—составляетъ счастливую особенность А. Я. Ефименко, создавшую ея популярность, какъ въ русской, такъ и въ украинской читающей публикѣ. Въ новомъ трудѣ А. Я. выступаетъ, кромѣ того, какъ самостоятельная ученая, по сырымъ, непосредственнымъ источникамъ обработавшая цѣлый періодъ историческаго бытія Украины—періодъ ея совмѣстной жизни съ Литвой въ XIV—XVI вв. Это одинъ изъ интереснѣйшихъ моментовъ жизни украинскаго народа, когда послѣ татарскаго разгрома, какъ бы заново складывались его государственныя формы жизни, вытворялись въ глубинѣ народнаго самосознанія новыя соціальныя формы и устои и укоренялись тѣ свободолюбивыя, демократическія основы, на какихъ украинскій народъ стремился построить свою политическую и соціальную жизнь. Въ этотъ созидательный періодъ опредѣлились тѣ два руководящія начала государственности, за которыя такъ отчаянно боролся украинскій народъ: широкое избирательное право и независимость самоуправленія мельчайшихъ общественныхъ единицъ. Пышнымъ цвѣтомъ разцвѣли эти начала въ историческихъ народныхъ украинскихъ организаціяхъ: Запорожскомъ товариществѣ, народныхъ судахъ, просвѣтительныхъ братствахъ, даже во всемъ казачьемъ управленіи Украины XVII в. Свободная вольная жизнь на началахъ равенства съ горячимъ стремленіемъ къ свѣту знанія, къ просвѣщенію—такова опредѣленная картина исторіи цѣлаго многомилліоннаго народа, которому внѣшнія обстоятельства не дали до сихъ поръ возможности осуществить эти свои идеалы.

Какъ несовмѣстимы были всѣ устои украинской демократической и свободной государственности съ началами абсолютизма Московскаго государства—прекрасно выясняется А. Я. Ефименко въ седьмой главѣ ея исторіи „Украина въ XVIII вѣкѣ". Въ моментъ соединенія Украины съ Москвой, въ роковой для нея 1654 г. культурное и политическое развитіе украинскаго населенія было неизмѣримо выше рабски покорныхъ невѣжественныхъ подданныхъ царя Московскаго, и все собственное достоинство и независимость

казацкой старшины казались московскимъ боярамъ однимъ непристойнымъ вольнодумствомъ. Все соединеніе Украины съ Москвой, какъ равной съ равной, весь переяславскій договоръ оказался очень скоро однимъ сплошнымъ недоразумѣніемъ. Оно очень скоро выяснилось, когда надъ всей Россіей поднялась особливо памятная для Украины дубинка Петра I; свобода и независимость Украины не мирились съ его идеаломъ централистическаго абсолютизма, а возстаніе Мазепы слишкомъ откровенно обнаружило всю непокорность этой богатой соблазнительной территоріи. Политика Петра по отношенію къ Украинѣ была груба и жестока: съ одной стороны, говоритъ А. Я. Ефименко, ему нужно было „лишить край политической самостоятельности и самобытныхъ учрежденій; съ другой привлечь матеріальныя, экономическія силы малорусскаго общества къ участію въ осуществленіи общегосударственныхъ предпріятій“ (стр. 290). Немедленно къ тогдашнему слабохарактерному Украинскому гетману (Скоропадскому) приставлены были въ видѣ „государевыхъ очей и ушей“ великорусскіе чиновники, безъ вѣдома которыхъ гетманъ не могъ сдѣлать ни одного сколько нибудь важнаго шага. Наперекоръ всѣмъ правамъ гетмана, Петръ самъ сталъ назначать украинскихъ полковниковъ, все чужеземцевъ—сербовъ, великороссовъ и др. Эти новоставленники позволяли себѣ терроризировать цѣлые города и мѣстечки. А чтобъ легализировать такіе акты нарушенія выборнаго права Украинской Старшины, Петръ издалъ указъ, которымъ всѣ выборы и назначенія въ ней контролировались состоящимъ при гетманѣ великорусскимъ „attaché“. Вмѣсто прежняго народнаго выборнаго Суда, Украина получаетъ Судебную Канцелярію и приказъ перевести дѣйствующія въ ней судебныя книги, Литовскій Статутъ и др. „на наше русское нарѣчіе“. Затѣмъ украинскій народъ систематически уничтожается изморомъ: гетманъ получаетъ приказъ о высылкѣ на работы по проведенію Ладожскаго канала 10,000 казаковъ, не считая обозныхъ лошадей. Послѣ $^1/_2$ года работъ ихъ возвращается всего 3,000 домой—больныхъ, обезсиленныхъ тяжелой работой и ужаснымъ обращеніемъ. Но на слѣдующій годъ Петръ требуетъ новый десятокъ тысячъ,—и снова такой же % жертвъ остается на этихъ „канальскихъ работахъ“, о которыхъ память народная хранитъ въ Украйнѣ воспоминаніе и до нашихъ дней. Этого казалось мало изобрѣтательности Петра; онъ требуетъ вольное казачество въ Персію на крѣпостныя работы въ нездоровомъ лихорадочномъ климатѣ Каспійскаго побережья. Иноземцы пишутъ, какъ гибли тамъ сыны Украины и прямо высказываютъ предположеніе, что Петръ нарочно придумывалъ эти мѣры для обезсиленія мятежнаго населенія края.

До Петра Малороссія богатѣла торговлей. Эта торговля шла старинными историческими путями; она связана была съ цѣлой сѣтью городовъ, пограничныхъ пунктовъ, она привлекала съ юга и запада торговцевъ; независимая, исторически установившаяся, эта торговля въ Украинѣ связывала ее съ опредѣленными торговыми центрами на югѣ, на западѣ и на дальнемъ юго-востокѣ и вливала живую экономическую жизнь въ ея города. Не понравилось это Петру: онъ ищетъ „окна“ для своего азіатски мертваго царства, а тутъ ворота широко раскрыты для притока и богатствъ, и культуры. Государственная мудрость самодержца положила запретъ на торговлю Украины съ южными портами Балтійскаго моря, съ Силезіей; приказано направлять товары къ новымъ чуждымъ портамъ—Петербургу, Архангельску, Азову (стр. 295).

Съ окончаніемъ Шведской войны, Петръ сталъ „расправляться“ съ Украиной еще безцеремоннѣе: управленіе всѣми дѣлами „Малороссіи“ пере-

водится изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ въ Сенатъ, гетманская власть упразднялась, учреждалась въ г. Глуховѣ Малороссійская Коллегія съ бригадиромъ Вельяминовымъ во главѣ, старавшемся объ одномъ—прибрать финансы Украины въ свои руки, а со старшиной заговорить настоящимъ московскимъ бюрократическимъ тономъ: „Что вы предо мной?—кричалъ на полковниковъ достойный бригадиръ: - Ничто. Я вамъ указъ! Вотъ я васъ согну—такъ что и другіе треснутъ. Государь указалъ перемѣнить ваши давнины и поступать съ вами по новому!..“ (стр. 299).

Но Старшина не гнулась. Депутація за депутаціей отправлялись въ Петербургъ и—замуровывались въ Петропавловской крѣпости, которой Петръ успѣлъ уже украсить свой столичный градъ. Депутаціи просили о возстановленіи права выбора гетмана, о сохраненіи стараго суда, объ отмѣнѣ истощавшихъ Украину военныхъ постоевъ. Но ни количество подписей, ни громкія имена подписывавшихъ не смутили Петра, и только смерть его на время прервала напряженную борьбу Петербургскаго кабинета съ Украиной. Но она возобновилась съ восшествіемъ на престолъ Екатерины II. Своеобразная форма быта въ Украинѣ „смѣшеніе воинскаго правленія съ гражданскимъ“—все это, говоритъ А. Я., императрицѣ казалось варварствомъ; покончить съ нимъ она считала выгоднымъ и съ точки зрѣнія государственнаго разсчета и даже съ точки зрѣнія ея либеральныхъ принциповъ“!! (стр. 314).

Окружавшіе ее льстецы утверждали, что законы Украины, „для республиканскаго управленія учрежденные, весьма несвойственны уже стали и не приличны малорусскому народу, въ самодержавномъ владѣніи пребывающему“.

„Вѣкъ и имя гетмановъ, говорила императрица, исчезъ“ и давши широкія уполномочія Румянцеву, она отправила его въ качествѣ „главнаго малороссійскаго командира“ заправлять дѣлами Малороссіи. Но неблагодарные малороссы продолжали добиваться возстановленія своихъ прежнихъ правъ и своей независимости и чуть обнародованъ былъ манифестъ о созывѣ депутатовъ, они обнаружили „изумительное своеволіе, доходившее до коварства“: „ослѣпленные любовью къ своей землицѣ“, какъ иронизировалъ Румянцевъ, они стали стремиться „къ умоначертаніямъ прежнихъ временъ, къ договорнымъ статьямъ Богдана Хмѣльницкаго“. Обѣщанія императрицы своими реформами „возвести малороссійскій народъ на высшую степень счастья“ нисколько не плѣняли малороссовъ, и они продолжали высказывать „желанія, несходственныя съ общимъ добромъ“, и не побоялись громко высказать свои „вздорныя вожделѣнія“ въ самомъ многолюдномъ собраніи Комиссіи. Екатерина оскорбилась и заявила, что отнынѣ по отношенію къ малорусскимъ дѣламъ надо имѣть „лисій хвостъ и волчій ротъ“.

Этому требованію какъ нельзя лучше удовлетворялъ Румянцевъ; умный и гибкій онъ заманивалъ старшину обѣщаніями дворянскихъ привиллегій и рылъ пропасть между украинскимъ народомъ и его господствующими классами. Удары шли одинъ за другимъ мѣтко и неотразимо: въ 1775 году уничтожается Запорожская Сѣчь, въ 1782 г. вводится Положеніе о губерніяхъ, въ 1783 г.—крѣпостное право. На мѣсто уничтоженныхъ полковыхъ чиновъ, казацкая старшина получаетъ „чины табельные“, къ которымъ она давно стремится. На радостяхъ она даже не замѣтила, какъ у нея изъ подъ носа ранговыя имѣнія проскальзываютъ въ руки Екатерининскихъ вельможъ: Румянцева, Безбородько, Стрекалова, Завадовскаго. Запорожскія вольныя земли

также дѣлятся какъ законное наслѣдіе: 100,000 десятинъ князю Вяземскому, столько же князю Прозоровскому, ну а по 10—12,000 десятинъ раздавалось направо и налѣво.

Окраденная, измученная, оскорбленная Украина превратилась въ Малороссійскія губерніи, ея вольное казачество—въ крѣпостныхъ и своихъ и чужихъ господъ. Гайдамаччина и Коліивщина были послѣдними, организованными еще съ помощью Запорожья вспышками народной борьбы съ подавляющими его новыми условіями чуждой жизни: все было разбито, растоптано; производительность края, національное достоинство его населенія, торговля, культура, просвѣщеніе—все было отнято у многомилліоннаго народа. Такова сила политики наглаго произвола Петербургскаго централизма. Исторія Украины является яркой страницей безсердечнаго и нерасчетливаго обращенія Петербурга съ окраинами. Кому принесло пользу такое отношеніе: обѣднѣніе всѣхъ окраинъ въ экономическомъ и духовномъ отношеніи и ненависть ко всѣмъ представителямъ централистическаго угнетенія—вотъ естественные плоды политики національнаго подавленія.

Но полно, раздавлена ли была въ настоящемъ смыслѣ этого слова Украина этимъ страшнымъ гнетомъ? Черезъ все XIX столѣтіе, мало по малу, иногда яркими сполохами, иногда притушеннымъ подпочвеннымъ огнемъ идетъ ея пробужденіе, ея національное возрожденіе. Къ сожалѣнію, эта послѣдняя, заключительная глава Исторіи Украинскаго Народа обработана у А. Я. Ефименко слабѣе всѣхъ предъидущихъ. Отступая отъ роли публициста, она находитъ, что „передъ волнующимся океаномъ современности, надъ которымъ рѣютъ неясныя тѣни будущаго, прекращается дѣло историка“ (см. стр. 385). Но разъ она даетъ главу, озаглавленную „Украина Россійская и Австрійская въ XIX в.“, читатели вправѣ требовать отъ нея не столько такого подробнаго перечня именъ разныхъ писателей и организацій, въ какихъ расплывается характеристика XIX в. у А. Я., сколько общаго точнаго его освѣщенія двумя-тремя штрихами, какія такъ легко даются талантливой писательницѣ. Между тѣмъ возрожденіе Украины въ XIX в. является тѣмъ могучимъ аккордомъ всѣхъ жизненныхъ силъ Украины, безъ воспроизведенія котораго не можетъ закончиться ни одна правдивая исторія страданій и борьбы Украинскаго народа. Какія могучія силы таятся въ нѣдрахъ его: у него отняли торговлю—онъ обстроилъ все побережье Черноморья оживленными портами. У него отняли слово, обратили его въ глухонѣмого,—а изъ груди вырвалась пѣсня Шевченка и свободнымъ гимномъ-стономъ пронеслась по всему славянскому міру. У него отняли школу, обрекли его на абсолютное невѣжество, а изъ темной глуши Гадячскихъ степей вышелъ Драгомановъ, и къ его ученому слову съ интересомъ прислушивалась западноевропейская наука. Шевченко и Драгомановъ—вотъ два лозунга Украины: силою ихъ двигалось все національное возрожденіе и шло правильнымъ путемъ, не отступая ни отъ своихъ демократическихъ традицій, ни отъ своего излюбленнаго идеала независимости. Двадцатый вѣкъ засталъ Украину пробужденной, вооруженной и сильнымъ роднымъ словомъ и старинной любовью къ свободѣ. Она готова забыть свои страданія, но свою борьбу—никогда! На страницахъ „Былого“ проходятъ одинъ за другимъ герои освободительной борьбы по всей Россіи; они идутъ и въ одиночку и группами, всѣ за дорогое дѣло народной свободы. Со страницъ Исторіи Ал.. Як. Ефименко встаетъ передъ нами цѣлый народъ, en masse одушевленный однимъ желаніемъ свободы, равенства, независимости. За эти не слова,

а государственныя и общественныя формы воплощающія эти слова, онъ велъ многовѣковую кровопролитную борьбу. Въ этой борьбѣ ему часто измѣняли его господствующіе классы, питающіе „великое желаніе къ чинамъ, а особливо къ жалованью“, но онъ самъ все больше и больше увѣрялся въ своихъ силахъ и, вѣроятно, близокъ день, когда Украина, вѣрная великимъ лозунгамъ Шевченка и Драгоманова, скинетъ съ себя позорныя цѣпи и займется осуществленіемъ всѣхъ тѣхъ общественныхъ и политическихъ началъ, которыя вытворились въ народномъ самосознаніи втеченіе исторической его жизни; знанія, просвѣщеніе, къ какому Украина стремилась втеченіе всего своего историческаго существованія, помогутъ украинскому народу поставить эти историческія свои излюбленныя начала въ полное согласіе съ требованіями прогресса.

Велико значеніе для выясненія народнаго самосознанія такихъ прекрасныхъ историческихъ трудовъ, какъ „Исторія Украинскаго народа“ въ яркой переработкѣ талантливой писательницы, А. Я. Ефименко, и нельзя не пожелать ему самаго широкаго распространенія. Ея трудъ—это истинная исторія народа борца, народа страдальца, но пережившаго свои страданія и смѣло идущаго на завоеваніе своего счастья, своей свободы. Тогда онъ скажетъ еще свое новое жизненное слово всѣмъ своимъ сосѣдямъ и будущимъ друзьямъ.

Петербургъ. **С. Русова.**
4 Декабря 1906 г.

Дешевыя изданія А. И. Герцена: 1) „Крещеная собственность“. Цѣна 8 к.—2) „Русскій народъ и соціализмъ“. Цѣна 10 коп.—3) „Робертъ Оуэнъ“. Цѣна 12 к.—4) „Александръ I и В. Н. Каразинъ“. Цѣна 12 коп.—5) „Старый міръ и Россія“. Цѣна 10 коп.—6) „Княгиня Екатерина Романовна Дашкова“. Цѣна 20 коп.—7) „Съ того берега“. Цѣна 40 коп.—8) „Кто виноватъ?“. Романъ въ 2-хъ частяхъ. Цѣна 50 коп. („Основа“. Редакторъ-издатель, душеприказчикъ Ф. Павленкова. Складъ въ кн. маг. П. В. Луковникова. СПБ., Лештуковъ пер., 2).

Когда-то Некрасовъ въ своей грандіозной, къ сожалѣнію неоконченной эпопеѣ изъ крестьянской жизни восклицалъ:

„Когда жъ придетъ то времячко,
Когда—приди, желанное!—
Народъ не Блюхера
И не милорда глупаго,—
Бѣлинскаго и Гоголя
Съ базара понесетъ“...

Относительно Бѣлинскаго и Гоголя горячее пожеланіе Некрасова пока еще не исполнилось и остается всецѣло въ области pia desideria, но относительно ихъ великаго современника, геніальнаго соціалистическаго публициста А. И. Герцена—пожеланіе Некрасова (чтобы народъ читалъ и зналъ своихъ великихъ „заступниковъ“ и друзей) начинаетъ уже осуществляться. Передъ нами лежатъ 8 книжекъ, избранныхъ изъ сочиненій Герцена и выпущенныхъ въ свѣтъ извѣстнымъ статистикомъ и писателемъ Вал. Ив. Яковенко.

Въ прошломъ (1905) году въ Россіи въ первый разъ были изданы „Сочиненія А. И. Герцена“ (въ 7 большихъ томахъ) редактированныя В. И. Яковенко и Д. П. Сильчевскимъ (прибавившимъ объяснительныя примѣчанія къ каждому тому и именной алфавитный указатель ко всѣмъ томамъ), но, по своей цѣнѣ (12 р.), это изданіе недоступно для широкой, большой публики, тѣмъ паче для народа.

Вотъ почему мы горячо привѣтствуемъ предпріятіе г. Яковенко—дать народу дешеваго Герцена, такъ какъ это дешевое изданіе, повидимому, не ограничится вышедшими теперь 8-ю книжками, а будетъ продолжаться и дальше. Конечно, революціонно-философская книжка „Съ того берега“ и романъ „Кто виноватъ?“ изданы не для народа, а для интеллигенціи—и за то спасибо! Но „Крещ. собственность“, „Александръ I и Каразинъ“ и „Кн. Дашкова“ вполнѣ доступны народу.

Въ послѣдующія книжки этой серіи дешеваго изданія Герцена для народа необходимо, по нашему мнѣнію, дать: „Москва и Петербургъ“, „Новгородъ Великій и Владиміръ на Клязьмѣ“, „Умъ хорошо, а два лучше“, 2 пародіи на М. П. Погодина („Путевыя записки Вѣдрина“ и „Старика Вѣдрина крѣпкое до польскихъ братій словцо“), „Опытъ бесѣды съ молодыми людьми“ и „Разговоры съ дѣтьми“ (обѣ послѣднія статьи въ одной книжкѣ), „Юрьевъ день!“ поставить сборничекъ юмористическихъ статей (которыхъ не мало въ „Колоколѣ“ и въ „Полярной звѣздѣ“), а для интеллигенціи дать за дешевую цѣну и всѣ остальныя сочиненія Герцена въ видѣ отдѣльныхъ книжекъ и брошюръ, причемъ издать все это въ *полномъ*, а не въ урѣзанномъ цензурою видѣ, какъ случилось съ прошлогоднимъ изданіемъ Герцена (гг. Звѣревъ и извѣстный черносотенный цензоръ Ник. Матв. Соколовъ старались кастрировать великаго писателя-революціонера). Надо дать также для интеллигенціи, тоже по дешевой цѣнѣ, полное собраніе всѣхъ статей Герцена изъ „Колокола“ въ родѣ извѣстнаго сборника статей, изданнаго бывшимъ народовольцемъ, а нынѣ сотрудникомъ „Московскихъ Вѣдомостей“ Л. А. Тихоміровымъ за границей (въ 1887 г.). Это тѣмъ необходимѣе сдѣлать, что въ прошлогоднемъ изданіи „Сочиненій А. И. Герцена“ статьи изъ „Колокола“ и то лишь дозволенныя „ревнителями просвѣщенія“ (т. е. его гасителями) гг-ми Звѣревымъ и Соколовымъ доведены только до 1865 года, такъ что статей „Колокола“ 1865—69 годовъ въ изданіи 1905 г. нѣтъ.

Что касается до изданныхъ теперь г—мъ Яковенко брошюръ, замѣтимъ, что корректура должна бы быть исправнѣе, а цѣны ихъ—подешевле Такъ красная цѣна „Съ того берега“ могла бы быть не болѣе 15-ти копѣекъ, за романъ „Кто виноватъ?“ можно бы было брать не болѣе четвертака, а за „Дашкову“—гривенникъ. Мы думаемъ, что при слѣдующихъ изданіяхъ нашъ совѣтъ будетъ принятъ во вниманіе. Avis au éditeur!

Еще разъ повторимъ нашъ горячій привѣтъ появленію серіи дешевыхъ книжекъ Герцена, пожелавъ имъ быстраго распространенія среди народныхъ массъ на Руси и возможно большаго и частаго повторенія ихъ въ новыхъ изданіяхъ.

Книголюбецъ.

К. Пажитновъ. *Рабочее движеніе въ Россіи.* Книгоиздательство „Новый Міръ“.

Авторъ, повидимому, задался цѣлью дать краткій историческій очеркъ рабочаго движенія въ Россіи для широкихъ читательскихъ круговъ. Въ этихъ рамкахъ работу г. Пажитнова можно считать выполненною довольно удачно: въ небольшомъ, сжатомъ очеркѣ авторъ въ совершенно популярной задачѣ изложилъ исторію движенія рабочаго класса въ Россіи, намѣтивъ главнѣйшіе этапы, которыми шло развитіе самосознанія рабочихъ. Но уже самая краткость такой работы составляетъ ея отрицательное качество, и вотъ почему. Благодаря тому, что рабочій вопросъ до самаго послѣдняго времени былъ у насъ подъ запретомъ, литературы этого вопроса, если говорить о русскихъ рабочихъ, у насъ почти нѣтъ, и исторія русскаго рабочаго движенія представляетъ для нашего рядоваго читателя совершенную terra incognita. Для такого читателя чтеніе книжки г. Пажитнова оставляетъ совершенно невѣдомою внутреннюю сторону той работы, которая привела русскаго рабочаго къ идеѣ классовой борьбы. Конечно, это не вина автора, такъ какъ на 80 небольшихъ страницахъ невозможно дать больше того, что далъ г. Пажитновъ, но погоня за краткостью въ рабочемъ вопросѣ представляетъ на нашъ взглядъ большую ошибку. Если можно и должно быть краткимъ въ вопросахъ, которые достаточно разработаны и освѣщены въ литературѣ, то въ рабочемъ вопросѣ излишняя сжатость можетъ не привести къ цѣли преслѣдуемой авторомъ, именно потому, что читатель въ этомъ вопросѣ недостаточно освѣдомленъ. Такъ и случилось съ брошюрою г. Пажитнова. Разсказывая о томъ, какъ сознаніе рабочихъ постепенно переходило отъ представленія о полицейскомъ начальствѣ, какъ единственномъ источникѣ защиты ихъ отъ притѣсненія предпринимателей, къ идеѣ классовой борьбы и къ отрицанію самодержавно-капиталистическаго строя, авторъ упоминаетъ о первыхъ рабочихъ организаціяхъ, которыя явились выразителями этой идеи—„сѣверномъ“ и „южномъ“ союзахъ русскихъ рабочихъ. Размѣръ работы г. Пажитнова позволилъ ему коснуться и упомянутой эволюціи, и названныхъ союзовъ—только вскользь, ограничиться однимъ лишь упоминаніемъ, между тѣмъ, какъ для уясненія современнаго настроенія рабочей массы читателю необходимо знать тотъ путь, которымъ шла пролетарская идея къ головамъ этой массы; понятно, что этого авторъ сдѣлать не могъ, такъ какъ такой анализъ вывелъ бы его за предѣлы, которыми онъ заранѣе ограничилъ свою работу. Краткость, между прочимъ, сказалась и на точности изложенія: авторъ не выяснилъ разницу въ основахъ сѣвернаго и южнаго союзовъ, благодаря чему у читателя можетъ получиться совершенно неправильное представленіе о томъ, что въ эпоху созданія этихъ союзовъ рабочая мысль развивалась и на сѣверѣ, и на югѣ одинаково въ направленіи „соціалъ-демократической партіи запада“, тогда какъ въ дѣйствительности южный союзъ шелъ по пути революціоннаго народничества въ духѣ „Народной Воли“.

Высказанныя замѣчанія не лишаютъ, однако, брошюру г. Пажитнова большого интереса. Въ особенности, интересна она въ историческомъ отношеніи. Авторъ даетъ яркую картину тѣхъ отношеній между рабочими и хозяевами, которыя привели первыхъ къ сознанію непримиримости интересовъ рабочихъ съ предпринимательскими интересами. Въ этой картинѣ поражаетъ крайняя примитивность воззрѣнія нашей капиталистической буржуазіи на обязанности ея по отношенію къ созидателямъ ея благополучія—рабочимъ. Если бы существовала такая сила, поддержка которой помогла бы имъ обра-

тить рабочихъ въ совершенное рабство, фабриканты и заводчики эпохи до 80-хъ годовъ, кажется, не побрезгали бы такимъ способомъ довести издержки производства до желательнаго имъ минимума. По крайней мѣрѣ, многіе поступки фабрикантовъ свидѣтельствуютъ о томъ, что они ни передъ чѣмъ не останавливались, даже передъ явнымъ мошенничествомъ, для выжиманія изъ рабочихъ послѣднихъ соковъ. Во время стачки въ 1874 г. на суконной фабрикѣ Лазарева въ Москвѣ обнаруженъ былъ, напримѣръ, такой пріемъ фабриканта: въ ткацкомъ отдѣлѣ на „угаръ" (усушку) ткани полагалось 3—4 золотника на фунтъ. Въ октябрѣ Лазаревъ измѣнилъ систему сушки и, когда судебный слѣдователь, производившій слѣдствіе по дѣлу, потребовалъ провѣрки угара, оказалось, что онъ теперь достигаетъ 12 золотниковъ на фунтъ. Такъ какъ за недовѣсъ ткачи платили по 50 коп. съ фунта, то съ перемѣной системы сушки въ конторскихъ книгахъ и разсчетныхъ книжкахъ оказались записанными огромные штрафы: *они доходили до 1 р. со штуки сукна, тогда какъ заработокъ со штуки доходилъ только до 5 руб.* Когда рабочіе объявили по поводу такого грабежа забастовку, хозяинъ велѣлъ запереть ихъ на фабрикѣ и 4 сутокъ продержалъ ихъ взаперти, когда же рабочіе силою вырвались изъ подъ ареста, Лазаревъ обратился въ судъ съ жалобою, обвиняя рабочихъ въ стачкѣ и безпорядкахъ. Нечего и говорить, что самъ онъ за свои преступленія не подвергся никакому наказанію.

Подобныхъ этому случаевъ у г. Пажитнова приведено множество, и для сторонниковъ идеи „гармоніи" въ отношеніяхъ труда къ капиталу они представляютъ выдающійся образчикъ проповѣдуемой ими „гармоніи". Правда, теперь подобныхъ случаевъ нѣтъ, но заглядывая въ свое прошлое, нашъ пролетаріатъ не обманется насчетъ истинныхъ намѣреній капиталистической буржуазіи. Этимъ, главнымъ образомъ, и цѣнна книжка г. Пажитнова.

Ю. Лавриновичъ.

А. С. Пругавинъ. *Монастырскія тюрьмы въ борьбѣ съ сектантствомъ.* II-е дополненное изданіе „Посредника" (безъ обозначенія года).

Монастырскія тюрьмы, это нѣчто, гораздо болѣе ужасное, чѣмъ Шлиссельбургская крѣпость. Въ то время, какъ въ Шлиссельбургское заточеніе, за весьма рѣдкими исключеніями, попадали истинные борцы за великое дѣло освобожденія русскаго народа, знавшіе, по крайней мѣрѣ, что они приносятъ себя въ жертву великой идеѣ,—въ монастырскихъ тюрьмахъ томились десятки лѣтъ и даже цѣлую жизнь люди, не знавшіе, въ чемъ заключается ихъ преступленіе. Въ опубликованныхъ А. С. Пругавинымъ донесеніяхъ архимандрита Суздальскаго Спасо-Евфиміева Монастыря о заключенныхъ въ монастырской крѣпости за 1865—1895 годы значились, напримѣръ, такіе преступники: іеромонахъ Кипріанъ—заключенъ „на безсрочное время" съ 7 янв. 1862 г. „въ отвращеніе соблазна, происходящаго отъ безнравственныхъ поступковъ"; запрещенный діаконъ Филиппъ Горбикъ—„на безсрочное время"—„за буйство, за ослушаніе къ начальству и самовольную отлучку и другіе, несвойственные духовному лицу поступки"; архимандритъ Амфилогій—„на безсрочное время за безнравственную жизнь"; Терентій Миткевичъ—„за склонность къ пустымъ доносамъ и кляузамъ, за безпокойный нравъ, за злонамѣренныя дѣйствія и за нарушеніе порядка и тишины въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ"; раскольникъ Якимъ Усановъ—„на безсрочное время—за распространеніе сектантскихъ

дѣйствій"; мѣщанинъ Ефимъ Кудряшевъ—на безсрочное время за распространеніе ложнаго толкованія священнаго писанія; „священникъ Николай Богдановскій—на безсрочное время—за предосудительное поведеніе"; „протоіерей Василій Павлиновъ—на безсрочное время—за безнравственность и за самовольную отлучку до рѣшенія дѣла"; іеромонахъ Евзаръ—„на безсрочное время—за ложныя и противныя догматамъ христіанской вѣры *мысли*" (!); [1]) безмѣстный священникъ Карпъ Рязанскій—за обнаруженныя имъ въ прошеніяхъ на Высочайше имя и въ Святѣйшій синодъ *сужденія. несообразныя съ здравымъ разсудкомъ* и даже опасныя при нахожденіи его на свободѣ"; священникъ Ѳедоръ Померанцевъ—*„притворяется нѣмымъ"*, и т. д., и т. д. По этимъ же спискамъ можно видѣть, что самымъ крупнымъ преступленіемъ, за которое томились всю жизнь узники монастырскихъ казематовъ, являлось принятіе за границею лжеепископскаго сана и распространеніе за границей лжекафедръ". Многіе изъ заключенныхъ были просто душевно-больные люди и нуждались въ больничномъ леченіи, но ихъ держали въ тюрьмѣ только потому, что, какъ доносилъ архимандритъ Досифей, „они не освободились отъ разстройства умственныхъ способностей". Бывали и такія причины неосвобожденія: „Архимандритъ Леонтій по преклонности лѣтъ и болѣзненному состоянію живетъ спокойно. Освобожденіе кажется излишнимъ для него"; „Алексій—недугуетъ самолюбіемъ и требуетъ строгихъ замѣчаній. Освобожденія не заслуживаетъ". „Монахъ Иларій—благонравенъ, кротокъ и религіозенъ. Слѣдуетъ еще укрѣпиться въ благонравіи".

Если къ этимъ выразительнымъ штрихамъ прибавить еще, что заключеніе въ монастырскія тюрьмы за дѣянія, совершенно ненаказуемыя никакимъ закономъ, практиковалось. какъ общее правило, и что заключенію подвергали безъ всякаго суда и слѣдствія, иногда же—и вопреки рѣшенію суда, послѣ оправдательнаго его приговора, то предъ нами встанетъ такой кошмаръ безправія и произвола, какой едвали знакомъ даже застѣнкамъ свѣтской жандармеріи. Достаточно сказать, что заключеніе въ монастырскую тюрьму производилось по секретному отношенію даже такого незначительнаго учрежденія, какъ архангельское губернское правленіе.

Такъ легко ввергались люди въ тюрьму, изъ которой рѣдкому счастливцу доводилось выйти живымъ: большинство арестантовъ заключалось „на безсрочное время", и въ спискахъ сидѣвшихъ въ Соловецкой тюрьмѣ въ 1855 году авторъ разсматриваемой книги натолкнулся на людей, просидѣвшихъ тамъ 30, 40, 50, 60 и даже болѣе лѣтъ.

Для того, чтобы представить себѣ весь ужасъ положенія такихъ заключенныхъ, нужно знать условія, въ которыхъ имъ приходилось отбывать заключеніе. Самымъ тяжкимъ наказаніемъ считалось заключеніе въ земляныхъ тюрьмахъ. Такія тюрьмы существовали въ Соловецкомъ и другихъ монастыряхъ. Вотъ описаніе ихъ, приводимое авторомъ: „Земляныя тюрьмы представляли собою вырытыя въ землѣ ямы въ три аршина глубины; края ихъ были обложены кирпичемъ; крыша состояла изъ досокъ, на которыя была насыпана земля. Въ крышѣ находилось небольшое отверстіе, закрываемое дверью, запирающеюся на замокъ, въ которое опускали и поднимали узника, а также подавали ему пищу. Для спанья полъ устилался соломою.... Въ этотъ темный, сырой погребъ, вырытый въ землѣ, опускали живого человѣка, часто скован-

---

[1]) Курсивъ вездѣ нашъ. *Ю. Л.*

наго по рукамъ и ногамъ. Въ подобныхъ тюрьмахъ во множествѣ водились крысы, которыя нерѣдко нападали на беззащитнаго узника; были случаи, когда крысы объѣдали носъ и уши у сидѣвшихъ въ подземной тюрьмѣ „преступниковъ". Давать имъ что либо для защиты отъ крысъ воспрещалось, подъ страхомъ строгаго наказанія... Нѣкоторые узники, кромѣ того, всю жизнь сидѣли въ цѣпяхъ и освобождались отъ нихъ только послѣ смерти.

Читая всѣ ужасы монастырскаго заточенія, впервые описанные мастерскимъ перомъ г. Пругавина, начинаешь вѣрить, что шлиссельбургская крѣпость со всѣми ея средневѣковыми прелестями представляла далеко не послѣднее слово полицейскаго инквизиторства. Свѣтскую жандармерію и полицію, какъ видимъ, далеко опередило въ своей инквизиторской изобрѣтательности наше духовное вѣдомство, и русское общество будетъ всегда благодарно А. С. Пругавину, сдернувшему завѣсу съ его ужасныхъ дѣяній. Книга г. Пругавина въ этомъ отношеніи сослужила обществу весьма реальную и крупную службу: вскорѣ послѣ выхода перваго изданія ея (въ 1905 г.) послѣдовалъ цѣлый рядъ распоряженій объ освобожденіи изъ Суздальской монастырской тюрьмы сидѣвшихъ въ ней лицъ. Въ печати фактъ этотъ ставили въ прямую связь съ появленіемъ работы г. Пругавина, въ которой впервые были оглашены имена и фамиліи заключенныхъ, а также болѣе или менѣе подробно выяснены тѣ условія, при которыхъ эти лица подверглись ссылкѣ и заточенію въ монастырской тюрьмѣ. Правда, что ссылка въ монастыри „подъ началъ" лицъ духовнаго званія не прекращается и понынѣ, что удостовѣряетъ авторъ въ своемъ предисловіи, но это свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что реакція еще не раздавлена, и не книгѣ, конечно, какъ бы она хороша ни была, подъ силу бороться съ нею. Во всякомъ случаѣ, монастырскимъ „бастиліямъ" нанесенъ былъ сильный, рѣшительный ударъ.

Разсматриваемое нами второе изданіе книги „Монастырскія тюрьмы" значительно расширено авторомъ. Кромѣ двухъ новыхъ статей, включенныхъ въ это изданіе, къ книгѣ приложены донесенія и черновики рапортовъ архимандрита Суздальскаго монастыря о заключенныхъ въ монастырской крѣпости. Въ одной изъ вновь включенныхъ статей авторъ разсказываетъ о предполагавшемся заточеніи въ Суздальскій монастырь Л. Н. Толстого, о чемъ бывшимъ тогда оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода, графомъ Д. А. Толстымъ былъ сдѣланъ докладъ царю Александру III. Попытка эта не удалась, но неудачу эту можно объяснить только опасеніемъ властей слишкомъ взбудоражить всю Россію, самое же покушеніе указываетъ на то, что бюрократія, въ борьбѣ со свободою, готова была пойти даже на такое преступленіе.

Во второй изъ новыхъ статей авторъ знакомитъ съ однимъ изъ суздальскихъ узниковъ послѣдняго времени, священникомъ Г. И. Цвѣтковымъ, давая, такимъ образомъ, яркую иллюстрацію произвола властей, не далѣе, какъ въ 1905 г. заточившихъ о. Цвѣткова только за то, что онъ обращался къ духовному начальству за разрѣшеніемъ его религіозныхъ сомнѣній. Въ высшей степени интересно приложеніе къ книгѣ г. Пругавина, заключающее списки заключенныхъ и черновые наброски рапортовъ архимандрита Досифея. Достаточно прочесть эти краткіе документы для того, чтобы представить себѣ самую картину монастырскихъ застѣнковъ. Опубликованіе этихъ документовъ производитъ потрясающее впечатлѣніе и сообщаетъ книгѣ г. Пругавина значеніе несокрушимаго историческаго памятника.

Ю. Лавриновичъ.

Н. К. Кольцовъ приватъ-доцентъ Московскаго Университета—Памяти павшихъ. Жертвы изъ среды московскаго студенчества въ октябрьскіе и декабрьскіе дни. Москва 1906 г.

Лежащая передъ нами книжка г. Кольцова развертываетъ яркую страницу изъ недавно-пережитаго. Въ книжкѣ нѣтъ обобщеній, нѣтъ систематическаго разсказа; въ ней собраны только факты и факты. Но эти факты говорятъ за себя; эти голые факты (часто перепечатки сухихъ газетныхъ извѣстій) безъ всякихъ литературныхъ украшеній сильнѣе и ярче талантливыхъ повѣствованій.

Сначала описываются октябрьскія событія, когда съ наступленіемъ осенней „весны" были организованы студенческіе погромы. Начало было положено 15 октября, когда „истинно-русскіе" охотнорядцы, вдохновленные московской полиціей, и „Московскимъ Вѣдомостями", бросились съ дубьемъ и дрекольемъ на учащуюся молодежь. И университетъ долженъ былъ принять видъ крѣпости, гдѣ скрывались всѣ, подвергавшіеся преслѣдованію „черной сотни"; послѣдняя, труся всего сильнаго, находилась въ почтительномъ отдаленіи. Но вотъ наступило 17 октября—день оффиціальнаго кровопролитія; 18-го Москва реагировала на это событіе. Но празднество „первопрестольной" продолжалось недолго; полиція, казаки и „патріоты" готовили избіеніе. И вотъ 20 октября, послѣ грандіозныхъ похоронъ Баумана, небольшая группа студентовъ и другихъ учащихся подверглась возлѣ самаго университета обстрѣлу пачками изъ оконъ манежа, гдѣ засѣдали рыцари съ „тихаго" Дона. Въ числѣ убитыхъ были три студента московскаго университета: Архангельскій, Захаровъ и Соколовъ, студентъ инженернаго училища Северьяновъ и мн. др. Это было началомъ; послѣдующіе дни—„дни ужаса и позора Москвы" ознаменованы цѣлымъ рядомъ преступленій. Пишущему эти строки пришлось быть въ университетѣ 21-го утромъ, на другой день послѣ возмутительнаго убійства. И никогда не забудется представшая глазамъ картина: университетскій корпусъ съ выбитыми въ нѣкоторыхъ аудиторіяхъ окнами, у входа дежуритъ боевая дружина, вдали „черная сотня", словно ожидая чего-то, въ манежѣ казачьи сотни. Помѣщенія внутри превращены въ лазареты и пункты помощи; всюду санитары и сестры милосердія, студенты и курсистки. При входѣ въ одну изъ аудиторій я невольно отшатнулся, на полу передъ кафедрой лежалъ трупъ убитаго юноши, вдали валялась тужурка и стоялъ простой деревянный гробъ. И было страшно и жутко въ старомъ зданіи на Моховой... Мы не станемъ здѣсь приводить всѣхъ возмутительныхъ случаевъ: студентовъ всюду и вездѣ—пѣшихъ, на извозчикѣ, на конкѣ, на мосту—хватали, мучили, избивали, убивали холоднымъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ, топили и т. д. Прекратились погромы также внезапно, какъ и возникли, по мановенію „всесильной руки".

Но за октябремъ послѣдовалъ декабрь. И въ памятные дни Дубасовскихъ и Миновскихъ усмиреній не мало жертвъ выпало на долю московскаго университета. Вопреки всѣмъ правиламъ „войны" разстрѣливали студентовъ-санитаровъ, во время знаменитой Римановской карательной экскурсіи одинъ братъ-студентъ былъ убитъ вмѣсто другого „по ошибкѣ"; но все превзошло усмиреніе Пресни, когда Москва-рѣка обагрилась отъ пролитой крови. И много погибло московскихъ студентовъ..... Леденящимъ ужасомъ вѣетъ отъ фактовъ, собранныхъ въ книжкѣ г. Кольцова. Въ нашей краткой рецензіи мы только въ общихъ чертахъ передали содержимое книги; съ ней необходимо познакомиться цѣликомъ. Въ заключеніе мы приводимъ прекрасныя слова прив.-доц.

Кольцова: „А когда придетъ желанная свобода, мы не предадимъ забвенію имена ея борцовъ и ея мучениковъ, и въ томъ памятникѣ, который освобожденная Россія воздвигнетъ своимъ освободителямъ, одно изъ первыхъ мѣстъ займетъ фигура студента въ той самой, освященной мученической кровью, тужуркѣ, которая многихъ привела къ истязанію и разстрѣлу“.

И. Бороздинъ.

В. Чертковъ. Русскіе студенты въ освободительномъ движеніи, М., 1907 г. 60 с., ц. 25 к. Изданіе А. М. Дубровскаго.

Предостерегаемъ читателей отъ покупки этой книги. Во-первыхъ, извѣстный издатель произведеній Л. Толстого г. Чертковъ никогда не писалъ книги съ подобнымъ названіемъ, во-вторыхъ, можно думать, что эта книга съ широковѣщательнымъ заглавіемъ издана безъ какого-бы то ни было сношенія г. издателя съ г. Чертковымъ, въ третьихъ, и это для насъ самое главное, содержаніе книги вовсе не соотвѣтствуетъ названію. На первый взглядъ книга эта можетъ показаться перепечаткой съ брошюры, изданной въ Англіи въ 1906 г. подъ названіемъ „Студенческое движеніе 1899 года“. Сборникъ подъ *редакціей* А. и В. Чертковыхъ, изд. „Свободнаго Слова“, № 29, Purleigh Maldon, Essex. Такъ оно, до нѣкоторой степени, и есть. Г. Дубровскій перепечаталъ изъ заграничнаго сборника статью „Голосъ изъ общества, NN.“ озаглавивши ее—„Февральскія событія 1899 г.“; затѣмъ ст. „Комиссія Ванновскаго“ не упомянувши имени автора „Студентъ СПБ. унив.“ и даты „Іюль 1899 г.“; ст. Черткова „По поводу студенческаго движенія“, при чемъ въ оглавленіи авторъ фигурируетъ подъ именимъ Гершкова; наконецъ, два отрывка изъ студенческихъ прокламацій того періода, вырванныхъ безъ всякаго смысла (и безъ заглавія) изъ числа матеріаловъ напечатанныхъ Чертковымъ. Г. Дубровскій позаботился (29 апр. 1906 г.) провести состряпанную имъ книгу черезъ цензуру, которая исказила и то, что издатель счелъ возможнымъ печатать. Перепечатывая сборникъ, изданный Чертковымъ, г. Дубровскій не счелъ нужнымъ воспроизвести слѣдующія статьи: 1) Сообщеніе студентовъ, участвовавшихъ въ движеніи; 2) Бюллетень 6-го дня по закрытіи СПБ. унив.; 3) Изъ частнаго письма; 4) Списокъ забастовавшихъ учебн. заведеній; 5) и 6) Привѣтъ отъ женевскаго и бернскаго студенчества; 7) секретный циркуляръ редакціямъ період. изд.; 8) воззваніе органа комитета; 9) Листокъ „Солидарность“, 10· Изъ Кіева; 11) Бюллетень 33: 12) Отъ арестованныхъ студ.; 13) и 14) Изъ бюллет. 37 и 38-го; 15) По поводу правит. сообщенія; 16) Отъ студ. Кіев. Союза: 17) Стих. „Египетъ“, 18) стих. „Осада Кіев. унив.“. Перепечатка изъ № 4 „Рабоч. Дѣла“ о правилахъ по сдачѣ студ. въ солдаты—грубо искажена. Изданіе г. Дубровскаго носитъ всѣ признаки спекуляціи на интересъ публики къ исторіи освободительнаго движенія. Еще разъ предостерегаемъ читателей отъ этой книги.

Сергѣй Св.

Панъ. *Изъ недавняго революціоннаго движенія.* Книгоиздательство „Коллективистъ“. СПБ. 1907. Ц. 30 к.

Ростъ русской революціи, всколыхнувшей до дна всѣ слои населенія, собралъ множество своеобразныхъ типовъ и положеній,—неисчерпаемый источникъ для художника-психолога и для бытописателя. Въ числѣ типовъ, созданныхъ революціей, одно изъ первыхъ мѣстъ долженъ занять революціонеръ-

профессіоналъ. Разрывъ съ прошлымъ, съ друзьями молодости, съ родной семьей. Жизнь, полная треволненій и мученій. Постоянная опасность быть арестованнымъ,—безпрерывное положеніе травленнаго волка. Неизбѣжные аресты. Всевозможныя лишенія и голодовки въ видѣ протеста. Избіеніе на демонстраціи, избіеніе въ тюрьмѣ, избіеніе въ случаѣ неудачнаго побѣга. Необычайныя положенія, изъ которыхъ выручаетъ только экстраординарная находчивость. Побѣгъ изъ ссылки и новыя треволненія, избіенія, аресты. Дѣйствительность, превосходящая нерѣдко фантазію автора похожденій Рокамболя,—все это внѣшняя сторона дѣла. А внутренняя не менѣе сложна и оригинальна. Сложный душевный процессъ развитія недовольства личной жизнью, неудовлетворенности мѣщанскимъ прозябаніемъ, выработки идеаловъ, готовности къ самопожертвованію,—подчасъ усталость, временами необычайный приливъ энергіи, жизнь одними нервами среди безпрерывно наростающихъ, все болѣе сложныхъ грандіозныхъ задачъ,—развѣ все это не безконечный матеріалъ для анализа?

Далѣе—общественная сторона дѣла. Раздѣленіе труда среди профессіоналовъ, разнообразіе функцій, спеціализація на опредѣленныхъ видахъ работы. Идейная борьба, муки сомнѣній, методъ разрѣшенія политическихъ задачъ. Все это тѣмъ болѣе интересно, что и типъ революціонера-профессіонала и его работа не отошли въ прошлое. Напротивъ! Ростъ революціи и ростъ репрессій выбрасываютъ изъ колеи легальнаго существованія все болѣе значительныя массы „профессіоналовъ". Описаніе ихъ жизни и способа дѣйствій можетъ дать серьезныя и полезныя указанія для многихъ сотенъ, а можетъ быть и многихъ тысячъ людей

Наконецъ, оборотная сторона явленія. Возможность примазываться къ революціонно-общественному дѣлу ради лично-авантюристскихъ интересовъ (такіе авантюристы въ случаѣ серьезнаго ареста,—а то и такъ просто,—нерѣдко дѣлаются агентами-провокаторами). Опасность, незамѣтно для себя, на мѣсто интересовъ революціи, поставить узко-профессіональные интересы своей группы. Опасности, вынуждающія лукавить съ полиціей и съ обывателями,—и отсюда еще горшая опасность незамѣтно перейти къ лукавству въ отношеніяхъ между группами одной партіи. Анализъ всѣхъ этихъ опасностей могъ бы, можетъ быть, многихъ „профессіоналовъ" предостеречь отъ ложныхъ шаговъ...

Все сказанное достаточно объясняетъ тотъ интересъ, который возбуждаетъ поставленная г. Паномъ задача—изобразить въ беллетристической формѣ уголокъ жизни „профессіонала". Пишетъ г. Панъ бойко, достаточно живо, есть пожалуй у него и нѣкоторая наблюдательность. Намѣренія самые лучшія. И тѣмъ не менѣе нельзя безъ досады читать его книгу. Очевидно, авторъ не вѣдаетъ, что творитъ. Онъ дѣлаетъ открытіе въ области изслѣдованія причинъ появленія революціонеровъ по профессіи. Оказывается, что причины эти—амурнаго свойства. Женщины оказываютъ „на все направленіе ихъ дѣятельности рѣшительное вліяніе" (стр. 5). „Вліяніе женщины и нашей любви къ ней играетъ не послѣднюю роль въ опредѣленіи нашего жизненнаго пути" (стр. 6)... „Это не значитъ, что только благодаря женщинѣ и ея любви общественно-революціонная дѣятельность съ ея жертвами и мученичествомъ имѣетъ для насъ интересъ и обаяніе, какъ средство привлеченія ея любви"... Великолѣпное „это не значитъ, что только!.." Не всѣ революціонеры, слѣдовательно, эротоманы, или по крайней мѣрѣ не эротоманы послѣдняго градуса!

Посмотримъ, что дѣлаетъ герой разсказа, не „только благодаря жен-

щинѣ“ рѣшившій сдѣлаться профессіональнымъ революціонеромъ. Передъ нами—петербургскій студентъ, высланный на родину „до рѣшенія дѣла“. А за границей слушаетъ лекціи „она“. Въ виду того, что женщина и т. д. нашъ герой рѣшается „бѣжать“. Но къ несчастью наканунѣ побѣга получается бумага: герою разрѣшено вернуться въ Петербургъ и продолжать высшее образованіе. Планъ героическаго побѣга готовъ рухнуть, но герой и его товарищи рѣшили, что „разрѣшеніемъ не стоитъ смущаться“. Принявъ столь смѣлое рѣшеніе, герой „бѣжитъ“,—съ проходнымъ свидѣтельствомъ до Петербурга въ карманѣ. Цѣлую кучу народа тревожитъ онъ и подводитъ подъ рискъ ареста ди того, чтобы перейти нелегально границу,—но ведетъ себя такъ глупо, что его походя арестуютъ. Проходное свидѣтельство выручаетъ... Наконецъ неудачный герой попадаетъ въ Петербургъ, получаетъ заграничный паспортъ и неудержимо летитъ за границу, дѣлать революцію въ объятіяхъ „женщины которая“...

Хотя услуга намъ при нуждѣ дорога,

Но за нее не всякъ умѣетъ взяться,—чему хорошій примѣръ—авторъ разсказа „Изъ недавняго революціоннаго движенія“.

М. Ольминскій.

Книги и другія изданія, поступившія въ редакцію.

Новая Мысль. Сборникъ на очередныя темы № 1. 1906 г.

Сонъ Жизни. Стихотворенія Маріи Закревской. Римъ ч. I и II. Ц. 2 р.

Книго-во „Паллада“:

А. Богдановъ. Изъ психологіи общества изд. 2 ое допол. Ц. 80 к.

Н. А. Рубакинъ. Чистая публика и интеллигенція изъ народа („Искорки“).

Изданія „Общественной Пользы“.

Эд. Бернштейнъ. Основныя условія хозяйственной жизни перев. С. М-го подъ ред. Стрѣльцова. Ц. 10 к.

М. Л. Хейсинъ. Профессіональные рабочіе союзы (сущность ихъ, организація, дѣятельность и средства борьбы). Ц. 30 к.

Соціализмъ въ Англіи. Сборникъ статей анг. соціал. сост. С. Веббомъ. Перев. др. Куллеръ. Ц. 1 р.

Джоржъ Кеннанъ. Сибирь и ссылка. Изд. С. Н. Салтыкова. Пер. З. Журавской съ прим. В. Л. Бурцева. Ц. 1 р. 60 к.

Е. Таг-инъ. Отвѣтъ Виктору Чернову. Ц. 12 к.

Е. Таг-инъ. Принципы трудовой партіи. (Посв. памяти Н. К. Михайловскаго и П. Л. Лаврова). Ц. 30 к.

А. А. Корниловъ. Изъ исторіи вопроса объ избирательномъ правѣ въ земствѣ. Ц. 20 к.

К-во „Зарница“:

С. Я. Свѣтловъ. Задачи грядущаго Ц. 10 к.

М. Энгельгардтъ. Задачи момента. Ц. 10 к.

К во Л. И. Колевотова:

Убійство императора Павла I. Ц. 5 к.

Послѣдняя исповѣдь. Ц. 3. к.

Русское Свободное Слово № 5. Полное собраніе сочиненій Л. Н. Толстого т. V. Ц. 65 к.

Артуръ Арну. Народъ и правительство коммуны подъ ред. К. Гане.

Черная сотня. Изд. Л. Горбунова и С. Шаховскаго. Ц. 1 к.

К. Тахтаревъ. Отъ представительства къ народовластію. Изд. „Библ. Обществознанія“. СПБ. 1907, Ц. 1 р.

О. Шапиръ. Въ бурные годы. Романъ 1866—1877 г. Ц. 2 р.

А. Скорбинъ. Муза въ тюрьмѣ Ц. 15 к. Изд. ред. „Освободительное движеніе“.

Е. Лозинскій. Что же такое наконецъ интеллигенція. Критико-соціал. опытъ. Ц. 1 р. СПБ. К-во „Новый Голосъ“.

Изд. О. Н. Поповой:

А. И. Мейеръ. Турція. Ц. 20 к. (Государства и народы Европы).

Темы жизни: № 18. Кульчицкій. Анархизмъ въ Россіи. Ц. 20 к.

Темы жизни: № 19. Бѣлосельскій. Петръ Алексѣевичъ Кропоткинъ. Ц. 10 к.

Изданія О. Н Рутенбергъ. „Библіотека для всѣхъ“:

В. И. Засуличъ. Сборникъ статей т. I. Ц. 1 р. 50 к.

В. Щегло. Крестьянское хозяйство и сельско-хозяйственные рабочіе. Ц. 20 к.

Что такое землеустроительная комиссія и въ чемъ ея обязаности. Звенигородка. 1906 г.

Записки В. П. Зубкова по дѣлу 14 дек. 1825 г. съ предис. и примѣч. Б. Л. Модзалевскаго.

Первый женскій календарь на 1907 г. П Н. Аріанъ. Ц. 1 р. 25 к.

Изд. Мысль и Жизнь № 1:

Программные вопросы вып. I. Основныя положенія Ц. 10 к.

Программные вопросы вып. II. Историческія предпосылки. Ц. 10 к.

К-во „Молодое крестьянство“:

Сборникъ статей. М. Ц. 12 к.

Для всего крестьянства. Ц. 10 к. М.

Коллективный сборникъ статей. К-во „Свободная Рѣчь“. М. Ц. 20 к.

А. Волинъ. Сила въ объединеніи. Кіев. Ц. 5 к.

Земельное дѣло безъ Думы. Сборникъ статей изд. „Народное Право“. Ц. 5 к.

Книгоиздательство „Мысль“:

Вильгельмъ Вейтлингъ. Евангеліе бѣднаго грѣшника. Съ портр. и біог. авт. Ц. 30 к

Сендерлендъ. Священныя книги ветхаго и новаго завѣта. Ц. 60 к.

М. Бакунинъ. Федерализмъ, соціализмъ и антитеологизмъ. Съ порт. и біог. авт. Ц. 40 к.

Наша трибуна. №№ 1, 4 и 5.

А. Менгеръ. Народная политика М. Изд. Кн. маг. „Знаніе“. Ц. 35 к.

Елишевъ. Что такое землеустроительная комиссія? Ц. 3 к. Тип. газ. „Сельск. Вѣст.“.

Изданія Чарушникова и Дороватовскаго:

В. Шулятиковъ. Изъ теоріи и практики классовой борьбы М. 1907. Ц. 30 к.

Возникновеніе партійной организаціи германской соціалдемократіи. Перев. съ нѣм. Н. Дьяконовъ М. 1907. Ц. 25 к.

Зерно. Рабочій листокъ № 4. Августъ 1881 г. и отрывокъ изъ № 3.

Солдатъ № 1. Изд. Обл. Ком. Центр. Обл. п. с.-р. 15 нояб. 1906.

Голосъ солдата № 2 (1 апр.) и № 5 (26 мая) 1906 г. Кіев Воен. Орг.

Солдатское чтеніе. Изд. Воен. Орг. пар. с.-р. въ Финляндіи № 1.

Солдатская газета № 4 (5 нояб.) и № 5 (1 янв. 1907 г.). Изд. Ц. К. п. с.-р.

Военный Листокъ № 3. Изд. Воен. Орг. Симф. Гарн. п. с.-р. 20 іюля 1906 г.

Военный листокъ № 7 (15 нояб. 1906) и 9 (1 янв. 1907). Изд. Таврич. Союза пар. с.-р.

Тоже № 5, 6 и 8. Изд. Тав. Союз. пар. с.-р.

Листокъ Анархистовъ № 1 (окт. 1906 г.). Изд. Пет. Орг. анарх.-коммун.

Листки „Хлѣбъ и Воля“ Орг. анарх.-коммун. № 1 (30 окт.) № 2 и 3 (14 и 28 нояб.) и № 4 (13 дек) 1906.

Robotnik № 204, 205 и 206. Organ. P. P. S.

Партійныя Извѣстія № 1. Изд. Объед. Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.

Воля №№ и 86 и 87 Нечаевой Изд. с-р.

Уфимскій Рабочій № 1 1907 г. Уф. Ком. Р. С.-Д. Р. П.

Буревѣстникъ №№ 1, 2, 3 и 4 1906 г. Органъ русскихъ анарх.-коммун.

Газета Ахтуба № 1 2 іюля 1906 г.

Нѣсколько словъ о присягѣ Изд. В. Солдаткина. Ц. 2 к.

Двѣ опричнины, Нат. Зорова. Ц. 1 к.

Резолюція Уральск. Област. Сов. пар. с.-р. 16 нояб. 1906 г.

Къ партійнымъ работникамъ и Бюллетень Обл. Ком. Цент. Обл. п. с.-р. 1906 года.

Уставъ Московской Организаціи Обл. Ком. Ц. О. п. с.-р. 6 нояб. 1906 г.

2 листка къ солдатамъ Всерос. Воен. Союза Москва дек. 1906 г.

2 листка (предвыборныхъ Нижегор. Губ. Ком. пар. с.-р.

Будьте готовы! Р. С. Д. Р. П. Дон. Ком.

Бойкотировать ли Государственную Думу? Изд. Объед. Ком. Р. С.-Д. Р. П.

5 листковъ Минской гр. анархистовъ-коммунистовъ (нояб., декаб. 1906 г.).

Крестьянамъ отъ народныхъ учителей. Группа учителей с.-р.

9 декабря въ Твери, членомъ Летуч. Орг. Обл. Ком. Ц. Об. п. с.-р.

W sprawie Organ. Bojowej P. P. S. Warsz. 1906 г.

Годовщина декабрскаго возстанія. Моск. орг. союза с.-р. максималистовъ

Открытое письмо къ сознательнымъ рабочимъ Г. В. Плеханова.

2 листка Трудовой Группы.

10 листковъ С.-Д. Украинской Раб. Парт.
Почему народу нужна республика? } Изд. Харьк. Губ. Ком. Сельск. Орг.
Кто такіе соціалъ-демократы? } Р. С.-Д. Р. П. 1905 г.
И. Ленинъ. Задачи революціонной молодежи Письмо первое. Оттискъ изъ газ. Студентъ № 2 и 3.
2 листка Укр. С.-Д. Союза 1904 и 1905 г.
О констит.—демокр. партіи апр. 1906 г. Кіев. Ком. Р. С.-Д. Р. П.
Письмо къ партійнымъ организаціямъ № 1. Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.
Извѣстія Украинскаго Союза и Южн. Провин. Бюро № 1. 9 мая 1906 г.
Не платите податей, не давайте рекрут. окт. Гр. Крест. Союз. п. с.-р. Обл. Ком. Сѣв.-Зап. орг.
Нѣсколько листковъ 1904 г.
Czerwony sygnal № 1 Pismo Organiz Kolowej P. P. S.
Жерминаль Дек. 1906 г. Мин. гр. анарх.-коммун.
Амфитеатровъ. Сказка объ одной головѣ и ея обладателѣ.
Извѣщеніе о второй очередной конференціи Сіон. Соц. Р. П Изд. Ц. К. С. С. р. п.
Przedswit Organ Diskusyjny P. P. S.
Листокъ на татар. яз. Сар. ком. п. с.-р.
Извѣщеніе о состоявшемся съѣздѣ крестьян. раб. пар. с.-р. В. Крестьян. Ком. и с.-р. 1 окт. 1906 г.
Степанъ рябой. Что дѣлать крестьянамъ при выборахъ въ Думу? Ц. 1 к. Изд. Цен. Кр. Ком. п. с.-р.
О выборахъ въ Думу Крестьян. Окт. 1906 г.
Граждане! Первая Госуд. Дама указом.... Моск. Ком. п. с.-р.
Письмо бывшаго ростовца къ нижнимъ чинамъ Моск. Горн. М. ноябрь 1906 г. Всер. Воен. Союзъ.
Нѣсколько листковъ п. с.-р. февр., мартъ, май и іюнь 1906 г.
Солдаты и матросы Сѣв. Ком. Тов. Союза п. с.-р.
Братья крестьяне! 4 ав. 1906 г. Цен. Кр. Ком. п. с.-р.
2 листка Симф. Ком. Тов. Союза п. с.-р.
Отчетъ Симфер. гр. Кр. Кр. 1 іюня 1906 г.
Граждане! Народъ истекаетъ кровью. Коалиц. Ком. организ. Р. С.-Д. Р. П. с.-р., Евр. с.-д. р. п. „Пойалей Ціонъ“.
Не давайте солдатъ! Обл. Ком. ц. Об. п. с.-р. авг. 1906 г.
Отъ организаціоннаго бюро по созыву съѣзда партіи с.-р. окт. 1906 г.
Братья—крестьяне Бѣлев. гр. п. с.-р. нояб. 1906 г.
Товарищи! Въ Юзовскомъ районѣ... п. с.-р.
Нѣсколько листковъ по поводу студенч. выборовъ Моск. Студ. фрак. нар. соц. партіи.
Рядъ предвыборныхъ листковъ с.-д. (6 назв.).
Професс. союзы и выборы въ Гос. Думу. Ц. Б. проф. союз.
Передъ выборами во вторую Думу Пар. нар. своб.
Нѣсколько листковъ изд. Союза русскаго народа.
Граждане! Москов. Гр. нар. соц. парт.
Избирательная платформа Евр. Раб. Союза въ Лит. Польшѣ Россіи (Бундъ).
Избирательная платформа Р. С.-Д. Р. П.
Нѣсколько листковъ отъ учащихся въ Кіев. Реальн. Учил. 1905 г.
Смерть палача Сѣв. Обл. Ком. п. с.-р
Какъ правительство помогаетъ голодающимъ крестьянамъ П. К. п. с.-р.
Царская власть и народовластіе. П. К. п. с.-р.
О землѣ, крестьянское Общество. Рѣчь Д. Н. Шипова и др., всего 12 листковъ.
Правила организаціи народной партіи свободомыслящихъ и возваніе (2 листовъ)
Партія демократическихъ реформъ.
Программа листка партіи Народной Свободы (к—д. партіи) 4 листка.
Платформа союза равноправности женщинъ.
Русское Собраніе ко всѣмъ русскимъ людямъ.
Пока еще не поздно! Русскіе Объединяйтесь!

Черные милліоны № 1.
Русскому народу отъ Союза русскаго народа.
Люди русскіе! Союзъ русскаго народа. (4 листка)
Къ русскому народу. Люди московскіе.
Русскому солдату. Старый служивый.
Послѣднія событія вскрыли наконецъ то, что назрѣвало.
Отъ харьковскаго союза русскаго народа № 1.
Письмо 1-е къ русскимъ рабочимъ 20 іюня 1906 г. № 4.
Письмо 2-е къ русскимъ рабочимъ № 5
Правдивое слово крестьянамъ о „землѣ и волѣ". Быв. учит. А. Нифонтовъ.
Опомнитесь, русскіе люди!
Разоблаченіе воровъ.
Первая побѣда.
Люди русскіе! Остерегайтесь новаго подвоха „Союза 17 октября". Отъ русской монархической партіи.
Благое ли мы дѣлаемъ дѣло? Рѣчь Н. А. Грингмута въ Павл. Посадѣ 10 мар. 1906 г.
Программа конституціонно—монархическаго правового союза.
Обращеніе отъ „юхновской умѣренной, прогрессивной партіи"
Партія правового порядка (2 листов.)
Отъ торгово-промышленной партіи.
Къ избирателямъ въ Государственную Думу. Торг. Пром. Парт.
Къ рабочимъ Торг. Пром. партіи.
Объяснительная записка о программѣ торг. пром. партіи.
Къ служащимъ на госуд. службѣ и въ торгов. промышл. предпр. (2 листка) Отъ торг. пром. п.
Союзъ 17 октября; Уставъ, докладъ о тактикѣ, листки о Государственной Думѣ.

Въ пользу политическихъ ссыльныхъ и заключенныхъ получено:

Е. Т.—10 р; отъ служащихъ Курской Губернской Зем. Упр.—19 р. 95 к.; отъ одного предпріятія 25 р.; черезъ В. С. для ссыльныхъ Туруханск. и Нарым. кр.—21 р. Отъ Дерт. кр. кр. для полит. ссыльныхъ—50 р. и 75 руб. Отъ Соломатина—25. Отъ Д. Сатурина—50 р., отъ Лазаревскаго, 30 р, изъ Гродно черезъ Р. Н. К. для ссыльн. Турух. кр.—110 р. Отъ группы служащихъ Ряз. Уральск. ж. д. 50 р. Въ память В. Ф. Кожевниковой отъ товарищей с—д—15 р. Отъ Шафермана изъ Балты 50 р. Отъ свободнаго художника В. А. Г. для ссыльныхъ—15 р. Отъ профессора изъ Варшавы—5 р., отъ лѣсного жителя 5 р. Изъ с. Холмеца отъ И. С. Модестова и Ф. Д. Лаврова—18 р. отъ Б.—для Смолен. тюрьмы—5 р. и для ссыльныхъ 10 р. отъ Т—2 р. А. Я.—25 р., при подпискѣ на „Былое"—20 р.

Деньги переданы по назначенію.

Отъ Казанскаго Отдѣленія Московскаго Комитета общественной помощи голодающимъ и Петербургскаго Комитета по оказанію помощи голодающимъ, состоящаго при Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ.

Никогда еще положеніе не было столь тяжело, какъ въ настоящій моментъ. Прошлый, только что пережитый неурожайный годъ какъ бы докончилъ разореніе крестьянъ. Разгороженные дворы, раскрытыя крыши, полное почти отсутствіе скота—все это ясно указываетъ, что нужда дошла до крайняго предѣла. Все, что можно было продать—продано, и притомъ продано ниже, чѣмъ за полцѣны; лошади шли за 10—12 рублей, коровы за 3—5 руб. Разстаться съ лошадью—этой поилицей—кормилицей семьи, всегда вынуждаетъ лишь лютая нужда; въ былые годы родилось хоть что-нибудь,—нынѣшній годъ ничего не уродилось: ни озимыхъ, ни яровыхъ хлѣбовъ, ни картофеля, ни травъ. Нечего и думать продержать корову или лошадь въ долгую зиму, когда и самимъ нечего ѣсть. Во многихъ уѣздахъ крестьяне уже съ сентября начали подмѣшивать въ муку размолотые жолуди и печь изъ нея хлѣбъ, но надо видѣть этотъ «голодный» хлѣбъ—онъ мало чѣмъ отличается отъ земли. Что же будетъ дальше? Предстоитъ пережить тяжелый годъ. Голодъ со всѣми его спутниками: тифомъ, цынгой, туберкулезомъ—неизбѣженъ.

Необходимы дружныя усилія общества, чтобы хоть нѣсколько уменьшить муки голода и ослабить его послѣдствія.

Хочется вѣрить, что общество отзовется на этотъ призывъ, пойметъ всю серьезность положенія и не дастъ погибнуть отъ голода своимъ братьямъ. Страшно подумать, что въ то время, какъ мы пользуемся всѣми удобствами городской жизни, недалеко отъ насъ люди гибнутъ отъ того, что не имѣютъ куска чернаго хлѣба. Вспомните о голодныхъ дѣтяхъ!

Казанское отдѣленіе, работавшее въ прошломъ 1905—1906 году, въ настоящее время ежедневно кормитъ въ 7 уѣздахъ (Спасскій, Чистопольскій, Свіяжскій, Тетюшскій, Лаишевскій, Казанскій, Чебоксарскій) болѣе десяти тысячъ крестьянъ, въ столовыхъ и пекарняхъ, организованныхъ отдѣленіемъ.

Необходимо расширить дѣятельность, а средствъ на это нѣтъ; вся надежда на поддержку со стороны широкихъ слоевъ общества.

Призывая къ помощи, Казанское отдѣленіе считаетъ нужнымъ указать на слѣдующія руководящія начала своей дѣятельности: 1) члены работаютъ непосредственно въ деревняхъ, привлекая къ участію въ продовольственной дѣятельности самихъ крестьянъ; 2) для помощи открываются столовыя, кухни и пекарни, такъ какъ при этихъ видахъ помощи всего менѣе можно ожидать злоупотребленій: за пищей идетъ только дѣйствительно нуждающійся; 3) всѣ поступающія пожертвованія тратятся только на помощь голодающимъ, такъ какъ весь остальной трудъ добровольческій; 4) на 1 руб.—1 руб. 20 коп. можно избавить человѣка отъ мукъ голода на цѣлый мѣсяцъ.

Пожертвованія просятъ направлять въ г. Казань Н. П. Купріяновой—Верхне-Федоровская ул. д. Пѣтуховой, проф. А. В. Васильеву (университетъ), Д. Е. Янишевскому—1-ая гора, свой домъ, и въ редакціи газетъ «Казанскій Вечеръ» и «Волжскій Листокъ».

Отъ Комитета Литературнаго Фонда.

Переживаемыя страной за послѣднее время тяжелыя событія отразились очень сильно и на дѣятельности Литературнаго Фонда: сперва война, а потомъ глубокія потрясенія нашей внутренней жизни неблагопріятно повліяли на притокъ пожертвованій и другія случайныя поступленія въ Фондъ; вмѣстѣ съ тѣмъ увеличились затрудненія по устройству предпріятій Фонда — лекцій, литературныхъ вечеровъ, спектаклей и т. д., дававшихъ всегда довольно значительный доходъ.

Тѣ же обстоятельства, которыя вызвали весьма значительное уменьшеніе поступленій въ Фондъ, настойчиво требовали увеличенія выдачъ изъ него. Война заставила журналы и почти всѣ газеты сократить многіе отдѣлы литературнаго и научнаго характера и тѣмъ повлекла пониженіе и даже прекращеніе заработка очень многихъ литераторовъ; война тоже сильно уменьшила сбытъ произведеній печати. Далѣе, множество литературныхъ дѣятелей приняло участіе въ движеніи, такъ глубоко охватившемъ всю Россію, и тяжкія репрессіи, которымъ подверглись эти лица, еще болѣе расширили кругъ писателей, нуждавшихся въ помощи Фонда. Такое стеченіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ повлекло за собою уже въ 1905 году крупное превышеніе расходовъ надъ доходами, и Литературный Фондъ имѣлъ на 1 Января сего года *по расходному капиталу — изъ котораго, по Уставу, только и могутъ быть производимы большая часть выдачъ Фонда* — дефицитъ въ 7.800 руб. Въ текущемъ году не только не оказалось возможнымъ покрыть этотъ дефицитъ, но, напротивъ, даже самое умѣренное удовлетвореніе потребностей, обращавшихся въ Фондъ за пособіемъ просителей, вновь повлекло за собой превышеніе расходовъ надъ поступленіями. Если бы Фондъ прекратилъ совершенно выдачу одновременныхъ пособій, производя, однако, полностью уплату назначенныхъ пенсій и продолжительныхъ пособій, то дефицитъ составитъ уже теперь около 2.000 руб.

Такое положеніе дѣла побудило Комитетъ Фонда принять экстренныя мѣры къ уменьшенію наростанія дефицита и съ этой цѣлью прежде всего сократить, до улучшенія финансоваго положенія Фонда, выдачи, ограничивъ ихъ только безусловно крайними случаями острой нужды; считая долгомъ поставить общество въ извѣстность относительно всего вышеизложеннаго, Комитетъ вмѣстѣ съ тѣмъ обращается къ лицамъ, сочувствующимъ задачамъ Литературнаго Фонда, съ усердной просьбой приходитъ ему на помощь посильными пожертвованіями, устройство предпріятій, могущихъ увеличивать расходный капиталъ (каковы спектакли, литературные вечера, публичныя лекціи), привлеченіемъ новыхъ членовъ Общества и т. п. мѣрами. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что членами Литературнаго Фонда могутъ быть не только литераторы и ученые, но и лица всѣхъ сословій, сочувствующія литературѣ и просвѣщенію; заявленія о желаніи вступить въ члены дѣлаются или Комитету (Фонтанка, 25), или одному изъ членовъ Фонда, который передаетъ это заявленіе Комитету; избраніе производится посредствомъ баллотировки въ одномъ изъ Общихъ Собраній, причемъ лица женскаго пола принимаются безъ такой баллотировки, по одобренію Комитета. Размѣръ членскаго взноса— начиная отъ 10 р. въ годъ.

Предсѣдатель Комитета: *П. Вейнбергъ*. **Члены**: *Ф. Батюшковъ* (Товарищъ Предсѣдателя), *С. Венгеровъ* (Казначей), *Н. Котляревскій, В. Кузьминъ-Караваевъ, Н. Меншуткинъ, П. Милюковъ, Д. Овсянико-Куликовскій* (Секретарь). *Л. Пантелѣевъ, С. Савичъ, П. Якубовичъ.*